

ISSN 2074-0239

2021
1 (63)

ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

*PHILOLOGY
AND CULTURE*

**Казанский
федеральный
УНИВЕРСИТЕТ**

Филология и культура. Philology and Culture

*Журнал основан в 2003 году. Выходит 4 раза в год.
Учредитель – ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»*

*Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-47510 от 23.11.2011 г.*

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ
Материалы журнала размещаются на сайте Научной электронной библиотеки, включаются в
национальную информационно-аналитическую систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)*

Редакционный совет журнала:

Дайбер Томас – профессор Гиссенского университета (Германия).

Дзиффер Джорджо – профессор Университета в Удине (Италия).

Карлсон Чарльз Фредерик – профессор Вашингтонского университета (США).

Киклевич Александр – профессор Варминско-Мазурского университета в г. Ольштын (Польша).

Куипер Конрад – член консультативного совета Европейского фразеологического общества «Еврофраз».

Кусе Хольгер – профессор, зав. кафедрой славистики технического университета г. Дрездена (Германия).

Леблан Сесиль – профессор университета «Париж-3, Новая Сорбонна» (Франция).

Лефельдт Вернер – профессор Гёттингенского университета (Германия).

Юлай Шамильоглу – профессор Висконсинского университета (США).

Онер Мустафа – профессор, директор Института социально-гуманитарных знаний Эгейского университета (Турция).

Сривастава Анамика – доцент, научный сотрудник Глобального Университета Джиндал (Индия).

Хотинец Вера Юрьевна – профессор, зав. кафедрой общей психологии Удмуртского государственного университета

Шайтанов Игорь Олегович – профессор, зав. кафедрой истории литературы Российского государственного гуманитарного института

Главный редактор – **Замалетдинов Радиф Рифкатович**, д-р филол. наук, проф., директор Института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Заместитель главного редактора – **Ярмакеев Искандер Энгелевич**, д-р пед. наук, проф., зам. директора по научной деятельности Института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», профессор кафедры образовательных технологий и информационных систем в филологии.

Состав редколлегии:

Агеева Юлия Викторовна, д-р пед. наук, доц., ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Арсентьева Елена Фридриховна, д-р филол. наук, проф. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Аюпова Роза Алляметдиновна, д-р филол. наук, доц. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Бакиров Марсель Хаernasович, д-р филол. наук, проф., вед. науч. сотр. Республиканского центра развития традиционной культуры Республики Татарстан.

Богоявленская Юлия Валерьевна, д-р филол. наук, доц., профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».

Бочина Татьяна Геннадьевна, д-р филол. наук, проф., директор Высшей школы русского языка и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Бреева Татьяна Николаевна, д-р филол. наук, проф. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Галимуллина Альфия Фоатовна, д-р филол. наук, доц. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Галиуллин Камиль Рахимович, д-р филол. наук, доц. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Галиуллина Гульшат Раисовна, д-р филол. наук, проф. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Ерофеева Ирина Валерьевна, д-р филол. наук, проф. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Есин Радий Германович, д-р мед. наук, проф. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Закамулина Миляуша Нурулловна, д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой иностранных языков, ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет».

Закирзянов Альфат Магсумзянович, д-р филол. наук, проф., и.о. зав. отделом литературоведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан.

Закирова Ильсеяр Гамиловна, д-р филол. наук, доц., глав. науч. сотр. отдела народного творчества Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан.

Зинин Сергей Александрович, д-р пед. наук, проф., профессор кафедры методики преподавания литературы ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет».

Карасик Ольга Борисовна, д-р филол. наук, доц. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Косова Вера Алексеевна, д-р филол. наук, доц. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Крылов Вячеслав Николаевич, д-р филол. наук, проф. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Кулькова Мария Александровна, д-р филол. наук, доц. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Мардиева Ляйля Агъдасовна, д-р филол. наук, доц. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Мухаметзянова Лилия Хатиповна, д-р филол. наук, доц. доц., глав. науч. сотр. отдела народного творчества Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан.

Мухаметшина Резеда Фаилевна, д-р филол. наук, директор Высшей школы русской и зарубежной филологии Института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Нефедова Лилия Амирянновна, д-р филол. наук, доц., профессор кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет».

Пашкуров Алексей Николаевич, д-р филол. наук, проф. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Поляков Олег Юрьевич, д-р филол. наук, проф. ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет» профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения.

Садыкова Анда Гумеровна, д-р филол. наук, проф. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Сайфулина Флера Сагитовна, д-р филол. наук, проф. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Салехова Ляйля Леонардовна, д-р пед. наук, проф. зав. кафедрой образовательных технологий и информационных систем в филологии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Солнышкина Марина Ивановна, д-р филол. наук, проф. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Соловьев Валерий Дмитриевич, д-р физ.-мат. наук, проф. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Файзуллина Гузель Чахваровна, д-р филол. наук, доц. ФГАОУВО «Тюменский государственный университет», декан социально-педагогического факультета Тобольского педагогического института им. Д. И. Менделеева (филиал).

Фаттахова Наиля Нурийхановна, д-р филол. наук, проф. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Хабибуллина Лилия Фуатовна, д-р филол. наук, проф. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Харисов Фираз Фахразович, д-р пед. наук, проф., ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Юсупова Альфия Шавкетовна, д-р филол. наук, проф., директор Высшей школы татаристики и тюркологии им.Г.Тукая ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Явгильдина Зилия Мухтаровна, д-р пед. наук, проф. ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры».

Сотрудники:

Ответственный редактор:

Хабутдинова М. М., кандидат филологических наук.

Выпускающий редактор:

Умарова Л. Д., кандидат филологических наук.

Ведущие редакторы:

Свирина Л. О., кандидат филологических наук.

Хасанова Л. И.

Компьютерная верстка – Герасимова Н. В.

Адрес редакции: 420021, г.Казань, ул.Татарстан, д.2

Контактный телефон: (843) 292-92-06

Сайт журнала: <http://philology-and-culture.kpfu.ru>

E-mail: journal@ifi.kpfu.ru

Подписной индекс в каталоге Агентства «Роспечать»: 66015

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Лингвистика

- Беневоленская Н., Сяохун У.** Тема борьбы с коронавирусом в текстах российских СМИ (анализ речевого воздействия). 7
- Ван Сыци** Орнитонимы в поэзии А. А. Фета. 16
- Гордеева Л.** Интерференция и ассимиляция как два лингвистических процесса в языке А. С. Пушкина (на материале русского и французского языков). 22
- Ермошин А.** Библийские цитаты в трех славяно-русских переводах ареопагитик XVIII века (на материале трактата «О небесной иерархии»). 27
- Зельдин А.** Часто цитируемая работа Р. Якобсона или почему мама и ... мама?. 34
- Калинина Г.** Особенности клишированной лексики в классическом арабском языке и его диалектах (в интенциях «Приветствие», «Благодарность», «Совет», «Приглашение», «Поздравление», «Извинение», «Прощание»). 46
- Комовская Е.** Двусоставные коммуникативные метамодели. Их отличие от минимальных и расширенных схем русского синтаксиса. 54
- Манерко Л., Мэнмэн Ван** Пространственный контраст в китайской мифологической картине мира (на примере взаимного превращения птицы и рыбы). 61
- Матвеева А.** Структурно-семантические особенности языковой игры в прецедентных высказываниях в британском массмедийном дискурсе. 69
- Мубаракишина А.** Суггестивный потенциал гороскопического текста. 77
- Науменко Ю., Стеблецова А.** Вербализация научной категории *актуальность* в англоязычном и русскоязычном академических дискурсах. 84
- Николаева Н.** Метаморфозы пословного перевода в XVIII веке и их влияние на славяно-книжный языковой стандарт. 94
- Нуриева Ф., Галиуллина И.** Функционально-семантические особенности лексемы *улу* (на материале произведения Махмуда Булгари «Нахдж Ал-Фарадис» (XIV в.). 100
- Нурутдинова Н.** Функционирование региональных языков в СМИ (на примере Республики Татарстан). 107
- Султанова А.** Структурно-грамматические особенности русских многозначных фразеологизмов с компонентом-именем собственным (анализ предметных ФЕ). 114
- Сыжэньдаолима** Китайские заимствования названий государственного устройства в письменных источниках шэнхэнских бурят. 120
- Сюй Лили** Сочинительные ряды как средство языковой репрезентации концепта «Упорство». 125
- Фаттахова Н., Азлулина А.** Ключевое слово как способ идентификации знаков зодиака. 132
- Фахрутдинова М.** Функционирование неологизмов IT-сферы в русском языке новейшего периода (на материале текстов электронных СМИ). 138
- Шигуров В.** Словоформа *правда* в зоне гибридных структур: измерение степеней модалитации. 142

Литературоведение

- Афинская З.** Пространство как образ: Россия в творчестве Игоря Чиннова. 148
- Барковская Н.** Поэтика «Либретто» в творчестве Марии Степановой. 155
- Гаганова А.** Нарратив героического сказа и образ героя производственного романа 1920-х годов (на материале романа Л. Леонова «Соть»). 162
- Гайнуллина Г., Гилязов Т.** Образ Амирхана Еники в публицистике Фюата Галимуллина. 168
- Елепова М., Кабанова Н.** Художественная модель мира в сказке Ирины и Леонида Тютчевых «Зоки и Бада». 174

Калинина Н.В., Сонькин В.А. Историческое и «неисторическое» в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр».	180
Куряев И. Иллюстрация как способ создания кинематографического эффекта в цикле «Смерть на брудершafft» Бориса Акунина.	185
Мелихов А. Интертекстуальные взаимодействия в рассказе Н. Геймана «Дело о смерти и меде».	190
Осьмухина О., Марьюшкина А. Интертекстуальное поле романа В. Пелевина «Т».	195
Сайфулина Ф., Юсупова Н. Вклад Ф. Г. Галимуллина в исследование истории татарской литературы (к 80-летию ученого).	202
Снигирев А. Братья Стругацкие: приемы моделирования автомифа.	208
Сычева Е. Образ преступника в рассказе Ф. Шиллера «Преступник из-за потерянной чести» и в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».	214
Шуников В. Метаморфозы жанровых стратегий в романе Е. Г. Водолазкина «Авиатор».	219
Юрина Н. Творческие стратегии в литературной критике В. С. Соловьева (на материале работ «Поэзия Ф. И. Тютчева» и «Русские символисты»).	225

ПЕДАГОГИКА

Каюмова Г., Мотигуллина А. Вклад Фоата Галимуллина в развитие методики преподавания татарской литературы в школе.	231
Шкурко О., Мельник Ю. Лингводидактический потенциал российских мультфильмов на занятиях по русскому языку как иностранному.	237

CONTENTS

PHILOLOGICAL STUDIES

Linguistics

<i>Benevolenskaya, N., Wu Xiaohong</i> The topic of combating coronavirus in Russian media text (analyzing speech influence).	7
<i>Wang Siqi</i> Ornonyms in A. Fet's poetry.	16
<i>Gordeeva, L.</i> Interference and assimilation as two linguistic processes in the language of A. Pushkin (based on the Russian and French languages).	22
<i>Yermoshin, A.</i> Bible quotations in three Slavonic-Russian translations of the 18 th century Areopagitica (based on the treatise "On the Celestial Hierarchy").	27
<i>Zeldin, A. R.</i> Jakobson revisited or why mama and...mama?	34
<i>Kalinina, G.</i> Features of clichéd vocabulary in classical Arabic and its dialects (in the intentions "Greetings", "Gratitude", "Advice", "Invitations", "Congratulatory", "Apologies", and "Farewells").	46
<i>Komovskaya, E.</i> Two-component communicative metamodels and their difference from minimal and extended schemes of Russian syntax.	54
<i>Manerko, L., Mengmeng Wang</i> Spatial contrast in Chinese mythological worldview (based on mutual transformations of birds and fish).	61
<i>Matveyeva, A.</i> Structural and semantic peculiarities of the verbal game in British mass-media discourse precedent statements.	69
<i>Mubarakshina, A.</i> Suggestive potential of the horoscope text.	77
<i>Naumenko, Yu., Stebletsova, A.</i> Verbal representations of "relevance" as a scientific category in English and Russian academic discourse.	84
<i>Nikolaeva, N.</i> Metamorphoses of word-by-word translation in the 18 th century and their influence on the Slavic standard language.	94
<i>Nurieva, F., Galiulina, I.</i> Functional and semantic features of the lexeme <i>ulug</i> (based on the work of Mahmud Bulgari "Nahj al-Faradis" (14 th century).	100
<i>Nurutdinova, N.</i> Functioning of regional languages in the media (the case of the Republic of Tatarstan).	107
<i>Sultanova, A.</i> Structural and grammatical features of Russian polysemantic phraseological units with a proper name component (the analysis of object phraseological units).	114
<i>Syzhendaolima</i> Chinese borrowings of the government administration names in written sources of the Shenekhen Buryats.	120
<i>Xu Lili</i> Coordinative chains as a means of linguistic representation of the concept "persistence".	125
<i>Fattakhova, N., Aglyllina, A.</i> The keyword as a method for identifying zodiac signs.	132
<i>Fahrutdinova, M.</i> Functions of IT neologisms in the Russian language of the latest period (based on electronic media texts).	138
<i>Shigurov, V.</i> The word form "truth" in the zone of hybrid structures: Measuring the degrees of modalation.	142

Literary Studies

<i>Afinskaya, Z.</i> Space as image: Russia in Igor Chinnov's works.	148
<i>Barkovskaya, N.</i> The "libretto" poetics in Maria Stepanova's works.	155
<i>Gaganova, A.</i> Mythopoetic narrative: The image of the protagonist in the production novel of the 1920s (based on L. Leonov's novel "The Sot").	162
<i>Gainullina, G., Gilazov, T.</i> The image of Amirkhan Yeniki in Foat Galimullin's publicism.	168
<i>Elepova, M., Kabanova, N.</i> Artistic model of the world in the tale "Zoki and Bada" by Irina and Leonid Tyukhtyaevs.	174
<i>Kalinina, N., Sonkin, V.</i> The historical and the "non-historical" in the novel "Laurus" by E. Vodolazkin.	180
<i>Kuryaev, I.</i> Illustration as a way of creating a cinematic effect in B. Akunin's cycle of novels "Brüderschaft with Death".	185
<i>Melikhov, A.</i> Intertextual relations in N. Gaiman's short story "The Case of Death and Honey".	190
<i>Osmukhina, O., Maryushkina, A.</i> Intertextual field of V. Pelevin's novel "T".	195
<i>Sayfulina, F., Yusupova, N.</i> Prof. Galimullin's contribution to the history of Tatar literature studies (on the 80th anniversary of the scientist).	202

<i>Snigirev, A.</i> The Strugatsky brothers: Methods of modeling an automyth.	208
<i>Sycheva, E.</i> The image of the criminal in F. Schiller’s short story “The Criminal from Lost Honor” and in F. Dostoevsky’s novel “Crime and Punishment”.....	214
<i>Shunikov, V.</i> Metamorphoses of genre strategies in E. Vodolazkin’s novel “The Aviator”.	219
<i>Yurina, N.</i> Creative strategies in V. Solovyov literary studies (based on his works “F. Tyutchev’s Poetry” and “Russian Symbolists”).	225

PEDAGOGY

<i>Kayumova, G., Motigullina, A.</i> Foat Galimullin’s contribution to the development of the Tatar literature teaching methods at school.	231
<i>Shkurko, O., Melnik, Yu.</i> Linguodidactical potential of Russian cartoons in the classes of Russian as a foreign language.	237

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЛИНГВИСТИКА

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-7-15

УДК 81-42

ТЕМА БОРЬБЫ С КОРОНАВИРУСОМ В ТЕКСТАХ РОССИЙСКИХ СМИ (АНАЛИЗ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ)

© Нонна Беневоленская, У Сяохун

THE TOPIC OF COMBATING CORONAVIRUS IN RUSSIAN MEDIA TEXTS (ANALYZING SPEECH INFLUENCE)

Nonna Benevolenskaya, Wu Xiaohong

This article examines the problem of speech influence on the addressee of the Russian media texts, covering measures to combat coronavirus. We used the material of two oppositely oriented publications (RIA Novosti and Echo of Moscow) to identify cooperative and non-cooperative communication strategies and tactics, based on the classification of O. Issers and the principle of cooperation of H. Grice.

By analyzing the material, we have found that when covering events, RIA Novosti most often refers to cooperative strategies (the strategy of consolation, persuasion, approval and justification), while in Echo of Moscow's texts, non-cooperative speech actions predominate (mainly the strategy of discrediting).

The study of readers' comments allowed us to identify effective speech strategies and draw a conclusion about how successful the perlocution of the corporate addressee was, meaning both the author and the publication. The article notes that successful perlocution is associated not only with the relevance of speech strategies, but also with the principle of cooperation. A perfect perlocutionary act is possible in compliance with H. Grice's principle of cooperation and his postulates. We have found that the principle of cooperation is violated when non-cooperative strategies are used; however, the expected perlocutionary effect is achieved.

Keywords: perlocutionary act, speech influence, text, media, addresser, addressee.

В статье исследуется проблема речевого воздействия на адресата в текстах российских СМИ, освещающих меры по борьбе с коронавирусом. На материале двух противоположных по направленности изданий (РИА Новости и «Эхо Москвы») были выделены кооперативные и некооперативные стратегии и тактики коммуникации с опорой на классификацию О. С. Иссерс и принцип кооперации Г. П. Грайса.

Анализ материала показал, что при освещении событий РИА Новости чаще всего обращаются к кооперативным стратегиям (стратегия утешения, убеждения, одобрения и оправдания), а в текстах «Эхо Москвы» преобладают некооперативные речевые действия (в основном стратегия дискредитации).

Изучение комментариев читателей позволило выявить эффективные речевые стратегии и сделать вывод о том, насколько была успешна перлокуция корпоративного адресанта, под которым понимаются автор и издание как единое целое. В работе отмечено, что успешная перлокуция связана не только с уместностью речевых стратегий, но и с принципом кооперации. Идеальный перлокутивный акт возможен при соблюдении принципа кооперации Г. П. Грайса и его постулатов. Выяснилось, что принцип кооперации нарушается при использовании некооперативных стратегий, но тем самым достигается ожидаемый перлокутивный эффект.

Ключевые слова: перлокутивный акт, речевое воздействие, текст СМИ, адресант, адресат.

С конца 2019 года и по настоящее время на нашу жизнь оказывает влияние необычный фактор – пандемия коронавируса. Тексты СМИ стали основным источником информации для людей, стремящихся получить сведения о новом

вирусе, мерах борьбы с ним, научных исследованиях, разработке вакцин против него и т. д.

Восприятие и интерпретация медиатекстов рассматривается нами как процесс коммуникации между отправителем информации (адресан-

том) и широкой аудиторией (адресатом), при этом адресант не только информирует, но и воздействует на сознание читателей. Известные отечественные и зарубежные исследователи Ю. В. Рождественский [Рождественский], Т. Г. Добросклонская [Добросклонская], Н. И. Формановская [Формановская], Alan Bell [Alan Bell] и др. указывают на коллегиальный, корпоративный характер производства медиатекстов, где речедателями являются «не отдельные лица, а организации» [Добросклонская, 41]. Особенно это касается текстов новостей, поэтому в нашей статье рассматривается корпоративный адресант как единая группа, распространяющая новости и имеющая конкретные цели. Для достижения своих целей адресанту необходимо не только умело применять речевые стратегии, но и точно рассчитать их эффективность.

Цель данной работы – рассмотреть языковые средства, с помощью которых достигается речевое воздействие медиатекста на адресата, а также показать эффективность и взаимосвязь речевых стратегий и следования принципу кооперации в различных по своим целевым установкам перлокутивных актах. Для достижения целей исследования нами были проанализированы медиатексты изданий различной направленности (официальной и оппозиционной), а также была изучена реакция адресата, выраженная в комментариях к новостям, что позволило сделать вывод, насколько успешным было речевое воздействие и какова эффективность используемых речевых стратегий. Исследование проводилось в два этапа: на первом этапе были проанализированы отобранные нами медиатексты и выделены речевые стратегии, на втором – рассмотрены комментарии читателей к новостям и обобщены результаты анализа.

Если рассматривать медиатекст как речевой акт, то, согласно теории речевых актов Дж. Остина, выделяется три уровня: «Речевой акт в отношении к используемым в его ходе языковым средствам выступает как локутивный акт; в отношении к манифестируемой цели и ряду условий его осуществления – как иллокутивный акт; в отношении к своим результатам – как перлокутивный акт» [Остин, с. 3]. Соответственно, в исследовании текстов СМИ локутивный акт – это процесс производства адресантом новостей, иллокутивный акт – это этап языкового выражения, с помощью которого адресант намерен достигнуть прагматическую цель. В последующем адресат получает опубликованную информацию и реагирует на нее каким-либо образом. Это значит, что содержание новости влияет на сознание читателей, поэтому совершается перлокутивный

акт. «По перлокутивным эффектам, обнаруживаемым в реакциях на речевые действия говорящего, оценивается успех либо неудача речевой стратегии (тактики)» [Иссерс, 65].

Достижение идеального перлокутивного эффекта зависит от умело использованных речевых стратегий. Как известно, речевая стратегия связана с целью, потребностью и мотивом адресанта. Как было отмечено выше, в нашей статье представлен корпоративный адресант, который включает в себя автора текста и издание. Издания в свою очередь бывают разной направленности (провластные и оппозиционные), что влияет на цели коммуникации. В связи с этим материалом исследования послужили разные по направленности СМИ – РИА Новости (А-адресант) и «Эхо Москвы» (В-адресант).

Для анализа были взяты новостные заметки о ситуации с коронавирусом, размещенные на официальных сайтах этих изданий. Данные медиатексты были сгруппированы в следующие тематические блоки: 1) на тему ограничений, 2) на тему прививок от COVID-19 и 3) на тему выделения средств на борьбу с коронавирусом. Все примеры имеют одного речедателя, включенного нами в адресанта, – Президента Российской Федерации, что является дополнительным объединяющим фактором. Его фигура в перлокуции занимает особое место, так как с речью выступает официальное лицо. Во всех примерах публикаций и комментариев сохранена орфография и пунктуация авторов.

В ходе анализа выявленные речевые стратегии были разделены на кооперативные и некооперативные. По мнению О. С. Иссерс, к кооперативным стратегиям относятся стратегии одобрения и апологетики, утешения, уговоров и т. д., к некооперативным – стратегии дискредитации, ссоры и др. [Иссерс].

Л. Г. Лисицкая относит также к кооперативным стратегиям разные типы информативных и интерпретативных диалогов, например, информационно-аналитические программы на TV, где предполагается конструктивный диалог [Лисицкая]. Однако особенно продуктивным для наших целей нам представляется принцип кооперации Г. Грайса и выдвинутые им постулаты (максимы) [Грайс]. Опираясь на исследования указанных ученых, мы попытались определить эффективность используемых в СМИ речевых стратегий.

Итак, в первый блок были включены материалы на тему ограничений, принятых в связи с распространением COVID-19. Анализ речевых стратегий проводился по каждому примеру.

А-АДРЕСАНТ:

Россия не собирается запускать общенациональный локдаун в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, власти четко понимают, как нужно действовать в данной ситуации, заявил глава государства Владимир Путин. «Мы четко понимаем, как нужно действовать. И поэтому не планируем вводить тотальные ограничительные меры, запускать так называемый общенациональный локдаун, когда экономика, работа бизнеса фактически полностью останавливается», – сказал Путин на пленарном заседании инвестиционного форума «ВТБ Капитала» «Россия зовет!» [Путин исключил введение...].

В-АДРЕСАНТ:

Локдаун – тотальные ограничительные меры, когда экономика практически полностью останавливается. Путин подчеркивает, что власти четко понимают, как нужно действовать. Точечные меры будут приниматься в случае объективной необходимости с учетом рекомендаций врачей и ситуации в конкретном регионе [Президент Путин заявил, что в России...].

По своей направленности РИА Новости является официальным, государственным изданием, поэтому интенцию А-адресанта и ожидаемый им перлокутивный эффект можно понять так: сообщить о решении президента и сформировать у читателей доверие к решению власти.

Как известно, во время первой вспышки коронавируса в России власти ввели жесткие меры по борьбе с коронавирусом. Но при новой волне инфекции, как сообщается, введение нового локдауна исключено. Возможно, у людей возникнет вопрос: почему не введут локдаун сейчас, когда ситуация хуже, чем была ранее?

Чтобы успокоить читателей, А-адресант применил стратегию утешения. «Цель стратегии утешения сводится к тому, чтобы успокоить адресата» [Якубова, 39]. Для этого А-адресант процитировал слова президента В. Путина: «Мы четко понимаем, как нужно действовать». Как в словах президента, так и в тексте используется слово *чётко*, которое отражает уверенность властей в борьбе с коронавирусом. И в тексте выбираются слова со значением причинно-следственных связей: *в связи с, поэтому*. Это значит, что данное решение серьёзно продумано властями. Стратегия утешения реализована с помощью тактики объяснения. Количество посещений сайта с данным текстом составило 27196 раз, среди посетителей 83 человека выразили согласие и 143 человека выразили несогласие с данным решением. Таким образом, мы можем сделать вывод, что перлокуция не успешна. По всей видимости, А-адресант нарушил максимум количества по принципу кооперации, только

лишь цитирование слов президента недостаточно для достижения нужного перлокутивного эффекта. По максимуму количества в данной новости отсутствует объяснение конкретных причин. Адресанту нужно было добавить конкретные доводы, чтобы у читателей сложилось положительное отношение к принятому решению.

Таким образом, А-адресант применил кооперативную речевую стратегию (стратегию утешения), но из-за несоблюдения одной из максимумов принципа кооперации ему не удалось достичь ожидаемой перлокуции. Аудитория не поняла, какие именно меры по борьбе с коронавирусом будут предприняты. Большинство читателей выразили в комментариях недоверие к решению президента, что противоречит интенции А-адресанта.

Так как В-адресант – это оппозиционные СМИ, то его позиция противоположна интенции А-адресанта. В-адресант пытается убедить адресата, что власти нечётко понимают, как нужно действовать в борьбе с коронавирусом, и принимают неразумные решения. Для этого была использована некооперативная стратегия – стратегия дискредитации, которая реализуется посредством тактики умаления авторитета, то есть направлена на «подрыв авторитета оппонента» [Демьянков, 45]. В-адресант провел умаляющие сравнения, во втором абзаце написано: «Путин подчеркивает, что власти четко понимают, как нужно действовать», но затем в третьем отмечено: «Точечные меры будут приниматься в случае объективной необходимости с учетом рекомендаций врачей и ситуации в конкретном регионе». Создается впечатление, что власти не придумали конкретные и точечные меры, поскольку им нужны «рекомендации врачей». Это умалило авторитет властей, привело читателей к сомнению, что нашло отражение в их комментариях: *В Берлине с понедельника вводится локдаун. В Берлине за последние 5 месяцев от COVID-19 умерли 56 человек. В РФ только в Москве за один день 28 октября умерли 66 человек. Путин заявил о стабилизации эпидемической ситуации. К вопросу о цене человеческой жизни у нас и в Германии; И поэтому не делают ничего. Они понимают, что делать надо было раньше, сейчас уже поздно; Интересно, откуда он это знает. Во всем мире ввод ограничений зависит от конкретной ситуации* и т. д. Количество посещений сайта с данной новостью – 5702 раза, что почти в 5 раз реже, чем у РИА Новости. В комментариях почти все читатели выразили несогласие с данным решением правительства.

По принципу кооперации адресант нарушил максимум количества, не объяснил конкретные

причины отказа от введения локдауна. Он не соблюдал максиму качества, не цитировал слова Путина, то есть В-адресант сообщает о данном решении без аргументов. Тем не менее читательская аудитория не одобрила решение президента и выразила свое недоверие к правительству. Таким образом, реакция читателей соответствует интенции адресанта, поэтому с помощью некооперативной стратегии дискредитации и тактики умаления авторитета В-адресант достиг своего ожидаемого перлокутивного эффекта.

Рассмотрим второй блок материалов издательства РИА Новости и «Эхо Москвы» на тему прививок от COVID-19.

А-АДРЕСАНТ:

Президент России Владимир Путин сообщит, когда сделает себе прививку от коронавируса, заявил пресс-секретарь главы государства Дмитрий Песков. «Когда президент сделает прививку, он сам об этом сообщит», – сказал Песков журналистам, отвечая на вопрос, привился ли Путин от коронавируса [Путин сообщит, когда...].

В-АДРЕСАНТ:

«Он сам сообщит об этом, как только это произойдет», – сказал журналистам пресс-секретарь главы государства Дмитрий Песков. Ранее сам Путин рассказывал, что прививку сделали некоторые его родственники, а также люди из ближайшего окружения [Президент Путин пока не привился....].

В вышеприведенных примерах А-адресант использовал стратегию убеждения, которая относится к кооперативным стратегиям, реализуется с помощью тактики обещания. А-адресант нацелен на достижение перлокутивного эффекта: население может поверить президенту и поддержать его. Тактика обещания реализуется с помощью следующих средств: в заголовке используется форма будущего времени глаголов совершенного вида – *сообщит, сделает*. Использование будущего времени глаголов совершенного вида позволяет обозначить полную уверенность в осуществлении процесса – президент не только сделает прививку, но и обязательно сообщит об этом в СМИ.

А-адресант передаёт слова пресс-секретаря Д. Пескова, который обещает: *«Когда президент сделает прививку, он сам об этом сообщит»*. Лексема *сам* подчеркивает, что президент будет искренен с народом и лично сообщит о своем поступке.

По принципу кооперации А-адресант соблюдал максимы количества, качества, релевантности и способа. Таким образом, речевое общение

между читательской аудиторией и адресантом было эффективным.

Объём посещаемости новости – 1320 человек, в комментариях 38 человек выразили положительное отношение к новости, только 5 человек дали негативную реакцию. В связи с этим перлокутивный эффект от текста А-адресанта можно считать достигнутым: большинство читателей поддержали президента, поверив в то, что президент сделает прививку вакциной.

В отличие от А-адресанта, В-адресант применял некооперативные стратегии, стратегию дискредитации, реализуемую при помощи тактики обвинения. В заголовке В-адресант использовал глагол совершенного вида с отрицанием – *не привился*. Этим адресант подчеркивает, что президент еще не сделал прививку. Кроме этого, В-адресант сопоставляет поведение В. Путина с поведением его близких и родственников, подчеркивая, что президент еще не привился, что привело читателей к сомнениям и обвинениям в его адрес: *А почему сами не привились, но рекламировать стали, г-н Президент?* и т. д. В комментариях читатели в иронически-грубой форме обращаются к президенту. Таким образом, В-адресант при помощи отрицательного предложения и сопоставления реализовал тактику обвинения, что вызвало у читателей недоверие к президенту и вакцине.

По Г. Грайсу, здесь нарушена максима релевантности. Поскольку прививка родственников и близких президента не связана причинно-следственными отношениями с сообщением Путина о своей вакцинации, то нерелевантная информация лишь дала повод к раздражённым комментариям.

Объём посещаемости данной страницы 2478 человек, что в 1,8 раза больше, чем у официального источника информации (РИА Новости). В комментариях почти все выразили негативное отношение к информации. Очевидно, что В-адресант успешно провел перлокутивный акт и получил ожидаемый эффект речевого воздействия – недовольство читателей и даже прогнозируемую тематику риторических вопросов.

Рассмотрим третий блок материалов издательств РИА Новости и «Эхо Москвы» на тему выделения средств на борьбу с коронавирусом.

А-АДРЕСАНТ:

Президент РФ Владимир Путин поручил незамедлительно выделить регионам 10 миллиардов рублей на меры по борьбе с коронавирусом. «И что касается помощи регионам. Знаю, что практически согласована цифра в 10 миллиардов рублей, нужно это сделать и сделать это прямо сейчас» – сказал Путин на совеща-

нии с членами правительства. «Я сейчас говорю о региональной помощи, деньги должны пойти на транспортное обслуживание нуждающихся в этой поддержке, на приобретение средств индивидуальной защиты, на улучшение материально-технической базы, на тестирование, но именно на борьбу с COVID-инфекцией, именно на эти цели, а не на какие другие», – подчеркнул президент [Путин поручил выделить регионам....].

В-АДРЕСАНТ:

Президент Путин поручил незамедлительно выделить регионам 10 миллиардов рублей на меры по борьбе с коронавирусом. Кроме того, Путин потребовал выделить средства на лекарства для больных коронавирусом инфекцией. По словам президента, решено обеспечить бесплатными лекарствами тех, кто лечится амбулаторно. В правительстве признались, что ситуация с коронавирусом в России осложняется. «Среднесуточный темп прироста заболеваемости составляет 1%», – сообщила вице-премьер Татьяна Голикова. По официальным данным, за сутки от коронавируса умерли 346 человек. Это максимальный показатель с начала пандемии [Президент Путин поручил незамедлительно выделить...].

А-адресант применил стратегию одобрения и оправдания, реализуемую при помощи тактики аргументов, чтобы показать заботу президента о народе и активное вовлечение его в борьбу с коронавирусом, что позволит народу быть уверенным в том, что государство гарантирует защиту жизни и здоровья людей.

Во втором абзаце в словах В. Путина используются слова *практически, нужно и прямо сейчас*, которые выражают поэтапность действий. В частности, *практически* значит «почти», «нужно» – необходимо что-то сделать. По значениям лексем понимаем, что президент определил сумму, сообщил о своем решении и поручил сразу исполнить его. Кроме этого, слова *незамедлительно, прямо сейчас* отражают высокую эффективность работы президента. Следует отметить, что Путин использовал слово *именно* 2 раза, чтобы подчеркнуть, куда пойдут выделенные им деньги.

В то же время А-адресант соблюдал принцип кооперации. По максиме количества А-адресант не сообщил меньше или больше информации. По максиме качества он цитировал слова президента, сообщил о событии с достаточными основаниями. По максиме способа он четко отразил, сколько средств на борьбу с коронавирусом решил выделить президент и куда пойдут эти деньги. По максиме релевантности он не отклонялся от темы.

Объём посещаемости сайта с данным текстом – 20928 раз. Реакция читателей такова: 181 чел. выразили согласие, и только 38 человек выразили

несогласие. Таким образом, перлокуция данной новости может считаться успешной. То есть, большинство читателей одобрили решение президента. Это не противоречит интенции адресанта.

В тексте В-адресанта нарушен принцип кооперации. Во-первых, автор нарушил максимум количества, сообщил меньше информации, в новости не точно сообщается о том, куда должны пойти деньги, хотя в речи президента были уточнения (ср. А-адресант: «Я сейчас говорю о региональной помощи, деньги должны пойти на транспортное обслуживание нуждающихся в этой поддержке, на приобретение средств индивидуальной защиты, на улучшение материально-технической базы, на тестирование, но именно на борьбу с COVID-инфекцией, именно на эти цели, а не на какие другие»). Без данной информации у читателей возникают сомнения. Во-вторых, В-адресант нарушил максимум качества, не процитировал слова Путина, поэтому он сообщил о данном событии без оснований, что и привело читателей к замешательству. В-третьих, он нарушил максимум способа: например, в тексте написано: «Кроме того, Путин потребовал выделить средства на лекарства для больных коронавирусом инфекцией», но не объясняется, откуда поступят эти средства на лекарства – из данных 10 миллиардов или нет. Наконец, отметим, что В-адресант нарушил максимум релевантности. Читаем: «Среднесуточный темп прироста заболеваемости составляет 1%», – сообщила вице-премьер Татьяна Голикова. По официальным данным, за сутки от коронавируса умерли 346 человек. Это максимальный показатель с начала пандемии». Это не связано с темой новости, и при сравнении темпа заболеваемости с количеством денег у читателей будет возникать вопрос: достаточно ли этих денег? Итак, в данном примере не соблюдается принцип кооперации. В-адресант подразумевает, что данное решение В. Путина не сможет действительно повлиять на разрешение настоящей ситуации с коронавирусом в России. Для достижения данной интенции В-адресант применил стратегию дискредитации, которая относится к некооперативным стратегиям. Она осуществляется через тактику умаления авторитета. В-адресант не цитировал слова президента, в которых отмечалось, куда пойдут деньги. Во втором абзаце В-адресант прибегает к цифрам: *10 миллиардов; среднесуточный темп прироста заболеваемости – 1%; за сутки от коронавируса умерли 346 человек*. Без новостей о конкретных мерах по борьбе с коронавирусом эти цифры вызывают обеспокоенность и негативную реакцию у читателей: «Интересно, кто первым прикарманит эти деньги?».

Объём посещаемости данной страницы 1589 человек, что в 13 раз меньше, чем у РИА Новости. В комментариях практически ни один читатель не выразил позитивного отношения к дан-

ному решению президента. Поэтому перлокутивный акт данной новости является успешным.

Результаты исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Оценка эффективности перлокутивного акта при различных речевых стратегиях

Тематический блок	Заголовок текста	Издание СМИ	Ожидаемый перлокутивный эффект	Эффект перлокутивного акта (факт)	Речевые стратегии	Принцип кооперации (по Грайсу)
А-АДРЕСАНТ						
Ограничения из-за COVID-19	Путин исключил введение общенационального локдауна в России	РИА Новости	Вызвать доверие читателей к власти	НЕ УСПЕШЕН	Кооперативная речевая стратегия утешения	Не соблюден
Прививка против COVID-19	Путин сообщит, когда сделает прививку от коронавируса	РИА Новости	Убедить читателей, что президент обязательно сделает прививку и сообщит об этом в СМИ	УСПЕШЕН	Кооперативная речевая стратегия убеждения	Соблюден
Выделение средств на борьбу с коронавирусом	Путин поручил выделить регионам 10 миллиардов рублей на борьбу с COVID-19	РИА Новости	Уверить читателей в том, что президент Путин заботится о народе, а государство гарантирует защиту жизни и здоровья людей.	УСПЕШЕН	Кооперативная речевая стратегия одобрения и оправдания	Соблюден
В-АДРЕСАНТ						
Ограничения из-за COVID-19	Президент Путин заявил, что в России не планируется вводить так называемый локдаун	«Эхо Москвы»	Вызвать недоверие читателей к власти. Власть нечётко понимает, как нужно бороться с коронавирусом	УСПЕШЕН	Некооперативная речевая стратегия дискредитации	Не соблюден
Прививка против COVID-19	Президент Путин пока не привился российской вакциной от коронавируса	«Эхо Москвы»	Привести читателей к сомнению, выплеску негативных оценок действий президента	УСПЕШЕН	Некооперативная речевая стратегия дискредитации	Не соблюден
Выделение средств на борьбу с коронавирусом	Президент Путин поручил незамедлительно выделить регионам 10 миллиардов рублей на меры по борьбе с коронавирусом	«Эхо Москвы»	Убедить читателей в том, что решение Путина не сильно повлияет на разрешение настоящей ситуации с коронавирусом в России	УСПЕШЕН	Некооперативная речевая стратегия дискредитации	Не соблюден

Анализ материала показал, что в официальном государственном издании РИА Новости часто использовались кооперативные стратегии, например, стратегия утешения, убеждения, одобрения и оправдания. Однако в оппозиционном издании «Эхо Москвы» обычно применялись некооперативные стратегии, и чаще всего это была стратегия дискредитации.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что информация о коронавирусе подаётся по тем же принципам, что и информация на любую другую актуальную для читателя тему. Речевое воздействие на читателя подчинено целям и задачам медиа изданий, выступающих в роли корпоративного адресанта, манипулирующего мнением коллективного адресата. Новости о коронавирусе, в которых упоминается В. Путин, не отличаются от других новостей по способу представления дискурса президента и отражают отношение к официальной власти в целом. Благодаря технике Грайса, можно обнаружить причинно-следственные связи между сообщаемым фактом и его объяснением, что призвано успокоить коллективного адресата, а также увидеть нарушения указанных связей, что вызывает усиление тревоги, связанной с пандемией.

У каждого из этих изданий есть своя читательская аудитория (гиперадресат), которая ждет от своего издания определенной стратегии – кооперативной стратегии медианарратива, построенного в соответствии с постулатами Грайса. В отличие от официальных изданий (А-адресант), издания оппозиционной направленности (В-адресант) используют некооперативные стратегии. Но парадокс заключается в том, что стратегии некооперативности В-адресанта «Эхо Москвы» отвечают принципу кооперативности по отношению к адресату, ожидающему от издания именно таких оценок деятельности президента. Именно благодаря таким некооперативным речевым стратегиям оппозиционные СМИ удовлетворяют запросы своей аудитории.

Таким образом, наше исследование показало, что принцип кооперации играет важную роль в процессе коммуникации и связан с выбором стратегий. Согласно теории Грайса, в целях эффективности коммуникации, когда применяются кооперативные стратегии, нужно соблюдать принцип кооперации, а при выборе некооперативных стратегий, соответственно, принцип кооперации нарушается. Однако в рассмотренном нами случае именно использование некооперативных стратегий удовлетворяет принципу кооперации, а перлокутивный эффект достигается современными СМИ отступлением от стандарт-

ных стратегий успешной коммуникации, что зависит от целевых установок и характера СМИ.

Список литературы

Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике, Вып.16. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.

Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие / Отв. ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003. С.116–133.

Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: ФЛИНТА, 2008. 263 с.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.

Лисицкая Л. Г. Стратегии общения в современных текстах масс-медиа // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-obshcheniya-v-sovremennyh-tekstah-mass-media> (дата обращения: 27.02.2021).

Остин Дж. Л. Как производить действия при помощи слов / Пер. с англ. яз. В. П. Руднева; Смысл и сенсibiliти / Джон Остин; Пер. с англ. яз. Л. Б. Макеевой. М. Дом интеллектуал. кн.: Идея-Пресс, 1999. 329 с.

Путин исключил введение общенационального локдауна в России // РИА Новости (сайт). URL: <https://ria.ru/20201029/koronavirus-1582083667.html> (дата обращения: 29.10.2020).

Путин поручил выделить регионам 10 миллиардов рублей на борьбу с COVID-19 // РИА Новости (сайт).URL: <https://ria.ru/20201028/pomosch-1581925653.html>(дата обращения: 28.10.2020)

Президент Путин пока не привился российской вакциной от коронавируса // «Эхо москвы» (сайт). URL: <https://echo.msk.ru/news/2730002-echo/comments.html#comments> (дата обращения: 23.10.2020)

Президент Путин поручил незамедлительно выделить регионам 10 миллиардов рублей на меры по борьбе с коронавирусом// «Эхо Москвы» (сайт). URL:<https://echo.msk.ru/news/2732640-echo.html>(дата обращения: 28.10.2020)

Президент Путин заявил, что в России не планируется вводить так называемый локдаун // «Эхо Москвы» (сайт). URL: <https://echo.msk.ru/news/2733218-echo.html> (дата обращения: 29.10.2020)

Путин сообщит, когда сделает прививку от коронавируса // РИА Новости (сайт). URL: <https://ria.ru/20201023/privivka-1581172470.html> (дата обращения: 23.10.2020)

Рождественский Ю. В. Теория риторики. М.: Добросвет, 1997. 597 с. URL:https://www.studmed.ru/rozhdestvenskiy-yuv-teoriya-ritoriki_b1490329e0f.html

Формановская Н. И. Эмоции, чувства, интенции, экспрессия в языковом и речевом выражении // Эмо-

ции в языке и речи: [Сб. науч. тр.]. М.: РГГУ, 2005. С. 106–116. URL: https://primo.nlr.ru/permalink/f/df0lai/07NLR_LMS000918094

Якубова Н. М. Тактика экспликации сомнения в кооперативных и некооперативных речевых стратегиях (на материале английского языка) // Вестник ТГПУ, Вып. 10(151). 2014. с. 40

Alan Bell. Language Style as Audience Design. Language in Society. Vol.13, No.2 (Jun.,1984). Cambridge University Press, pp. 145–204. <https://www.jstor.org/stable/i393672>

References

Alan Bell (1984). Language Style as Audience Design. Language in Society. Vol. 13, No. 2, pp. 145–204. Cambridge University Press. <https://www.jstor.org/stable/i393672>. (In English)

Dem'iankov, V. Z. (2003). *Interpretatsiia policheskogo diskursa v SMI/ Iazyk kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia* [Interpretation of Political Discourse in the Media / Media Language as an Object of Interdisciplinary Research]. Uchebnoe posobie. Otv. red. M. N. Volodina. Pp 116–133. Moscow, Lomonosov MSU. (In Russian)

Dobrosklonskaia, T. G. (2008). *Medialingvistika: sistemnyi podkhod k izucheniiu iazyka SMI* [Media Linguistics: A Systemic Approach to the Study of the Media Language]. 263 p. Moscow, Flinta. (In Russian)

Echo of Moscow, official website. *President Putin poka ne privilsia rossiiskoi vaksinoi ot koronavirusa* (2020) [President Putin has not yet been vaccinated with the Russian coronavirus vaccine]. URL: <https://echo.msk.ru/news/2730002-echo/comments.html#comments> (accessed: 23.10.2020). (In Russian)

Echo of Moscow, official website. *President Putin poruchil nezamedlitelno vydelit regionam 10 milliardov rubley na mery po borbe s koronavirusom* (2020) [President Putin instructed to immediately allocate 10 billion rubles to the regions to combat coronavirus]. URL: <https://echo.msk.ru/news/2732640-echo.html> (accessed: 28.10.2020). (In Russian)

Echo of Moscow, official website. *President Putin zaiavil, chto v Rossii ne planiruetsia vvodit tak nazyvaemiy lokdaun* (2020) [President Putin said that there are no plans to impose the so-called lockdown in Russia]. URL: <https://echo.msk.ru/news/2733218-echo.html> (accessed: 29.10.2020). (In Russian)

Formanovskaia, N. I. (2005). *Emotsii, chuvstva, intentsii, ekspressiia v iazykovom i rechevom vyrazhenii* [Emotions, Feelings, Intentions, Expressiveness in Lan-

guage and Speech Expression]. Pp. 106–116. Moscow, RSUH. https://primo.nlr.ru/permalink/f/df0lai/07NLR_LMS000918094. (In Russian)

Grice, H. P. (1985). *Logika i rechevoie obschenie*. [Logic and Speech Communication]. Novoie v zarubezhnoi lingvistike, No. 16, pp. 217 – 237. Moscow, Progress. (In Russian)

Iakubova, N. M. (2014). *Taktika eksplikatsii somneniia v kooperativnykh i nekooperativnykh rechevykh strategiiakh (na materiale angliyskogo iazyka)*. [Tactics of Explication of Doubt in Cooperative and Non-Cooperative Speech Strategies (based on the English language)]. Vestnik TGPU, No. 10 (151), p. 40. (In Russian)

Issers, O. S. (2008). *Kommunikativnyie strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech, Ed. 5]. 288 p. Moscow, LKI. (In Russian)

Lisitskaia, L. G. (2009). *Strategii obscheniia v sovremennykh tekstakh mass-media*. [Communication Strategies in the Texts of Modern Mass Media]. Vestnik AGU, seria 2: Philologia i Iskusstvovedeniie, No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-obscheniya-v-sovremennykh-tekstakh-mass-media> (accessed: 27.02.2021). (In Russian)

Ostin, J. L. (1999). *Kak proizvodit deystviia pri pomoschi slov* [How to Do Things with Words]. Per. s angl. iaz. V. P. Rudneva; *Smysl i sensibilia* [Sense and Sensibilia]. Per. s angl. iaz. L. B. Makeevoi. 329 p. Moscow, Idea-Press. (In Russian)

RIA Novosti, official website. *Putin iskluchil vvedeniie obschenatsionalnogo lokdauna v Rossii* (2020) [Putin has Ruled Out the Imposition of a Nationwide Lockdown in Russia]. URL: <https://ria.ru/20201029/koronavirus-1582083667.html> (accessed: 29.10.2020). (In Russian)

RIA Novosti, official website. *Putin poruchil vydelit regionam 10 milliardov rubley na borbu s COVID-19* (2020) [Putin Instructed to Allocate 10 Billion Rubles to the Regions for the Fight against COVID-19]. URL: <https://ria.ru/20201028/pomosch-1581925653.html> (accessed: 28.10.2020). (In Russian)

RIA Novosti, official website. *Putin soobschit, kogda sdelaet privivku ot koronavirusa* (2020) [Putin will Announce when He will be Vaccinated against Coronavirus]. URL: <https://ria.ru/20201023/privivka-1581172470.html> (accessed: 23.10.2020). (In Russian)

Rozhdestvenskii, Yu. V. (1997). *Teoriia ritoriki* [Theory of Rhetoric]. 597 p. Moscow, Dobrosvet. https://www.studmed.ru/rozhdestvenskiy-yuv-teoriya-ritoriki_b1490329e0f.html. (In Russian)

The article was submitted on 03.03.2021

Поступила в редакцию 03.03.2021

Беневоленская Нонна Петровна,
доктор филологических наук,
доцент,
Санкт-Петербургский государственный
университет,

Benevolenskaya Nonna Petrovna,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Saint-Petersburg State University,

199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 11.
fff2204@mail.ru

У Сяохун,
аспирант,
Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 11.
276443957@qq.com

11 University Emb.,
St.Petersburg, 199034, Russian Federation.
fff2204@mail.ru

Wu Xiaohong,
graduate student,
Saint-Petersburg State University,

11 University Emb.,
St.Petersburg, 199034, Russian Federation.
276443957@qq.com

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-16-21
УДК 81+821.161.1

ОРНИТОНИМЫ В ПОЭЗИИ А. А. ФЕТА

© Ван Сыци

ORNITONYMS IN A. FET'S POETRY

Wang Siqu

Ornithonyms are nominations of birds. Ornithonyms are of interest for Russian linguistics, but they have not been sufficiently studied. This is also true for ornithonyms in literary texts, including the works of Russian poets. The aim of the research is to study the role of ornithonyms in the poetry of A. Fet. We have used semiotic and linguistic statistical research methods. The content analysis includes the study of A. Fet's works in 1839–1892. We have used Dieter Lamping's classification to determine the functions of ornithonyms. As a result, we have established that a significant proportion of the poet's works contain ornithonyms and the list of birds' names is very extensive. Most often, A. Fet uses ornithonyms in a figurative sense, but a third of ornithonyms function in their literal sense, which helps the poet to create a special poetic "landscape". The analysis of the semantic characteristics of ornithonyms in A. Fet's poetry shows that the poet successfully creates allegories, comparisons, metaphors and metonymy on their basis. In accordance with the classification of the proper names' functions, we identify the following functions of ornithonyms in A. Fet's poetry: identification, illusion, characterization, accentuation, perspective, aesthetics and mythologization.

Keywords: onomasiology, onomastics, ornithonym, functions of ornithonyms, poetic discourse, A. Fet.

Орнитонимы как номинации птиц представляют интерес для отечественного языкознания, однако изучены недостаточно. Указанное справедливо и для орнитонимов в художественных текстах, в том числе в произведениях русских поэтов. Цель исследования — изучение роли орнитонимов в поэзии А. А. Фета. Используются такие методы исследования, как семиотический и лингвостатистический. Контент-анализ включал исследование произведений А. А. Фета за период 1839–1892 гг. Для определения функций орнитонимов в работе используется классификация собственных имён Дитера Лампинга. В результате установлено, что значительная доля произведений поэта содержит орнитонимы. При этом перечень названий птиц весьма обширен. Чаще всего орнитонимы употребляются А. А. Фетом в переносном значении, однако треть их функционирует в прямом смысле, что помогает поэту создавать особый поэтический «пейзаж». Анализ семантических характеристик наименований птиц в поэзии А. А. Фета показал, что на основе орнитонимов поэтом успешно создаются аллегории, сравнения, метафоры и метонимии. В соответствии с классификацией функций имен собственных определяются функции орнитонимов в поэзии А. А. Фета, в том числе идентификационная, иллюзионная, характеристическая, выделительная, перспективная, эстетическая, мифологизационная.

Ключевые слова: ономазиология, ономастика, орнитоним, функции орнитонимов, поэтический дискурс, А. А. Фет.

Орнитоним является одним из разрядов зоонимов, обозначающих птиц. В связи с правилами обозначения объектов биологической систематики орнитонимы представляют собой категорию имен собственных, обозначают какой-либо таксон (род, вид и так далее) и пишутся с заглавной буквы. Например, род Орлы включает в себя виды: Беркут, Могильник, Каменный орёл, Степной орёл, Серебристый орёл, Клинохвостый орёл и так далее [Иванов, Штегман, с. 121–123]. То есть в биологической науке орнитонимы выпол-

няют номинативную функцию и обозначают узкий круг объектов [Живоглядов, с. 102]. В результате апелляции орнитонимы употребляются в разговорной речи как имена нарицательные, то есть функционируют как несобственные имена и обозначают широкий круг объектов [Сызранова, с. 10]. Например, орлами называют всех крупных бурых птиц с характерным длинным, крючкообразным когтем заднего пальца, хотя орлом на таком основании несведущему человеку может показаться также ястреб и сокол.

Таким образом, естественно, что материал орнитонимов признается исследователями интересным [Там же, с. 176]. Однако научное исследование данного материала только начинается, причем параллельно и в разных отраслях филологической науки – ономазиологии и ономастике [Доржиева, Щербакова, с. 6].

В литературной ономастике со второй половины прошлого столетия определенное внимание уделялось изучению имен собственных, играющих значительную роль в художественных произведениях [Там же, с. 66]. Данная традиция продолжается и в работах современных исследователей поэтического дискурса [Юсупов, Юсупова, с. 261]. Как отмечается, лирический характер поэзии всегда приносил в поэтический дискурс загадку [Курило, с. 98], формируя «поэзию смыслов» [Сабирова, с. 349]. Этот мир смыслов в полной мере ярко представлен в поэзии А. А. Фета [Скляр, с. 122]. Ономастическое пространство оригинальной поэзии А. А. Фета было описано в одноименной статье С. К. Константиновой [Константинова, 2018, с. 9], а также в работе Х. Ш. Курбонова [Курбонов, с. 205]. Тем не менее, целенаправленное исследование особенностей функционирования орнитонимов в поэзии А. А. Фета до сих пор не проводилось.

Целью нашей работы является изучение особой роли орнитонимов в поэзии А. А. Фета. Собранный ономастический материал включает 215 орнитонимов из 907 поэтических произведений А. А. Фета. Использование семиотического метода позволило выявить знаковый характер ономастических единиц и их системную организацию в пределах орнитонимии ономастического пространства поэтических произведений А. А. Фета. Еще одним важным для данной работы специальным методом стал лингвостатистический метод контент-анализа произведений

А. А. Фета за период 1839–1892 гг. Для определения функций орнитонимов в работе используется классификация функций имен собственных такого автора, как Дитер Лампинг [Lamping]. В упомянутой классификации присутствуют:

- 1) функция идентификации, которая заключается в предельной индивидуализации совокупности характерных черт персонажа или места;
- 2) функция «иллюзии», направленная на создание и поддержание некоей иллюзии реальности картины повествования;
- 3) функция характеристики, которая заключается в наделении персонажа или места определенными или характерными чертами;
- 4) функция акцентирования и группировки, которая включает в себя вычленение одного из персонажей, а также группировку совокупностей персонажей;
- 5) функция перспективации, которая заключается в формировании «красной нити» повествования, в том числе изложение авторской точки зрения на то или иное явление;
- 6) функция эстетизации, направленная на создание восприятия прекрасного;
- 7) функция мифологизации, которая заключается в формировании художественного вымысла, основанного на реальных событиях в истории человечества.

Орнитонимы для проведения исследования выбирались методом сплошной выборки из 80475 слов лирических произведений А. А. Фета. Проведенный статистический анализ числа орнитонимов показал, что поэт часто использовал наименования птиц в своих стихах. Как следует из данных таблицы 1, из 907 произведений 146, то есть 16,10%, содержат, как минимум, один орнитоним. При этом перечень названий птиц весьма обширен – 25 номинаций.

Таблица 1.

Частотные характеристики материалов исследования

Показатели	Количество произведений А. А. Фета		Количество слов произведений А. А. Фета			
	Всего	С орнитонимами	Всего	Орнитонимы-номинации	Орнитонимы-словоформы и дериваты	Упоминания орнитонимов (всего)
Количество	907,00	146,00	80475,00	25,00	90	215
Доля, %	100	16,10	100	0,03	0,11	0,27

Наиболее часто упоминается в поэзии А. А. Фета родовая номинация *птицы*. Например: *Снова птицы летят издалика / К берегам, расторгающим лед* («Весенние мысли») [Фет, с. 44]. Упоминаются также 24 видовые номинации (количественные характеристики орнитонимов в поэзии А. А. Фета приведены ниже в таблице 2).

Первым по частоте упоминаний выступает слово *соловей*. Например: *Там часто слушал я / Прибрежных волн мятежный спор / И песни соловья* («Над морем спит косматый бор») [Там же, с. 247]. Значительно уступает по частоте употребления слово *орел*. Например: *Как на всех, орел с неизмеримой / На тебя слетает высоты* («Кур-

ган») [Там же, с. 288]. 15 раз в поэзии А. А. Фета упоминается лексема *голубь*. Например: *Здесь она города создала; по храмам и роцам / Сладостный жар не остыл в гнездах ее голубей* («Амимона») [Там же, с. 114]. Почти в той же мере уступает по частоте упоминания лексема *петух*. Например: *Петух заботливый, копясь на дороге, / Кричит... а дедушка брадатый на пороге* («Вот утро севера – сонливое, скупое») [Там же, с. 58]. К нередко упоминаемой в поэзии

А. А. Фета можно отнести и слово *лебедь*. Например: *И речка к ней на середину / За льдиной выпускает льдину, / Как будто стаю лебедей* («Опять незримые усилья») [Там же, с. 46]. Восемь раз в поэзии А. А. Фета упоминается лексема *журавль*. Например: *Как тихо! – Постоим. – Я слышу, стадо мчится: / То журавли; зрчком их сокол не найдет* («Всплываю на простор сухого океана») [Там же, с. 458]. Остальные номинации птиц упоминаются достаточно редко.

Таблица 2.

Количественные характеристики орнитонимов в поэзии А. А. Фета

Номинация	Количество упоминаний	Доля в выборке орнитонимов, %	Слова, словоформы и дериваты (количество упоминаний)
птица	59	27,44	птица (4), птице (1 дат., 2 предлож.), птицей (8), птицы (14), птиц (8), птицам (1); птичка (9), птичке (3), птичку (1), птичкой (2), птички (2 мн. число), птичек (2), птичкам (1); птичий (1)
соловей	53	24,65	соловей (24), соловья (11), соловьем (1), соловьи (5), соловьев (2); соловушко (1); соловьиный (4), соловьиным (1), соловьиное (1), соловьиной (2); соловьихи (1)
орел	16	7,44	орел (6), орла (3), орлу (2), орлом (1); орлятам (1); орлиный (2), орлиных (1)
голубь	15	6,98	голубь (1), голубя (1), голуби (1), голубей (1); голубка (1), голубкой (2); голубицы (1), голубице (1), голубицу (1), голубчик (2), голубушка (2), приголубит (1)
петух	14	6,51	петух (3), петуха (1), петухом (1), петухи (5), петухов (2 мн. число), петухами (1); петуший (1)
лебедь	11	5,12	лебедь (5), лебедя (1), лебедей (2); лебедином (1), лебединые (1), лебединых (1)
журавль	8	3,72	журавли (6), журавлей (1), журавлях (1)
ворон	6	2,79	ворон (5), ворону (1)
перепел	5	2,33	перепел (2), перепела (1); перепелка (1), перепелок (1)
воробей	5	2,33	воробей (2), воробьев (1), воробью (1), воробьями (1)
жаворонок	3	1,40	жаворонка (1), жаворонку (1), жаворонком (1)
коростель	2	0,93	коростели (2)
коршун	2	0,93	коршун (1), коршуном (1)
кукушка	2	0,93	кукушка (1), кукушки (1)
утка	2	0,93	утка (2)
кулик	2	0,93	кулик (1), кулики (1)
сова	2	0,93	сова (2)
горlinka	1	0,47	горlinkи (1)
жар-птица	1	0,47	жар-птица (1)
индейка	1	0,47	индейка (1)
касатка	1	0,47	касатки (1)
синица	1	0,47	синичка (1)
сокол	1	0,47	сокол (1)
сыч	1	0,47	сыч (1)
ястреб	1	0,47	ястребу (1)
Всего 25	Всего 215	Всего 100	Всего 90

Результаты контент-анализа показали, что, хотя довольно часто орнитонимы поэтом употребляются в переносном смысле, значительная их доля функционирует в прямом денотативном значении (анализ смысловых характеристик орнитонимов в поэзии А. А. Фета приведен в таблице 3). Например: *Гордый лебедь каждой весной / С протянутой шеей летает вокруг / И са-*

дится с размаха / На тихие воды («Я люблю многое, близкое сердцу») [Там же, с. 95]. Не противопоставляя, а соблюдая естественные денотативно-сигнификатные отношения орнитонима *лебедь*, поэт описывает природу России. Таких примеров в материале исследования выявлено достаточно много, и все они подтверждают мнение об особой «пейзажности» поэзии А. А. Фета

[Митяева, с. 222], [Стеглянникова, с. 351]. Можно сказать, что в творчестве поэта орнитонимы выполняют «иллюзионизирующую» функцию (создают иллюзию реальности, убеждают читателя в реальности персонажей и всего остального [Доржиева, Щербакова, с. 67]).

Таблица 3.
Смысловые характеристики орнитонимов
в поэзии А. А. Фета

Показатели	Прямой смысл	Переносный смысл		
		Всего	Антропоморфные орнитонимы	Олицетворение
Количество	76	139	49	90
Доля, %	35,35	64,65	22,79	41,86

Орнитонимы в биологической систематике являются именами собственными. В ходе апелляции они теряют биологическую точность и становятся более обобщенными по смыслу именами нарицательными (апеллятивами). Проведенный анализ продемонстрировал, что в поэзии А. А. Фета названия птиц всегда функционируют как апеллятивы. При этом чаще всего орнитонимы употребляются для подчеркивания красоты российской природы. Также номинации птиц используются для идентификации характерного географического места. Например: *Был чудный майский день в Москве; / Кресты церквей сверкали, / Вились касатки под окном / И звонко щебетали* («Был чудный майский день в Москве») [Фет, с. 151]. Приведенный пример иллюстрирует выполнение орнитонимом задачи «идентификации». Идентификационная функция реализуется в художественных текстах, как правило, посредством идентификаторов, а также квалификаторов [Доржиева, Щербакова, с. 67]. В вышеуказанном примере идентификаторами Москвы служат касатки – характерные для средней полосы России небольшие юркие птицы – ласточки.

С помощью диалектных дериватов-орнитонимов в поэзии А. А. Фета часто передается характер персонажа. Например: *А ты еще ее, Вакхиду, голубицу, / Решился променять на флейтищусрамницу, / На черноглазую Цимбалу* («Лизис и Вакхида (Идиллия)») [Фет, с. 320]. Здесь употребление слова *голубица* указывает на невинность девушки. Лексема *голубица* в отношении фетовского персонажа выполняет задачу характеристики. Эту функцию, как правило, реализуют имена собственные, выражающие экспрессию, имена, несущие эмоциональный «заряд» [Доржиева, Щербакова, с. 67].

В работе С. К. Константиновой и Е. Н. Сергеевой отмечается, что основополагающая черта поэтического представления А. А. Фета – мета-

форичность [Константинова, Сергеева, с. 3]. Анализ семантических характеристик орнитонимов в поэзии А. А. Фета позволил установить, что довольно часто орнитоним используется в метафорах (34,4%) (см. таблицу 4 «Анализ семантических характеристик орнитонимов в поэзии А. А. Фета»). Например: *В замолкнувший чертог к Минерве и к Зевесу / Вслед за тобой толпа ликующая шла, – / И тихо древнюю ты раздвигал завесу / С громодержащего орла* («Памяти Д. Л. Крюкова») [Фет, с. 203]. Здесь *орел* – атрибут бога Зевса в греческой мифологии, он выполняет функцию мифологизации образа. Часто мифологическая функция соотносится с определенной темой или даже «пластом» художественных произведений в культуре. Например, Змей Горыныч в восточно-славянской культуре – постоянный герой сказочных мифов. В ментальном пространстве культуры народа такое имя сливается с персонажем, присваивает его магический ореол [Доржиева, Щербакова, с. 67]. В данном случае орнитоним является частью античного мифологизированного контекста. В работе А. А. Новиковой также выражено мнение, что творчество А. А. Фета служит ярким примером единства античной поэзии и поэзии нового времени [Новикова, с. 271].

Таблица 4.
Анализ семантических характеристик
орнитонимов в поэзии А. А. Фета

Тропы	Количество	Доля, %
Аллегория	18	8,37
Сравнение	16	7,44
Метафора	74	34,4
Метонимия	31	14,4

С помощью метафор с орнитонимами поэт выражает своё отношение к тому или иному предмету. Например, хрупкость чувства любви А. А. Фет подчеркивает с помощью образа соловья: *Дорожа соловьиным покоем, / Я ночного певца не спугну / И устами, спаленными зноем, / К освежительной влаге прильну* («Ключ») [Фет, с. 163]. Таким образом, следует говорить о функции «перспективации» орнитонимов (перспективация – примат роли имен в обосновании перспективы повествования, формировании ее «красной нити»). Особенность функции перспективации, в отличие от других, заключается в том, что внимание читателя смещается автором на образ автора повествования, что приводит к изменению ракурса восприятия и точки литературного обозрения [Доржиева, Щербакова, с. 67].

В работе С. К. Константиновой отмечается также, что чрезвычайно большое место в творчестве А. А. Фета занимают сравнения [Констан-

тинова, 2013, с. 3]. Наш материал показывает, что в контексте поэтического сравнения номинации птиц используются 16 раз. Например, поэт сравнивает Гафиза (Хафиза, Шемс-Эддин-Мухаммеда) – знаменитого персидского поэта – с соловьем: *Соловей Гафиз ту розу / Будет петь, что знаешь ты* («Ветер нежный, окрыленный») [Фет, с. 411]. *Соловей* служит для индивидуализации образа конкретного Гафиза, то есть выполняет задачу «выделения и группировки». Такая функция связана, в первую очередь, с заострением внимания читателя как реципиента художественного текста. Выделение и группировка, каждое по-своему, решают проблему привлечения внимания лишь к отдельному субъекту. Причем субъектом может быть как персонаж, так и группа персонажей. Д. Лампинг называет два основных способа реализации данной функции: странное имя и безымянность / анонимность как маркированная пустота [Lamping, с. 57]. Или же А. А. Фет сравнивает Петра Алексеевича Палена (известного тем, что в эпоху правления Павла I был кавалерийским генералом, возглавившим «дворцовый переворот») с петухом: *Вот Пален; петухом ли шаманским, / Аистом ли его назвать? / Он поится одним шампанским; / Полегче, ног бы не сломать!* («В зверинец мой раскрыты двери») [Фет, с. 335]. Семантика орнитонима здесь включает пейоративную оценочную коннотацию и выполняет дополнительную эстетическую функцию, показывая отношение поэта к персонажу. Особую роль в осуществлении функции эстетизации Д. Лампинг отводит эвфоническим и оноματοпоэтическим приемам, включая использование броского имени, его нестандартность, что может также вызывать комический эффект [Lamping, с. 83].

Анализ семантических характеристик орнитонимов в поэзии А. А. Фета позволил установить, что довольно часто орнитоним используется в аллегориях (8,37%). Например, в стихотворении о соседке и соловье поэт описывает чувство лирического героя с помощью иносказательного образа соловья: *Что ж не поет соловей или что ж не выходит соседка? ... / Может, сегодня мы все трое друг друга поймем* («Право, от полной души я благодарен соседу») [Фет, с. 94].

Также орнитонимы нередко используются в метонимиях (14,4%). При этом чаще всего поэт использует образы соловья и петуха. Например, словосочетание *четыре часа утра* заменяется *третьим петушиным криком*; при этом словосочетания находятся во временной связи друг с другом: *Петухи недавно / В третий раз пропели* («Спи – еще зарею») [Там же, с. 74].

Таким образом, орнитонимы в поэзии А. А. Фета встречаются достаточно часто и выполняют важные функции. Используя классификацию функций имен собственных Дитера Лампинга, мы выделили следующие функции орнитонимов в поэзии А. А. Фета: идентификационную, то есть определяющую персонаж или место действия; иллюзионную, то есть погружающую читателя в почти реальный мир; характеризационную, выражающуюся в акцентуации черт персонажа; выделительную, ограничивающую черты отдельного персонажа; перспективную, то есть выражающую точку зрения или философию автора; эстетическую, подчеркивающую комизм повествования; мифологизационную, подчеркивающую тематический – исторический или теологический – аспект.

Список литературы

- Доржиева Г.С., Щербакова А. А. Ономазиология vs ономастика: проблемы номинации. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2019. 196 с.
- Живоглядов А. А. Поэтическая функция английских антропонимов в контексте ключевых понятий филологического анализа текста // Филологические науки. 2010. № 1. С. 98–109.
- Иванов А. И., Штегман Б. К. Краткий определитель птиц. Ленинград: Наука, 1978. 560 с.
- Константинова С. К. Ономастическое пространство оригинальной поэзии А. А. Фета // Курское слово. 2018. № 18. С. 3–9.
- Константинова С. К. Творительный сравнения в поэзии А. А. Фета // Курское слово. 2013. № 10. С. 3–11.
- Константинова С. К., Сергеева Е. Н. Развернутая метафора в поэзии А. А. Фета // Incipio. 2012. № 7. С. 3–10.
- Курбонов Х. Ш. Ономастическое пространство переводов А. Фета // Вестник Педагогического университета. 2015. № 5-1 (66). С. 203–205.
- Курило В. Г. Природа, духовность, музыка в лирике А. А. Фета // Филолог года. 2019. С. 98–102.
- Митяева Т. В. Своеобразие лирической поэтики А. А. Фета // Научные вести. 2018. № 5. С. 222–225.
- Новикова А. А. Античность в поэзии А. А. Фета // Язык. Образование. Культура. Курский государственный медицинский университет; ООО «МедТестИнфо». 2019. С. 271–278.
- Сабирова А. И. Лексический уровень поэтического текста (на примере языка поэзии А. А. Фета) // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых: традиции и новаторство. Межвузовский сборник. Уфа, 2019. С. 349–355.
- Скляр Е. С. Мир эмоций в поэзии А. А. Фета // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2009. Т. 15. № 2. С. 122–124.

Стекланникова С. Ю. Пейзажная лирика Ф. И. Тютчева и А. А. Фета в немецких антологиях второй половины XX – начала XXI в // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 2. С. 351–356.

Сызранова Г. Ю. Ономастика. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2013. 248 с.

Фет А. А. Полное собрание стихотворений // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/book/fet_afanasiy/polnoe_sobranie_stihotvorenii.html (дата обращения: 11.12.2020).

Юсупов А. Ф., Юсупова Н. М. Поэтическая ономастика татарской поэзии первой половины XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 3. С. 261–264.

Lamping, Dieter. Der Name in der Erzählung. Zur Poetik des Personennamens, Bonn: Bouvier, 1983. 135 p.

References

Dorzhieva, G. S., Shcherbakova, A. A. (2019). *Onomasiologiya vs onomastika: problemy nominatsii* [Onomasiology vs Onomastics: Problems of Nomination]. 196 p. Ulan-Ude, Izdatel'stvo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian)

Fet, A. A. (2020). *Polnoe sobranie stihotvoreniy* [Complete Collection of Poems]. Elektronnaia biblioteka Roy-alLib.com. URL: https://royallib.com/book/fet_afanasiy/polnoe_sobranie_stihotvorenii.html (accessed: 11.12.2020). (In Russian)

Iusupov, A. F., Iusupova, N. M. (2019). *Poeticheskaya onomastika tatarskoi poezii pervoi poloviny XX veka* [Poetic Onomastics of Tatar Poetry in the First Half of the Twentieth Century]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. T. 12, No. 3, pp. 261–264. (In Russian)

Ivanov, A. I., Shtegman, B. K. (1978). *Kratkii opredelitel' ptits* [A Concise Bird Guide]. 560 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

Konstantinova, S. K. (2013). *Tvoritel'nyi sravneniia v poezii A. A. Feta* [The Instrumental-of-Comparison in the Poetry of A. A. Fet]. Kurskoe slovo, No. 10, pp. 3–11. (In Russian)

Konstantinova, S. K. (2018). *Onomasticheskoe prostranstvo original'noi poezii A. A. Feta* [The Onomastic Space of the Original Poetry of A. A. Fet]. Kurskoe slovo, No. 18, pp. 3–9. (In Russian)

Konstantinova, S. K., Sergeeva, E. N. (2012). *Razvernutaia metafora v poezii A. A. Feta* [An Extended

Metaphor in the Poetry of A. A. Fet]. Incipio, No. 7, pp. 3–10. (In Russian)

Kurbonov, H. Sh. (2015). *Onomasticheskoe prostranstvo perevodov A. Feta* [Onomastic Space of A. Fet's Translations]. Vestnik Pedagogicheskogo universiteta, No. 5–1 (66), pp. 203–205. (In Russian)

Kurilo, V. G. (2019). *Priroda, duhovnost', muzyka v lirike A. A. Feta* [Nature, Spirituality and Music in A. A. Fet's Lyrical Poetry]. Filolog goda 2019. Pp. 98–102. (In Russian)

Lamping, Dieter (1983). *Der Name in der Erzählung. Zur Poetik des Personennamens* [The Name in the Story. On the Poetics of Personal Names]. Bonn, Bouvier. 135 p. (In German)

Mitiaeve, T. V. (2018). *Svoeobrazie liricheskoi poetiki A. A. Feta* [The Originality of A. A. Fet's Lyric Poetics]. Nauchnye vesti, No. 5, pp. 222–225. (In Russian)

Novikova, A. A. (2019). *Antichnost' v poezii A. A. Feta* [Antiquity in A. Fet's Poetry]. Iazyk. Obrazovanie. Kul'tura. Pp. 271–278. (In Russian)

Sabirova, A. I. (2019). *Leksicheskii uroven' poeticheskogo teksta (na primere iazyka poezii A. A. Feta)* [The Lexical Level of the Poetic Text (based on the language of A. Fet's poetry)]. Sovremennye problemy literaturovedeniia, lingvistiki i kommunikativistiki glazami molodykh uchenykh: traditsii i novatorstvo, pp. 349–355. (In Russian)

Skliar, E. S. (2009). *Mir emotsii v poezii A. A. Feta* [The World of Emotions in the Poetry of A. Fet]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. T. 15, No. 2, pp. 122–124. (In Russian)

Stekliannikova, S. Yu. (2019). *Peizazhnaya lirika F. I. Tyutcheva i A. A. Feta v nemetskih antologiakh vtoroi poloviny XX - nachala XXI v* [Landscape Lyrics by F. I. Tyutchev and A. A. Fet in German Anthologies of the Second Half of the 20th – Early 21st Centuries]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. T. 12, No. 2, pp. 351–356. (In Russian)

Syzranova, G. Yu. (2013). *Onomastika* [Onomastics]. 248 p. Tol'iatti, TGU. (In Russian)

Zhivogliadov, A. A. (2010). *Poeticheskaya funktsiia angliiskikh antroponimov v kontekste kluchevykh poniatii filologicheskogo analiza teksta* [Poetic Function of English Anthroponyms in the Context of Key Concepts of Philological Text Analysis]. Filologicheskie nauki, No. 1, pp. 98–109. (In Russian)

The article was submitted on 10.01.2021
Поступила в редакцию 10.01.2021

Ван Сыци,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
361612384@qq.com

Wang Siqi,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
361612384@qq.com

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-22-26
УДК 81'373.613

**ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И АССИМИЛЯЦИЯ
КАК ДВА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССА
В ЯЗЫКЕ А. С. ПУШКИНА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)**

© Лариса Гордеева

**INTERFERENCE AND ASSIMILATION
AS TWO LINGUISTIC PROCESSES
IN THE LANGUAGE OF A. PUSHKIN
(BASED ON THE RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGES)**

Larisa Gordeeva

Borrowing foreign words is an ongoing process that characterizes the historical development of language. In Russia, of interest are the 18th – 19th centuries, distinguished by significant transformations in the field of language and literature, in particular the formation of common linguistic norms that originated from the prose of the bilingual author A. Pushkin, a novelist and a poet, a critic and a publicist. The study of the vocabulary of this period concerns group bilingualism, in which a structural unit simultaneously becomes an element of two contacting systems - Russian and French, when the indispensable knowledge of the latter is a specific feature of the representative of the historical era under consideration. Bilingualism has a direct impact on the process of enriching the Russian language, therefore, under the conditions of diglossia, A. Pushkin's individual bilingualism presents interest in the study of French lexemes, since it is known that in the consciousness of a person who speaks two languages, one sign changes under the influence of the other, in particular, the assimilation of French words is influenced by the native Russian speech. Occasional lexical neologisms that initially appear in a bilingual environment, gradually, are widely used by society, becoming a part of the national speech. The writer's texts make it possible to determine the degree of influence that French speech exerts on the Russian literary norm, changing the rules for the use of one language under the influence of the other, which is a consequence of the linguistic interference of heterogeneous systems under conditions of bilingualism. This study, based on the thesauri and works of the author at different times, shows phonographic, grammatical, lexical, semantic and stylistic changes in linguistic units from the end of the 18th to the first half of the 19th centuries in the context of interactions between two heterogeneous systems and the general linguistic process of the russification of foreign words.

Keywords: interference, assimilation, mixing, Europeanism, gallicism.

Заимствование иностранных слов – это непрерывный процесс, который характеризует историческое развитие языка. В России интерес представляют XVIII–XIX вв., отличающиеся значительными преобразованиями в области языка и литературы, в частности формированием единых лингвистических норм, родоначальником которых является прозаик и поэт, критик и публицист, автор-билингв А. С. Пушкин. Изучение словарного состава данного периода касается группового двуязычия, при котором структурная единица оказывается элементом двух контактирующих систем одновременно – русской и французской, где непереносимое знание последней становится своеобразной чертой представителя рассматриваемой исторической эпохи. Двуязычие оказывает непосредственное влияние на процесс обогащения русского языка, поэтому индивидуальный билингвизм А. С. Пушкина в условиях диглоссии, безусловно, представляет интерес при исследовании французских лексем, так как известно, что в сознании личности, владеющей двумя языками, происходит изменение одного знака под влиянием другого, в частности на ассимиляцию французских слов оказывает воздействие родная русская речь. Окказиональные лексические неологизмы, появляющиеся первоначально в билингвальной среде, постепенно начинают широко применяться обществом, становятся частью национальной речи. Тексты писателя во многом позволяют определить степень влияния французской речи на русскую литературную норму, изменения правил употребления одного языка под воздействием другого, что является следствием лингвистической

интерференции неоднородных систем в условиях билингвизма. В настоящем исследовании на материале одновременных тезаурусов и произведений автора показаны фонографические, грамматические, лексические, семантические, стилистические изменения языковых единиц с конца XVIII по первую половину XIX в. в условиях взаимодействия двух неоднородных систем и с учётом общего лингвистического процесса русификации иностранных слов.

Ключевые слова: интерференция, ассимиляция, смешение, европеизм, галлицизм.

Французская лексика является самым многочисленным классом среди заимствований западноевропейского происхождения первой половины XIX в. В этот период лингвистическая единица становится элементом двух контактирующих систем одновременно и в процессе взаимодействия при сохранении форм собственного языка перенимает особенности принимающей страны, вследствие чего возникает варьирование как семантического комплекса, так и грамматических, фонетико-графических форм. Материал, отражающий индивидуальную интерференцию билингва А. С. Пушкина на разноуровневых этапах ассимиляции лексем в связи с особенностями рассматриваемой эпохи, оказывается частью коллективного применения субститутов, поэтому авторское функционирование может рассматриваться только в отношении к общезыковой тенденции русификации иностранных слов, регулируемых нормами употребления принимающей стороны (семантическими, морфологическими, звуковыми и др.).

Лингвистический процесс заимствования новых единиц, как правило, отражает направление языковых контактов, что касается французского влияния в творчестве А. С. Пушкина, то это приводит к формированию конкретных тематических групп. Так, по частоте использования наименований понятийно-предметной области у автора преобладают номинации государственной и бытовой сферы. При этом научная лексика, как правило, является результатом калькирования (на это обращает внимание А. А. Реформатский [Реформатский, с. 53]) и чаще сохраняет значение языка-донора, в то время как количественные изменения в текстах писателя свойственны военным названиям, которые меняют семантический комплекс посредством детерминологизации определения прототипа в бытовую или строительно-транспортную сферу. Ослабление влияния французского языка в конце XIX – начале XX вв. приводит к архаизации некоторых значений галлицизмов, функционирующих с различной степенью интенсивности в пушкинскую эпоху. Во многих случаях закрепляется сема, которая наиболее частотна в произведениях А. С. Пушкина в первой трети XIX в. Следует отметить, что длительное сохранение определения прототипа может быть также связано с кол-

лективным билингвистическим мышлением, когда память сохраняет устаревший концепт и не воспринимает новый.

Авторские комментарии в произведениях приспособливают иноязычное слово к лексической системе русского языка и отражают общепринятые принципы семантической русификации иностранных единиц [Виноградов, с. 166 – 169]. Это могут быть: объяснение коррелята через словарную статью (*презент* – первый кус); пояснение отечественной лексемы заимствованием или нетранслитерированным элементом (каторга – *галера*) или, напротив, французского вкрапления, галлицизма, – русским или адаптированным соответствием (*Patronage* – покровительство, *кредит* – доверенность), введением в синонимический ряд (*Bon-mot* – двусмыслие – *каламбур*), использованием текстовых сопровождений.

Индивидуальная интерференция двух контактирующих лингвистических систем, тождественное функционирование русской и французской речи находит отражение в языке писателя в появлении незафиксированных в тезаурусах лексических и семантических неологизмов (*презент* – ‘подарок’, *патрон* – ‘покровитель’, *портрет* – ‘описание внешности’, *комедия* – ‘история, содержащая смешное’, *роль* – ‘изображать кого-нибудь’, ‘быть кем-то’ и др.); в создании окказионализмов (*прюдство*). Интерпретирование может быть связано также с конкретной художественной задачей писателя войти в диалог с читателем (в этих случаях автор иногда прибегает к риторическим вопросам, поясняя то или иное заимствование: *фискалам (шпионам?)*, *корпусными детьми (кадеты?)*, *Мусс (Mouss?)*) или желанием уточнить значение нового слова-полисеманта (*комиссар (приказчик)*, *комиссар, т. е. сановник; журналисты, т. е. entrepreneurs; то, что французы называют*).

В структурном плане фонографическая поливариантность в первой половине XIX в. сокращается. Так, без изменений остается субституция гласных. Изменениям подвергаются французские а, â, е, é, ê, î, о, ô, u, y, которые при освоении в языке-реципиенте подвергаются вариациям е / э, и / е, а / о, о / у, u / е. Как правило, е (é) → е / э, î → – е / u / ы, о (ô) → о / у / а. Согласные звуки [s] и [с] образуют в принимающем языке оппозици-

онный ряд с русскими [с], [з], [ц]: $s \rightarrow c / з, c \rightarrow c / ц$; фонемы могут находиться как в середине слова (*censura* → *цензура* / *ценсура*), так и в конце (*stance* → *станс* / *станц*, *valse* → *вальс* / *вальц*). Хотя версия *вальц* у Пушкина не встречается, однако в тезаурусах он датирован 1803 г. [Словарь русского языка XVIII в., вып. 2, с. 210] (далее – СРЯ XVIII). Сочетания на русской почве заимствуются следующим способом: *ntia* / *nse* / *nces* → *нс* / *нц*, *th* → *т* / *ф*, *ti* → *ти* / *си* / *ци*, *sz* → *с* / *ш*, *ie* → *ь* / *я* / *ие* / *иэ*, *ill/illi/li* → *ли* / *ль*. В соединении с *i* (*ill* / *illi* / *li*) разновидность с -ль- чаще употребляется у автора в косвенных падежах при приложении или во мн. ч.: Р. п. *батальона-каре*; В. п. *батальон-каре* и *батальон-каре*; Р. п. мн. ч. *гальотов*. Также возможны употребления Р.п. ед. ч.: *батальона* и *баталиона*, Р.п. мн. ч.: *батальонов* и *баталионов*; П.п.: *на биллиарде* и *на бильярде*. В то же время в именительном падеже количество модификаций сокращается и чаще сводится к проявлению норм современной орфографии или отмечается сохранение звука [и]: *бильярд*, *баталья* и *баталия*, *баталион*, *галиот*, *почталион* и др. Нестабильность в первой половине XIX в. продолжают испытывать слова французского источника с сегментом-субститутутом *ie* в И. п. и В. п.: *pi se* → *пьеса*, *пие-са*, *пиэса* и *пъэса*; В. п. *пьесу*, *пиесу* и *пиэсу*; И. п. мн.ч. *пьесы* и *пиэсы*; В. п. мн.ч. *пиэсы*, *пъэсы* и *п<иесы>*. В других падежах может присутствовать дублетность, наряду с регулятивными правилами оставление *и*: Р. п. *пьесы* и *пиэсы*, Д. п. *пьесе*, Р. п. *пьес* и *пиэс*, П. п. *в пьесах*. Ср.: *arrieregarde* → И. п. *арьергад*, *арриергад*, *аррьергад*, *арьер-гад*; В. п. *ариергад*, *арриергад* и *арьер-гад*; Р. п. *ариергарда*, Д. п. *ариергарду*, Т. п. *аррьергардом*, П. п. *в ариергарде* и *арриергарде*. В том числе у автора-билингва языковая интерференция может приводить к смешению архаизированных и новых моделей слова в одном произведении: *гальотов* – *галиот* («История Петра I»), *менуэт* – *менуэт* – *минавет* («Арап Петра Великого»), *фронт-фрунт*, *каре-карея*, *ариергад* – *арриергад* – *арьергад* («Записки бригадира Моро-де-Бразе»).

Следует отметить, что ассимиляция французских звуков в рассматриваемый период происходит с позиционными и комбинаторными изменениями, можно также отметить тенденцию к консервации звука [и]. Семантическая дифференциация с отмеченными субститутами намечается у фр. *taille*, где *талия* – «наиболее узкая часть туловища между грудью и животом, пояс; часть туловища от плеч до пояса, стан», а *талья* – «в карточной игре – круг игры до окончания колоды у банкрота или до срыва банка» [Словарь

языка Пушкина, т. 4, с. 475–476], *théâtre*: если *театр* – «помещение, сцена, представление», то *феатр* только «помещение» [Там же, с. 487]; грамматическое разделение: П. п. *в станцах* – Р. п. *станса*, И. п.мн. ч. *стансы*, В. п. *ста'нсы* и *Стансы*. В рассматриваемый период сохраняется вариативность при передаче удвоенных -лл-, -рр- и -фф-, которая наблюдается, как правило, в позиции между гласными [а] и [е] – *carre* (*каре* / *каре*), *galerie* (*галерея* / *галерея*), *effectus* (*эфект* / *эффект*) и др.; колебаниям подвержены европеизмы, имеющие различные источники, или французские лексемы с указанными буквами. Слова, характеризующиеся значительным периодом адаптации или побуквенной передачей слова языка-источника, закрепляются по французскому прототипу.

В пушкинский период также стабилизируется категория падежа и рода иностранных слов. Субститут французского источника, как правило, русифицируется следующим способом: -tion, -tio → -ция (ж. р.); -tia → -ция, -тия (ж. р.); -ent, -ant → -ант (м. р.); -ot → -от (м. р.); -isme → -изм (м. р.); -iste (м. р. и общего р.) → -ист (м. р.); -eur, -ier → -ёр (м. и ж. р.). Вместе с тем наличие конечного -е после согласных [н] и [т] в рассматриваемый период может привести к оппозиции в русском языке ж. и м. р.: *quarantaine* → *карантин* и *карантина*, *toilette* → *туалет*, *côtelette* – *котлета*.

Грамматические категории и орфографический облик заимствований у А. С. Пушкина не всегда соответствуют данным лексикографических изданий конца XVIII – первой половины XIX в. Например, лексема *туалет* в Словаре церковно-славянского и русского языков (далее – СЦСРЯ) отмечена как сущ. женского рода [СЦСРЯ, с. 303]. У лексемы *бильярд* в 1789 г. в первом издании Словаря Академии Российской [Словарь Академии Российской, т. 1, с. 169] и во втором издании 1806 г. [Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, т. 1, с. 187], как и в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля [Даль, т. 1, с. 87], нормативным признается вариант *билиард*, при этом у автора-билингва *билиард* и *бильярд*. Следует также отметить, что лексикографические издания по-разному отмечают не только фонографический облик слова и значение заимствований, но и нетранслитерированные эквиваленты, особенно при наличии удвоенных согласных. Так, в разных тезаурусах отмечен нем. посредник *Gallerie* и *Galerie* [СРЯ XVIII, вып. 5, с. 84]; [Фасмер, т. 1, с. 386] и др.

Таким образом, как отмечает Э. Хауген, полная интеграция кодов при частом их повторении

может стать нормой [Хауген, с.69–70], что мы и наблюдаем в текстах А. С. Пушкина.

Вместе с тем изучение смешения речевых кодов в сознании автора-билингва, переключения с одного языка на другой в письменной речи приводит к следующим выводам: текстовый материал иллюстрирует нам как присоединение неассимилированного элемента в конце предложения: *Черкесы, их обычаи и нравы занимают большую и лучшую часть моей повести; но все это ни с чем не связано и есть истинный hors d'oeuvre.* (Письмо В. П. Горчакову. Октябрь-ноябрь 1822 г. Из Кишинева в Гура-Гальбин) [Пушкин, с. 401], так и полную смену языка, вставки инородного слова в середине фразы *Что у нас не покровительствуют литературу, и что слава богу? зачем же об этом говорить? pour réveiller le chat qui dort? Напрасно.* (К. Ф. Рылееву. Вторая половина июня – август 1825 г. Из Михайловского в Петербург) [Там же, с. 442]. При этом иностранные слова в середине предложения чаще являются пейоративными комментариями, именами или прямой (косвенной) речью. Переключение между фразами в тексте обычно вносится в начале или в конце абзаца: *Он именно поэт прекрасного пола. Il a bien mérité du sexe et je suis bien aise de m'en être expliqué publiquement. ... Что же «Телеграф» обетованный?* (Письмо П. А. Вяземскому. 19 февраля 1825 г. Из Михайловского в Москву) [Там же, с. 426]. Вкрапление у Пушкина применяется также при использовании фразеологизмов, абстрактных понятий (*este un tour de force* и др.), отсутствующих в родном языке.

В то же время нельзя не отметить, что исследование французских языковых единиц в указанный период на материале других источников могут привести к альтернативным выводам. Рассматриваемая в исследовании проблема ассимиляции и интерференции лексем в конце XVIII – первой половине XIX в. на материале произведений А.С. Пушкина многогранна и неисчерпаема, выделяется ряд направлений, посвящённых тщательному изучению авторских морфологических вариантов, особенностям словообразования других частей речи (глаголов, прилагательных и др.) и т. д. Безусловно, что дальнейшая разработка аспектов функционирования французских лексем представляет несомненный интерес для расширенного и углубленного изучения.

Список литературы

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков. М.: Высшая школа, 1982. 534.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. М.: Русский язык. Т.1. 1989. 699 с.

Пушкин А. С. Мысли о литературе / Вступ. статья М. П. Еремина, примеч. М. П. Еремина и П. М. Еремина. М.: Современник, 1988. 639 с.

Словарь Академии Российской: в 6 ч. Издание 1. СПб.: При имп. Акад. наук. Ч.1. 1789. 1140 стб.

Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. Издание 2. СПб.: Имп. Акад. наук. Ч.1. 1806. 1310 стб.

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1-9. Вып.2. Л.: Наука, 1985. 247 с.; Вып.5. Л.: Наука, 1989. 255 с.

Словарь языка Пушкина: в 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. Т.4. 1961. 1054 с.

Словарь церковно-славянского и русского языков, сост. СПб: Императорская Академии Наук, 1847. Т. 4. 487 с.

Реформатский А. А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии: материалы Всесоюзного терминологического совещания. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 46–54.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс. Т.1. 1986. 576 с.

Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М.: Прогресс, 1972. С.61–80.

References

Dal, V. I. (1989). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language in Four Volumes]. T. 1, 699 p. Moscow, Russkii iazyk. (In Russian)

Fasmer, M. (1986). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 Volumes]. T. 1. 576 p. Moscow, Progress. (In Russian)

Khaugen, E. (1972). *Iazykovoi kontakt* [Language Contact]. *Novoe v Lingvistike. Vypusk 6. Iazykovye kontakty*, pp. 61–80. Moscow, Progress. (In Russian)

Pushkin, A. S. (1988). *Mysli o literature* [Thoughts about Literature]. 639 p. Moscow, Sovremennik. (In Russian)

Slovar' Akademii Rossiiskoi: v 6 ch. (1789) [Dictionary of the Russian Academy: In Six Parts]. Ch.1, 1140 columns. St. Petersburg. Pri Imp. Akad. Nauk. (In Russian)

Slovar' Akademii Rossiiskoi po azbuchnomu poriadku raspolzhenyi: v 6 ch. (1806) [The Russian Academy Dictionary Given in the Alphabetical Order: In Six Parts]. Ch. 1, 1310 stb. St. Petersburg, Imp. Akad. Nauk. (In Russian)

Slovar' russkogo iazyka XVIII veka (1989) [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Vyp. 1 – 9. Vyp. 2. 247 p. Vyp. 5. – 255 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

Slovar' iazyka Pushkina: v 4 t. (1961) [Dictionary of Pushkin's Language: In Four Volumes]. T. 4, 1054 p. Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarei. (In Russian)

Slovar' tserkovno-slavianskogo i russkogo iazykov, sost. (1847) [Dictionary of the Church Slavonic and Rus-

sian Languages, Comp. by St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences]. T. 4, 487 p. St. Petersburg, Imperatorskaia Akademii Nauk. (In Russian)

Reformatskii, A. A. (1961). *Chto takoe termin i terminologiya. Voprosy terminologii: materialy Vsesoiuznogo terminologicheskogo soveshaniia*. [What is a Term and Terminology. Issues of Terminology: Mate-

rials of the All-Union Terminological Meeting]. Pp. 46–54. Moscow, izd-vo AN SSSR. (In Russian)

Vinogradov, V. V. (1982). *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo iazy'ka XVII – XIX vekov*. [Essays on the History of the Russian Literary Language of the 17th –19th Centuries]. 529 p. Moscow, Vy'sshaia shkola. (In Russian)

The article was submitted on 04.02.2021

Поступила в редакцию 04.02.2021

Гордеева Лариса Павловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
lp-gordeeva@mail.ru

Gordeeva Larisa Pavlovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
lp-gordeeva@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-27-33
УДК 811.163.1(47)

БИБЛЕЙСКИЕ ЦИТАТЫ В ТРЕХ СЛАВЯНО-РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ АРЕОПАГИТИК XVIII ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ТРАКТАТА «О НЕБЕСНОЙ ИЕРАРХИИ»)

© Антон Ермошин

BIBLE QUOTATIONS IN THREE SLAVONIC-RUSSIAN TRANSLATIONS OF THE 18TH CENTURY AREOPAGITICA (BASED ON THE TREATISE “ON THE CELESTIAL HIERARCHY”)

Anton Yermoshin

The article presents the results of a comparative analysis of Bible quotations found in three translations of Pseudo-Dionysius the Areopagite's treatise “On the Celestial Hierarchy”. It was translated into the Slavonic-Russian language in the 18th century. This was an important epoch in the formation of the Russian standard language, when, on the one hand, it was actively secularized, differentiating from the Church Slavonic language; on the other hand, the Church Slavonic language also underwent serious changes under the influence of the Russian spoken language. As a result of this process, the conservative version of the Church Slavonic language remained only as the language of liturgical texts, while new translations of theological texts increasingly used the “Slavonic Russian language”, perceiving it as a high church-book style of the Russian standard language. A significant milestone in the fixation of the lexical and grammatical structure of the Church Slavonic language of the Russian version, as well as in the biblical text standardization, was the publication of the Empress Elizabeth Bible in 1751. The article analyzes three translations of the aforementioned theological treatise (belonging to Moses Gumilevsky, Paisiy Velichkovsky and an anonymous author) to reveal the dependence of the Church Slavonic biblical text on this standard sampling twelve quotations from the Holy Scripture. At the same time, we draw conclusions, based on the textology of the analyzed Bible quotations, regarding the clarification of the creation time of the anonymous translation.

Keywords: Church Slavonic language, Russian standard language, Bible quotations, theological translations, Areopagitica.

В статье представлены результаты сопоставительного анализа библейских цитат, содержащихся в трех переводах трактата Псевдо-Дионисия Ареопагита «О Небесной иерархии» на славяно-русский язык, выполненных в XVIII веке. Это важная эпоха в становлении русского литературного языка, когда, с одной стороны, происходила его активная секуляризация и дифференциация от церковнославянского языка, с другой – церковнославянский язык также претерпевал серьезные изменения под влиянием разговорного русского языка. В результате этого процесса консервативный вариант церковнославянского языка остался лишь языком богослужебных текстов, тогда как новые переводы богословских текстов все больше употребляют «славенороссийский язык», воспринимая его как высокий церковно-книжный стиль русского литературного языка. Значимой вехой в фиксации лексического и грамматического строя церковнославянского языка российского извода, а также стандартизации библейского текста на нем стало издание в 1751 году Елизаветинской Библии. Три перевода названного богословского трактата (принадлежащие Моисею Гумилевскому, Паисию Величковскому и анонимному автору) анализируются в статье на предмет зависимости от этого стандарта церковнославянского библейского текста, для чего была произведена выборка двенадцати цитат из Священного Писания. Кроме того, на основе текстовой редакции анализируемых библейских цитат делаются выводы относительно уточнения времени создания третьего, анонимного перевода.

Ключевые слова: церковнославянский язык, русский литературный язык, библейские цитаты, богословские переводы, Ареопагитики.

Перевод христианских богословских текстов, неизменно содержащих значительный объем прямых или косвенных цитат из Священного Писания, неизбежно ставит перед переводчиком вопрос: переводить ли библейскую цитату вместе с прочим текстом, или процитировать в нужном месте уже имеющийся и признанный перевод соответствующего стиха из Библии. Конечно, второй вариант представляется наиболее простым и логичным, однако опыт анализа, к примеру, православных богослужебных текстов на церковнославянском языке показывает, что зачастую даже легко узнаваемые цитаты из хорошо известного верующему текста Псалтири не берутся в готовом виде из ее употребительного славянского перевода, а переводятся заново, «здесь и сейчас». Это приводит к текстуальной разнице между одним и тем же стихом Священного Писания, приведенным на своем изначальном месте в псалме, процитированным в Евангелии или Апостоле, повторенным в Часослове или другой богослужебной книге (в том числе в тексте прокимна или аллилуария).

Вопрос функционального статуса и роли библейских цитат в христианских богословских текстах, выявления закономерностей их включения в литературные памятники был поставлен и проработан в исследованиях Риккардо Пиккио и Марчелло Гардзанити [Гардзанити], Натальи Запольской [Запольская] и др. Благодаря этим исследованиям стало возможным четко дифференцировать три типа библейского цитирования: «ссылка на понятия и реалии Священного Писания; собственно цитата (аллюзия, парафраз, прямая цитата); инсценировка (пересказ события или понятия в диалоге)» [Клименко, с. 212]. Кроме того, вопрос библейского цитирования в тексте затрагивает и вопрос источника этого цитирования не только в содержательном (из какой библейской книги взят цитируемый отрывок), но и в языковом и текстологическом аспекте (из какой редакции текста или, чаще, какой редакции перевода Библии на соответствующий язык осуществляется цитирование).

В отношении славяно-русских церковно-книжных переводов данный вопрос особенно актуален, поскольку стандартный и официально признанный перевод Библии на русский литературный язык был осуществлен лишь в XIX веке (завершился изданием в 1876 году полной Библии на русском языке в так называемом синодальном переводе). Активно цитировавшийся же до, а иногда и после этого, церковнославянский текст Священного Писания претерпел целую серию редакций, зафиксированных как в стандартизированных текстах Острожской Библии 1581

года (далее – ОБ), Московской Библии 1663 года (далее – МБ), Елизаветинской Библии 1751 года (далее – ЕБ), так и в различных авторских версиях, например, в Библии Франциска Скорины 1517–1519 годов (далее – БФС) или многочисленных справках и поновлениях текста справщиков и церковных писателей второй половины XVII века (см., напр., [Преображенская]).

Итак, вопрос употребления библейских цитат в славяно-русской языковой среде встает при изучении переводных богословских текстов, в частности трех переводов трактата «О Небесной иерархии» из *Corpus Areopagiticum*, выполненных в XVIII веке. Один из них принадлежит иеромонаху Моисею Гумилевскому (впоследствии епископ, 1747–1792) и представляет собой печатную книгу, изданную в 1786 году в Москве [Святого Дионисия Ареопагита]. Второй перевод принадлежит преподобному Паисию Величковскому (1722–1794; в 1988 году причислен к лику святых Православной церкви) и является рукописью из фондов Государственного исторического музея [Иже во святых Дионисия Ареопагита]. Рукопись не датирована, но период активной литературной деятельности монаха Паисия позволяет отнести его перевод к последней четверти XVIII века. Наконец, особое место среди этих переводов занимает анонимная рукопись из фондов Российской государственной библиотеки [Книга Блаженного Дионисия Ареопагита]. Выполненная на церковнославянском языке (со следами русификации) замысловатой скорописью, характерной для XVIII века, она принадлежит неизвестному переводчику (или нескольким переводчикам). Точная датировка рукописи представляется проблематичной, однако на ее первом листе имеется подпись «Ивана Голикова», то есть текст оказался в книжной коллекции купца и историка И. И. Голикова (1735–1801), собиравшего рукописи петровского времени [Николаева, с. 115–116]. Впрочем, однозначно отнести ее именно к первой четверти или хотя бы первой половине XVIII века лишь по этой причине не представляется возможным, тем более что представленный в данной статье анализ библейских цитат из этой рукописи позволяет считать ее произведением второй половины столетия.

XVIII век стал не только важной вехой в становлении русского литературного языка и его дифференциации от «церковного стиля». Конец XVII – первая половина XVIII века стали особой эпохой в оформлении церковнославянского языка, испытавшего в лице переведенных на него или написанных на нем текстов целую серию справ, затронувших и лексику, и грамматический строй. Существенным итогом таких справ для языка Священного Писания стало издание в 1751

году нового стандартного перевода библейских книг на церковнославянский язык – ЕБ, заменившего МБ – «первый в Российском государстве полный печатный свод библейских книг на церковнославянском языке», основным источником которого, в свою очередь, «стала юго-западнорусская Острожская Библия» [Пентковская, с. 31]. Насколько быстро этот объемный труд справщиков и издателей вошел в церковный обиход и стал тем эталоном библейского текста, каковым он был призван стать? Анализ библейских цитат в богословской литературе, переводившейся или создававшейся в течение XVIII столетия, также важен для ответа и на этот вопрос.

В тексте трактата Псевдо-Дионисия Ареопагита «О Небесной иерархии» не так много прямых библейских цитат, гораздо больше косвенных цитаций или аллюзий на те или иные места Св. Писания. Большая часть из них взята из ветхозаветных книг, тогда как цитирование новозаветных текстов в трактате минимально, что может быть объяснено идеей автора текста поддерживать в читателе иллюзию его принадлежности современнику апостолов – Дионисию Ареопагиту (обращенному в христианство апостолом Павлом члену Афинского ареопага), который по естественным причинам не мог иметь только создававшегося книжного варианта Нового Завета. Для сравнения и изучения было отобрано 11 прямых цитат, а также одна цитата (12-я), представленная и оформленная в тексте как библейская (с уточняющей фразой «говорит Писание»), однако являющаяся компиляцией из небольшой цитаты из пророка Осии, дополненной выражениями, согласующимися с рядом библейских фраз, но не тождественными ни одной из них.

1. Глава 1 трактата открывается прямым цитированием Соборного послания апостола Иакова: *Вс о а е ла о вс а сове е свы е ес с о о О а св ов* (Иак. 1:17)¹.

В трех рассматриваемых рукописях этот стих передан следующим образом:

Вс ое а ie ла ое вс а сове е-ы свы е ес с о о О а св ов [Святого Дионисия Ареопагита, с. 8];

Вс о а е ло вс а сове() е свы е ес с о О а Св w(в) [Иже во святых Дионисия Ареопагита, л. 1];

Вс ое а е ла о вс а() сове е свы е ес с о о а све ов [Книга Блаженного Дионисия Ареопагита, л. 1].

Итак, во всех трех рукописях текстовая редакция практически идентична, совпадает с текстом ЕБ, если не считать употребления членных форм в переводе Моисея Гумилевского, в целом характеризующегося тенденцией к незначительной русификации славянского текста. Обращает на себя внимание строгое следование именно редакции ЕБ, поскольку в ОБ и в МБ этот стих дан в более архаичном варианте: *Вс о а е ло вс а сове е свы е ес с о о а св ом*, с использованием нечленной причастной формы и вышедшего позднее из употребления случая вариативного управления (дательный / родительный) (здесь и далее разрядка наша – А. Е.).

2. Небольшая, но хорошо узнаваемая цитата из книги Бытия *вс о а ло* (Быт. 1:31) во 2 главе трактата различается в трех рукописях лишь графически:

вс о а л о [Святого Дионисия Ареопагита, с.20];

вс w а слw [Иже во святых Дионисия Ареопагита, л. 6об.];

вс о а л о [Книга Блаженного Дионисия Ареопагита, л. 4].

При этом версия ЕБ здесь одинакова с версиями ОБ и МБ.

3. Гораздо больше вариативности можно наблюдать в цитатах из последующих глав. Так, в главе 3 косвенно употребляется цитата *о о есмы с ос ы* (1 Кор 3:9), ср.: *о есмы ос* (МБ).

о со ловалс сосл ж элем [Святого Дионисия Ареопагита, с. 29] – переводит это место Моисей Гумилевский, не выделяя его как цитату и, соответственно, не заимствуя принятый в ЕБ перевод.

В то же время в переводе Паисия Величковского словоупотребление явно основано на версии ЕБ: *с о с ы* [Иже во святых Дионисия Ареопагита, л. 10], равно как и в анонимном переводе: *ж i а ывае сосе -*

[Книга Блаженного Дионисия Ареопагита, л. 6об.].

На данном примере заметнее особенность перевода Гумилевского: тенденция к русификации текста и большая свобода в подборе терминологии (*сосл ж ел* для перевода греческого *ὁ συνερῶς*).

4. Цитата в 7 главе *А ла олю ав с с асе* (Ис. 63:1) (ср. с *А л а в с с а се* в МБ = ОБ) буквально воспроизво-

¹ Здесь и далее исходные цитаты приведены по тексту Библии на церковнославянском языке, зафиксированному в ЕБ.

дится в переводах Моисея Гумилевского и Паисия Величковского:

А <...> ла олю ав с с а се
[Святого Дионисия Ареопагита, с. 49–50];

А <...> лю а в с с а се [Иже во святых Дионисия Ареопагита, л. 19].

В то же время анонимный переводчик предлагает иную версию: *а <...> ла олю с с с а с ел* [Книга Блаженного Дионисия Ареопагита, л. 11], причем непосредственно в тексте он отмечает, что это цитата из *Иса 63*. То есть, осознавая данный текст как цитату из книги пророка Исаии, он не приводит его ни в версии ЕБ, ни в версии ОБ, МБ или относительно известной в славянском мире БФС, а пользуется неизвестным источником или предпринимает самостоятельный перевод.

5. Еще более уникально в этом случае цитирование из той же главы книги Исаии: *оч о че в ле ы ы во* (Ис. 63:2) (ЕБ здесь = ОБ и МБ). Эта цитата полностью использована в двух переводах Ареопагитик:

оч о че в ле ы ы во [Святого Дионисия Ареопагита, с. 50];

оч о че в ле ы ы во [Иже во святых Дионисия Ареопагита, л. 19].

На этом фоне совершенно уникальным выглядит анонимный перевод: *о е о во ма с ы во* [Книга Блаженного Дионисия Ареопагита, л. 11]. При этом рядом вновь отмечено, что это именно цитата, и именно из *амож е Иса*, то есть переводчик осознает, что эти слова взяты из той же главы книги того же пророка, но не только не воспроизводит их по официально признанному библейскому переводу, но и полностью изменяет смысл цитируемого текста. Более того, этот стих «на слуху» и хорошо известен в связи с его чтением во второй паримии праздника Вознесения Господня. В церковнославянской Цветной Триоди он звучит иначе, нежели в ЕБ: *оч о в оц е ы² ы* [Пентикостарион, л. 184об.]. Но и версия Паримийника, несмотря на текстуальное отличие от ЕБ, МБ, ОБ и др., не дает искомым и уникальных «боязненно водимых риз». Можно сделать предположение о порче греческого источника перевода или неправильной его интерпретации при аудировании: слово *ἐρυθρά* ('красные; червленые'), возможно, было воспринято как словосложение, в котором первая «основа» *ἐρυ-* (произносится как [эри-]) была ошибочно соотнесена со словом *ἐρίς* 'раздор, вражда', а вторая часть *-θρά* (произносится как [-фра]) – с частотной ос-

новой *-фра* ('-носимый, -носный'). Разумеется, это только гипотеза, поскольку нам ничего не известно об обстоятельствах работы над переводом в данном случае.

6. Стих *ла о сло ве а сла ва Гос о о м с а е о* (Иез. 3:12), идентичный в ЕБ, ОБ и МБ, дается в трех рассматриваемых рукописях в трех различных вариантах:

ла о сло ве а сла ва Гос о о м с а се о [Святого Дионисия Ареопагита, с. 52] – здесь наблюдается изменение смысла текста;

л о сло ве а Сла ва Г (с) м с а е w [Иже во святых Дионисия Ареопагита, л. 20об.] – здесь идентичность тексту ЕБ;

ла о сло ве а сла ва Г о () мес а сво е о [Книга Блаженного Дионисия Ареопагита, л. 11об.] – иная редакция по сравнению с ЕБ, но без серьезного изменения смысла, особенно учитывая языковые тенденции варьирования местоименных притяжательных форм в цитатах [Преображенская, с. 123–124].

7. Вновь идентичные версии в ЕБ, МБ и ОБ стиха *Св св св Гос о Савао : сол вс емл славы е о* (Ис. 6:3) приводятся в двух из трех переводов:

Св св св Гос о Савао сол вс емл славы Е о [Святого Дионисия Ареопагита, с. 52];

С С С Г (с) Сава w сол вс Земл Славы е w [Иже во святых Дионисия Ареопагита, л. 20об.].

Анонимный переводчик, отмечая на полях, что это цитата из *Г[лавы] 6*, допускает в ней интерполяцию: *с с с савао сол емл славы е о* [Книга Блаженного Дионисия Ареопагита, л. 11об.], позаимствованную, очевидно, из известного церковного гимна святителя Амвросия Медиоланского «Тебе Бога хвалим»: *Те е е в м Се а м е е с а ым ласы в ываю : Св Св Св Гос о о Савао ол ы с Не еса емл вел чес ва славы Твое* [Последование молебных пений, л. 49об.]. Итак, под влиянием гимнографического материала библейский текст несколько «корректируется», в остальном оставаясь вполне идентичным версии ЕБ.

8. Довольно схожую ситуацию можно наблюдать в тексте 8 главы трактата: *ло ов о асел с Ие сал м о м ожес ва чел ов ов* (Зах. 2:4). Сразу стоит отметить, что этот стих в ЕБ существенно отличается от перевода, зафиксированного в МБ (одинакового с ОБ): *ло а всел с Ие (с)лм м мжес ва чел ов че с а*. И перевод Моисея Гумилевского, и перевод Паисия Величковского (дающего на по-

² Обращати – окрасить, обагрить, запятнать [Полный церковнославянский словарь, с. 367].

лях отсылку к Зах. 2:4) полностью следуют редакции ЕБ:

ло ов о асел с Іе с ал м о м о жес ва чел ов [Святого Дионисия Ареопагита, с. 53];

ло ов w асел с Іе (с)л м м оже с ва чел ов wв [Иже во святых Дионисия Ареопагита, л. 23].

Анонимный переводчик предлагает для данной цитаты иную версию перевода: о е с ал м вел м члв м ожес вом асел с [Книга Блаженного Дионисия Ареопагита, л. 13], причем не оформляет ее как цитату и не дает ссылки на ее библейский источник.

9. Полностью аналогична ситуация с другой цитатой из той же главы трактата: с аж в е о ом (Дан. 8:16) (ЕБ = МБ = ОБ):

с аж в е о ом [Святого Дионисия Ареопагита, с. 60];

с аж в е О ом [Иже во святых Дионисия Ареопагита, л. 24] Но: а ч е о в е ю [Книга Блаженного Дионисия Ареопагита, л. 13об.], причем вновь нет отметки об источнике цитаты, а данный перевод не тождествен имеющимся известным к тому времени библейским переводам, включая вышеупомянутую БФС: о аж а ме с ем в е е сее.

10. Иная тенденция наблюдается в случае другой цитаты в той же главе: Вы <...> о с ав е лы ы ов о ч сл а ел ож (Втор. 32:8). В МБ, как и в ОБ, архаичнее: вы <...> оло ж е лы ы в м о ч сл а л ж .

Здесь и анонимный переводчик, и преподобный Паисий преимущественно следуют версии ЕБ:

ос ав о Вы е лы ы wв о ч сл А ел ж [Иже во святых Дионисия Ареопагита, л. 25об.];

ос ав о вы е елы ы о ч сл а л ж [Книга Блаженного Дионисия Ареопагита, л. 14об.].

В то же время Моисей Гумилевский в своем переводе наиболее ярко демонстрирует свой русификаторский подход, в частности, освобождая перфект (в 3 лице единственного числа) от глагола-связки в тексте столь высокого жанра и стиля: Все вы і о ос ав л е лы ы ов о ч сл А елов ож [Святого Дионисия Ареопагита, с. 64].

11. Вновь полное тождество можно видеть в краткой цитате из Второзакония (32:9) – ыс час Гос о (здесь ЕБ, МБ, ОБ и даже БФС тождественны):

ыс час Гос о [Святого Дионисия Ареопагита, с. 67];

ыс час Г (с) [Иже во святых Дионисия Ареопагита, л. 27];

ыс час Г (с) [Книга Блаженного Дионисия Ареопагита, л. 15об.].

Итак, все три перевода используют одинаковую версию цитаты, однако анонимный переводчик не указывает ее источника, Паисий Величковский делает на полях точную ссылку (Втор. 32:9), а Моисей Гумилевский ошибочно ссылается на псалом 134.

12. И, наконец, в «условной» цитате, приведенной в русском переводе трактата Г. М. Прохорова в следующем виде: И о ве е е о а – ово са е – ы о ве (ср. Ос. 4:6) всле се а вое о о л (ср. Иер. 9:13, Числ. 15:39) [Дионисий Ареопагит, с. 87], можно закономерно увидеть различные версии перевода в трех рассматриваемых источниках:

В іе оже о л ес в сл се а вое о о л ес [Святого Дионисия Ареопагита, с. 64] (имеется ссылка на книгу пророка Осии, глава 4);

о а е о а ле ве л ес в сл се а вое w о л ес [Иже во святых Дионисия Ареопагита, л. 26] (без ссылки);

о а е о е че о () всле () с () а вое о ел ес [Книга Блаженного Дионисия Ареопагита, л. 14об.] (также без ссылки).

Прямой источник цитаты можно проследить только для первой половины текста, то есть той его части, которая действительно содержится в книге пророка Осии: о ы м е о ве л ес (ЕБ = МБ) или о ы о м е ве же (ОБ). Здесь мы видим, что каждый из переводчиков был вынужден самостоятельно выстраивать конструкцию: ни один не решился употребить лексему ме е для передачи греческого ἐπίνωσιν, предпочтя слово ве е е (Гумилевский) или о а е (Паисий и аноним), но в очередной раз именно перевод Паисия оказался ближе всех к версии ЕБ (о ве л ес), в отличие от анонимного переводчика, употребившего глагол о в аористе, и от Гумилевского, взявшего тот же глагол в форме перфекта.

Подводя итог проведенному сопоставительному анализу, можно сделать следующие выводы:

1) Во всех случаях, о которых можно сказать, что переводчики трактата «О Небесной иерархии» использовали библейские цитаты в уже имеющемся переводе, это был перевод книг Священного Писания, зафиксированный в ЕБ.

2) Ни в одном из переводов не зафиксировано ориентации на текст МБ, ОБ, БФС, славянского Паримийника (в тех, разумеется, случаях, когда их версия текста разнится с ЕБ).

3) Все переводчики в той или иной мере прибегали к самостоятельному переводу библейских цитат, создавая альтернативные по отношению к ЕБ версии. При этом наиболее строгим в употреблении канонической версии ЕБ оказался Паисий Величковский. Моисей Гумилевский, опираясь в основном на редакцию ЕБ, допускал собственное редактирование ее текста в сторону русификации библейского языка. Анонимный переводчик в наибольшей степени оригинален в передаче библейских цитат.

В целом, активное использование библейского текста именно в редакции ЕБ позволяет отнести не только переводы Моисея Гумилевского и Паисия Величковского, но и рассмотренный анонимный перевод трактата «О Небесной иерархии» именно ко второй половине XVIII века.

Статья подготовлена в рамках совместного проекта кафедры латинского языка Казанского государственного медицинского университета с Институтом славистики университета Галле-Виттенберг, поддержанного фондом Александра фон Гумбольдта: «Говорить с Богом и о Боге: язык христианской мистики 18-го века: между церковнославянским и русским».

Список литературы

Га а М. Библейские цитаты в литературе Slavia Orthodoxa // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Наука, 2008. Т. 58. 962 с.

Д о с А е о а . Корпус сочинений. С толкованиями преп. Максима Исповедника / пер. с греч. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2010. 464 с.

За ол с а Н. Н. Библейские цитаты в текстах конфессиональной культуры: семантика, функции, адаптация // Славянский альманах: 2002. М.: Индрик, 2003. С. 482–492.

Иже во святых Дионисия Ареопагита о Небесном Священноначалии. ГИМ, Симоновское собрание, № 5. 45 л.

Кл ме о Л. . К вопросу экзегезы сакрального текста на церковнославянском языке и его русского перевода // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 4. С. 211–215.

Книга Блаженного Дионисия Ареопагита к Тимофею Епископу о Небесном Священноначалии. РГБ, Музейное собрание, ф. 178, № 1345. 25 л.

Н о лаева Н. Г. Славянские Ареопагитики: Лингвистическое исследование. Казань: Казан. гос. ун-т, 2007. 184 с.

Пентикостарион, сиречь Пятдесятница (Триодъ Цветная) на церковнославянском языке. М.: Правило веры, 2003. 348 л.

е овс а Т. В. Ветхозаветные маргиналии в Московской Библии 1663 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 5. С. 31–37.

Полный церковнославянский словарь со внесением в него важнейших древнерусских слов и выраже-

ний / сост. свящ. Г. Дьяченко. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. 1168 с.

Последование молебных пений. М.: Синодальная типография, 1886. 176 л.

ео а же с а А. А. Авторские изменения в библейском тексте: цитаты в проповедях Симеона Полоцкого // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2018. Vol. 7, no. 1. Pp. 115–147.

Св а о Д о с А е о а а о Небесной Иерархии, или Священноначалии. М.: б/и, 1786. 107 с.

References

Dionisii Areopagit (2010). *Korpus sochinenii. S tolkovaniiami prepodobnogo Maksima Ispovednika* [Corpus of Works. With Interpretations of St. Maximus the Confessor]. 464 p. Saint Petersburg, izdatel'stvo Olega Abyshko. (In Russian)

Gardzaniti, M. (2008). *Bibleiskie tsitaty v literature Slavia Orthodoxa* [Bible Quotations in Slavia Orthodoxa Literature]. Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. 962 p. Saint Petersburg, Nauka. Vol. 58, pp. 28–40. (In Russian)

Izhe vo sviatykh Dionisiia Areopagita o Nebesnom Sviashchennonachalii [Of Saint Dionysius the Areopagite Celestial Hierarchy]. 45 p. Gosudarstvennyi Istoricheskii Muzei. Simonovskoe sobranie, No. 5. (In Slavonic-Russian)

Klimenko, L. P. (2016). *K voprosu ekzegezy sakral'nogo teksta na tserkovnoslavianskom iazyke i ego russkogo perevoda* [On the Issue of Exegesis of the Sacred Text in Church Slavonic and Its Russian Translation]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta, No. 4, pp. 211–215. (In Russian)

Kniga Blazhennago Dionisiia Areopagita k Timofeiu Episkopu o Nebesnom Sviashchennonachalii. [The Book of Beatific Dionysius the Areopagite to Bishop Timotheus about Celestial Hierarchy]. 25 p. Rossiiskaia gosudarstvennaia biblioteka, Muzeinoe sobranie, fond 178, No. 1345. (In Slavonic-Russian)

Nikolaeva, N. G. (2007). *Slavianskie Areopagitiki: Lingvisticheskoe issledovanie*. [Slavonic Areopagitica: Linguistic Research]. 184 p. Kazan, Kazanskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)

Pentikostarion, sirech' Piatdesiatnitsa (Triod' Tsvetnaia) na tserkovnoslavianskom iazyke [Pentikostarion, that is Pentecost (The Color Triod) in Church Slavonic]. (2003). 348 p. Moscow, Pravilo very. (In Church Slavonic)

Pentkovskaia, T. V. (2020). *Vetkhozavetnye marginalii v Moskovskoi Biblii 1663 goda* [Old Testament Marginalia in the Moscow Bible of 1663]. Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, Vol. 42, No. 5, pp. 31–37. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.496. (In Russian)

Posledovanie molebnykh penii (1886) [The Book of Prayers]. 176 p. Moscow, Sinodal'naia tipografiia. (In Church Slavonic)

Preobrazhenskaia, A. A. (2018). *Avtorskie izmeneniia v bibleiskom tekste: tsitaty v propovediakh Simeona Polotskogo* [Authorial Changes to the Biblical Text: Quotations in Sermons by Simeon of Polotsk]. Slověne. Inter-

national Journal of Slavic Studies, Vol. 7, No. 1, pp. 115–147. (In Russian)

Sviatago Dionisiia Areopagita o Nebesnoi Ierarkhii, ili Sviashchennonachalii (1786) [Of Saint Dionysius the Areopagite Celestial Hierarchy]. Moscow, 107 p. (In Slavonic-Russian)

Zapol'skaia, N. N. (2003). *Bibleiskie tsitaty v tekstakh konfessional'noi kul'tury: semantika, funktsii, adaptatsiia* [Bible Quotations in Texts of Confessional Culture: Semantics, Functions, Adaptation]. *Slavianskii al'manakh*, 2002, pp. 482–492. Moscow, Indrik. (In Russian)

The article was submitted on 01.03.2021

Поступила в редакцию 01.03.2021

Ермошин Антон Владимирович,
кандидат исторических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18;
старший преподаватель,
Казанский государственный медицинский
университет,
420012, Россия, Казань,
Бутлерова, 49.
antoni_v@mail.ru

Yermoshin Anton Vladimirovich,
Ph.D. in History,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation;
Assistant Professor,
Kazan State Medical University,
49 Butlerov Str.,
Kazan, 420012, Russian Federation.
antoni_v@mail.ru

ЧАСТО ЦИТИРУЕМАЯ РАБОТА Р. ЯКОБСОНА ИЛИ ПОЧЕМУ МАМА И ... МАМА?

© Анатолий Зельдин

R. JAKOBSON REVISITED OR WHY MAMA AND...MAMA?

Anatoly Zeldin

A closer look at the often cited Roman Jakobson's work "Why Mama and Papa?" reveals that the concept of 'mama' does not always refer to Motherhood. The paper focuses on some aspects related to the derivation of the basic maternal term and describes how it developed into 'father'/'dad'/'person', etc. social labels, which are a prevalent (although not an exclusive) part of the inchoative verbal development of baby speech. The lexemes, comprising similar semantics and phonological contours, were taken from 1000 languages from around the world and this phenomenon is studied globally and cross-linguistically. Among the parental terms, "mama" lexemes meaning "dad", "father", "husband", "male", "man", "person", and "human being" (due to semantic shifts), manifest less of a worldwide tendency for cross-linguistic distribution than "mama" "mam" and "mother"; nevertheless, they are widely represented in lexicon on the global language map. The noted lexico-semantic universals of family terms' domains may serve as useful tools for semantic shifts' study in lexical-semantic typology. We argue that the mentioned greatly overlooked tendency bears world-wide significance, deeply rooted in human psychology, and influences the semantic development of an individual speaker and a language community. Thus, we assume that certain language paradigms are naturally determined.

Keywords: nursery words, development of baby speech, semantics and phonological contours, cross-linguistic, world-wide significance.

Внимательное прочтение часто цитируемой работы Романа Якобсона «Почему мама и папа?» показывает, что концепт «мама» не всегда относится к материнству. В статье рассматриваются некоторые аспекты, связанные с происхождением основного термина, относящегося к материнству, и описывается, как он превратился в «отца» / «папу» / «человека» и т. д., в социальные ярлыки, которые являются преобладающей (хотя и не исключительной) частью начального вербального развития детской речи. Лексемы, содержащие схожую семантику и фонологические контуры, были взяты из 1000 языков со всего мира и изучались с точки зрения глобального и кросс-культурного подхода. Среди терминов, обозначающих родителей, лексема *tata* в значении «папа», «отец», «муж», «мужчина», «человек» и «человеческое существо» (семантический сдвиг) в меньшей степени отражает общемировую кросс-лингвистическую тенденцию, чем *tata* в значении «мама» и «мать». Тем не менее, они широко представлены в лексике языковой карты мира. Отмеченные лексико-семантические универсалии доменов семейных терминов могут служить полезным инструментом для изучения семантических сдвигов в лексико-семантической типологии. Мы утверждаем, что упомянутая и в значительной степени игнорируемая тенденция имеет общемировое значение с глубокими корнями в психологии человека и влияет на семантическое развитие как отдельного говорящего, так и языкового сообщества. Таким образом, мы предполагаем, что некоторые лингвистические парадигмы природообусловлены.

Ключевые слова: термин материнства, развитие детской речи, семантический и фонологический контур, кросс-лингвистический, общемировой.

INTRODUCTION

Most scholars maintain that human language emerged somewhere 150–200,000 years ago [Bickerton, 1995], [Chomsky, 2002], [Fitch, 2010], [Hurford, 2011]. The diachronic depth, at which the comparative-historic method has been applicable, is no more than 10,000 years old; however, many ex-

perts in the field are more conservative, setting the limits of the comparative-historical depth at 5–7000 years before the present time. In other words, from 90% to 95% of the language evolution timescale is "a total mystery" (as Chomsky put it). The few attempts of proto-human etymologies [Bengston, 2010], [Bengston & Ruhlen, 1994] were met with

profound scepticism by mainstream researchers, because these results were neither confirmable nor refutable.

The search for the phonetic contours of certain primordial roots, which belong to the so-called “ultraconserved words” [Pagel et al., 2013], seems justified with respect to research into the origins of speech.

In this light, it is important to cite three premises: 1. The rate of word retention in vocabulary is in inverse proportion to its use in everyday speech [Pagel et al., 2007]; 2. The Gekkel principle is partly applicable to the emergence of language [Bickerton, 1995], [Jakobson & Halle, 1956], [Locke, 1994], [Szemerényi, 1960], i.e. language evolution can be exhibited by the baby speech development - from babbling to a full-scale speech production; 3. Language evolution is conditioned, among other things, by the vocal tract anatomy and the cognitive abilities of a child who learns its native language from its environment.

Thus, it is reasonable to assume that certain language paradigms are naturally determined.

1. WHAT IS THE PROBLEM WITH GEORGIAN?

Even within the most conservative layers of the human lexicon, parenting terms fulfill a special position. This position went as far as denying to *mom* and *dad* what would seem to be their intuitively privileged position in human mind. To wit: they are not included in Swadesh 100-word list. Although statistically *mama* and quite often *papa* or *dad* are usually found among the first ten words learned and used by babies [Tardif et al., 2008].

A classic theory of language origins [Jespersen, 1922] says it is quite plausible that *mama/papa* represent the natural sounds of human vocalism, like *meaw* or *cockle-do*.

The title of the paper is actually a paraphrase of the well-known work “Why ‘Mama’ and ‘Papa’?” by R. Jakobson, which delves into the phenomenon of similar phonological contours within the confines of parenting terms in genetically unrelated languages [Jakobson, 1960]. Many researches were devoted to *mama* in baby talk, whereas *papa* (to pay homage to fathers as well!) was believed to be the first word in the primordial tongue of humanity, so called Proto-Human or Proto-Sapiens [de l’Etang & Bancel, 2005]. The *raison d’être* of the present paper is to pinpoint another common regularity of such kind.

“Sometimes some quite specific correspondences have been noted, such as the tendency for languages to express ‘mother’ with a nasal, and ‘father’ with an oral front consonant...” [Crystal, 1991, p. 175]. The mentioned ‘tendency’ is global: J. Mur-

dock collected 1072 parenting terms (531 designates of ‘mother’ and 541 of ‘father’) to justify his thesis of the ‘*alleged tendency* [italics are mine – A. Z.] of unrelated languages to develop similar words for father and mother on the basis of nursery forms’ [Jakobson, 1960, p. 124].

In an earlier work, we discussed the psychological and physiological processes that gave rise to the vocal pattern *mama* and how it was secured in lexicon [Zeldin, 2018]. In the past, a number of researchers noted “a mystical belief in the weak *m*” suited to name a woman...” [Jakobson, 1960, p. 130]. Additionally, an even more bizarre ‘*théorie du ‘miam-miam’*’ was put forward, stating “on a constaté que tout autant que la A, le M avait de droit pour être considéré comme le son mere” [Quillier, 1996, p. 215]. Here we can cite also Jewish and Christian mystics who discussed the inherent quality of the /m/-phoneme to symbolize mother/woman [Ginzburgh, 1992], [Suarèz, 1992]. Still, “the pattern is not universal. In Georgian, *mama* means ‘father’ and in a number of South Asian languages (e.g. Tamil, Telugu), *mama* means ‘mother’s brother’” [Crystal, 1991, p. 175]. Or “... English has *mama*, French *maman*, German *mama*, Italian *mamma*, Swahili *mama*, and Chinese *mah*. But the sounds are not always given the same meaning by adults. In Georgian... *mama* perversely [sic! – A. Z.] stands for *father*, and *dada* [*deda* – A. Z.] for *mother*” [Wilkinson, 1971, p. 54].

It is appropriate to focus on another scholarly discussion regarding ‘mother’: “The initial syllable *ma* enters the Proto-Indo-European word for ‘mother’, which has given English *mother*, Spanish *madre*, Russian *mat’*, Sanskrit *mātā*. In Mandarin Chinese, the equivalent word is *mā*, while in Wigaw (Harui) (Papua New Guinea) it is *mam*... Presumably, the frequency of the syllable *ma* in the ‘mother’ word across languages simply reflects the fact that this is typically one of the first syllables that babies articulate clearly; therefore, it is interpreted by adults as the word for ‘mother’. (In the South Caucasian language, Georgian, *mama* means ‘father’ – and ‘mother’ is *deda* – so there are other ways of interpreting the baby’s first utterance)” [Comrie, 1987, pp. 8-9].

Needless to say, that the scholars, cited herein, called attention to the Georgian glosses due to the fact that they contradict the world-wide tendency to express parenting terms as syllables with the nasal m/n for ‘*mama*’ and with the stops for ‘*papa*’ (both groups are labial or coronal). However, if we view the lexicon of parenting terms cross-linguistically, we discover that the Georgian *mama* ‘father’ is not unique at all (the Georgian *deda* ‘mother’ will be considered later).

Austroasiatic: Pacoh *a-ám* ‘father’ (cf. *ai* ‘mother’), Ong *am* ‘father’ (*oy* ‘mother’), Ir *um* ‘father’ (*oy* ‘mother’), Ta’Oih *əm* ‘father’ (*əy* ‘mother’), Ngeq (Kriang) *um*, *uəm* ‘father’ (*əy*, *uy* ‘mother’), Car *ma-mā* ‘daddy!’ (‘child’s cry’, cf. *po-pō* ‘mammy’), Remo (Bonda) *mamu*, *mamuG* ‘uncle’, Gutob (Gadsaba) *mama* ‘father-in-law (mother’s brother, husband of father’s sister)’, Sora *mamaG* ‘maternal uncle’;

Austronesian: Amis *mama* ‘father’, Hoanya *mau-o*, *mauwa*, *amau*, *ma’o*, *mau*, *mama* id., Rukai *mama* id., Tsou *amó* id., Thao *ʔá:maʔ* id., Yami *ama*, *amaʔ* id., Cham *amō* id., Cebuano *amáy* id., Mansaka *amà* id., Ivatan *amâ* id., Kalinga *ama* id., Tboli *mà* id., Maranao *amaq* id., Muna *ama* id., Komodo *mamo* id., Alor *mama* id., Rongga *ma* id., Tetun *ama* id., Talur *aman* id., Luang *amə* id., Dai *amon* id., Imroing *ume* id., Waropen *imai* id., Motlav *imam* id.;

Penutian: Wasco-Wishram *áma-ma* ‘father!’ (voc.), Siuslaw *mətaa* ‘father’, Takelma *ma-* id. (possessive form);

Salishan: Bella Coola *man* ‘father’, Clallam *man* ‘father’, Saanich *men* id.;

Hokan: North Pomo *a-mee* ‘father’, Central Pomo *me-de* id.;

Kiowa-Tanoan: South Tiwa *meme* ‘uncle’, North Tiwa (Taos) *mi-mí-nâ* id.;

Uto-Aztec: Tübatulabal *a-na* ‘father’;

Oto-Manguean: Mazatec Jalapa de Diaz *na’mi* ‘father’;

Mayan: East Q’anjob’al *mam* ‘father’, North Mam *mamb’aj* ‘papá’, Mam Todos Santos Chuchumatán *man* ‘father’;

Tucanoan: Guanano *maí* ‘papá!’ (voc.);

Carib: Chaima *amo* ‘your father’, *umo* ‘my father’, *yaman* ‘father’, Apalai ‘avó’;

Arawakan: Yanesha *moy* ‘papa’, Chamicuro *ma’kona* ‘papa’, ‘sacha-papa’;

Witotoan: Ocaina *moon* ‘tu papá’, Huitoto Minica *moo* ‘padre’, ‘padre!’;

Panoan: Matis *ma’ma* ‘father’;

Arauan: Dení *ime’i* ‘pai’;

Tupi: Xetá *mai* ‘pai’, Apaká *oñma* ‘father’;

Nambiquaran: Latundê *mi* ‘father’;

Seri (isolate) *am* ‘her father’;

Waorani (isolate) *moempo* ‘papá’;

Tsimane (Moseten) (isolate) *mama* ‘father’;

Yamana (Yagan) (isolate) *ymú* ‘padre’;

Pume (unclassified) *amãĩ* ‘father’;

Andamanese: Aka-Kede *ma* ‘father’, Aka-Kora *amaye* id., Aka-Jeru –*amai* id., Jarawa *moma:t t t ε*, –*mo*, *ume* ‘father’;

Australian: Banjarlang *ma:maŋ* ‘father’, Dyirbal *guma* id., Ngarluma *mama* ‘father’, son of a son’s son, Panytyima *mama* ‘father’, Nyungara *mam* ‘fa-

ther’, ‘man’, Ngaanyatjarra *mama* ‘father’, Pintupi-Luritja *mama* ‘father’, ‘father’s brother’, Putijarra *mama* ‘father’, ‘father’s brother’, Nhanda *ama* ‘father’;

Trans New Guinean: Baruya *maanai* ‘father’, Aeka *mama* id., Binandere *mamo* id., Ewage-Notu *mama*, *mamo* id., Orokaiva *matana*, *mama* id., Suena *mama* id., Guhu-Samane *mai* id., Gobasi *mam* id., Mape *mam-*, *mama* id., Migabac *mamac* id., Kube *maŋgi* id., Tobo *mam-* id., Gende *nomoa* ‘father’, Siane *me-* id., Bau *mem* id., Mosimo *mama* id., Mirupi *mam-*, *mama-* id., Nake *mama* id., Rempi *mam-* id., Dimir *maŋ* id., Bargam *amam* ‘father’, Daga *maman!* ‘father!’, Kanasi *mama* ‘father’, Koiali *mama* id.,

Central Solomons: Savosavo *mao*, *mau* ‘father’, Bilua *mama* ‘father’;

East Bird’ Head - Sentani: Demta (Sowari) *mami* ‘father’, Tabla *məmai*, *məmai* id.;

East Geelvink Bay: Demisa *amca* ‘father’;

East New Britain: Quaquet *mam*, *mamak*, *mamök* ‘father’, Taulil *mama*, *mamu* id.;

Kaure: Kaure *migye* (dial.) ‘father’;

Pauwasi: Karkar-Yuri *mom narbal*, *mam narbal* ‘father’;

Ramu – Lower Sepik: Angoram *amam*, *ano*, *apa* ‘father’, Rao *mamə* ‘brother-in-law’;

Sepik: Bahinemo *mahuwa* ‘father’;

South Bougainville: Siwai (*bu*)*mo*, *umoka*, *unōka* ‘father’, Terei *mo:ka*, *mo-kanu*, *mo-umo* id., Koromira *uma* id., Naasioi *ma*, *mma* id.;

South-Central Papuan: Tabo *mani* ‘father’, Maklew *ŋima* id.;

Torricelli: Urim *mamiin* ‘grandfather’;

West Papuan: Galela *ama* (dial.) ‘father’, Loloda *ama*, *ama* id., Tobelo *ama* id., Kalabra –*eman-* id., Moi –*mam-*, *mom*, *mum* id., Moraid *nēma* id.;

Yele – West New Britain: Yele *M: aa* ‘daddy’, ‘my father’, Pele-Ata *mami-* ‘father’;

Abun (isolate) *nyam* ‘uncle’;

Kuot (isolate) *mamo* ‘father’;

Taiap (isolate) *omo* ‘father’.

2. MAMA ‘FATHER’ IN A BROADER SENSE

Before considering these phenomena, it is worth taking a closer look at the Georgian (or Kartvelian) forms, which are frequently cited as spurious and regarded as statistical deviations.

”C(ommon)K(artvelian) ***mama-** ‘father’: Georg. *mama-* ‘father’; Megr. *muma-*...; Laz [muma-]; Svan *mū*. ... The word belongs to the nursery lexicon... [Klimov, 1998, p. 114]. Furthermore: “G(eorgian) Z(an) **nana-* ‘mummy’: Georg. *nana-* ‘lullaby; Megr. *nana-* ‘mummy’; Laz *nana-* ‘mother’” [Ibid., p. 137]. Later on we shall reex-

amine the Georgian (and Kartvelian) parenting lexicon, but first the answer to the question posed in the title should be provided. To put it differently, why and how 'mama', 'mother' (sometimes 'grandmother', 'aunt', '(elder) sister'), which is common on all continents and might even be called 'the vocabulary universal', gets another, and, in certain respects, the opposite meaning, i.e. 'dad', 'father'? Roman Jakobson studied how the dichotomy of meanings reflects the phonetic dichotomy (that is to say, the different places of articulation), and the results are noted in the statistics of parenting terms ("The first consonantal opposition is that of nasal and oral stop (e.g., *mama-papa*), which is followed by the opposition of labials and dentals (e.g., *papa-tata* and *ma-ma-nana*). These two oppositions form the minimal consonant system of the languages in the world. These are the only oppositions that cannot be lacking everywhere" [Jakobson, 1968, p. 48]), thus, we can follow this phenomenon globally and cross-linguistically. Jakobson did not consider *mama* 'dad', 'father' at all. These lexemes did not escape the scholars' attention; however, surprisingly, they failed to attract great interest. Evidently, *mama* 'dad' was considered as a lexical unit existing within the limits of a statistical error. Still, *mama* 'dad' cross-linguistically occurs rather frequently, although by far, it is outnumbered by *mama* 'mam'. We may go as far as to posit that in a matrilineal society fathers are in charge of child-caring. It may seem extraordinary, however, that in Western Samoa "the primary care-givers may not be the parents at all" [Crystal, 1991, p. 235]. It should be noted that *mama* in the Samoan language, which belongs to the Austronesian family (Malayo-Polynesian branch, Oceanic sub-branch), stands for 'father'. The sound-gesture *mama!*, employed to signal the moment when a baby's physiological need arises, may easily go beyond the limits of the semantic domain *mother* and be directed towards her father or another close family member [Greenfield & Smith, 1976, pp. 91-92]. The nearest socium member may adopt 'mama' and semantically misinterpret it. Eventually, this semantic shift is anchored verbally. "The transitional period when *papa* points to the parent present, while *mama* signals a request for the fulfillment of some need or for the absent fulfiller of childish needs, first and foremost but not necessarily for the mother, is thoroughly described by Grégoire: "Edm. A paru réclamer sa maman, absente ce jour-là, en disant *mam*: *am:am*; or, c'est *papa* qu'il émet, lorsqu'il la voit rentrer...Edm. me voit lui préparer une tartine; il énonce *mama*, et non *papa*". Likewise, Smoczyński's children in the middle of their second year, when begging for something from their father, addressed him: *mama ma-ma ma:-ma:-ma*"

[Jakobson, 1960, p. 131]. Obviously, social stratification is very unstable, particularly when compared with such a conservative, intricate and slow-changing system as human language. As a consequence, a more logical explanation is demanded – a psycholinguistic one. Below, we consider the layer of Austroasiatic lexemes in its extended version (not being restricted by the 'dad'/'father' semantics).

Austroasiatic: Jehai *mnra?* 'human being', Semai *mnii?*, *mnuu?*, *mnəə?*, *nni?*, *nnə?* 'father', *mai* 'people', Tampuan *mai?* 'mother', 'leader', 'boss', Cua *manih* 'person', Rengao *manUyh* 'person', Sedang *məngə* 'person', Pacoh *a-ám* 'father' (cp. *a-i* 'mother'), Ong *am* 'father' (*oy* 'mother'), Irum *um* 'father' (*oy* 'mother'), Ta'oih *əm* 'father' (*əy* 'mother'), Ngeq *um*, *uəm* 'father' (*əy*, *uy* 'mother'), Car *ma-mā* 'daddy!' ('child's cry', cf. *po-pō* 'mummy'), Palaung Shwe *i-mē* 'man', 'husband', Lawa *mo* 'group of people', Darang *i-mai* 'man', 'husband', *i-mē* id., Remo (Bonda) *mamu*, *mamuG* 'uncle', Gutob (Gadaba) *mama* 'father-in-law (mother's brother, husband of father's sister)', *mamaG* 'maternal uncle'.

It is easy to verify that the cited lexemes phonetically appear quite similar (cf.: Jehai *mnra?* 'human being' and Semai *mnii?* 'father'), so it seems reasonable to form the semantic domain 'man', 'people', 'male', 'husband', 'father'. This domain (as well as other domains) is not strictly delineated – cf. Semai *mai* 'people', Tampuan *mai* 'mother', 'leader', 'boss' (sic! – an anthropologist or an ethnographer can draw some intriguing conclusions!). Other language families may offer similar cases. First of all, the Kartvelian glosses come to mind, due to the fact that the Georgian parenting terms are so often cited as an exception to the rule. The aforementioned Kartvelian Etymologic Dictionary provides:

"C(ommon)K(artvelian) ***mama** 'father'...

G(eorgian)Z(an) ***mama-l** 'male': Georg. *mamal-* 'male', 'cock'; Megr. *mumul-*; Laz *mumul-*, *mamul-*...

G(eorgian)Z(an) ***mama-m-til-** 'father-in-law'" [Klimov, 1998, p. 114].

We may compare the cited Kartvelian etymologies to the lexemes related to the *woman* semantic domain.

"C[ommon] K[artvelian] ***deda-** 'mother': Georg. *deda* 'mother'; Megr. *dida-*; Laz. *dida* 'old woman, grandmother'; Svan *di-* 'mother'...It is an obvious nursery word widely documented in Old Georgian where it also meant 'woman'...

CK(?) ***deda-l** 'female': Georg. *dedal-* 'female, hen', Megr. *dadul-*; Laz. *dadul-*; Svan *dädw*, *dedw(?)*" [Ibid., p. 39].

"CK ***da-** 'sister'" [Ibid., p. 36].

We posit that *mV*-(-*mV*) ‘mommy’ and *dV*-(-*dV*) ‘daddy’ essentially did not interchange their social status and/or semantics in some mystical way, but rather these lexemes (*deda* ‘mother’/ *mama* ‘father’) are just the evolutionary outcome of Proto-Kartvelian glosses ‘woman’, ‘female’/ ‘man’, ‘male’ (as well as the affiliated units within the same semantic field – like ‘husband’, ‘male’, ‘human’, ‘person’). Quite plausibly, the Car (Austroasiatic family, Mon-Khmer branch) pair of parenting terms *ma-mā* ‘daddy!’/ *po-pō* ‘mammy!’ evolved diachronically in a similar way.

As was noted above, the Proto-Kartvelian **nana*- does not negate the overall picture of the worldwide distribution of the MAMA phonological contour, formed by the nasal consonants. The same could be argued about the Proto-Austronesian forms **ama* ‘father’ [Blust, 1979, p. 206], **mamah* ‘mother’s brother’ [Blust, 1999, p. 362], **ina* ‘mother’ [Blust, 1999, p. 361].

In an earlier paper, we have cited the instances of 163 languages related to 86 language families/macrolanguages or isolates, in which *mama* ‘mother’ root was expressed by the nasal consonants (/m/ or /n/ in 95,1% cases) [Zeldin, 2018]. The list of *mama* ‘father’ lexemes is less expansive, but sufficiently long anyway. This phenomenon is easy to explain – the parenting terms are very stable considering their ontogenic emergence in human speech. These glosses, as well as pronouns, seem to be the most conservative layers in the lexicon. They are rarely replaced by the affiliated lexemes within the scope of the same semantic domain (like ‘father’ ↔ ‘male’ ↔ ‘husband’ or ‘mother’ ↔ ‘aunt’ ↔ ‘grandmother’). To advance this conjecture, we composed a list of the genetically unrelated but phonologically similar forms with the semantics ‘person’, ‘man’, ‘human being’, ‘male’, ‘husband’. The results are remarkably comparable in their size with the *mama* ‘mother’ list.

Indo-European: Sanskr. *mānu*-, *mānus* - ‘man’, Avest. *manuš*, Proto-Germanic. **mannā* -, Old Church Slav. *мѣжъ*.

Basque (isolate): *maketo* ‘non-Basque’, ‘foreigner’;

Afro-Asiatic: ‘man’, Ugaritic *mutu* ‘man’, Old Egyptian *imy* ‘actor/door prefix’, Gadames *iman* ‘man’, Zenaga *mīn* id., Hausa *mùtum* id., Bole *mēmu* id., Baram *nyam* id., Oroma (Galla) *nama* id., Caffa *anāmo* id.;

Mongolic: Dagur *maq* ‘group of people’;

Turkic: Chuvash *ami* ‘friend’, ‘brother’;

Tungusic: Nanai *mānə* ‘self’;

Koreanic: *mom* ‘body’, ‘self’;

Japanese: *mono* ‘man’;

Yukaghir: South Yukagir (Kolyma Yukagir) *omni*: ‘people’;

Dravidian: Kannada *mandi*, *mande* ‘people’, Tulu *mandi*, *mandè* id., Telugu *mandi* ‘crowd’, Kalami *mandī* ‘men’;

Burushaski (isolate): *muuyar* ‘husband’;

Kusunda (isolate): *mādu*, *mādu* ‘elder sister’s husband’, *mom* ‘elder brother’;

Kartvelian: see above;

Nakh-Daghestanian: Lezghi *menseb* ‘provenance’, ‘clan’;

Sino-Tibetan: Old Chinese 民 *mī n*, *mīn* ‘people’, Mandarin 民 *mín* id., Ming 民 *mín*², *mīn*², *mēij*² id., Sherpa *mī* ‘man’, ‘people’, Garo *man-de*, *man-di* ‘person’, ‘human being’, *mē-a*, *mī-a* ‘man’, ‘male’, Boro *mansi*, Belhare *maḍi* ‘person’, *manua* ‘human’, Thulung *mini* ‘person’, *mytsy* ‘human’, ‘man’, Limbu *mōna*, Bantawa *muna* ‘people’, Dhimal *mī* ‘human classifier’;

Hmong-Mien: Hmong Njua (Green Miao) *món* ‘Mong’, ‘Hmong’, ‘Miao’, ‘Meo’, or Maeo (ethnic name);

Kra-Dai: Buyang *ma^oij³¹* ‘person’, Phu Thai *muu³* ‘group’, Lue (Tai Lü) *muang* ‘nation’;

Austronesian: Atayal: *mama* ‘uncle’, *umas* ‘man’, Siraya *amama*, *ama* ‘man’, ‘male’, Basai *manaina* ‘male’, Pazeh *mamah* ‘elder brother’, *mamaleng*, *mamarun* ‘male’, Saisiyat *mae’y: aeh* ‘person’, Puyuma *mainaen* ‘man’, ‘male’, Rukai *umasə*, *umas* ‘person’, *omas* ‘people’, Tsou *mamameoi* ‘elder’, ‘old people’, *mameoi* ‘old man’, Bali *muani* ‘male’, ‘man’, Mualang *mensia* ‘human’, Wolio *mia* ‘person’, Wanukaka *moni* ‘male’, Kei *mensia* ‘person’, Alor *ama* ‘man’, Kabola *ma’mē* ‘human being’, Tetun *mane* ‘male’, Biak *man* ‘male’, Kurudu *iman* ‘man’, Kiribati *mm’aane* ‘man’, Kairiru *mongan* ‘male’, Manam *moane* ‘man’, Malango *mane* ‘man’;

Niger-Congo: Loko -*mə* ‘person’, Mende *numu* ‘person’, *nu* ‘man’, Bambara *ma* ‘homme en général’, ‘homme de, gens de’, *mama* ‘humain’, Avatime *onyimé* ‘male’, *ô-nò* ‘man’, Ewe *āmē* ‘person’, Siya *onyimé* id., Bangangte (Medumba) *men* ‘man’, ‘person’;

Nilo-Saharan: Kanuri *ām* ‘people’, *ámá* ‘fellows’, Ik *ám* ‘person’, ‘human’, Moru *manago*, *manvago* ‘man’, Logo *mə^ondá*, *mə^ondí* ‘person’, Me’en *məʔen-it* (pl. *məʔen*) ‘people’, self-name, Bodi *məʔen* id., Muguji *umu* ‘husband’, Mursi *mai* ‘person’, ‘man’, Tama *ma* ‘homme’, Merarit *mo* ‘male’, Dinka *miɔny*, *muɔny* ‘man’, Masai *ol-Maâ* ‘traditional name of Maasai nation’, Kadugli *amidī* ‘person’, *miide* ‘man’, Katcha *emidī* ‘person’, *miide* ‘man’;

Hadza (isolate): *ʔúnù*- ‘person’;

Sandawe (isolate): *ɲlémésé*, ‘person’ (masc., sing.), *ɲlémésú* id. (fem., sing.), *ɲlòmósô* (pl.);

Khoe-Kwadi: *!Ani* -*mà* masculine suffix;

Banggi Me (isolate): *yamba* ‘people’, *yaame* ‘child’;

Laal (isolate): *mùán* ‘people’;

Chukotko-Kamchatkan: Alyutor *nəm* ‘man’;

Eskimo-Aleut: Greenlandic Inuktitut *nayminiq* ‘self’, ‘himself’;

Wakashan: Nootka *ma-*, *maʔas* ‘tribe’, ‘clan’, *maʔayil* ‘family’;

Tsimshianic: Sm'algyax (Coast Tsimshian) *mansm'ooygit* ‘leading chief’;

Algic: North-East Cree *mônîyâw* ‘white person’, Powhatan *nimatew* ‘man’, Cheyenne *má'haeso* ‘old man’, ‘husband’, *mana* ‘band member’, ‘person of the group’;

Maiduan: North-East Maidu *mai'düm* ‘man’, men’, ‘people’, Nisenan *majdyK* ‘man’, *mania* ‘boy’;

Coosan: Coos \Hanis dial. \ *me* ‘person’;

Takelman: Kalapuya *mɛʔnma'*, *amim* ‘people’; Takelma *ma-* ‘father (possessive form)’;

Siuslaw (isolate) *mātaa* ‘father’, *mat'ii* ‘elder brother’, *muuskw* ‘younger brother’;

†**Alsea (Yakonan)** (isolate?) *ám* ‘husband’;

Sahaptian: Nez Perce -*maaman* ‘people’;

Miwok-Costanoan: North Ohlone \Soledad dial. \ *muhue* ‘man’, *mue* ‘person’, *mu'-wě* ‘married man’, \Rumsen dial. \ *ama* ‘people’, \Monterey dial. \ *ama* ‘person’;

Yokutsan: Yokuts *mai*, *nòno* ‘man’, ‘person’;

Salish: Bella Coola *ʔimlk* ‘man’, -*mx*, *nu-* ‘human being’, ‘person’, Squamish *man* ‘father’, Clallam *man* ‘father’, Saanich (Salish Straits) *men* id.;

Iroquoian: Huron (Wyandot) *anqamáʔq* ‘one-self’;

Siouan: Mandan *numaʔk* ‘man’, Nakota *mnoka* ‘male’, Tutelo *mañki* ‘husband’;

Chimakuan: Chemakum *ámāas* ‘grandparent’;

Kutenai (isolate) -*am-* ‘indefinite human affix’;

†**Atakapa** (isolate?) *mon* ‘all’;

†**Karankawa** (unclass.) *jámawe* ‘man’, -*mai* ‘body (‘todo el cuerpo’);

Chumash: Cruzeño *al-amün* ‘man’, Ventureño *'amamə* ‘body’, Chumash *s-mano-l-mano* ‘man’;

Cochimí-Yuman: Cochimi -*mí*, -*ma* ‘man’, ‘male’;

Palaihnihan: Atsugewi *a-mun* ‘grandfather’, ‘grandson’;

Pomoan: South-East Pomo *ūmti-mfo* ‘person’, *mafo* ‘man’, *immek* ‘elder brother’, East Pomo *mex-a* id., North Pomo *a-mee* ‘father’, Central Pomo *me-de* id.;

Washo (isolate) *mé:Ln* ‘old man’, *mí:flew* ‘everybody’;

Kiowa-Tanoan: South Tiwa *meme* ‘uncle’, North Tiwa (Taos) *mi-mí-nâ* id.;

Chimariko (isolate) *mV-* (*ma-*, *mā-*, *mi-*, *mè-*) ‘kin and family members classifier’;

Salinan (isolate) *ama* ‘grandfather’;

Uto-Aztecan: Pipil -*manu(h)* ‘brother’, South-East Tepehuan *ma'ncam* ‘person’, North Tepehuan *imóko* ‘someone (of a group)’, Hopi *mongwi* ‘leader’, Shoshoni *nūm* ‘person’, Comanche *numu* ‘Comanche’, ‘human being’, ‘the people’, South Paiute *numu* ‘Indian’, Cupeño *menye-m* ‘white person, people’;

Tarascan: Purepecha *uám̐ba* ‘marido’ (husband), ‘esposo’ (spouse);

Oto-Manguean: Chiapanec (Mangue) *manku*, *mambo* ‘brother’, *manku* ‘friend’; Chinantec Comaltepec *moʔia* ‘Comaltepec people’, Mazatec Chiquihuitlan -*míʔyo*⁴ ‘friend (male)’, Mazatec Jalapa de Díaz *na'mi* ‘father’, Zapotec Loxicha *men* ‘person’, ‘people’;

Mixe-Zoque: Mixe Popoluca Sayula *máj tsuc* ‘hermano menor’, *masan* ‘gente de alta sociedad’ (high society people), *mu n* ‘gente de razon’ (reasonable people), *mu t* ‘yerno’ (son-in-law), *mu tna* ‘suegro’ (father-in-law), Zoque Copainalá *mban* ‘man’;

Huavean: Huave San Mateo del Mar *miteataeran* ‘padre’ (father), *minoharan*, *mintaharān* ‘marido’ (husband), ‘marida’ (one’s wife), *moel* ‘gente de fuera’ (strangers);

Mayan: East Q'anjob'al *mam* ‘father’, Mam Todos Santos Chuchumatan *man* ‘father’, Q'eqchi *mama* ‘grandfather’, Central Kaqchikel *mama* ‘old man’, Central K'iche *ama'* ‘male’, *mam* ‘grandfather’, Classic (Hieroglyphic) Maya *mam* ‘grandfather’, ‘grandson’, ‘old man’, ‘ancestor’;

Hinka: *amù*, *ʔamu* ‘abuelo’ (grandfather), -*umu* ‘male’;

Lenka: Salvador Lenka (Chilanga) *máiu* ‘mari’, *máyu* ‘fils’;

Misumalpan: Miskito *manuka* ‘brother’;

Jicaqueran: Tol *mac* ‘non-Indian’, ‘ladino’;

Chibcha: Kogi *mama* ‘lider espiritual’, Tunebo *umá* ‘papa, mama (usado de la misma sangre)’ (said of the members of the same family), Bribri *yàmĩ* ‘pariente’ (relative);

Chocoan: Emberá-Catío *mákirá* ‘hombre’ (man), Epena *imi'k'hîra* ‘man’, ‘male’, Emberá-Chamí *muk'hî ra* ‘man’, Emberá-Tadó *imik'hîrã* id.;

Guajibaoan: Cuiba *amo* ‘grandfather’, *monae* ‘people’, ‘family group’, Guajibao -*mónae* ‘familia de...’, -*momori* ‘descendientes de...’, Guayabero *ʔám* ‘grandfather’;

Salivan: Sáliba *imegudi* ‘hermano menor’ (younger brother), *embá* ‘mâle’;

Tucanoan: Tuyuca *umtu* ‘hombre’ (man), Wajiará *umuarê* ‘hombres’ (men), Carapana *u_mua* ‘hombres’, *majã* ‘clan’, ‘gente’, Siriano *?mi_ŋi* ‘varon’ (male), ‘hombre’, Koreguaje *umtu* ‘hombre’, Siona *ŋimígi* ‘man’, Secoya *ēmē* ‘hombre’;

Puinavean: Hupdē *mōy kī tæ_h dāh* ‘nombre de un clan’ (name of a clan), *mō_h chāh tæ_h dāh* id.; Puinave *-tii-min-ək* ‘to beget (of father) (-tii ‘to be born’);

Yanomaman: Yanomámi *yānōmāmi* ‘person’, ‘human being’, Ninam *ninam* ‘person’, ‘human being’, Yanomamö *yah-no-mah-mah* ‘human being’;

Barbacoan: Colorado *mi’ya* ‘chief’, ‘chieftain’, *māpi* ‘uncle’;

Cariban: Chaima *amo* ‘your father’, *umo* ‘my father’, *yuaman* ‘father’, Wayana *ōmō* ‘man’, Carib *mati* ‘friend’, ‘black man’, *omo* ‘relative’;

Paезan: Pa’ez *nmi* ‘esposo’, ‘marido’ (husband);

Maipurean (Arawakan): Yavitero *enami* ‘man’, Piapoco *minanái* ‘habitantes’, Guana *imam* ‘marido (husband)’, Terêna *îma* ‘her husband’, Ashéninka *noime, noimi* ‘esposos’ (spouse), ‘marido’ (husband), ‘mi esposo’, ‘mi marido’, Irántxe *miya* ‘man’, Resígaro *múúbe* ‘marido’ (husband), ‘hermano’ (brother);

Witotoan: Muinane *miyáminaa* ‘gente’ (people), *-minaa* ‘gente’, Ocaina *moon, móónjon* ‘tu papá’, ‘tu padre’ (your father), *imónjonh!* ‘¡hijo!’ (son!), ‘¡padre!’ (father!), Huitoto Minica *moo* ‘padre’, ‘¡padre!’, Huitoto Murui *iima, imie* ‘hombre’, ‘macho’, Huitoto Nüpodē *iima* ‘hombre’, *mo* ‘papá’;

Sapé (Caliana) (isolate) *mĩñō* ‘man’, ‘person’, *imone* ‘father-in-law’;

Quechuan: Quechuan Huallaga Huánuco *manyapita* ‘all (of a group)’, Quechuan Tena Lowland *minga* ‘reunión de gente invitada para algún trabajo’ (group of persons assembled for a common labour);

Bororoan: Bororo *imedu* ‘man’, *media, meduia, mede* ‘friend’, Umotina *mánapo* ‘homens’, *mánondo* ‘pai da esposa falando’, *manũdo*, *manondo* ‘criança (filho)’ (son);

Jean: Kayapó *memy* ‘man’, Kaingang *mén* ‘esposos’;

Maxakalian: Maxakalí *mũn* ‘self’, *mũnōpxox* ‘large group of people from the same category’;

Panoan: Shipibo-Conibo *-mee* ‘a (mí, ti, nos, sí) mismos’ (for me myself, tu yourself, our ourselves, he/she himself/herself), Matís *ma’ma* ‘father’, Kasinawa (Cashinahua) *mae* ‘caserío’ (farm, small village), ‘comunidad’, ‘pueblo’;

Arauan: Dení *ime’i* ‘pai’, *makhi* ‘masculino’, ‘macho’, ‘homem’ (person), ‘marido’ (husband);

Harákmbut: Huachipaeri *mi* ‘término para dirigirse a una persona’ (a form to address a person), ‘hermana’ (brother), ‘hermano’ (sister);

Jivarooan: Achuar-Shiwiari *umáim, umájim, májim* ‘tu hermano (de mujer)’ (your brother, of a woman), ‘tu hermana (de hombre)’ (your sister, of a man);

Yaguan: Yagua *may* ‘extranjero’ (stranger), ‘forastero’ (foreigner), ‘foráneo’, ‘gente blanca’ (white people), *munuñu* ‘nativos no civilizados’;

Zaparoan: Arabela *maanu* ‘grupo’, ‘miembros de una entidad’ (members of a unity), ‘manada’ (horde, crowd), Záparo *maníno* ‘a youth’;

Tupian: Karitiána *mān* ‘marido’ (husband), Aché *ime* ‘husband’, Tupi (Classic) *mena* ‘marido’, Asurini Tocantins *ímena* ‘husband’, Parakanã *men* ‘marido’ (husband), Kayabí *-men* ‘marido’, Jurúna *ama* ‘grandfather’, ‘people’, *uma* ‘friend’;

Aymaran: Aymara *mal’ku* ‘chief’, ‘authority’, Jaqaru *mayni* ‘human counter’, ‘mate’;

Chapacuran: Wari (Pakaas novos) *mon* ‘sing., masc.’, *momon* ‘pl., masc.’, *mam* ‘sing., fem.’, *mamam* ‘pl., fem.’, *main* ‘neater’;

Nambikwara: Latundē *mi* ‘father’, Mamaindē *mamāimsi* ‘Mamainde’;

Tacanan: Araona *mama* ‘hermano mayor de un hombre’ (man’s elder brother);

Mosetenan: Tsimané *mintyi* ‘man’, *mama* ‘father’;

Matacoan: Wichí Lhamtés Güisnay *mam’sé* ‘young man’;

Chipaya-Uru: Chipaya *mati* ‘offspring’, *mač* ‘son’;

Mascoian: Guana *emmanabie* ‘man’;

Mapudungu (Araucanian): Mapadungun (Mapuche) *mangel* ‘guest’;

Kaweskaran: Qawasqar *jema* ‘hombre blanco’ (white man);

Chon: Tehuelche (Aoniken) *iamenz* ‘raza’;

Seri (isolate) *am* ‘her father’, *amaac* ‘her older brother’, *amahaj* ‘his/her pat. uncle’;

Warao (isolate) *moana* ‘people’, *moanna* ‘persons’;

Muniche (isolate) *ñima, mima, ma?ta* ‘esposos’ (husband);

Pankararú (isolate) *umã* ‘old man’;

Cayubaba (isolate) *ma’miasi* ‘young man (adolescent)’;

Itonama (isolate) *u-mu* ‘man (vs. woman)’;

Kunza (Atacameño) (isolate) *am-mu* ‘dueño’, ‘patron’;

Movima (isolate) *mah-mah-nina* ‘to beget (of father)’, *-mah* les gens de’, ‘ceux de’;

Urarina (isolate) *enamanáa* ‘young man’;

Yuracare (isolate) *manchijsha* ‘self’;

Yámana (Yagan) (isolate) *ymú* 'padre', *yámana* 'hombre' (man);

†**Jirajare:** Ayaman *ayoman* 'husband';

†**Pucina** *miñ, mana* 'hombre' (forma generica), Callajuaya *mana* 'person';

†**Catacao:** Colan -*m* 'human afiix';

†**Huarpe:** Allentia *ñuchum yam, yam-ñuchum* 'hombre' (man), *yam* 'varon' (male), Millkayak *yam* 'hombre';

Pume (unclassified) *amãĩ* 'father', *ayi-mãĩ* 'older brother', *ayĩ-mãĩ* 'younger brother';

Kunza (Atacameño) (isolate) *am-mu* 'dueño', 'patron';

Arára (unclassified) *ymanoé* 'fellow';

Andamanese:

- **Great Andamanese:** Aka-Bea *maia* 'uncle', *mâma* 'brother-in-law';

- **South Andamanese:** Jarawa *mɔɣɔɖale* 'brother', *mammayet t ay* 'husband';

Trans New-Guinean: Ankawe *a'ma* 'man', 'person', 'human', Hamtai *amä'ä* 'man', 'person', Menya *amä* 'uncle', Suena *ema* 'man', Orokaiva *namei* 'brother', *mamei* 'friend', Damal *me, mē, meal* 'man', Erave *ame* 'brother', Kewa *amé* id., *mae* 'uncle', Finongan *ama* 'man', Rawa *mine* 'head man', Nukna *ámna* 'man', Awara *amin* 'person', Wantoat *amin* id., *maan* 'cousin', Dedua *muna* 'younger brother', Hoyahoya *ama* 'man', Mubami *ama, ami* 'man', Tamagario *nim* 'man', Ndom *namun* 'husband', Amele *manahal* 'man', Rapping *me, mē?* 'man', Malas *maɲ* 'brother', *munu* 'man', Bargam *amam, mam* 'father';

Border: Imonda *yima* 'person', Waris *mundil* 'mature man';

Central Solomons: Bilua *maba, mamba* 'man';

East Bird's Head-Sentani: Meyah *mona* 'man', Sentani *ma* 'father';

East Geelvink Bay: Demisa *amca* 'father';

Fas: Fas *yime-* 'man', Baibai *yimēni* id.;

Kaure: Kosare *nimiréka* 'man';

Lower Mamberano: Warembori *mambuante* 'brother', *mando, man-do* 'man', Yoke *mamb, maomba* 'man';

Nimboran: Kemtiuk *mamdat* 'grandchildren';

Pauwasi: Karkar Yuri *nomarop^h* 'person', *mē^w nə'əp, mōm nē'nɔp^h, mām nē'nɔp^h* 'brother';

Piawi: Haruai *nambə* 'man';

Ramu-Lower Sepik: Yimas *nama-awt* 'person', Kire *ma* 'husband', Awar *mamúsughat* 'man';

Senagi: Angor *anamindi* 'male', 'husband', amonggo 'older sibling';

Sepik: Ngala *amu, amw, jəmwac* 'brother', Nukuma *ma* 'husband', 'man', Bahinemo *ima, ɣuma* 'man', Mehek *mam* 'uncle', *nemna* 'husband';

Skou: Isaka *mini* 'man', Skou *moe* 'person', 'Papuan';

Somahai: Momuna *meé aroo* 'person';

South Bougainville: Siwai *nəmmae?* 'person';

South-Central Papuan: Agob *maun, močen, mosen, muina, munyen* 'brother', *monde, jumua* 'husband';

Tor-Kwerba: Kwerba *manna, ana, ana?* 'man';

Torricelli: Mufian *ama* 'men', Kombio *mentit, mendit^h* 'man', *minkan* 'husband', Yambes *mingan* 'husband', Buna *ami* 'man', Elkei *monol* 'man', One-Molmo *mama, mana* 'man', Seta *oma* id., Seti *manyko, maŋko* 'man';

West Papuan: Tidore *manusia nonau?* 'man' (dial.); Moi *naa-molo, na-molo, ne-mòlo, mēmòlo* 'person';

Yele – West New Britain: Pele-Ata *mene* 'friend', Yele *moo* 'husband';

Abinomn (isolate): *moi* 'father's father';

Abun (isolate) *mendjetu* (dial.) 'person';

Kuot (isolate) *miga-na, miyana* 'man';

Mawes (isolate): *mamenta* 'father';

Mpur (isolate) *mamir, menip, minip* 'man';

Sulka (isolate) *mea, mhad, mhel* 'person';

Taiap (isolate) *mun-dzhár, mung-ro, mun, mun-je-num, munžar, -mür* 'man';

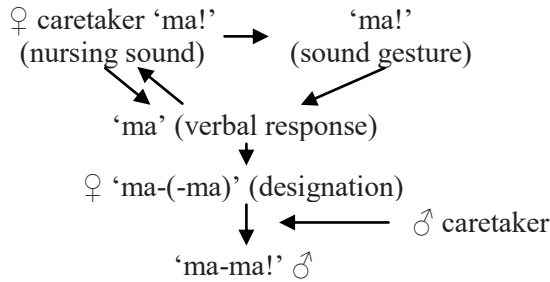
Australian: Maringarr *meme* 'man', Buararra *mumurna* 'elder(s)', 'leader(s)', 'important persons(s)', Djauan *mungui* 'man', Dyirbal *muyngul* 'brother', Kuuku-Ya'u *mu:yu* 'husband', Atampaya *ama* 'man', 'person', Ngarluma *mayaga* 'person', Yindjibarndi *-man* 'person', Burduna *mimi* 'father-in-law', 'mother's brother', 'uncle', Nyunga *mam* 'father', 'man', Umbugarla *mama* 'brother', Matuyhunira *mimi* 'uncle';

3. A POSSIBLE IMPACT OF SOCIAL PATTERNS - PRO ET CONTRA

The cited forms are enough, in our opinion, to prove that the distribution of the mV-(-N-) lexeme (N stands for a nasal front labial consonant), which possesses the 'man/ 'husband/ male/ person/ human being' semantics (including the variants thereof like 'brother/ uncle/ grandfather/ son/ son-in-law/ chief/ chieftain/ people'; as for 'father' - see above), is world-wide in scale. Likewise, the 'person/man' → 'father' metonymic substitution within the limits of the same semantic field can be ontogenetically considered as a kind of lexical-semantic universal.

Apparently, the long-standing question, raised in this paper's title, has yet to be answered. Is it plausible that the similarity of the phonological contours of the lexemes that belong to the semantic domains *mommy and dad/father/man/person* should be considered fortuitous? Considering the world-wide distribution of these lexemes, the conclusion must be negative. The similarity of this kind, reiterated so many times on all continents, could hardly be coin-

cidental. Quite possibly, there are two scenarios of semantics transformations. According to the first one, in a matrilinear society, men occupy the position traditionally reserved for women. Thus, citing Jakobson, "...in Grégoire's parlance, la grande dispensatrice" (i.e. no one else but mother) [Jakobson, 1960, p. 30], a baby's father ('le grand dispensaire') takes her place. The results of changing gender roles are manifested in semantics and lexicon. The process can be schematically depicted as follows:

This conjecture seems both reasonable and logical, in my humble opinion. A number of anthropologists have indeed detected such a pattern in some culturally isolated communities. For instance, among Aka Pygmies (20,000 in Western CAR and NW Congo), the social structure, including family responsibilities, is subdivided according to the following pattern: women hunt, and men take care of babies (their nipples serve as dummies) [Hewlett, 1991]. Another case is provided by the Yakuana Indians in Venezuelan Amazon – a mother cares for her baby for only four months of the neonate's life, whereupon the burden of rearing the child is given over to her elder children – from 4 to 12 years old [Liedloff, 1989]. In addition, we have the ritual of fosterage (formerly common in the NW Caucasus). According to this custom, a newborn baby (sometimes only three days old!) is adopted by a stranger's family, known as "Atalyk" in the Caucasus, then it is raised up until his/her adolescence and finally returned to the biological parents upon reaching a mature age, ranging from 7 years old or 12 – 13 or 17 – 18 or prior to his/her marriage, depending on the local traditions [Koswen, 1935]. The French explorer Taitbout de Marigny noted in 1818: "Il est fort rare qu'un garçon receive son education sous le toit paternal... L'Atalik emporte le nouveau né, parfois secrètement, le confie à une nourrice; et aussitôt qu'il peut se passer de ses soin, son education commence..." [Taitbout de Marigny, 1821]. This tradition existed in Abkhaz-Adygh (Abkhaz, Abazin, Adygh), Kartvelian (Svans), Turkic (Balkar, Karachai) and Indo-European (Ossetic) ethnic groups. A few European nations practised a similar tradition – fosterage could occur among Irish, Scotts,

Welsh and Icelanders [Chonail, 1997], [Hansen, 2008], [Parkes, 2006].

These cases, albeit fascinating by themselves, are not a rule of culture, but rather exceptions to the rule. The fact is that changes in language, especially the basic parenting terms which make up the most conservative domain, occur very slowly taking hundreds of years; and the social matriarchal/matrilineal patterns like the aforementioned ones could hardly be preserved for such a long period of time, especially, on a global scale.

A different version of semantic shift seems much more probable. In the previous paper, the writer discussed the metaphorical verbal syncretism in a baby's mind and speech, and its influence on the lexicon spreading along the vectors toward the adjacent semantic domains mother/feeder → feeding/suck/breast/milk/nursing [Zeldin, 2018].

Here, we consider the process of the formation of a language semantic hierarchy due to a semantic shift from *mama* on to a closely related semantic domain, when the basic phoneme (/m/ is the case) is retained. Nota bene: the cognitive scope continues to widen and comprises basic functions such as 'to suck', 'to eat', 'to drink', 'to lick' etc., as well as such designates as 'mouth', 'lips', 'gums', 'teeth'. Regarding the problem treated here (*mama* ♀ vs. *mama* ♂), another kind of semantic shift and the verbal syncretism associated with it should be emphasized. Still, we have the unpersonified sound gesture *ma!* or *mama!* (i.e. not semantically grasped as 'alma mater'), which is conventionalized with a secondary semantics 'I/me' as contrary to anything else, 'not-I/not-me'. Thus, we both hear a simple verbal response against the natural stimulus '(I) want – eat!' and witness the growth of idiosyncrasy of a more profound sense – i.e. a new semantic field with the nucleus 'ego sum' being formed along with the creation of a dichotomic separation of the 'me' and 'not-me' domains. "Everyone knows how, in the first years of its life, a child loves to repeat the words it hears, to imitate syllables and sounds, even those whose meaning it hardly understands ... But from the point of view of personality, imitation would seem to be... a confusion between the I and the not-I, between the activity of one's body and that of other people's bodies. At its most imitative stage, the child mimics with its whole being identifies itself with its model" [Piaget, 1959, p. 34].

To put it differently, by dealing with the semantic categorization of the 'I/person' concept, we view the conceptualization of a baby's cognitive realm. "The first things that are learned are principles – not items: principles of categorization and pattern perception. The first words refer to classes, not unique objects or events" [Lenneberg, 1968, p. 32]. A baby,

by the end of the first year of its life, forms new designates and integrates them into its own existing concepts [Cheney & Seyfarth, 2005]. Clearly, both verbal syncretism and metaphoric thinking function as the supplement to its rudimentary lexicon – in both phonemic and semantic terms [Bybee, 2006]. Anna Wierzbicka proposed calling this mechanism ‘the universal thought-saving device’ [Wierzbicka, 1996]. It is most likely that after a toddler’s basic needs are fulfilled (i.e. hunger prompts a verbal response which will later be conceptually anchored as a sound symbol/sememe *ma-* and realized lexically as *mama*); its cognitive realm absorbs the semantically indivisible concept person/someone which is, according to Wierzbicka, ‘among the best established semantic primitives’ [Goddard & Wierzbicka, 1994]. This process is well described in the context of Piaget’s “egocentric thinking” which is inherent in a baby up to pre-puberty, a period of seven years [Piaget, 1959]. The important outcome of this process is ‘the need for justification at any price’ [Ibid., p. 156] (i.e. ‘to establish connections between the most heterogeneous objects’ [Ibid.]) and “syncretism...which is the negation of analysis, [that] calls for this effort by which every new perception is connected somehow... with what immediately precedes it” [Ibid., 158].

The third scenario of the semantic shift *mother* → *breast* → *feeding* → *food/to eat/to drink* → *arm/hand (stretched to get some food)* → *me* → *human being* → *man/male/husband/father* is also possible. It will be elaborated in a paper to come.

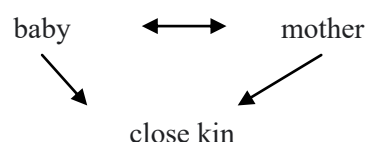
The realization of the lexeme in question in 100-some language families (including isolates), according to the XXIII Ethnologue edition [Eberherd et al., 2020], leads us to believe that the formation of the aforementioned semantic domain, centered around the ♂ *mama* lexeme (which is phonetically similar and frequently not distinguishable from ♀ *mama*), is a determined process. This verbal process is cognitively conditioned in terms of both the baby’s perception and the verbal activity of its adult environment. Taking into consideration the world-wide usage of the parenting terms like *mama*♀ and *mama*♂, we must posit for the universal tendency of their emergence.

In conclusion, it is pertinent to cite the treatise on language origins, advanced by the renowned French economist, philosopher and reformer Anne Robert Turgot (the 18th cent.) before the French Academy: “Un home seul, tel que le suppose ici Maupertuis (a French mathematician, philosopher and man of letters; the Director of the Académie des Sciences), ne serait pas tenté de chercher de marques pour designer ses perceptions; ce n’est que vis-à-vis des autres qu’on cherche” [Turgot, 1971].

RESULTS AND DISCUSSION

As is evident from the ensuing account, the *ma-ma* ♂ lexeme cross-linguistically appears almost as frequently as *mama* ♀ (bearing in mind not only the ‘mother’ glosses but also the closely related ones ‘granny’, ‘aunty’, ‘(elder) sister’, etc., i.e. lexicostatistically the values are of the same order. It seems clear that this phenomenon has psychological roots. The first and foremost is the idiosyncrasy of the childish mind [Piaget, 1959], which expresses itself in the overextension of a particular word [de Villiers & de Villiers, 1979]. The global distribution of *mama* ♂ as well as *mama*♀ has its origins in the following processes:

- the transformation of the purely emotional sound symbol *mama!* into the referential ‘*mama*’ lexeme;
- the metaphoric shift *mama* ‘mother’ onto the persons of the immediate vicinity i.e. the close kin family members, males included;
- the anchoring of the *mama*♀ and *mama* ♂ lexemes in the vocabulary (not childish!) as the last stage of the sequence: *mama!* sound-symbol → *ma-ma* ‘mother’ → *mama*♀ → *mama* ♂;
- the *mama* ‘dad’, ‘father’ may appear in some languages; this is not a statistical deviation, but a sequence found in a psychological tendency to fill up the empty slots in the lexicon as a result of multiplicity of speech acts in the micro-community, to wit:

We also argue that such a tendency is universal; indeed, lingua-geography supports this premise. We conclude by noting two facts:

- *mama* ♀ and *mama* ♂ coexist in the vocabularies of many languages. To cite just a few examples: Rukai (Austronesian) *ninaa* ‘mother’ - *mama* ‘father’; Aklanon (Austonesian) *mánang* ‘older sister’ - *amá* ‘father’; Bonda (Austroasiatic) *miG* ‘elder sister’ - *mamu*, *mamuG* ‘uncle’; Siuslaw (Oregon Penutian) *məla* ‘mother’ - *mətaa* ‘father’, *misiil’ai* ‘elder sister’ - *mat’ii* ‘elder brother’; Esselen (isolate) *ma’t-si* ‘mother’ - *maatc* ‘father’, *mechix* ‘aunt’ - *mi’its* ‘elder brother’; Northern Pomo (Pomoan) *a-miite* ‘mother’ - *a-mee* ‘father *mamūak* ‘father’s sister’; Southern Tiwa (Kiowa-Tanoan) *nana* ‘mother’ - *meme* ‘uncle’; Eastern Hualteco (Mayan) *mi* ‘mother’ - *mam* ‘father’; Okaina (Witotoan) *muntyoongo* ‘man’s sister’ - *moon*, *móonjon* ‘tu papá’, ‘tu padre’;

Salinan (isolate) *nene* ‘grandmother’ - *ama* ‘grandfather’; Kanoë (isolate) *mūj* ‘mother’, *mu* ‘mother!’ - *mūjoteñae* ‘uncle (paternal or maternal)’; Pume (unclassified) *amī* ‘older sister’ - *amāi* ‘father’; Suena (Trans New Guinean) *mīa* ‘mother’ - *mama* ‘father’; Kuaket (East New Britain) *māi-xi* ‘mother’, ‘woman’ - *mam*, *mamak*, *mamök* ‘father’; Sentani (E. Bird’s Head-Sentani) *ana*, *menace*, *menakē* ‘mother’ - *ma*, *meko* ‘father’; Yele (Yele-W. New Britain) *m:aam:aa* ‘auntie’, ‘my aunt’ - *M:aa* ‘daddy’, *mī* ‘father’; Angoram (Ramu-Lower Sepik) *mari*, *nana*, *nēngo*, *nəje*, *nīnge*, *nungor* ‘mother’ - *mam*, *ano* ‘father’; Tabo (South-Central Papuan) *maia*, *maier* ‘mother’ - *mani* ‘father’; Kol (isolate) *mo:nay* ‘mother’ - *mo:man* ‘father’; Gunwinggu (Gunwinggu, Australian) *makka* ‘father’s mother’ - *mamamh* ‘father’s father’; Putjarra (Pama-Nyungan) *manumal* ‘mother and child’ - *mama* ‘father’; Aka-Kora (Great Andamanese) *amimi* ‘mother’ - *amaye* ‘father’. These terms belong to adjacent semantic domains, evidently diachronically penetrating to lexicons at different periods;

- there is a wide representation of parenting terms based on affricate consonants (Russian *baba* ‘granny’, *deda* ‘grandfather (voc.)’, *dyadya* ‘uncle’, ‘adult male’, *tyotyā* ‘aunt’, ‘adult woman’, Turkish *baba* ‘father’, Georgian *da* ‘sister’, *bebia* ‘grandmother’, *babua* ‘grandfather’, *deida* ‘(maternal) aunt’), which is due to the impact of speech acts on human primordial lexicons (this process can be phylogenetically illustrated by soothing a child after breast-feeding – *da-da*, *ta-ta*).

CONCLUSIONS

Besides the abundant lexical evidence cited above, we endeavoured to sketch the broad outlines of parenting terms’ emergence in human language. Specifically, the issue of *mama*♂ (‘male’ semantic domain) vs *mama*♀ (‘female’ semantic domain) was considered.

The general picture, which emerges, is that both lexemes enjoy the world-wide and cross-linguistic distribution. If the *mama*♀ arises due to the breast-feeding process, vocal tract anatomy and speech physiology, the arising and propagation of the *mama*♂ (which is antonymic in a certain sense) is based on the psychological prerequisites, such as a metaphoric shift, and interpersonal liaisons in a limited and close-knit society – the family, first and foremost. These data inherently enable us to refine our understanding of the human mind and speech production, especially during the earliest stages.

References

- Bengston, J. (2010). *On Fossil Dinosaurs and Fossil Words*. “Linguistic Fossils: Studies in Historical Linguistics and Paleolinguistics”. “Language in Time and Space”. Vol. 5. Drover-Davidson, C. (ed.). Calgary. Octavia & Co. Press. (In English)
- Bengston, J., Ruhlen, M. (1994). *Global Etymologies*. “On the Origin of Languages: Studies in Linguistic Taxonomy”, Ruhlen M. (ed.). Stanford University Press. (In English)
- Bickerton, D. 1995. *Language and Human Behaviour*. Seattle, Washington. University of Washington Press. (In English)
- Blust, R. *Proto-Western Malayo-Polynesian Vocabularies*. Bijdragen tot de Taal-Landen Volkenkunde, 1979, 135(2–3): 205–251. (In English)
- Blust, R. *Notes on Pazez Phonology and Morphology*. Oceanic Linguistics, 1999, 38(2): 321–365. (In English)
- Bybee, J. *From Usage to Grammar: the Mind’s Response to Repetition*. *Language*, 2006, 82(4): 711–733. (In English)
- Cheney, D., Seyfarth, R. (2005). *Constraints and preadaptations in earliest stages of language evolution*. The Linguistic Review. Special issue “The Role of Linguistics in Cognitive Science”, Ritter N. (ed.), 22(2–4), 135–160. (In English)
- Chomsky, N. (2002). *On Nature and Language*. Cambridge University Press. (In English)
- Chonail, B. N. (1997). *Fosterage: Child-Rearing in Medieval Ireland*. Pp. 5 (1), 28–31. History Ireland. (In English)
- Comrie, B. (1987). *Introduction*. In *The World Major Languages*. Comrie B. (ed.) Pp. 1–22. Oxford University Press. (In English)
- Crystal, D. (1991). *The Cambridge Encyclopedia of Language*. Cambridge University Press. (In English)
- De l’Etang, A. M., Bancel, P. J. (2005). *The Global Distribution of (P)APA and (T)ATA and Their Original Meaning*. *Mother Tongue*. Pp. 9, 133–169. (In English)
- De Villiers, P., de Villiers, J. (1979). *Early Language*. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts. (In English)
- Eberhard, D., Simons, G., Fennig, Ch. (eds.) (2020). *Ethnologue: Languages of the World*. XXIII ed. Dallas, Texas, SIL International. (In English)
- Fitch, W. T. (2010). *The Evolution of Language*. Cambridge University Press. (In English)
- Ginzburgh, Y. (1992). *The Hebrew Letters. Channels of Creative Consciousness*. Gal Einai Publications, Jerusalem. (In English)
- Goddard, C., Wierzbicka, A. (1994). *Introducing Lexical Primitives. Semantic and Lexical Universals. Theory and Empirical Findings*. Goddard C. & Wierzbicka A. (eds.). Pp. 31–54. John Benjamin Publishing Company, Amsterdam & Philadelphia. (In English)
- Greenfield, P., Smith, J. (1976). *The Structure of Communication in Early Language Development*. Academic Press, NY-SF-L. (In English)
- Hansen, A. (2008). *Fosterage and Dependency in Medieval Iceland and Its Significance in Gísli Saga*.

“Youth and Age in the Medieval North”. Pp. 42, 73–86. The Northern World. (In English)

Hoad, T. (1993). *The Concise Oxford Dictionary of English Etymology*. Oxford University Press, Oxford, NY. (In English)

Hurford, J. (2011). *Linguistics from an Evolutionary Point of View*. “Handbook of the Philosophy of Science”, vol. 14: “Philosophy of Linguistics” Kempson R., Fernando T., Asher N. (eds.), Elsevier B. V. (In English)

Jakobson, R. (1960). *Why ‘Mama’ and ‘Papa’? In Perspectives in Psychological Theory: Essays in Honour of Heinz Werner*, Kaplan B., Wapner S. (eds.), International Universities Press, NY. (In English)

Jakobson, R. *Child Language, Aphasia and Phonological Universals*. Mouton, the Hague, 1968. (In English)

Jakobson, R., Halle, M. (1956). *Fundamentals of Language*. Gravenhage. (In English)

Jespersen, O. (2018). *Language, Its Nature, Development and Origin*. 1922. Allen&Unwin, L. (In English)

Hewlett, B. (1991). *Intimate Fathers: the Nature and Context of Aka Pygmy Paternal Infant*. University of Michigan Press. (In English)

Klimov, G. (1998). *Etymological Dictionary for the Kartvelian Languages*. Walter de Gruyter. (In English)

Kosven, M. (1935). *Atalyčestvo. Sovetskaia etnografia* [Soviet Ethnography]. 2. (In Russian)

Lenneberg, E. A. (1968) *Biological Perspective of Language, in Language. Selected Readings*. Oldfield, R. C., Marshall J. C. (eds.), Penguin Books, pp. 32–47. (In English)

Liedloff, J. (1975). *The Continuum Concept: in Search of Happiness Lost*. Duckworth,

Locke, L. *Phases in the Child’s Development of Language*. American Scientist, pp. 82, 436–445. (In English)

Pagel, M., Atkinson Q., Calude A. & Meade A. *Ultraconserved Words Point to Deep Language Ancestry across Eurasia*. PNAS, 2013, 110(21), 8471–8476. URL: <https://www.pnas.org/cgi/doi/10.1073/pnas.1218726110> (accessed: 31.03.2021). (In English)

Pagel, M., Atkinson, Q. & Meade, A. (2007). *Frequency of Word-Use Predicts Rates of Lexical Evolution throughout Indo-European History*. Nature, pp. 449, 171–720. (In English)

Parkes, P. (2006). *Celtic Fosterage: Adoptive Kinship and Clientage in Northwest Europe*. Society for Comparative Study of Society and History, 48(2), pp. 359–95. (In English)

Piaget, J. (1959). *The Language and Thought of the Child*. Meridian Books, NY. (In English)

Quillier, P. (1996). *Dramaturgies in vertige. L’origine de langage*. Collegium Budapest Workshop Series, Trabant J. (ed.). (In English)

Szemerényi, O. (1960). *Studies in the Indo-European System of Numerals*. Carl Winter, Universitätsverlag, Heidelberg. (In English)

Suarèz, C. (1992). *The Cipher of Genesis. The Original Code of the Qabala as Applied to the Scriptures*. Samuel Weiser Inc., York Beach, Maine. (In English)

Taitbout de Marigny (1821). *Voyage en Circassie, fait in 1818*. J. Dekeyn, Bruxelles. (In French)

Tardif, T., Fletcher, P., Liang, W., Zhang, Zh. & Kaciroti, N. (2008). *Baby’s First 10 Words*. Developmental Psychology, 44(4), pp. 929–938. (In English)

Turgot, A. R. (1971). *Remarques critiques sur les “Reflexions philosophiques” de Maupertuis*. “Sur l’origine du langage. Etude de Ronald Grimley”, Librairie Droz, Geneve. (In French)

Wierzbicka, A. (1996). *Semantics: Primes and Universals*. Oxford University Press, Oxford, NY. (In English)

Wilkinson, A. (1971). *Foundation of Language*. Oxford University Press. (In English)

Zeldin, A. *Zvukovoi simvol “mama” v sinchroničeskom i diachroničeskom aspekte (The ‘MAMA’ Sound Symbol Viewed Synchronically and Diachronically)*. Voprosy psicholingvistiki (Issues of Psycholinguistics), 4(38), pp. 120–136. URL: <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2018-4-120-136> (accessed: 31.03.2021). (In Russian)

The article was submitted on 02.04.2021
Поступила в редакцию 02.04.2021

Зельдин Анатолий,
соискатель,
Управление государственной службы,
Реховот, Израиль. 76300
anatolyz@moia.gov.il

Zeldin Anatoly,
PhD applicant,
Civil Service Commission,
Rehovot, Israel.
anatolyz@moia.gov.il

ОСОБЕННОСТИ КЛИШИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В КЛАССИЧЕСКОМ АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ДИАЛЕКТАХ (В ИНТЕНЦИЯХ «ПРИВЕТСТВИЕ», «БЛАГОДАРНОСТЬ», «СОВЕТ», «ПРИГЛАШЕНИЕ», «ПОЗДРАВЛЕНИЕ», «ИЗВИНЕНИЕ», «ПРОЩАНИЕ»)

© Галина Калинина

FEATURES OF CLICHÉD VOCABULARY IN CLASSICAL ARABIC AND ITS DIALECTS (IN THE INTENTIONS “GREETINGS”, “GRATITUDE”, “ADVICE”, “INVITATIONS”, “CONGRATULATIONS”, “APOLOGIES” AND “FAREWELLS”)

Galina Kalinina

This article examines general and distinctive characteristics of the Arabic dialects of Iraq, Lebanon, Egypt and Morocco in comparison with the classical literary language in order to identify specific features of clichéd vocabulary based on the intentions “Greetings”, “Gratitude”, “Advice”, “Invitations”, “Congratulatory”, “Apologies”, and “Farewells”. We analyze formal and informal speech situations (when communicating with friends, close people, and also in a formal setting).

Scientific research relevance of the work is determined by the increased linguists' interest in the problems of language dialectology in general and the Arabic language in particular. Today, the study of dialects is an important aspect for Arabists, as well as for native speakers of the Arabic language to be able to communicate effectively and efficiently with representatives of various dialect groups.

The purpose of this study is to highlight specific features of Arabic dialects in comparison with literary Arabic based on the intentions “Greetings”, “Gratitude”, “Advice”, “Invitations”, “Congratulatory”, “Apologies”, and “Farewells”.

The article summarizes information about the several dialects' features of the Arabic language, analyzes the current state and the degree of study of the issue, and provides the corresponding theoretical and empirical material.

In the process of writing the article, we used theoretical analysis, and empirical, comparative, historical, linguo-geographical and other research methods.

Keywords: dialects, intentions, classical literary Arabic, specific features, clichéd vocabulary, cultural interactions.

В статье рассматриваются общие и отличительные характеристики арабских диалектов Ирака, Ливана, Египта, Марокко в сравнении с классическим литературным языком с целью выявления специфических особенностей использования клишированной лексики на примере интенций «Приветствие», «Благодарность», «Совет», «Приглашение», «Поздравление», «Извинение», «Прощание». Анализировались официальные и неофициальные речевые ситуации (при общении с друзьями, в кругу близких людей, а также в официальной обстановке).

Актуальность научного исследования обусловлена повышенным интересом лингвистов к проблемам диалектологии языков в целом, и арабского языка в частности. На сегодняшний день изучение диалектов является важным аспектом для арабистов, а также для носителей арабского языка в целях качественного и продуктивного общения с представителями различных диалектных групп.

Целью данного исследования является освещение специфических особенностей арабских диалектов в сравнении с литературным арабским языком на примере интенций «Приветствие», «Благодарность», «Совет», «Приглашение», «Поздравление», «Извинение», «Прощание».

В статье обобщаются сведения об особенностях нескольких диалектов арабского языка, анализируется современное состояние и степень изученности вопроса, приводится соответствующий теоретический и эмпирический материал.

В процессе написания статьи были использованы теоретический анализ, эмпирический, сравнительный, исторический, лингвогеографический и другие методы исследования.

Ключевые слова: диалекты, интенции, классический литературный арабский язык, специфические особенности, клишированная лексика, культурные взаимодействия.

Арабский язык, как известно, является самым распространенным языком семитской семьи. Число его носителей варьируется от 295 до 422 миллионов. Не менее значимым фактором является то, что для мусульман, которых в мире больше, чем 1,5 миллиарда, это ещё и язык богослужения [Арабский язык? Сейчас объясню!]. Различают классический арабский язык, на котором написан Коран (именно он используется при богослужении в исламе), и современный арабский литературный язык, отличия которого от классического арабского литературного языка сами арабы не считают значительными.

Современный арабский литературный язык – результат развития классического арабского языка. Его становление целиком связано с так называемым возрождением арабской литературы во второй половине XIX в. благодаря начавшемуся национально-освободительному движению в арабских странах.

Наряду с литературным арабским языком – государственным языком в арабских странах – существуют местные (территориальные) диалекты со своими говорами и наречиями. Различаются следующие диалекты арабского языка: иракский, аравийский, йеменский, сирийский, ливанский, египетский, суданский и так называемые магрибинские – ливийский, тунисский, алжирский, марокканский [Шайхуллин, с. 380].

Территориальные диалекты формировались в процессе длительного взаимодействия и взаимовлияния арабского языка (письменного и разговорного) и местных языков тех стран, где осели различные арабские племена [Аль-Кудмани, с. 452].

Основной особенностью диалектов является то, что все они стремятся упростить литературный арабский язык – его лексику и произношение. Считается, что человек, владеющий литературным арабским языком (аль-фусха), не будет иметь языковых проблем в странах, где официальным языком является арабский, но это не совсем так. Литературный арабский язык – это язык документов правительства, СМИ, литературы, Интернета, но не язык простого общения. В разговорной речи в каждой стране используется определенный диалект арабского языка, и лучший способ выучить тот или иной диалект – это провести длительное время в стране, где он используется,

ведь учебных пособий по диалектам практически не издается (особо это касается менее популярных диалектов), да и язык, а особенно разговорный, – это живая, постоянно развивающаяся материя [Багиров, с. 560], [Завадовский, с. 130], [Ибрагим, с. 15], [Хассан, с. 239].

Соотношение литературного языка и диалектов

Современный арабский литературный язык – единственный письменный и официальный язык во всех арабских странах. Это язык художественной литературы, прессы, радио, школы, отчасти кино и театра [Косенко, с. 21–23]. Однако в быту арабы им почти не пользуются; слушая политическую или художественную радиопередачу на литературном языке, неграмотные арабские слушатели могут составить себе лишь общее представление о ее содержании, так как многие сложные грамматические конструкции и значительная часть лексики литературного языка разговорному языку не свойственны [Ковыршина, с. 119].

Диалекты используются не только в устной речи в быту: на них транслируется много радиопередач; большое место занимает диалект в театре и кино. Диалектальный язык является хранителем богатейших сокровищ устного народного творчества. В настоящее время существует литература на сирийском, египетском, иракском диалектах, причем особенно широко диалект используется в драматургии [Хассан с. 239]. Нередко в арабской прессе и в художественных произведениях, написанных на литературном языке, диалоги передаются на диалекте.

Изучение различных вопросов, связанных с диалектами, содержится в работах русских и советских лингвистов-русистов: В. И. Аванесова, Л. Н. Булатовой, В. В. Виноградова, В. В. Иванова, Р. Н. Попова, А. А. Шахматова; арабистов В. Г. Ахвледиани, А. Г. Беловой, Я. С. Виленчика, И. Н. Винникова, Б. М. Гранде, Ю. Н. Завадовского, И. Н. Крачковского, А. Е. Крымского, С. Х. Кямидева, Б. В. Романова, Д. В. Семенова, Г. В. Церетели, Г. Ш. Шарбатова, Н. В. Юшманова и др. В данной работе использованы публикации и европейских арабистов, таких как Х. Бауэр, Г. Драйвер, Ж. Кантино, К. Броккельман, Д. Коэн, Э. Маттсон,

А. Фишер, М. Марсэ, Х. Гротафельд и др. Особенно полезными для нас оказались труды ливанских и других арабских исследователей: Ибрахима Аниса, Сатыа Аль-Хусари, Ибрахима Ас-Самада'и, М. Фегали, Аниса Фрайхи, Рафаэля Нахле, Аль-хаджи Хассана.

Определение арабских диалектов

Из многочисленных определений термина «диалект» выделим несколько основных:

Диалект – это разновидность языка, имеющая специфические особенности (фонетические, лексические, грамматические) и закрепленная на определенной территории [Диалекты русского языка].

Диалект – совокупность говоров, объединенных внутривидовым языковым единством [Виноградов, Васильева, Шахнарович, с. 18–19].

Диалект – это особый метод лингвистического использования, встречающийся в определенной языковой среде [Диалекты русского языка].

Диалект – это как словесные обычаи группы людей, которые говорят на одном языке [Каддух, с.230].

Диалект каждой арабской страны – это смесь местного языка с арабским либо варьированные звуки арабского языка [Косенко, с. 21–23].

Происхождение диалекта обычно вызвано несколькими причинами. Основные факторы, определяющие появление диалектов, сводятся к следующим:

1) Географические причины

Если люди, владеющие одним языком, живут в пределах большой территории, которая отделяет одно место от другого, это постепенно приводит к образованию диалекта.

2) Социальные причины

Социальная неоднородность общества привела к тому, что стоящие на разных иерархических ступенях этнические группы используют свои, отличные от других диалекты, имеющие фонетические, морфологические и лексические особенности. Не менее ярко эта специфика проявляется и в выборе этикетных формул и клише.

3) Трение языков (Языковой конфликт)

Трение, или языковой конфликт, является одной из наиболее важных причин, которые приводят к появлению регионов, где происходит непрерывное развитие языка в отрыве от любого внешнего воздействия. В истории есть много признаков влияния языковой борьбы, а арабские диалекты, которые распространились в исламских странах на различных территориях,

являются доказательством этого, и современные разговорные диалекты имеют много проявлений языкового трения [Шарбатов, с. 8–12].

В ходе данного исследования, были применены следующие методы:

- теоретический анализ, использовался для рассмотрения и изучения арабских диалектов (Ирак, Ливан, Египет, Марокко) в интенциях «Приветствие», «Благодарность», «Совет», «Приглашение», «Поздравление», «Извинение», «Прощание»;

- исторический метод, использовался для рассмотрения и изучения изменений классического литературного арабского языка и зарождения диалектов;

- лингвогеографический метод, использовался для рассмотрения пространственного использования диалектов;

- эмпирический метод, использовался с целью получения данных об употреблении основных форм клишированной лексики на примере рассматриваемых интенций;

- сравнительный анализ, который показал отличительные особенности Иракского, Ливанского, Египетского и Марокканского диалектов в сравнении с классическим литературным арабским языком в интенциях «Приветствие», «Благодарность», «Совет», «Приглашение», «Поздравление», «Извинение», «Прощание».

В настоящее время в связи с наличием большого количества диалектных групп у представителей арабской культуры и имеющимся недопониманием между ними в процессе коммуникации возникает необходимость изучения их специфических особенностей. Рассмотрим формулы клишированной лексики в языке наиболее крупных диалектных групп Ирака, Ливана, Египта и Марокко в исследуемых интенциях в сравнении с клише-фразами классического арабского языка.

В нашем исследовании мы изучили употребления формул речевого этикета в неофициальной обстановке (спонтанная речь, общение с друзьями) и в официальной обстановке (с преподавателями в университете). Обратим внимание, что данные фразы используются при общении с противоположным полом или между представителями мужского пола.

1. Интенция «Приветствие»

Иракский диалект	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке

‘Привет’ – مرحبا	‘Мир Вам’ – السلام عليكم
Ливанский диалект	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
‘Привет’ – مرحبا	‘Привет’ – مرحبا / هاي
Египетский диалект	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
‘Привет’ – املا	‘Мир Вам’ – سلام عليكم
Марокканский диалект	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
‘Мир’ – السلام	‘Мир Вам’ – السلام عليكم
Классический арабский язык	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
‘Мир Вам’ – السلام عليكم	

2. Интенция «Благодарность»

Иракский диалект	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
‘Спасибо, друг’ – شكرأخي	‘Очень Вам благодарен’ – ممتن جداً لك
Ливанский диалект	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
‘Спасибо большое’ – هيس لي كبير	‘Большое вам спасибо, профессор’ – شكر الفير لمتاذ جيل مو عبتك معي
Египетский диалект	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
‘Спасибо, друг’ – شكر لي اص اصي	‘Спасибо большое’ – شكرأ جداً لك
Марокканский диалект	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
‘Пусть Бог воздаст тебе’ – شك ملل اجاتك	‘Пусть Бог защитит тебя’ – شك ملل افضرك
Классический арабский язык	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
‘Спасибо, друг’ – شكرأ جداً لك	‘Спасибо большое’ – شكر لي اص اصي

3. Интенция «Совет»

Иракский диалект	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
‘Мне нужен совет, мой друг’ – محتاج من اعدص فيقي	‘Я хочу узнать ваш совет.’ – ايدي اخذ ربيك بموضوع
Ливанский диалект	

При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
‘Мне нужно спросить у тебя совет.’ – بدي اخذ ربيك بموضوع	‘Мой учитель, могу я спросить у вас совет? / можно спросить совет?’ – لمت افيني اخذ ربيك / نصريح ه
Египетский диалект	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
‘Я хотел узнать твоё мнение о чем-то.’ – لوقت عليز اخذ ربيك في حاجه	‘Могли бы вы дать мне совет?’ – ملكن نقولي ربيك في كذا
Марокканский диалект	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
‘Могли ли я принять ваше мнение по теме, если вы не против?’ – ال چك على خاطر ك . نقدر ن اخلد رأيك في فواحد	‘Могли ли я принять ваше мнение по теме?’ – ملكن ن اخلد رأيك في فواحد
Классический арабский язык	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
‘Могли ли я спросить у вас совет?’ – مل ليت طيع ان اخذ ربيك بموضوع ؟	

4. Интенция «Приглашение»

Иракский диалект	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
‘Сегодня ты будешь ужинать со мной.’ – اليوم عازنك على غشاء	‘Наш дорогой профессор, сегодня пообедаете с нами?’ – ليت اني الغالي اليوم عازنك على غشاء
Ливанский диалект	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
‘Сегодня ты будешь ужинать со мной.’ – اليوم انا غشاء عدي	‘Можем ли мы встретиться в кафе поужинать вместе и поговорить.’ – هوني اكتب شخص وصال الشغل
Египетский диалект	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
‘Завтра мы будем ужинать вместе, ладно.’ – بكرة انش ملل انا فتغش اسوا	‘Я буду удостоен чести, если вы завтра поужинаете со мной.’ – حضرتك نشوفون بكرة انش ملل انا
Марокканский диалект	
При общении с	При общении в

друзьями	официальной обстановке
مرحبتيك عني ان هارالخييس راك معروض لغدا ‘Добро пожаловать к нам в четверг. Ты приглашён на обед.’	– ال مرالي غدا دوز لغدا ты свободен завтра, приходи к нам на обед.’
Классический арабский язык	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
ثا اود ان ادعوك غدا لشيء؟ ملي لمن ان ادعوك الى لشيء الليلة ‘Я хотел бы пригласить вас на ужин?’ или – ‘Я могу угостить вас ужином сегодня вечером?’	

5. Интенция «Поздравление»

Иракский диалект	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
– صبي ال فال ف بهروك ‘Поздравляю, дорогой.’	– ال ف بهروك ليتاذ ‘Поздравляю, профессор.’
Ливанский диалект	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
ال فال ف بهروك / انش مل ليتبت فو – ‘Тысяча поздравлений / я желаю тебе счастливой жизни.’	– ال ف بهروك ‘Поздравляю.’
Египетский диалект	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
– بهروك في اغالي ‘Поздравляю, дорогой.’	– ال ف بهروك و عيال لي خرج ‘Поздравляю, желаю вам долгой жизни.’
Марокканский диалект	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
– بهروك عليك ‘Поздравляю’	– بهروك من عود ‘Счастье, благословенье’
Классический арабский язык	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
– ال ف بهروك ‘Поздравляю.’	

6. Интенция «Извинение»

Иракский диалект	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
لرف واعذرني وانش مل لبعده – ‘Извини, дай	– لرف جدا ليتاني ال عني Мне очень жаль,

Бог, этого не повторится.’	дорогой профессор.’
Ливанский диалект	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
لوش خص لشيء في يوم مقبر عازمك (عل ل غداء او عشاء (لو صديق عادي ببعد مالتن تقصد – ‘Извини, я не это имел в виду.’	ببعد لشيء / مل ال – ‘Я сожалею / не обижайтесь на меня.’
Египетский диалект	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
– ثا اغل طال كفي عم виноват в этом’	– ثا لرف ‘Извините’
Марокканский диалект	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
– سح لي لرب زاف ‘Прости меня.’	– سح لي لرب زاف ‘Прости меня.’
Классический арабский язык	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
– ثا لرف جداس ام عني Мне очень жаль, простите меня.’	

7. Интенция «Прощание»

Иракский диалект	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
مع السلام مصيقي في امان ‘До свидания, мой друг.’ / ‘Пока.’	– مع السلام / وداعا ‘До свидания’
Ливанский диалект	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
– يلاش ف لكباي ‘Увидимся, пока.’	– يلا مع السلام ليتاذ ‘До свидания, профессор.’
Египетский диалект	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
– مع السلام مع حاجه في ‘Пока, нужно что-то от меня?’	– مع السلام مع حاجه اي ‘До свидания, Вам нужно что-нибудь?’
Марокканский диалект	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке

السّلام عليكم – ‘Мир вам.’	الله اعاون – ‘Бог в помощь.’
Классический арабский язык	
При общении с друзьями	При общении в официальной обстановке
وداعاً مخلصي – ‘До свидания, друг.’	وداعاً أصيقي – ‘До свидания, учитель.’

На основе выше представленных эмпирических данных, а также иных авторских лонгитюдных наблюдений можно сделать некоторые обобщения. Все исследуемые диалектные группы арабского языка характеризуются специфическими особенностями, поэтому представители данных групп зачастую сталкиваются с недопониманием в процессе общения и нередко упоминают об этом. В арабском языке классический литературный язык и диалекты различаются значительно больше, чем, например, в русском языке. Представителям различных диалектных групп, язык которых, с одной стороны, является общим, с другой – сильно отличается друг от друга фонетическими, морфологическими, лексическими и другими особенностями, зачастую становится сложно понять собеседника. Таким образом, арабофонам для успешного общения иногда даже приходится использовать язык-посредник. Отметим, что на практике мы столкнулись с такой особенностью: в некоторых случаях носители арабского языка, но разных диалектов, переходят при общении на английский язык.

Интенция «Приветствие»

В неофициальной обстановке в общении с друзьями представители всех диалектных групп используют фразы, в значительной степени отличающиеся от официальных; в сравнении с классическим литературным арабским языком они претерпевают значительные изменения. В ливанском диалекте дополнительно используют также заимствованное из английского языка слово *Hi*, без изменения в произношении.

В официальном общении представители диалектных групп Ирака, Египта и Марокко неизменно используют клишированную фразу классического литературного арабского языка. Что же касается Ливана, то здесь употребление слов для приветствия в дружеской и официальной обстановках одинаково неизменно, тем самым данные слова полностью видоизменяются в сравнении с клишированными фразами литературного арабского языка.

В классическом литературном арабском языке в неофициальных и официальных

ситуациях употребляется фраза *السّلام عليكم* (‘Мир Вам’). В диалектных группах Ирака, Египта и Марокко употребление ее сохранилось только в официальных ситуациях, а в ливанском диалекте это выражение не сохраняется ни в общении с друзьями, ни в общении с преподавателями в официальной обстановке.

Интенция «Благодарность»

По данной интенции клишированная фраза литературного арабского языка *شكراً جداً لك* (‘Спасибо большое’), которая употребляется в официальной обстановке, полностью соответствует фразе, используемой в египетском диалекте. В иракском, ливанском и марокканском диалектах данное клише является изоморфным, то есть оно представляет собой кентаврическую (смешанную) формулу.

При общении с друзьями используется фраза литературного арабского языка *شكراً يا صيقي* (‘Спасибо, друг’), которая имеет соответствие в иракском и египетском диалектах. Марокканский диалектный вариант практически полностью изменяется, дополняя данное выражение специфическими словами. Что касается ливанского диалекта, то классическая фраза полностью меняется на заимствованное слово из французского языка *Merci*.

Интенция «Совет»

Как в официальной, так и в неофициальной обстановке диалектные фразы Ирака, Ливана, Египта и Марокко полностью меняются и не соответствуют литературной фразе арабского языка *هل لي بطيعة ان اخذ رجليك بموضوع ؟* (‘Могу ли я спросить у вас совет?’).

Интенция «Приглашение»

Представители арабской культуры в общении с друзьями зачастую используют фамильярную лексику. Арабы очень гостеприимны, и отказ от приглашения на совместную трапезу звучит как неуважение и является невежливым. Поэтому в кругу друзей они не используют вопросительные фразы, они просто сообщают собеседнику о том, что его будут ждать в гости. Таким образом, в сопоставлении с лексикой литературного арабского языка все клишированные фразы иракской, ливанской, египетской и марокканской диалектных групп полностью меняются.

В официальной ситуации приглашения употребление классических фраз литературного арабского *انا اود ان ادعوك الى الغداء ؟* *هل لي بكن ان ادعوك ؟* во всех диалектных группах не сохраняется.

Интенция «Поздравление»

Данная интенция предполагает в классическом арабском языке фразу *الف بهروك* (‘Поздравляю’) и в официальной, и в

неофициальной ситуациях. В сравнении с диалектными фразами Ирака и Ливана она не только полностью сохраняется, но и значительно дополняется различной поздравительной лексикой. А египетский и марокканский диалектные варианты частично сохраняют данную фразу.

Интенция «Извинение»

Фразы речевого этикета диалектных групп Ирака, Ливана и Египта при извинении используются практически в соответствии с фразой классического литературного арабского языка *عذرا* (عذرا). При этом она дополняется элементами, общеупотребительными в соответствии с особенностями, традициями и культурными ценностями каждой из диалектных групп в официальной и неофициальной ситуациях. Выражения диалектной группы Марокко полностью меняются в официальной и неофициальной обстановках, при этом фразы литературного языка не сохраняются.

Интенция «Прощание»

Прощаясь, представители арабской культуры диалектных групп Ирака, Ливана, Египта и Марокко практически не используют выражение классического арабского языка, *وداعاً* ('До свидания'), полностью заменив его, а представители египетского диалекта после прощания дополнительно уточняют, требуется ли ещё какая-нибудь помощь.

В заключение отметим, что проанализированные клишированные фразы речевого этикета в диалектных группах Ирака, Ливана, Египта и Марокко в сравнении с классическим литературным арабским языком на примере интенции «Приветствие», «Благодарность», «Совет», «Приглашение», «Поздравление», «Извинение», «Прощание» имеют свои индивидуальные лингвистические особенности, свойственные их специфической географической и культурной составляющей. Главной причиной большого количества диалектов являются многочисленные историко-культурные взаимодействия арабов с другими, не арабоязычными, народами и, как следствие, влияние разных языков на местные говоры в каждой арабской стране.

Список литературы

Аль-Кудмани Р. Сопоставление консонантных систем русского и арабского языков в целях прогнозирования явлений интерференции в русской речи арабов: дис... канд. филол. наук: Москва, 1981. 187 с.

Арабский язык? Сейчас объясню! URL: <https://www.youtube.com/watch?v=55XffVuA-o8&feature=youtu.be> (дата обращения: 02.09.2020)

Багиров А. Г. Египетский арабский диалект. М.: Арастун, 2006. 560 с.

Виноградов В. А., Васильева Н. В., Шахнарович А. М. Краткий словарь лингвистических терминов. М., Русский язык, 1995. 175 с.

Диалекты русского языка. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Диалекты_русского_языка (дата обращения: 02.09.2020)

Завадовский Ю. Н. Арабские диалекты Магриба. Москва: Изд-во вост. лит., 1962. 130 с.

Ибрагим А. На арабских диалектах. Египетская библиотека Анджело: 2003. 15 с.

Каддур М. А. Ливанский диалект арабского языка (лексико-грамматический очерк): дис... канд. филол. наук: Москва, 1984. 229 с.

Ковырина Н. Б. Лексикология арабского языка: теория и практика? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2004. № 1. С. 116–120.

Косенко Е. И. К вопросу о диалектах арабоязычных стран // Международный академический вестник. 2019. С. 21–23.

Хассан Н. Проблемы глобализации и их отражение в арабской печати: автореф. дис... канд. филол. наук: Москва, 2005. 20 с.

Шайхуллин Т. А. Русские и арабские паремии с компонентом-наименованием родственных отношений: концептуально-семантический и этнокультурный аспекты: автореф. дис... д-ра филол. наук: Казань, 2012. 48 с.

Шарбатов Г. Ш. Современный арабский язык. Москва: Изд-во вост. лит., 1961. 112 с.

References

Al'-Kudmani, R. (1981). *Sopostavlenie konsonantnykh sistem russkogo i arabskogo iazykov v tseliah prognozirovaniia iavlenii interferentsii v russkoi rechi arabov* [Comparing the Consonant Systems of the Russian and Arabic Languages in Order to Predict the Phenomena of Interference in the Russian Speech of the Arabs: Ph.D. Thesis]. Moscow, 187 p. (In Russian)

Arabskii iazyk? Seichas ob'iasniu! [The Arabic Language? I Can Explain!]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=55XffVuA-o8&feature=youtu.be> (accessed: 02.09.2020). (In Russian)

Bagirov, A. G. (2006). *Egipetskii arabskii dialect* [The Egyptian Arabic Dialect]. 560 p. Moscow. Arastun. (In Russian)

Dialekty russkogo iazyka [The Russian Language Dialects]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Dialekty_russkogo_jazyka (accessed: 25.07.2020). (In Russian)

Hassan, N. (2005). *Problemy globalizatsii i ih otrazhenie v arabskoi pechati* [Globalization Problems and Their Reflection in the Arabic Print Media: Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 20 p. (In Russian)

Ibragim, A. (2003). *Na arabskikh dialektah* [In the Arabic Dialects]. 15 p. Egypt. Egyptian Library Angelo. (In Russian)

Kadduh, M. A. (1984). *Livanskii dialekt arabskogo iazyka (leksiko-grammaticheskii ocherk)* [The Lebanese Dialect of the Arabic Language (A Lexical and Grammatical Essay): Ph.D. Thesis]. Moscow, 229 p. (In Russian)

Kosenko, E. I. (2019). *K voprosu o dialektah arabojazychnyh stran* [On the Issue of Dialects of Arabic-Speaking Countries]. Pp. 21–23. Ufa, International academic bulletin. (In Russian)

Kovyrshina, N. B. (2004). *Leksikologiya arabskogo iazyka: teoriia i praktika?* [Lexicology of the Arabic Language: Theory and Practice?]. Pp. 116–120. Moscow. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. (In Russian)

Shaihullin, T. A. (2012). *Russkie i arabskie paremii s komponentom-naimenovaniem rodstvennykh otnoshenii* [Russian and Arab Paremmas with a Component-Name of Kinship Relations: Conceptual-Semantic and Ethnocultural Aspects: Doctoral Thesis Abstract]. Kazan, 48 p. (In Russian)

Sharbatov, G. Sh. (1961). *Sovremennyi arabskii iazyk* [Modern Arabic]. 112 p. Moscow, Izd-vo vost. lit. (In Russian)

Vinogradov, V. A., Vasil'eva, N. V., Shahnarovich, A. M. (1995). *Kratkii slovar' lingvisticheskikh terminov* [A Brief Dictionary of Linguistic Terms]. 175 p. Moscow, Russkii iazyk. (In Russian)

Zavadovskii, Ju. N. (1962). *Arabskie dialekty Magriba* [Arabic Dialects of Maghreb]. 130 p. Moscow, Izd-vo vost. lit. (In Russian)

The article was submitted on 19.01.2021

Поступила в редакцию 19.01.2021

Калинина Галина Сергеевна,
ассистент,
Набережночелнинский институт (филиал)
Казанского Федерального университета,
423812, Россия, Набережные Челны,
проспект Мира д. 68/19 (1/18).
gskalinina@mail.ru

Kalinina Galina Sergeevna,
Assistant Professor,
Naberezhnye Chelny Institute (branch),
Kazan Federal University,
68/19 (1/18) Prospect Mira,
Naberezhnye Chelny, 423812, Russian Federation.
gskalinina@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-54-60
УДК 357.351. 851

ДВУСОСТАВНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ МЕТАМОДЕЛИ. ИХ ОТЛИЧИЕ ОТ МИНИМАЛЬНЫХ И РАСШИРЕННЫХ СХЕМ РУССКОГО СИНТАКСИСА

© Елена Комовская

TWO-COMPONENT COMMUNICATIVE METAMODELS AND THEIR DIFFERENCE FROM MINIMAL AND EXTENDED SCHEMES OF RUSSIAN SYNTAX

Elena Komovskaya

The purpose of the study is to describe a two-component communicative metamodel as an independent unit of syntax, different from the extended and minimal structural scheme of the sentence. The scientific novelty of the work is the fact that previously such metamodels were not considered as part of the syntax theory of the modern Russian language. We identified these patterns in the process of teaching Russian grammar to inophones. In our opinion, metamodels as a minimal element of communication, represent the necessary abstract form, which includes typical semantics and grammar. In the article, we propose use metamodels to significantly simplify the understanding of Russian by international students, which means they have important methodological significance. Their introduction into scientific circulation is determined by the practical need for the modern teaching process, which is getting increasingly remote. As a result, the article attempts to prove that there is a concept of a metamodel as a minimal abstract unit that comprises a formal expression and content. In the process of teaching international students, such typical samples more clearly demonstrate the grammatical form and semantic content of modern communication. This article lists the main characteristics of this syntax unit. They allow you to distinguish it from an extended and minimal sentence scheme. The article presents the hierarchy of communicative metamodels: two-component, two-component – infinitival and single-component type. Low-frequency minimum metamodels are subsumed into a separate group. The article focuses on two-component non-infinitive metamodels and describes how a typical form expresses the necessary communicative content of the utterance. A logical conclusion is made that these units are able to solve a centuries-old dispute in the syntactic theories of the modern Russian language: how a formal expression can reflect a semantic meaning and vice versa.

Keywords: metamodel, extended scheme, minimum scheme, constitutive component, two-component metamodels, two-component-infinitive metamodels, single-component metamodels.

Цель исследования состоит в описании двусоставной коммуникативной метамоделю как самостоятельной единицы синтаксиса, отличной от расширенной и минимальной структурной схемы предложения. Научная новизна работы заключается в том, что ранее подобные метамоделю не рассматривались в рамках теории синтаксиса современного русского языка. Нами данные конструкции были выявлены в процессе преподавания русской грамматики инофонам. На наш взгляд, метамоделю в качестве минимального элемента коммуникации представляют необходимую абстрактную форму, заключающую в себе типовую семантику и грамматику. Предлагаемые нами в статье метамоделю значительно упрощают понимание русского языка как иностранного учащимися, а значит, имеют важное методическое значение. Введение их в научный оборот продиктовано практической необходимостью современного процесса преподавания, который все чаще носит дистанционный формат. В результате в статье предпринимается попытка доказать, что существует понятие метамоделю как минимальной абстрактной единицы, синтезирующей в себе формальное выражение и содержание. В процессе преподавания иностранным учащимся подобные типизированные образцы более наглядно реализуют представление грамматической формы и семантического содержания современной коммуникации. В статье перечислены основные признаки данной синтаксической единицы. Они позволяют отличить её от расширенной и минимальной схемы предложения. Приводится иерархия коммуникативных метамоделю: двусоставного, двусоставно-инфинитивного, односоставного типа. В отдельную группу выделены малочастотные минималь-

ные метамодели. Основной акцент в статье сделан на двусоставные метамодели неинфинитивного типа. Описано, как типичной формой выражается необходимое коммуникативное содержание высказывания. Сделан закономерный вывод, что данные единицы способны решить многовековой спор в синтаксических теориях современного русского языка: как формальное выражение способно отразить семантическое значение и наоборот.

Ключевые слова: метамодель, расширенная схема, минимальная схема, конститутивный компонент, двусоставные метамодели, двусоставно-инфинитивные метамодели, односоставные метамодели.

Актуальность исследования состоит в том, что нами предпринята попытка дать классификацию и описать полипредикативные конструкции современного русского языка. Данные синтаксические единицы имеют формальную и смысловую организацию простого предложения, но не обладают главным свойством коммуникации – смысловой законченностью. Как отмечает Г. А. Золотова в синтаксическом словаре «... полипредикативные конструкции – это то звено в синтаксисе предложения, которое ждет дальнейших разработок и уточнений» [Золотова, 2006, с. 12]. Данные конструкции не вошли в её словарь, посвященный репертуару элементарных синтаксических единиц, поэтому заслуживают дополнительного рассмотрения. В статье предпринимается попытка систематизировать подобные коммуникативные единицы и подробно описать двусоставные конструкции неинфинитивного типа. Ряд синтаксистов последних десятилетий постоянно отмечают в своих работах обширный круг синтаксических проблем, который предстоит ещё решить. Так, например, остаются дискуссионными вопросы: Что должно являться исходной моделью при описании предложения? Какой набор модификаций может иметь эта модель? По каким параметрам необходимо выделить эти модификации? Должна ли предикативность структуры включать в себя конститутивные компоненты и существенные типизированные коммуникативные смыслы или только акцентировать внимание на предикативности? При решении данных вопросов вся теоретическая база опирается на два основных подхода. Представители первого направления (Н. Ю. Шведова, В. В. Виноградов) основной акцент в описании синтаксических конструкций русского языка делают на «предикативный минимум структур» [Шведова]. Следовательно, их научное внимание сконцентрировано на формальной организации предложения. Эта концепция значима для своего времени, так как она позволила представить язык в научном осмыслении, типизировать повторяющиеся структуры и дать им обоснование. Этот подход в лингвистике получил наименование «минимальные структурные схемы» [Там же, с. 35].

Второе направление представлено в работах В. А. Белошапковой [Белошапкова], Т. П. Ломтева [Ломтев], Г. А. Золотовой [Золотова, 2005]. В основе данных исследований лежит семантика предложения и его значимых конститутивных элементов, а также его предикативная структура. Этот подход в лингвистике получил наименование «расширенные структурные схемы» [Белошапкова, с. 21]. Несомненным достоинством данных исследований можно считать наметившийся поворот от формы к содержанию, к выявлению важных конститутивных явлений в синтаксисе. Данный подход найдет своих последователей в функционально-коммуникативной грамматике М. В. Всеволодовой, Ф. Н. Панова [Всеволодова, Панов, с. 45].

В целом понятие структурной схемы предложения сформировалось в 60-70-е гг. XX века. Именно в этот период начали разграничивать высказывание и предложение, научились отличать позиционную схему предложения от структурной схемы, которая, по мнению ряда исследователей (Г. А. Золотовой, В. А. Белошапковой, А. В. Величко), и может лежать в основе множества высказываний. Внимание к изучению структурных схем простого предложения, по мнению З. Д. Поповой, «должно способствовать созданию новых синтаксических концепций» [Попова, с. 226]. Опираясь на данное утверждение, мы предлагаем качественно новый подход, который при единстве формы и содержания элементов высказывания основной акцент делает на описании коммуникативно-типизированных семантических и грамматических шаблонов полипредикативных структур. Условно мы предлагаем называть их «коммуникативные метамодели», так как от минимальной схемы в них есть абстрактное представление модели, а от коммуникации – необходимый или потенциальный конститутивный компонент. Данные элементы прогнозируемы в языке с позиции формы и содержания предикативных структур и необходимы для осознания грамматики русского языка в коммуникативном аспекте иностранными учащимися. Следовательно, метамодели абстрагированно выявляют форму, но при этом передают прогнозируемое содержание и не всегда привязаны к по-

нению предикативность. Наше предположение подтверждают работы Г.А. Золотовой: «... предложение, осуществляя своё смысловое назначение, организуется не согласованием канонизированных подлежащего и сказуемого, а сопряжением выраженными определёнными формами слов значимых элементов, которые во многих случаях не совпадают с тем, что традиционно называется главными членами предложения» [Золотова, 2005, с.192]. Следовательно, нам необходимо новое понятие, которое при сопряженности и ориентированности на предикативность могло бы позволить не так четко фокусироваться на данном аспекте организации речи, как это сделано в структурных минимальных и расширенных схемах. Наше предположение подтверждают многочисленные работы Л. С. Крючковой и Г. А. Золотовой, в которых исследователи заявляют, что в «обсуждении синтаксических проблем решающий голос не принадлежит морфологии, а облечение смысла в форму является нам в готовом результате: в материальном единстве знака и его значения» [Там же, с. 104]. Следовательно, мы ставим перед собой задачу найти такую типизированную форму, которая смогла бы передать семантику высказывания в полной её мере. Именно с этой целью мы предлагаем ввести в научный оборот понятие «метамодель» и дать её систематизацию. Как отмечает Г. А. Золотова, «... все проблемы синтаксиса возникают из различных решений проблемы соотношения синтаксиса и семантики.... При возможных различных решениях этих проблем принципиально важно, несмотря на трудность подобной задачи, ориентироваться не на избранные схемы, а попытаться систематизировать подлинные, во всем их многообразии модели, которые служат коммуникативными единицами русского языка» [Там же, с. 130]. Следовательно, целью нашей статьи является описание понятия «метамодель» и последующая систематизация элементов, составляющих её. Для решения поставленной цели в статье реализуются следующие задачи:

1. описать существующие варианты систематизации минимальных и расширенных схем двусоставного простого предложения неинфинитивного типа;
2. представить иерархию метамodelей как минимальных единиц коммуникации;
3. проанализировать двусоставные минимальные коммуникативные метамodelи неинфинитивного типа с позиции формального выражения и типового содержания;
4. выявить различия минимальной / расширенной схемы и двусоставной метамodelи в качестве коммуникативной единицы;

Практическая значимость работы состоит в том, что метамодель высказывания наилучшим образом представляет законы русской коммуникации для иностранных учащихся. Она способствует формированию правильного речевого образца с точки зрения формы и содержания, упрощает изучение русского языка инофонами благодаря готовым речевым шаблонам.

Метамодель – это абстрактное обобщенное представление коммуникативных единиц русского языка, которое в основе своей содержит предикативную структуру высказывания. В этом плане она приравнивается к минимальным структурным схемам простых предложений. Однако, в отличие от них, может и не являться предикативной единицей. Например: *Народу! Цветов! В саду. О выборах.* Следовательно, в метамodelи предикативность может наблюдаться или не наблюдаться. Отсутствие предикативности часто бывает при автономности модели, когда она тождественна обращению или заголовочному элементу.

В отличие от расширенных схем простых предложений метамодель содержит не конститутивный компонент, а коммуникативный, который может быть обязательным или факультативным. Например, *Мальчик читает / Мальчик читает книгу.* С позиции коммуникации – это две разные модели по содержанию и форме выражения, с позиции расширенных схем – одна.

Следовательно, между понятиями «минимальная структурная схема», «расширенная структурная схема» и «метамодель» существуют отношения включения. Так, например, классическую расширенную схему представляет, по мнению В. А. Белошапковой, предложение *Они очутились здесь* [Белошапкова, с. 23]. В данном высказывании конститутивный компонент настолько прочно входит в структуру, что выделяет подобные предложения из традиционной предикативной схемы NV_r , как её понимала Н. Ю. Шведова. Синтаксический элемент *они очутились* коммуникативно недостаточен и требует при себе обязательного распространителя, поэтому в речепостроении ему соответствует схема NV_rAdv .

Метамодель выделяет минимальную структурную схему предложения предикативного и беспредикативного типа, определяет потенциальный набор модификаций данных моделей в коммуникации, исходя из того, какое коммуникативное задание необходимо решить говорящему.

В целом, опираясь на исследования Л. С. Крючковой, Г. А. Золотовой, классификацию метамodelей, существующих в русском

языке, можно представить следующим образом [Крючкова, с. 43]:

1. Присловная метамодель. Центральным элементом в такой модели является глагол, факкультативным может быть любой компонент синтаксиса.

2. Конститутивная метамодель. Как правило, представлена значимым Adv и его распространителем, который может быть любой частью речи, кроме прилагательного и его форм. Например: *Здесь холодно. Туда идем. В школе экзамен.*

3. Метамодель глагольно-связочного типа. Может быть представлена четырьмя своими инвариантами: N5 (Cop); N1 (Cop); N6 (Cop); N4 (Cop). Например: *Быть доктором. Это доктор. Находиться у доктора. Быть в университете. Находиться у университета. Это университет.*

4. Автономная метамодель. Тождественна синтаксеме и может быть представлена всеми формами падежей, а по форме своей равна заголовку текста. Например: *В доме. Дом. К дому. Около дома. Над домом.*

Рассмотрим возможные варианты метамodelей для минимальных предикативных и непредикативных схем. За основу мы возьмем подход к минимальным структурным схемам, предложенный В. А. Величко. Исследователь разделил все схемы предложений, в отличие от В. А. Белошапковой, на четыре самостоятельных блока. Три из них аналогичны ранее предложенным, а четвертый включает в себя малочастотные варианты минимальных структурных схем предложения (или непредикативные структуры). Таким образом, все минимальные схемы представляют собой четыре самостоятельных блока: *минимальные структурные схемы двусоставных предложений; схемы двусоставных инфинитивных предложений; минимальные структурные схемы односоставных предложений; малочастотные минимальные схемы.* [Величко, с. 31–35]. В данной работе малочастотные минимальные, двусоставные инфинитивные и односоставные схемы рассматриваться не будут, так как вопрос достаточно обширен и может послужить материалом к целой серии публикаций.

Объектом описания данной статьи станут минимальные структурные схемы двусоставных предложений и варианты их коммуникативных метамodelей в языке. С данной целью рассмотрим с позиции метамodelей *минимальные структурные схемы двусоставных предложений.* Сразу оговоримся, что примеры для наглядного представления указанных коммуникативных метамodelей аналогичны иллюстративному материалу минимальных структурных схем, которые использовал В. А. Величко

в пособии «Книга о грамматике» [Величко, с. 31–36]. Выбор такого наглядного материала обеспечивает фиксацию примитивного типичного смысла в типизированной грамматической форме, что позволяет эффективно выделить черты сходства и отличия между минимальной структурной схемой и метамodelью. Кроме того, приведенные в статье примеры речевых образцов могут быть использованы как готовые шаблоны при изучении грамматики и построения высказывания на занятиях по русскому как иностранному.

Минимальные структурные схемы метамodelей двусоставного типа могут быть следующими:

1. NV_f . В коммуникативном плане данные предложения выражают динамический или статистический признак. Например: *Мальчик читает. Катя спит. Собака бежит. Собака тоскует.* С позиции метамodelи данная схема может совпадать в коммуникативном плане с минимальной схемой, но чаще всего имеет распространитель или последующие вопросы уточняющего характера. Наиболее частотным коммуникативным распространителем для данной метамodelи является Adv (*долго, мало, всегда, каждый день, иногда* и т. д.). Если метамodelь формируется в последовательности элементов как $N Adv V_f$, то она обладает стопроцентной коммуникативной законченностью. Например: *Мальчик долго читает. Катя долго спит. Собака быстро бежит. Собака иногда тоскует.* Однако если метамodelь выстраивается в последовательности $N V_f Adv$, то Adv требует к себе смыслового распространителя. В качестве него могут выступать все косвенные падежи от N_2 до N_6 . Например: *Собака тоскует долго по хозяину; Катя всегда спит на кровати; Собака бежит быстро из дома; Катя часто лежит под одеялом; Катя долго спит в коляске* и т. д.

Наиболее тесно примыкающими к Adv в коммуникативном плане являются препозитивные распространители N_6 . Следовательно, метамodelь вторая по частотности к этой минимальной структурной схеме – $NV_f (в/на)N_6$. Например: *Собака бежит на улице. Катя спит в спальне. Мальчик читает в доме. Собака тоскует в доме.* Специфика двух последних метамodelей коммуникации заключается в том, что они могут быть объединены в одну расширенную метамodelь $N V_f N_{kosv} Adv$. Например: *Катя спит в доме долго. Собака тоскует по хозяину иногда. Собака бежит около него весело. Катя лежит под одеялом всегда.*

Следовательно, у данной минимальной структурной схемы есть две постоянных

коммуникативных реализации: **N Adv V_f**, например: *Катя долго спит* и **N Vf N_{kosv} (Adv)**, где Adv – плавающий распространитель и в зависимости от актуального смыслового членения может занимать различные позиции. Например: *Катя спит под одеялом долго. Долго Катя спит под одеялом. Катя спит долго под одеялом*. Смысловой разницей между этими схемами является то, что первая коммуникативная метамодель представляет субъект (объект) и его действие обобщенно, как некую константу, постоянную и неизменную: *Катя долго спит*. Вторая – за счет уточняющего коммуникативного компонента – указывает на условие, при котором данное смысловое значение может быть воспринято как относительно постоянное: *Катя спит под одеялом долго*. В коммуникативной ситуации, при распространении первой метамодели **N Adv V_f** любыми косвенными падежами, смысл высказывания приобретает уточняющий характер: *Катя долго спит под одеялом*.

Данная минимальная структурная схема с позиции коммуникативных метамodelей является самой универсальной, так как способна распространяться всеми падежными формами от N₂ до N₅, однако они проявляют себя недостаточно регулярно в коммуникации. Например: *Собака бежит в дом. Собака бежит за домом. Собака бежит от дома. Собака бежит к дому*. Метамодели нерегулярной реализации от регулярных отличаются тем, что на тип распространителя влияет предикативный глагол. Например: *Он читает книгу. Он думает о проблеме. Он звонит по телефону* и т. д.

Следовательно, данная минимальная схема представлена двумя регулярными коммуникативными метамodelями и пятью вариантами метамodelей с нерегулярными распространителями (все косвенные падежи), причем только распространитель N₂ может быть предложного и беспредложного типа, остальные распространители только предложного типа.

2. **N₁ (Cop) Adj / Pron / Part_{pass}**. Данная минимальная структурная схема тождественна коммуникативной метамodelи, так как она универсальна в семантическом плане, потому что не требует обязательного конститутивного распространителя. Например: *Лена добрая. Погода хорошая. Магазин закрыт. Гараж построен*. Данные предложения описывают субъект и его качественный признак. Последний становится важным конститутивным элементом коммуникации, поэтому коммуникативный распространитель в высказываниях без Cop возможен, но факультативен в речи. Например: *Погода хорошая* и *Погода хорошая в городе*. Эта модель имеет при се-

бе обязательный коммуникативный распространитель, если в контексте не опущена глагольная связка. Например: *Погода была хорошая вчера*. Признак погоды мыслится не как абсолютный к моменту речи, а начинает рассматриваться как относительный, в результате в коммуникации возникает желание к уточнениям либо временного плана (когда?), либо локализации (где?). Следовательно, метамодель с глагольной связкой начинает выглядеть следующим образом **N₁ Cop_{pass} Adj / Pron / Part_{pass} (ADV или (в / на N₆))**, где ADV или (в/на) N₆ значимые коммуникативные распространители. Однако если коммуникативный распространитель временного плана постоянно сопровождается глагольной связкой, то при распространителе с локализирующим значением она факультативна в коммуникации. Сравните два высказывания временного плана. Например: *Погода была хорошая вчера*; Ср.: *Погода хорошая вчера*. Последнее предложение неверно с позиции коммуникации, так как утерян конститутивный компонент. Сравните также два предложения с локализирующим распространителем: *Погода была хорошая в городе. Погода хорошая в городе*. Они возможны как с Cop, так и без него. Правила коммуникация от отсутствия связки не нарушаются.

Возможен также коммуникативный вариант в отношении схемы **N₁ (Cop_{pass}) Adj / Part_{pass}**, при котором распространитель содержит указание на субъект, производящий действие. В данном случае метамодель коммуникативного типа будет выглядеть как **N₁ (Cop_{pass}) Adj / Part_{pass} + (с) N₅**. Например: *Гараж был построен строителями. Магазин закрыт продавцом. Лена добра с ним*.

Следовательно, при данном представлении предикативной основы минимальная структурная схема и метамодель совпадают, однако коммуникативные метамodelи могут быть представлены тремя основными разновидностями 1) **N₁ (Cop_{pass}) Adj / Pron / Part_{pass} (Adv)**; 2) **N₁ (Cop_{pass}) Adj / Pron / Part_{pass} (в/на) N₆**; 3) **N₁ (Cop_{pass}) Adj / Part_{pass} + (с) N₅**. Первая разновидность при распространителе Adv требует в коммуникации обязательного присутствия Cop.

3. **N₁ (Cop) N₁ (N₅)**. Ряд исследователей (А. В. Величко, В. А. Белошапкова) сводят данные модели в одну. Однако мы предполагаем, что, несмотря на их семантическую близость, данные модели необходимо рассматривать как две самостоятельные коммуникативные единицы, так как распространители у данных схем совершенно различные. Модель **N₁ (Cop) N₁** может являться самостоятельной коммуникативной единицей, не требующей к себе никакого конститутивного распространителя, при условии

смыслового установления тождества между называемыми объектами действительности. Например: *Вода – это жидкость. Береза – это дерево. Это моя комната.*

Однако эта же модель N_1 (Cop) N_1 , но при выражении объекта или субъекта и его классификационного признака или признака, выделяющего его из ряда однородных явлений, требует к себе обязательного коммуникативного распространителя в форме N_6 . Например: *Лингвистика – это наука о языке. Физика – это наука об объектах. Химия – это наука о веществах* [Борисова, Дубинина, с. 41].

Следовательно, метамодель для минимальной структурной схемы N_1 (Cop) N_1 будет представлена двумя своими разновидностями, одна из которых полностью совпадает с минимальной структурной схемой, другая содержит важный конститутивный распространитель: N_1 (Cop) $N_1 + (o/ob) N_6$.

Минимальная структурная схема N_1 (Cop) N_5 может быть как тождественна метамодели высказывания, так и отлична от неё. Если в семантическом плане данная метамодель в коммуникации выполняет функцию квалификационного определителя лица или предмета, то она совпадает с минимальной структурной схемой. Например: *Отец был учителем. Плуг является орудием. Наташа была сестрой. Он стал математиком.* В смысловом плане данные предложения можно разделить на две группы: абсолютно коммуникативно достаточные: *Отец был учителем. Он стал математиком* и условно коммуникативно достаточные: *Плуг является орудием. Наташа была сестрой.* Условность их проявляется в том, что они при кажущейся семантической законченности, если признак мыслится обобщенно, все же требуют к себе смысловой уточнитель в форме N_4 . Например: *Плуг является орудием сельского хозяйства. Наташа была сестрой Лизы.* Данный уточнитель может быть использован и в абсолютно коммуникативно достаточных предложениях, тогда их признак будет мыслиться не обобщенно, а обретет смысловую конкретизацию. Например: *Отец – учитель физики.*

Реже коммуникативным распространителем к данной минимальной структурной схеме в метамоделях выступает форма N_6 . Например: *Отец был учителем в деревне. Плуг является орудием в сельском хозяйстве. Наташа была сестрой в игре. Он стал математиком в университете.*

Следовательно, структурную минимальную схему N_1 (Cop) N_1 (N_5), предложенную А. В. Величко и В. А. Белошапковой, следует рассматривать как две самостоятельные коммуникативные

метамодели N_1 (Cop) N_1 и N_1 (Cop) N_5 , причем у последней в коммуникации наблюдаются две разновидности: N_1 (Cop) N_5 N_4 и N_1 (Cop) N_5 (в / на) N_6 . У первой метамодели возможен распространитель N_6 , но только с предлогом о / об: N_1 (Cop) N_1 (o/ob) N_6 .

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

1. Метамодель – это минимальная единица коммуникативного синтаксиса, которая в абстрактной форме представляет типичное грамматическое выражение и семантическое значение. Все речевые высказывания современного русского языка в целом делятся на два больших синтаксических класса: предикативные и непередикативные. Первая группа представлена присловными моделями, конститутивными и глагольно-связочными, вторую группу составляют различные синтаксемы.

2. Иерархию коммуникативных метамodelей, исходя из минимальных структурных схем, с которыми они частично совпадают, можно представить как минимальные коммуникативные метамодели двусоставного; инфинитивного; номинативного и малочастотного типа.

3. Двусоставные коммуникативные метамодели представлены тремя основными разновидностями: 1) NV_f ; 2) N_1 (Cop) Adj / Pron / Part_{pass}; 3) N_1 (Cop) N_1 (N_5). Каждая из них имеет свои регулярные реализации в коммуникации. Так, для метамодели NV_f это $NV_{f(в / на)} N_6$; $N AdvV_f$ и $N V_f Adv$, причем последняя метамодель при таком порядке слов требует конститутивного распространителя к Adv, поэтому полная метамодель будет выглядеть как $N V_f Adv + N_{kosv}$. Метамодель N_1 (Cop) Adj / Pron / Part_{pass} имеет три коммуникативные разновидности 1) N_1 (Cop_{pass}) Adj / Pron / Part_{pass} (Adv), причем тип Adv определяет присутствие или отсутствие Cop; 2) N_1 (Cop_{pass}) Adj / Pron / Part_{pass} (в / на N_6); 3) N_1 (Cop_{pass}) Adj/Part_{pass} + (с) N_5 . Структурная схема N_1 (Cop) N_1 (N_5) с позиции коммуникации представляет собой две самостоятельные метамодели N_1 (Cop) N_1 и N_1 (Cop) (N_5). Первая метамодель имеет инвариант N_1 (Cop) $N_1 + (o/ob) N_6$, вторая метамодель может быть представлена двумя разновидностями: N_1 (Cop) N_5 N_4 и N_1 (Cop) N_5 (в/на) N_6 .

4. Уточненные метамодели коммуникации позволяют инофонам строить правильные речевые высказывания как в грамматическом, так и лексическом плане. Метамодели наглядно представляют законы синтаксиса русского языка, что способствует наиболее эффективному их усвоению иностранными учащимися как в процессе

традиционного обучения, так и при дистанционном формате.

Список литературы

Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Наука, 1977. 430с.

Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука, 1983. 205 с.

Борисова Л. Н. Дубинина Л. Л. Язык специальности. Медико-биологический профиль. Начальный этап. М.: МАДИ, 2017. 88с.

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: ЭКСМО, 2001. 720 с.

Всеволодова М. В., Панов Ф. Н. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагм. приклад. (пед.) модели яз. М.: МГУ, 2000. 501с

Величко А. В. Книга о грамматике. М.: МГУ, 2017. 648 с.

Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Едиториал, УРСС, 2006. 440с.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Ком Книга, 2005. 352с.

Крючкова Л. С. Падежная и предложно-падежная система русского языка. Функционально-семантический аспект. М.: Наука, 2017. 136 с.

Ломтев Т. П. Принципы построения формулы предложения // Филологические науки, 1969. № 5. С. 48–58.

Попова З. Д. Минимальные и расширенные структурные схемы простого предложения как однопорядковые знаки препозитивных концептов. В кн.: Традиционное и новое в русской грамматике/ Сост. Т. В. Белошапкова, Т. В. Шмелёва. М.: Индрик, 2001. 328с.

Шведова Н. Ю. Вопросы описания структурных схем простого предложения // Вопросы языкознания. 1973, №4. С. 34–42.

References

Beloshapkova, V. A. (1977). *Sovremenniy russkii iazyk. Sintaksis* [Modern Russian. Syntax]. 430 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Bondarko, A. V. (1983). *Printsipy funktsional'noi grammatiki i voprosy aspektologii* [Principles of Func-

tional Grammar and Questions of Aspectology]. 205 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

Borisova, L. N., Dubinina, L. L. (2017). *Iazyk spetsial'nosti. Mediko-biologicheskii profil'. Nachal'nyi etap* [Language of Specialty. Medical and Biological Profile. Starter]. 88 p. Moscow, MADI. (In Russian)

Kriuchkova, L. S. (2017). *Padezhnaia i predlozhno-padezhnaia sistema russkogo iazyka. Funktsional'no-semanticeskii aspekt* [Case and Prepositional Case System of the Russian Language. Functional-Semantic Aspect]. 136 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Lomtev, T. P. (1969). *Printsipy postroeniia formuly predlozheniia* [Principles for Constructing a Sentence Formula]. *Filologicheskie nauki*, No 5, pp. 48–58. (In Russian)

Popova, Z. D. (2001). *Minimal'nye i rasshirennye strukturnye skhemy prostogo predlozheniia kak odnoporядkovye znaki prepozitivnykh kontseptov* [Minimum and Extended Structure Diagrams of a Simple Sentence as Single-Order Signs of Pre-Positive Concepts]. V kn.: *Traditsionnoe i novoe v russkoi grammatike*. Sost. T. V. Beloshapkova, T. V. Shmeleva. Moscow, Indrik. (In Russian)

Shvedova, N. Yu. (1973). *Voprosy opisaniia strukturnykh skhem prostogo predlozheniia* [Simple Proposal Structure Diagram Description Questions]. *Voprosy iazykoznanii*, No 4, pp. 34–42. (In Russian)

Vinogradov, V. V. (2001). *Russkii iazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian Language. Grammatical Teaching of the Word]. 720 p. Moscow, EKSMO. (In Russian)

Vsevolodova, M. V., Panov, F. N. (2000). *Teoriia funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa* [Theory of Functional-Communicative Syntax]. *Fragm. priklad. (ped.) modeli iaz.* 501 p. Moscow, MGU. (In Russian)

Velichko, A. V. (2017). *Kniga o grammatike* [A Book about Grammar]. 648 p. Moscow, MGU. (In Russian)

Zolotova, G. A. (2006). *Sintaksicheskii slovar': Repertuar elementarnykh edinits russkogo iaintaksisa* [Syntax Dictionary: Russian Syntax Unit Repertoire]. 440 p. Moscow, Editorial, URSS. (In Russian)

Zolotova, G. A. (2005). *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo iazyka* [An Essay on the Functional Syntax of the Russian Language]. 352 p. Moscow, Kom Kniga. (In Russian)

The article was submitted on 09.02.2021

Поступила в редакцию 09.02.2021

Комовская Елена Витальевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Санкт-Петербургский государственный
аграрный университет,
196605, Россия, Санкт-Петербург,
Петербургское шоссе, 6.
Komovskaya86@mail.ru

Komovskaya Elena Vitalievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
St. Petersburg State Agrarian University,

6 Peterburgskoe Shosse,
St-Petersburg, 196605, Russian Federation.
Komovskaya86@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-61-68
УДК 81'373

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КОНТРАСТ В КИТАЙСКОЙ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМНОГО ПРЕВРАЩЕНИЯ ПТИЦЫ И РЫБЫ)

© Лариса Манерко, Мэнмэн Ван

SPATIAL CONTRAST IN CHINESE MYTHOLOGICAL WORLDVIEW (BASED ON MUTUAL TRANSFORMATIONS OF BIRDS AND FISH)

Larissa Manerko, Mengmeng Wang

The article discusses the spectrum of spatial models expressed in the process of categorization and further mutual transformations of birds and fish in the Chinese mythological picture of the world. The understanding of such a universal category as space enables us to describe the national image of the world, including the Chinese worldview.

Our research is based on the ancient Chinese monument “山海经” (“Shang Hai Ji”) and the philosophical treatise “庄子” (“Chuang Tzu”). An important research element is the description of three types of relationships between birds and fish: the coexistence of fish and birds, the transformation of the bird into the fish and the fish into the bird. The research results revealed such spatial oppositions as sky – water, south – north, top – bottom. In this case, the first word of the contrast always has a positive connotation, while the second word has a negative one. At the same time, the identified types of the contrast are characterized by national-cultural features, as specified in the concept of yin-yang and the five elements of Chinese traditional philosophy. In this regard, the members of the opposition do not confront each other but interact, turn into each other, which reflects the idea of the cyclical process in the life of the Chinese, the process that is subject to renewal and development.

Keywords: linguistics, space, mythological picture of the world, spatial contrast, mutual transformation, birds and fish, yin – yang, five elements.

В статье рассматривается понимание объектов в пространстве и представлений о них в китайской мифологической картине мира. Пространство является универсальной категорией, без которой невозможно понять китайское национальное видение мира.

Материалом для изучения являются древнекитайский памятник «山海经» – «Каталог гор и морей» и философский трактат «庄子» – «Чжуан-цзы». В статье выделяются птицы и рыбы как отдельные объекты, обозначенные с помощью языковых средств, а также раскрываются три типа отношений между птицей и рыбой: сосуществование птицы и рыбы, особенности превращения птицы в рыбу и наоборот. В результате описания в исследовании выделены такие пространственные оппозиции, как небо – вода, юг – север, верх – низ. При этом первый член подобной оппозиции всегда обладает положительной интерпретацией, а второй – отрицательной. Выявленные типы и контрастирующие элементы характеризуются национально-культурным своеобразием, основанным на концепции *инь – ян* и пяти стихий в китайской традиционной философии. Члены указанных оппозиций в некоторых примерах взаимодействуют, превращаясь друг в друга, что отражает взгляд на циклический процесс в жизни китайцев, подверженный обновлению и развитию.

Ключевые слова: языкознание, пространство, мифологическая картина мира, пространственный контраст, взаимное превращение, птица и рыба, инь – ян, пять стихий.

В процессе эволюции человек знакомится с новыми способами познания окружающего мира. Одним из исторически первых способов осознания действительности является мифологическое познание, вырабатывающееся в первобытном

обществе и обязательно предполагающее наличие божественного компонента. Благодаря этому типу знания и была сформирована мифологическая картина мира, рассматриваемая как «первая форма познания мира, запечатленная в

языке и соответствующих текстах (обычно устных) ...; это целостное миропонимание, в котором различные представления увязаны в единую образную картину мира, сочетающую в себе реальность и фантазии, естественное и сверхъестественное, знание и веру, мысль и эмоции» [Пименова, с. 39].

В любой картине мира, в том числе мифологической, понимание категории пространства и времени играет важную роль, определяя все существующее вокруг человека не только объективно, но и субъективно, опираясь на конкретную культуру. П. А. Флоренский отмечал важность исследования категории пространства. По его мнению, «вся культура может быть истолкована как деятельность по организации пространства» [Флоренский, с. 112]. С помощью понимания пространства человек определяет свое положение в мире, природе, уравнивает себя со всем, что его окружает. Именно это позволяет человеку «упорядочить, таким образом, хаотичную вселенную, сделать ее познаваемой, понятной, осмысленной» [Тимченко, с. 96]. По мнению Л. А. Манерко, «пространственный опыт является самым важным этапом в познавательной деятельности человека, так как он накладывает отпечаток на его сознание и определяет мышление, преломленное через опыт поколений» [Манерко, 1999, с. 95]. Но также «изначально в человеческом опыте существует концептуальная схематизация восприятия объектов, их движений и признаков в пространстве» [Манерко, 2016, с. 63], которые дают возможность отделить один предмет от другого и указать на его место в пространстве. С помощью данных элементов человек «представляет структуру мира, интерпретирует и оценивает ее в процессах языковой номинации и коммуникации» [Болдырев, с. 27].

В разных культурах категория пространства описывается как универсальное явление, воплощаясь в картину мира, где «плод взаимодействия внеисточниковых знаний исследователя» сочетается «с потоком информации, почерпнутых им из источников» [Гуревич, 1999, т. 2, с. 11]. Эта категория может осмысливаться по-разному в разных языках. Например, в русской культуре распространено пространственное мышление, и, соответственно, мир мыслится в пространственных категориях. Исследователи В. Н. Топоров и Вяч. Вс. Иванов опирались на семантические оппозиции: высший – первый, белый – черный, бессмертие – смерть, близкий – далёкий, вареный – сырой, вертикальный – горизонтальный, верх – низ, юг – север, правый – левый и т. д. для описания древнеславянской модели восприятия окружающего мира [Иванов, Топоров, с. 17–54].

Центральным понятием, отраженным посредством подобных семантических противопоставлений, как раз и является пространство.

В китайской культуре существуют иные пространственные языковые ориентиры, которые были изучены И. И. Просвиркиной и Е. А. Луценко. В качестве материала для анализа авторы выбрали текст философского трактата «Чжуан-Цзы», имеющего достаточное количество лексических единиц, эксплицирующих категорию пространства. Авторы выделили следующие пространственные языковые единицы: небо – земля, Дао – Дэ, север – юг, запад – восток, а также географические понятия, указывающие на пространство (река, гора и др.) [Просвиркина, Луценко, с. 156–160]. Исследуя пространство в трактате «Рассуждения о грезах», ученые показали, что некоторые единицы повторяются, а другие могут изменяться. Такие лексические единицы как *Небо*, *Дао*, *Инь* и *Янь* обозначают базовые пространственные определения. Важными также являются обозначения частей тела (сердце, голова, живот, рот и т. д.), которые тоже считаются ориентированными в пространстве, и наречия со значением локализации. В трактате отмечается многомерность древних религиозных текстов и многообразие сложных, составных лексем для построения образа пространства [Маслов, Просвиркина, Агарева, с. 132–140].

В данной статье предпринимается попытка описать объекты в пространстве и то, как они воспринимаются в китайской мифологической картине мира, а также показать пространственный контраст и пересечение характеристик, встречающихся в процессе взаимного превращения одного объекта в другой, что в большей степени обусловлено именно мифологическим сознанием. Материалом для анализа послужили «*山海经*» – «Каталог гор и морей», перевод которого на русский язык выполнен Э. М. Яншиной [Яншина], и даосская книга притч «*庄子*» – «Чжуан-цзы» [Чжуан-цзы], воплощающие в себе основы китайского миропонимания. Выбор этих произведений обусловлен тем, что «Чжуан-цзы» является сборником притч китайского народа и всегда влияет на различные сферы жизни общества; значимость этого произведения для людей очевидна и по сей день, несмотря на его древность, а трактат «*山海经*» – «Каталог гор и морей» также важен для анализа китайской культуры и данного исследования.

Птица и рыба как особые объекты категоризации мира живых существ характеризуются в китайской языковой картине мира связью с ка-

лендарным циклом, концепцией пяти стихий, определяющей параметры философии и мироздания, соотношением *инь* – *ян* и четким проявлением оппозиции небо – вода, юг – север, верх – низ. В трактате «Каталог гор и морей» зафиксировано описание около 100 видов птиц, из которых самой известной и самой встречаемой в тексте является птица *фэнхуан*, чья частотность в трактате составляет 27 единиц. В «Каталоге гор и морей» указывается, что «птица фэнхуан по строению похожа на курицу. На ее теле расположены пять узоров различного типа. Узор на голове выполнен в виде иероглифа 德 ‘добродетель’, на крыльях – 顺 ‘послушание’, на спине – 义 ‘справедливость’, на животе – 信 ‘доверие’, на груди – 仁 ‘гуманность’» [Юань, с. 12]. По мнению Чжан Дун, мифическая птица в трактате «Каталог гор и морей» рассматривается на основе трех особенностей: «солнечная мифическая птица», «гора в форме мифической птицы» и «божество ветра Фэн Хуан» [Чжан, с. 1]. Следовательно, образ птицы, зафиксированный в «Каталоге гор и морей» и имеющий отношение к китайской языковой картине мира, строится на основе ряда концептуальных признаков: описание включает мифологический признак, сходство с курицей, присутствует связь с солнцем, горами, с человеческими чертами, олицетворением чего-либо и др.

В этом трактате также зафиксировано описание 53 видов различных необычных рыб. Например, в тексте «*南山经*» («Каталог южных гор») указывается на «существование рыбы по имени Чижу, у которой человеческое лицо и голос, похожий на голос утки мандаринки» [Юань, с. 2]. Текст «*西山经*» («Каталог западных гор») содержит легенду о змеевидной рыбе Хуа с четырьмя ногами [Там же, с. 33] и др. На основе анализа было обнаружено, что образы этих 53 рыб отличаются объединением характеристик различных существ, таких как птица, свинья, бык, петух, змея, собака, человек и т. д. Прототипический образ рыбы включает в себя следующие концептуальные признаки: мифологическая, не существующая в реальности рыба; образ рыбы тесно связан с характеристиками птицы (с птичьей головой, крыльями, хвостом, голосом), отождествляется также с человеческими чертами и др.

В китайской мифологической картине мира рыбы и птицы, обитающие в противоположных пространствах – водном и небесном, тесно связаны друг с другом. Рассмотрим функциониро-

вание наименований птиц и рыб в исследуемых текстах на примере трех типов отношений между ними: в дальнейшем будет представлено сосуществование рыбы и птицы в мире действительно-сти, превращение рыбы в птицу и птицы – в рыбу.

Сосуществование рыбы и птицы

В «Каталоге гор и морей» представлена реальная и мифическая география Китая и описаны обитающие там создания. В этом произведении фиксируется много описаний рыб и птиц. Например, в тексте «*北山经*» («Каталог северных гор») повествуется о «рыбе Сиси (鰐鰐), напоминающей сороку с десятью чешуйчатыми крыльями. Эта рыба живет в реке и кричит подобно сороке» [Юань, с. 92]. А в тексте «*东山经*» («Каталог восточных гор») написано, что в озере Юйжу полно рыбы с птичьими крыльями, имя которой Хуа (鰕) [Там же]. Необходимо отметить, что в «Каталоге гор и морей» упоминается 9 (из 53 описаний) различных видов рыб, чьи образы подобны образам птиц, что свидетельствует о том, что рыбы и птицы сосуществуют в сознании древних китайцев как единое явление.

Сферы обитания рыбы и птицы разные, они представляют нижнюю и верхнюю космические зоны в китайской культуре, соответственно, древние китайцы представляют два взаимосвязанных творческих начала – *инь* и *ян*. Сущность китайской философии состоит в том, что противоположные силы *инь* и *ян* сливаются воедино и действуют вместе, и только при таком условии возможно достижение идеала. В этом случае верхняя зона рассматривается как воплощение *ян*, а нижняя – как воплощение *инь*, которые подобно этим творческим началам «взаимодействуют» друг с другом.

Отсюда можно сделать вывод о том, что рыба и птица не только противостоят друг другу, но и в то же время образуют единство. Сосуществование птицы и рыбы можно рассматривать через взаимодействие *инь* – *ян*, которое «представляет собой аллюзию древнейшего изначального положения Неба и Земли, когда они лежали одно на другом, были целостны и не разделены» [Маслов, с. 228].

Превращение рыбы в птицу

Несмотря на то, что рыба и птица обитают в разных сферах, недостижимых друг для друга, между ними существует множество взаимосвязей: рыба с хребтом свободно перемещается в воде, подобно птице с крыльями, которая способна свободно летать в воздухе. Иногда рыба

совершает перелеты над водой, а птица окунается в воду на лету.

В китайской мифологии мы можем наблюдать, что многие виды рыб в определенное время способны превращаться в птицу. Самым известным и распространенным мифом о превращении рыбы в птицу является миф 鲲鹏 'Кунь Пэн', названный так по именам большой рыбы 鲲 'Кунь' и мифической птицы 鹏 'Пэн'. В словаре «Шовэнь цзецзы» фиксируется, что «鹏 'Пэн' в древности был вариантом китайского иероглифа для 凤 'Фэн', при этом «Фэн – божественная птица» [Сюй Шэнь, с. 376]. Получается, что 鹏 'Пэн' в древности был назван божественной птицей. В толковом словаре современного китайского языка указывается, что «согласно легенде, 鲲 'Кунь' – большая рыба» [Словарь современного китайского языка, с. 766]. Попробуем разобраться, как может происходить такое смешение двух разных обозначений.

Миф о 鲲鹏 'Кунь Пэн' впервые упоминается в книге философа Чжуан-цзы (庄子) [庄子 Чжуан-цзы]. Вчитаемся в то, что там описано: «Рыба под названием Кунь живет в Пэймни. Она настолько огромна, что никто не знает ее точного размера. Эта рыба может превращаться в птицу под названием Пэн. Расправленные крылья этой птицы закрывают весь горизонт, и кажется, что тучи необъятных размеров движутся по небу. Пэн летит в Наньмин вместе с ураганом и бушующим морем (цит. по: [Ван, Лю, с. 1]). Процесс превращения рыбы Кунь в птицу Пэн представлен на рисунке 1.

Рис. 1. Процесс превращения рыбы Кунь в птицу Пэн

Данный рисунок наглядно показывает, как рыба Кунь превращается в птицу Пэн. Первый этап обозначает то, что в процессе полета птица

Пэн справляется с тяжестью огромного тела и преодолевает сопротивление поверхности воды. Второй этап – по ходу ее движения вода в Северном море начинает бурлить на три тысячи ли в глубину, Пэн вихрем взлетает на девяносто тысяч ли. Третий этап – после шести месяцев полета Пэн прилетает к Южному морю, достигнув своей цели.

Пространственное отношение в процессе превращения рыбы в птицу выражается следующими оппозициями: пространственным противопоставлением «небо – земля», сторонами света «юг – север», а также локализацией нахождения «верх – низ». Согласно определению «Словаря китайского языка онлайн» Пэймни – это «самое дальнее море на севере в понимании древних китайцев, Наньмин – море на юге» [Словарь китайского языка онлайн]. Стороны света, в этом случае юг и север, имеют большое значение в китайской мифологической картине мира. Это объясняется тем, что в китайской традиционной культуре все классификации связаны с двойным противопоставлением инь – ян; согласно такой оппозиции ян ассоциируется с положительными характеристиками, а инь – наоборот, с отрицательными. Север является символом инь, юг – ян. Птица Пэн, летящая с северного моря на южное, «символизирует перелет с земли на небо» [Тан, с. 75]. Это движение вносит сакральность в китайскую мифологическую картину мира, так как подобное описание наделяется признаками «хороший», «благополучный», «плодородный», «жизненный» [Батуева, с. 86]. Вертикальное движение с севера (из нижнего мира) на юг (в верхний мир) отражено в представлениях древних китайцев (см. рис. 1) и ассоциируется с такими положительными характеристиками, как рождение, возникновение, свет, день, солнце и т. д.

Птица рассматривается как воплощение одной из сторон космогенеза – ян, которая всегда мечтает улететь на юг, что символизирует тепло, свет и свободу. А рыбы, обитающие на севере, ассоциируются с ночью, смертью и зависимостью, именно поэтому в «Чжуан-цзы» создается рыба Кунь, превращающаяся в птицу, чтобы вырваться на свободу и улететь в Южное море.

Превращение птицы в рыбу

В китайской мифологии некоторые виды птиц в определенное время способны превращаться в рыбу. В трактате «临海异物志» («Приморские чудеса») написано, что «в Южно-Китайском море существует птица хуан цюе (птица 'желтый воробей'), способная превращаться в рыбу хуан цюе (рыбу 'желтый воробей')»

каждый год в октябре» (цит. по: [Лю, с. 15]). По мнению Лю Цина, птица, прилетевшая на гору 羽化 'Юй хуа' на северный полюс, должна была сбросить все перья и нырнуть в омут, находящийся под горой 羽化 'Юй хуа', после чего она превращается в рыбу» [Лю, с. 15]. Превращение птицы в рыбу представляет собой вертикальное движение сверху вниз, что означает ухудшение жизни и ассоциируется с отрицательными чертами: падением, потерей, тьмой, смертью и т. д. Это также соответствует воззрениям китайской философии о пяти стихиях, согласно которым вода, в которой обитает рыба, соответствует зиме, тьме и северу.

Важно отметить, что вышеупомянутая птица хуан цюе (птица 'желтый воробей') в июне превращается обратно в рыбу с тем же именем хуан цюе (рыбу 'желтый воробей') (цит. по: [Лю, с. 15]). То есть в китайской мифологии также наблюдается явление взаимного превращения рыбы в птицу. Подобное сосуществование единства и одновременно взаимное превращение означает движение, постоянное проникновение одного начала в другое, а значит, бесконечное изменение. Этот процесс представлен на рисунке 2.

Рис. 2. Взаимное превращение рыбы и птицы

Подобное взаимное превращение рыбы и птицы отражает взгляд на циклический процесс в жизни китайцев, означающий, что жизнь беспрерывно обновляется и продолжается.

Таким образом, в статье показаны три типа отношений между рыбой и птицей в китайской мифологии: сосуществование рыбы и птицы, превращение птицы в рыбу и превращение рыбы в птицу. В ходе анализа были выявлены такие пространственные контрасты, как небо – земля, юг – север, верх – низ. Важно отметить, что оппозиции, отраженные в этих превращениях, не существуют обособленно от других национально-культурных категорий, так как философское понимание мира в китайской мифологии форми-

руется на основе концепции *инь* – *ян* и пяти стихий.

Указанные выше в данном исследовании пространственные контрасты, выраженные в процессе взаимного превращения птицы и рыбы в китайской мифологической картине мира, представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Пространственные контрасты и их отношения в процессе взаимного превращения птицы и рыбы

Название категории	Пространственный контраст			Китайская философия	
	天地 (Небо-Земля)	五方 (Пять сторон)	上下 (Верх-низ)	五行 (Пять стихий)	阴阳 (Инь-Ян)
Характеристики категории		东 (Восток)		木 (Дерево)	
	天 (Небо)	南 (Юг)	上 (Верх)	火 (Огонь)	阳 (Ян)
		中 (Центр)		土 (Земля)	
		西 (Запад)		金 (Золото)	
	地 (Земля)	北 (Север)	下 (Низ)	水 (Вода)	阴 (Инь)

Данная таблица демонстрирует вышеописанные пространственные контрасты. Следует обратить внимание на то, что выделено жирным шрифтом (то есть *Небо*, *Юг*, *Верх*, *Огонь*, *Ян* и их контрасты *Земля*, *Север*, *Низ*, *Вода*, *Инь*). Птица ассоциируется с Небом, Югом, Верхом, Огнем и рассматривается как воплощение *ян*. Ей противопоставлена рыба, связанная с Землей, Севером, Низом, Водой и являющаяся основой *инь*.

Таким образом, понимание отношений между птицей и рыбой в китайской мифологической картине мира не обходится без участия таких пространственных контрастов, как небо – земля, юг – север, верх – низ. В мифологической картине мира восприятие пространства может быть «добрым и злым, благоприятным для одних видов деятельности и опасным и враждебным для других» [Гуревич, 1984, с. 38]. Для китайской мифологии важно разделение пространства по принадлежности к *инь* и *ян*. В соответствии с традиционными представлениями нижняя точка пространства – вода как место обитания рыб, связывается с холодом и смертью, вызывает негативные эмоции и является воплощением *инь*. Небо же, как обитель птиц и воплощение *ян*, становится символом тепла, жизни, радости. Перемещение снизу вверх, в этом случае превращение рыбы в птицу, может означать постепенное улучшение жизни, а сверху вниз (превращение птицы в рыбу) – наоборот, ухудшение. Важно отметить, что в китайской философии и картине мира присутствует такое важное свойство, как движение – постоянное проникновение одного начала в другое, бесконечное превращение.

Список литературы

Батуева А. А. Некоторые проблемы исторической семантики индоевропейских языков // Вопросы филологии. 2006. № 2 (23). С. 86–90.

Болдырев Н. Н. Пространство и время как формы языкового сознания // Когнитивные исследования языка. Тамбов, 2016. Выпуск. 25. С. 25–32.

Гуревич А. Я. Избранные труды в 2-х т. Т. 2. Средневековый мир. М., СПб: Университетская книга, 1999. 559 с.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 285 с.

Иванов Вяч. В., Топоров В. Н. Славянские моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965. 246 с.

Манерко Л. А. Предмет в пространстве через сложноструктурную единицу номинации // Номинация и дискурс. Рязань: Изд-во РГПУ, 1999. С. 95–101.

Манерко Л. А. Социокультурные особенности схематизации пространственного опыта в переводе с английского на русский язык // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2016. № 4. С. 49–66.

Маслов А. А., Просвиркина И. И., Агарева М. В. Особенности лексических единиц, обозначающих пространство в китайских даосских текстах «о снах и грезах» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 8(86). Ч. 1. С. 125–132.

Маслов А. А. Тайный смысл и разгадка кодов Лао-цзы. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2005. 288 с.

Пименова М. В. Языковая картина мира [Электронный ресурс]: учеб. пособие. 4-е изд., доп. М.: ФЛИНТА, 2014. 108 с.

Просвиркина И. И., Луценко Е. А. Лексические единицы китайского языка, выражающие пространство (на материале философского трактата «Чжуан Цзы») // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. №11. С. 156–160.

Тимченко А. Г. Вербализация сторон света в русских говорах Красноярского края (бинарные оппозиции «Восток-Запад», «Юг-Север») // Филология и культура. Philology and culture. 2015. №1(39). С. 96–100.

Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях / П. А. Флоренский, священник // Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / Сост. игумен Андроника (А. С. Трубачева); ред. игумен Андроник (А. С. Трубачев). М.: Мысль, 2000. С. 81–259.

Яншина Э. М. Каталог гор и морей (Шань Хай цзин) предисловие, перевод и комментарий. М.: Наука, 1977. 236 с.

张东.

山海经神鸟形象源流考.

福建师范大学硕士论文. 2018. 116页. (Чжан Дун. Исследование этимологии мифических птиц в «Шан Хай

Цзи» // Магистерская диссертация Фуцзинского педагогического университета. 2018. 116 с).

刘勤. 由鲲鹏神话论及鱼鸟互化运动图式 //

海南大学学报人文社会科学版 2012, 第30卷第6期, 第12–20页 (Лю Цинь. Модели движения мифологии и взаимодействия птиц с рыбой // Вестник Хайнаньского университета, издание «Гуманитарные и социальные науки», 2012. №. 2. С. 12–20).

唐梵凌. 庄子《逍遥游》“鲲鹏”隐喻初探 //

阴山学刊. 2018 第31卷第2期. 第72–80页 (Тан Фань-лин. Метафора образа Кунь Пэн в «Чжуан цзы» // Иньшаньский академический журнал. 2018. Т. 31. №. 2. С. 72–80).

王先谦, 刘武. 《庄子集解》. 北京: 中华书局, 2012,

600页. (Ван Сяньцян, Лю Ву. Комментарий к «Чжуан-цзы». Пекин: Китайское книжное изд-во, 2012. 600 с.).

许慎. 说文解字: 文白对照/(东汉). 北京:

九州出版社, 2018.8. 共4卷卷2. 695 页 (Сюй Шэнь. Шовэнь цзецзы: сопоставление оригинала и комментария. Пекин, изд-во «Цзючжоу». 2018. Т.2(4). 695 с).

现代汉语词典. 第七版. 北京. 商务印书馆.

北京2019. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 1799页. (Словарь современного китайского языка. Седьмое издание. Пекин: изд-во «Коммерция». 2019. 1799 с).

袁珂. 山海经全译. 北京: 北京联合出版社, 2016.

207页. (Юань Кэ. Комментарий к «Шань хай цзин». Пекин: Пекинское объединенное изд-во, 2016. 307 с).

在线汉语字典. (Словарь китайского языка онлайн). URL: <http://wap.5156edu.com/xh/html5/154652.html> (дата обращения: 10.11.2020).

庄子. («Чжуан-цзы»). URL: https://so.gushiwen.org/guwen/book_46653FD803893E4F92BED6BFD51EA958.aspx (дата обращения: 10.11.2020).

References

Batueva, A. A. (2006). *Nekotorye problemy istoricheskoi semantiki indoevropskikh iazykov* [Some Problems of Historical Semantics of Indo-European Languages]. *Voprosy filologii*. No. 2 (23), pp. 86–90. (In Russian)

Boldyrev, N. N. (2016). *Prostranstvo i vremia kak formy iazykovogo soznaniia* [Space and Time as Forms of Linguistic Consciousness]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*. Issue 25, pp. 25–32. Tambov. (In Russian)

Chzhuan-Tszy [Zhuang Zi]. URL: https://so.gushiwen.org/guwen/book_46653FD803893E4F92BED6BFD51EA958.aspx (accessed: 10.11.2020). (In Chinese)

Florenskii, P. A. (2000). *Analiz prostranstvennosti i vremeni v hudozhestvenno-izobrazitel'nykh proizvedeniiakh*

- [Analysis of Spatiality and Time in Works of Art]. P. A. Florenskii, sviashennik. Stat'i i issledovaniia po istorii i filosofii iskusstva i arheologii. A. S. Trubachev (ed.), pp. 81–259. Moscow, Mysl'. (In Russian)
- Gurevich, A. Ia. (1984). *Kategorii srednevekovoi kul'tury* [Categories of Medieval Culture]. 285 p. Moscow, Iskusstvo. (In Russian)
- Gurevich, A. Ia. (1999). *Izbrannye Trudy v 2h t. T. 2.* [Selected Works in 2 Volumes. Vol. 2]. Srednevekovyi mir. 559 p. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaia kniga. (In Russian)
- Ivanov, Viach. V., Toporov, V. N. (1965). *Slavianskie modeliruiushhie semioticheskie sistemy* [Slavic Modeling Semiotic Systems]. 246 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
- Janshnoi, Je. M. (1977). *Katalog gor i morei (Shan' Hai Tszin) predislovie, perevod i kommentarii* [Catalog of Mountains and Seas (Shan Hai Jing). Foreword, Translation and Commentary]. 236 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
- Liu, Qin. (2012). *Modeli dvizheniia mifologii i vzaimodeistviia ptits s ryboi* [Models of the Movement of Mythology and Interaction of Birds and Fish]. Vestnik Hainan'skogo universiteta, izdanie "Gumanitarnye i sotsial'nye nauki". No. 2, pp. 12–20. (In Chinese)
- Manerko, L. A. (1999). *Predmet v prostranstve cherez slozhnostrokturuyuiu edinicu nominatsii* [Subject in Space through a Complex Structural Unit of the Nomination]. Pp. 95–101. Nominatsiia i diskurs. Riazan, izd-vo RGPU. (In Russian)
- Manerko, L. A. (2016). *Sotsiokul'turnye osobennosti shematizatsii prostranstvennogo opyta v perevode s angliiskogo na russkii iazyk* [Sociocultural Peculiarities of Spatial Experience Schematization in Interpretation from English into Russian]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Series. 22. Teoriia perevoda. No 4, pp. 49–66. (In Russian)
- Maslov, A. A. (2005). *Tainyi smysl i razgadka kodov Lao-Tszy* [The Secret Meanings and Clues of Lao Tzu's Codes]. 288 p. Rostov-na-Donu, Feniks. (In Russian)
- Maslov, A. A., Prosvirkina, I. I., Agareva, M. V. (2018). *Osobennosti leksicheskikh edinits, oboznachaiushhih prostranstvo v kitaiskikh daoskikh tekstakh "o snah i grezah"* [Specificity of Lexical Units Nominating Space in the Chinese Taoist Texts "On Dreams and Visions"]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. No. 8(86). Part. 1, pp. 125–132. Tambov, Gramota. (In Russian)
- Pimenova, M. V. (2014). *Iazykovaia kartina mira* [Language Picture of the World]. Elektronnyi-resurs: ucheb posobie. 4-e-izd. 108 p. Moscow, Flinta. (In Russian)
- Prosvirkina, I. I., Lucenko, E. A. (2013). *Leksicheskie edinitsy kitaiskogo iazyka, vyrazhaiushhie prostranstvo (na materiale filosofskogo traktata "Chzhuan Czi")* [The Lexical Units of the Chinese Language Expressing Space (based on the material of the philosophical treatise "Zhuang Zi")]. Vestnik orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 11, pp. 156–160. (In Russian)
- Slovar kitaiskogo iazyka online* [Online Chinese Dictionary]. URL: <http://wap.5156edu.com/xh/html5/154652.html> (accessed: 10.11.2020). (In Chinese)
- Slovar sovremennogo kitaiskogo iazyka* (2019) [Modern Chinese Dictionary]. Beijing. Edited by the Dictionary Editing Office, Institute of Linguistics, Chinese Academy of Social Sciences. 1799 p. (In Chinese)
- Tang, Fanling. (2018). *Metafora obraza Kun' Pjen v "Chzhuan czi"* [The Metaphor of the Image of Kun Peng in "Zhuang Tzu"]. In: *shan'skii akademicheskii zhurnal*. T. 31. No. 2, pp. 72–80. (In Chinese)
- Timchenko, A. G. (2015). *Verbalizatsiia storon sveta v russkikh govorah krasnoiarskogo kraia (binarnye oppozitsii "Vostok-Zapad", "Iug-Sever")* [Verbalization of the Cardinal Points in the Russian Dialects of Krasnoyarsk Territory (semiotic binary oppositions "East-West", "South-North")]. Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. No. 1(39), pp. 96–100. (In Russian)
- Wang, Xianqian, Liu, Wu. (2012). *Kommentarii k "Chzhuan czi"* [Commentary on "Chuang Tzu"]. Pekin, Kitaiskoe knigoizdatel'stvo. 600 p. (In Chinese)
- Xu, Shen. (2018). *Shoven' tszetszy: sopostavlenie originala i kommentarii* [Shuo Wen Jie Zi: Wen Bai Contrast]. Beijing, Kyushu Press. T. 2(4), 695 p. (In Chinese)
- Yuan, Ke. (2016). *Kommentarii k "Shan' haj czi"* [Commentary on "The Shan Hai Jing"]. 307 p. Beijing, Pekinskoi ob"edinennoe izd-vo. (In Chinese)
- Zhang, Dong. (2018). *Issledovanie etimologii mificheskikh ptits v shan hai tsi* [Study of the Etymology of Mythical Birds in Shang Hai Ji]. 116 p. Magisterskaia dissertatsiia futszinskogo pedagogicheskogo universiteta. Fujiang. (In Chinese)

The article was submitted on 19.01.2021
Поступила в редакцию 19.01.2021

Манерко Лариса Александровна,
доктор филологических наук,
профессор,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Высшая школа перевода (факультет),
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1.
wordfnew@mail.ru

Manerko Larissa Aleksandrovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Lomonosov Moscow State University,
Higher School of Translation and Interpreting
(Department),
1 Leninskiye Gory,
Moscow, 119991, Russian Federation.
wordfnew@mail.ru

Ван Мэнмэн,
аспирант,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Высшая школа перевода (факультет),
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1.
wangmengmengwmm@gmail.com

Wang Mengmeng,
graduate student,
Lomonosov Moscow State University,
Higher School of Translation and Interpreting
(Department),
1 Leninskiye Gory,
Moscow, 119991, Russian Federation.
wangmengmengwmm@gmail.com

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-69-76
УДК 811.111

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ В БРИТАНСКОМ МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

© Анна Матвеева

STRUCTURAL AND SEMANTIC PECULIARITIES OF THE VERBAL GAME IN BRITISH MASS-MEDIA DISCOURSE PRECEDENT STATEMENTS

Anna Matveyeva

The verbal game is a highly wide-spread subject of modern scientific research in arts and humanities. An eLIBRARY.RU keyword search of “verbal game” suggests 2198 scientific publications. The abundance of verbal play investigations is due to various reasons. One of the reasons is a broad range of verbal play interpretations – from the whole scope of human existence, including all the types of human activity (such a broad interpretation of the verbal play can be called “total gamification”), to a joke, a pun. Another reason is the epoch of post-modernity, which characterizes the present-day world and which is distinguished by the expression of freedom, uniqueness, a search for one’s own way and identity. The verbal game is a bright manifestation of the epoch of post-modernity. This paper is focused on the investigation of the verbal game in the context of precedent statements. This dimension of verbal play investigations is determined by the fact that the linguocultural peculiarity of precedent statements highlights essential characteristics and linguocreative potential of verbal game representations as well as the sense-making and structure-forming functions of the verbal game. This article defines the verbal game as an intentional violation of the formal or meaningful canon of a precedent statement. The aim of the investigation is to detect and parameterize structural and semantic transformational capacities of precedent statements based on British mass-media discourse. The conducted research has led to the discovery of semantic transformations of precedent statements resulting in a denotational or significative change as well as structural transformations consisting of substitutions, reductions, additions and readjustments. Besides, we have found the non-linear character of the connection between structural and semantic shifts.

Keywords: verbal game, precedent statement, discourse, semantic transformation, structural transformation.

Одним из самых распространенных предметов современных научных изысканий в гуманитарной сфере является языковая игра. Поиск в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU по ключевым словам «языковая игра» предлагает 2198 публикаций. Отмечаются разные причины широкой популярности исследований языковой игры. В качестве одной из причин принято называть большой диапазон трактовок языковой игры – от наполнения человеческого бытия, включающего все виды деятельности человека (столь широкую трактовку языковой игры можно назвать панлюдичностью), до шутки, каламбура. Другой причиной считают эпоху постмодерна, в которой живёт современное общество и которой свойственны выражение свободы, самобытности, поиск своего пути и своей идентичности, находящую ярчайшее выражение в языковой игре. В фокусе настоящей работы находится исследование языковой игры в контексте прецедентных высказываний. Обращение к данному ракурсу исследования языковой игры определяется тем, что лингвокультурная специфика прецедентных высказываний наиболее ярко высвечивает существенные характеристики и языкотворческий потенциал игровых репрезентаций, а также смыслообразующую и структурообразующую функции языковой игры. В соответствии с принятым за основу в данной работе определением языковой игры как намеренного нарушения формального или содержательного канона прецедентного высказывания, целью исследования является выявление и параметризация структурных и семантических игровых трансформационных возможностей их на материале британского массмедийного дискурса. В результате исследования были выявлены семантические игровые трансформации прецедентных высказываний, приводящие к смене денотата или сигнификата языкового знака, а также структурные игровые трансформации, представленные такими видами, как замена, усечение, дополнение, пере-

становка. Кроме того, был выявлен нелинейный характер связи структурной игровой деформации прецедентного высказывания с семантическими изменениями.

Ключевые слова: языковая игра, прецедентное высказывание, дискурс, семантическая трансформация, структурная трансформация.

Цель данной статьи – определить структурно-семантические особенности прецедентных высказываний, подвергшихся игровой трансформации в дискурсивном пространстве британских массмедиа. Данная цель конкретизируется посредством следующих *задач*: 1) охарактеризовать историю исследования прецедентности; 2) дать описание явления языковой игры; 3) выявить способы реализации языковой игры в прецедентных высказываниях в британском медиадискурсе и представить их формальную и содержательную параметризацию. *Объектом* исследования являются прецедентные высказывания из драмы У. Шекспира «Макбет», актуализированные в британском массмедийном дискурсе. *Предметом* исследования служат формальные и содержательные характеристики языковой игры, сквозь призму которых анализируются прецедентные высказывания. *Материалом* исследования является дискурс СМИ Великобритании: The Independent, The Guardian, The Telegraph.

Детальное изучение нюансов функционирования языковой игры как неотъемлемой части творческой деятельности человека и прецедентных феноменов как культурологически значимых явлений способствует лучшему пониманию механизмов человеческой психики и их роли в создании культурных ценностей. Таким образом, *актуальность* проводимого исследования определяется необходимостью системного описания взаимосвязей категории людичности и категории прецедентности. *Новизна* работы заключается в сопряжении исследования структурных и семантических параметров языковой игры, реализованной в прецедентных высказываниях.

Исследование явления *прецедентности* имеет богатую традицию. У истоков научных изысканий в данной сфере стояли Ю. Н. Караулов, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Ю. А. Сорокин, И. М. Михалёва, В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова, А. Е. Супрун. Прецедентные высказывания как разновидность прецедентных феноменов исследовались И. В. Захаренко, Д. Б. Гудковым, В. В. Красных, Д. А. Мироновой, Ю. А. Мельник, С. К. Павликовой и другими исследователями.

Родоначальником исследования прецедентности является Ю. Н. Караулов. В своей работе «Русский язык и языковая личность» Ю. Н. Караулов дал определение прецедентным текстам,

отметив в качестве главных признаков прецедентных текстов их повторяемость, когнитивную и эмоциональную значимость и сверхличностный характер [Караулов, с. 216]. И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков развили теорию прецедентности, вычленив такие виды прецедентных феноменов, как прецедентное имя, прецедентная ситуация, прецедентный текст, прецедентное высказывание [Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов, с. 83], [Красных, с. 172].

Прецедентные высказывания исследуются в работах современных лингвистов с самых разных аспектов. Так, Д. А. Миронова исследует трансформационные возможности прецедентных высказываний на примере переводов заголовков медиатекстов [Миронова]. Прецедентные высказывания в свете актуализации ими культурных доминант исследуются Э. М. Левиной и Е. М. Якимовой [Левина, Якимова]. Н. С. Панарина исследует влияние изменения структурных компонентов прецедентного высказывания на степень актуализации культурных смыслов [Панарина].

В качестве основополагающих характеристик прецедентного высказывания исследователи называют собственно-лингвистическую природу, воспроизводимость, наличие прецедентного текста и / или прецедентной ситуации, стоящих за прецедентным высказыванием и определяющих его смысл [Красных, с. 209], законченность и самодостаточность, диспаратитет итогового смысла и суммы значений компонентов, вхождение в когнитивную базу лингвокультурного сообщества [Захаренко, с. 46]. Соответственно, в данной работе прецедентное высказывание определяется как вербальная единица, восходящая к прецедентному тексту или прецедентной ситуации и характеризующаяся частотностью употребления. Прецедентное высказывание исследуется в данной статье с позиций языковой игры.

Языковую игру исследовали Л. Витгенштейн, Я. Хинтиikka, Е. А. Земская, М. В. Кистайгородская, Н. Н. Розанова, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв, Т. А. Гридина, С. Ж. Нухов, Б. Ю. Норман, В. З. Санников, О. А. Викторова, Л. М. Гриценко. С. Ж. Нухов видит языковую игру как проявление «лингвистической креативности» человека [Нухов, с. 13]. В широкой трактовке языковая игра – это «умение использовать языковые единицы соответственно коммуника-

тивной ситуации, способность использовать языковые средства в соответствии с выполняемой задачей (коммуникативной, экспрессивной, и т. д.)» [Нухов, Войцех, с. 383]. В рамках узкой трактовки в качестве свойства, лежащего в основе языковой игры, выделяют намеренное отступление от языковой или речевой нормы [Викторова, с. 4], [Войцех, с. 17]. В данной работе языковая игра понимается как намеренное нарушение языковой или речевой нормы с целью создания определенного эффекта.

В современных исследованиях изучение прецедентных феноменов с позиций языковой игры широко распространено. Л. М. Цонева отмечает возможность исследования прецедентных текстов как формы языковой игры [Цонева]. Л. М. Гриценко исследует особенности включения прецедентных текстов в языковую игру в чат-коммуникации, выделяя два основных вектора взаимоотношений языковой игры и прецедентных текстов: 1) «развитие языковой игры может быть спровоцировано использованием прецедентного текста», 2) «прецедентные тексты могут провоцировать развитие языковой игры, в которой в дальнейшем используются прецедентные тексты» [Гриценко, с. 16]. И. А. Чемезова изучает трансформацию прецедентных смыслов в газетных заголовках как модель языковой игры [Чемезова]. О. С. Егорова и О. А. Кириллова исследуют когнитивные модели языковой игры на примере прецедентных феноменов в заголовках медиатекстов [Егорова, Кириллова].

Обобщая данные современных исследований прецедентных явлений в аспекте языковой игры, можно выделить три исследовательские парадигмы диады «языковая игра – прецедентность»: 1) сам факт использования прецедентных явлений в дискурсивном пространстве трактуется как языковая игра; 2) трансформация прецедентных феноменов понимается как языковая игра; 3) языковая игра и прецедентные феномены рассматриваются в аспекте причинно-следственной связи (например, языковая игра побуждает к использованию прецедентных феноменов и наоборот). В настоящем исследовании языковая игра в прецедентных высказываниях понимается как намеренное нарушение канонической формы или исходного смысла прецедентного высказывания с целью достижения определенного эффекта.

В данной статье исследованию подверглись семантическая и структурная деформации прецедентных высказываний в аспекте языковой игры. Была выявлена как семантическая игровая трансформация прецедентных высказываний при неизменности их формы, так и структурная иг-

ровая трансформация прецедентных высказываний. В свою очередь, структурная игровая деформация их может повлечь за собой изменение исходного значения прецедентного высказывания или оставить значение прежним.

Языковая игра, заключающаяся в семантической трансформации прецедентных высказываний при неизменности формы, может приводить к смене денотата или сигнификата прецедентного высказывания. Под сигнификатом в данной статье традиционно имеется в виду «понятийное содержание языкового знака», а под денотатом – «предметная отнесенность знака» [Лингвистический энциклопедический словарь, с. 444] (далее – ЛЭС)

Примером смены денотата в процессе языковой игры может послужить отрывок из газеты *The Guardian*:

E.g. (1): *Out, damned spot <...> Whatever the outcome, the cash-for-honours investigation looks like to leave a permanent stain on the prime minister's reputation* [*The Guardian*, 15.12.2006] (здесь и далее разрядка наша – А.М.).

В этой статье речь идёт о разразившемся в 2006 году в Великобритании скандале, получившем название «займы за пэрство». Скандал, в котором оказались замешаны доверенные лица Тони Блэра, занимавшего пост премьер-министра страны, бросил тень на самого премьер-министра. Ситуация, в которой оказался Тони Блэр, характеризуется автором статьи через посредство таких лексических единиц, как *spot*, *stain on the prime minister's reputation*. Таким образом, в прецедентном высказывании *out, damned spot* отмечается смена денотата в процессе языковой игры (попытка леди Макбет избавиться от пятна крови на руке → попытка Тони Блэра избавиться от пятна на репутации).

В качестве примера смены сигнификата в процессе языковой игры можно привести дискурсивный фрагмент из периодического издания *The Independent*:

E.g. (2): *I can't fully explain why he reminded me of Macbeth. It had to do with his blackness – "come thick night" – the sense of something once strong ebbing from him, the dignity of his defeatedness. He'd reached that point of knowing himself to be beyond amity with another being* [*The Independent*, 13.03.2015].

Главным героем анализируемой статьи является собака, напомнившая автору статьи о Макбете своим достоинством перед лицом смерти, а также внешним обликом, вызывающим ассоциации с чернотой ночи. Для характеристики внешности пса используется прецедентное высказывание *come thick night*. Оно подвергается семан-

тической трансформации со сменой сигнификата, так как полностью меняется понятийное содержание языкового знака (призыв глухой ночи, способствующей совершению преступления → сравнение с чернотой ночи шерсти животного).

Инструментами языковой игры семантического характера выступают омонимия и полисемия. При омонимии значения двух различных языковых единиц не связаны друг с другом [ЛЭС, с. 344]. Полисемия имеет дело с разными значениями одной языковой единицы [Там же, с. 382]. Иллюстрацией омонимии и полисемии как семантических механизмов языковой игры могут послужить приводимые ниже примеры 3 и 4.

Е.г. (3): ...*the Labradoodle "Spot" ("Out, damned spot! out, I say!")*... [The Independent, 24.07.2014].

В анализируемом дискурсивном отрывке языковая игра строится на омонимии. В исходном прецедентном высказывании *out, damned spot! out, I say!* лексема *spot* обозначает пятно на руке, тогда как в трансформированном прецедентном высказывании единица *Spot* представляет собой кличку собаки.

Е.г. (4): *Cuttings: Out, damned spot <...> HELLEBORES have been suffering badly during this wet winter. Horrible leaf spot, kept at bay, during the past couple of dry winters, has erupted in full fig, showing large, hideous brown patches* [The Independent, 13.02.1993].

В данном примере языковая игра строится на полисемии. *Spot* (в значении «пятно» в исходном прецедентном высказывании) семантически трансформируется в фрагмент словосочетания *leaf spot* («пятнистость листьев», что является болезнью растений).

Значимым аспектом исследования языковой игры, выражающейся в семантической деформации прецедентных высказываний, является определение степени семантической связи высказывания-трансформа с прототипическим высказыванием. Как показывает проведенное исследование, степень семантической связи варьируется от сильной связи (например, замена одного компонента полисеманта в примере 4) до очень слабой семантической связи, основывающейся на индивидуальных авторских ассоциациях (пример 2)).

Языковая игра, заключающаяся в структурной трансформации прецедентных высказываний, находит отражение в таких видах, как замена, дополнение, усечение, перестановка. Структурные изменения могут при этом сопровождаться или не сопровождаться семантическими изменениями.

Примером замены как вида языковой игры может служить отрывок из газеты The Independent:

Е.г. (5): *But the most impressive detail concerns Knopf's robust manner of getting the message across when he wanted to discourage an author. To one prominent Ivy League historian, he wrote: "Your manuscript is utterly hopeless as a candidate for our list. I never thought the subject worth a damn to begin with and I don't think it's worth a damn now. Lay off, Mac Duff."* [The Independent, 17.09.2011].

В анализируемом дискурсивном фрагменте происходит замена одной лексической единицы по сравнению с исходным прецедентным высказыванием (*Lay on, Macduff* → *Lay off, Macduff*). Языковая игра, заключающаяся в замене одного компонента структуры прецедентного высказывания, влечет за собой изменение значения исходного прецедентного высказывания на противоположное ('Вперёд, Макдуф' → 'Отстань, Макдуф').

Дополнение как вид игровой структурной трансформации отражён в примере из газеты The Guardian:

Е.г. (6): *Out, damned BCCI spot <...> History is written by the victors. And so it was following the abrupt collapse this week of the marathon legal claim against the Bank of England brought by liquidators acting for BCCI depositors* [The Guardian, 05.11.2005].

В данном примере речь идет об одном из крупных судебных процессов, последовавших после принудительного закрытия международного банка кредита и коммерции, уличенного в отмывании денег и других финансовых преступлениях. Структурная трансформация исходного прецедентного высказывания совершается с помощью дополнения – в исходное прецедентное высказывание вставлена лексическая единица (*Out, damned spot* → *Out, damned BCCI spot*). Вследствие этого значение исходного прецедентного высказывания подвергается конкретизации.

Усечение прецедентного высказывания как разновидность языковой игры можно наблюдать в дискурсивном фрагменте из газеты The Guardian:

Е.г. (7): *Sound and fury: Macbeth, Prince Malcolm, and our unfolding political tragedy. <...> Yes, Turnbull's attack was nothing more than sound and fury. It was quite furious ... but rarely is that fury on such public display. Turnbull's attack was laden with personal smear and insult. It signified nothing of substance* [The Guardian, 14.02.2017].

В центре внимания анализируемой статьи находится полное ярости и оскорбления в адрес оппонента поведение Малкольма Тёрнбулла, занимавшего пост премьер-министра Австралии с 2015 по 2018 год, и его политическое будущее. Исходное прецедентное высказывание, имеющее форму *It is a tale told by an idiot, full of sound and fury, signifying nothing* подвергается усечению с обеих сторон, сокращаясь до формы *sound and fury*. Постоянные отсылки в тексте анализируемой статьи к драме «Макбет» У. Шекспира позволяют понять, что *sound and fury* является в данном случае именно усеченной формой шекспировской цитаты, а не отсылкой к роману У. Фолкнера «The Sound and the Fury».

Значение усеченного прецедентного высказывания подвергается любопытным метаморфозам. На первый взгляд сильное усечение исходного прецедентного высказывания должно привести к существенному обеднению его значения. Однако этого не происходит. Смыслы изначального прецедентного высказывания имплицитно сохраняются в его малом фрагменте. Одним из подтверждений тому является авторская ремарка «It signified nothing of substance» в адрес резкой критики Малкольмом Тёрнбуллом своего политического оппонента (*sound and fury*).

Также можно отметить лексическую буквализацию, которой подвергается сокращённое прецедентное высказывание *sound and fury* в анализируемой статье. В монологе Макбета *sound and fury* является метафорой самой жизни, приобретая экзистенциальный смысл, тогда как в иллюстрируемой статье речь идёт о шумном и яростном поведении австралийского премьер-министра, понимаемом в буквальном значении (*smear, insult*).

Примером перестановки как вида игровой структурной трансформации прецедентного высказывания является фрагмент дискурса из газеты The Guardian:

E.g. (8): “Here’s the smell of blood still. Not all the sweet perfumes of Arabia will sweeten this hand,” bewails Lady Macbeth as she confronts her guilt. And so with the leaders of the Saudi court as they seek to wash their hands of the murder of Jamal Khashoggi by pinning the blame for his murder on a gang of aberrant senior intelligence officers [The Guardian, 20.10.2018].

В данном примере осуществляется инверсивная перестановка компонентов исходного прецедентного высказывания (*all the perfumes of Arabia will not sweeten this little hand* → *not all the sweet perfumes of Arabia will sweeten this hand*). Перестановка структурных элементов не меняет зна-

чение исходного прецедентного высказывания, но способствует его экспрессивизации.

Как показывает проведённое исследование, языковая игра способна находить выражение в комбинированной структурной деформации прецедентных высказываний. Взаимодействие разных видов трансформации прецедентных высказываний усиливает эффект языковой игры, повышая степень экспрессивности прецедентного высказывания и увеличивая его воздействие на реципиента. Приведённые ниже примеры 9 и 10 иллюстрируют комбинированные трансформации прецедентных высказываний.

E.g. (9): *A slow train is coming and there is a stench emanating out of the red state party now that all the perfumes of Arabia will not sweeten* [The Guardian, 01.10.2006].

В данном примере прототипическое прецедентное высказывание *all the perfumes of Arabia will not sweeten this little hand* подвергается комбинации двух видов структурной трансформации – перестановке и замене. Осуществляется замена объекта (*hand* → *stench*). Перестраивается структура прецедентного высказывания, в ходе чего происходит переход от простого предложения к сложному. Изменения формы прецедентного высказывания влияют на его содержание, вызывая смену денотата прецедентного высказывания, а также придавая ему экспрессивность.

E.g. (10): *Foul is fair for Weather channel sale* [The Guardian, 04.01.2008].

В данном дискурсивном отрывке обсуждается выставленный на продажу американский телеканал «Weather channel». Прототипическое прецедентное высказывание *Fair is foul, and foul is fair* подвергается двум видам структурной трансформации – усечению и дополнению. В трансформированном прецедентном высказывании отсекается первая часть сложного предложения (*Fair is foul*). К сохранившейся второй части прецедентного высказывания добавляется объект (*for Weather channel sale*).

Структурные изменения влияют на значение прецедентного высказывания. Происходит элиминация его исходного культурного смысла (в тексте статьи нет связи с шекспировским содержанием и культурными коннотациями). Значение буквализируется (возможно, продажа телеканала, кажущаяся на первый взгляд злом для канала, впоследствии окажется для него благом).

Исследование показало, что языковая игра, задействующая структурный состав прецедентного высказывания, может быть градуирована по степени структурных изменений. Структурные трансформации прецедентных высказываний варьируются от слабой степени, когда редуциру-

ется, добавляется или переставляется одна лексема в составе прецедентного высказывания, до сильной степени, когда отсекается, заменяется или подвергается перестановке большая часть прецедентного высказывания (более 50 % структурного состава). При этом нет прямой зависимости между величиной структурных изменений и масштабом вызванных ими семантических перемен. Структурная деформация большей части прецедентного высказывания может сопровождаться сохранением значения или его незначительными изменениями, тогда как минимальная структурная трансформация прецедентного высказывания способна привести к полному изменению его значения. Структурная трансформация прецедентных высказываний вызывает такие виды семантических изменений, как антонимизация, конкретизация, буквализация; также наблюдается сохранение смысла прецедента-прототипа при усечении формы или при формальной перестановке.

Исследование показало, что в британском массмедийном дискурсе языковая игра в прецедентных высказываниях имеет разнообразные структурные и семантические проявления. Зафиксированы многообразные формы взаимосвязи структурных и семантических трансформаций прецедентных высказываний. Перспективой дальнейших исследований является изучение трансформационного потенциала других видов прецедентных феноменов, а также углублённое исследование связей прецедента-трансформа с прецедентом-прототипом.

Список литературы

- Викторова О. А. Особенности поликодовых демотивационных постеров с включением языковой игры: дис. ... канд. филол. наук: Тверь, 2016. 182 с.
- Войцех К. Д. Лексико-семантические способы создания языковой игры // Языковые единицы в свете современных научных парадигм: материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Уфа, 18 декабря 2020 г.) / отв. редактор Р. А. Газизов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. С. 16–22.
- Гриценко Л. М. Языковая игра как способ реализации прецедентного текста в чат-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 318. С. 14–17. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13418330> (дата обращения: 23.01.2021).
- Егорова О. С., Кириллова О. А. Феномен языковой игры в медиадискурсе: когнитивный аспект // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 4. Том 1 (Гуманитарные науки). С. 159–165. URL: http://vestnik.yspu.org/releases/2013_4g/29.pdf (дата обращения: 08.02.2021).
- Захаренко И. В. О целесообразности использования термина «прецедентное высказывание» // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: Диалог-МГУ, 2000. С. 46–53.
- Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. М.: «Филология», 1997. Вып. 1. С. 82–103.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
- Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
- Левина Э. М., Якимова Е. М. Прецедентные высказывания как актуализаторы культурных доминант (на материале региональной поэзии и семейных родовых словных) // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2019. Том 12. Выпуск 9. С. 157–161. URL: www.gramota.net/materials/2/2019/9/31.html (дата обращения: 23.01.2021).
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В. Н. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.
- Миронова Д. А. Трансформация прецедентных высказываний в переводах заголовков медиатекстов онлайн-формата: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Тюмень, 2013. 24 с.
- Нухов С. Ж. Языковая игра в английском словообразовании: имя прилагательное: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. 176 с.
- Нухов С. Ж., Войцех К. Д. Особенности языковой игры в кинематографическом дискурсе // Вестник Башкирского университета. 2020. Том 25. № 2. С. 382–389. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43165678> (дата обращения: 07.02.2021) DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.2.27
- Панарина Н. С. Возможность применения психолингвистических методов к анализу динамики прецедентного высказывания // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 4 (820). С. 23–37. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41290662> (дата обращения: 23.01.2021).
- Цонева Л. М. Языковая игра и ее изучение // Медиалингвистика. 2014. № 1 (4). С. 101–108. URL: <https://medialing.ru/yaz-kovaya-igra-i-ee-izuchenie/> (дата обращения: 23.01.2021).
- Чемезова И. А. Прецедентная модель языковой игры в газетном заголовке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Екатеринбург, 2008. 24 с.
- The Guardian (05.11.2005). URL: <https://www.theguardian.com/business/2005/nov/05/3> (дата обращения: 24.01.2021).
- The Guardian (01.10.2006). URL: <https://www.theguardian.com/politics/blog/2006/oct/01/mccainonbush> (дата обращения: 24.01.2021).
- The Guardian (15.12.2006). URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2006/dec/15/post805> (дата обращения: 24.01.2021).
- The Guardian (04.01.2008). URL: <https://www.theguardian.com/media/2008/jan/04/mediabusiness.television> (дата обращения: 25.01.2021).

The Guardian (14.02.2017). URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/feb/14/sound-and-fury-macbeth-prince-malcolm-and-our-unfolding-political-tragedy> (дата обращения: 25.01.2021)

The Guardian (20.10.2018). URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/oct/20/us-ready-to-move-on-from-khashoggi-case-but-will-turkey-play-along> (дата обращения: 25.01.2021)

The Independent (13.02.1993). URL: <https://www.independent.co.uk/property/gardening/cutting-out-damned-spot-1472741.html> (дата обращения: 26.01.2021)

The Independent (17.09.2011). URL: <https://www.independent.co.uk/voices/columnists/thomas-sutcliffe/thomas-sutcliffe-there-s-no-denying-it-faith-schools-divide-5329236.html> (дата обращения: 26.01.2021)

The Independent (24.07.2014). URL: <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/theatre-dance/reviews/shakespeare-love-noel-coward-theatre-review-deliciously-funny-and-absurd-9623905.html> (дата обращения: 26.01.2021)

The Independent (13.03.2015). URL: <https://www.independent.co.uk/voices/comment/witness-final-walk-dog-and-know-all-you-need-know-dignity-death-and-life-10107172.html> (дата обращения: 26.01.2021)

References

Chemezova, I. A. (2008). *Pretsedentnaia model' iazykovoi igry v gazetnom zagolovke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Precedent Model of the Language Game in Newspaper Headlines: Ph.D. Thesis Abstract]. Ekaterinburg, 24 p. (In Russian)

Egorova, O. S., Kirillova, O. A. (2013). *Fenomen iazykovoi igry v mediadiskurse: kognitivnyi aspekt* [Phenomenon of the Language Game in the Media Discourse: A Cognitive Aspect]. Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik, No. 4. Volume 1. Pp. 159–165. URL: http://vestnik.yspu.org/releases/2013_4g/29.pdf (accessed: 08.02.2021). (In Russian)

Gritsenko, L. M. (2009). *Iazykovaia igra kak sposob realizatsii pretsedentnogo teksta v chat-kommunikatsii* [Language Game as a Way of Realization of the Precedent Text in Chat-communications]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, No. 318. Pp. 14–17. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13418330> (accessed: 23.01.2021). (In Russian)

Karaulov, Iu. N. (2010). *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'. Izd. 7-e.* [The Russian Language and Language Personality]. 264 p. Moscow, LKI. (In Russian)

Krasnykh, V. V. (2003). *"Svoi" sredi "chuzhikh": mif ili real'nost'?* [At Home Among Strangers: Myth or Reality?]. 375 p. Moscow, Gnozis. (In Russian)

Levina, E. M., Iakimova, E. M. (2019). *Pretsedentnye vyskazyvaniia kak aktualizatory kul'turnykh dominant (na materiale regional'noi poezii i semeinykh rodoslovnykh)* [Precedent Statements as Actualizers of Cultural Dominants (Based on Regional Poetry and Family Genealogies)]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki,

Volume 12. Edition 9. Pp. 157–161. URL: www.gramota.net/materials/2/2019/9/31.html (accessed: 23.01.2021). DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.31>. (In Russian)

Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' (2002) [Language Encyclopedic Dictionary]. Gl. red. Iartseva V. N. 709 p. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia. (In Russian)

Mironova, D. A. (2013). *Transformatsiia pretsedentnykh vyskazyvaniy v perevodakh zagolovkov mediatekstov onlain-formata: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Transformation of Precedent Phrases in the Headlines of Online Media Text Translations: Ph.D. Thesis Abstract]. Tyumen, 24 p. (In Russian)

Nukhov, S. Zh. (2016). *Iazykovaia igra v angliiskom slovoobrazovanii: imia prilagatel'noe: monografiia* [Language Game in English Word-formation: The Adjective: A Monograph]. 176 p. Ufa, RITs BashGU. (In Russian)

Nukhov, S. Zh., Voitsekh, K. D. (2020). *Osobennosti iazykovoi igry v kinematograficheskom diskurse* [Peculiarities of Word Play in Movie Discourse]. Vestnik Bashkirskogo universiteta, Volume 25. No. 2, pp. 382–389. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43165678> (accessed: 07.02.2021). DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.2.27. (In Russian)

Panarina, N. S. (2019). *Vozmozhnost' primeneniia psikholingvisticheskikh metodov k analizu dinamiki pretsedentnogo vyskazyvaniia* [Psycholinguistic Methods of Analyzing the Dynamics of Precedent Propositions]. Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki, Edition 4 (820), pp. 23–37. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41290662> (accessed: 23.01.2021). (In Russian)

The Guardian (05.11.2005). URL: <https://www.theguardian.com/business/2005/nov/05/3> (accessed: 24.01.2021). (In English)

The Guardian (01.10.2006). URL: <https://www.theguardian.com/politics/blog/2006/oct/01/mccainonbush> (accessed: 24.01.2021). (In English)

The Guardian (15.12.2006). URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2006/dec/15/post805> (accessed: 24.01.2021). (In English)

The Guardian (04.01.2008). URL: <https://www.theguardian.com/media/2008/jan/04/mediabusiness.television> (accessed: 25.01.2021). (In English)

The Guardian (14.02.2017). URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/feb/14/sound-and-fury-macbeth-prince-malcolm-and-our-unfolding-political-tragedy> (accessed: 25.01.2021). (In English)

The Guardian (20.10.2018). URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/oct/20/us-ready-to-move-on-from-khashoggi-case-but-will-turkey-play-along> (accessed: 25.01.2021). (In English)

The Independent (13.02.1993). URL: <https://www.independent.co.uk/property/gardening/cutting-out-damned-spot-1472741.html> (accessed: 26.01.2021). (In English)

The Independent (17.09.2011). URL: <https://www.independent.co.uk/voices/columnists/thomas-sutcliffe/thomas-sutcliffe-there-s-no-denying-it-faith-schools-divide-5329236.html> (accessed: 26.01.2021). (In English)

- The Independent (24.07.2014). URL: <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/theatre-dance/reviews/shakespeare-love-noel-coward-theatre-review-deliciously-funny-and-absurd-9623905.html> (accessed: 26.01.2021). (In English)
- The Independent (13.03.2015). URL: <https://www.independent.co.uk/voices/comment/witness-final-walk-dog-and-know-all-you-need-know-dignity-death-and-life-10107172.html> (accessed: 26.01.2021). (In English)
- Tsoneva, L. M. (2014). *Iazykovaia igra i ee izuchenie* [Language Game and Its Study]. *Medialingvistika*, No. 1 (4), pp. 101–108. URL: <https://medialing.ru/yaz-kovaya-igra-i-ee-izuchenie/> (accessed: 23.01.2021). (In Russian)
- Viktorova, O. A. (2016). *Osobennosti polikodovykh demotivatsionnykh posterov s vklucheniem iazykovoi igry: dis. ... kand. filol. nauk* [The Peculiarities of Polycode Demotivational Posters with a Language Game: Ph.D. Thesis]. Tver, 182 p. (In Russian)
- Voitsekh, K. D. (2020). *Leksiko-semanticheskie sposoby sozdaniia iazykovoi igry* [Lexical and Semantic Ways of Creating a Word Game]. *Iazykovye edinit'sy v svete sovremennykh nauchnykh paradigm: materialy V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* (g. Ufa, 18 dekabria 2020 g.). Otv. redaktor R. A. Gazizov. Pp. 16–22. Ufa, RITs BashGU. (In Russian)
- Zakharenko, I. V. (2000). *O tselesoobraznosti ispol'zovaniia termina "pretsedentnoe vyskazyvanie"* [On the Expedience of the Use of the Term "Precedent Statement"]. *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia: Sb. Statei*. Red. V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. Pp. 46–53. Moscow, Dialog-MGU. (In Russian)
- Zakharenko, I. V., Krasnykh, V. V., Gudkov, D. B., Bagaeva, D. V. (1997). *Pretsedentnoe imia i pretsedentnoe vyskazyvanie kak simvoly pretsedentnykh fenomenov* [A Precedent Name and a Precedent Statement as Symbols of Precedent Phenomena]. *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia: Sb. Statei*. Pod red. V. V. Krasnykh, A. I. Izotova. Pp. 82–103. Moscow, Filologiya. (In Russian)

The article was submitted on 18.02.2021
Поступила в редакцию 18.02.2021

Матвеева Анна Анатольевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Башкирский государственный университет,
450076, Россия, Уфа,
Заки Валиди, 32.
AnnaUfa@yandex.ru

Matveyeva Anna Anatolyevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Bashkir State University,
32 Zaki Validi Str.,
Ufa, 450076, Russian Federation.
AnnaUfa@yandex.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-77-83
УДК 811.161.1

СУГГЕСТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОРОСКОПИЧЕСКОГО ТЕКСТА

© Анастасия Мубаракшина

SUGGESTIVE POTENTIAL OF THE HOROSCOPE TEXT

Anastasia Mubarakshina

The study is carried out in the context of text linguistics and the latest trend in linguistics – suggestive linguistics. It is based on horoscope texts, representing the most common suggestive tactics in speech communication. The article suggests a new interpretation of the term “horoscope”, which objectively reflects the current social and information situation. The timeless popularity and relevance of the horoscope is due to its pragmalinguistic orientation, while the structure of its text determines the strategy of its deployment. We have found that the horoscope text usually has a three-part structure, but in modern prognostic texts, the introductory part in most cases is omitted. By analyzing the texts of daily horoscopes, we have identified the most common methods of speech influence, including keywords, figurative and emotional vocabulary, the use of popular aphorisms, proverbs, symbolic language, the method of contrast, which determines predictive pluralism, etc. In order to create a total orientation, the authors of horoscopes often resort to specific lexical and morphological means. The effect of the horoscope “individuality” is most often achieved by describing the internal state of a person, a generalized characteristic of common emotional matrices. Each horoscope usually ends with a life-affirming thesis and a call to perform some concrete action.

Keywords: text linguistics, speech communication, astrological discourse, prognostic text, suggestive tactics.

Статья выполнена в русле лингвистики текста и новейшего направления в языкознании – суггестивной лингвистики. Материалом исследования выступили гороскопические тексты, репрезентирующие наиболее распространенные суггестивные тактики в аспекте речевой коммуникации. Автором предлагается новая трактовка термина «гороскоп», объективно отражающая современную социально-информационную конъюнктуру. Вневременная популярность и востребованность гороскопов основаны на его прагмалингвистической ориентации, а строение текста детерминирует стратегии его развертывания. Выявлено, что гороскопический текст, как правило, имеет трехчастную структуру, однако вводная часть в большинстве случаев в современных прогностических текстах опускается. Рассмотрение текстов ежедневных гороскопов дает основание выделить наиболее распространенные приемы речевого воздействия, в числе которых ключевые слова, образная и эмоциональная лексика, употребление популярных афоризмов, пословиц, символический язык, прием контраста, обуславливающий прогностический плюрализм, и т. д. С целью создания тотальной направленности авторы гороскопов зачастую прибегают к конкретным лексическим и морфологическим средствам. Эффект «индивидуальности» гороскопа чаще всего достигается за счет описания внутреннего состояния человека, обобщенной характеристики распространенных эмоциональных матриц. Каждый гороскоп, как правило, заканчивается жизнеутверждающим тезисом и призывом к конкретному действию.

Ключевые слова: лингвистика текста, речевая коммуникация, астрологический дискурс, прогностический текст, суггестивные тактики.

Современные тенденции в социально-информативной сфере все более склоняют человека к оккультным наукам, конспирологии, нетрадиционной медицине, а также к прогностическим источникам, которые за счет эффекта самовнушения помогают личности найти точку опоры в нестабильной и непредсказуемой реальности. Такого рода «проверенный» в некотором

смысле сценарий развития событий диктуют тексты гороскопов. В наши дни они стали настолько популярны, что теперь являются атрибутом разнотипных источников информации: от интернет-журналов и газет до утреннего блока на любом телевизионном канале.

Толковый словарь Российской академии наук гласит, что гороскоп – это «астрологическая таб-

лица взаимного расположения планет и звезд, служащая для предсказания чьей-либо судьбы, исхода какого-нибудь события» [Толковый словарь русского языка..., с. 164]. На наш взгляд, данная трактовка потеряла свою актуальность, поскольку в сознании современного носителя языка гороскоп – это прежде всего текст, который содержит краткосрочный или долгосрочный прогноз ожидаемых событий в жизни человека, сопровождаемый рекомендациями по усилению эффекта от положительных сценариев и избеганию негативных последствий при неблагоприятном развитии событий. Безусловно, в основе каждого прогностического текста условно лежит математический расчет координат расположения планет, учет влияния Солнца и Луны на матрицы причинно-следственных связей событий в жизни людей, рожденных в конкретную дату, в конкретное время и в определенном месте. Однако талант современных астрологов скорее сводится не к реализации описанных действий, а к филигранному применению коммуникативных тактик и стратегий воздействия на потенциальную целевую аудиторию.

Популярность гороскопов сделала их объектом внимания и современной лингвистической науки. В настоящее время появляются работы, которые рассматривают прогностические тексты с разных структурно-смысловых аспектов: с позиции ключевых слов, характеризующих разные сферы человеческого существования [Захарова]; с точки зрения дискурсивных характеристик гороскопических текстов на разных языках [Савицкайте], [Князева]; в рамках коммуникативных стратегий воздействия на реципиента [Кулова, 2016].

Одна из первых исследователей гороскопических текстов Е. Р. Савицкайте под астрологическим дискурсом понимает информационное пространство, которое отличается особой организацией и содержит тексты прогностического содержания, или гороскопы. В свою очередь, последние обязательным образом выстраиваются посредством символов и знаков, «несущих на себе печать авторитетности и содержащих определённую авторскую установку» [Савицкайте, с. 123].

Т. В. Чернявская, например, склонна полагать, что астрологический прогностический текст близок по характерным особенностям к магическому дискурсу и является одним из его жанров [Чернявская]. Безусловным является тот факт, что функциональная направленность данных видов вербальных жанров схожа, поскольку и гороскопы, и магические заговоры опираются на теорию речевого воздействия.

Особенностью текста любого гороскопа является соответствие его определенной модели ситуации, которую А. А. Залевская трактует как «конструкт в эпизодной памяти» [Залевская, с. 401], вербализующий то или иное событие, которое зиждется на прожитом опыте и соотносится с текстом.

Как уже было упомянуто, успех гороскопа зачастую определяется верно выбранной суггестивной стратегией и тактикой в процессе дистантной коммуникации адресата и адресанта. Коммуникативное воздействие в данном случае обусловлено намерениями адресанта регулировать деятельность читающего адресата, «в известной мере свободного в выборе своих действий и поступающего в соответствии со своими потребностями» [Тарасов, с. 3].

Напротив, Л. З. Кулова полагает, что гороскопический текст стоит причислять к особому типу астрологического дискурса, который уже обоснованно имеет свои характерные черты и существует обособленно от магического. Так, например, в числе прочих характеристик исследователь выделяет структурную организацию гороскопа, которая обычно включает в себя указание на порядок расположения планет на карте звездного неба, зависимость благоприятных или неблагоприятных событий в разных сферах жизни человека, детерминированных данным планетарным порядком, а также содержит рекомендации во избежание негативных последствий и привлечения положительных [Кулова, 2016, с. 87–88].

Так, на одном из популярных интернет-порталов находим лунный календарь:

Убывающая Луна в Стрельце

Что едим? Не налегайте сегодня на жирную и острую пищу, постарайтесь заменить животные белки на растительные, которые ничуть не хуже, а, может, даже лучше.

Красота и здоровье. Фрукты отлично чистят кожу, займитесь приготовлением вкусных масок. Обязательно распарьте лицо перед нанесением. Не забудьте про гимнастику с утра, вашим мышцам и связкам сегодня как никогда нужно расслабление.

Чем заняться дома? Пора просушить залежалые вещи и заняться чисткой пространства от того, что уже давно просто лишь занимает место [Рамблер / гороскопы / Лунный календарь] (здесь и далее разрядка наша – А. М.).

Опираясь на выводы Л.З. Куловой, отметим, что тексты гороскопов в соответствии с тенденцией экономии языковых ресурсов склонны к минимизации объема текста. В данном же случае рекомендательная часть крайне обширна и со-

держит подпункты, которые регулируют рацион, внешний облик человека, интимную сферу, а также бытовые обязанности. Стоит отметить, что данный тип гороскопа не привязан ни к одному из зодиакальных знаков, что максимально универсализирует его в читательской среде, однако сводит к минимуму фактор индивидуального воздействия. Кроме того, советы охватывают максимально близкие каждому человеку косметические процедуры, физические упражнения, вкусовые пристрастия.

Иного рода общий гороскоп на этот же день также содержит максимально абстрактные фразы и рекомендации:

9 января 2021

Гороскоп на сегодня укажет, что нас ожидает. 25-26 лунные сутки. Самое время перезагрузить свой мозг, выбросить из уголков разума все старое и восполнить образовавшееся пространство новой информацией. Помощницей нам станет Луна без курса. Она вообще сегодня активизирует и извилины, и язык и настроит их на продуктивный лад. Всех тех умников, которые решат убить время за беллетристикой, ждет звездная кара – дополнительное задание от начальства, например. Вот почему не злим Вселенную, грызем гранит науки совместно, выбираем для общения достойнейших из людей. Важно – держимся вдали от Овнов – они попытаются подавить вас своим авторитетом и навязать свои планы и мнения. Читайте личный гороскоп и шевелите мозгами [Рамблер / гороскопы].

Язык и манера повествования современного гороскопа вполне соответствуют сложившейся в данный момент социально-информационной конъюнктуре и адекватно отражают «чаяния» всего общества. Тотальную направленность помогают создать местоимения множественного числа *нас, нам, всех тех*, а также глаголы первого лица множественного числа: *не злим, грызем, держимся, общаемся*.

Автор гороскопического текста должен обладать тонкой интуицией и знаниями психологии, именно на этих знаниях базируется авторитетность транслируемой информации. Так, в начале календарного года очень уместными становятся фразы *перезагрузить мозг, выбросить старое и восполнить новой информацией*, поскольку именно очередной календарный год навеивает мысли о начале новой жизни. Усиливает эффект воздействия особый символический язык, который имеет сакральный смысл, известный лишь астрологам: *Луна без курса, злим Вселенную, звездная кара*. При этом автор гороскопического текста минимизирует субъективное авторство

приведенных рекомендаций, выступая лишь в роли ретранслятора, или посредника, информационного потока «высшего порядка»: *Она [Луна] активизирует и извилины, и язык и настроит их на продуктивный лад*. Таким образом, ответственность за правдивость гороскопа полностью или частично нивелируется самим автором.

Кроме того, важно отметить, что ежедневный прогностический текст обычно имеет краткосрочную актуальность, поэтому многие советы могут быть попросту не реализованы в конкретный промежуток времени, например, *держимся подальше от Овнов*.

Независимо от типа гороскопа и сроков его реализации, прогностический текст всегда заканчивается жизнеутверждающим призывом к конкретному действию: *Читайте личный гороскоп и шевелите мозгами* [Рамблер / гороскопы]; *У Вас обязательно все получится уже сегодня!* [Мир астрологии, психологии и эзотерики]; *Обязательно следуйте своему кармическому гороскопу и позаботьтесь об энергетической защите или обереге!* [Там же]; *Видите цель – идите к ней, преодолевая на своем пути даже непреодолимые препятствия* [Там же].

В современной ситуации мозаичной и резонирующей негативной информации тексты гороскопов направлены отчасти на реализацию психотерапевтической функции. Они в какой-то степени служат средством адаптации к принятой за базовую социальной практике, а также способствуют длительному процессу перехода транслируемых знаний в определенную аксиологическую парадигму с опорой на экстралингвистический контекст «коммуникации и скрытой интенции адресанта» [Кулова, 2015, с.161].

В рассматриваемом нами случае это относится к зодиакальным прогностическим текстам, где фокус внимания направлен на внутренний мир человека и его душевное состояние, что способствует посредством индивидуального созданию тотальной направленности прогностического текста для каждого знака зодиакального круга. Опорные лексемы, выражающие общие моральное состояние личности, как правило, не содержат конкретики, именно поэтому могут восприниматься индивидуумом наиболее правдоподобно, к примеру:

Звезды настоятельно рекомендуют Стрельцам поискать сегодня уединение, убежав подальше от внешнего суетного мира. Вряд ли коммуникация с кем-то сегодня может принести удовлетворение, поскольку не получится у вас искренне говорить о том, что вы чувствуете. Кто-то наверху создаст подходящие условия, чтобы вы смогли провести время наедине со своими воспо-

минаниями и тайными желаниями [Рамблер / гороскопы].

Текст в данном случае построен на приеме противопоставления *внешнего суетного мира умиротворяющему уединению*, что, надо полагать, периодически имеет место в жизненных планах любой личности.

Автору предсказательного текста легко реконструировать неведомый реципиенту код (Кулова Л.З.), который зачастую может не отражать реальное положение дел, но восприниматься как сценарий к действию.

Этот тезис был обоснован Бертрамом Р. Форером еще в середине прошлого века: исследователь говорил о том, что необоснованные личностные оценки вполне могут выступать оправданными в то время, когда метод интроспекции (наблюдение реципиента за собственными реакциями) позволяет сформулировать факторы приблизительной обобщенной обоснованности и описать их в нескольких пунктах. Подтверждение реципиентом информации якобы «собственным» прожитым опытом и соотнесение фиктивного вербального портрета с личным при нахождении хотя бы единичных точек пересечения легко может навеять пелену заблуждения одобрить данную диагностическую схему, даже при условии, что портрет этот окончательно может быть не принят. С опорой на разнообразные модели поведения, которые встречаются повсюду и у всех, срабатывает интроспективный подход к анализу информации как начальный этап принятия общего портрета, и это «принятие привносит не критичность в этот тест» [Forer, с. 122–123].

Из приведенного выше обоснования следует, что за основу гороскопов зачастую берутся типовые ситуации поведения в разных сферах жизнедеятельности человека в зависимости от ярких распространенных психоэмоциональных состояний. Здесь следует учитывать и гендерный фактор, поскольку прогностические тексты являются неотъемлемым атрибутом женских журналов, форумов и блогов.

Как правило, в гороскопических текстах редко можно встретить описание пограничного психического состояния. Так, например, после эмоционального затишья следует всплеск энергии, вербализуемый соответствующими лексемами:

Стрельцам сегодня звезды дарят всплеск энергии и предприимчивости. Тотальный успех в любых делах может вскружить вам голову, не забывайте получать удовольствие от каждой отдельной удачи и любой возможности раскрасить свою жизнь новыми красками, ведь разнообразие всегда приятнее серых будней.

Безусловно, головокружительный успех провоцирует минуты нервозности, агрессии и вызывающего поведения знаменитости. В такие минуты подумайте о тренировке и выпустите лишний пар. Подходящий день для поездок [Рамблер / гороскопы].

Наряду с положительно маркированными лексемами *всплеск, энергия, предприимчивость, успех, возможности* наблюдается синтагматическое соседство с полярно противоположными по оценочной шкале словами *нервозность, агрессия, шутовское поведение*. Такое взаимодействие семантически гетерогенных компонентов, однако, обеспечивает структурно-композиционную и содержательную спаянность всего текста и уравнивает перспективный эффект «обманутого ожидания» при любом сценарии действительно развития событий.

Гороскоп зачастую построен на принципе контраста, то есть он обычно содержит и позитивный прогноз, и предостерегает от негативного сценария развития событий, что делает процесс семиозиса доминирующих лексем практически бесприкрытым для автора:

Звезды сегодня расположены к Стрельцам и не откажут в мелких невинных удовольствиях. Не обольщайтесь, поскольку фортуна бывает обманчива: вам стоит быть внимательнее к окружающим и делиться с ними своими приятностями. Все хорошее когда-нибудь заканчивается, поэтому не стоит тратить на развлечения все ресурсы. Побалуйте сегодня своих домашних [Там же].

Данного рода прогностический плюрализм обуславливает прагматическое развертывание дискурса и обеспечивает сохранность авторитета астролога.

Безусловно, любой массмедийный источник гороскопов претендует на авторитет и правдоподобность в сфере прогностических продуктов и стремится реализовать их посредством ряда коммуникативных приемов. Так, Е. Р. Савицкая выделяет некоторые дискурсивные маркеры авторитетности: «ссылка на авторство гороскопа; ссылка на авторитет, которая проявляется в использовании прецедентных текстов; специальная астрологическая терминология; использование специфических графиков, рисунков, таблиц, диаграмм; специальная символика; эмоциональность и образность, а также юмор и ирония, служащие для привлечения внимания адресата» [Савицкая-те, с. 8].

Небольшие по объему гороскопические тексты зачастую позволяют реализовать один доминирующий прием. Так, образность и развернутая

метафора лежат в основе бизнес-гороскопа для Льва:

Не царское это дело – работать, особенно когда работа строит из себя капризную и ревнивую даму, однако изменить ей сегодня с занятием по душе не получится. В качестве исключения, советуем лишь не потакать ее капризам, иначе избалуете и превратите такой образ жизни в привычку [Гороскопы 365].

Стоит отметить гендерную специфику приведенного текста, который явно посвящен адресату-мужчине. При критическом анализе подобных интенций становится очевидным, что нет никакой особой установки, автор лишь констатирует довольно поверхностные и банальные суждения о женщинах.

В тексте гороскопа здоровья для этого же знака был отмечен знаменитый афоризм, который непосредственным образом вербализует прием ссылки на авторитет: *Держите ноги в тепле, а голову в холоде – это еще великий полководец Суворов рекомендовал...* [Гороскопы 365].

В ином контексте можно наблюдать авторитет народной мудрости: *Стрельцам сегодня стоит быть аккуратными и неукоснительно соблюдать все имеющиеся правила. Как говорится, бережного бог бережет* [Рамблер/гороскопы].

В данном случае уместно сказать, что пропозиция уже определена конкретной культурой и социальным контекстом, иносказание априори существует в уме адресата и адресанта, поэтому двусмысленности при трактовке рекомендаций не возникает, а воздействующий эффект только усиливается.

Суггестия гороскопического текста реализуется также посредством особой символики, посвященные в которую становятся не только носителями «сакральных знаний», но и неформально вступают в сообщество людей, правильно трактующих будущее посредством прогностического текста:

20 марта. В этот день вы сможете увидеть редкое полное (конус лунной тени пересечёт земную поверхность) и самое крупное за последние 16 лет Солнечное затмение. Два небесных светила – Солнце и Луна – «сплетутся» в этот момент на небесном экваторе в созвездии Рыб. Тем самым 61-е затмение столетия (223 синодических месяца) [Мир астрологии, психологии и эзотерики].

Как любой авторский текст, гороскоп не лишен особой эстетики, кроме того, «у символики,

которую используют астрологи, есть определенная объективная красота, даже логика, которая проявляется тогда, когда она начинает переводиться на обычный, повседневный язык» [Кулова, 2015, с. 90]. Именно поэтому прогностический текст вполне может претендовать на схожесть с художественным стилем по реализуемому функциональному диапазону.

Таким образом, прогностические тексты обладают достаточным суггестивным потенциалом, однако механизмы взаимодействия когнитивных и эмоциональных структур до сих пор изучены недостаточно, именно поэтому анализ речевых стратегий в аспекте когнитивного планирования представляется актуальным и интересным.

Становится очевидным, что гороскопические тексты практически не поддаются научной верификации, поэтому единственный возможный метод проверки прогнозируемых событий – это метод интроспекции, который в свою очередь сопровождается эффектом «плацебо», подкрепленным верой человека в «счастливое будущее», что обуславливает вневременную актуальность и востребованность гороскопа как жанра астрологического дискурса.

Основными средствами речевого воздействия в астрологическом прогнозе, на наш взгляд, выступают профессиональные знания о психоэмоциональном состоянии человека, его убеждений, стандартов поведения, темпераменте. О. С. Иссерс такие знания называет «пресуппозиционные основания модели речевого поведения» [Иссерс, с.93].

К языковому инструментарию можно отнести лексику широкого диапазона, соотношенную с эмоциональными состояниями человека по принципу контраста (хорошо – плохо); эффект «сакральности» предлагаемой информации, реализуемый посредством особого словесного символического кода (*гнев Вселенной*); использование авторитетных вербальных матриц (например, пословиц, поговорок, афоризмов), а также определенной вербальной эстетики и лингвистической логики.

Список литературы

Гороскопы 365. URL: <https://goroskop365.ru/>. (дата обращения: 10.01.2021).

Залевская А. А. Введение в психолингвистику: Учебник. 2-е изд. Испр. и доп. М.: Российск. Гос. Гуманит. Ун-т, 2007. 560 с.

Захарова М. А. Средства влияния в гороскопах: лингвистический аспект / М. А. Захарова, И. А. Шорохова. Текст: непосредственный // Современная филология: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Са-

мара, март 2017 г.). Самара: ООО «Издательство АСГАРД», 2017. С. 41–45.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.

Князева А. А. Англоязычные прогностические тексты: структура, семантика, прагматика: дис. ... канд. филол. наук: Тольятти, 2011. 244 с.

Кулова Л. З. Особенности речевого воздействия в астрологическом типе дискурса // Ученые записки Орловского государственного университета. №1 (64), 2015 г. С. 159–161

Кулова Л. З. Особенности речевого воздействия в различных типах дискурса: дис. ... канд. филол. наук: Нальчик, 2016. 168 с.

Мир астрологии, психологии и эзотерики. URL: <http://www.astrostar.ru/>. (дата обращения: 09.01.2021).

Рамблер / гороскопы / Лунный календарь. URL: <https://horoscopes.rambler.ru/moon/calendar/> (дата обращения: 09.01.2021).

Рамблер / гороскопы. URL: <https://horoscopes.rambler.ru/> (дата обращения: 09.01.2021).

Савицкайте Е. Р. Дискурсивные характеристики прогностических текстов (на материале немецких гороскопов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: Воронеж, 2006. 24 с.

Тарасов Е. Ф. Речевое воздействие как проблема речевого общения // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М.: Наука, 1990. С. 3–14.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2008: Издательский центр «Азбуковник». 1175 с.

Чернявская Т. В. Дискурсивное пространство англоязычных предрассудков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Волгоград, 2008. 17 с.

Forer B. R. The Fallacy of Personal Validation: A Classroom Demonstration of Gullibility / B. R. Forer // Journal of Abnormal and Social Psychology. Volume 44, Issue 1. January 1949. Pp. 118–123.

References

Cherniavskaia, T. V. (2008). *Diskursivnoe prostranstvo angloiazychnykh predrassudkov: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk* [Discursive Space of English-Language Prejudices: Ph.D. Thesis Abstract]. Volgograd, 17 p. (In Russian)

Forer, B. R. (1949). *The Fallacy of Personal Validation: A Classroom Demonstration of Gullibility*. B. R. Forer. Journal of Abnormal and Social Psychology. Volume 44, Issue 1. January, pp. 118–123. (In English)

Issers, O. S. (2008). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative Strategies and tactics of Russian speech]. Izd. 5-ye. Moscow, izdatel'stvo LKI. 288 p. (In Russian)

Goroskopy 365. URL: <https://goroskop365.ru/> (accessed: 9.01.2021). (In Russian)

Kniazeva, A. A. (2011). *Angloiazychnye prognosticheskie teksty: struktura, semantika, pragmatika: dissertatsiia ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.04* [English-Language Prognostic Texts: Structure, Semantics, Pragmatics: Ph.D. Thesis]. Kniazeva Anastasiia Alekseevna. Tol'yatti. 244 p. (In Russian)

Kulova, L. Z. (2015). *Osobennosti rechevogo vozdeistviia v astrologicheskom tipe diskursa* [Features of Speech Influence in the Astrological Type of Discourse]. Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 1 (64), pp. 159–161. (In Russian)

Kulova, L. Z. (2016). *Osobennosti rechevogo vozdeistviia v razlichnykh tipakh diskursa: dis. ... kandidata filologicheskikh nauk* [Features of Speech Impact in Different Types of Discourse: Ph.D. Thesis]. 10.02.19. Kulova Liana Zamirovna. Nal'chik. 168 p. (In Russian)

Mir astrologii, psikhologii i ezoteriki [The World of Astrology, Psychology and Esotericism]. URL: <http://www.astrostar.ru/> (accessed: 9.01.2021). (In Russian)

Rambler / goroskopy / Lunnyi kalendar' [Rambler / Horoscopes / Lunar Calendar]. URL: <https://horoscopes.rambler.ru/moon/calendar/> (accessed: 9.01.2021). (In Russian)

Rambler / goroskopy [Rambler / Horoscopes]. URL: <https://horoscopes.rambler.ru/> (accessed: 9.01.2021). (In Russian)

Savitskaite, Ye. R. (2006). *Diskursivnye kharakteristiki prognosticheskikh tekstov (na materiale nemetskikh goroskopov): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Discursive Characteristics of Prognostic Texts (based on German horoscopes): Ph.D. Thesis Abstract]. Voronezh, 24 p. (In Russian)

Tarasov, Ye. F. (1990). *Rechevye vozdeystvie kak problema rechevogo obshcheniia* [Speech impact as a problem of speech communication]. Rechevye vozdeystvie v sfere massovoi kommunikatsii. Pp. 3–14. Moscow, Nauka. (In Russian)

Tolkovyi slovar' russkogo iazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov (2008) [Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information about the Origin of Words]. RAN. Institut russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova. Ot. red. N. Yu. Shvedova. 1175 p. Moscow, izdatel'skii tsentr "Azbukovnik". (In Russian)

Zakharova, M. A. (2017). *Sredstva vliianiia v goroskopakh: lingvisticheskii aspekt* [Means of Influence in Horoscopes: A Linguistic Aspect]. M. A. Zakharova, I. A. Shorokhova. Tekst: neposredstvennyi. Sovremennaia filologiya: materialy V Mezhdunar. nauch. konf. (g. Samara, mart 2017 g.). Pp. 41–45. Samara, ООО "Izdatel'stvo ASGARД". (In Russian)

Zalevskaia, A. A. (2007). *Vvedenie v psikholingvistiku: Uchebnik*. [Introduction to Psycholinguistics: A Textbook]. 2-oe izd. ispr. i dop. 560 p. Moscow, rossiisk. gos. gumanit. un-t. (In Russian)

The article was submitted on 15.03.2021

Поступила в редакцию 15.03.2021

Мубаракшина Анастасия Михайловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
blondy010888@mail.ru

Mubarakshina Anastasia Mikhailovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
blondy010888@mail.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ НАУЧНОЙ КАТЕГОРИИ АКТУАЛЬНОСТЬ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ АКАДЕМИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ

© Юлия Науменко, Анна Стеблецова

VERBAL REPRESENTATIONS OF "RELEVANCE" AS A SCIENTIFIC CATEGORY IN ENGLISH AND RUSSIAN ACADEMIC DISCOURSE

Yulia Naumenko, Anna Stebletsova

The article studies the category of "relevance", which is known as a core part of the scientific research methodology. The subject of the analysis is the ways "relevance" is verbally represented in English and Russian academic discourse. The purpose of the study is to identify and analyze the ways "relevance" is verbally represented in scientific texts of academic discourse in the field of medical research. The analysis is based on the 'Introductions' of research articles from the leading British and Russian medical journals. The research methodology is based on the selection and description of incorporated elements, revealing the meaning of "relevance" as a scientific category represented in the original English and Russian texts of 'Introductions'. The selected components were consecutively described according to the language means of their representations in these texts. The results have identified both similarities and differences between the pieces of national discourse. While the similarities are considered to prove universal typological properties of academic discourse, the differences demonstrate the national identity of English and Russian academic discourse. The article concludes that there are standard ways of representing relevance, such as the explicit use of the same-name word marker in Russian texts and implicit lexical markers in English texts. The awareness of the norms and conventions of English academic discourse can help non-native English writers become active participants of the global academic community.

Keywords: relevance, research category, verbal representation, components of the meaning, lexical markers, same-word marker of relevance.

Статья посвящена изучению научной категории *актуальность*, которая рассматривается как неотъемлемая часть методологического аппарата научного исследования. Предмет анализа составляют способы вербализации указанной категории в англоязычном и русскоязычном академических дискурсах. Целью данной работы является выявление и анализ способов вербализации научной категории *актуальность* в научном тексте академического дискурса в области медицинских исследований. Материалом анализа послужили тексты раздела *Introduction (Введение)* оригинальных полнотекстовых англоязычных и русскоязычных научных статей ведущих британского и российского изданий. Методика исследования заключалась в следующем. В оригинальных английских и русских научных статьях (раздел *Introduction (Введение)*) были выбраны все фрагменты, раскрывающие разные *содержательные компоненты* значения научной категории *актуальность*. Затем они были последовательно описаны с точки зрения языковых средств и способов их реализации в обоих дискурсах. Обнаруженные сходства являются отражением взаимодействия и взаимовлияния языковых культур в сфере академического дискурса и обусловлены сходными прагматическими нормами организации его. Выявленные различия демонстрируют ярко выраженные национальные особенности дискурсов. Авторы приходят к заключению о существовании устойчивых способов вербализации, таких как эксплицитное использование одноименной лексики-маркера актуальности в русском дискурсе и использование имплицитных способов вербализации в англоязычном дискурсе. Использование выявленных способов вербализации научной категории *актуальность* может быть эффективным для неанглоязычных авторов с точки зрения приближения своих текстов к нормам англоязычного научного стиля и дискурса.

Ключевые слова: актуальность, научная категория, вербализация, компоненты значения, лексические маркеры, одноименный маркер актуальности.

Введение

Академический дискурс продолжает быть объектом пристального внимания отечественных и зарубежных ученых-лингвистов. Несмотря на современные процессы глобализации, он является отражением научного мышления и специфики национального сознания участников академического взаимодействия. Характерные особенности организации и языкового оформления академического дискурса проявляются не только в национальной научной культуре, но и переносятся в международный контекст. Поэтому иноязычные участники сталкиваются как с проблемами лингвистического, лингвокультурного, так и, что особенно важно, с проблемами дискурсивно-когнитивного характера [Стеблецова, Науменко], например, при описании методологии проведенного исследования. Эти проблемы обусловлены национально-культурными особенностями восприятия и генерации научного текста, спецификой научного мышления на родном языке и необходимостью перестраивать собственный способ рефлексии под англоязычный научный стиль и нормы аргументации. Выявление и анализ национально-специфических черт описания методологии научного исследования в английском академическом дискурсе является одним из актуальных направлений лингвистических исследований.

Традиционными жанрами реализации академического дискурса являются научная статья, монография, диссертация, научный доклад, научно-технический отчет, рецензия, реферат, аннотация, тезисы. Жанр научной статьи – наиболее распространенный и универсальный текст письменного академического дискурса – является релевантным материалом таких исследований. Значительный вклад в исследование текста научной статьи внесли как отечественные [Данилевская], [Дубинина], [Мальчевская], [Троянская], [Чернявская], так и зарубежные ученые-лингвисты [Cargill], [Feak], [Gunnarsson], [Hyland], [Lim], [Swales, 2004], [Swales, 1990].

Методологические проблемы научного исследования в целом, и научной статьи в частности, всегда относились к наиболее актуальным. При этом вопросы методологического обоснования, являющегося основой научного исследования, остаются на периферии лингвистических исследований. Отсутствие единства в трактовке учеными определения методологических характеристик научного исследования актуализирует потребность сформировать единое понятийное пространство, без которого невозможно достижение четкости, обоснованности и однозначности результатов научного исследования. До сих пор в отечественной литературе сохраняется

терминологическое разнообразие в самом определении методологии и методологических характеристик научного исследования.

Ведущий исследователь-методолог Э. Г. Юдин в своем определении методологии говорит о компонентах научного исследования, его объекте, предмете анализа, задачах исследования, совокупности исследовательских средств, необходимых для их решения [Юдин]. А. М. Новиков и Д. А. Новиков трактуют методологию как учение об организации деятельности [Новиков А. М., Новиков Д. А.]. Порядок и методология проведения научных исследований подробно рассматривались в работах отечественных авторов [Новиков А. М., Новиков Д. А.], [Липчиу Н. В., Липчиу К. И.], [Колмацкий В. И., Логинов С. В., Колмацкий Г. В.], [Кравцова, Городищева].

В работах зарубежных ученых методологические категории научного исследования обычно рассматриваются в русле дискурсивного и жанрового анализа научного текста. Проблемы жанровой и риторической организации академического дискурса, особенности структуры и содержания научного текста оказались в центре внимания европейских и американских лингвистов с развитием глобального академического дискурса и беспрецедентным ростом объема научных текстов в последние десятилетия.

Так, одной из наиболее авторитетных работ в области жанрового анализа стало исследование британского ученого Дж. Свейлза [Swales, 2004]. Он ввел в обращение методику, заключающуюся в выявлении когнитивной структуры жанра на основе выделения в текстах одного жанра общего набора риторических ходов – *moves*. Ход или риторическая категория – это часть текста, обусловленная или ограниченная особой коммуникативной функцией, то есть такая часть текста, которая служит для достижения конкретной цели. Каждый из ходов Свейлз рассматривает как функциональную дискурсивную или риторическую единицу, выполняющую «согласованную коммуникативную функцию в письменном или разговорном модусах дискурса» [Swales, 1990].

Если каждый жанр обладает набором коммуникативных целей, то ход представляет собой риторический инструмент, реализующий фрагмент такого набора. Ход может состоять из единиц более низкого уровня – риторических шагов – *steps*. В целом можно заключить, что модель Свейлза представляет собой описание когнитивной структуры и последовательности «развёртывания» определенных научных категорий, что позволяет использовать ее в целях их описания и анализа.

В данной работе мы сфокусировали свое внимание на важном структурном и содержа-

тельном разделе научной статьи – *Introduction* (Введение).

Именно раздел *Introduction* (Введение) концентрирует внимание читателей на научных категориях, которые являются краеугольным камнем любого научного исследования: *объект, предмет, актуальность, гипотеза, цель, материал, методы* и пр. Очевидно, что конкретное (предметное) наполнение (содержание) этих категорий зависит от проблематики и отрасли науки. При этом общенаучный характер данных категорий также очевиден. Проблемы вербализации их часто возникают у иноязычных авторов, пишущих на английском языке. Ведь даже при экспликации научной категории через одноименные лексемы остается проблема выбора нужной единицы из синонимического ряда и проблема достижения естественности дискурса при речевом оформлении его фрагмента. Кроме того, не все категории научного исследования в англоязычном академическом дискурсе эксплицируются посредством одноименных лексем, вынесенных в подзаголовки или в тематическую часть предложения. Примером могут служить такие категории, как *актуальность, предмет, объект* исследования, вербализация которых в англоязычном дискурсе может вызывать сложности у неанглофонов.

Общеизвестно, что выражение научной категории *актуальность* соотносится с понятием современности научного исследования, обычно служит обоснованию новизны и необходимости его проведения в настоящее время. Сама дефиниция лексемы *актуальность* указывает на важность, значимость явления / процесса. *Актуальность* (от позднелат. *actualis* – фактич. существ., настоящий, современный) – важность, значимость чего-либо для настоящего момента, современность, злободневность [Советский энциклопедический словарь]. Широкий спектр переводных эквивалентов лексемы *актуальность*, к которым относятся следующие: 1. (насущность) *urgency*; (злободневность) *topicality*; 2. (действительное существование) *actuality*; *актуальный* 1. (насущенный) *urgent*; (злободневный) *topical*; *актуальный* вопрос *matter of current/topical interest, vital question*; 2. (существующий в действительности) *actual* [Русско-английский словарь онлайн]. Такая многозначность может вызвать трудности в выборе межъязыкового эквивалента.

Гипотеза нашего исследования заключается в следующем. Мы предполагаем, что существуют устойчивые способы вербализации категорий научного анализа, определенные речевые маркеры, которые используются в академическом дискурсе для их выражения. Их выявление и анализ будут

способствовать более глубокому пониманию академического дискурса и текста, а также преодолению дискурсивно-когнитивных барьеров в сфере международного академического дискурса.

Таким образом, цель данного исследования – выявить и проанализировать способы вербализации научной категории *актуальность* в научном тексте академического дискурса в области медицинских исследований.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили тексты оригинальных полнотекстовых научных статей на русском языке авторитетного российского научно-практического журнала общемедицинского профиля «Бюллетень сибирской медицины / Bulletin of Siberian Medicine» за 2018–2020 гг. Журнал является рецензируемым изданием, входит в международные базы данных Web of Science, Scopus и имеет импакт-фактор 0,387. Англоязычный корпус исследования составили тексты оригинальных полнотекстовых научных статей ведущего британского научного издания The British Medical Journal (далее – BMJ) за аналогичный период времени. Согласно данным Journal Citation Reports (JCR 2019) BMJ имеет импакт-фактор 30.223 и занимает четвертое место среди медицинских журналов общего профиля. Общий объем проанализированного материала составил 230000 слов.

Методика исследования заключалась в следующем. В оригинальных английских и русских научных статьях (раздел *Introduction* (Введение)) были выбраны все фрагменты, раскрывающие разные значения научной категории *актуальность*. Выявленные значения были последовательно описаны с точки зрения языковых средств и способов их реализации в обоих дискурсах. Последующий сопоставительный анализ позволил выявить сходства и различия в вербализации научной категории *актуальность* в национальных дискурсах медицинских исследований.

Результаты и обсуждение

Научная категория *актуальность*, как и другие научные категории, является важным и обязательным содержательным наполнением раздела *Introduction* (Введение) научной медицинской статьи на английском и русском языках. Одной из функций раздела *Introduction* англоязычных научных статей и раздела *Введение* русскоязычных научных статей является обоснование *актуальности* проблематики исследования. Этим обусловлено сложное и многокомпонентное содержание категории *актуальность*. Поэтому при выявлении способов ее вербализа-

ции мы столкнулись с необходимостью выделения отдельных содержательных компонентов ее значения. Нами были выделены следующие: *глобальный характер проблематики исследования; отсутствие данных по проблематике исследования; наличие противоречивых данных по проблематике исследования; наличие неудовлетворительных данных по проблематике исследования* и, как следствие, *необходимость продолжения исследований по проблематике исследования*. Вербализация научной категории *актуальность* происходит за счет реализации одного или нескольких содержательных компонентов ее значения. Рассмотрим последовательно особенности их реализации в англоязычном и в русскоязычном дискурсах.

1. Содержательный компонент *глобальный характер проблематики исследования*

В англоязычном дискурсе основными синтаксическими средствами вербальной репрезентации данного компонента являются простые распространённые, а также сложные предложения действительного залога, например:

Inappropriate prescribing of antibiotics is a *major* public health problem, as it contributes to antibiotic resistance [Ray et al] (здесь и далее курсив наш – Ю. Н., А. С.).

Undernutrition is *the single greatest* risk factor for child morbidity and mortality globally [Ryckman et al].

На лексическом уровне отмечается использование лексики эмоционально-экспрессивного характера позитивной семантики: *the most important, high prevalence, major, the single greatest*. Атрибутивные словосочетания с различным сочетанием форм степеней сравнения имени прилагательного наглядно демонстрируют экспрессивные возможности прилагательных, при этом указывая на преобладание того или иного признака / явления, что в свою очередь акцентирует внимание читателя на глобальность проблематики исследования.

В русскоязычном дискурсе в плане выбора синтаксических средств отмечается использование полных распространенных утвердительных предложений действительного и страдательного залога:

Артериальная гипертензия (АГ) является *одной из важных* медико-социальных проблем современного мира [Особенности ион-транспортных процессов...]

Ожирение относится к наиболее распространенным хроническим заболеваниям современности и является *одной из значимых* проблем общественного здравоохранения [Гирш, Юдицкая].

Среди лексических средств отмечается использование лексики эмоционально-экспрессив-

ного характера позитивной семантики (качественные прилагательные со значением положительной семантики и имена существительные): *приоритеты, важных, значимых, большую значимость, ведущих*.

Таким образом, вербализация научной категории *актуальность* при реализации содержательного компонента *глобальный характер проблематики исследования* в англоязычном и русскоязычном дискурсах происходит за счет использования схожих синтаксических и лексических средств.

2. Содержательный компонент *отсутствие данных по проблематике исследования*

В англоязычном дискурсе используется ряд лексико-синтаксических конструкций:

а) Лексико-синтаксические конструкции, ядром которых являются лексемы с отрицательной семантикой – *lack, gap, need*, например:

The lack of calorie labeling evaluations in the southern US is a *particularly important knowledge gap* because the prevalence of obesity in this region (33.6% in 2018) is among the highest in the country [Petimar et al].

Thus there is *a need* to evaluate more recent evidence on the risk of progression to T2DM in women with previous GDM compared with those with a normoglycaemic pregnancy, investigating outcomes in ethnically diverse populations, and over a longer follow-up period [Vounzoulaki et al].

Соотнесение одноименных лексем с актуальностью проблематики исследования позволяет предположить, что именно они являются лексемами-маркерами, экспликаторами научной категории *актуальность* при реализации содержательного компонента ее значения *отсутствие данных по проблематике исследования*.

б) Лексико-синтаксические конструкции, ядром которых являются имена прилагательные – *scarce, crucial, low*; местоимения или имена числительные как определяемые к существительному, указывающие на количество, с целью обозначить недостаток, отсутствие – *few, little, only, none, two*. Например:

Moreover, few evaluations of large multicountry nutrition programs exist in the literature, and evidence on effectiveness is *scarce* [Ryckman et al].

Nevertheless, *little* research has looked at how a combination of multiple lifestyle factors may relate to life expectancy free from the major diseases of diabetes, cardiovascular disease, and cancer [Li et al.].

В русскоязычном дискурсе используются лексико-синтаксические конструкции, ядром которых являются лексемы отрицательной семан-

тики – *отсутствие, недостаточной, неполноценными, немногочисленность*. Например:

Следует отметить *отсутствие* в литературе данных, характеризующих особенности распределения УПП у работников химических предприятий [Шевченко, Баскаков, Лахман].

Необходимо отметить, что при вербализации научной категории *актуальность* используются лексико-синтаксические конструкции, ядром которых являются глаголы и причастия с отрицательной частицей *не* – *не изучены, не отражает, не нашли, не дает, не обнаружили*, например:

Ряд подобных исследований также *не отражает* полного и целостного подхода к данному вопросу [Существует ли конституционально-морфологическая предрасположенность...].

Можно предположить, что использование категоричных форм оформления высказывания обусловлено национальной риторической нормой, в соответствии с которой автор должен демонстрировать уверенность и убежденность в достоверности своих результатов. Таким образом, использование категоричных способов выражения свидетельствует о четкой научной позиции автора и достоверности результатов исследования.

3. Содержательный компонент *наличие противоречивых данных по проблематике исследования*

В англоязычном дискурсе используются лексико-синтаксические конструкции, ядром которых являются лексемы отрицательной семантики – *inconsistent, uncertainty, inconclusive, conflicting, questioned, controversy, concerning*. Например:

Moreover, two prospective studies that investigated the association between intake of total soy products and all cause mortality presented *inconsistent* data [Katagiri et al.].

However, several microbiological studies of disc biospies have *conflicting* results [Bråten et al.].

В русскоязычном дискурсе также используются лексико-синтаксические конструкции, ядром которых являются лексемы отрицательной семантики – *очень противоречивы, вызывают споры, вступают в конфликт, неоднозначны* и глаголы с отрицательной частицей *не* – *не позволяют, не всегда находят, не подтверждают*, например:

Однако данные об изменениях, происходящих в пуле регуляторных Т-клеток при ВИЧ-инфекции, *очень противоречивы* [Субпопуляционный состав регуляторных Т-лимфоцитов]

Эти данные *вступают в конфликт* с доминирующим представлением о том, что в верхних зонах бронхи и альвеолы имеют больший диаметр [Вентиляция и механика дыхания у больных...].

4. Содержательный компонент *наличие неудовлетворительных данных по проблематике исследования и как следствие необходимость продолжения исследования*.

В англоязычном дискурсе вербализация данного содержательного компонента происходит с помощью синтаксических конструкций с номинативными группами, в которых отглагольные существительные выступают в качестве подлежащих и распространяются предложными оборотами, например:

Further research into industry funding of patient groups and the risks and benefits that this might bring is *an important issue* for groups and the wider public [Parker et al.].

A clearer understanding of interactions will provide *important context* for discussions about recognising and managing any ethical issues that might arise from these kinds of financial relationships, including benefits and risks to patient groups, benefits and risks to the wider public, and transparency [Parker et al.].

В русскоязычном дискурсе основным способом вербальной репрезентации данного компонента являются синтаксические конструкции активного залога с глаголами, обозначающими необходимость, где роль подлежащего выполняют неодушевленные существительные, указывающие на объективные данные исследования, например:

Данные наблюдения послужили поводом для дальнейших, более детальных исследований активности тетрагидропиридо[2,1-*b*] тиадиазина [Изучение адаптогенной активности...].

В ходе работы было выявлено также, что в русскоязычном дискурсе вербальная репрезентация научной категории *актуальность* осуществляется при помощи одноименных лексем *актуальность, актуальный*:

В то же время представляется *актуальным* изучение возможности профилактического использования указанного модификатора активности JNK для предупреждения развития патологии мозга после кислородной недостаточности [Нейропротективные свойства ингибитора...].

В связи с вышесказанным, изучение данных механизмов является *актуальным* в современной медицинской науке для ранней идентификации курильщиков, подверженных риску ХОБЛ [Влияние курения на уровни сурфактантных белков SP-A и SP-D...].

В англоязычном дискурсе научная категория *актуальность* в виде одноименной лексики не используется. Можно утверждать, что имплицитный способ реализации категории *актуальность* является характерной чертой англоязычного научного текста.

Выводы

По результатам анализа авторы приходят к следующим выводам. При сопоставлении текстов раздела *Introduction (Введение)* оригинальных английских и русских научных медицинских статей были выявлены сходства и различия в способах вербальной репрезентации универсальной научной категории *актуальность*, причем выявленные сходства представляются не менее интересными, чем различия. Действительно, тексты раздела *Introduction (Введение)* оригинальных английских и русских научных медицинских статей демонстрируют достаточно четкую содержательно-композиционную структуру, нормативную для академического дискурса.

В англоязычном и русскоязычном дискурсах вербальная репрезентация научной категории *актуальность* происходит за счет реализации содержательных компонентов ее значения, таких как *глобальный характер проблематики исследования, отсутствие данных по проблематике исследования, наличие противоречивых данных по проблематике исследования, наличие неудовлетворительных данных по проблематике исследования* и как следствие *необходимость продолжения исследования по проблематике исследования*.

В англоязычном и русскоязычном академических дискурсах обоснование научной категории *актуальность* происходит по определенной схеме поэтапного дискурсивного развертывания, на первом этапе которого заявляется важность проблематики исследования, дается описание направления исследования, приводятся авторские доводы в поддержку актуальности ее изучения. На втором этапе дискурсивного развертывания указывается степень разработанности проблематики исследования. На заключительном, третьем этапе, приводится обзор ключевых исследований по проблематике исследования.

В англоязычном дискурсе вербализация научной категории *актуальность* при реализации содержательного компонента ее значения *глобальный характер проблематики исследования* происходит на синтаксическом уровне при помощи простых распространенных, а также сложных предложений действительного залога. На лексическом уровне отмечается использование лексики эмоционально-экспрессивного характера позитивной семантики (атрибутивные

словосочетания с различным сочетанием форм степеней сравнения имени прилагательного).

В русскоязычном дискурсе вербализация указанной категории при реализации содержательного компонента ее значения *глобальный характер проблематики исследования* на синтаксическом уровне отмечается использование полных распространенных утвердительных предложений действительного и страдательного залога. На лексическом уровне отмечается использование лексики эмоционально-экспрессивного характера позитивной семантики (качественные прилагательные со значением положительной семантики и имена существительные).

В англоязычном дискурсе вербализация научной категории *актуальность* при реализации содержательного компонента ее значения *отсутствие данных по проблематике исследования* происходит при помощи определенных одноименных лексем, соотнесение которых с актуальностью проблематики исследования позволяет предположить, что именно они являются лексемами-маркерами. Такие одноименные лексемы-маркеры могут служить для русскоязычных авторов некой вспомогательной моделью, нормой англоязычного научного стиля, которую можно и нужно воспроизводить при создании собственных текстов. Безусловно, далеко не всегда это происходит при помощи одноименных лексем-маркеров. В их отсутствии категория *актуальность* может быть выражена имплицитно с помощью лексико-синтаксических конструкций, ядром которых являются имена прилагательные отрицательной семантики; местоимения или числительные, указывающие на недостаточное количество или отсутствие данных по проблематике исследования.

В русскоязычном дискурсе вербализация научной категории *актуальность* при реализации содержательного компонента ее значения *отсутствие данных по проблематике исследования* осуществляется за счет лексико-синтаксических конструкций, ядром которых являются лексемы с отрицательной и, в отдельных случаях, категоричной семантикой, а также лексико-синтаксических конструкций, ядром которых являются глаголы с отрицательной частицей *не*. Полагаем, что это обусловлено спецификой научного мышления на родном языке и нормой русского академического стиля.

В англоязычном и русскоязычном дискурсах вербализация научной категории *актуальность* при реализации содержательного компонента ее значения *наличие противоречивых данных по проблематике исследования* происходит схожим образом за счет лексико-синтаксических кон-

струкций, ядром которых являются лексемы отрицательной семантики. Однако в русскоязычном дискурсе неоднократно отмечается использование категоричных форм оформления высказывания.

Вербализация научной категории актуальность при реализации содержательного компонента ее значения *наличие неудовлетворительных данных по проблематике исследования* и как следствие *необходимость продолжения исследований по проблематике исследования* в англоязычном дискурсе происходит с помощью синтаксических конструкций с номинативными группами, в которых отглагольные существительные выступают в качестве подлежащих и распространяются предложными оборотами.

В русскоязычном же дискурсе для этого используются синтаксические конструкции активного залога с глаголами, обозначающими необходимость, где роль подлежащего выполняют неодушевленные существительные, указывающие на объективные данные исследования.

Выявленные особенности вербализации научной категории актуальность свидетельствуют о национальной специфике академического дискурса, а также способствуют преодолению межкультурных барьеров для русскоязычных участников международного научного взаимодействия.

Список литературы

- Бибик Е. Ю., Некраса И. А., Деменко А. В., Фролов К. А., Доценко В. В., Кривоколыско С. Г. Изучение адаптогенной активности производных тетрагидропиридо[2,1-*b*] [1,3,5] тиадиазина // Бюллетень сибирской медицины. 2019. Т.18. № 3. С. 21–28. URL: <https://bulletin.tomsk.ru/jour/article/view/2395/1623> (дата обращения: 15.11.2020).
- Гирш Я. В., Юдицкая Т. А. Сравнительный анализ пищевого поведения детей различных возрастных групп // Бюллетень сибирской медицины. 2018. Т.17. № 2. С.21–30. URL: <https://bulletin.tomsk.ru/jour/article/view/1200/800> (дата обращения: 15.11.2020).
- Гончарова А. А., Корнетова Е. Г., Корнетов А. Н., Семке А. В. Существует ли конституционально-морфологическая предрасположенность к акатизии у больных шизофренией, получающих антипсихотическую терапию? // Бюллетень сибирской медицины. 2019. Т.18. № 4. С. 36–43. URL: <https://bulletin.tomsk.ru/jour/article/view/2553/1655> (дата обращения: 15.11.2020).
- Данилевская Н. В. Динамика формирования знания в научном дискурсе. (функционально-стилистический аспект) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та, 2005. Сер. Гуманитарные науки (филология). Вып. 3 (47). С. 15–18.
- Диш А. Ю., Агеева Т. С., Карзилов А. И., Тетенева А. В., Калачева Т. П., Месько П. Е., Мишустина Е. Л., Зайцева А. А., Параева О. С., Беспалова И. Д., Черногорюк Г. Э. Вентиляция и механика дыхания у больных хронической обструктивной болезнью легких при разном положении тела // Бюллетень сибирской медицины. 2019. Т.18. №3. С. 37–45. URL: <https://bulletin.tomsk.ru/jour/article/view/2397/1625> (дата обращения: 15.11.2020).
- Дубинина Е. Ю. Разработка базовых принципов компрессии на основе сопоставительного анализа текстов научных статей и авторских рефератов // Прикладная лингвистика в науке и образовании: сб. трудов VI Междунар. науч. конф., 5–7 апреля 2012 года / [орг. комитет: Л. Н. Беляева (пред.), А. С. Герд, В. П. Захаров и др.]. СПб.: Книжный дом, 2012. С. 92–97 (0,31 п. л.).
- Зюзов Г. Н., Удут Е. В., Мирошниченко Л. А., Полякова Т. Ю., Симанина Е. В., Ставрова Л. А., Агафонов В. И., Жданов В. В. Нейропротективные свойства ингибитора C-Jun N-terminal kinase (JNK) при гипоксической гипоксии // Бюллетень сибирской медицины. 2019. Т.18. № 2. С. 80–88. URL: <https://bulletin.tomsk.ru/jour/article/view/2307/1570> (дата обращения: 15.11.2020).
- Колмацкий В. И., Логинов С. В., Колмацкий Г. В. Планирование и организация научных исследований. Ростов на / Д: Феникс, 2014. 208 с.
- Кравцова Е. Д., Городищева А. Н. Логика и методология научных исследований. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. 168 с.
- Липчу Н. В., Липчу К. И. Методология научного исследования. Краснодар: КубГАУ, 2013. 290 с.
- Мальчевская Т. Н. Специфика научных текстов и принципы их классификации (на материале английских биологических текстов) // Особенности стиля научного изложения. М.: Наука, 1976. С. 28–37.
- Новиков А. М. Методология / А.М. Новиков, Д.А. Новиков. М.: Синтез, 2007. 668 с.
- Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология научного исследования. Москва: Либроком, 2010. 280 с.
- Носарев А. В., Бирулина Ю. Г., Петрова И. В., Ковалев И. В., Гусакова С. В., Смазгий Л. В., Тесля Е. С., Шаманаев А. Ю., Пушкина Е. В., Медведев М. А. Особенности ион-транспортных процессов в модели артериальной гипертензии // Бюллетень сибирской медицины. 2018. Т.17. № 4. С. 103–109. URL: <https://bulletin.tomsk.ru/jour/article/view/1983/1477> (дата обращения: 15.11.2020).
- Русско-английский словарь онлайн URL: <https://rus-eng.slovaronline.com> (дата обращения: 12.09.2020).
- Стеблецова А. О., Науменко Ю. Н. Заголовки английских и русских научных статей: дискурсивно-когнитивные особенности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. №4 (820). С. 161–179.
- Советский энциклопедический словарь / Гл. редактор А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1995. 1600 с.
- Троянская Е. С. Научное произведение в оценке автора рецензии (к вопросу о специфике жанров научной литературы) // Научная литература: язык, стиль, жанры. М.: Наука, 1985. С. 75–83.
- Харламова О. С., Николаев К. Ю., Рагино Ю. И., Воевода М. И. Влияние курения на уровни сурфак-

тантных белков SP-A и SP-D в крови у пациентов без бронхолегочных заболеваний // Бюллетень сибирской медицины. 2020. Т.19. № 2. С. 104–111. URL: <https://bulletin.tomsk.ru/jour/article/view/2867/1747> (дата обращения: 15.11.2020).

Черешнев В. А., Сайдакова Е. В., Королевская Л. Б., Шмагель Н. Г., Шмагель К. В. Субпопуляционный состав регуляторных Т-лимфоцитов у пациентов с ВИЧ-инфекцией при эффективной антиретровирусной терапии // Бюллетень сибирской медицины. 2019. Т.18. №1. С. 247–256. URL: <https://bulletin.tomsk.ru/jour/article/view/2191/1555> (дата обращения: 15.11.2020).

Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.

Шевченко О. И., Баскаков И. С., Лахман О. Л. Особенности распределения уровня постоянного потенциала головного мозга у пациентов с хронической ртутной интоксикацией // Бюллетень сибирской медицины. 2019. Т.18. № 4. С. 161–168. URL: <https://bulletin.tomsk.ru/jour/article/view/2569/1669> (дата обращения: 15.11.2020).

Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. М.: Наука, 1978. 391 с.

Bråten, Lars Christian Haugli, Rolfsen Mads Peder, Espeland, Ansgar, Wigemyr, Monica, Aßmus, Jörg, Froholdt, Anne et al. Efficacy of antibiotic treatment in patients with chronic low back pain and Modic changes (the AIM study): double blind, randomised, placebo controlled, multicentre trial. URL: <https://www.bmj.com/content/367/bmj.l5654> (дата обращения: 10.10.2020).

Cargill M. Writing Scientific Research Articles Strategy and Steps / M. Cargill, P. O'Connor. – Pondicherry: Wiley-Blackwell, 2009. 173 p.

Feak C.B. Academic Writing for Graduate Students. Essential Tasks and Skills / C.B. Feak, J.M. Swales. – Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1994. 418 p.

Gunnarsson B.-L. Professional Discourse. – London, New York: Continuum, 2009. 284 p

Hyland K. Teaching and Researching Writing. – London: Longman, 2002. 281 p.

Katagiri Ryoko, Sawada Norie, Goto Atsushi, Yamaji Taiki, Iwasaki Motoki, Noda Mitsuhiko et al. Association of soy and fermented soy product intake with total and cause specific mortality: prospective cohort study. URL: <https://www.bmj.com/content/368/bmj.m34> (дата обращения: 10.10.2020).

Li Yanping, Schoufour Josje, Wang Dong D, Dhana Klodian, Pan An, Liu Xiaoran et al. Healthy lifestyle and life expectancy free of cancer, cardiovascular disease, and type 2 diabetes: prospective cohort study. URL: <https://www.bmj.com/content/368/bmj.l6669> (дата обращения: 10.10.2020).

Lim J. Method sections of management research articles: A pedagogically motivated qualitative study // English for Specific Purposes. – 2006. – vol. 25. – № 3. – Pp. 282–309.

Parker Lisa, Fabbri Alice, Grundy Quinn, Mintzes Barbara, Bero Lisa. “Asset exchange”—interactions between patient groups and pharmaceutical industry: Aus-

tralian qualitative study. URL: <https://www.bmj.com/content/367/bmj.l6694> (дата обращения: 10.10.2020).

Petimar Joshua, Zhang Fang, Cleveland Lauren P, Simon Denise, Gortmaker Steven L, Polacsek Michele et al. Estimating the effect of calorie menu labeling on calories purchased in a large restaurant franchise in the southern United States: quasi-experimental study. URL: <https://www.bmj.com/content/367/bmj.l5837> (дата обращения: 10.10.2020).

Ray Michael J, Tallman Gregory B, Bearden David T, Elman Miriam R, McGregor Jessina C. Antibiotic prescribing without documented indication in ambulatory care clinics: national cross sectional study. URL: <https://www.bmj.com/content/367/bmj.l6461> (дата обращения: 10.10.2020).

Ryckman Theresa, Robinson Margaret, Pedersen Courtney, Bhattacharya Jay, Bendavid Eran. Impact of Feed the Future initiative on nutrition in children aged less than 5 years in sub-Saharan Africa: difference-in-differences analysis. URL: <https://www.bmj.com/content/367/bmj.l6540> (дата обращения: 10.10.2020).

Swales J. Genre analysis: English in academic and research settings. Cambridge: Cambridge University Press. 1990. 260 p.

Swales J. Research Genres. Explorations and Applications. New York: Cambridge University Press. 2004. 260 p.

Vounzoulaki Elpida, Khunti Kamlesh, Abner Sophia C, Tan Bee K, Davies Melanie J, Gillies Clare L et al. Progression to type 2 diabetes in women with a known history of gestational diabetes: systematic review and meta-analysis. URL: <https://www.bmj.com/content/369/bmj.m1361> (дата обращения: 10.10.2020).

References

Bibik, E. Iu., Nekrasa, I. A., Demenko, A. V., Frolov, K. A., Dotsenko, V. V., Krivokolysko, S. G. (2019). *Izuchenie adaptogennoi aktivnosti proizvodnykh tetragidropirido [2,1-b] [1,3,5] tiadiazina. Biulleten' sibirskoi meditsiny* [Studying the Adaptogenic Activity of a Series of Tetrahydropyrido [2,1-b] [1,3,5] Thiadiazine Derivatives]. *Biulleten' sibirskoi meditsiny*. T. 18, No. 3, pp. 21–28. URL: <https://bulletin.tomsk.ru/jour/article/view/2395/1623> (accessed: 15.11.2020). (In Russian)

Bråten Lars Christian Haugli, Rolfsen Mads Peder, Espeland Ansgar, Wigemyr Monica, Aßmus Jörg, Froholdt, Anne et al. (2019). *Efficacy of Antibiotic Treatment in Patients with Chronic Low Back Pain and Modic Changes (the AIM Study): Double Blind, Randomised, Placebo Controlled, Multicentre Trial*. URL: <https://www.bmj.com/content/367/bmj.l5654> (accessed: 10.10.2020). (In English)

Cargill, M. (2009). *Writing Scientific Research Articles Strategy and Steps*. M. Cargill, P. O'Connor. Pondicherry, Wiley-Blackwell. (In English)

Chereshnev, V. A., Saidakova, E. V., Korolevskaia, L. B., Shmagel', N. G., Shmagel', K. V. (2019). *Subpopulatsionnyi sostav regulatorynykh T-limfotsitov u patsientov s VICH-infektsiei pri effektivnoi antiretrovirusnoi terapii* [Regulatory T-Lymphocyte Subsets in Patients with HIV-Infection Receiving Highly Ac-

tive Antiretroviral Therapy]. *Biulleten' sibirskoi meditsiny*. T. 18, No. 1, pp. 247–256. URL: <https://bulletin.tomsk.ru/jour/article/view/2191/1555> (accessed: 15.11.2020). (In Russian)

Cherniavskaia, V. E. (2009). *Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Text Linguistics: Polycode, Intertextuality, Interdiscursivity]. *Uchebnoe posobie*. 248 p. Moscow, Knizhnyi dom "LIBROKOM". (In Russian)

Danilevskaia, N. V. (2005). *Dinamika formirovaniia znaniia v nauchnom diskurse. (funktsional'no-stilisticheskii aspekt)* [Dynamics of Knowledge Formation in Scientific Discourse (Functional and Stylistic Aspect)]. *Vestn. Tomskogo gos. ped. un-ta, Ser. Gumanitarnye nauki (filologiya)*. Vyp. 3 (47), pp. 15–18. (In Russian)

Dish, A. Iu., Dish, A. Iu., Ageeva, T. S., Karziov, A. I., Teteneva, A. V., Kalacheva, T. P., Mes'ko, P. E., Mishustina, E. L., Zaitseva, A. A., Paraeva, O. S., Bespalova, I. D., Chernogoriuk, G. E. (2019). *Ventiliatsiia i mekhanika dykhaniia u bol'nykh khronicheskoi obstruktivnoi bolezniu legkikh pri raznom polozenii tela* [Ventilation and Respiration Mechanics in Patients with Chronic Obstructive Pulmonary Disease in Different Body Positions]. *Biulleten' sibirskoi meditsiny*. T. 18, No. 3, pp. 37–45. URL: <https://bulletin.tomsk.ru/jour/article/view/2397/1625> (accessed: 15.11.2020). (In Russian)

Dubinina, E. Iu. (2012). *Razrabotka bazovykh printsipov kompressii na osnove sopostavitel'nogo analiza tekstov nauchnykh statei i avtorskikh referatov* [Developing Basic Principles of Compression Based on Comparative Analysis of Texts from Scientific Articles and Authors' Abstracts]. *Prikladnaia lingvistika v nauke i obrazovanii: sb. trudov VI Mezhdunar. nauch. konf., 5–7 apreliia 2012 goda / [org. komitet: L. N. Beliaeva (pred.), A. S. Gerd, V. P. Zakharov i dr.]*. St. Petersburg, Knizhnyi dom. pp. 92–97 (0,31 p. l.). ISBN 978-5-94777-273-9. (In Russian)

Feak, C. B. (1994). *Academic Writing for Graduate Students. Essential Tasks and Skills*. C. B. Feak, J. M. Swales. 418 p. Ann Arbor, the University of Michigan Press. (In English)

Girsh, Ia. V., Iuditskaia, T. A. (2018). *Sravnitel'nyi analiz pishchevogo povedeniia detei razlichnykh vozrastnykh grupp* [Comparative Analysis of Eating Behavior of Children of Different Age Groups]. *Biulleten' sibirskoi meditsiny*. T. 17, No. 2, pp. 21–30. URL: <https://bulletin.tomsk.ru/jour/article/view/1200/800> (accessed: 15.11.2020). (In Russian)

Goncharova, A. A., Kornetova, E. G., Kornetov, A. N., Semke, A. V. (2019). *Sushchestvuet li konstitutsional'no-morfologicheskaiia predispozitsiia k akatizii u bol'nykh shizofreniei, poluchaiushchikh antipsikhoticheskuiu terapiiu?* [Is There a Constitutional and Morphological Predisposition to Akathisia in Schizophrenic Patients Receiving Antipsychotic Therapy?]. *Biulleten' sibirskoi meditsiny*. T. 18, No. 4, pp. 36–43. URL: <https://bulletin.tomsk.ru/jour/article/view/2553/1655> (accessed: 15.11.2020). (In Russian)

Gunnarsson, B.-L. (2009). *Professional Discourse*. 284 p. London, New York, Continuum. (In English)

Hyland, K. (2002). *Teaching and Researching Writing*. 281 p. London, Longman. (In English)

Iudin, E. G. (1978). *Sistemnyi podkhod i printsip deiatel'nosti* [System Approach and Operating Principle]. 391 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Katagiri Ryoko, Sawada Norie, Goto Atsushi, Yamaji Taiki, Iwasaki Motoki, Noda Mitsuhiko et al. (2020). *Association of Soy and Fermented Soy Product Intake with Total and Cause Specific Mortality: Prospective Cohort Study*. URL: <https://www.bmj.com/content/368/bmj.m34> (accessed: 10.10.2020). (In English)

Kharlamova, O. S., Nikolaev, K. Iu., Ragino, Iu. I., Voevoda, M. I. (2020). *Vliianie kureniia na urovni surfaktantnykh belkov SP-A i SP-D v krovi u patsientov bez bronkholegochnykh zabolevaniia* [Effects of Smoking on Sp-A and Sp-D Surfactant Proteins in the Blood of Patients without Bronchopulmonary Diseases]. *Biulleten' sibirskoi meditsiny*. T. 19, No. 2, pp. 104–111. URL: <https://bulletin.tomsk.ru/jour/article/view/2867/1747> (accessed: 15.11.2020).

Kolmatskii, V. I., Loginov, S. V., Kolmatskii, G. V. (2014). *Planirovanie i organizatsiia nauchnykh issledovaniia* [Planning and Organization of Scientific Research]. 208 p. Rostov on Don, Feniks. (In Russian)

Kravtsova, E. D., Gorodishcheva, A. N. (2014). *Logika i metodologiia nauchnykh issledovaniia* [Logic and Methodology of Scientific Research]. 168 p. Krasnoarsk, Sib. feder. un-t. (In Russian)

Li Yanping, Schoufour Josje, Wang Dong D, Dhana Klodian, Pan An, Liu Xiaoran et al. (2020). *Healthy Lifestyle and Life Expectancy Free of Cancer, Cardiovascular Disease, and Type 2 Diabetes: Prospective Cohort Study*. URL: <https://www.bmj.com/content/368/bmj.l6669> (accessed: 10.10.2020). (In English)

Lim, J. (2006). *Method Sections of Management Research Articles: A Pedagogically Motivated Qualitative Study*. English for Specific Purposes. Vol. 25, No. 3, pp. 282–309. (In English)

Lipchiiu, N. V., Lipchiiu, K. I. (2013). *Metodologiia nauchnogo issledovaniia* [Methodology of Scientific Research]. 290 p. Krasnodar, KubGAU. (In Russian)

Mal'chevskaia, T. N. (1976). *Spetsifika nauchnykh tekstov i printsipy ikh klassifikatsii. (na materiale angliiskikh biologicheskikh tekstov)* [Specifics of Scientific Texts and Principles of Their Classification (based on English biological texts)]. Pp. 28–37. Moscow, Nauka. (In Russian)

Nosarev, A. V., Birulina, Iu. G., Petrova, I. V., Kovalev, I. V., Gusakova, S. V., Smaglii, L. V., Teslia, E. S., Shamanaev, A. Iu., Pushkina, E. V., Medvedev, M. A. (2018). *Osobennosti ion-transportnykh protsessov v modeli arterial'noi gipertenzii* [Features of Ionic Transport Processes in a Model of Arterial Hypertension]. *Biulleten' sibirskoi meditsiny*. T. 17, No. 4, pp. 103–109. URL: <https://bulletin.tomsk.ru/jour/article/view/1983/1477> (accessed: 15.11.2020). (In Russian)

Novikov, A. M. (2007). *Metodologiia* [Methodology]. 668 p. Moscow, Sinteg. (In Russian)

Novikov, A. M., Novikov, D. A. (2010). *Metodologiia nauchnogo issledovaniia* [Methodology of Scientific Research]. 280 p. Moscow, Librokom. (In Russian)

Parker Lisa, Fabbri Alice, Grundy Quinn, Mintzes Barbara, Bero Lisa. (2019). *"Asset exchange"—Interactions between Patient Groups and Pharmaceutical*

Industry: Australian Qualitative Study. URL: <https://www.bmj.com/content/367/bmj.l6694> (accessed: 10.10.2020). (In English)

Petimar Joshua, Zhang Fang, Cleveland Lauren P, Simon Denise, Gortmaker Steven L, Polacsek Michele et al. (2019). *Estimating the Effect of Calorie Menu Labeling on Calories Purchased in a Large Restaurant Franchise in the Southern United States: Quasi-Experimental Study*. URL: <https://www.bmj.com/content/367/bmj.l5837> (accessed: 10.10.2020). (In English)

Ray Michael J., Tallman Gregory B., Bearden David T., Elman Miriam R., McGregor Jessina C. (2019). *Antibiotic Prescribing without Documented Indication in Ambulatory Care Clinics: National Cross Sectional Study*. URL: <https://www.bmj.com/content/367/bmj.l6461> (accessed: 10.10.2020). (In English)

Ryckman Theresa, Robinson Margaret, Pedersen Courtney, Bhattacharya Jay, Bendavid Eran (2019). *Impact of Feed the Future Initiative on Nutrition in Children Aged Less than 5 Years in Sub-Saharan Africa: Difference-In-Differences Analysis*. URL: <https://www.bmj.com/content/367/bmj.l6540> (accessed: 10.10.2020). (In English)

Russko-angliiskii slovar' onlain [Russian-English Dictionary Online]. URL: <https://rus-eng.slovaronline.com> (accessed: 12.09.2020). (In Russian)

SES *Sovetskii entsiklopedicheskii slovar'* (1995) [Soviet Encyclopedic Dictionary]. Gl. redaktor A. M. Prokhorov. 3-e izd. 1600 p. Moscow. Sov. Entsiklopediia. (In Russian)

Shevchenko, O. I., Baskakov, I. S., Lakhman O. L. (2019). *Osobennosti raspredeleniia urovnia postoiannogo potentsiala golovnogogo mozga u patsientov s khronicheskoi rtutnoi intoksikatsiei* [Features of the Distribution of the Level of the Constant Potential in the Brain in Patients with Chronic Mercury Intoxication]. *Biulleten' sibirskoi meditsiny*. T. 18, No. 4, pp. 161–168.

URL: <https://bulletin.tomsk.ru/jour/article/view/2569/1669> (accessed: 15.11.2020). (In Russian)

Stebletsova, A. O., Naumenko, Iu. N. (2019). *Zagolovki angliiskikh i russkikh nauchnykh statei: diskursivno-kognitivnye osobennosti* [Titles of English and Russian Research Articles: Discursive and Cognitive Features]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. No. 4 (820), pp. 161–179. (In Russian)

Swales, J. (1990). *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. 260 p. Cambridge, Cambridge University Press. (In English)

Swales, J. (2004). *Research Genres. Explorations and Applications*. 260 p. New York, Cambridge University Press. (In English)

Troianskaia, E. S. (1985). *Nauchnoe proizvedenie v otsenke avtora retsenzii (k voprosu o spetsifike zhanrov nauchnoi literatury)* [Scientific Work in the Reviewer's Assessment (on the Specifics of Scientific Literature Genres)]. *Nauchnaia literatura: iazyk, stil', zhanry*. Pp. 75–83. Moscow, Nauka. (In Russian)

Vounzoulaki Elpida, Khunti Kamlesh, Abner Sophia C, Tan Bee K, Davies Melanie J, Gillies Clare L et al. (2020). *Progression to Type 2 Diabetes in Women with a Known History of Gestational Diabetes: Systematic Review and Meta-analysis*. URL: <https://www.bmj.com/content/369/bmj.m1361> (accessed: 10.10.2020). (In English)

Ziuz'kov, G. N., Udut, E. V., Miroshnichenko, L. A., Poliakova, T. Iu., Simanina, E. V., Stavrova, L. A., Agafonov, V. I., Zhdanov, V. V. (2019). *Neiroprotektivnye svoistva ingibitora C-Jun N-terminal kinase (JNK) pri gipoksicheskoi gipoksii*. [Neuroprotective Properties of the C-Jun N-terminal Kinase (JNK) Inhibitor in Hypoxic Hypoxia]. *Biulleten' sibirskoi meditsiny*. T. 18, No. 2, pp. 80–88. URL: <https://bulletin.tomsk.ru/jour/article/view/2307/1570> (accessed: 15.11.2020). (In Russian)

The article was submitted on 09.02.2021

Поступила в редакцию 09.02.2021

Науменко Юлия Николаевна,
преподаватель,
Воронежский государственный медицинский
университет имени Н. Н. Бурденко,
394036, Россия, Воронеж,
Студенческая, 10.
naumenko1981@mail.ru

Стеблецова Анна Олеговна,
доктор филологических наук,
доцент,
Воронежский государственный медицинский
университет имени Н. Н. Бурденко,
394036, Россия, Воронеж,
Студенческая, 10.
annasteb@mail.ru

Naumenko Yulia Nicolaevna,
Assistant Professor,
Voronezh N. N. Burdenko State Medical
University,
10 Studencheskaya Str.,
Voronezh, 394036, Russian Federation.
naumenko1981@mail.ru

Stebletsova Anna Olegovna,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Voronezh N. N. Burdenko State Medical
University,
10 Studencheskaya Str.,
Voronezh, 394036, Russian Federation.
annasteb@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-94-99
УДК 811.163.1(47)

МЕТАМОРФОЗЫ ПОСЛОВНОГО ПЕРЕВОДА В XVIII ВЕКЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СЛАВЯНО-КНИЖНЫЙ ЯЗЫКОВОЙ СТАНДАРТ

© Наталия Николаева

METAMORPHOSES OF WORD-BY-WORD TRANSLATION IN THE 18th CENTURY AND THEIR INFLUENCE ON THE SLAVIC STANDARD LANGUAGE

Nataliya Nikolaeva

In the 18th century, the fate of the Russian literary language in general and Church Slavonic in particular was decided. The Church Slavonic language continued to exist in the form of a conservative standard, simultaneously developing stylistic differentiations within itself. However, its fate was ultimately decided in line with general linguistic processes, as a result of which Church Slavonic remained only in the liturgical sphere. The high genres of literature began to move to the “Slavonic” language, whose lexical fund and word-formation possibilities represented the Church Slavonic heritage, while the grammatical structure was Russian. These changes are especially clearly traced on translated spiritual literature: it raises another important problem – the relationship with the Greek language, which was rightfully considered the prototype of Church Slavonic, and this understanding formed the basis of the doctrine of word-by-word translation in Slavia Orthodoxa.

The article presents the results of observation conducted on three translations of the same text made in the second half of the 18th century – the treatise of Dionysius the Areopagite “De coelesti hierarchia”. These translations demonstrate all three main tendencies in the functioning of the Church Slavonic language: the desire to preserve it (translation by Paisiy Velichkovsky), russification of grammar while preserving traditional vocabulary (translation by Moses Gumilevsky), and destruction of connections with Greek (anonymous translation). In our opinion, the latter tendency contributed to the formation of a new language of spiritual literature, in which the Church Slavonic element performed the function of a style sign.

Keywords: Church Slavonic language, language standard, word-by-word translation, Russian literary language, Areopagitica.

В XVIII веке решалась судьба русского литературного языка в целом, и церковнославянского языка в частности. Церковнославянский язык продолжал существовать в форме консервативного стандарта и одновременно начинал развивать внутри себя стилистическую дифференциацию, но его судьба решалась в итоге в русле общезыковых процессов, в результате которых традиционный церковнославянский остался только в богослужебной сфере. Высокие жанры книжности постепенно стали переходить на «славенороссийский» язык, лексический фонд и словообразовательные возможности которого представляли наследие церковнославянского языка, а грамматический строй был русским. Эти изменения особенно четко прослеживаются на материале переводной духовной литературы: здесь возникает еще одна важная для статуса церковнославянского языка проблема – взаимоотношение с греческим языком, который по праву считался прообразом церковнославянского, и такое понимание легло в основу переводческой доктрины пословного перевода в Slavia Orthodoxa.

В статье представлены результаты наблюдения с этой точки зрения над тремя переводами одного и того же текста, выполненными во второй половине XVIII века, – трактата Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии». Эти переводы демонстрируют все три основные тенденции в функционировании церковнославянского языка: стремление к его консервации (перевод Паисия Величковского), русификация грамматики при сохранении традиционной лексики (перевод Моисея Гумилевского), разрушение связи с греческим языком (анонимный перевод). По нашему мнению, последняя тенденция (утрата генетической связи) способствовала формированию нового языка духовной литературы, где церковнославянский элемент выполнял функцию приметы стиля.

Ключевые слова: церковнославянский язык, языковой стандарт, пословный перевод, русский литературный язык, Ареопagitики.

Статья написана на материале Ареопагитик, а именно трактата «О небесной иерархии», в переводах XVIII века. Выбор трактата из всего большого корпуса обусловлен тем, что именно он чаще всего переводился в этот период, так что мы располагаем тремя версиями, и все они относятся ко второй половине XVIII века: рукописный перевод Паисия Величковского, анонимный рукописный перевод и печатное издание перевода Моисея Гумилевского.

Упоминание славяно-книжного языкового стандарта в названии темы требует ряда пояснений, поскольку в отношении языковой ситуации XVIII века говорить о каком-либо устоявшемся стандарте трудно. Еще Н. И. Толстой отмечал существование в тот период достаточно заметного языкового различия даже внутри одной жанровой сферы (на примере конфессиональной литературы – сравнивая богослужебные тексты и катехизис) [Толстой, с. 69]. Тем не менее славяно-книжный языковой стандарт сформировался и существовал в предшествующие эпохи в отношении определенного круга текстов – Толстой представил это наглядно в пирамиде жанров сербской письменности [Там же, с. 168], и эта схема, на наш взгляд, удачнее всего иллюстрирует языковую ситуацию славянского Средневековья. В нашем случае речь идет об одной из верхних страт этой пирамиды.

Как стандарт такой церковнославянский язык стал особенно ощущаться в XVIII веке, когда языковая ситуация в сфере церковной книжности была наиболее непредсказуемой. Итак, с одной стороны, славяно-книжный стандарт – это традиционный церковнославянский язык. С другой – этот стандарт в означенную эпоху должен был неизбежно обновиться. И вот этот процесс становления обновленного стандарта мы наблюдаем при сравнении трех разных переводов одного и того же текста, выполненных, можно сказать, в одно и то же время, причем про два из них известно, что их авторами были ученые монахи.

Другой вопрос, отразившийся в названии, касается переводческого метода. Здесь тоже необходимо внести пояснение. Пословный метод – это не один из нескольких, а единственный, по утверждению Дм. Буланина, релевантный для всей средневековой книжности: «Слово стало основной единицей перевода, потому что переводческая доктрина средневековья требовала передачи оригинала в его двуединстве – совокупность содержания и формы... Иконическая природа слова была аксиоматичной для культуры

средневековья, которое рассматривало его как образ вещи. Этот образ, естественно, мог быть еще раз отображен, чем и обусловлена возможность перевода. Однако перевод, стремящийся не исказить внеязыковые реальности, обязан воспроизводить каждое слово оригинала в единстве его обозначающего и обозначаемого. В этом и состоит теория пословного перевода» [Буланин, с. 27].

В основу доктрины пословного перевода легла неоплатоническая теория образа, изложенная в христианском свете Дионисием Ареопагитом и взятая на вооружение уже первыми переводчиками на древнеславянский язык. В каждом отдельном случае, для каждой переводческой школы было важно, что принималось за образ в самом слове оригинального текста: какое соотношение значения слова и его внутренней формы, что в конкретный период и для конкретной школы было важнее. Это обуславливало в итоге технику перевода.

В XVII веке в теории эти постулаты сохранялись. Симеон Полоцкий в «Жезле правления» писал: «Сказатель же или преводитель странного языка сей есть верный, иже и разум, и речения преводит неложно, ничесо же оставляя. Греческая святая писания суть нам славяном прототипон, еже есть первообразное, от их же вся книги наша преводим, ничесо же прилагающе или отъемлюще, да совершенне им уподобимся» (цит. по: [Буланин, с. 31]). То есть идеальными тут представляются отношения между греческим текстом Писания и его славянскими переводами. Таким образом, стандартом мыслится классический церковнославянский. Во всяком случае, в сфере конфессиональной литературы такой ориентир был актуален и в XVIII веке, поэтому мы тоже будем говорить именно о пословном переводе.

Что свойственно классическому церковнославянскому? Александр Исаченко сформулировал образно: «Man kann ohne Übertreibung sagen, daß das Kirchenslavische ein in altbulgarische Morpheme travestiertes Griechisch darstellt» ('Можно без преувеличения сказать, что церковнославянский представляет собой переодетый в древнеболгарские морфемы греческий язык' (перевод наш – Н. Н.)) [Issatschenko, с. 22]. Это положение стало за прошедшие полстолетия аксиомой. Но важно подчеркнуть, что в отношении переводной конфессиональной литературы именно такой церковнославянский, за которым брезжит греческий прообраз, просвечивает

сквозь его формы и уточняет славянские значения, а в конечном итоге – подражает ему, и стал своего рода стандартом в многовековой традиции его употребления.

Из исследуемых переводов этому стандарту соответствует прежде всего перевод Паисия Величковского. Вот один пример последовательно-го пословного перевода. Ср.:

Διὸ καὶ τὴν ὁσιωτάτην ἡμῶν ἱεραρχίαν, ἣ τελετάρχης ἱεροθεσία, τῆς τῶν οὐρανίων ἱεραρχιῶν ὑπερκοσμίου μιμήσεως ἀξιώσασα, καὶ τὰς εἰρημένας αὐλοὺς ἱεραρχίας ὑλαίοις σχήμασι καὶ μορφωτικαῖς συνθέσεσι διαποικίλασα, παραδέδωκεν, ὅπως ἀναλόγως ἡμῖν αὐτοῖς, ἀπὸ τῶν ἱερωτάτων πλάσεων, ἐπὶ τὰς ἀπλᾶς καὶ ἀτυπώτους ἀναχθῶμεν ἀναγωγὰς καὶ ἀφομοιώσεις [Sancti Dionysii Areopagitae, col. 121]

Т е () е е а е
С е о ачале та осове е і ачал о е
С е оу ставле іе, і о евы а Н (с) ы
С е о ачаль о а а іа с о о л о,
Рече аа еве естве аа С е о ачаль, ве е-
стве ы о а зы во а ател ы сло-
е а зл чествовав о, е ало ест, а
сог а са, С е
во а е і, а стал ево аз аа
возве е с а возво е іа о о ле іа [Иже во
святых Дионисия Ареопагита, л. 2].

В этом отрывке даже перфектная форма глагола (е ало ест) не является новаторством переводчика, а точно соответствует греческому перфекту παραδέδωκεν. Конечно, если присмотреться к тексту, можно увидеть некоторые интересные приемы. Так, наряду с традиционными словосложениями-кальками, здесь присутствует необычное слово *та осове е і ачал ое*, которое соответствует греческому τελετάρχης. С одной стороны, такого рода сращения не единичны в тексте перевода Паисия, с другой – так он часто передает сложную в семантическом плане для подбора однословного соответствия греческую основу *теле-* [Николаева, с. 113], которая включает в себя значение совершения и завершения и употребляется в Ареопагитиках в основном в мистическом контексте. В композите

і о евы а w в сравнении с греческим ὑπερκοσμίου происходит метатеза основ. Обращает на себя внимание также тот факт, что многообразие воплощения идеи образа в греческом языке передается в славянском через ряд однокорневых слов: в греческом σχήμασι, μορφωτικαῖς, πλάσεων, ἀτυπώτους, в славянском – о азы, во а ател ы, vow а е і, евов аз аа соответственно. Такое положение вещей восходит, однако, к традиции славянских Ареопагитик: первый перевод

так же предпочитает всевозможные образования с этим корнем, хотя предлагает и ряд других вариантов перевода [Там же, с. 22]. То же самое мы наблюдаем и в других фрагментах текста, на пример:

Зане як б вл пот предположени с ть
Безво бразных во браженіа (τῶν ἀτυπώτων οἱ τύποι),
и образи Безобразных (τὰ σχήματα
τῶν ἀσχηματίστων), не точію виновн рекль бы кто
быти со м р ность наш невозмогающ
непосредственн на мысленнаа возводитиса вид нїа,
и требющ свойственныхъ и соестественныхъ
возвожденій, яже достижнаа намъ вовбраженіа
предлагають безвообразныхъ и превышеестествен-
ныхъ позорвѣ: но якъ и сіе Таинственнымъ Слове-
самъ, л п ответенн й шо есть, еже тайными и
Сщенными гаданми, сокрывати, и неприст пн
мнѣз м ъ творити, (τὸ δι' ἀπορήτων καὶ ἱερῶν
αἰνυμάτων ἀποκρύπτεσθαι, καὶ ἄβατον τοῖς πολλοῖς
τιθέναι) Сщенн ю и тайн ю Міропревышшихъ
Оумвѣ истин » [Иже во святых Дионисия Ареопаги-
та, л. 4об.].

Как мы видим, в переводе Паисия сохраняется такая традиционная форма, как субстантивированный инфинитив – неопределенная форма глагола в сопровождении кальки греческого члена, не имеющего никакого значения для славянского языка, кроме отсылки к первообразу.

Другие черты традиционного церковнославянского в его переводе можно отметить и вне сравнения с греческим: членные формы причастия типа *ла*, старые падежные формы множественного числа (например, творительного: *о азы, ч ы*) и т. д.

Пословный перевод не подразумевает непрямого буквализма. Главное, как мы уже отметили, что для переводчика будет идеальным образом оригинала. В данном случае таким образом является, несомненно, славяно-книжный стандарт, выработанный традицией. Эта традиция тоже не отличалась буквализмом, например, всегда позволяла сложные слова передавать простыми и наоборот (что мы можем наблюдать даже в самых формально точных переводах), так что подобного вида соответствия, как мы увидим в следующем фрагменте текста Величковского, являются ее продолжением (где *Св то астав ка* соответствует греческому двусловному причастию τοῦ φωταγωγοῦντος, а словосложение *Та оу ч тела* – простому причастию от глагола μυέω – ‘посвящать в таинства, учить’): *овы w Мi о е вы а w*
в іа етв о, аче w ы а w
Св то астав ка, Та оу ч тела т е уе
(ἐτέρου τοῦ φωταγωγοῦντος, τοῦ μυοῦντος

δεόμεθα) [Иже во святых Дионисия Ареопагита, л. 44об.].

В целом, все эти особенности не разрушают общего принципа пословности и формируют ту самую картину стандартного церковнославянского, о которой мы говорили.

Перевод другого церковного деятеля той эпохи, Моисея Гумилевского, также представляет собой пример пословного перевода, но при всей нагруженности традиционными словосложениями и общим соответствием греческому оригиналу труд Гумилевского воспринимается как духовный язык нового типа. Прежде всего это достигается за счет русского синтаксиса.

Приведенный выше фрагмент из первой главы трактата [Sancti Dionysii Areopagitae, col. 121] Гумилевский перевел следующим образом:

Для се о ве ов ое о ое Свя е оч іе у о-
стов свят ее а е Свя е о ачал ствіе,
ыт о о ы і ы еес ы
Свя е о ачал ствіа , о ыя еве естве ыя
Свя е о ачал ствіа ве естве ы з ака
о азовател ы сло е іа азл ч о е-
став ло, что ы ы, о с аз ост свое с
, от свя е с о азов к о-
сты е зо аз тел ы возве е іа
о о іа воз ол с я [Святого Дионисия Арео-
пагита..., с. 10].

Лексическое наполнение этого перевода (учитывая словообразовательную вариативность) практически совпадает с переложением Паисия Величковского, но синтаксическое построение и сжатость изложения у Гумилевского переводит его текст из традиционного церковнославянского регистра как минимум в смешанный, или «славенороссийский».

То же самое можно сказать и о построении второго из приведенных выше отрывков: синтаксис становится русским, исчезает субстантивированный инфинитив, который был в данном случае чистой калькой с греческого, отдается предпочтение падежным формам множественного числа на -а , -а , -а : И о что ав е о
су ества ез зо аз тел ыа о аза , е-
аче та е ыа аче та іа е ставле ы, то-
у в ою е ло т о о е толко а у
сла ост , е о у ую ез ос е стве о вос о-
ст ет ся к у ов ы у оз іа те у ю-
ую лч ы соестестве ы се
возво е і, кото ыа ы, ч ез
в ст тел ыа а зо а е іа, вос е ял
ас к е зо аз тел ы е естестве-
ы созе ца іа ; о что та стве ы
словеса вес а сто о ез ла ола ы
свя е ы зав са зак ы ват , е сту -
ою ля о сты тво т свя е ую та -

стве ую е і ы у ов ст у [Святого Дионисия Ареопагита, с. 16–17].

Нужно отметить, что субстантивированный инфинитив не полностью уходит из перевода Гумилевского, но применяется в нем исключительно в терминологической функции, ср.: *Что е е О о ест ачало в а су етво ая всяче-ск , е аз у а о су еств еы ва іа тве , от кое о е е ыт , е е ла о ыт* (καὶ τὸ εἶναι, καὶ τὸ εἶναι), *са ы ве ов ы с ла а еся* [Там же, с. 84].

Так же и членное церковнославянское причастие в именительном падеже: в авторском тексте исчезает, но сохраняется в библейских цитатах: *с о я от Отца св тов* [Там же, с. 8].

В переводе Гумилевского обнаруживаются и яркие русские черты, например, адъективные формы мужского рода на -о : *е во [с осо] озо т , сколько о о, чез с о стве-ыяс свя е ы ве а зо а е іа...* [Там же, с. 17]; *Ка о уо Свя е о ачал ч еска-о уч е е іа ч о свое в ст тел ост возво т ся к о естве о у со ств ію...* [Там же, с. 31].

Таким образом, возникает некая языковая формация, которую можно назвать по традиции гибридным церковнославянским, но гибридность эта неотделима от процесса самоидентификации церковнославянского языка в то время и привязана к жанру: духовная литература не так легко расставалась со «славенским» или «славенским диалектом», как его тогда называли, – труднее, чем другие книжные типы текста. Основной чертой «славенского диалекта» современники видели особый лексический фонд: так и у Гумилевского лексическое наполнение остается славянским, а грамматическая реализация – уже русская. В сущности, принцип пословного перевода и у него остается в действии, но результат уже иной, так как формируются иные представления о стандарте языка духовной литературы. Кстати, эти стандарты сохраняются и до нашего времени, формируя конфессионально обусловленный идиостиль, оформляющий подобного рода тексты.

Два перевода, которые мы рассмотрели, показывают нам две потенции развития языка духовной литературы, одна из которых была реализована, а другая осталась фактом языковой истории. Но есть еще и третий перевод, который вносит некий хаос в эту почти идеальную картину реализации потенциального двуязычия (церковнославянский – для богослужения, славянизированный русский – для высокого книжного стандарта), демонстрируя разрушение пословности как ведущего метода, доказывая, что процесс

становления стандарта был многомернее и драматичнее, чем могло показаться, если бы мы ограничились только первыми двумя текстами.

Вот, например, уже знакомый нам отрывок из первой главы трактата в обсуждаемом анонимном переводе: *Те е евое о ое с~ е ы та уставле е с~т е с~ е о ачале а е ~ естве а о ~ с ы с~ е о ачалі о а а я су ыт осто , с~ е о ачал я е е всяческ еве естве а еку ыт т лес ы зо а е і азл ч ы о азы аз ел в е а е, а с~ е ы о ы зо а е і, к осты езо аз ы о ве е т ю о о ю о сле а е возвы ае ся* [Книга Блаженного Дионисия Ареопagitа, л. 10б.]

Мы наблюдаем в нем следующее интересное явление: почти все лексические единицы греческого текста находят перевод в славянском, но редко когда без каких-либо модификаций (типа *τῆς τῶν οὐρανίων ἱεραρχιῶν ὑπερκοσμίου μνῆσεως* – *~ с ы с~ е о ачалі о а а я*). Тут встречаются либо синтагменные и основны метатезы (*Те е евое о ое с~ е ы та уставле е с~т е с~ е о ачале а е...* – *Διὸ καὶ τὴν ὁσιωτάτην ἡμῶν ἱεραρχίαν, ἣ τελετάρχης ἱεροθεσία*), либо избыточная экспликация внутренней формы греческого слова (*ἄξιωσασα* – *су ыт осто*), грамматически неверный и оттого лишенный смысла перевод (*εἰρημένας* ‘вышеназванные’ – *еку ыт*), смысловой, но не буквальный перевод (*ὑπερκοσμίου* – *б~ естве а о*, *μορφωτικαῖς συνθέσεσι* – *азл ч ы о азы*, *ὅπως ἀναλόγως ἡμῖν αὐτοῖς* – *о сле а е*), который иногда сочетается с расширением текста, уже не зависящим от греческого оригинала (*к осты езо аз ы о ве е т ю о о ю* – *ἐπὶ τὰς ἀπλᾶς καὶ ἀτυπώτους ἀναγωγὰς καὶ ἀφομοιώσεις*).

Если последовательно применять теорию образа в отношении перевода, то этот эксперимент представляет собой мутное стекло (по известному выражению апостола Павла), через которое только угадываются черты греческого текста и которое затуманивает общий смысл. Нарушается единство обозначаемого и обозначающего при передаче оригинала, то есть сама суть пословного метода. Если переводчик и стремился передать какой-то образ оригинала, то в его восприятии греческий трактат был нацелен на сокрытие священного, что он и воплощал разными способами в своем переводе (если не предположить, что он порой действительно не понимал смысл переводимого). Создается впечатление, будто он ставил перед собой задачу уместить в своем тек-

сте все соответствия греческим словам, но соответствиями они были весьма условно и расположены в тексте независимо от оригинала.

Тем самым разрушались связи греческого и церковнославянского, который был «греческим, переодетым в славянские одежды». Утрата этой связи была исторически неизбежна, однако, пока сохранялся славяно-книжный стандарт, он был ориентиром и для переводной, и для оригинальной книжности конфессиональной сферы. Но в XVIII веке, когда в языковой ситуации наметились тектонические сдвиги, роль греческого как языка-образца нивелировалась, так что, оказавшись без этой идеологической поддержки, церковнославянский в итоге остался только в той сфере, где вольности перевода не могли приветствоваться (язык богослужения), в остальном преобразаясь в несущую конструкцию высокого стиля. На примере разных переводов одного и того же текста, произведенных примерно в одно и то же время, этот процесс представлен во всех своих нюансах.

Статья написана в рамках совместного проекта с Институтом славистики университета Галле-Виттенберг, поддержанного фондом Александра фон Гумбольдта: «Говорить с Богом и о Боге: язык христианской мистики 18-го века: между церковнославянским и русским».

Список литературы

- Була Д. М. Древняя Русь // История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. Т.1. Проза. СПб.: Дм.Буланин, 1995. С. 17–73.
- Ие во святы Д о с я А ео а та о Небесном Священноначалии. ГИМ, Симон. собр. № 5. 45 л.
- К а Бла е а о Д о с я А ео а та к Тимофею Епископу о Небесном Священноначалии. РГБ, Музейное собр. (ф. 178) № 1345. 25 л.
- Н колаева Н. Г. Славянские Ареопагитики: Лингвистическое исследование. Казань: Казан. гос. ун-т, 2007. 184 с.
- Свята о Д о с я А ео а та о Небесной Иерархии, или Священноначалии. М., 6 / и, 1786. 107 с.
- Толсто Н. И. История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988. 240 с.
- Issatschenko A. Mythen und Tatsachen über die Entstehung der Russischen Literatursprache // Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse Sitzungsberichte, 298. Band, 5. Abhandlung; Veröffentlichungen der Kommission für Linguistik und Kommunikationsforschung, Heft 3. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1975. 52 S.
- Sancti Dionysii Areopagitae De Coelesti Hierarchia // Patrologia Graeca. Т. III. Paris, 1857. Col. 119–370.

References

Bulanin, D. M. (1995). *Drevniaia Rus'* [Ancient Russia]. *Istoriia russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury: Drevniaia Rus'. XVIII vek. T. 1. Proza*. Pp. 17–73. St-Petersburg, Dm. Bulanin. (In Russian)

Issatschenko, A. (1975). *Mythen und Tatsachen über die Entstehung der Russischen Literatursprache*. [Myths and Facts about the Origin of the Russian Literary Language]. Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse Sitzungsberichte, 298. Band, 5. Abhandlung; Veröffentlichungen der Kommission für Linguistik und Kommunikationsforschung, Heft 3. 52 p. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. (In German)

Izhe vo sviatykh Dionisiia Areopagita o Nebesnom Sviashchennonachalii. [Of Saint Dionysius the Areopagite Celestial Hierarchy]. 45 p. Gosudarstvennyi Istoricheskii Muzei. Simonovskoe sobranie, No. 5. (In Russian)

Kniga Blazhennago Dionisiia Areopagita k Timofeiu Episkopu o Nebesnom Sviashchennonachalii. [The Book of Beatific Dionysius the Areopagite to Bishop Timotheus about Celestial Hierarchy]. 25 p. Rossiiskaia gosudarstvennaia biblioteka, Muzeinoe sobranie, fond 178, No. 1345. (In Russian)

Nikolaeva, N. G. (2007). *Slavianskie Areopagitiki: Lingvisticheskoe issledovanie*. [Slavonic Areopagitica: Linguistic Research]. 184 p. Kazan', Kazanskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)

Sancti Dionysii Areopagitae (1857). *De Coelesti Hierarchia* [Celestial Hierarchy]. Col. 119–370. Patrologia Graeca. T. III. Paris. (In Ancient Greek)

Sviatago Dionisiia Areopagita o Nebesnoi Ierarkhii, ili Sviashchennonachalii (1786) [Of Saint Dionysius the Areopagite Celestial Hierarchy]. 107 p. Moscow, b/i. (In Russian)

Tolstoi, N. I. (1988). *Istoriia i struktura slavianskikh literaturnykh iazykov* [History and Structure of Slavic Literary Languages]. 240 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 20.02.2021

Поступила в редакцию 20.02.2021

Николаева Наталия Геннадьевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский государственный медицинский
университет,
420012, Россия, Казань,
Бутлерова, 49А.
eulen@mail.ru

Nikolaeva Nataliya Gennadiievna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan State Medical University,
49A Butlerov Str.,
Kazan, 420012, Russian Federation.
eulen@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-100-106
УДК 811.512.001.5

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСЕМЫ
УЛУГ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ МАХМУДА БУЛГАРИ
«НАХДЖ АЛ-ФАРАДИС» (XIV в.))**

© Фануза Нуриева, Ильвира Галиулина

**FUNCTIONAL AND SEMANTIC FEATURES OF THE LEXEME ULUG
(BASED ON THE WORK OF MAHMUD BULGARI “NAHJ AL-FARADIS”
(THE 14th CENTURY))**

Fanyza Nurieva, Ilvira Galiulina

The main purpose of this article is to describe the semantic aspects of the lexeme *Ulug*, found in the Arabographic medieval Turkic-language monument “Nahj al-Faradis” by Mahmud Bulgari, which is of particular value for the history of Tatar linguistics. The relevance of the study is due to the lack of research devoted to the semantic and stylistic features of Mahmud Bulgari’s work. A contextual analysis and comparative method enabled us to show the grammatical and lexical features of the polysemous word *Ulug* in a diachronic sense and to identify the frequency phrases with the determinative *Ulug*. The research is based on the authoritative lexicographic sources and the Istanbul manuscript of “Nahj al-Faradis” rewritten in 1360. This article traces and describes the narrowing of meaning of the word *olug* in the modern Tatar language in comparison with the lexeme found in the manuscript “Nahj al-Faradis”. It was established that the manuscript contains both traditional meanings of the lexeme *Ulug* and the meanings that have an individual authorial semantics, some of them are used only in the work of Mahmud Bulgari. Further development of the topic is seen in the comparison of “Nahj al-Faradis” polysemantic lexemes with their equivalents in the modern Tatar language, which will make it possible to see the features of the Turk-Tatars’ world perception in the Middle Ages.

Keywords: “Nahj al-Faradis”, Mahmud Bulgari, lexeme, functioning, *olug*, determinative, Golden Horde.

Основной целью данной статьи является описание семантических аспектов лексемы *улуг*, функционирующей в арабографичном средневековом тюркоязычном памятнике «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда Булгари, представляющем особую ценность для истории татарского языкознания. Актуальность исследования обусловлена отсутствием научных трудов, посвященных изучению семантико-стилистических особенностей произведения Махмуда Булгари. При помощи контекстуального анализа и сравнительно-сопоставительного метода были раскрыты грамматические и лексические особенности многозначного слова *улуг* в диахроническом плане, отмечены частотные словосочетания с детерминативом *улуг*. Материалом для исследования послужили авторитетные лексикографические источники и стамбульская рукопись «Нахдж ал-Фарадис», переписанная 1360 году. В данной статье прослеживается и описывается сужение значения слова *олуг* в современном татарском языке по сравнению с лексемой, функционирующей в рукописи «Нахдж ал-Фарадис». Установлено, что в рукописи зафиксированы как традиционные значения лексемы *улуг*, так и значения, имеющие индивидуально-авторский смысл, некоторые из которых употреблены лишь в тексте Махмуда Булгари. Перспективы развития темы видятся в дальнейшем сопоставлении многозначных лексем «Нахдж ал-Фарадис» с эквивалентами современного татарского языка, что позволит установить особенности мировосприятия тюрков-татар Средневековья.

Ключевые слова: «Нахдж ал-Фарадис», Махмуд Булгари, лексема, функционирование, *олуг*, детерминатив, Золотая Орда.

Активные процессы глобализации ставят определенные задачи перед современными филологами. Обозначившаяся тенденция решения общетеоретических вопросов языкознания с точки

зрения таких парадигм науки о языке, как антропоцентризм, экспланаторность, неофункционализм, экспансионизм, обусловлена междисциплинарностью лингвистического анализа. В то же

время возрастает интерес к исследованию национальной специфики художественных произведений, которые предоставляют информацию об изменении и развитии языка.

На наш взгляд, особого внимания заслуживает изучение лексики тюркоязычных произведений с точки зрения вышеуказанных парадигм лингвистики. «Для многих современных лингвистических школ характерно понимание семантики как особого компонента полного описания языка, которое в свою очередь мыслится как формальное устройство, моделирующее языковое поведение людей. Чтобы составить себе представление о модели языка в целом и о ее семантическом компоненте в особенности, необходимо уяснить, из каких умений складывается тот феномен, который называется «языковое поведение», «владение языком» и т. п.» [Апресян, с.11].

В настоящей статье анализу подвергнуто многозначное слово *улуг*, функционирующее в средневековом произведении «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда Булгари (далее – НФ). Актуальность исследования обусловлена тем, что, несмотря на большое количество научных трудов, посвященных изучению языка этой рукописи, семантические и стилистические особенности лексической системы произведения Махмуда Булгари изучены недостаточно, функционирующие лексемы требуют дальнейшего рассмотрения с целью декодирования мировоззрения и мировосприятия золотоордынских тюрков.

Материалом исследования является арабиграфический текст «Нахдж ал-Фарадис», переписанный в 1360 году [Булгари]. В качестве источников исследования привлекались словари: «Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века» Э. Фазылова [Фазылов], «Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные» Э. В. Севортяна [Севортян], «Древнетюркский словарь» (далее – ДТС) [ДТС] и ряд других.

Объектом исследования является функционирование лексемы *улуг* в тексте «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда Булгари.

Цель исследования – выявить функциональные особенности лексемы *улуг* с точки зрения семантико-стилистических и лингвистических характеристик.

Задачи, поставленные в данной статье, определили выбор методов и приемов. В работе используются описательно-аналитический метод, включающий приемы наблюдения, сопоставления, обобщения, приемы контекстуального и элементы компонентного анализов.

1. Семантические особенности лексемы *улуг*

По своим общим морфологическим свойствам *улуг* – имя прилагательное. В современных толковых словарях татарского языка (для сравнения взяты словари 1979 и 2005 гг.) слово *олуг* имеет следующие значения: *олуг*, являющееся прилагательным, имеет значения «великий», «большой», «старший». Зафиксировано также существительное *олуглык* – ‘величие’ и глагол *олуглау*, переводимое как ‘почитать, уважать’ [ТТАС 1, с. 467], [ТТАС 2, с. 396]. Указанные слова имеют стилевую помету – книжное слово. К каждой указанной лексеме можно подобрать и синонимы.

В качестве примера приведем фрагменты словарных статей:

Олуг с. кит. 1. к. бөөк. *Олуг революциялар күп корбан таләп итәләр һәм күп корбан алалар. Ф. Әмирхан. Олуг ханым! Күп сугышлар өчен Бүләкләнде гаскәр башылыгы. Ф. Бураши.*

2. к. олы [Гыйльми:] *Сабыр, килен. Үгет-нәсихәтне тыңларга, олугларны санларга кирәк. Т.Гыйззәт. Авылда булачак зур үзгәреشلәр, тормышка ашырылачак олуг бурычлар турында Вәлиев – ишетеп белә иде инде. С. Рафиков.*

Олуглау ф. кит. *Ихтирам итү, хөрмәтләү, зурлау. – Рәхмәт, Түләк, мине олугладың. Н. Исәнбәт.*

Олуглык и. кит. *Зурлык, мәртәбәлек; олуг (1 мәгъ.) булу хәле. Һәр олуглар эшләгәнлектән олуглыкалар таба. Г.Тукай. – Кара әле, бабай, син бу көннарнең олуглыгын, шатлыклыгын сизәргә тиешсең. Ш.Усманов.*

Олуглыклы с. кит. *Мәһабәт, танталы. Айның диңгезгә төшкән шәүләсе җәңир белән күкне тоташтырган нур күпере шикелле һәм гәҗәп матур, һәм олуглыклы иде. Ф. Әмирхан [ТТАС 1, с. 467].*

Взяв за основу утверждение: «Значение слова – это та информация, которую несет отдельное слово как единица языка, ментальное содержание, вызываемое словом в сознании носителей языка» [Стернин, Саломатина, с. 6], проведем анализ словарных дефиниций лексемы *улуг* в диакроническом плане.

Значимыми источниками установления лексического значения, *улуг* являются «Древнетюркский словарь» (1969), «Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные)» Э. В. Севортяна, «Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века» Э.Фазылова. Вышеназванные труды предоставляют информацию о том, как план содержания исследуемой лексемы претерпевал изменения в процессе исторического развития языка.

1. Древнетюркский словарь составлен на основе накопленного в течение ряда десятилетий

словарного материала, извлеченного из памятников древнетюркской письменности VII–XIII вв., весьма разнообразных по своему характеру и содержанию, географической и исторической принадлежности [ДТС, с. 3].

В ДТС указаны следующие значения лексемы *улуз*: 1. большой, 2. старший, 3. великий, 4. сильный, громкий, 5. большой, высокий, 6. сильно, тяжело, 7. очень [Там же, с. 610].

2. В «Этимологическом словаре тюркских языков (общетюркские и межатюркские основы на гласные)» Э. В. Севортяна зафиксированы следующие значения: 1. большой, громадный; 2. великий (в разных значениях); 3. дородный, толстый, объемистый; 4. старший сын, повзрослевший, взрослый; 5. старый, пожилой; 6. сильный; сильно; тяжело, очень; 7. гордый, гордость; 8. безболезненный; 9. грозно-страшно-великий; страшный; 10. священный; 11. несведущий [Севортян, с. 593]. Примерами данные значения не подтверждаются, поскольку «словарь является первым в истории востоковедения трудом, в котором на материале всех современных тюркских языков (более 25), их диалектов и памятников, на основе новой методики историко-филологического анализа рассматривается происхождение обще- и межатюркских основ» [Там же, с. 2].

В словаре даётся этимология слова *улуз*. Э. В. Севортян не согласился с В. Бангом, выводившим форму *улуз* от *ul* – ‘основание, фундамент’, считая, что опереться следует на омоним *ul* – ‘большой, высокий’ [Там же, с. 594].

3. Для нашего исследования представляет ценность труд Э. Фазылова «Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века», поскольку именно в нем значение сопровождается презентацией функционирования лексемы фрагментами средневековых памятников, в том числе «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда Булгари.

В этом словаре фиксируются следующие значения лексемы *улуз*:

Улуз – большой, огромный, великий; см. *улу* *улуз чэрик бирлэ бар* – «иди с **большим** войском» < ... >; *эй бабам, сизиң казғуңуз көңлүмгә нә улуз асар қылды* – «о, отец, ваше горе очень **сильно** действовало на мою душу» < ... >; < ... > *жумла пайгамбарларның улуғы сән болгайсән* – «**великим** среди всех пророков будешь ты» < ... >; *Куфаның улуғлары кәлди* – «пришли **вельможи** Куфы» < ... >; *шайхның сөзи казика улуз асар қылды* – «слова шейха **сильно** действовали на судью» < ... >; ≈ *ата дед пайгамбар ‘аләйхи-сәләмнуң улуз атасы ‘Абдулмутталиб вақтында әрди* – «это было во времена Абдулмутталиба, **деда** пророка, мир ему» < ... >; ≈ *ана бабушка*

Хадича мәңизлик улуз анаң болса сәңә мунча зарилык тақы йағламақ қазғурмақ не кәрәк – «за-чем тебе горевать и плакать, коль у тебя бабушка Хадича» < ... >; ≈ *бол* – стать большим, увеличиться *бу қой йәлини улуз болды* – вымя этой овцы **стало большим**» < ... >; *Му‘аз бин Жабал атлығ сахабаны улуз қылды* – «сподвижника по имени Муаза бин Джабила **возвеличил**» < ... > [Фазылов, с. 436–437].

Таким образом, собранный фактический материал позволяет нам сопоставить лексические значения слова *улуз*, которые были зафиксированы в вышеуказанных словарях.

II. Функционирование лексемы *улуз* в тексте «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда Булгари

1. Семантико-грамматические особенности

В «Нахдж ал-Фарадис» М. Булгари зафиксировано использование лексемы *улуз* в качестве прилагательного, существительного, глагола, наречия. Специфику ее функционирования подтвердим фрагментами, взятыми из стамбульской рукописи, переписанной в 1360 году¹.

А) Прилагательное. Наиболее частотное функционирование детерминатива *улуз* в значении «большой», «огромный», менее частотное – «великий» и «старый». Приведем примеры.

В значении «большой, огромный»:

... *йәрли көкли арасында бир улуз тәхт урулмыш, ул тәхт үзә Жәбраил ...* (9: 8) (здесь и далее разрядка наша – Ф. Н., И. Г.). – ... *между небом и землей огромный трон, на котором сидел Джабраил ...* (здесь и далее перевод наш – Ф. Н., И. Г.)

Жәмлә сәхабәләр бу хандақны қазар әрди, улуз таи чықты (28: 5). – *Все сподвижники копали эту траншею, показался большой камень.*

... *мөбәрәк әлгинкә бир улуз балта алды* (30: 3). – ... *в благословенные руки взял большой топор.*

Сизләрни улуз қабилә тәқый кичиг қабилә қылдым (51: 12). – *Создал вас большим племенем и маленьким племенем.*

В значении «великий»:

Хақ Тәгалә мәним үзә нәмә улуз лотфлар тәқый кәрәмләр қылып турур ... (36: 17). – *Истинный (Хак) окажет мне великие милости и почести ...*

... *жәмлә пәйгамбәрләрниң улуғы сән болгайсән* (9: 1). – ... *из всех пророков ты будешь самым великим ...*

¹ Далее в скобках первое число обозначает страницу рукописи, второе число – строку, откуда взят иллюстративный материал из «Нахдж ал-Фарадис».

В значении «старый, пожилой»:

Таиф илиндә бир абуиқа бар әрди, Дүрәйд атлығ, улуг йашлығ, йүз йәғирми йашайур әрди, көзи көрмәз әрди ... (69: 16). – В стране Таиф жил один старец по имени Дурайд, с т а - р ы й, сто двадцать лет прожил, глаза ослепли.

Биз икәгү нарәсидә турурмыз тәқый сиз улуг йашлығ турурсыз ... (171: 16). – Мы двое являемся детьми, вы уже в пожилом возрасте ...

Б) Существительное.

Прилагательное *улуг* в тексте субстантивируется, принимает признаки имени существительного: *старейшина, вельможа, правитель, глава*:

Әбу Суфийан ким Мәккәниң улугы әрди (39: 14). – Абу Суфийан был гла во й Мекки.

Мәккәниң улугы Ғабдул-Мотталиб әрди (42: 4). – Старейшиной Мекки был ‘Абд ал-Муталлиб.

Мәдинә ичиндә жәмлә улуг кәчиг қазғуруп йығладыла (104: 7). – В Медине все взрослые и молодые плакали.

Мәккәниң улуглары иттифақ қылып торурлар (44: 7). – Старейшины Мекки договорились.

Жәмлә Мәдинәниң улуглары тәқый мө’минләри арзу қылу әрдиләр ... (24: 13). – Все старейшины Медины и мусульмане мечтали ...

Прилагательное *улуг* с препозитивным использованием (*улуг* + имя) может иметь значение:

«дед»:

... мәним атам Ғабдул-Мотталиб сәниң тәқый улуг атаң турур (14: 13). – ... мой отец ‘Абд ал-Муталлиб является твоим д е д о м.

Пәйгамбәр ғаләйһи әс-сәламнүң улуг атасы Ғабдул-Мотталиб уақтында әрди, пәйгамбәрдин қырқ йыл уза әрди (5: 4). – Это были времена де да ‘Абд ал- Муталлиб, Пророка, мир ему, за сорок лет до Пророка, мир ему;

«бабушка»:

Хәдичә мәңизлиг улуг анаң болса, сәңа мунча зарилық тәқый йығламақ, қазғурмақ ни кәрәк? (176: 13-15) – У тебя есть такая ба бу ш ка, как Хадича, зачем тебе надо так страдать, плакать, горевать?

«фурункул»:

Тәни шәйди тәқый башындин азақынға тәғи улуг ба ш л а р чықты (345: 16). – Тело опухло, с головы до ног покрывся фу ру н ку л а м и.

Аффикс *-лық, -лик*, присоединяясь к основе *улуг*, образует существительное *размер*:

Ақ қушлар турур, улуглықы қарлугач әндазасынча (43: 1). – Эти белые птицы были размером сласточку.

Бу қушнүң улуглуқы ни миқдар әрди? (43: 7) – Какого ра з м е р а были эти птицы?

В) Глагол.

Глаголы, образованные при помощи аффиксов *-ла, -сын*, присоединяющихся к основе *улуг*, обозначают действие со значением «возвеличить»:

Раббуңны улуглагыл (9: 13). – Возвеличивай своего Господа.

... ул қул ким халаиқ ұза улугсынғай (376: 12). – ... этот раб ведёт себя высокомерно слюдьми .

Также отмечены сложные глаголы, образованные из прилагательного *улуг* и вспомогательных глаголов *бол-, турур-*:

...бу қой мундағ сәмүрди ким көрәрсән тәқый йәлини улуг болды ... (22: 17). – ... эта овца ожирела, вымя овцы увеличилось ...

Йәнә бир қайм көрдүм қарынлары инкән улуг турур (67: 7). – Еще увидел одно племя, это были люди с огромными животами.

Хақ Тәғаләниң қодраты улуг турур (99: 7). – Воля Всевышнего всемогуща .

Г) Наречие в значении «очень», «сильно»:

Шәйхниң сөзи қазига улуг әсәр қылды... (246: 12). – Слова шейха сильно подействовали на судьбу ...

2. Функционально-семантические особенности

В «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда Булгари лексема *улуг* функционирует во фрагментах о семейно-родственных и общественных отношениях.

Во фрагментах об общественных отношениях встречается больше высказываний, содержащих словосочетание с детерминативом *улуг*.

При повествовании об общественных отношениях употребление словосочетаний с *улуг* можно разделить по следующим сферам:

а) наименование лица в сфере религиозных отношений;

б) наименование лица в сфере политических отношений;

в) наименование лица в сфере науки.

К подгруппе «Наименование лица в сфере религиозных отношений» относим словосочетания: *улуг сахаба* – ‘старший сподвижник’, *тәрсәләр улуглары* – ‘христианский вельможа’, *улуг кәфер* – ‘старший иноверец’.

Часто встречающейся лексемой является слово *сахаба* – ‘сподвижники, современники Мухаммеда’. В «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда Бул-

гари употребляется словосочетание *улуғ сахаба*, буквально переводимое ‘старший сподвижник’:

Мән аңар үкүш хөрмәтләр қылурын улуғ сахаба тип (128:10). – Я ему оказываю большие почести как старшему сподвижнику.

... *Йә Кәғбүл-Әхбәр, өзи улуғ сахабалардин турур, нәгәһ мундин бу иш кәлди* (129:10). – ... *Йа Кәғбүл Ахбар, он является одним из старших сподвижников, как он мог совершить этот поступок.*

Фатима, сини мунча улуғ сахабаларниң оғланлары арзулуғ турур әрдиляр (160: 12). – *Фатима, на тебя хотели жениться сыновья старших сподвижников.*

В памятнике встречается также словосочетание *тәрсәләр улуғлары*:

... *жәмлә батриқларны, тәрсәләр улуғларыны йығды тәқый айды...* (80: 5). – ...*собрал всех патриархов, христианских вельмож и сказал...*

В этом предложении словосочетание *тәрсәләр улуғлары* переводится дословно как ‘старшие христиане’, но в христианской религии для обозначения духовного лица употребляется лексема ‘вельможа’. Приведем пример:

Әй батриқлар, әй улуғлар, жәмлә иттифақ (8) қылып, ул Әхмәдкә иттибағ қылаһың дөһиямыз тәқый абадан болгай (80: 9) – *Патриархи, вельможи все, договорившись, повинуйтесь этому Ахмеду, наша жизнь станет благочестивой ...*

Кроме того, в языке памятника встречается часто функционирующая лексема *кәфр* в словосочетании *олуғ кәфр*, буквально переводимое ‘старший иноверец’:

Тәқый кәфрләрниң улуғы Нәмруд әрди (216:7). – *У иноверцев был старший Намруд.*

К подгруппе «Наименование лица в сфере политических отношений» выделяем словосочетания *Мәдинә улуғы* – ‘старейшины Медины’, *Мәккәнең улуғы* – ‘старейшины Мекки’:

Жәмлә Мәдинәниң улуғлары тәқый мө’минләри арзу қылуғ әрдиляр, болгайму тәўәси бизиң қапуғда чөккәймү тип (24:12). – *Все старейшины Медины желали, чтобы он оставался около них, но верблюд не приседал, всех обходил.*

Қачан ким Мәккәгә йаўудылар әрсә, Мәккәниң улуғы Ғабдул-Мотталиб әрди (42: 3). – *Когда они приблизились к Мекке, старейшиной Мекки был Габдул-Моталип.*

Әбу Суфийан ким Мәккәниң улуғы әрди (13:39). – *Абу Суфьян был старейшиной Мекки.*

...*барды Мәккәниң улуғларына көргән әхўәлләрини жәмләсини айды* (45:3). – *Пошел к старейшинам Мекки, рассказал об увиденной ситуации.*

К подгруппе «Наименование лица в сфере науки» относим словосочетания: *улуғ галим* – ‘великий, знаменитый ученый’.

Әбу Хәнифә олтурмыш әрди Күфәниң улуғ галимләри бирлә (188:10). – *Абу Ханифа сидел с великими учеными города Куфы.*

Халифә улуғ галимләрдин дәрхост қылды (219:17). – *Халиф обратился с просьбой к великим ученым.*

В «Нахдж ал-Фарадис» во фрагментах о семейно-родственных отношениях мы могли наблюдать употребление прилагательного *улуғ* для обозначения предков (дед и бабушка). В данном случае употребляются те же термины, что и для родителей (*ата* и *ана*), с прибавлением определения *улуғ* – ‘старший’: *улуғ ата*, *улуғ ана*, буквально переводимые ‘старший отец’ и ‘старшая мать’:

Пәйгамбәр улуғ атасы қатында турур әрди, (4: 15). – *Пророк жил с дедом.*

...*улуғ атаң Ибраһим пәйгамбәрни Нәмруд бәласиндин қотғармыш* (356: 13). – ...*твоего деда пророка Ибрагима спас от злодеяний Намруда.*

Известный этнограф Н. В. Бикбулатов отмечает, «что в прошлом у тюркоязычных народов Средней Азии, Сибири, Урала и Поволжья женатые сыновья обычно не отделялись от родителей, а продолжали жить с ними одним хозяйством, в результате чего семья как социально-экономическая ячейка общества, как правило, включала три и более поколения. Отмеченная особенность систем родства является одним из свидетельств широкого распространения у тюркоязычных народов в прошлом большесемейных коллективов, которые возглавлялись представителями старшего поколения» [Бикбулатов, с. 370].

В большинстве примеров прилагательное *улуғ* находится в препозиции: *олуғ галим*, *олуғ ата*, *олуғ ана*, однако в словосочетании *Мәдинәнең улуғлары*, *Мәккәнең улуғы* характерна постпозиция, так как в этих словосочетаниях *улуғ* выступает в качестве субстантивированного прилагательного.

Большая часть словосочетаний, содержащих лексему *улуғ*, переводится на русский язык словом *старший* или *старейший*, *великий*. Лишь словосочетание *тәрсәләр олуғлары*, адаптируясь к литературной норме русского языка, следует переводить как ‘христианские вельможи’.

Таким образом, в языке средневекового тюркоязычного памятника «Нахдж ал-Фарадис»

Махмуда Булгари актуализируются как традиционные значения лексемы *улуг*, зафиксированные в лексикографических источниках древнетюркского периода и современного татарского языка, так и значения, имеющие индивидуально-авторский смысл. Лексема *улуг*, относящаяся к древнетюркскому лексическому фонду, в языке памятника сохранила фонетический и морфологический состав формы и исходную семантику: *большой, великий, старший*.

Язык «Нахдж ал-Фарадис» как памятника Золотой Орды непосредственно отражает этнические особенности мировосприятия тюрко-татар. Сопоставление многозначных языковых единиц, функционирующих в произведении Махмуда Булгари, с лексемами современного татарского языка позволит восстановить культурно-когнитивный фон формирования лексики и осветить современное использование номинативных единиц.

На наш взгляд, исследование функционально-семантических особенностей определенной лексемы значимых тюркоязычных произведений позволит выявить эволюционирование модели языкового поведения, универсальные и репрезентативные признаки как самостоятельных единиц того или иного языка, так и компонентов словосочетания, показывающих фрагменты картины мира.

Перспективы развития темы видятся в дальнейшем комплексном анализе лексики «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда Булгари.

Список использованных сокращений

НФ – «Нахдж ал-Фарадис»
ДТС – Древнетюркский словарь
ТТАС1 – Татар теленең аңлатмалы сүзлеге (1979)
ТТАС2 – Татар теленең аңлатмалы сүзлеге (2005)

Список литературы

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 472 с.

Бикбулатов Н. В. Система родства у тюркоязычных народов и проблема большой семьи // Проблемы современной тюркологии. Алма-ата: Наука, 1980. С. 369 – 372.

Булгари Махмуд Нахдж ал-Фарадис. Путь в рай. М.: Исламская книга, 2019. 320 с.

Древнетюркский словарь. Ленинград: Наука, 1969. 676 с.

Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974, 768 с.

Стернин И. А., Саломатина М. С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: «Истоки», 2011. 150 с.

Фазылов Э. И. Староузбекский язык. Хорезмские памятники XIV века. Том 2. Ташкент: ФАН, 1971. 777 с.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан: «Матбугат йорты» нәшрият, 2005. 848 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан: «Татарстан китап нәшрият», II том, 1979. 726 б.

References

Apresian, Yu. D. (1995). *Izbrannye trudy. Leksicheskaia semantika* [Selected Works. A Lexical System]. Tom 1. 472 p. Moscow, Shkola "Iazyki russkoi kul'tury". (In Russian)

Bikbulatov, N. V. (1980). *Sistema rodstva u tiurkoiazыchnykh narodov i problema bol'shoi sem'i* [The System of Kinship among the Turkic-speaking Peoples and the Problem of a Large Family]. *Problemy sovremennoi tiurkologii*. Pp. 369–372. Alma-ata, Nauka. (In Russian)

Bulgari, M. (2019). *Nahdzh al-Faradis. Put' v rai*. [Nahj al-Faradis. The Path to Paradise]. 320 p. Moscow, Islamskaia kniga. (In Russian)

Drevnetiurkskii slovar' (1969) [Ancient Turkic Dictionary]. 676 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

Sevortian, E. V. (1974). *Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov. Obshhetiuurkskie i mezhtiuurkskie osnovy na glasnye* [Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common Turkic and Inter-Turkic Vowel Stems]. 768 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Sternin, I. A., Salomatina, M. S. (2011). *Semanticheskii analiz slova v kontekste* [A Semantic Analysis of a Word in Context]. 150 p. Voronezh, Istoki. (In Russian)

Fazylov, Je. I. (1971) *Starouzbekskii iazyk. Horezmiiskie pamiatniki XIV veka* [Old Uzbek Language. Khorezm Monuments of the 14th Century]. Tom 2. 777 p. Tashkent, FAN. (In Russian)

Tatar teleneң aңlatmaly syzlege (2005) [Explanatory Dictionary of the Tatar Language]. 848 p. Kazan, Matbugat iorty nәshriaty. (In Tatar)

Tatar teleneң aңlatmaly syzlege (1979) [Explanatory Dictionary of the Tatar Language]. II tom. 726 p. Kazan, Tatarstan kitap nәshriaty. (In Tatar)

The article was submitted on 19.02.2021
Поступила в редакцию 19.02.2021

Нуриева Фануза Шакуровна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
fanuzanurieva@yandex.ru

Галиулина Ильвира Рафаиловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
galiulinailvira@mail.ru

Nurieva Fanuza Shakurovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
fanuzanurieva@yandex.ru

Galiulina Ivira Rafailevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
galiulinailvira@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-107-113
УДК 81'272

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ В СМИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

© Наиля Нурутдинова

FUNCTIONING OF REGIONAL LANGUAGES IN THE MEDIA (THE CASE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

Nailya Nurutdinova

This paper is a study at the junction of two current trends in modern linguistics, media linguistics, aimed at studying the linguistic features of mass media, and sociolinguistics, which studies the social nature of language and problems of the language preservation and development. In the context of the modern dynamic development of media corporations and global culture, of special importance is the relationship between the linguistic and social nature of language and their influence on the implementation of the functions of regional and minority languages. This paper deals with the functioning of the Tatar language in the regional media. The aim of the research is to analyze the decreased use of regional languages in the media due to linguistic changes in the modern Tatar regional media. The subject of the study is the current trends of the lexical units' functioning in the texts of Tatar printed and electronic publications. The paper identifies positive and negative aspects concerning the integration of new concepts, as well as the return to the old terminology, providing examples of lexical units that characterize modern texts of print-periodicals and highlighting the main areas of Tatar vocabulary replenishment.

Keywords: regional languages, media, language policy, minority languages, sociolinguistics.

Статья представляет собой исследование на стыке двух актуальных направлений современного языкознания: медиалингвистики, направленной на изучение языковых особенностей средств массовой информации (СМИ), и социалингвистики, изучающей социальную природу языка, в круг проблем которой входит сохранение и развитие языков. В условиях современного динамичного развития массовых информационных корпораций и глобальной культуры актуальным является вопрос связи лингвистической и социальной природы языка и степени их влияния на реализацию общественной функции региональных языков. В статье рассматривается проблема функционирования татарского языка в сфере региональных СМИ. Целью исследования является анализ снижения уровня присутствия региональных языков в массмедийном пространстве, обусловленного языковыми изменениями в современных татароязычных региональных печатных и электронных периодических изданиях. Предметом исследования являются современные тенденции функционирования лексических единиц в текстах татарских печатных и электронных изданий. В статье обозначены положительные и отрицательные аспекты интеграции новых понятий, а также возврата к старой терминологии; представлены примеры лексических единиц, характерных для современных текстов печатной периодики, выделены основные сферы пополнения лексического состава.

Ключевые слова: региональные языки, СМИ, языковая политика, языки меньшинств, социалингвистика.

В XX веке корреляционный характер языковых и социальных факторов, определяющих развитие языков, становится предметом исследования отечественных и зарубежных лингвистов. Особую актуальность данная проблема приобретает в период глобализационных процессов и информатизации, когда динамичное развитие международных информационных корпораций и агентств способствует уменьшению роли регио-

нальных СМИ и языков, на которых они функционируют.

Жизнеспособность языка обусловлена рядом факторов, таких как количество носителей конкретного языка, общественные сферы функционирования его, уровень языковой компетенции его носителей и др. В то же время важным показателем витальности языка является наличие двух взаимозависимых аспектов: лингвистического (комплекса внутренних языковых возмож-

ностей, языковых ресурсов, языковой структуры) и экстралингвистического, который проявляется в общественной функции языка, что непосредственно связано с жизнью его носителей.

О богатстве любого языка свидетельствует его словарный запас. Современные СМИ отражают явления, которые становятся актуальными, характеризуют конкретный период развития общества. Вербальным средством фиксации этих символов нередко становятся словообразовательные неологизмы, как общеязыковые, так и авторские.

Большинство исследователей придерживаются мнения о том, что СМИ могут способствовать принятию и быстрому распространению лексических элементов [Stuart-Smith, Timmins, с.179].

Ведь именно язык СМИ является кодом, той универсальной знаковой системой, посредством которой в индивидуальном и массовом сознании формируется картина окружающего мира [Добросклонская, 2008, с.10].

Основной объем речевой коммуникации приходится сегодня именно на сферу массовой коммуникации. Тексты массовой информации, или медиатексты, являются одной из самых распространенных форм современного бытования языка, а их совокупная протяженность намного превышает общий объем речи в прочих сферах человеческой деятельности [Добросклонская, 2005, с. 38].

Глобализация, появление новых технологий, политические, экономические, социальные, культурные и духовные перемены в жизни общества оказали влияние на лексический состав языка.

Мы считаем, что подобные изменения в языке сказываются и на его функциональной стороне, так как возможно явление дисбаланса между темпом языковых трансформаций и уровнем владения национальным языком пользователя, что правомерно назвать фактором, сдерживающим активность татароязычной аудитории в региональных СМИ.

Исследования относительно вопроса внутриязыковых изменений, проводимые с точки зрения диахронии, приводят исследователей к выводу о разнородности структуры татарского языка, вызванной активными процессами заимствования из русского и иностранных языков и нарушениями принятых языковых норм [Исхакова], [Шарыпова]. Так, по мнению Л. К. Байрамовой, вкрапление русскоязычной лексики в систему татарского языка связано со значимыми историческими событиями (революция, война, реформы в сфере образования, изменения в политической жизни страны, многонациональный состав региона) [Байрамова]. Г. Солганик подчер-

кивает предопределенность процесса влияния языка СМИ на систему определенного национального языка. Автор высказывает мнение о том, что «современный язык СМИ – сложное в структурном отношении образование, включающее в себя издания разного качества и достоинства. Язык многих из этих СМИ справедливо подвергается критике с нормативной точки зрения. Однако общий вектор воздействия на литературный язык, несомненно, позитивный» [Солганик, с. 15–16].

В данном исследовании мы предприняли попытку проанализировать тексты периодической печати татарских СМИ с точки зрения функционирования в них лексических единиц татарского языка. Анализ основан на изучении статей таких республиканских и городских газет, как «Шәһри Казан», «Ватаным Татарстан», «Матбугат.ру», «Интертат», «Шәһри Чаллы», «Юлдаш», «Акчарлак». По итогам анализа газетных статей как государственной, так и частной периодики отметим, что преимущественно лексический состав национального языка пополняется в связи с переменаами и событиями в таких сферах жизни республики, как:

1) общественно-политическая сфера: *илбаши* – глава государства (Матбугат.ру, 08.04.2019), *Дәүләт Уйлашмасы* – Государственная Дума (Юлдаш, 26.06.2019), *Сәвитләр Иле* – Советский Союз (Юлдаш, 22.11.2017), *һөнәриберлек* – профсоюз (Юлдаш, 21.08.2019);

2) экономическая сфера: *хисабәт* – счет, *төпсызым* – генплан (Юлдаш, 26.06.2019), *акчаханә* – банк, *акчалык* – банковская карта (Юлдаш, 21.08.2019), *сатмалык* – касса (Юлдаш, 01.05.2019);

3) правовая сфера: *канункүзәтче* – правоохранительный орган, *иҗтимагый хезмәт* – социальная служба, *кайтәрмаакча* – материальный ущерб (Юлдаш, 22.11.2017);

4) медицина: *билгеләмә* – диагноз, *авыру кенәгәсе* – больничный лист (Юлдаш, 22.11.2017), *шифамәтдә* – витамин (Юлдаш, 08.09.2018), *гәрип* – грипп (Юлдаш, 15.10.2016), *таҗлы вирус* – коронавирус (Шәһри Казан, 16.04.2020), *мәххәмә-табыйплык тикшерү* – судебно-медицинская экспертиза (Юлдаш, 21.08.2019);

5) транспорт: *куймалык* – парковка, стоянка для автомобилей (Юлдаш, 22.11.2017), *дәүләт теркәү билгесе* – государственный регистрационный (номерной) знак транспортного средства (Юлдаш, 23.08.2018), *баишаклагыч* – шлем (Юлдаш, 26.06.2019), *юлханә* – вокзал (Юлдаш, 08.09.2018), *балаутырмалык* – детское кресло (Юлдаш, 10.07.2019);

6) информационно-коммуникативные технологии: *киберҗинаять* – киберпреступление, *киберхәҗүм* – кибератака, *киберкуркынычсызлык* – кибератака, *кибер грамотлык* – киберграмотность, *сәхифә* – страница (Ватаным Татарстан, 09.04.2020), *сәхифәлек* – сайт, *курәк* – экран (Юлдаш, 22.11.2017), *иҗтимагый челтәр* – социальная сеть, *үзтөшергеч* – камера видеонаблюдения (Юлдаш, 23.08.2018), *санакчелтәр* – интернет, компьютерная сеть, *чыбыксыз колакчалар* – беспроводные наушники (Юлдаш, 26.06.2019), *санакишалтыраткыч* – смартфон (Юлдаш, 21.08.2019), *кесә шалтыраткычы* – мобильный телефон (Юлдаш, 01.05.2019);

7) продукты питания: *яшелчәк* – салат, *кәрәфес* – сельдерей, *хушисләндергеч* – приправы (Юлдаш, 08.09.2018), *кәнсирләр* – консервы, *тәрәнҗелеләр* – цитрусовые, *тәрәнҗән* – грейпфрут (Юлдаш, 14.09.2019);

8) сфера массовых коммуникаций: *мөхбир* – журналист (Юлдаш, 23.08.2018), *атналык күрсәтке тапшырулары* – программа телепередач, *ТНВ-Җиһан* – ТНВ-Планета (Юлдаш, 26.06.2019);

9) спорт: *һавачатырчы* – парашютист, *такым* – команда (Юлдаш, 23.08.2018);

10) культура: *төһмәҗыр* – клип, *иҗади сәфәр* – гастроль (Юлдаш, 22.11.2017).

В последнее время в сфере СМИ наблюдается тенденция возврата к старой терминологии татарского языка, что позволяет избегать заимствований из русского языка или интернационализмов. Употребление устаревшей терминологии, преимущественно арабского и персидского происхождения, вполне оправдано в случаях отсутствия эквивалента в татарском языке, например: *зәнҗәбил* – имбирь (Интертат, 15.11.2018), *мөшкәт чикләвеге* – мускатный орех, *дарчин* – корица, *загъфран* – шафран (Шәһри Казан, 17.03.2018), *дирбия* – состав (Ватаным Татарстан, 07.11.2019), *шәрехли* – комментирует (Ватаным Татарстан, 03.04.2020), *жәдвал* – расписание, *байтарлык* – ветеринария, *жәгъгрәфия* – география (Юлдаш, 22.11.2017), *күренгеч* – билет, *кәдәх* – бокал, *бадымҗан* – баклажан (Юлдаш, 26.06.2019), *такъвим* – календарь, *мөһәндис* – инженер (Юлдаш, 21.08.2019), *тәгълимәт өлеш* – теоретическая часть (Юлдаш, 01.05.2019).

В то же время наблюдается тенденция функционирования старой терминологии арабского и персидского происхождения, несмотря на наличие в словарном фонде лексики, которая образует устойчивый пласт слов, прочно вошедших в жизнь татароязычного общества:

калеб (йөрәк, күңел) – сердце, душа (Ватаным Татарстан, 08.11.2019), (Интертат, 31.01.2018), (Матбугат.ру, 20.06.2017); *жәсәд (гәүдә, мәет)* – тело (Ватаным Татарстан, 02.07.2019); *жәһәттән (ягыннан, уңайдан)* – в отношении, со стороны (Ватаным Татарстан, 09.04.2020), (Матбугат.ру, 27.02.2020), (Шәһри Казан, 01.06.2018); *мөшкел (авыр)* – трудный, неясный (Ватаным Татарстан, 09.04.2020); *талиплар (укучылар, шәкертләр)* – ученики, студенты (Юлдаш, 23.08.2018); *рәшidia (мәктәп)* – средняя школа, *Рүзә (Ураза)* – Ураза, мусульманский пост (Юлдаш, 01.05.2019). В науке исследователями высказываются разные точки зрения относительно вопроса двойной терминологии. А. А. Тимерханов, определяющий арабо-персидские заимствования и татарские эквиваленты термином «возвращенная лексика», объясняет, что подобная тенденция возникла в условиях нового лингвистического контекста, повышения статуса татарского языка на рубеже XX–XXI веков [Тимерханов, с. 12–16]. Роль арабо-персидских заимствований в процессе сохранения и развития татарского языка подчеркивается и другими исследователями [Шакирзянов, с. 56]. Другие языковеды, высказываясь в пользу сохранения заимствованной терминологии в татарском языке, убеждены, что интернациональные слова достаточно твердо закрепились в лексическом фонде татарского языка [Юсупов, с. 25].

Также наблюдается использование некоторой лексики в несвойственном ей значении, например, понятие «таможня» в печатных СМИ обозначается как *тамга*, а не *тамгаханә*, как предлагает словарь [Әхмәтьянов, с. 209]. Широко используемое в последнее время слово *вакыф (вакыф)* используется как эквивалент слова *фонд* в татарском языке. Однако данное понятие из религиозной сферы употребления в толковом словаре татарского языка объясняется как «имущество, завещанное или переданное каким-либо лицом какому-либо мусульманскому духовному учреждению с правом пользоваться доходами от этого имущества, но без права продажи» [Там же, с. 209].

Наряду с устаревшей терминологией в газетных статьях активно функционирует диалектная лексика, свойственная разговорной речи: *такым* – команда (Юлдаш, 23.08.2018); *япкын* – тюрьма, место заключения, *тәңкә* – рубль, *кишәрлек* – участок земли (Юлдаш, 26.06.2019); *бөтнек* – мята, *кавыр* – пластмасса (Юлдаш, 08.09.2018).

Изучив статьи республиканских газет, отметим, что характерным для них является то, что к

одному понятию в анализируемых печатных изданиях предлагаются различные эквиваленты на языке реципиента. Мы разделяем мнение И. М. Низамова об отрицательном влиянии данного явления на язык и приоритете соблюдения общепринятых языковых норм (использование единых терминов) [Низамов, с. 62]. Это проявляется в следующих примерах:

– аппарат искусственной вентиляции легких – *үпкәне ясалма вентиляцияләү аппараты* (Ватаным Татарстан, 09.04.2020), *ясалма сулыш аппараты* (Шәһри Казан, 05.05.2017), *ясалма сулыш алу аппараты* (Матбугат.ру, 13.03.2019), *ясалма сулыш алдыру аппараты* (Интертат, 10.01.2019);

– самоизоляция – *үз-үзеңне изоляцияләү* (Интертат, 04.04.2020), *үзизоляция* (Ватаным Татарстан, 04.04.2020), *үзлектән изоляция* (Акчарлак, 18.03.2020), *үзчикләү* (Матбугат.ру, 13.04.2020);

– дистанционное обучение – *дистанцион уку* (Шәһри Казан, 04.04.2020), *онлайн уку* (Матбугат.ру, 02.04.2020), *читтән торып уку* (Ватаным Татарстан, 03.03.2020);

– Оренбург - *Ырынбур* (Ватаным Татарстан, 17.03.2020), *Ырымбур* (Шәһри Казан, 31.07.2012);

– Чувашия – *Чуашстан* (Ватаным Татарстан, 03.12.2019), (Интертат, 24.07.2017), (Матбугат.ру, 09.02.2020); *Чувашстан* (Ватаным Татарстан, 04.03.2020), (Интертат, 15.04.2018], (Матбугат.ру, 25.04.2019), (Шәһри Казан, 02.04.2019).

Еще одной особенностью является употребление как русскоязычных заимствований, так и их татароязычных эквивалентов. Рассмотрим следующие примеры:

– *уполномоченный* (Шәһри Казан, 4.04.2020), *вәкаләтле* (Интертат, 04.04.2020), (Ватаным Татарстан, 04.04.2020);

– *дача* (Шәһри Казан, 04.04.2020), *бакча* (Интертат, 04.04.2020);

– *больничный* (Шәһри Казан, 01.04.2020), *больничный, вакытлыча эштән азат итү кәгазе* (Матбугат.ру, 17.09.2020); *больничный, эшкә яраксызлык кәгазе* (Ватаным Татарстан, 30.03.2020);

– *Пермь крае* (Ватаным Татарстан, 26.11.2019), (Интертат, 05.04.2018), (Матбугат.ру, 08.11.2019); *Пермь өлкәсе* (Ватаным Татарстан, 26.02.2020), (Шәһри Казан, 02.07.2013); *Пирем* (Юлдаш, 03.02.2019);

– *Свердлау* (Шәһри Казан, 17.03.2020), (Ватаным Татарстан, 17.03.2020), (Матбугат.ру, 03.12.2019); *Свердловск* (Шәһри Казан,

11.02.2014), (Интертат, 21.03.2019), (Матбугат.ру, 03.12.2019);

– *Ярослау* (Ватаным Татарстан, 24.03.2020), *Ярославль* (Ватаным Татарстан, 29.08.2019), (Шәһри Казан, 22.02.2012), (Интертат, 03.09.2019), (Матбугат.ру, 10.08.2018);

– *Чуашистан* (Ватаным Татарстан, 03.12.2019), *Чувашстан* (Ватаным Татарстан, 04.03.2020), *Чувашия* (Ватаным Татарстан, 19.02.2020);

– *Оренбург* (Ватаным Татарстан, 26.02.2020), (Интертат, 02.02.2018), (Матбугат.ру, 29.03.2020); *Ырынбур* (Матбугат.ру, 20.09.2018), *Ырымбур* (Юлдаш, 26.06.2019);

– *имбирь* (Шәһри Казан, 17.03.2018), (Интертат, 31.03.2018); *имбир* (Ватаным Татарстан, 27.03.2020), (Матбугат.ру, 10.04.2020), (Интертат, 22.02.2018); *зәнжәбил* (Интертат, 15.11.2018).

Помимо положительного влияния СМИ на процесс обогащения лексического состава татарского языка с помощью неологизмов и возврата к старой терминологии, существует также проблема, связанная с чрезмерным стремлением журналистов к «аутентичности» национального языка. Это проявляется в нарушении общепринятых орфографических языковых норм:

1) замена буквы *я* в татарских словах буквосочетанием *йа* или *йә*: *йәгъни* – ягъни, *йәки* – яки (Юлдаш, 22.11.2017), *йәсә* – ясә, *нийәтлиләр* – ниятлиләр, *жәңдәйт* – жинаять (Юлдаш, 26.06.2019);

2) замена буквы *а* на *ә* и наоборот: *идәрә* – идарә, *һәләкәт* – һәлакәт, *хастахәнә* – хастаханә, *әхлакый* – эхлакый, *аишәнә* – ашханә, *әфәт* – афәт (Юлдаш, 22.11.2017), *берәздән* – безраздан, *дәвахәнә* – дэваханә (Юлдаш, 26.06.2019); *жәсәд* – жәсәд (Матбугат.ру, 01.04.2020), (Интертат, 22.02.2019), (Шәһри Казан, 12.07.2017);

3) замена буквы *т* на *д*: *мәддә* – матдә, *мәтди* – матди, *икътисат* – икътисад (Юлдаш, 22.11.2017);

4) замена буквы *п* на *б*: *талип* – талиб (Юлдаш, 23.08.2018), *табийп* – табиб (Юлдаш, 26.06.2019);

5) замена букв *е, ю* на *ж*: *жәуину* – юину, *жәыл* – ел, *жәгет* – егет (Юлдаш, 26.06.2019);

6) Замена буквы *и* на буквосочетание *ый*: *хасыйл* – хасил, *фатыйр* – фатир (Юлдаш, 26.06.2019).

Еще одним негативным фактором является употребление лексических единиц, не входящих в лексический фонд татарского языка, что представляет собой попытку придать некое татарское звучание словам, которые широко используются в том виде, в котором они были

приняты в татарском языке. Приведем некоторые примеры такой лексики: *алиминт* – алимент, *бүджит* – бюджет, *пыркарур* – прокурор, *наябер* – ноябрь (Юлдаш, 22.11.2017); *жәпүн* – японский, *пичини* – печенье, *жәгырт* – йогурт, *памидур* – помидор, *маяниз* – майонез (Юлдаш, 08.09.2018); *крижәүник* – крыжовник, *синтәбер* – сентябрь (Юлдаш, 14.09.2019); *диспетчър* – диспетчер, *аситон* – ацетон (Юлдаш, 10.07.2019); *ийүл* – июль (Юлдаш, 03.07.2019), *ийүн* – июнь (Юлдаш, 26.06.2019), *фиврәл* – февраль (Юлдаш, 02.02.2019), *гыйнуар* – гыйнвар, январь (Юлдаш, 23.01.2019). Вышеуказанные слова можно отнести к группе авторских неологизмов и назвать их примерами фонетического преобразования, но данная лексика не входит в состав современного татарского языка, кроме того, подобные татарские эквиваленты правомерно приравнять к просторечию.

Представленные примеры показывают, что в настоящее время продолжается активный процесс развития лексической системы татарского языка, который будет продолжаться на протяжении всей истории народа. Этот процесс тесно связан с научно-техническим прогрессом, общественно-политическими, экономическими событиями, происходящими в жизни республики, изменениями в области производственных отношений, появлениями новых понятий. При этом следует отметить, что под влиянием других языков появляются семантические кальки и у слов формируются новые значения, которые также должны быть отражены в тезаурусе татарского языка.

Таким образом, изучение текстов печатных СМИ показало, что желание журналистов приблизить язык печати к аутентичному татарскому языку с помощью перевода всех заимствований на татарский язык, а также заимствований, принятых уже давно в том виде, в котором они сейчас существуют, не всегда является оправданным. Пополнение лексического состава языка заимствованиями слов из других языков представляет собой закономерный исторический процесс. В определенных случаях уместное употребление их способствует обогащению языка. И наоборот, перевод заимствований может иметь негативные последствия, а именно непонимание предлагаемой информации людьми, даже свободно владеющими национальным языком СМИ. В лексической системе национального языка основное место должна занимать лексика, присущая конкретно данному языку, однако правомерным является уместное употребление по мере необходимости заимствованной лексики, в

том числе арабской, персидской и русской терминологии.

Присутствующие в тексте современных печатных СМИ неологизмы служат способом реализации и составной частью языковой игры, но не всегда новые слова играют положительную роль в процессе пропаганды информации на региональном языке и развитии национального языка.

Печатные СМИ на татарском языке могут стать способом развития языка с точки зрения двух взаимовлияющих аспектов, лингвистического и функционального. Развитие одного из аспектов ведет к расширению другого. Положительными фактами являются появление неологизмов для обозначения новых понятий и явлений в жизни татароязычного социума, активизация старой терминологии арабского и персидского происхождения, что позволяет достичь чистоты татарского языка, следовательно, активного внедрения этого варианта языка в широкие круги читателей. Но главным является регулирование и контролирование данного процесса во избежание обратного эффекта, когда происходит перенасыщение национального языка понятиями, которые на первый взгляд, казалось бы, исконно татарские, но непонятны и трудны для восприятия. Одной из важных задач является составление единого словаря с учетом татарских слов, являющихся изначально татарскими эквивалентами. Кроме того, необходимым представляется внесение и закрепление общепринятых, верных с орфографической и фонетической точек зрения вариантов заимствованных слов и неологизмов. Таким образом, это позволило бы избежать бессистемного и неуместного употребления историзмов и неологизмов в региональных СМИ. Данные факторы необходимо учитывать также при составлении учебных пособий по обучению татарскому языку, которые бы отвечали потребностям изучающих и включали современный контент национального языка. Эта работа должна носить оперативный характер в силу того, что быстрые темпы глобализационных и других общественно-производственных процессов влекут такие же скорые изменения в словарном фонде языка и пополнение его новыми понятиями, иногда пришедшими на смену устаревшим, вышедшим из употребления и активно внедряющимися в речевое окружение читателя.

Источники

- «Юлдаш»: Газета. 2018. 12 мая (№18).
- «Юлдаш»: Газета. 2016. 15 октября (№35).
- «Юлдаш»: Газета. 2017. 22 ноября (№47).
- «Юлдаш»: Газета. 2018. 8 сентября (№33).

- «Юлдаш»: Газета. 2018. 23 августа (№34).
 «Юлдаш»: Газета. 2019. 1 мая (№18).
 «Юлдаш»: Газета. 2019. 10 июля (28).
 «Юлдаш»: Газета. 2019. 14 сентября (№34).
 «Юлдаш»: Газета. 2019. 21 августа (№34).
 «Юлдаш»: Газета. 2019. 21 сентября (№ 34).
 «Юлдаш»: Газета. 2019. 26 июня (№26).
 «Акчарлак»: Электронная газета. URL: <https://akcharlak.com/> (дата обращения: 04.04.2020).
 «Безнең гәжит»: Электронная газета. URL: <https://beznen.ru/> (дата обращения: 06.04.2020).
 «Ватаным Татарстан»: Электронная газета. URL: <https://vatantat.tatar.ru/> (дата обращения: 08.04.2020).
 «Интертат»: Электронная газета. URL: <https://intertat.tatar/> (дата обращения: 12.03.2020).
 «Матбугат.ру»: Электронная газета. URL: <https://matbugat.ru/> (дата обращения: 06.02.2020).
 «Шәһри Казан»: Электронная газета. URL: <http://shahrikazan.ru/> (дата обращения: 05.04.2020).
 «Шәһри Чаллы»: Электронная газета. URL: <http://shahrichalli.ru/> (дата обращения: 19.02.2020).

Список литературы

- Байрамова Л. К. Татарстан: языковая симметрия и асимметрия. Казань: Изд-во КГУ, 2001. 266 с.
- Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь). М.: Флинта, 2008. 263 с.
- Добросклонская Т. Г. Роль СМИ в динамике языковых процессов // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-smi-v-dinamike-yazykovyh-protsessov> (дата обращения: 16.11.2020).
- Исхакова З. А. Двоязычие в городах Татарстана (1980-90-е годы). Казань: Фикер, 2001. 191 с.
- Солганик Г. Я. Место языка СМИ в литературном языке. Перспективы развития // МИПС. 2008. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-yazyka-smi-v-literaturnom-yazyke-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 15.04.2020).
- Тимерханов А. А. Язык деловых бумаг в современном татарском языке: автореф. дис....канд. филол. наук: Казань, 2002. 25 с.
- Шарыпова Н. Х. Двоязычие в Татарстане. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 252 с.
- Низамов И. М. Татар рекламасы һәм матбугат. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1997. 110 с.
- Шакирзянов Р. А. Югары уку йортларында техник терминнар куллану проблемалары // Татар теленең терминологиясен камилләштерү проблемалары (Проблемы совершенствования татарской терминологии: материалы научно-практической конференции / [Д. Б. Рамазанова (отв. ред.)]. Казан: Алма-Лит, 2006. С. 55–60.
- Юсупов Р. А. Мәгълүмат чаралары һәм сөйләм культурасы (Информационные средства и культура речи) // Татар теленең терминологиясен камилләштерү проблемалары (Проблемы совершенствования татарской терминологии): материалы научно-практической конференции / [Д. Б. Рамазанова (отв. ред.)]. Казан: Алма-Лит, 2006. С. 25–33.
- Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: ике томда. 2 т. Казан: Мәгариф - Вақыт, 2015. 567 с.
- Stuart-Smith J., Timmins C. Language and the influence of the media: a Scottish Perspective. In: Lawson, R. (ed.) Sociolinguistics in Scotland. Palgrave Macmillan: Basingstoke, 2014. Pp.177–196.

Sources of Information

- “Iuldash”: *Gazeta* (2018) [“Yuldash”: Newspaper]. 12 maia (No. 18). (In Tatar)
- “Iuldash”: *Gazeta* (2016) [“Yuldash”: Newspaper]. 5 oktiabria (No. 35). (In Tatar)
- “Iuldash”: *Gazeta* (2017) [“Yuldash”: Newspaper]. 2 noiabria (No. 47). (In Tatar)
- “Iuldash”: *Gazeta* (2018) [“Yuldash”: Newspaper]. 8 sentiabria (No. 33). (In Tatar)
- “Iuldash”: *Gazeta* (2018) [“Yuldash”: Newspaper]. 23 avgusta (No. 34). (In Tatar)
- “Iuldash”: *Gazeta* (2019) [“Yuldash”: Newspaper]. 1 maia (No. 18). (In Tatar)
- “Iuldash”: *Gazeta* (2019) [“Yuldash”: Newspaper]. 10 iulia (No. 28). (In Tatar)
- “Iuldash”: *Gazeta* (2019) [“Yuldash”: Newspaper]. 14 sentiabria (No. 34). (In Tatar)
- “Iuldash”: *Gazeta* (2019) [“Yuldash”: Newspaper]. 21 avgusta (No. 34). (In Tatar)
- “Iuldash”: *Gazeta* (2019) [“Yuldash”: Newspaper]. 21 sentiabria (No. 34). (In Tatar)
- “Iuldash”: *Gazeta* (2019) [“Yuldash”: Newspaper]. 26 iunia (No. 26). (In Tatar)
- “Akcharlak”: *Elektronnaia gazeta* [“Akcharlak”: Electronic Newspaper]. URL: <https://akcharlak.com/> (accessed: 04.04.2020). (In Tatar)
- “Beznen gәjit”: *Elektronnaia gazeta* [“Beznen gәjit”: Electronic Newspaper]. URL: <https://beznen.ru/> (accessed: 06.04.2020). (In Tatar)
- “Vatanyim Tatarstan”: *Jelektronnaia gazeta* [“Vatanyim Tatarstan”: Electronic Newspaper]. URL: <https://vatantat.ru/> (accessed: 08.04.2020). (In Tatar)
- “Intertat”: *Elektronnaia gazeta* [“Intertat”: Electronic Newspaper]. URL: <https://intertat.tatar/> (accessed: 12.03.2020). (In Tatar)
- “Matbugat.ru”: *Elektronnaia gazeta* [“Matbugat.ru”: Electronic Newspaper]. URL: <https://matbugat.ru/> (accessed: 06.02.2020). (In Tatar)
- “Shähri Kазan”: *Elektronnaia gazeta* [“Shähri Kазan”: Electronic Newspaper]. URL: <http://shahrikazan.ru/> (accessed: 05.04.2020). (In Tatar)
- “Shähri Chally”: *Elektronnaia gazeta* [“Shähri Chally”: Electronic Newspaper]. URL: <http://shahrichalli.ru/> (accessed: 19.02.2020). (In Tatar)

References

- Bairamova, L. K. (2001). *Tatarstan: iazykovaia simmetriia i asimetriia* [Tatarstan: Linguistic Symmetry and Asymmetry]. 266 p. Kazan, KGU. (In Russian)

- Dobrosklonskaia, T. G. (2008). *Medialingvistika: sistemnyi podkhod k izucheniiu iazyka SMI (Sovremennaiia angliiskaia mediarech)* [Media Linguistics: A Systematic Approach to Learning the Language of the Media (Modern English Media Speech)]. 263 p. Moscow, Flinta. (In Russian)
- Dobrosklonskaia, T. G. (2005). *Rol' SMI v dinamike iazykovykh protsessov* [The Role of Mass Media in the Dynamics of Language Processes]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-smi-v-dinamike-azykovykh-protsessov> (accessed: 16.11.2020). (In Russian)
- Iskhakova, Z. A. (2001). *Dvuiazychie v gorodakh Tatarstana (1980-90-e gody)* [Bilingualism in the Cities of Tatarstan (the 1980–90s)]. 191 p. Kazan, Fiker. (In Russian)
- Iusupov, R. A. (2006). *Mæg"lymat charalary hәм sәilәм kul'turasy (Informatsionnye sredstva i kul'tura rechi)* [Media and Speech Culture]. Pp. 25–33. Tatar telenen terminologiasen kamillәshtery problemalary (Problemy sovershenstvovaniia tatarskoi terminologii): materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii. Kazan, Alma-Lit. (In Tatar)
- Nizamov, I. M. (1997). *Tatar reklamy hәм matbugat* [Tatar Advertising and the Media]. 110 p. Kazan, Izdatel'stvo kazanskogo universiteta. (In Tatar)
- Shakirzianov, R. A. (2006). *Iugary uku iortlarynda tekhnik terminnar kullanu problemalary (Problema ispol'zovaniia tekhnicheskikh terminov v vysshikh uchebnykh zavedeniakh)* [The Problem of Using Technical Terms in Higher Education]. Tatar telenen terminologiasen kamillәshtery problemalary (Problemy sovershenstvovaniia tatarskoi terminologii): materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii. Pp. 55–60. Kazan, Alma-Lit. (In Tatar)
- Sharypova, N. H. (2004). *Dvuiazychie v Tatarstane* [Bilingualism in Tatarstan]. 252 p. Kazan, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. (In Russian)
- Solganik, G. Ia. (2008). *Mesto iazyka SMI v literaturnom iazyke. Perspektivy razvitiia* [The Place of the Media Language in the Literary Language. Development Prospects]. MIRS. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-azyka-smi-v-literaturnom-azyke-perspektivy-razvitiya> (accessed: 15.04.2020). (In Russian)
- Stuart-Smith J., Timmins C. (2014). *Language and the Influence of the Media: A Scottish Perspective*. In: Lawson, R. (ed.) Sociolinguistics in Scotland. Pp.177–196. Palgrave Macmillan: Basingstoke. (In English)
- Timerhanov A. A. (2002). *Iazyk delovykh bumag v sovremennom tatarskom jazyke: avtoref. dis....kand. filol.nauk* [The Language of Business Papers in Modern Tatar: Ph.D. Thesis Abstract]. Kazan', 25 p. (In Russian)
- Әkhmәt'ianov, R. G. (2015). *Tatar telenen etimologik syzlege: ike tomda* [Etymological Dictionary of the Tatar Language: In Two Volumes]. 576 p. Kazan, Mәgarif, Vakyт. (In Tatar)

The article was submitted on 09.12.2020

Поступила в редакцию 09.12.2020

Нурутдинова Наиля Ривгатовна,
аспирант,
Набережночелнинский институт,
Казанский федеральный университет
423810, Россия, Набережные Челны,
пр. Мира, 68/19.
nailya_nurutdinova@mail.ru

Nurutdinova Nailya Rivgatevna,
Graduate student,
Naberezhnye Chelny Institute,
Kazan Federal University
68/19 Mir Ave.,
Naberezhnye Chelny, 423810, Russian Federation.
nailya_nurutdinova@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-114-119
УДК 811.161.1

**СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
РУССКИХ МНОГОЗНАЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
С КОМПОНЕНТОМ - ИМЕНЕМ СОБСТВЕННЫМ
(АНАЛИЗ ПРЕДМЕТНЫХ ФЕ)**

© Алина Султанова

**STRUCTURAL AND GRAMMATICAL FEATURES
OF RUSSIAN POLYSEMANTIC PHRASEOLOGICAL UNITS
WITH A PROPER NAME COMPONENT
(THE ANALYSIS OF OBJECT PHRASEOLOGICAL UNITS)**

Alina Sultanova

Russian phraseological units with a proper name component are distinguished due to the character and properties of their name component that interacts with the properties and features of other components, making up the phraseological unit, which determines the structural, semantic and syntactic features of the phraseological unit and identifies the scope of its use. The components of a phraseological unit are characterized by grammatical meanings that organize its semantic structure, which influences the development of its meaning, or meanings. Modern phraseology studies grammatical structure characteristics of phraseological units to address issues in the field of phraseological functions and their development, as this approach allows identifying patterns of structural dependence of phraseological units on the syntactic units of the language, which are a productive basis for the development of phraseological units.

This article analyzes polysemantic object phraseological units with a proper name component, taking into account the cultural correlation of the proper name with the cultural continuum, namely, phraseological units with anthroponyms, mythonyms, historical onyms, literary onyms and chrononyms. The research highlights special types of onyms in the structure of polysemantic object phraseological units with a proper name component and their structural models based on certain types of phrases and sentences. The article also shows the results of the structural and quantitative analysis of polysemantic phraseological units selected from the Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language, the Academic Dictionary of the Russian Phraseology and the Dictionary of Proper Names.

Keywords: structural and grammatical classification of phraseological units, proper names, polysemantic phraseological units, anthroponyms, models of phraseological units.

Своеобразный пласт русской фразеологии с онимами выделяется благодаря особенностям именного компонента, взаимодействующего со свойствами и признаками других компонентов, составляющих фразеологизм, что обуславливает структурно-семантические и синтаксические особенности фразеологизма и очерчивает сферу его употребления. Составляющие ФЕ компоненты характеризуются грамматическими значениями, организующими его семантическую структуру, что оказывает влияние на развитие его значения или значений. Современная фразеология изучает особенности грамматического выражения ФЕ с целью решения вопросов в области функционирования и развития ФЕ, так как данный подход позволяет выявить закономерности конструктивной обусловленности ФЕ от синтаксических единиц языка, являющихся продуктивной базой развития ФЕ.

В данной статье анализируются многозначные предметные ФЕ с компонентом-именем собственным с учетом культурной соотнесенности имени собственного с культурным пространством, а именно ФЕ с антропонимом, мифонимом, историческим онимом, литературным онимом, хрононимом. Выделяются особые типы онимов в структуре многозначных предметных ФЕ с именем собственным, их структурные модели по типу словосочетаний и предложений. Статья также отражает результаты структурного и количественного анализа многозначных ФЕ с именем собственным по первичному значению, отобранных на основе Фразеологического словаря русского литературного языка, Академического словаря русской фразеологии и Словаря собственных имен.

Ключевые слова: структурно-грамматическая классификация фразеологических единиц, имена собственные, многозначные фразеологизмы, антропонимы, модели ФЕ.

Уникальную культурную нишу для языковых исследований занимают фразеологические единицы с компонентом-именем собственным (ФЕ с ИС), что объясняется как исключительным назначением имени собственного – называть, выделять, идентифицировать один предмет, так и яркой семантикой и своеобразием этих компонентов в структуре ФЕ, обусловленными их тесной связью с культурой и историей народа. Вопросы онимов в составе русских фразеологизмов посвящены труды Е. Н. Бетехтиной, И. В. Бугаевой, М. М. Вознесенской, Т. Н. Кондратьевой, Г. А. Лилич, В. М. Мокиенко, О. А. Мещеряковой, М. Л. Ковшовой и др.

Описание ФЕ с ИС отличается тем, что в их структуре содержится компонент – имя собственное, которое, по мнению ряда исследователей ([Флейшер, с.32], [Ковшова, с.159]), будучи десемантизированным, в структуре фразеологизма вступает во взаимосвязи с остальными стержневыми компонентами ФЕ, наделяя его признаками и свойствами, очерчивающими его значение, а также яркой образностью, воплощенной в культурной коннотации ФЕ. Как отмечает М. Л. Ковшова, «собственное имя в составе идиом и паремий интерпретируется как значимый компонент, который несет дополнительную информацию о происхождении фразеологизма или проясняет смысл пословицы» [Ковшова, с. 144]. Исследователи Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров наделяют имена собственные индивидуальной семантикой в структуре пословиц, поговорок, фразеологизмов [Верещагин, Костомаров, с.173], что сближает это понятие с определением культурной коннотации М. Л. Ковшовой: «извлеченная из сознания культурная информация соединяется со словесными знаками языка и фольклора – идиомами и паремиями, добавляется в их семантику в виде особого категориального компонента – культурной коннотации» [Ковшова, с. 173]. Таким образом, культурная коннотация обусловлена историей происхождения онима, которая позволяет удерживать характеристику этого имени в языковой памяти говорящего, если он обладает знаниями «номеносферы» определенного лингвокультурного сообщества. По определению ученого Л. М. Щетинина, предложившего это понятие, номеносфера – это «концентрированный опыт индивидуума, отдельного речевого коллектива, поколения говорящих на одном языке и поколения людей одной цивилизации, опыт дешифровки ономастических знаков, их образования и употребления» [Щетинин, с. 14]. Напри-

мер, ФЕ *Авгиевы конюшни* включает компонент-мифоним, восходящий «к древнегреческой мифологии про подвиги Геракла, который вычистил конюшни царя Авгия» [Словарь собственных имен..., с. 201]. Данная ФЕ в этом значении может включать лишь имя Авгий, о котором говорящий должен иметь представление для использования ее в соответствующем контексте. Таким образом, понятие номеносферы предполагает наличие «фоновых культурных знаний говорящего, которые служат базой для воспроизведения имен собственных, связанных или с широко известным текстом, или с ситуацией, хорошо известной всем носителям данного языка и выступающей как прецедентная» [Ковшова, с.143].

Е. А. Флейшер в диссертации дает подробный обзор существующих подходов к определению удельного веса каждого из компонентов, составляющих значение имени собственного в сравнении с компонентами имени нарицательного (денотативного, сигнификативного, культурного), и делает вывод о том, что «для онимов характерно стремление денотата к единичности, но при этом сигнификат отличается большим количеством дифференциальных признаков, что, в свою очередь, соответствует главной функции имен собственных – эйдонимической. [Флейшер, с. 36]. Действительно, если заменить компонент *авгиевы*, который является притяжательным прилагательным в форме множественного числа в ФЕ *Авгиевы конюшни*, например, на компонент *Пирровы*, данная ФЕ перестает существовать в указанном значении, так как имя Пирра не связано с конюшнями из известной легенды о Геракле, а значит, не существует денотата для выражения *Пиррова конюшня* / *Пирровы конюшни*.

Русские многозначные ФЕ с ИС включают разные типы онимов, соотносящихся с одушевленными и неодушевленными денотатами. Подробно вопрос разграничения имен собственных отражен в трудах А. В. Суперанской, О. И. Фонаковой, В. И. Супрун, Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, И. Э. Ратниковой и др.

Для выявления ФЕ с ИС в русском языке мы основываемся на определениях имени собственного, данных О. И. Фонаковой: «Имя собственное – это универсальная функционально-семантическая категория имен существительных, особый тип словесных знаков, предназначенный для выделения и идентификации единичных объектов (одушевленных и неодушевленных), выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре

народа» [Фонякова, с. 21] и Н. В. Подольской, которая, расширяя и уточняя предыдущее понятие, понимает под именем собственным в науке «слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [Подольская, с. 437].

Данные определения имени собственного позволили путем сплошной выборки выявить 17 многозначных ФЕ с ИС из «Фразеологического словаря русского литературного языка» А. И. Федорова (далее – ФСРЛЯ). В аннотации к ФСРЛЯ 2008 года издания указано, что в словаре собраны идиомы и фразеологические сочетания, как наиболее часто употребляющиеся в современной речи, так и имеющие архаический оттенок. Вышедший в свет в 2015 году «Академический словарь русской фразеологии» под редакцией А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского (далее – АСРФ) позволил обнаружить 16 многозначных идиом с компонентом-именем собственным [АСРФ]. В Словаре собственных имен М. Л. Ковшовой 2019 года издания (далее – ССИ) описывается 71 многозначная идиома с компонентом-именем собственным [ССИ].

Исследователи выделяют смыслообразующее значение грамматического выражения ФЕ: «...Формирование целостного фразеологического значения тесно связано не только с семантической структурой компонентов устойчивых оборотов, но и с их грамматической природой» [Жуков, с. 75]. «Грамматическая природа» ФЕ тесно связана с грамматическими свойствами стержневых компонентов, составляющих ФЕ. Вступая во взаимосвязи, данные компоненты реализуют значение ФЕ в структурных моделях. Моделирование структурных типов многозначных ФЕ позволит прояснить реализацию ее разных значений в связи с ее структурным типом и грамматическими свойствами стержневых компонентов. Классификации фразеологизмов по структурному принципу создавали многие лингвисты, в частности В. В. Виноградов, О. С. Ахманова, Н. М. Шанский, И. В. Арнольд, А. В. Кунин, П. П. Литвинов, А. М. Чепасова. Ученые казанской лингвистической школы Е. Ф. Арсентьева, Л. К. Байрамова существенно расширили теоретические основы по проблемам структурной классификации ФЕ.

Объектом нашего исследования послужили первичные значения 70 предметных многозначных ФЕ с ИС, а именно 8 ФЕ из ФСРЛЯ, 9 ФЕ из АСРФ и 53 ФЕ из ССИ, отобранные на основе принципов структурно-грамматической классификации ФЕ А. М. Чепасовой, которая включает

в этот разряд соотносящиеся с именами существительными ФЕ, обозначающие предметность в широком смысле слова (лицо, совокупность лиц, неодушевленные предметы, отвлеченные понятия, признаки, действия) [Чепасова, с. 65].

При описании структуры предметных ФЕ с ИС по первичному значению также был учтен параметр культурной референции собственного имени к пространству культуры. В соответствии с разделением М. Л. Ковшовой типов собственных имен в идиомах на *антропонимы* (личные имена, фамилии, патронимы, псевдонимы, прозвища), *мифонимы* (имена собственные, предназначенные для называния антропоморфных языческих богов и демонов, героев мифов, а также предметов, наделяемых в народном сознании сакральным значением), *хрононимы* (имена собственные, предназначенные для называния отрезков времени в народном календаре и связаны с церковно-календарными именами), *агионимы* (имена собственные, предназначенные для называния того или иного персонажа из сказаний Ветхого и Нового Заветов, библейских текстов и легенд), *литературные онимы* (собственные имена антропных и антропоморфных персонажей мирового литературно-художественного дискурса – литературы, кино-, телефильмов, анимации) и *исторические онимы* (имена собственные, называющие конкретных людей, исторических лиц, существовавших в реальной действительности) [Ковшова, с. 172], мы выделили 10 многозначных ФЕ с антропонимом: *Алексей Алексеевич, Алеха сельский, Вася Пупкин, голый Вася, дядя Вася, тетя Мотя, дядя Сэм, Иван, не помнящий родства, Иванов, Петров, Сидоров, [Как] ванька-встанька*; 9 многозначных ФЕ с мифонимом: *авгиевы конюшни, прокрустово ложе, танталовы муки, Царство Плутона, [Ви-сячие] сады Семирамиды, колесо Фортуны, слепая Фортуна, Летучий Голландец, Дед Мороз*; 11 многозначных ФЕ с агионимом: *лоно аврамово, адамова голова, Адамова кость, ноев ковчег, каинова печать, [Как] Христова невеста, Валаамова ослица, Гог и Магог, брат во Христе, кающаяся Магдалина, Содом и Гоморра*; 9 многозначных ФЕ с литературным онимом: *тришкин кафтан, Али-баба и сорок разбойников, дядя Степа, Иван Иванович и Иван Никифорович, Крокодил Гена, мы с Тamarой ходим парой, [Как] собака Баскервилей, [Как <и>] Подпоручик Кижее, богатынький Буратино*; 13 многозначных ФЕ с историческим онимом: *Эзопов язык, Дантов ад, мать Тереза, Блин Клинтон, [Как] Иван Сусанин, пиррова победа, бочка Диогена, Наш ответ Чемберлену, бальзаковский возраст, троянский конь, [как] Мамай прошел,*

мамаево побоище, Ванька Каин; 1 многозначную ФЕ с хрононимом: *Юрьев день*.¹

Среди многозначных ФЕ с антропонимом выделяются такие ФЕ, происхождение и развитие которых обязано устному общению, «разговорному фольклору», то есть, по нашему определению, те онимы, которые возникли в результате устной коммуникации территориально ограниченной группы людей. Данные ФЕ, так называемые «разговорные фольклоронимы» имеют в словарях пометы *обл.* или историческую справку о возникновении данной ФЕ в определенных социальных группах. Например, *Блин Клинтон*, *Алеха сельский*, *Вася Пупкин*, *дядя Сэм* напоминают прозвища, включающие компонент-имя собственное в неофициально-нейтральной форме (*Вася*, *Сэм*) или в фамильярной / вульгарной форме (*Ванька*, *Алеха*). ФЕ *Алеха сельский* имеет помету *обл.*, что показывает принадлежность ФЕ к определенной местности [ССИ, с. 210]. ФЕ *дядя Сэм* в ССИ снабжена комментарием о происхождении имени на основе продукции с маркировкой производителя U.S. для армии [Там же, с. 321]. ФЕ *Вася Пупкин* обозначает «заурядного российского обывателя ... в живой разговорной речи в Интернете» [Там же, с. 234]. Происхождение ФЕ [Как <и>] *Подпоручик Киже*, основанное на словообразовательной трансформации, связано с историческим анекдотом [Там же, с. 265]. ФЕ *Блин Клинтон* возникло в эстрадном дискурсе [Там же, с. 226], является лексической трансформацией, при которой имя собственное Билл было заменено на похожий по звучанию эвфемизм – блин. Кроме того, была выделена ФЕ *Иван, не помнящий родства*, возникновение которой связано со старым юридическим термином [Там же, с. 253], что позволяет назвать данную ФЕ «терминонимом». Наряду с «разговорными фольклоронимами», можно выявить «поэтические фольклоронимы», вышедшие из народных сказаний, легенд, сохраняющих свой след в определении ФЕ либо в историко-этимологической справке. К данным ФЕ можно отнести ФЕ *Летучий Голландец*, которая имеет в АСРФ пояснение о предполагаемом происхождении из средневековой легенды [АСРФ, с. 153]. Столь подробная классификация необходима для моделирования структур ФЕ с антропонимом с учетом их особенностей, что приблизит к разгадке происхож-

дения идиом с компонентом-онимом с непрозрачной внутренней формой.

Количественный анализ показал, что 58% ФЕ от всех предметных многозначных ФЕ включают имена собственные – мужские (около 80%) и женские (около 20%); русские имена (например, *Алеха*, *Иван*, *Тамара* и др.) составляют структуру более половины многозначных предметных ФЕ, именующих человека; 20,75% ФЕ состоят из фамилий (русских и иностранных), более половины из которых образуют ФЕ с русскими фамилиями. Выделяются две ФЕ *Летучий Голландец* и *Дед Мороз*, чьи составляющие не являются именами собственными, но сочетание существительных служит именем собственным для легендарного корабля-призрака и сказочного персонажа.

В результате структурного и количественного анализа были выделены следующие группы:

1) **адъективно-субстантивные ФЕ атрибутивно-препозитивного типа с согласованием:** *слепая Фортуна*, *Летучий Голландец*, *авгиевы конюшни*, *прокрустово ложе*, *танталовы муки*, *Эзопов язык*, *Дантов ад*, *пиррова победа*, *бальзаковский возраст*, *троянский конь*, *тришкин кафтан*, *богатенький Буратино*, *адамова голова*, *Адамова кость*, *ноев ковчег*, *каинова печать*, [Как] *Христова невеста*, *Валаамова ослица*, *Юрьев день голый Вася*) – 37,73%;

2) **адъективно-субстантивные ФЕ атрибутивно-постпозитивного типа с согласованием:** *лоно авраамово*, *Алеха сельский* – 3,77%;

3) **причастно-субстантивные ФЕ атрибутивно-препозитивного типа с согласованием:** *кающаяся Магдалина* – 1,88 %;

4) **причастно-субстантивные ФЕ атрибутивно-постпозитивного типа с согласованием:** [Как] *Иван, не помнящий родства*) – 1,88%;

5) **субстантивно-субстантивные ФЕ с управлением**, в которых зависимым компонентом является имя собственное в предложном падеже, связанный с главным при помощи предлога: *брат во Христе* – 1,88%;

6) **субстантивно-субстантивные ФЕ атрибутивно-постпозитивного типа с управлением**, в которых зависимым компонентом является имя собственное в форме родительного падежа: *Царство Плутона*, *муки тантала*, *колесо Фортуны*, *сады Семирамиды*, *бочка Диогена*, *собака Баскервилей* – 11,32%;

7) **субстантивно-субстантивные ФЕ**, в которых двухкомпонентное имя собственное (имя + имя / фамилия / прозвище / отчество) в именительном падеже является единственным и стержневым компонентом: [Как] *Иван Сусанин*, *Блин Клинтон*, *Вася Пупкин*, *Ванька Каин*, [Как] *ванька-встанька*, *Алексей Алексеевич* – 11,32%;

¹ В данной статье приведен один из указанных в словарях вариантов ФЕ, поскольку данное исследование нацелено на решение вопроса о структурно-грамматической организации ФЕ с ИС. Проблема вариативности данных ФЕ будет рассмотрена в дальнейших работах.

8) **субстантивно-субстантивные ФЕ**, в которых однокомпонентное имя собственное (имя) в именительном падеже является стержневым и зависимым компонентом в сочетании с терминами родства / социального (должностного) статуса / биологического класса в именительном падеже: *мать Тереза, дядя Степа, Крокодил Гена, Подпоручик Кижее, дядя Вася, тетя Мотя, дядя Сэм* – 13,2%.

Также были выделены ФЕ со структурой словосочетания с сочинительной связью между компонентами:

1) **субстантивно-субстантивные ФЕ**, в которых два существительных в именительном падеже, являющиеся единственными и стержневыми компонентами, объединены сочинительным союзом и: *Али-баба и сорок разбойников, Иван Иванович и Иван Никифорович, Гог и Магог, Содом и Гоморра* – 7,5%;

2) **субстантивно-субстантивные ФЕ**, в которых имена собственные в именительном падеже, являющиеся единственными и стержневыми компонентами, объединены бессоюзной сочинительной связью: *Иванов, Петров, Сидоров* – 1,88%.

Среди многозначных предметных ФЕ с ИС мы выявили ФЕ со структурой предложения: 1) ФЕ по модели односоставного предложения: *Наш ответ Чемберлену* – 1,88 %; 2) ФЕ по модели двусоставного предложения: *[как] Мамай прошел; Мы с Тamarой ходим парой, андроны едут* – 5,6%.

Структура ряда ФЕ может быть расширена за счет факультативных компонентов. Так, например, факультативный компаративный компонент *[как]*, образующий компаративные ФЕ, наблюдается у 2 многозначных предметных ФЕ с историческим онимом: *[Как] Иван Сусанин; [как] Мамай прошел*); у 2 ФЕ с литературным онимом: *[Как] Подпоручик Кижее; [Как] собака Баскервилей*; у 1 ФЕ с агнионимом: *[Как] Христова невеста*) и у 2 ФЕ с антропонимом: *[Как] ванька-встанька; [Как] Иван, не помнящий родства*. У ФЕ с мифонимом <Как> *Гог и Магог* компонент *как* участвует в образовании варианта ФЕ. Данные ФЕ также можно отнести к группе предметных компаративных ФЕ. ФЕ *Сады Семирамиды* включает выраженный относительным прилагательным факультативный компонент *[висячие]*, образующий адъективно-субстантивную ФЕ атрибутивно-препозитивного типа с согласованием. ФЕ *танталовы муки* имеет вариант *муки тантала*, образованный на основе модели субстантивно-субстантивных ФЕ атрибутивно-постпозитивного типа с управлением. ФЕ *лоно авраамова* имеет вариант *авраамова лоно* по мо-

дели адъективно-субстантивных ФЕ атрибутивно-препозитивного типа с согласованием.

Интересно отметить, что количество многозначных предметных ФЕ с ИС, где стержневой компонент – ИС (то есть имя собственное в форме именительного падежа), составляет чуть менее 50%. Особенностью адъективно-субстантивных ФЕ является то, что зависимый компонент выражен в основном притяжательным прилагательным, образованным от имени собственного – 77,2%, относительным прилагательным – 13,6% (например, *голый Вася*), качественным – 4,5% (*богатенький Бурадино*). В причастно-субстантивных ФЕ зависимый компонент выражен причастием настоящего времени, главный компонент – именем собственным; в субстантивно-субстантивных ФЕ с управлением родительного падежа стержневой компонент выражен конкретным существительным в 83,3% случаях, отвлеченным существительным – 16,6%. В ФЕ по модели двусоставного предложения первым стержневым компонентом, соответствующим подлежащему, является имя собственное либо существительное в сочетании с именем собственным, а вторым компонентом, соответствующим сказуемому, является глагол со значением движения: *[как] Мамай прошел; Мы с Тamarой ходим парой; андроны едут*). В структурном плане выделяются ФЕ с ИС, состоящие только из имени собственного: однокомпонентного (фамилии), двухкомпонентного (имя + отчество, имя + фамилия): *Алексей Алексеевич; Иван Сусанин; Вася Пупкин; Иванов, Петров, Сидоров*. Отнесенные М. Л. Ковшовой к идиомам, данные ФЕ в структурном плане представляют собой «мономоним», состоящий лишь из имен собственных и существующий в указанном значении при наличии определенных именных составляющих.

В современной фразеологии исследование структурно-грамматической организации ФЕ связано, в первую очередь, с определением синтактико-грамматического соотношения ФЕ со словосочетанием или предложением, и решение вопросов структурной организации ФЕ направлено на выявление зависимости ФЕ от конструктивной обусловленности составляющих ее компонентов. Описание особенностей структурно-грамматической организации ФЕ обуславливает учет основных факторов развития значений ФЕ, что позволит выявить основные типы структурных схем или моделей многозначных ФЕ.

Список литературы

Академический словарь русской фразеологии / Баранов А. Н., Вознесенская М. М., Добровольский Д.

О., Киселева К. Л., Козеренко А. Д. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛЕКСРУС, 2015. 1168 с.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.

Жуков В. П. Русская фразеология: учебное пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1986. 310 с.

Ковишова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. М.: Ленанд, 2019. 400 с.

Подольская Н. В. Собственное имя // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С.473–474.

Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах / М. Л. Ковишова. М.: Ленанд, 2019. 352 с.

Флейшер Е. А. Основы прецедентности имени собственного: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2014. 164 с.

Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л.: ЛГУ, 1990. 103 с.

Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц. / А. И. Федоров. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.

Чепасова А. М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. пособие. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2006. 144 с.

Щетинин Л. М. Актуальные вопросы прикладной ономастики: монография. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 1999. 56 с.

References

Akademicheskii slovar' russkoi frazeologii (Baranov A. N., Voznesenskaia M. M., Dobrovolskii D. O., Kiseleva K. L., Kozerenko A. D.) (2015) [Academic Dictionary of Russian Phraseology]. Baranov A. N., Voznesenskaia M. M., Dobrovolskii, D. O., Kiseleva, K. L., Kozerenko, A. D. 2d ed. 1168 p. Moscow, LECSRUS. (In Russian)

Chepasova, A. M. (2006). *Semantiko-grammaticheskie klassy russkikh frazeologizmov*:

ucheb. posobie [Semantic Grammatical Classes of Russian Phraseological Units: A Textbook]. 144 p. Cheliabinsk, ChGPU. (In Russian)

Fleisher, E. A. (2014). *Osnovy pretsedentnosti imeni sobstvennogo: dis. ... kand. filol. nauk* [The Basics of Precedentness of the Proper Name: Ph.D. Thesis]. Saint Petersburg. 164 p. (In Russian)

Foniakova, O. I. (1990). *Imia sobstvennoe v hudozhestvennom tekste* [The Proper Name in a Literary Text]. 103 p. Leningrad, LGU. (In Russian)

Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo iazyka: ok. 13000 frazeologicheskikh edinit (2008) [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language: About 13000 Phraseological Units]. A. I. Fedorov. 3-d ed. 878 p. Moscow, Astrel AST. (In Russian)

Kovshova, M. L. (2019). *Lingvokulturologicheskii analiz idiom, zagadok, poslovits i pogovorok: Antroponimicheskii kod kul'tury* [Linguistic and Cultural Analysis of Idioms, Riddles, Proverbs and Sayings: Anthroponymic Code of Culture]. Moscow, Lenand. 400 p. (In Russian)

Podol'skaia, N. V. (1990). *Sobstvennoe imia* [The Proper Name]. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Pp. 473 – 474. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. (In Russian)

Shchetinin, L. M. (1999). *Aktual'nye voprosy prikladnoi onomastiki: monografiia* [Top Issues of Applied Onomastics: A Monograph]. Rostov-on-Don, RUI MVD of Russia. 56 p. (In Russian)

Slovar' sobstvennykh imen v russkikh zagadkakh, poslovitsakh, pogovorkakh i idiomakh. M. L. Kovshova. (2019) [Dictionary of Proper Names in Russian Riddles, Proverbs, Sayings and Idioms]. 352 p. Moscow, Lenand. (In Russian)

Vereshagin, E. M., Kostomarov, V. G. (1980). *Lingvostranovedcheskaia teoriia slova* [Linguistic and Cultural Theory of the Word]. 320 p. Moscow, Russkii iazyk. (In Russian)

Zhukov, V. P. (1986). *Russkaja frazeologiya: uchebnoe posobie dlia vuzov* [Russian Phraseology: A Textbook for Universities]. 310 p. Moscow, Vysshaia shkola. (In Russian)

The article was submitted on 08.02.2021

Поступила в редакцию 08.02.2021

Султанова Алина Петровна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский национальный исследовательский
технический университет им. А.Н. Туполева,
420111, Россия, Казань,
К. Маркса, 10.
APSultanova@kai.ru

Sultanova Alina Petrovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan National Research Technical University
named after A. N. Tupolev,
10 K. Marx Str.,
Kazan, 420111, Russian Federation.
APSultanova@kai.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-120-124
УДК 811.571

КИТАЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ НАЗВАНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ ШЭНЭХЭНСКИХ БУРЯТ

© Сыжэньдаолима

CHINESE BORROWINGS OF THE GOVERNMENT ADMINISTRATION NAMES IN WRITTEN SOURCES OF THE SHENEKHEN BURYATS

Syzhendaolima

The article studies Chinese loan words related to the sphere of state structure in the annals of the Shenekhen Buryats Bodongut Abida (1983); Abida, B. Dimchig, Z. Bolod, S. Lhamasurjen (1985); Huasai Sogtyn Zhamso (2011), written in Old Mongolian. These are the names of people given according to their position, the names of institutions, the names of trade, money and administrative units (ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ wang; ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ yaamon; ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ gunju; ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ taizh; ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ maimai; ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ xian; ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ huo bi). The fact that Chinese words were included in the lexicon of the Old Mongolian language is confirmed by their fixation in the dictionaries Norzhin Ch., Muren Man, Sichenchogto, and 大 Big Chinese–Russian Dictionary.

The research results have led to the conclusion that the use of Chinese borrowings in the annals testify to the contacts of the Shenekhen Buryats with the Chinese ones and may illustrate the meanings of words in the named dictionaries. This testifies to their mastery of the old Mongolian writing, that is, the written form of the Buryat language in Shenekhen. Some borrowed Chinese words retain their polysemy. There are borrowings that are doublets to Mongolian words.

The topic of interactions between the Chinese and Mongolian languages requires further research.

Keywords: Shenekhen Buryats, Old Mongolian language, borrowings, Chinese, Shenekhen Buryat language.

Статья посвящена изучению китайских заимствованных слов, относящихся к сфере государственного устройства, в летописях шэнэхэнских бурят Бодонгут Абида (1983); Б. Абида, Б. Димчиг, З. Болод, С. Лхамасурэн (1985); Хуасай Согтын Жамсо (2011), написанных на старомонгольском языке. Это наименования людей по должности, название учреждения, названия торговли, денег и административной единицы (ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ван; ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ яамон; ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ гунжу; ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ тайж; ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ маймай; ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ сянь; ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ хуо би). Подтверждением того, что китайские слова вошли в состав лексики старомонгольского языка, является их фиксация в словарях Норжин Ч., Мурэн Ман; Сычэнчогто, а также в Большом китайско-русском словаре (далее 大 БКРС).

Результаты исследования позволили сделать вывод, что примеры употребления китайских заимствований в летописях свидетельствуют о контактировании шэнэхэнских бурят с китайцами и могут выступать иллюстративным материалом к значениям слов в названных словарях. Это свидетельствует об их освоении старомонгольской письменностью, то есть письменной формой бурятского языка в Шэнэхэне. Некоторые китайские слова сохранили многозначность при заимствовании. Есть заимствования, выступающие дублетами к монгольскому слову.

Тема взаимодействия китайского и монгольских языков требует дальнейшего изучения.

Ключевые слова: шэнэхэнские буряты, старомонгольский язык, заимствования, китайский язык, язык шэнэхэнских бурят.

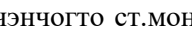
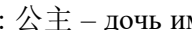
В российской науке в последние годы наблюдается активный интерес к жизни шэнэхэнских бурят, эмигрировавших в начале XX века из России во Внутреннюю Монголию в Китай (КНР) в результате сложных исторических событий на родине. Исследования российских учёных пока-

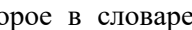
зывают, что, несмотря на эмиграцию и проживание бурят во Внутренней Монголии уже более ста лет, они сохранили национальную культуру и родной язык [Сыжэньдаолима, Егодурова]. Шэнэхэнские буряты продолжают использовать старомонгольский язык, которым пользовались

стерство; отдел: министерство иностранных дел; 3) название буддийского учреждения при династии Юань; 4) должность в прежнее время (кит. 衙门 *yá mén*) [Сычэнчогто, с. 2471].

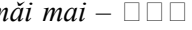
Например: [Бодонгут Абида, с. 66]. – После того, как бурят-монголы переселились в район Шэнэхэн в Хулунбуире мэрин яамон (гос. учреждение) принял решение создать Бурятский уезд в районе Шэнэхэн, и из мэрин яамон (гос. учреждение) назначили Абиду Раднаева главой уезда, а Аюшу Жамсаранэ заместителем главы...

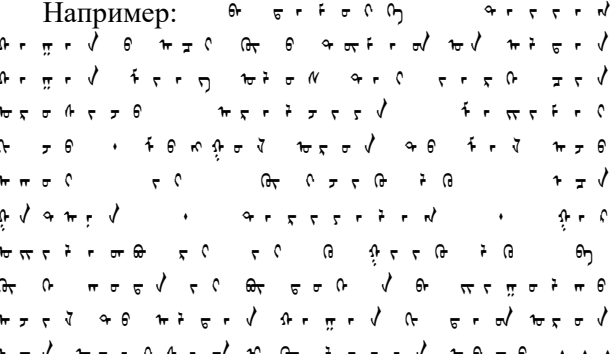
Слово *яамон* употреблено в этом примере в значении «место, где чиновники принимали решения в прежнее время», в старомонгольской графике .

Китайское слово 公主 *gōng zhǔ* – (гунжу) употребляемое в летописях, в словаре Сычэнчогто ст.монг. , бур. хаанай басаган/ (гунжу) имеет следующее значение: 公主 – дочь императора (кит. *gōng zhǔ*) [Сычэнчогто, с. 1315].

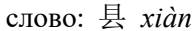
Китайское слово 太子 *tài zǐ* – (тайж) в летописях употребляется в значении, которое в словаре Сычэнчогто ст.монг. и бур. (тайж) толкуется следующим образом: 台吉 – потомки хана. В династии Юань сына хана называли Тайжи, позже его так называли и близкие родственники. Во времена династии Цин иерархия титулов от высшего к низшему называлась: ван, гонг, байлор, бэйсэ и тайж. Хохи тайж – бесполезный принц (кит. 太子 *tài zǐ*) [Сычэнчогто, с. 1760].

Например: XVI [Хуасай Согтын Жамсо, с. 3]. – В XVI в. Алтан Хан выдал замуж дочь гунжу (принцессу) Балжин за тайжа (принца) Даихон сына Бубэ Бэйлэ Хана. Слова гунжу и тайж употребляются в тексте Хуасай Согтын Жамсо в своем основном значении.

В летописях используется китайское слово 买卖 *mǎi mai* – (маймай). В Монгольском словаре корневых слов Сычэнчогто пишет, что слово 买卖 имеет значение «торговля». Это слово имеет, как пишет Сычэнчогто, разные варианты в диалектах: *маймаа*, *маймага* или *наймаи*, *наймаа*. Он приводит следующие примеры употребления слова *маймай*: *маймай хэхэ* – торговать (досл.: делать торговлю); *худалдаа маймай* – купля-продажа, торговля (кит. *mǎi mai*) [Сычэнчогто, с. 1350].

Например: [Современный исторический обзор бурят Шэнэхэна, с. 2]. – Племянник Бату-Мункэ Даян-хана Тумет Алтан-хан (1507-1582) сосуществовал с династией Мин и вел маймай (торговлю). Помимо развития животноводства в Монголии, занятий сельским хозяйством, ремёслами и строительством Хух-Хото, Алтан-хан принимал людей из Китая

Займствованные китайские слова ван (царь), яамон (приказ, присутствие), гунжу (принцесса), тайж (наследник принца), маймаа, наймаи (торговля) употреблены в летописях в одном из своих значений, зафиксированных в словаре Сычэнчогто в старомонгольской графике.

В летописях Бодонгут Абида и Хуасай Согтын Жамсо встречается китайское заимствованное слово: 县 *xiàn* – (сянь) [Бодонгут Абида, с. 86], [Хуасай Согтын Жамсо, с. 27], только в летописи Хуасай Согтын Жамсо употреблено слово 货币 *huò bì* – (хуо би) [Там же], которые тоже можно отнести к лексике государственного устройства. Но эти слова отсутствуют в словаре Сычэнчогто, их толкование имеется в «Большом китайско-русском словаре» [БКРС] и в словаре Норжин Ч., Мурэн Ман. [Норжин, Мурэн].

Слово 县 *xiàn* (сянь) в словаре БКРС зафиксировано в следующих значениях: 县 *xiàn* 1) уезд (админ. единица); уездный; провинция делится на большое число уездов; уездный народный комитет; 2) ист. владение вана, домен государя (территория от 200 до 500 или от 300 до 400 里 ли от столицы; объединение 2500 дворов);

Список литературы

Абида Б., Болод З., Димчиг Б., Лхамасурэн С. Современный исторический обзор бурят Шэнэхэна (Sineken-*ь* buriyadiud-un oyir-a-yin teke-yin toyimu) / пер. со старомонгольского языка Е. Санжанова // Локальные особенности бурятской этнической общины Внутренней Монголии Китайской Народной Республики: материалы первой науч. экспедиции Национального гуманитарного института 2004 г. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2005. С. 23–38.

Бальжинимаева Б. Д. Китайские заимствования в языке шэнэхэнских бурят Внутренней Монголии Китая // Вестник Калмыцкого университета / гл. ред. Б. К. Салаев. Элиста: Изд-во Калмыцкого университета, 2020. № 2 (46). С. 72–77.

Бодонгут Абида. Краткая история бурят-монголов (Buriyad monggul-un tobci teuke). Автономный район Внутренняя Монголия КНР: Изд-во отдела культуры Внутренней Монголии, 1983. 114 с.

Большой китайско-русский словарь URL: // <https://bkrs.info/> (дата обращения: 20.10.2020).

Мигморсурун Л. Русские бурят-монголы (Орос дахь монголчууд) // World Mongolians. Изд-во Хухото КНР, 2001. С. 30–36

Норжин Ч., Мурэн Ман. Монгол Хэлний Толь (Словарь монгольского языка). Хух-хото: Изд-во отдела народов Внутренней Монголии, 1999. 3142 с.

Сыжэньдаолима, Егодурова В. М. Русские заимствования в языке шэнэхэнских бурят как память о межэтнических отношениях // Вестник БГУ. Язык. Литература. Культура 2018. Выпуск 2. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2018. С. 10–18.

Сычэнчогто. Монгол угсийн язгуурын толь (Монгольский словарь корневых слов). Хух-хото: Изд-во отдела народов Внутренней Монголии, 1988. 2972 с.

Хуасай Сэгтын Жамсо. Шэнэхэнские бурят-монголы (Shenekhen Buriyad mongol shud). Автономный район Внутренняя Монголия КНР: Изд-во отдела культуры Внутренней Монголии, 2011. 340 с.

References

Abida, B., Bolod, Z., Dimchig, B., Lamasuren, S. (2005). *Sovremenniy istoricheskii obzor buriat*

*Shenekhena (Sineken-*ь* buriyadiud-un oyir-a-yin te'ke-yin toyimu)* [A Modern Historical Overview of the Shenekhen Buryats]. Per. so staromongol'skogo iazyka E. Sanzhanova. Lokal'nye osobennosti buriatskoi etnicheskoi obshchiny Vnutrennei Mongolii Kitaiskoi Narodnoi Respubliki. Materialy pervoi nauch. ekspeditsii Natsional'nogo gumanitarnogo instituta 2004 g, pp. 23–38. Ulan-Ude, BSU. (In Russian)

Balzhinimaeva, B. D. (2020). *Kitaiskie zaимstvovaniia v iazyke shenehienskih buriat Vnutrennei Mongolii Kitaia* [Chinese Loanwords in the Language of the Shenekhen Buryats of Inner Mongolia of China]. Vestnik Kalmyckogo universiteta. Gl. red. B. K. Salayev, pp. 72–77. Elista, Kalmyckogo universiteta. No. 2 (46). (In Russian)

Bodongut, Abida (1983). *Kratkaia istoriia buriat-mongolov (Buriyad monggul-un tobci teuke)* [A Brief History of the Buryat Mongols]. 114 p. Inner Mongolia Autonomous Region. (In Chinese)

Bol'shoi kitaisko-russkii slovar' [Big Chinese-Russian Dictionary]. URL: <https://bkrs.info/> (accessed: 20.10.2020). (In Chinese, in Russian)

Huasai Sogtin Zhamso (2011). *Shenehienskie buriat-mongoly (Shenekhen Buriyad Mongol Shud)* [Shenekhen Buryat Mongols]. 340 p. Inner Mongolia Autonomous Region. (In Chinese)

Migmorsurun, L. (2001). *Russkie buriat-mongoly (Oros dah' mongolchuud)* [Russian Buryat Mongols]. World Mongolians, pp. 30–36. Inner Mongolia Autonomous Region. (In Chinese)

Norzhin, Ch., Muren, Man. (1999). *Mongol Helnii Tol' (Slovar' mongol'skogo iazyka)* [Mongolian Dictionary]. 3142 p. Hohhot. (In Chinese)

Sychjenchogto (1988). *Mongol ugsijn jazguuryn tol' (Mongol'skii slovar' kornevyh slov)* [Mongolian Dictionary of Stem-Words]. 2972 p. Huh-hoto. (In Chinese)

Syzhendaolima, Egodurova, V. M. (2018). *Russkie zaимstvovaniia v iazyke shenehienskih buriat kak pamiat' o mezhetnicheskikh otnosheniiakh* [Russian borrowings in the Language of the Shenekhen Buryats as a Memory of Interethnic Relations]. Vestnik BSU. Iazyk. Literatura. Kul'tura. Vypusk 2, pp. 10–18. Ulan-Udje, BSU. (In Russian)

The article was submitted on 19.01.2021

Поступила в редакцию 19.01.2021

Сыжэньдаолима,
аспирант,
Бурятский государственный университет
им. Д. Банзарова,
670000, Россия, Улан-Удэ,
Смолина, 24 а.
srdlma@mail.ru

Syzhendaolima,
graduate student,
D. Banzarov Buryat State University,
24 a Smolin Str.,
Ulan-Ude, 670000, Russian Federation.
srdlma@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-125-131
УДК 811.161.1

СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ РЯДЫ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «УПОРСТВО»

© Сюй Лили

COORDINATIVE CHAINS AS A MEANS OF LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE CONCEPT “PERSISTENCE”

Xu Lili

The article discusses the linguistic representation of the concept “persistence” in the aspect of syntactic coordinative relations. The work is carried out within the framework of the semantic-cognitive approach to linguistic phenomena. The consideration of coordinative chains as a means of explicating the content of the concept is based on their close connection with the mental, cognitive activity of a person. We have established that cognitive processes of conceptualization and categorization of reality can be reflected in coordinative constructions. This study, based on the texts of the newspaper subcorpus from the National Corpus of the Russian Language, considers coordinative chains with the key lexeme-representative of the concept “persistence”. By analyzing the semantic characteristics of the components in coordinative chains, we have identified various semantic features of the concept. The study shows that persistence belongs to the thematic categories of “character traits”, “volitional qualities”, representing the inner spiritual strength of a person. It often manifests itself in striving to achieve a set goal and performs an important function in labor, sports activities, or other activities that require the use of great effort. We have also found that if persistence is understood as a character trait, it is most often accompanied by many other positive qualities, such as patience, courage, hard work, determination, self-discipline, etc. When it points to a certain action, persistence can be characterized as a negative quality.

Keywords: concept, persistence, linguistic representation, coordinative chains, National Corpus of the Russian language.

В статье исследуется языковая репрезентация концепта «упорство» в аспекте сочинительных синтаксических отношений. Работа осуществляется в рамках семантико-когнитивного подхода к языковым явлениям. Рассмотрение сочинительных рядов как средства экспликации содержания концепта опирается на их тесную связь с мыслительной, познавательной деятельностью человека. Установлено, что в сочинительных конструкциях могут отражаться когнитивные процессы концептуализации и категоризации действительности. В данном исследовании на материале текстов газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка были рассмотрены сочинительные ряды с ключевой лексемой-репрезентантом концепта «упорство». В результате анализа семантических особенностей компонентов в этих сочинительных рядах были выявлены разнообразные когнитивные признаки его. Проведенное исследование показало, что упорство принадлежит к тематическим категориям «черты характера» и «волевые качества», представляет собой внутреннюю духовную силу человека, часто проявляется в стремлении к достижению поставленной цели и выполняет важную функцию в трудовой, спортивной или в других видах деятельности, требующих приложения больших усилий. Кроме того, обнаружено, что если под упорством понимается черта характера, то этому качеству чаще всего сопутствуют многие другие положительные качества, такие как терпение, смелость, трудолюбие, решительность, самодисциплина и т. д. Если речь идет о признаке определенного действия, упорство может характеризоваться как негативное качество.

Ключевые слова: концепт, упорство, языковая репрезентация, сочинительный ряд, Национальный корпус русского языка.

Введение

В рамках современной антропоцентрической лингвистики язык рассматривается преимущественно как средство отражения когнитивного, ментального пространства человека, как доступ к на-

циональному менталитету или концептосфере народа. Известно, что концептуальные исследования, опирающиеся на семантико-когнитивный анализ языковых единиц, уже стали одним из наиболее актуальных направлений современной

лингвистики. В последние годы наблюдается повышенный интерес лингвистов к коммуникативно-дискурсивному исследованию концептуального содержания, которое основывается на анализе контекстуальных употреблений ключевой лексики-репрезентанта концепта в текстах различного типа, в том числе на анализе сочетаемостных свойств слов в разных синтаксических отношениях – в подчинительных и в сочинительных.

Цель настоящего исследования заключается в раскрытии смыслового наполнения концепта «упорство» в аспекте сочинительных синтаксических отношений. Выбор концепта «упорство» в качестве объекта исследования обусловлен важностью и актуальностью изучения внутреннего мира человека через призму языка. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: 1) рассмотреть специфику исследования сочинительных рядов в современной когнитивной лингвистике; 2) отобрать и классифицировать лексические единицы, способные образовывать сочинительные ряды с ключевой лексемой-репрезентантом концепта «упорство»; 3) выявить смысловое содержание концепта «упорство» посредством анализа семантических особенностей этих единиц. Практическим материалом исследования послужили данные газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [Национальный корпус русского языка].

Исследование сочинительных рядов в современной когнитивной лингвистике

В лингвистической традиции, сочинительным отношениям, по сравнению с подчинительными, уделяется меньше внимания из-за относительно простой синтаксической структуры [Норман, с. 172]. В настоящее время в связи с развитием когнитивной и коммуникативной лингвистики этот вопрос активно исследуется в трудах ученых У. И. Асадулаевой, Э. Н. Гаджиева, А. Е. Варнаевой, М. Ю. Масаловой, Б. Ю. Нормана, Е. В. Пастукьяна, К. Я. Сигала, С. А. Соловьёвой, Л. Д. Чесноковой и др.

В научной литературе языковые единицы, объединенные сочинительной связью, часто называются «сочинительным рядом» или «сочинительной конструкцией». По определению К. Я. Сигала, сочинительный ряд представляет собой «особую конструкцию, состоящую из двух или более синтаксически однофункциональных компонентов, объединенных на основе маркеров сочинительной связи» [Сигал, 2018, с. 158]. В исследовании А. Е. Варнаевой разделяются три типа сочинительных конструкций: 1) предложения с однородными членами (союзные и бессоюз-

ные); 2) сложносочиненные предложения; 3) полипредикативные сложные предложения [Варнаева, 2013, с. 39]. В настоящей статье основное внимание обращается на изучение сочинительных конструкций, состоящих из однородных членов предложения.

В отличие от подчинительных конструкций, в сочинительных конструкциях отсутствует подчинение одного слова другому [Масалова, с. 72]. Характерной чертой таких конструкций являются равноправие и однородность, которые основываются на лексико-семантической, функциональной и коммуникативной близости его компонентов [Соловьёва, с. 82], [Варнаева, 2016, с. 88]. Е. В. Пастукьян отмечает, что компоненты сочинительных конструкций обладают структурной и семантической взаимообусловленностью и взаимозависимостью и в то же время грамматической равноправностью и равноценностью [Пастукьян, с. 39]. В исследовании У. И. Асадулаевой и Э. Н. Гаджиева выделяются следующие семантические характеристики сочинительных конструкций: совместность, взаимное исключение, чередование, противопоставление, одновременность, последовательность, а также смысловое и грамматическое единство [Асадулаева, Гаджиев, с. 25]. Подчеркивая взаимную связь между членами сочинительных конструкций, Л. Д. Чеснокова пишет, что «ни одно из слов, входящих в сочинительный ряд, не служит для пояснения другого» [Чеснокова, с. 91].

В настоящее время сочинительные ряды рассматриваются как важное средство репрезентации когнитивной картины мира, то есть как способ отражения особенностей познания и восприятия мира. Отмечается, что образование сочинительного ряда тесно связано с когнитивной категоризацией действительности, то есть с классификацией различных предметов, признаков или явлений в сознании человека. Многие лингвисты полагают, что сочинительный ряд как «когнитивный эталон» представляет собой «один из актуальных способов конструирования внутренней речи человека» [Соловьёва, с. 83], тесно связан с прагматической мотивацией, с мотивом, замыслом текста (высказывания) [Сигал, 2004, с. 86]. Как отмечает С. А. Соловьёва, использование сочинительных конструкций в речи «основывается на глубинных схемах, существующих в сознании говорящего или возникающих в процессе порождения речевого высказывания» [Соловьёва, с. 83].

Рассматривая сочинительные конструкции в когнитивном аспекте, Б. Ю. Норман также подчеркивает, что сочинительная связь, с одной стороны, отражает «сложившуюся в коллективном

сознании номенклатуру понятий, включая сюда и родо-видовые отношения между ними», с другой – представляет собой мощный инструмент организации высказывания. Основываясь на неполном наборе общих признаков между словами, а иногда и вовсе на единственном признаке, сочинительная связь обеспечивает необходимую степень нежесткости, флексибельности классификационных механизмов, иными словами – способствует процессам обобщения и аппроксимации (приближения) в концептуализационной деятельности человека [Норман, с. 172–180]. Таким образом, анализ сочинительных конструкций можно считать одним из важнейших способов раскрытия смыслового содержания концепта и установления его отношений с другими концептами.

Репрезентация концепта «упорство» в сочинительных рядах

На материале текстов газетного подкорпуса НКРЯ были выделены более 250 различных лексических единиц, находящихся в сочинительных отношениях с ключевой лексемой-репрезентантом концепта «упорство». На основе анализа их семантических особенностей были выделены несколько лексических групп, которые способны репрезентировать разнообразные признаки концепта «упорство».

Сочинительные ряды с лексемой *упорство* в контексте образуются преимущественно бессоюзным способом или при помощи соединительного союза «и». В первую очередь, лексема *упорство* часто сочетается с лексическими единицами *сила, жизненная сила, недюжинная сила, особая сила, сила характера, сила духа, моральные силы, характер, сильный характер, железный характер, крутой нрав, бешеный темперамент, бойцовские качества, воля, сила воли, железная воля, воля к жизни, воля к победе, волюнтаризм*, которые позволяют определить, что *упорство* принадлежит к категории «черты характера», тесно связано с волевой деятельностью человека и является проявлением внутренней духовной силы человека. Например: *Нужна сила воли и упорство в достижении цели* (Этот понятный и непонятный русский язык // РИА Новости, 2008.02.22) (здесь и далее разрядка наша – С.Л.); *Спортсменка из Нижневартовска Вера Москалюк, чемпионка Европы-2006 и обладательница московского Суперкубка мира-2008 (а также вице-чемпионка мира-2007), обладает сильным характером, упорством и железной волей* (Ларюков. Дзюдоистка Вера Москалюк уверена, что может в Пекине выиграть медаль // РИА Новости, 2008.07.17).

Во-вторых, в газетных текстах можно найти множество сочинительных рядов, в которых лексема *упорство* соединяется с ее синонимами *настойчивость, стойкость, настырность*. По данным НКРЯ, самыми частотными являются сочинительные ряды со словом *настойчивость*, которое в контекстах может выражать различные признаки концепта «упорство»: стремление к достижению целей: *Так что в ближайшие дни действуйте решительно, проявите настойчивость и упорство ради достижения цели* (Астролог Лина Саванская. Календарь любви и личных отношений // Комсомольская правда, 2005.03.13); смелость, бесстрашие, отсутствие страха: *Проявляя упорство и настойчивость, вы можете испугать свой страх* (Кузьмина Ольга. Страшно – аж жуть // Труд-7, 2002.02.14); *Проявите настойчивость и упорство, не бойтесь спровоцировать конфликт или показаться занудой – зато вы сумеете заложить основу для счастливого будущего* (Астролог Лина Саванская. Календарь любви и личных отношений // Комсомольская правда, 2005.01.09); твердое отстаивание своей позиции: *Отстаивайте свои позиции без лишнего шума, используя убедительные аргументы, настойчивость и упорство* (Бастрич Александра. Широкие жесты сейчас неуместны // Труд-7, 2007.06.22). В семантике синонима *стойкость* в основном акцентируется признак «неизменность, постоянство, способность не поддаться внешнему воздействию», а слово *настырность* содержит отрицательно-оценочную характеристику.

В-третьих, в газетных текстах весьма частотными представляются сочинительные ряды с лексическими единицами, выражающими направленное стремление человека к достижению поставленной цели и его активное отношение к чему-либо: *целеустремленность, целенаправленность, нацеленность, цель, видение цели, желание, огромное желание, желание двигаться вперед, здоровые амбиции, амбициозность, стремление во что бы то ни стало стать богатым, неукротимое движение вперед, умение достичь цели, умение добиваться поставленных задач, умение добиться триумфа, удача, способность пройти свой путь до конца, рвение к победе, последовательность, позитивный настрой на успех, активность, энтузиазм, одержимость, желание работать, любовь, любовь к знаниям, тяга к учебе, тяга к знаниям, интерес к наукам, удовольствие, вдохновение, любовь к порядку, фанатизм, задор, жизнелюбие, самолюбие, любознательность*. Эти лексические единицы, с одной стороны, репрезентируют главный понятийный признак концепта «упорство» – настойчивое

стремление к достижению поставленной цели и осуществлению чего-либо желаемого, с другой – подчеркивают, что упорный человек обычно полон позитивных чувств и активных эмоций. Например: *Павел Виноградов проявил удивительное упорство, целеустремленность, чтобы достичь космических высот* (Головачев Виталий. Космический тупик // Труд-7, 2007.02.08); *Упорство и позитивный настрой на успех – это уже полдела* (Бастринч Александра. Астрологический прогноз // Труд-7, 2007.09.21); *Благодаря упорству и огромному желанию у Сергея это получается довольно неплохо* (Кирилл Планкин. Сергей Паршивлюк заинтересовал «Фиорентину» // Известия, 2013.09.19).

Четвертая группа лексических единиц, объединяющихся с лексемой *упорство*, тесно связана с трудовой и спортивной деятельностью, с затратой труда, сил и энергии для выполнения какого-либо дела: *трудолюбие, труд, планомерный труд, титанический труд, огромный многолетний труд, физический труд, руки, работоспособность, невероятная трудоспособность, усердие, старательность, старание, исполнительность, готовность и умение работать, выполнение спортивных заданий, долгие тренировки, активные тренировки, спортивные упражнения, суровые уроки, спортивный дух, спортивная злость, спортивная наглость, спортивный азарт, совместные усилия, личные усилия, напряжение всех сил, энергия, неиссякаемая энергия*. Эти единицы показывают, что упорство проявляется преимущественно в трудовой, спортивной или в других видах деятельности, требующих приложения больших усилий. Например: *Потом благодаря дьявольскому труду и упорству попадают на глаза важным дядям из Европы и России* (Насекина А. Миллионеры из трущоб. В гостях у Кариоки // Советский спорт, 2010.02.23); *Мое имя ассоциируется с правильным образом жизни, и на своем примере я могу показать молодежи, что упорством и активными тренировками в жизни можно добиться многого* (Костя-бизнесмен // Советский спорт, 2005.09.08).

Пятая группа объединяет лексемы, выражающие способность терпеть: *терпение, выдержка, сдержанность, выносливость, усидчивость*. Например: *Боишься остаться без денег и слиться с многотысячной толпой безработных асов винила? Большие терпения, упорства – и все получится!* (Светлана Данилова. Стань королем «вертушки»! // Комсомольская правда, 2006.02.15); *Была проверка на выдержку, упорство, что тоже полезно в жизни* (Ан-

желика Заозерская. Чулпан Хаматова: «С самого начала творческого пути мне не понравилась популярность» // Труд-7, 2010.12.08); *Света всегда отличалась особой усидчивостью и упорством* (Цыганкова Светлана. Победа «королевы белых ночей» // Труд-7, 2003.01.04). Эти примеры свидетельствуют о том, что в содержании концепта «упорство» компонент «терпение» занимает важное место.

Шестая группа включает следующие лексические единицы: *смелость, мужество, размах, храбрость, бесстрашие, отсутствие страха, авантюризм, решительность, твердость, жесткость, уверенность, уверенность в себе, вера в себя, вера в свой талант*. Сочинительные ряды, образуемые этими словами, позволяют утверждать, что упорство непосредственно связано с такими качествами, как смелость, решительность, твердость и уверенность. Например: *Иван, чья смелость и упорство одержали победу над вермахтом, несмотря на смертоносные промахи и преступления Сталина* (Спасти рядового Ивана // Труд-7, 2004.06.17); *Ее пытались отговорить родители, старший брат Евгений просил одуматься. Упорство и решительность сделали свое дело* (Ясюков Игорь. Капитан дамского плавания // Труд-7, 2002.12.09).

Помимо вышесказанного, семантическое содержание концепта «упорство» также эксплицируется посредством многих других лексических единиц, выражающих положительные качества человека:

– качества, связанные с самоорганизацией и самоконтролем: *дисциплина, личная дисциплина, самодисциплина, высокая дисциплина, принципиальность, тщательность, умение владеть собой, работа над собой, критическое к себе отношение, самодостаточность, индивидуальность, невозмутимость, регулярность, порядочность*. Например: *Здесь трудится немало успешных людей, у которых есть чему поучиться, необходимы только упорство и личная дисциплина* (Чистякова Наталья. Два взгляда на одну профессию // Труд-7, 2008.07.22);

– интеллектуальные качества, талант, природные и потенциальные возможности человека: *ум, природный ум, мудрость, мудрость взглядов, мозг, остроумие, сознательность, сообразительность, широкий кругозор, нестандартное мышление, современное мышление, творческое осмысление решаемой задачи, талант, неоспоримый талант, спортивный талант, великий талант, изобретательность, огромные возможности человека, потенциал, дьявольская интуиция, быстрота реакции*. Например: *Я по-*

ражаюсь ее силе и упорству, уму и таланту в своем деле, – говорит дочь о матери (Кудрикова Валентина. «Юноши» для Японии // Труд-7, 2008.07.03);

– разнообразные способности, знания, умения и навыки: *мастерство, профессионализм, знания, свои знания, навыки, умение концентрироваться на нужных делах, умение работать лопатой, умение общаться в коллективе, способность не пасовать в заведомо проигрышной ситуации, способность держать удар, готовность жить в обществе равных себе, постоянная готовность к конфликту, способность максимально быстро адаптироваться в Англии, способность бегать по раскисшим огородам, точность неукоснительная, меткость, пунктуальность, верный тактический расчет, адекватность, отличная техника, хозяйственность*. Например: *Либо им придется стать настоящими бизнесменами и зарабатывать не по благу, а благодаря своим знаниям и упорству* (Алексей Макурин. Борис Федоров: В Газпроме воровали по \$2 млрд. в год // Комсомольская правда, 2002.03.20); *Высокий профессионализм, упорство в достижении намеченной цели особенно ярко проявятся на данной неделе* (Бастрич Александра. Тельцов ждут романтические приключения // Труд-7, 2002.11.21);

– положительные качества, связанные с нравственными принципами, с социальным взаимодействием и общением, а также с обаянием личности: *верность, преданность, честность, доверие, вера, патриотизм, самоотверженность, высокая самоотдача, добросовестность, ответственность, собранность, соперничество, командный дух, единство, взаимопонимание, сплоченность команды, обаяние, неотразимая притягательность для окружающих, чувство юмора, красота, изящество лани*. Например: *Светлые слезы, пролитые над судьбой трогательного робота, были оценены выше, чем верность песика Вольта и упорство кунгфуиста Панды* (Сергеева Жанна. Круглые радости // Труд-7, 2009.01.13); *Я очень ценю в людях честность, порядочность, упорство и профессионализм* (Ольга Сухова. Новый глава ГУВД Краснодарского края: «Буду возвращать доброе имя кубанской милиции» // Комсомольская правда, 2011.02.22).

Интересно, что в речевых контекстах при сочетании с глаголом *желать* лексема *упорство* может находиться в одном ряду со словами *долголетие, здоровье, счастье*. В этом случае выражается преимущественно положительно-оценочная коннотация концепта «упорство». Например: *Главное – и в десятом так же учиться*.

Желаю тебе здоровья и упорства, и родителям, родным, близким (Александра Маянцева, Валентина Баранова. Главный Дед Мороз страны: Я расскажу вам, дети, что я делаю летом в лесу // Комсомольская правда, 2005.12.30).

Необходимо отметить, что в большинстве речевых ситуаций лексема *упорство* характеризуется положительно-оценочной окраской, однако в газетных текстах можно найти ряд примеров, в которых она образует сочинительные конструкции со словами, имеющими отрицательно-оценочное значение: *упрямство, беспринципность, эксцентричность, нигилизм, педантизм, зияющая духовная нищета, безнаказанность*. В этом случае лексема *упорство* чаще всего выражает признак определенного поведения и актуализирует такие смыслы, как настойчивое отстаивание своей позиции и мнения, твердая убежденность в необходимости что-либо делать или яростное сопротивление, противостояние чему-либо. Например: *Упорство и упрямство, с которыми иранское руководство продолжает двигаться к заветной цели (то есть самостоятельному производству ядерной энергии), похоже, уступило место трезвой оценке возможных последствий такого «хождения по лезвию ножа»* (Иран согласился отказаться от урана // Известия, 2006.09.11); *Упорство и беспринципность громадной «армии любовников» из России настолько возмутили и напугали зарубежное интернет-сообщество, что десять ведущих мировых сайтов знакомств попросту заблокировали адреса компьютеров, находящихся в нашей стране* (Эксперты предупреждают: виртуальные флирты ведут к потере денег, здоровья и веры в людей // Новый регион 2, 2006.12.01). Эти примеры также свидетельствуют о наличии отрицательно-оценочных характеристик в содержании концепта «упорство».

Заключение

Резюмируя все вышесказанное, можно констатировать, что сочинительный ряд представляет собой не только средство отражения отношений и связей между предметами, признаками и явлениями объективного мира, но и продукт познавательной деятельности. Когнитивная и коммуникативная обусловленность сочинительных конструкций послужила основой для рассмотрения этих конструкций не только в качестве средства раскрытия смыслового содержания определенного концепта, но и как способа изучения национальной концептосферы. В результате анализа сочинительных рядов с лексемой *упорство* были выявлены разнообразные когнитивные признаки концепта «упорство»: *внутренняя сила,*

волевое качество и черта характера, настойчивое стремление к достижению поставленной цели, осуществление чего-либо желаемого; свойство, проявляемое в трудовой, спортивной или в других видах деятельности, требующих приложения сил; твердое отстаивание своей позиции и т. д. Кроме того, проведенное исследование позволило раскрыть оценочные характеристики исследуемого концепта: с одной стороны, отражается тесная связь упорства с положительными свойствами: терпением, смелостью, самодисциплиной, мудростью и т. д., с другой – при выражении признака определенного действия репрезентируется отрицательно-оценочная коннотация концепта «упорство».

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Государственного совета по стипендиям КНР (CSC).

Список литературы

Асадулаева У. И., Гаджиев Э. Н. Проблема сочинительных словосочетаний в кумыкском и турецком языках // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. 2016, № 4. С. 24–27.

Варнаева А. Е. Объем и содержание понятия «сочинительная конструкция» // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2013, № 5 (23). С. 38–42.

Варнаева А. Е. Семантический аспект сочинительных конструкций // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2016, № 3 (57). С. 88–90.

Масалова М. Ю. О некоторых особенностях омонимии словосочетаний в русском и английском языках // Научный диалог. 2019, № 4. С. 70–82.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 22.04.2020).

Норман Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка. М.: Флинта, 2013. 254 с.

Пастукьян Е. В. О структурных и семантических характеристиках сочинительных конструкций // Достижения науки и образования. 2017, № 4 (17). С. 38–39.

Сигал К. Я. Сочинительные конструкции в тексте: опыт теоретико-экспериментального исследования: на материале простого предложения. М.: Гуманитарий, 2004. 404 с.

Сигал К. Я. Сочинительный ряд как синтаксический контекст абсолютного употребления переходного глагола // Филологические науки: вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2018, № 2 (80). С. 157–160.

Соловьёва С. А. Синтаксический сочинительный ряд и его функциональные возможности (на материале прозы Б. Пастернака) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019, № 5. С. 82–87.

Чеснокова Л. Д. Связи слов в современном русском языке. М.: Просвещение, 1980. 110 с.

References

Asadulaeva, U. I., Gadzhiev, E. N. (2016). *Problema sochinitel'nykh slovosochetaniy v kumykskom i turetskom iazykakh* [The Problem of Coordinative Phrases in the Kumyk and Turkish Languages]. *Izvestiia Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*. No. 4, pp. 24–27. (In Russian)

Chesnokova, L. D. (1980). *Svyazi slov v sovremennom russkom iazyke* [Word Connections in Modern Russian]. 110 p. Moscow, Prosveshchenie. (In Russian)

Masalova, M. Yu. (2019). *O nekotorykh osobennostyakh omonimii slovosochetaniy v russkom i angliyskom yazykakh* [Some Features of Homonymy of Word Combinations in the Russian and English Languages]. *Nauchnyi dialog*. No. 4, pp. 70–82. (In Russian)

Natsional'nyi korpus russkogo iazyka [National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 22.04. 2020). (In Russian)

Norman, B. Yu. (2013). *Kognitivnyi sintaksis russkogo iazyka* [Cognitive Syntax of the Russian Language]. 254 p. Moscow, Flinta. (In Russian)

Pastuk'ian, E. V. (2017). *O strukturnykh i semanticheskikh kharakteristikakh sochinitel'nykh konstrukttsii* [About the Structural and Semantic Characteristics of Coordination]. *Dostizheniia nauki i obrazovaniia*. No. 4 (17), pp. 38–39. (In Russian)

Sigal, K. Ia. (2004). *Sochinitel'nye konstrukttsii v tekste: opyt teoretiko-eksperimental'nogo issledovaniia: na materiale prostogo predlozheniia* [Coordinative Constructions in the Text: The Experience of Theoretical and Experimental Research: Based on the Simple Sentence]. 404 p. Moscow, Gumanitarii. (In Russian)

Sigal, K. Ia. (2018). *Sochinitel'nyi ryad kak sintaksicheskii kontekst absolyutivnogo upotrebleniia perekhodnogo glagola* [A Coordinative Chain as a Syntactic Context of Absolute Use of the Transitive Verb]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota. No. 2 (80), pp. 157–160. (In Russian)

Solov'eva, S. A. (2019). *Sintaksicheskii sochinitel'nyi ryad i ego funktsional'nye vozmozhnosti (na materiale prozy B. Pasternaka)* [Parataxis and Its Functionality (in the Prose of Pasternak)]. *Uchenye zapiski petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 5, pp. 82–87. (In Russian)

Varnaeva, A. E. (2013). *Ob'em i sodержание ponyatiia "sochinitel'naia konstrukttsiia"* [Denotation and Content of Notion "Coordinative Structure"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 5 (23), pp. 38–42. (In Russian)

Varnaeva, A. E. (2016). *Semanticheskii aspekt sochinitel'nykh konstrukttsii* [Semantic Aspect of Coordinating Constructions]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 3 (57), pp. 88–90. (In Russian)

The article was submitted on 15.02.2021

Поступила в редакцию 15.02.2021

Сюй Лили,
аспирант,
Национальный исследовательский
нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского,
603950, Россия, Нижний Новгород,
проспект Гагарина, 23.
lili1324559882@outlook.com

Xu Lili,
graduate student,
National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Prospekt,
Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation.
lili1324559882@outlook.com

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-132-137
УДК 811.161.1

КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО КАК СПОСОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЗНАКОВ ЗОДИАКА

© Наиля Фаттахова, Аида Аглюллина

THE KEYWORD AS A METHOD FOR IDENTIFYING ZODIAC SIGNS

Nailya Fattakhova, Aida Aglyllina

The article considers the horoscope as a special form of the predictive text. It is practically unknown what underlies the origin and organization of the horoscope, whether prediction is really related to astrology, why we believe in horoscopes. The object of this study is the two most significant signs of the zodiac that form the opposition of fire and water signs - Aries and Pisces. The analysis of predictive texts, focused on these signs of the zodiac, showed that they all, despite certain semantic differences, have an invariant structure, which first of all actualizes the national perception of the signs and symbols of the zodiac circle. The purpose of this article is to identify the principles of organization and functions of the Russian predictive text. A statistical analysis of keywords, found in a significant number of texts (500 titles), allowed us to identify the most significant elements, characterizing each of the zodiac signs, which are built according to the center/periphery principle. The associative experiment, aiming to identify the zodiac sign by means of keywords, indicates that the perception of the zodiac signs is based on intuitive, curtailed knowledge and ideas about rams and fish. The results of our research strongly suggest that horoscopes are special texts constructed according to certain schemes that actualize in the mind of the perceiver certain national stereotypes, preserved in small genres of folklore of a particular ethnos. We have established that keywords play a special role in the construction and understanding of the predictive text scheme, working as clamps that allow the subjects to orient themselves in a certain situation.

Keywords: horoscope, national stereotypes, keywords, signs of zodiac, Aries, Pisces.

Статья посвящена рассмотрению гороскопа как особой формы предсказательного текста. Практически не известно, что лежит в основе возникновения и организации гороскопа, действительно ли предсказание связано с астрологией, как можно определить признаки, по которым могут объединяться и различаться предсказания по тем или иным знакам зодиака, почему мы верим в гороскопы. Объектом данного исследования являются два наиболее значимых знака зодиака, образующие оппозицию в качестве огненного и водного знаков – Овен и Рыбы. Анализ предсказательных текстов, ориентированных на данные знаки зодиака, показал, что они все, несмотря на определенные семантические различия, обладают инвариантной структурой, актуализирующей прежде всего национальное восприятие знаков-символов зодиакального круга. Цель данной статьи – выявить принципы организации и функционирования русского предсказательного текста, опираясь при этом на значимые элементы текста, в первую очередь на ключевые слова, которые рассматриваются нами как элементы текста, позволяющие выявить связь гороскопа с имеющейся у субъекта системой представлений и знаний о мире. Статистический анализ ключевых слов, представленных в значительном количестве текстов (500 наименований), позволил нам выявить наиболее значимые элементы характеристики каждого из знаков зодиака, которые выстроены по принципу центр / периферия. Проведенный ассоциативный эксперимент, предполагающий определение знака зодиака по ключевым словам, свидетельствует о том, что в основе их восприятия лежат интуитивные, свернутые знания и представления о баранах и рыбах. Результаты нашего исследования убедительно свидетельствуют о том, что гороскопы – это тексты, построенные по определенным схемам, актуализирующим в сознании воспринимающего национальные стереотипы, запечатленные в малых жанрах фольклора того или иного народа. Установлено, что особую роль в построении и понимании схемы предсказательного текста играют ключевые слова как скрепы, позволяющие субъекту ориентироваться в определенной ситуации.

Ключевые слова: гороскоп, национальные стереотипы, ключевые слова, знаки зодиака, Овен, Рыбы.

Гороскоп как особый текст находится в фокусе внимания исследователей, занимающихся изучением языка и структуры малых жанров фольклора как в одном, конкретном, языке, так и в сопоставительном плане. За последнее десятилетие появились работы, так или иначе связанные с описанием предсказательного текста, в которых рассматриваются вопросы восприятия, понимания и функционирования его (А. Архипова, В. В. Бейм, М. В. Богодерева, В. И. Карасик, А. А. Князева, Е. Р. Савицкайте, С. Р. Султанова и др.). Обзор имеющихся публикаций убеждает нас в том, что вне поля зрения исследователей остаются вопросы системной организации гороскопов, их взаимосвязь с другими подобными текстами, в частности пословицами, поговорками, загадками и фразеологизмами.

Тексты гороскопов довольно просты по структуре и не обладают большими объемами. Информация в прогнозах знаков зодиака даётся в сжатой форме, но в этом ограниченном объеме тексте содержатся рекомендации, советы, сообщается о ближайших событиях в жизни человека, родившегося под тем или иным знаком. Однако такая форма изложения (объем + информативность) характерна именно для гороскопов (прогнозов) на каждый день, неделю, месяц, год. Предметом нашего исследования выступает особый вид гороскопов, содержащий характеристику знака зодиака. Как правило, такая характеристика дает описание особенностей характера, мировоззрения и мировосприятия человека, содержит указание на взаимоотношения с другими людьми и с окружающим миром в целом, предсказывает перспективы общественной и личной жизни, рассматривает сильные и слабые стороны характера и т. п.

В психологии подобного рода тексты играют особую роль, суть которой была описана ученым Р. Бертраном-Форером, утверждавшим, что «в обычных жизненных обстоятельствах большинство людей с готовностью принимают обобщенное описание личности за совершенно адекватное описание их собственных личностей» (цит. по: [Степанов, с. 8]).

Как же достигается данный эффект, что лежит в его основе, как он формируется? На какие ключевые слова опирается процесс понимания и восприятия того или иного гороскопа? Нам представляется, что подобные обобщенные описания создаются прежде всего с учетом фоновых знаний носителя того или иного языка, содержащих отсылку к традиционным, привычным образам, культурным кодам и символам, запечатленным в пословицах, поговорках, фразеологизмах и т. п. При этом «...выбор реалий для созда-

ния образа <...> не случаен. Слова-компоненты <...> являются именами не реалий (в широком смысле этого слова), а культурных знаков, т.е. реалий, получивших культурное переосмысление» [Ковшова, с.175].

Принцип аналогии, который лежит в основе большинства устойчивых сочетаний, таких как пословицы, поговорки, фразеологизмы, народные приметы, актуален и для гороскопов, поскольку любой гороскоп формируется на основе ключевых слов. Тексты гороскопов строятся на основе тех ассоциаций, которые формируют первичное восприятие предсказания и закладывают определенные схемы действия, возникающие в результате обобщения практического опыта.

В памяти человека, выросшего и воспитанного в определенной национальной культуре, сохраняются разного рода устойчивые выражения, прежде всего пословицы и фразеологизмы, отражающие народные представления и суждения о предметах, явлениях, действиях, наиболее важных и значимых в данной культуре. «Пословицы, поговорки, присловья, прибаутки <...> важны, как выразительные, меткие, по самой форме своей наименее подверженные искажению образцы устной народной речи и как памятники издавна сложившихся воззрений на жизнь и ее условия. Пословицы и поговорки сливаются со всеми другими изречениями народной опытности <...>, примыкают к общей сумме стародавних преданий» [Афанасьев, с.27].

Наглядной иллюстрацией этого служат знаки зодиака, основанные на обозначении представителей животного мира, таких как овен, телец, лев, рыбы, рак, скорпион. Как известно, зодиакальный круг включает 12 знаков зодиака, распределенных по стихиям (огонь, вода, земля и воздух). Мифологизированное созвездие Овен – первый знак зодиакального круга, он появляется во время весеннего равноденствия, символизирует начало природного цикла, возрождение природы и жизни. В мифологии разных народов овен занимает значительное место, где он предстает как воплощение энергии и силы огня, жертвенного пламени, сжигающего все негативное, низменное, отрицательное. Позитивно-возвышенная символика овна в мировой мифологии контрастирует с пониманием овна в русских фольклорных текстах, фиксирующих отрицательное отношение к барану, олицетворяющему трусость, глупость, упрямство и тупость. Вот, например, какое определение барану дается в «Словаре русской ментальности»:

Баран – некрупное домашнее **животное** с изогнутыми **рогами**, тупое и упрямое (не по злой **воле**, а по

глупости). По характеру близок к ослу, хотя **поведение** его определяет в первую очередь глупость (как баран на новые ворота), а не **упрямство**. Как стадное животное, не имеет выраженной личной **воли** и предпочитает быть в собрании себе подобных...

Идеальная ипостась Б.-а – овен (цсл. «жертва»), агнец, отмеченный **кротостью** и **смирением**; в евангельской традиции (Матф.25:32) берет начало символика нравственного разделения **народов** на овнов и **козлов** [Колесов, Колесова, Харитонов, с. 28].

В словарях пословиц и поговорок, фразеологизмов, в толковых словарях фиксируются следующие значения: *уперся как баран* – упрямо стоит на своем; *разбирается, как баран в апельсинах* – символ полной некомпетентности; *паршивая овца все стадо портит* – считается самым вредным существом в коллективе; *рядиться в овечью шкуру* – прикидываться скромным, слабым и миролюбивым созданием с целью скрыть свою воинственную сущность и т. п.

Подобный контраст возвышенного и низменного стал основой для характеристики первого знака зодиака в русских гороскопах, в которых Овен предстает как сложный, неоднозначный, противоречивый знак зодиака. С одной стороны, есть отсылка к порядку расположения знаков зодиака (ключевое слово **первый** – «лучший из лучших, ведущий последующих» [Там же, с.13]). В соответствии с этим Овен рассматривается не только как первый знак зодиака, но и как первый в жизненных достижениях, в сценариях общественной, трудовой, карьерной, военной деятельности и семейной жизни. Синонимическая группа, включающая в определение сему «первый», состоит из ряда слов, которые характеризуют Овна как *первопроходца, героя, супермена, лидера, вожда*:

Его желание быть во всём первым – это основной мотив всех его поступков и действий» [Секреты знаков зодиака] (здесь и далее разрядка наша – Н. Ф., А. А.);

Овны – прирожденные лидеры [Топ-4 знаков зодиака];

Овен – прирожденный Супермен, твердо знающий о том, что в жизни всегда найдется место подвигу и посвятивший свою жизнь борьбе... Ну, а ещё, конечно, хочется казаться окружающим настоящим героем, достойным всеобщего восхищения и обожания [Маска, которую носит каждый из знаков зодиака].

Другая важная отсылка – это стихия огня, которая является ведущей в зодиакальном знаке. Огонь – «буйная стихия, соединяющая в себе **дух разрушения** и **очищения**, проявляется как сильный **жар** и яркий **свет**» [Колесов, Колесова, Харитонов с. 553]. Оппозиция разрушения / созидания

наиболее ярко выражается атрибутивными сочетаниями, фиксирующими балансировку данного знака зодиака на грани между огнем и водой (на стыке знаков Овна и Рыбы), что свидетельствует о противоречивом, сложном характере Овна, предстающего как *вспыльчивый / хладнокровный, недисциплинированный / целеустремленный, высокомерный / неуверенный в себе* знак зодиака. Стихия огня коррелирует со взрывами, огненными вспышками, импульсивностью, нетерпеливостью и нетерпимостью к чужому мнению:

Сложными Овнов делает их необузданная энергия и импульсивность: они сами порой не знают, чем закончится разговор или конфликт и что они скажут в следующую секунду [Ходячая проблема];

И все же с ними нужно быть максимально тактичным, чтобы не подорваться на mine взрывного характера [Самые обидчивые знаки зодиака].

Люди, живущие под этим знаком, готовы «взорваться» в любую секунду [Топ-5 знаков зодиака];

Знаком Овна управляет Марс – самая воинственная, активная, сексуальная и напористая планета. Энергичные, огненные, нетерпеливые Овны не просто не дадут себя в обиду, но и других спасут из передраги [Самые сильные знаки Зодиака].

С другой стороны, Овен в своей низшей ипостаси рассматривается как баран, обладающий упрямством и грубостью дикаря, непомерной амбицией, самолюбованием, предугадать которые можно, если мы знаем поведенческие особенности и правила, изложенные в разного рода устойчивых конструкциях. Гороскопы, фиксирующие интерпретацию поведения барана на низшем, биологическом, уровне, формируются на основе атрибутивных синонимов: *упрямый, упорный, настойчивый, неуступчивый, нетерпеливый, импульсивный, агрессивный, грубый, злой* и т. п. Моделирование поведения Овна опирается и на вербальный ряд, включающий определенный набор характеризующих глаголов и глагольных фразеологизмов: *переспорить, ненавидеть, стоять на своем, сходить с ума* и т. п.:

Нетерпеливый, агрессивный и упрямый – три слова, которыми можно описать Овна [Главная злока среди знаков зодиака];

Овен не может контролировать чувства, скапливающиеся внутри, поэтому взрывается. Они будто сходят с ума и сразу становятся злыми [Там же];

Они переспоряют любого, кто затеет это проигрышное дело. В силу своей импульсивности, овны думают после того, как дело сделано ... Овны ненавидят, когда их перебивают, сравнивают с кем-то и наговаривают на них [Установки каждого знака зодиака].

Оппозицию огненным знакам составляют водные, в которых смысловые поля ключевых слов ориентированы на лексему *вода*. В частности, Рыбы – последний, двенадцатый знак зодиака, эксплицитно содержит указание на *водную стихию*:

Рыба – водное животное с холодной кровью и жабрами вместо легких как символ таинственной глубины («рыба ищет, где глубже»), скрытности (молчать как рыба), холодности и несокрушимой молчаливости, а также умения свободно ориентироваться в близком и любимом деле (как рыба в воде).

Неопределенная **уклончивость** (ни рыба ни мясо), душевная **робость** (икру метать) и безуспешность предпринятых дел (биться как рыба об лед), дополняют характеристику Р-ы; таков вялый, медлительный, ко всему равнодушный **человек**, бесстрастно и холодно взирающий на **мир**. В уподоблении человеку Р. часто становится мерилем жизненных ситуаций («рыба гниет с головы») [Колесов, Колесова, Харитонов, с.198].

Как известно, читающий гороскоп субъект живет в определенном социуме, поэтому предсказательный текст воспринимается на фоне предшествующих знаний, основанных на культурной интерпретации, в данном случае рыбы как водного животного и как определенного символа. Ключевым словом, или ключевой доминантой, является слово *вода* (и все, что связано с ним). Семантическое поле слова *вода* включает в себя лексику, имеющую отсылку к разным свойствам, характеристикам, различным состояниям воды:

Без любви Рыбы себя чувствуют как без воды, одиноко брошенными на пустынный берег [Главные жизненные ценности каждого знака зодиака];

Золотой дождь обрушится на Рыб совершенно неожиданно... Только от самих Рыб зависит, как долго продлится период благодатного денежного дождя [Какие знаки зодиака осыплет золотом].

Рыбы постоянно ищут баланс и гармонию между внешним и внутренним миром, пытаются избавиться от внутренних противоречий, возникающих из-за того, что они вынуждены жить на земле, вне своего комфортного водного существования:

Рыбам сложно с самими собой... Одна сторона их личности ориентируется на внешний мир, другая – затягивает Рыб все глубже в бездну эмоций, ощущений, нерешительности, интуитивно принятых, никому не понятных решений [Ходячая проблема].

Идентификация последнего знака зодиака основана на представлениях о рыбе как *бессловесном, молчаливом, бесстрастном, холодном, равнодушном* существе. Анализ гороскопов знака Рыбы свидетельствует о том, что в качестве основной, ключевой лексики знака выступает слово *обида*:

Обида и рефлексия над ней не дают Рыбам ни есть, ни спать, и как выйти из этого порочного круга, они не знают. В этом смысле Рыбы, пожалуй, самый обидчивый знак зодиака — для них ничего не проходит бесследно, а каждое неосторожное слово сказывается на отношениях [Самые обидчивые знаки зодиака].

Рыбы предстают и в другом образе: *милого, доброго, нежного, романтического* существа, готового прийти всем на помощь, однако это иллюзия, поскольку в рейтингах знаков, определяющих самого доброго или злого, самого тяжелого и агрессивного знака, Рыбы зачастую занимают лидирующие позиции. На комбинациях добра и зла, любви и ненависти построены различные состояния внутренних, душевных переживаний данного знака зодиака:

Рыбы очень романтические люди [Раки привязчивы, а Овны импульсивны];

Рыбы рождены и живут с принципом «надо помочь, без меня не справятся». Поистине, золотая рыбка, которая успевает везде, всегда, ко всем, исполняя желания и просьбы [Установки каждого знака зодиака];

Любой, кто пересекался с Рыбами, скажет, какие они добрые и нежные. Они искренне заботятся о других, если видят, что кому-то нужна помощь. А вот если их обидели, они резко прекращают всякое общение с обидчиком [Главная злока среди знаков зодиака].

Таким образом, анализ характеристик знаков зодиака в прогностических текстах позволил выявить и описать ключевые слова, используемые для создания вполне понимаемого и принимаемого субъектом образа. Идентификация ключевых слов в составе прогностического текста опиралась на энциклопедические знания о конкретных представителях животного мира, с одной стороны, и языковые знания, запечатленные в устойчивых конструкциях, отсылающих к национально-специфическому восприятию фразео-

логизмов, пословиц и поговорок, с другой. Этим достигается эффект доверия к гороскопу, построенному на стереотипных схемах, которые, обобщая, индивидуализируют предсказание для конкретного читателя.

Список литературы

Афанасьев А. Н. Происхождение мифа. Метод и средства его изучения / Древо жизни. Избранные статьи. М.: Современник, 1988. С.101–108.

Главная злюка среди знаков зодиака. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d51a1366d29c100ac32a4e4/glavnaia-zliuka-sredi-znakov-zodiaka-5fdb8f317ec4a2413dd4c78b> (дата обращения: 22.12.2020).

Главные жизненные ценности знаков зодиака. URL: <https://m.ok.ru/raznajavsacina/topic/66019571635482/> (дата обращения: 10.12.2020).

Какие знаки зодиака осыплет золотом. URL: <https://mk.kn.md/social/2020/10/07/kakie-znaki-zodiaka-osyplet-zolotom-oktyabrya-vo-vtoroy-dekade.html/> (дата обращения: 10.10.2020).

Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 456 с.

Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т.1. А – О. С.-Петербург: Златоуст, 2014. 592 с.

Маска, которую носит каждый из знаков зодиака. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5e32e1eb7065cb58f698c1b6/maska-kotoruii-nosit-kajdyi-iz-znakov-zodiaka-5fda633dd771e52b03c2a4c0/> (дата обращения: 18.12.2020).

Раки привязчивы, а Овны импульсивны. URL: <https://lisa.ru/goroskop/657552-raki-privyazchivy-a-ovny-impulsivny-hudshie-kachestva-znakov-zodiaka/> (дата обращения: 27.11.2020).

Самые обидчивые знаки зодиака. URL: https://www.cosmo.ru/horoscope/weekly_main/samye-obidchivye-znaki-zodiaka/ (дата обращения: 27.11.2020).

Самые сильные знаки зодиака. URL: <https://www.ellegirl.ru/articles/zodiac-power-camye-silnye-znaki-zodiaka/> (дата обращения: 03.11.2020).

Секреты знаков зодиака. URL: <https://www.colady.ru/sekrety-znakov-zodiaka-skrytye-cherty-haraktera-kotorye-mogut-obyasnit-povedenie-vashego-izbrannika.html/> (дата обращения: 10.10.2020).

Степанов С. С. Что вы знаете и чего не знаете о себе и о других: Психол. тесты и наблюдения над странностями человек. психологии / Сост. С. Степанов. Дубна: Изд. центр «Феникс», 1995. 157 с.

Топ-4 знаков зодиака. URL: <https://www.5-tv.ru/news/325052/top4-znaka-zodiaka-pod-kotorymi-rozdaitsa-samye-mogusestvennye-ludi/> (дата обращения: 24.12.2020).

Топ-5 знаков зодиака. URL: <https://riafan.ru/1359800-top-5-znakov-zodiaka-s-samym-tyazhelym-kharakterom/> (дата обращения: 27.12.2020).

Установки каждого знака зодиака. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c4c6c012e7d9d00b0e66f>

da/ustanovki-kajdogo-znaka-zodiaka-5fcf9a1b4b6f9b5380442ab0/ (дата обращения: 10.12.2020).

Ходячая проблема. URL: https://www.cosmo.ru/horoscope/weekly_main/samye-slozhnye-znaki-zodiaka/ (дата обращения: 27.11.2020).

References

Afanas'ev, A. N. (1988). *Proiskhozhdenie mifa. Metod i sredstva ego izuchenii* [The Origin of the Myth. Method and Means of Studying It]. *Drevo zhizni. Izbrannye stat'i*. Pp. 101–108. Moscow, Sovremennik. (In Russian)

Glavnaia zliuka sredi znakov zodiaka [The Main Villain among the Sings of the Zodiac]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d51a1366d29c100ac32a4e4/glavnaia-zliuka-sredi-znakov-zodiaka-5fdb8f317ec4a2413dd4c78b> (accessed: 22.12.2020). (In Russian)

Glavnye zhiznennye tsennosti znakov zodiaka [The Main Values of the Zodiac Sings]. URL: <https://m.ok.ru/raznajavsacina/topic/66019571635482/> (accessed: 10.12.2020). (In Russian)

Kakie znaki zodiaka osyplet zolotom [What Sings of the Zodiac will Shower with Gold]. URL: <https://mk.kn.md/social/2020/10/07/kakie-znaki-zodiaka-osyplet-zolotom-oktyabrya-vo-vtoroy-dekade.html/> (accessed: 10.10.2020). (In Russian)

Khodiachaia problema [A Walking Problem]. URL: https://www.cosmo.ru/horoscope/weekly_main/samye-slozhnye-znaki-zodiaka/ (accessed: 27.11.2020). (In Russian)

Kovshova, M. L. (2013). *Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii: Kody kul'tury* [Linguocultural Method in Phraseology: Culture Codes]. Izd. 2-e. 456 p. Moscow, Knizhnyi dom "LIBROKOM". (In Russian)

Kolesov, V. V., Kolesova, D. V., Kharitonov, A. A. (2014). *Slovar' russkoi mental'nosti* [Dictionary of Russian Mentality]. V 2 t. T.1. A – O. 592 p. St. Petersburg, Zlatoust. (In Russian)

Maska, kotoruii nosit kazhdyi iz znakov zodiaka [The Mask Worn by Each of the Zodiac Sings]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5e32e1eb7065cb58f698c1b6/maska-kotoruii-nosit-kajdyi-iz-znakov-zodiaka-5fda633dd771e52b03c2a4c0/> (accessed: 18.12.2020). (In Russian)

Raki privyazchivy, a Ovny impul'sivny [Cancers Are Affectionate and Aries Are Impulsive]. URL: <https://lisa.ru/goroskop/657552-raki-privyazchivy-a-ovny-impulsivny-hudshie-kachestva-znakov-zodiaka/> (accessed: 27.11.2020). (In Russian)

Samye obidchivye znaki zodiaka [The Most Touchy Sings of the Zodiac]. URL: https://www.cosmo.ru/horoscope/weekly_main/samye-obidchivye-znaki-zodiaka/ (accessed: 27.11.2020). (In Russian)

Samye sil'nye znaki zodiaka [The Strongest Sings of the Zodiac]. URL: <https://www.ellegirl.ru/articles/zodiac-power-camye-silnye-znaki-zodiaka/> (accessed: 3.11.2020). (In Russian)

Sekrety znakov zodiaka [Secrets of the Zodiac Sings]. URL: <https://www.colady.ru/sekrety-znakov-zodiaka-skrytye-cherty-haraktera-kotorye-mogut-obyasnit>

povedenie-vashego-izbrannika.html/
10.10.2020). (In Russian)

Stepanov, S. S. (1995). *Chto vy znaete i chego ne znaete o sebe i o drugikh: Psikholog. testy i nabliudeniia nad strannostiami chelovech. psikhologii* [What You Know and What You Don't Know about Yourself and Others: Psychol. Tests and Observations of Strangeness of Human Psychology]. 157 p. Dubna, izd. tsentr "Feniks". (In Russian)

Top-4 znakov zodiaka [Top 4 Signs of the Zodiac]. URL: <https://www.5-tv.ru/news/325052/top4-znaka->

(accessed:

zodiaka-pod-kotorymi-rozdautsa-samye-mogusestvennye-ludi/ (accessed: 24.12.2020). (In Russian)

Top-5 znakov zodiaka [Top 5 Signs of the Zodiac]. URL: <https://riafan.ru/1359800-top-5-znakov-zodiaka-s-samym-tyazhelym-kharakterom/> (accessed: 27.12.2020). (In Russian)

Ustanovki kazhdogo znaka zodiaka [Attitudes of Each Zodiac Sign]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c4c6c012e7d9d00b0e66fda/ustanovki-kajdogo-znaka-zodiaka-5fcf9a1b4b6f9b5380442ab0/> (accessed: 10.12.2020). (In Russian)

The article was submitted on 16.03.2021

Поступила в редакцию 16.03.2021

Фаттахова Наиля Нурыйхановна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
n-fattahova@mail.ru

Аглуллина Аида Ринатовна,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
aglullina.aida@gmail.com

Fattakhova Nailya Nuryikhanovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
n-fattahova@mail.ru

Aglullina Aida Rinatovna,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
aglullina.aida@gmail.com

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-138-141
УДК 811.161.1'3

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕОЛОГИЗМОВ ИТ-СФЕРЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ)

© Мимоза Фахрутдинова

FUNCTIONS OF IT NEOLOGISMS IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE LATEST PERIOD (BASED ON ELECTRONIC MEDIA TEXTS)

Mimoza Fahrutdinova

The paper studies the structure and semantics of information technology neologisms in the modern Russian language. The research is based on the method of contextual search, as well as on the analysis of literary sources, with the aim to identify the ways neologisms function in electronic media. The article raises the question of the influence that the English language exerts on the formation of neologisms in the modern Russian language and carries out a structural and semantic analysis of new words in the field of IT technologies, highlighting the main trends in their formation and semantic assimilation. The object of this scientific work is the texts of electronic media, and the subject is the neologisms of the IT sphere. The purpose of the article is a functional and stylistic analysis of IT neologisms in the Russian language of the latest period, based on electronic media texts. The article presents the results of research into information technology neologisms in the texts of modern mass media, which are an interesting and actively developing phenomenon in the modern Russian language. The relevance of the research can be explained by the rapidly increasing number of new words, denoting the means of communication and the latest computer technologies. The study of the development of neologisms makes it possible to observe characteristic features in the language development and the organization of speech activity. The article employs the descriptive method with respect to neologisms of the IT sphere, found in modern electronic media texts, using elements of etymology, as well as various types of dictionaries and journalistic publications. The practical significance of the scientific article lies in the possibility of using the obtained data as reference material for further research in the field of Russian language lexicology of the recent period.

Keywords: IT-sphere, neologism, mass media, assimilation, semantics, structure.

Работа посвящена рассмотрению структуры и семантики неологизмов из сферы информационных технологий в современном русском языке. В основе исследования лежит метод контекстного поиска, а также анализ литературных источников с целью выявления способов функционирования неологизмов в электронных СМИ.

Статья поднимает вопрос воздействия английского языка на формирование неологизмов в современном русском языке. Кроме того, проводится структурный и семантический анализ новых слов в сфере ИТ-технологий, выделяются основные тенденции их образования и семантической ассимиляции. Объектом исследования являются тексты электронных СМИ, предметом – неологизмы ИТ-сферы. Цель статьи – функционально-стилистический анализ новых слов из сферы информационных технологий в русском языке новейшего периода на материале текстов электронных СМИ.

В статье представлены итоги исследования неологизмов из сферы информационных технологий в текстах СМИ, которые являются интересным и активно развивающимся явлением в современном русском языке. Актуальность работы обусловлена появлением большого количества новых слов, обозначающих средства коммуникации и компьютерные технологии последних лет. Исследование формирования неологизмов дает возможность наблюдать характерные особенности в развитии языка и организации речевой деятельности. В представленной статье используется метод описания неологизмов ИТ-сферы в современных текстах электронных СМИ с использованием элементов этимологии, а также с привлечением различных видов словарей и публицистических изданий.

Практическая значимость работы заключается в возможности употребления полученных данных в качестве опорного материала для иных исследований в области лексикологии русского языка новейшего периода.

Ключевые слова: ИТ-сфера, неологизм, СМИ, ассимиляция, семантика, структура.

Жизнь общества – это постоянное движение, а следовательно, и связанные с этим движением изменения, которые происходят на разных уровнях. Все перемены, осознаваемые обществом, находят отражение в словарном составе языка.

Широко известно, что XXI век стал периодом активного развития IT-технологий, параллельно с которыми в языке образуются неологизмы, относящиеся к этой сфере. Данное языковое явление объясняется тем фактом, что носителями и создателями новой лексики являются представители востребованных на сегодняшний день профессий, которые связаны с информационной сферой: системный администратор, программист, веб-дизайнер, IT-специалист и т. д. [Скоорохова, Щеголева, с. 75].

Для каждого исторического периода характерны свои неологизмы. Их возникновение обусловлено коммуникативной необходимостью общества. В лингвистике существуют различные точки зрения на тему природы и критериев выделения неологизмов. Ученые придерживаются того мнения, что главными характеристиками неологизма являются обозначение недавно возникшей реалии действительности и нестандартность лексической единицы.

Теоретической базой исследования послужили труды следующих лингвистов: А. А. Брагина, М. И. Фомина, Л. Л. Касаткин, Е. И. Диброва, К. С. Горбачевич, Т. Г. Никитина, А. Д. Пасева, Н. М. Шанский, Е. И. Марченко, С. К. Кубашичева, Н. И. Клушина, О. Г. Шилова и другие.

Многие ученые говорят об особом «компьютерном стиле», сформировавшемся за последние десятилетия, и его экспансии. Компьютерная лексика характеризуется наличием большого количества англицизмов, которые различаются сферой употребления: официальной и неофициальной.

Неологизмы IT-сферы могут быть классифицированы по двум параметрам:

- с точки зрения источника появления и способа создания;
- с точки зрения целей образования новых слов.

Первая классификация (с точки зрения источника появления и способа создания) позволяет выделить следующие типы неологизмов:

- семантические (это ранее знакомые всем слова, у которых появились новые значения или дополнительный оттенок в значении слова);
- лексические (слова, которые образованы по продуктивным моделям, уже существующим в языке);
- авторские (индивидуально-стилистические), которые создаются по необычным моделям

и придают образность произведению. Например, слово *пицценосец* образовано по модели слова *оруженосец*.

Рассмотрим подробнее один из примеров семантических неологизмов. Слово *пост* как обозначение занимаемой должности приобретает новое значение в сфере СМИ. *Пост* – небольшой информационный блок социальной сети, авторская статья, отдельное сообщение в форуме. Причем в этом значении лексическая единица *пост* становится довольно продуктивной в словообразовательном отношении, что подтверждается производными словами *постить*, *репост*. А в словосочетании *эпоха репостмодернизма* описываемый неологизм приобретает иронический характер и подмечает характерные особенности современной жизни.

К семантическим неологизмам IT-сферы можно отнести также лексему *зеркало*: в IT-сфере это сайт, где дублируется содержание с основного сайта.

Иллюстрацией лексических неологизмов могут стать нижеуказанные примеры:

Файл-сервер – выделенный в сети компьютер, который обеспечивает хранение любого типа файлов;

Экстранет – корпоративная сеть, которая защищена от несанкционированного доступа разных пользователей;

Капча – графический элемент веб-страницы, содержащий в себе буквы и цифры и предназначенный для защиты от автоматического спама;

Линк – ссылка, активный элемент на странице веб-сайта, нажатие на который приводит к какому-либо действию.

В соответствии со второй классификацией все неологизмы, в зависимости от предназначения новых слов в речи и целей их формирования, можно разделить на:

- стилистические, дающие образную характеристику предметам (например, *девайс*);
- номинативные, прямо называющие понятия (например, *утилита*).

Номинативные неологизмы, как правило, не образуют синонимических пар, хотя допускают параллельное возникновение наименований-конкурентов. К ним можно отнести множество дефиниций с узкоспециальным значением: *хостинг*, *викиальность*, *анбоксинг* и др.

Примерами стилистических неологизмов могут послужить слова *спойлер*, *хайп* и производные от них лексемы, которые приобрели за последние несколько лет большую популярность и имеют зачастую негативный оттенок значения и разговорный характер. К огорчению, в периоди-

ческой печати содержится небольшое количество примеров, иллюстрирующих в достаточной мере функцию выполнения ИТ-неологизмами стилистической функции в языке. Данный факт позволяет прийти к выводу, что лексика, подвергаемая анализу, требует дальнейшего исследования со стороны лингвистов [Тукмакова, с. 19].

Отметим также основные функции, которые выполняют неологизмы ИТ-сферы в текстах СМИ.

Во-первых, выделяется апеллятивная функция, которая связана с привлечением внимания адресата и провокацией реакции на представленную информацию.

Во-вторых, отмечается функция экономии лексических средств. Современные носители языка стремятся минимизировать собственные усилия в области словообразования и синтаксиса, из чего следует необходимость в употреблении новых более емких и кратких лексических единиц.

Стоит отметить, что неологизмы из сферы информационных технологий выполняют в языке, как правило, номинативную функцию. Номинативная функция реализуется в появлении слов с целью наименования новых предметов и понятий. Кроме того, большое число неологизмов употребляется в публицистической сфере и для языковой экономии. Так, неологизм *паралимпиада* образован сложением лексем *парализованный* и *олимпиада*. Итак, из вышеперечисленных функций для неологизмов в СМИ наиболее характерны апеллятивная функция и функция экономии лексических средств.

Эмпирической базой данной статьи послужили тексты электронных газет «Московский комсомолец», делового интернет-журнала «White Square Journal», электронные издания «ТВ-Новости», «Росбалт» и «Life», из которых методом сплошной выборки были выделены и проанализированы неологизмы ИТ-сферы. Их тематический анализ позволяет разделить неологизмы на следующие лексико-семантические группы:

- 1) названия составных частей устройств: *дисплей, смартфон, планшет*;
- 2) названия программных продуктов: *софт-компания, интерфейс*;
- 3) работа с компьютером: *копираст, скриншот*;
- 4) пользователь или программист: *киберскауттер*;
- 5) интернет: *аккаунт, хостинг, потоковая передача, контент, онлайн-формат, трансляция, фейк, фишинг, Фейсбук, Whatsapp, соцсеть*,

Twitter, пост, чат, дистанционное обучение, кибербуллинг.

Основную массу неологизмов ИТ-сферы, употребляемых в новостных СМИ, можно отнести к группе «Интернет» (66,8%), что неудивительно, так как на сегодняшний день интернет – это самое прогрессивное и доступное средство общения и коммуникации. Меньше всего неологизмов компьютерной лексики приходится на группу «Пользователь или программист» (4,1%); показатель 8,3% примерно равен для групп «Названия программных продуктов» и «Работа с компьютером», а 12,5% – «Названия составных частей устройств». Анализ различных интернет-ресурсов позволил определить лексику, связанную с ИТ-сферой, как одну из наиболее распространенных. Подавляющее большинство (66,8%) этой лексики составляют неологизмы из сферы «Интернет», что связано с его стремительным развитием, возникновением новых явлений в данной области.

Необходимо обозначить следующие основные причины наличия большого количества новых лексических единиц ИТ-сферы в СМИ:

- повышение информативности, что вызывает потребность в обозначении понятий, появившихся недавно;
- разграничение понятий, носящих узкоспециальный характер;
- наличие терминологии устойчивого характера в международном функционировании;
- желание следовать за «языковой модой», потому что наличие различных заимствований повышает престижность текста и придает ему эффект новизны [Шилова, с. 98].

Кроме того, новые лексемы, которые встречаются в материалах электронных СМИ, отличаются своей образностью и экспрессивностью. Именно поэтому, преследуя цель привлечь внимание больших аудиторий, авторы статей стремятся использовать неологизмы в материалах для телепередач или журналов. СМИ – это определяющий канал образования и основа общественного мнения. Из этого следует, что, насколько эффективно работают данные средства, настолько большего внимания они добьются. Для достижения этого результата им необходимо учитывать потребности и интересы адресата.

Итак, в статье были рассмотрены функции, которые выполняют неологизмы в современном русском языке. Новые слова в большинстве случаев выполняют номинативную функцию, им свойственна и оценочная функция, которая выражает субъективное мнение автора. Проанализировав функционирование новых слов в средствах массовой информации, можно сделать вывод,

что современные авторы все чаще используют неологизмы с целью придать тексту особую выразительность и подчеркнуть уникальность. Они ярко отражают современные мировые процессы, выполняя прагматическую функцию. Также, благодаря особому свойству неологизмов емко передавать информацию, реализуется потребность в языковой экономии.

Особенно заметен процесс неологизации русского языка в научно-технической и информационной сферах. Возникновению неологизмов способствуют развитие компьютерных технологий и распространение интернета. Новые слова выявляют безграничные и неисчерпаемые языковые возможности.

В целом, функционирование неологизмов носит актуальный характер и неизменно вызывает неподдельный интерес у современных исследователей в области так называемой неологии – науке о новых словах, появляющихся в языке. Как показывает практика, интенсивность процесса неологизации русского языка особенно заметна в научно-технической информационной сферах. Кроме того, возникновению неологизмов способствует развитие автоматизации вычислительных процессов, компьютерной технологии, распространение Интернета.

Таким образом, вследствие экономии речевых средств и языковой моды современное общество активно употребляет новые лексические единицы, которые отличаются своей экспрессивностью и образностью. Именно поэтому, преследуя цель привлечь внимание больших аудиторий, создатели текстов стремятся использовать неологизмы в материалах телепередач или журналов.

В заключение хотелось бы отметить, что новые слова делают язык богаче, придавая ему актуальный и более современный характер. Кроме того, употребление новообразований в текстах не только электронных, но и печатных СМИ является способом избежать использования шаблонов.

Фахрутдинова Мимоза Теймуразовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
79050384037@yandex.ru

Список литературы

Скороходова, Е. Ю., Щеголева М. М. Роль и употребление неологизмов в современных СМИ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 5-3. С. 73–78.

Тукмакова Т.В. Функционирование неологизмов в современном русском языке (на материале рецензий журнала «Сеанс») // Язык и репрезентация культурных кодов. VII Всероссийская с международным участием научная конференция молодых ученых. (Самара, 19 мая 2017 г.). Материалы и доклады Часть II. / М-во образования и науки Рос. Федерации; Самар. нац. исслед. ун-т им. С. П. Королева (Самар. ун-т), под общ. ред.: А.А. Безруковой. Самара: изд-во «Инсома-пресс», 2017. С. 18–20.

Шилова О. Г. Неологизмы – языковое отражение современных реалий (на материале английского и русского языков) // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2015. № 3. С. 93–98.

References

Shilova, O. G. (2015). *Neologizmy – iazykovoe otrazhenie sovremennykh realii (na materiale angliiskogo i russkogo iazykov)* [Neologisms as Linguistic Reflection of Modern Realities (based on the English and Russian languages)]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Nauki ob obshchestve i humanitarnye nauki*. No. 3, pp. 93–98. (In Russian)

Skorohodova, E., Shchegoleva, M. (2016). *Rol' i upotreblenie neologizmov v sovremennykh SMI* [The Role and Use of Neologisms in Modern Media]. *Aktual'nye problemy humanitarnykh i estestvennykh nauk*. No. 5–3, pp. 73–78. (In Russian)

Tukmakova, T. V. (2017). *Funktsionirovanie neologizmov v sovremennom russkom iazyke (na materiale retsenzii zhurnala "Seans")* [Functions of Neologisms in Modern Russian (based on the reviews of the journal "Séance")]. T. V. Tukmakova. *Iazyk i reprezentatsiia kul'turnykh kodov. VII Vserossiiskaia s mezhdunarodnym uchastiem nauchnaia konferentsiia molodykh uchenykh*. (Samara, 19 maia 2017 g.). *Materialy i doklady Chast' II. / M-vo obrazovaniia i nauki Ros. Federatsii; Samar. nats. issled. un-t im. S. P. Koroleva* (Samar. un-t), pod obshch. red. A. A. Bezrukovoi. Pp. 18–20. Samara, izd-vo "Insoma-press". (In Russian)

The article was submitted on 26.01.2021
Поступила в редакцию 26.01.2021

Fahrutdinova Mimoza Teimurazovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
79050384037@yandex.ru

СЛОВОФОРМА ПРАВДА В ЗОНЕ ГИБРИДНЫХ СТРУКТУР: ИЗМЕРЕНИЕ СТЕПЕНЕЙ МОДАЛЯЦИИ

© Виктор Шигуров

THE WORD FORM “TRUTH” IN THE ZONE OF HYBRID STRUCTURES: MEASURING THE DEGREES OF MODALATION

Victor Shigurov

The relevance and novelty of the research is determined by the use of quantitative methods to analyze the facts of transitivity and syncretism in the parts-of-speech system and inter-speech categories, which makes it possible to minimize the element of subjectivity in the assessment of grammatically controversial material. The aim of the work is to identify the function peculiarities of such word forms as “truth” and “fact” in the context of asyndetic complex sentences, explicating the zone of hybridity on the modulation scale. Modulation is understood as the process and result of the transposition of linguistic units of different categorical affiliation into the introductory-modal components of the statement. The results of the study are the qualitative and quantitative characteristics of hybrid structures, combining in different proportions the properties of nouns and introductory-modal units interacting during modulation. We used the methods of oppositional analysis and indexing to calculate the degrees of conformity between differential features of the type “true” hybrid formations and the initial and final elements of the intercategory transposition. We have found that the “true” hybrid formation, functioning in the first incomplete predicative part of an asyndetic complex sentence, demonstrates 56% of conformity (similarity and difference) to a nuclear noun (*true*) and 25% conformity to a nuclear denominal introductory-modal word-conjunction (*true*).

Keywords: Russian language, grammar, transposition, noun, introductory-modal unit, hybrid, indexing.

Актуальность и новизна исследования определяются привлечением количественных методов при анализе фактов переходности и синкретизма в системе частей речи и межчастеречных разрядов, что позволяет свести к минимуму элемент субъективизма в оценке грамматически противоречивого материала. Цель работы – выявление особенностей функционирования словоформ типа *правда*, *факт* в контексте бессоюзного сложного предложения, эксплицирующего зону гибридности на шкале модалации. Модалация понимается как процесс и результат транспозиции языковых единиц разной категориальной принадлежности в вводно-модалные компоненты высказывания. Результатами исследования явились качественные и количественные характеристики гибридных структур, совмещающих в разной пропорции признаки взаимодействующих при модалации существительных и вводно-модалных единиц. Методами оппозиционного анализа и индексации произведено исчисление степеней соответствия дифференциальных признаков гибридных образований типа *правда* исходному и конечному звеньям межкатегориальной транспозиции. Установлено, что гибридное образование *правда*, функционирующее в первой неполной предикативной части бессоюзного сложного предложения демонстрирует 56 % соответствия (сходства и различия) ядерному существительному *правда* и 25 % соответствия ядерному отсубстантивному вводно-модалному слову-союзу *правда*.

Ключевые слова: русский язык, грамматика, транспозиция, существительное, вводно-модалная единица, гибрид, индексация.

1. Вводные замечания

Цель работы – исследование природы и закономерностей функционирования механизма функциональной и функционально-семантической транспозиции языковых единиц из класса существительных в разряд вводно-модалных компонентов высказывания для выражения

оценки содержания и формы сообщаемого. Актуальность и новизна подхода к анализу фактов синкретизма, порождаемых ступенчатым процессом модалации, состоит в применении методов оппозиционного анализа и индексации, которые обеспечивают большую степень достоверности в оценке полученных результатов, особен-

но в области пересечения нескольких транспозиционных процессов (см.: [Чеснокова], [Шигуров, 2019], [Шигуров, 2020]). Методологической базой исследования являются работы российских и зарубежных ученых, исследующих процессы транспозиции (или – в иной терминологии – конверсии, деривации, трансляции, трансформации) [Балли], [Всеволодова], [Ким], [Курилович], [Мигирин], [Мельчук], [Теньер], [Урысон], [Marchand], [Eihinger], [Stekauer].

2. Материал и результаты исследования

В данной работе изложен опыт исчисления индексов функциональной модалитизации субстантивных словоформ типа *правда*, представляющих на стадии гибридности определенную степень отхода от прототипических существительных и приближения к прототипическим вводно-модальным единицам (см. также: [Шигуров, Шигурова], [Shigurov, Shigurova 2017], [Shigurov, Shigurova, 2020]).

Транспозицию субстантивных словоформ *правда*, *факт*, *чушь*, *ерунда*, *абсурд*, *нонсенс* в разряд вводно-модальных единиц можно представить на шкале переходности в виде нескольких ступеней (этапов):

ступень ядра существительных [С(уш)]: *Правда глаза колет* (посл.);

ступень периферии существительных [С(уш) м(од)]: *Правда, что он ни в чем не виноват*;

ступень гибридности [с(уш) м(од)]: *Правда: его там вообще не было*;

ступень периферии вводно-модальных единиц [с(уш) М(од)]: *Этот человек, правда, не виноват*;

ступень ядра вводно-модальных единиц [М(од)]: *Он любит правду, правда, не всегда признается в ошибках*.

В дальнейшем мы сосредоточим внимание только на зоне гибридных структур [с(уш) м(од)], которую представляют субстантивно-модальные образования, употребляющиеся в бессоюзных сложных конструкциях. Между предикативными частями этих конструкций устанавливаются отношения пояснения. Гибриды используются в первой неполной предикативной части таких бессоюзных структур с отсутствующим субъектным компонентом-подлежащим. Но его отсутствие компенсируется второй предикативной частью. Ср. еще контекст употребления гибрида словоформы *правда*:

(1) *Правда: он ни в чем не виноват*.

Словоформа *правда* подтверждает в диалоге достоверность излагаемой во второй предикативной единице информации. Иными словами, в формате модусной рамки (*правда: ...*) субъект

речи характеризует ситуацию в аспекте достоверности.

В отличие от периферийных существительных (2), гибридные образования типа *правда* (3) более независимы в формально-синтаксическом плане: у них нет союзных средств связи с последующим фрагментом речи. Ср.:

(2) *Правда, что не виноват*;

(3) *Правда: он не виноват*.

Исчисление степеней модалитизации рассматриваемых гибридов выражается в двух показателях – x_1 , x_2 . Они демонстрируют определенную пропорцию признаков взаимодействующих в их структуре исходных ядерных существительных (*правда*) (4) и производных ядерных отсубстантивных модалитов (5). Ср.:

(4) *Правда глаза колет* (посл.);

(5) *Он знаком с ситуацией, правда, не во всех деталях* ($\approx$ хотя...).

Вводно-модальное слово *правда* (5) входит в группу слов и выражений, используемых для характеристики сообщаемого по разным связям, отношениям, зависимостям (*тем не менее, впрочем, вдобавок, напротив* и т. п.) [Русская грамматика, т. 2, с. 231]. Оно связывает предыдущий фрагмент речи с последующим, противопоставляя их, внося уступительный оттенок значения, но, в отличие от союзов *но* и *хотя*, является более емким по содержанию. По мнению А. Я. Баудера, словоформа *правда* в рассматриваемом вводно-модальном употреблении способна полнее раскрыть особенности мышления человека, его сомнения, повороты мысли, отрицательно-уступительные связи и прочее [Баудер, с. 144–145]. Функционально сближаясь с вводно-модальными словами и союзами, *правда* позволяет субъекту модуса (речи) представить тот или иной фрагмент речи как некое уточнение, корректировку, ограничение сказанного ранее: *Дом хороший, правда, старый; Идет дождь, правда, небольшой* [Объяснительный словарь русского языка, с. 280].

Как показывает исследование, гибридное образование *правда* сближается с исходным ядерным существительным *правда* общностью таких дифференциальных признаков, как: 1) субстантивное лексическое значение; 1 балл; 2) категориальное значение предмета (предметности); вопрос «Что?»; ср.: *Правда глаза колет* [С(уш)] и *Правда: он ни в чем не виноват* [с(уш) м(од)] ($\approx$ Это правда: он ни в чем не виноват); 1 балл; 3) подклассы существительных (нарицательные, неодушевленные, абстрактные); 3 балла; 4) категория рода в форме женского рода; 1 балл; 5) категория числа, имеющая в гибриде и ядерном существительном семантически моти-

вированную и фиксированную форму единственного числа); 1 балл; 6) категория падежа (с противопоставленными в ядерном существительном (*правда, правде, правдой* и т. п.) падежными формами и фиксированной в гибриде формой именительного падежа (*правда*)); 1 балл; 7) комплексная парадигма; её структурируют категории падежа и числа (при наличии семантических ограничений на образование форм множ. числа и фиксированного типа употребления формы единственного числа у гибрида); 1 балл; 8) употребление в функции предиката; ср.: *Это истинная правда* и *Правда: его там вообще не было*; 1 балл; 9) использование в двусоставном предложении (1 балл).

С ядерным существительным *правда* гибриды *правда* сближает общность 11 дифференциальных признаков.

В качестве отграничивающих гибридное образование *правда* от исходного ядерного существительного *правда* следует назвать признаки: 1) фиксированное употребление грамматической формы именительного падежа (нет форм других падежей); 5 баллов; 2) наличие в комплексной парадигме существительного значительно меньшего количества грамматических форм, что может быть объяснено фиксированным типом употребления формы именительного падежа); 1 балл; 3) синкретичный, флексийно-суффиксальный характер морфемы *-а*; ср. флексийную морфему *-а* у ядерного существительного *правда* (*Правда не всем нравится*) и суффикс *-а* у ядерного вводно-модального слова-союза *правда* (*Он не согласился с этим, правда, не стал отрицать и очевидное*) (0,5 балла); 4) употребление в предикативной единице с эллиптированным подлежащим (*Правда: он ни в чем не виноват*; ср.: *Это правда: он ни в чем не виноват*); см. также: *Рассказанное – чистая правда*; *Это правда* (существительное *правда* устанавливает предложенческую связь с подлежащим) (1 балл); 5) обязательное употребление в первой неполной предикативной части бессоюзного предложения, где незамещенная позиция подлежащего восполняется второй предикативной частью; ср.: *Правда: его там вообще не было*; 1 балл. Таким образом, гибридное образование *правда* отличается от ядерного существительного *правда* 8,5 балла.

Подобно периферийному существительному, гибридное образование *правда* характеризуется ущербной парадигмой, так как формы категорий числа и падежа его имеют фиксированное употребление. Типичным для исследуемого гибрида является применение в первой неполной предикативной части бессоюзного предложения с по-

яснительными отношениями между предикативными единицами.

Исчисление первого индекса модалитизации позволяет установить степень соответствия гибрида (*правда*) исходному ядерному существительному (*правда*):

$$x_1 [\text{правда} : \dots \text{с(ущ)} \text{м(од)}] = 11 / (11+8,5) = 11 / 19,5 \approx 0,56 \text{ (56 \%)}$$

Исчисление второго индекса модалитизации гибридного образования *правда* показывает степень его соответствия производному ядерному вводно-модальному слову-союзу *правда*, который обнаруживает в синкретичном контексте модалитизации и конъюнкционализации выход за пределы семантической зоны исходной субстантивной лексики *правда*: *Правда глаза колет --> Он любит общение, правда, не всегда настроен на конструктивный диалог*. Свойства союза у ядерного модалита *правда* здесь не учитываются: их исчисление производится при количественной интерпретации конъюнкционализации, в которую параллельно вовлечена исследуемая словоформа.

К общим с ядерным вводно-модальным словом-союзом *правда* (ступень **М(од)**) у гибридного образования *правда* (ступень **с(ущ) м(од)**) относятся такие признаки, как: 1) категориальное субъективно-модальное значение, выражающее оценку сообщаемого как достоверного факта (гибрид *правда*) или уточнение, корректировку, ограничение (отсубстантивное вводно-модальное слово-союз *правда*); значение предметности, свойственное существительным, у гибрида *правда* совмещено с субъективно-модальным значением вводно-модальных единиц (1 балл); 2) использование в предложении с синтаксическим делением на модусную рамку и диктум (пропозицию); оценка субъектом модуса сообщаемого в аспекте персуазивности производится гибридной словоформой *правда* в функции предиката первой предикативной части бессоюзного сложного предложения (*правда... – модус, выражающий семантику категорической достоверности*), а само оцениваемое положение дел – во второй предикативной части (... *он ни в чем не виновен – диктум*); ср. также деление простого предложения с ядерным отсубстантивным вводно-модальным словом на модус и диктум: *Он любит общение, правда, не всегда настроен на конструктивный диалог* (модус выступает в виде логической оценки последующего фрагмента речи как некоего уточнения, добавления); 1 балл; 3) неизменяемость как следствие, с одной стороны, фиксированного употребления форм единст-

венного числа и именительного падежа и их обособления от парадигм грамматических категорий гибрида *правда*, а с другой – утраты категорий рода, числа и падежа у ядерного отсубстантивного вводно-модального слова-союза *правда*; 1 балл. В итоге у гибридного образования *правда* и ядерного отсубстантивного вводно-модального слова *правда* имеется 3 общих признака.

Отделяют гибридную словоформу *правда* (*Правда: он не виноват в случившемся*) от ядерного отсубстантивного модалита-союза *правда* (*Он знаком с этими материалами, правда, не со всеми*) такие признаки, как: 1) отсутствие омонимического лексического значения, формируемого при нарушении смыслового тождества исходной леммы (ср.: *Правда: погода резко меняется* (гибрид, употребляющийся в субстантивном лексическом значении «соответствует действительности») и *Погода портится, правда, никто этого не хочет замечать* (ядерное вводно-модальное слово-союз в омонимичном значении «хотя», развившемся за пределами исходного существительного *правда*); 2 балла; 2) синтаксически необособленное употребление; 1 балл; 3) применение в бессоюзной конструкции в качестве предиката первой неполной предикативной единицы; 1 балл; 4) препозитивное использование по отношению к оцениваемому субъектом модуса фрагменту высказывания (ср. употребление гибридного образования *правда: Правда: погода начинает портиться* и а) периферийного отсубстантивного вводно-модального слова *правда: Правда, этого никто не ожидал / Этого, правда, никто не ожидал / Этого никто не ожидал, правда*) и б) ядерного модалита-союза *правда*, функционально приближенного к уступительно-противительным союзам типа *хотя: Он не любит правду, правда, не сознается в этом; Изменения неизбежны. Правда, лучше от этого не будет* ($\approx$ *хотя, однако*) / *Лучше от этого, правда, не будет / Лучше от этого не будет, правда*; 1 балл; 5) отсутствие функции вводности с особым интонационным оформлением высказывания; 1 балл; 6) отсутствие интродукции (включения) как способа вхождения вводно-модального компонента в структуру высказывания; 1 балл; 7) незатемненный характер морфемной структуры слова; ср. ядерный модалит-союз *правда*, подвергшийся неполному опрощению; 1 балл; 8) сохранение у гибридного образования *правда* словообразовательного потенциала; ср. его структурно-семантическую связь с производными типа *правдист, правдивый, правдолюб, сверхправда* при отсутствии таковых у ядерного модалита-союза *правда* ($\approx$ *хотя*); 1 балл. В целом,

как видим, отличие гибридного образования *правда* от ядерного отсубстантивного вводно-модального слова-союза *правда* проявляется в 9 признаках (баллах).

Степень соответствия (сходства и различия) дифференциальных признаков исследуемого гибридного образования *правда* признакам ядерного вводно-модального слова-союза *правда* определяется по формуле:

$$x_2 [\text{правда:... с(ущ) м(од)}] = 3 / (3+9) = 3 / 12 \approx 0,25 (25 \%)$$

3. Заключение

На основании произведенных подсчетов можно заключить, что степень модалитизации гибридного образования *правда*, употребляющегося в качестве предиката первой неполной предикативной единицы бессоюзной сложной конструкции, определяется удельным весом признаков существительных и вводно-модальных единиц. Установлено, что гибридное образование *правда* демонстрирует в данных синтаксических условиях 56 % соответствия (сходства и различия) ядерному существительному (*правда*) и 25 % соответствия ядерному отсубстантивному вводно-модальному слову-союзу (*правда*). Признаки союзов у гибрида при исчислении степеней его модалитизации в расчет не принимаются, так как это предмет специального исследования конъюнктионализации субстантивных словоформ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00013.

Список литературы

- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
- Баудер А. Я. Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке. Таллин: Валгус, 1982. 184 с.
- Всеволодова М. В. К вопросу об операционных методах категоризации предложных единиц // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2011. № 3. С. 103–135.
- Ким О. М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. Ташкент: Изд-во «Фан», 1978. 228 с.
- Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 57–71.
- Мельчук И. Русский язык в модели «Смысл – Текст». Москва – Вена: Школа «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1995. 682 с.

Мигирин В. Н. Очерки по теории процессов переходности. Бельцы: [Б. и.] 1971. 199 с.

Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / Гос. ин-т им. А. С. Пушкина; В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачева и др.; Под ред. В. В. Морковкина. 2-е изд., испр. М.: Астрель, АСТ, 2003. 421 с.

Русская грамматика. В 2 т. М.: Наука, 1982. Т. 2. 709 с.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.

Урысон Е. В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // Вопросы языкознания. 1996. № 4. С. 25–38.

Чеснокова Л. Д. Порядковые числительные в аспекте теории синкретизма // Переходность и синкретизм в языке и речи: Межвуз. сб. науч. тр. М.: Изд-во «Прометей» / МПГУ им. В.И. Ленина, 1991. С. 44–54.

Шигуров В. В. Языковые структуры в зоне пересечения транспозиционных процессов: функционально-семантический синкретизм // Концептосфера современной культуры: монография / Логинова М. В., Привалова В. М., Воронина Н. И. и др. / под общ. ред. д-ра филос. наук. Н. И. Ворониной. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019. С. 89–102.

Шигуров В. В. «Судя по» в контексте модалации и препозиционализации: к исчислению индексов транспозиции // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 6. С. 42–55.

Шигуров В. В., Шигурова Т. А. Транспозиция деепричастий от глаголов мысли в междометный разряд модальных слов: семантическая субкатегоризация // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 7-1. С. 146–149.

Eihinger Ludwig M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf *-isch* im heutigen Deutsch. Tingen. 1982. 241 p.

Marchand H. Expansion, transposition and derivation // La Linguistique. 1967. Т. 3. № 1. Pp. 13–26.

Shigurov V. V., Shigurova T. A. Core Modalates Zone Correlative with Short Adjectives and Predicates in the Russian Language // Man In India. 2017. Т. 97. № 25. Pp. 177–191.

Shigurov V. V., Shigurova T. A. Predicative modal type of verbal infinitive usage in quantitative measurement // Revista Inclusiones. 2020. Т. 7. Special Issue: SI. Pp. 578–589.

Stekauer P. A theory of conversion in English. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. 155 p.

References

Balli, Sh. (1955). *Obschaia lingvistika i voprosy frantsuzskogo iazyka* [General Linguistics and Questions of the French Language]. 416 p. Moscow, izd-vo inostrannoi literatury. (In Russian)

Bauder, A. Ia. (1982). *Chasti rechi – strukturno-semanticheckie klassy slov v sovremennom russkom iazyke* [Parts of Speech - Structural-Semantic Classes of

Words in Modern Russian]. 184 p. Tallin, Valgus. (In Russian)

Chesnokova, L. D. (1991). *Poriadkovye chislitel'nye v aspekte teorii sinkretizma* [Ordinal Numerals in the Aspect of the Theory of Syncretism]. *Perehodnost' i sinkretizm v iazyke i rechi*. Mezhevuz. sb. nauch. tr. Moscow. Izd-vo Prometei MPGU im. V. I. Lenina, pp. 44–54. (In Russian)

Eihinger, Ludwig M. (1982). *Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch* [Syntactic Transposition and Semantic Derivation: The Adjectives in *-isch* in Today's German]. 241 p. Tingen. (In German)

Kim, O. M. (1978). *Transpozitsiia na urovne chastei rechi i iavlenie omonimii v sovremennom russkom iazyke* [Transposition at the Level of Parts of Speech and the Phenomenon of Homonymy in Modern Russian]. 228 p. Tashkent, izd-vo Fan. (In Russian)

Kurilovich, E. (1962). *Derivatsiia leksicheskaja i derivatsiia sintaksicheskaja* [Derivation Lexical and Derivation Syntactic]. Kurilovich E. *Ocherki po lingvistike*, izd-vo inostrannoi literatury. Pp. 57–71. Moscow. (In Russian)

Marchand, H. (1967). *Expansion, transposition and derivation*. La Linguistique. Т. 3. No. 1, pp. 13–26. (In English)

Melchuk, I. (1995). *Russkii iazyk v modeli "Smysl – Tekst"* [Russian Language in the "Meaning – Text" Model]. Moskva – Vena: Shkola "Iazyki russkoi kultury", Venskii slavisticheskii almanah, 682 p. (In Russian)

Migirin, V. N. (1971). *Ocherki po teorii protsessov perehodnosti* [Essays on the Theory of Transitivity Processes]. 199 p. Bel'cy. (In Russian)

Obiasnitelnyi slovar russkogo iazyka: *Strukturnye slova: predlogi, soiuzy, chastitsy, mezhdometiia, vvodnye slova, mestoimeniia, chislitelnye, sviazochnye glagoly* (2003) [An Explanatory Dictionary of the Russian Language: Structural Words: Prepositions, Conjunctions, Particles, Interjections, Parenthesis, Pronouns, Numerals, Link Verbs]. Gos. In-t im. A. S. Pushkina; V. V. Morkovkin, N. M. Luckaya, G. F. Bogacheva i dr.; Pod red. V. V. Morkovkina. 2-e izd., ispr. 421 p. Moscow, Astrel Publ., AST Publ. (In Russian)

Russkaia grammatika: V 2 t. (1982) [Russian Grammar in 2 Vols.]. Moscow, Nauka Publ., Vol. 2. 709 p. (In Russian)

Shigurov, V. V. (2019). *Iazykovye struktury v zone pereesecheniia transpozitsionnykh protsessov: funktsionalno-semanticheckii sinkretizm* [Language Structures in the Area of Intersection of Transpositional Processes: Functional-Semantic Syncretism]. *Kontseptosfera sovremennoi kultury: monografiia* / Loginova M. V., Privalova V. M., Voronina N. I. i dr. / pod obsch. red. d-ra filoz. nauk. N. I. Voroninai. Saransk, izd-vo Mordov. un-ta., pp. 89–102. (In Russian)

Shigurov, V. V. (2020). *"Sudia po" v kontekste modalizatsii i prepozitsionalizatsii: k ischisleniiu indeksov transpozitsii* ["Judging by" in the Context of Modulation and Prepositionalization: Towards the Calculus of Transposition Indices]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i iazyka*. Т. 79. No. 6, pp. 42–55. Moscow. (In Russian)

Shigurov, V. V., Shigurova, T. A. (2015). *Transpozitsiya deeprichastiy ot glagolov myisli v mezhchasterechnyyi razriad modalnyih slov: semanticheskaya subkategorizatsiya* [Transposition of Gerunds from Verbs of Thought into the Inter-speech Category of Modal Words: Semantic Subcategorization]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnyh i fundamentalnyh issledovaniy*. No. 7–1, pp. 146–149. Moscow. (In Russian)

Shigurov V. V., Shigurova T. A. (2017). *Core Modalates Zone Correlative with Short Adjectives and Predicates in the Russian Language*. *Man in India*. T. 97. No. 25, pp. 177–191. (In English)

Shigurov, V. V., Shigurova, T. A. (2020). *Predicative Modal Type of Verbal Infinitive Usage in Quantitative Measurement*. *Revista Inclusiones*. T. 7. Special Issue: SI, pp. 578–589. (In English)

Stekauer, P. (1996). *A Theory of Conversion in English*. Frankfurt am Main: Peter Lang. 155 p. (In English)

Tener, L. (1988). *Osnovyi strukturnogo sintaksisa* [Structural Syntax Foundations]. 656 p. Moscow, Progress. (In Russian)

Uryson, E. V. (1996). *Sintaksicheskaya derivatsiya i "naivnaya" kartina mira* [Syntactic Derivation and the "Naïve" Picture of the World]. *Voprosy iazykoznanii*. No 4, pp. 25–38. Moscow. (In Russian)

Vsevolodova, M. V. (2011). *K voprosu ob operatsionnyih metodah kategorizatsii predlozhnyih edinits* [On the Issue of Operational Methods for Categorizing Prepositional Units]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 9. Filologiya. No. 3, pp. 103–135. Moscow. (In Russian)

The article was submitted on 02.03.2021

Поступила в редакцию 02.03.2021

Шигуров Виктор Васильевич,
доктор филологических наук,
профессор,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева,
430005, Россия, Саранск,
Большевистская, 68.
shigurov@mail.ru

Shigurov Victor Vasilyevich,
Doctor of Philology,
Professor,
National Research Ogarev
Mordovia State University,

68 Bolshevistskaya Str.,
Saransk, 430005, Russian Federation.
shigurov@mail.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-148-154

УДК 811.133.1 (075.8)

ПРОСТРАНСТВО КАК ОБРАЗ: РОССИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ИГОРЯ ЧИННОВА

© Зоя Афинская

SPACE AS IMAGE: RUSSIA IN IGOR CHINNOV'S WORKS

Zoya Afinskaya

Imaginative perception of the world is the study subject of one of the current areas of cultural linguistics – imagology, which suggests synergy and harmonious unity of the physical, intellectual and spiritual spaces of the surrounding world. The relevance of the study is justified by the need to recreate the image of Russian culture in its entirety. The study of the topic “the space of Russia as an image” involves the understanding of the contribution, made by the poetry of the Russian Diaspora to this process exemplified by the work of Igor Chinnov (1909–1996). The purpose of the article is to consider the significance of poetry as a special cultural space, where images and themes have both an emotional and intellectual impact on society, and explore interactions between culture and space in the formation of a poetic image. The task is to clarify the concepts of “the image of space” and “the space of image” in the poetry of Igor Chinnov, based on the analysis of the features of the cultural identity formation, memories and the role of language in this process. The conclusions confirm the hypothesis that the work of the emigrant poets, although often oriented towards the images of lost spaces, allows, however, recreating Russian culture in its entirety.

Keywords: culture, poetry, image, memories, native language.

Образное восприятие мира является предметом изучения одного из актуальных направлений лингвокультурологии – имагологии, которая предполагает синергию и гармоническое единство физического, интеллектуального и духовного пространства окружающего мира. Актуальность исследования обоснована необходимостью воссоздать образ русской культуры во всей его полноте. Изучение темы «Пространство России как образ» предполагает осмысление вклада поэзии русского зарубежья в этот процесс на примере творчества Игоря Чиннова (1909–1996). Цель статьи состоит в том, чтобы рассмотреть значение поэзии как особого культурного пространства, где возникают образы и темы, которые оказывают не только эмоциональное, но и интеллектуальное воздействие на общество, а также рассмотреть взаимодействие культуры и пространства в формировании поэтического образа. В качестве задачи предполагается уточнить понятия «образ пространства» и «пространство образа» в поэзии Игоря Чиннова на основе анализа особенностей формирования культурной идентичности, воспоминаний и роли языка в этом процессе. Выводы подтверждают гипотезу о том, что творчество поэтов-эмигрантов, хотя и обращенное к образам нередко утраченных пространств, позволяет, однако, воссоздать русскую культуру в ее полноте.

Ключевые слова: культура, поэзия, образ, воспоминания, родной язык.

Несмотря на то что Игорь Чиннов является одним из наиболее крупных и интересных поэтов русского зарубежья, он был открыт широкой публике в России сравнительно недавно. Так, в 2019 году в ИМЛИ РАН состоялась первая международная конференция «К 110-летию Игоря Чиннова. Русская эмиграция в послевоенные годы. Две волны: притяжения и отталкивания». Задача статьи состоит в том, чтобы на примере

творчества Игоря Чиннова уточнить значение поэзии эмиграции как источника формирования образа пространства России.

Образное восприятие мира является предметом изучения одного из актуальных направлений лингвокультурологии – имагологии (Н. Ф. Алефиренко, Ю. Н. Караулов, Т. Ю. Загряжская, Д. Н. Замятин, О. А. Лавренова, Ю. С. Степанов, В. В. Воробьев и др.), являющейся объектом изу-

чения лингвистов и культурологов, опирающейся на синергетическое «раскрытие универсальных механизмов самоорганизации и эволюции сложных лингвокультурных систем ценностно-познавательного характера» [Алефиренко, с. 202].

Физическое, ландшафтное и ментальное пространства взаимосвязаны в восприятии человека и составляют основу его памятных мест. В памяти, согласно Ю. С. Степанову, «витают идеи, образы, сцепляющие в ряды, в объемы; пространства, где царят также звуки, то гармоничные, то созвучные нашей душе; пространство, куда мы входим и должны войти осторожно, чтобы не повредить его (как вредит истокам русских рек повреждение леса), где тысячи сущностей, подобно тонким шелковым лентам или ветвям деревьев, прикасаются к нам со всех сторон. Наконец, пространства, где – что бы мы ни сказали, какую бы идею ни выразили, какой бы образ ни создали – всему тотчас найдется отклик в идеях, образах, мыслях, уже ранее нас возникших и отзывающихся на наши тихим, но гармоничным созвучием» [Степанов, с. 41].

В структуре поэтического образа синтезировано духовное «я» поэта, его представление о мире, идеалах красоты в окружающем мире, выраженные – самое главное – на родном языке, который служит не только средством формулирования мыслей, смыслов, идей, ощущений. Он – единственная возможная субстанция для реализации поэтических образов. Поэт, будучи творцом эмоциональной информации, одновременно и ее транслятор другому (по Бахтину), своему собеседнику (в высоком смысле этого слова), без идейного общения с которым невозможен поэтический посыл в виде текста.

Однако то, что кажется ясным и логичным (родной язык – одна из основ родной культуры), обретает сложную конфигурацию в условиях эмиграции – тем более вынужденной, в которой оказались русские люди в результате революции 1917 года. Поэт творит в условиях бикультуры и билингвизма: бытовое общение проявляет себя преимущественно на чужом языке, а творчество может развиваться только на родном языке. Происходит резкая перестройка естественной (вернакулярной) культурной среды – ради выживания в чужом и чуждом окружении поэт должен вписаться в иное социально-культурное и языковое пространство. Однако поэты, для которых родной язык утрачивает свою коммуникативную бытовую функцию, но сохраняет изначальное эмоциональное и образное пространство, по-прежнему черпают в нем лексические ресурсы, темы и смыслы в надежде обретения об-

щения со своим читателем. Драматизм противоречий между обыденной культурой на чужом языке и творчеством на родном языке состоит в том, что, как писал М. Бахтин, «поэт не может противопоставить своего поэтического сознания, своих замыслов тому языку, которым он пользуется <...> И о чужом поэт говорит на своем языке» [Бахтин, 1972, с. 85]. Поэтическое слово «вплетено в невысказанный контекст жизни <...> Ведь поэт выбирает слова не из словаря, а из жизненного контекста, где они отстоялись и пропитались оценками» [Бахтин, 2019, с. 159]. Поэт, по М. Бахтину, все время работает с сочувствием, с согласием своего читателя на родном для них языке или, напротив, с его несогласием в отношении эмоционального контекста поэтического произведения. На него возложена особая культурная задача: поэт должен рассказывать о своем восприятии жизни в надежде найти отклик в эмоциональном мире читателя, обогащая тем самым образное пространство родной культуры и языка.

«Бытие культуры, как пишет О. А. Лавренова, – есть постоянное порождение смыслов, которые трансформируются в символы-знаки, в культурные коды...» [Лавренова, с. 11]. Культура вмещает в своем пространстве и художественные образы, в основе которых лежит духовный мир языковой личности (в данном контексте – поэта как языковой личности), реконструированной «в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов, с. 3]. Духовный мир языковой личности закреплён в характерных текстах, которые выступают как ее своеобразные лингвокультурологические маркеры [Воробьев, с. 94], в ключевых словах-темах. Синергетическое значение слов-тем или слов-концептов состоит в том, что они, согласно Н. Ф. Алефиренко, создают коды культуры, которые, подобно некоей сетке, брошены на окружающий мир, категоризируют, структурируют и оценивают его [Алефиренко, с. 159].

Для эмигранта освоение чужой культуры, ее трансформация в естественное образное пространство – жизненно необходимое, но трудно выполнимое условие. Н. Ф. Алефиренко объясняет эту дилемму тем, что «заимствование из одной культуры в другую некоторого культурного явления оказывается возможным лишь на уровне рефлексивного слоя сознания (то знание, которое осознается), бытийный же образ сознания заимствованию не поддается...» [Там же, с. 157–158]. Серьезным препятствием на пути ассимиляции выступают источники образа национальной культуры. Концепты-образы, например, французской культуры (*grandeur, exception française*)

формировались в коллективном сознании французов главным образом общественными деятелями на протяжении нескольких веков и глубоко укоренились в нем, хотя и создают сложности общения с другими народами. Осознание собственного величия и исключительности, как это показано Т. Ю. Загрязкиной [Загряжкина], ограничивает концептуальное и образное пространство одной культуры и затрудняет ее диалог с «другими». Основа русской идентичности – русский язык в его великих литературных достижениях – оставался вне рамок «исключительности». Образы русской культуры формировались русскими поэтами, писателями, философами. Транслирование образного пространства русской культуры по французским образцам было обречено на неудачу. Русские эмигранты делали многое (выставки, кружки, театр, журналы) для сохранения русской культуры в эмигрантской среде и для ее трансфера в французское общество. Но эти усилия не оказывали заметного влияния [Lobodenko-Senani].

Интерес к творчеству поэтов русского зарубежья и, в частности, представителей «Парижской ноты» объясняется, помимо собственно литературного аспекта, еще и тем, что оно тесно связано с русской культурой. Реалии окружающего мира, с которыми сталкивается человек в повседневной жизни (предметы быта, за ними следуют места, где человек поселился, окружающая природа, поля и равнины, реки, озера, лес, город и др.) составляют в совокупности жизненное пространство каждого человека. Мы детерминированы тем жизненным пространством, которое становится в результате феноменом культуры не только индивида, но и народа, что позволяет говорить о русской картине мира. Бескрайние пространства, леса, степи и реки, суровая зима, холод, снега – все это черты образа России, которыми отмечен поэтический мир Игоря Чиннова.

В детстве мы не фиксируем в памяти признаки той естественной среды, которая нас формирует, – будь то деревня или город. Однако память об этой среде возникает благодаря культуре (живопись, литература, музыка, кино, образование), где создаются те реперные точки, которые нас объединяют. Поэзии в процессе создания образов, важнейших для каждой культуры слов-тем, принадлежит особо значимое место. На поэта, согласно М. Бахтину, возложена уникальная задача – рассказывать о своем эмоциональном восприятии жизни, которое может быть созвучно эмоциональному миру читателя [Бахтин, 2019, с. 159].

Образ России в контексте метагеографии подчинен таким словам-темам, как земля и небо, тело и душа, покой и воля, дом и дорога, свет и тьма, лес и степь: «Да и что есть Россия, – вопрошает культургеограф Дм. Замятин, – как не ледяная скользкая бесконечная плоскость, закрывающая землю и проникающая в само небо <...> Земля и небо в России близки... Небо рядом, оно здесь, у нас, в России» [Замятин, с. 40]. Особенный образ русского ландшафта – это его бесконечность, его земной простор и почти слияние с простором небес. Небо и земля, составляющие единую плоскость бесконечного пространства, способствуют созданию образа России. Ландшафт, по Д. Замятину, как «несомненный и явный географический образ» [Там же, с. 26] представляет собой синергетическую структуру, формирующую пространство, объединяющее разных представителей. Этот образ у всех разный и в чем-то един. Пространство русского ландшафта – река, в которой отражен храм, лес и поле, над которыми возвышается русский храм, – уникально и не может быть замещено другими образами, настолько сильно оно запечатлено в культуре русского народа. Этот ландшафт рождает разное мироощущение – от радости жизни в пушкинских строках («Зима. Крестьянин торжествуя...», «Мороз и солнце; день чудесный...») до отчаяния и грусти об утраченном у поэта-эмигранта:

«Но то, что сердце заставляет биться,
Напоминает отчий дом:
Места, где клен в сиянье золотится
На сельском кладбище пустом» [Чиннов, 1976, с. 44].

Архитектура чужих городов и окружающий ее пейзаж не становятся, как правило, источником вдохновения, а лишь поводом для воспоминаний о другом мире и времени, которые невозможно стереть из памяти:

«Сквозь буквы торговых фирм,
Сквозь дождь, сквозь дома Парижа,
Сквозь весь непрозрачный мир –
Другой рисунок я вижу» [Там же, с. 91].

Русский поэт в Париже остается путешественником, для которого еще значимы слова-темы, созданные русской культурой. Отсюда – желание вернуться в мир родного языка:

«Мне нужно вернуться за скрипом колодца, за
криком детей у реки,
За плеском в тумане.
За плеском у сходней, за лесом у светлой реки,

За иволгой ранней, за ивой прохладной, за тихим дыханьем реки» [Чиннов, 1968, с. 47].

Процесс припоминания, по Мандельштаму, присущ самой жизни – его рост в виде расширяющегося пространства происходит по законам, которыми не владеет сознание, но от этого он не теряет своей энергии. Этот процесс, «увенчанный победой усилия памяти, удивительно схож с феноменом роста. И здесь и там – росток, зачаток – черточка лица или полухарактер, полужук, окончание имени, что-то губное или нёбное, сладкая горошина на языке, – развивается не из себя, но лишь отвечает на приглашение, лишь вытягивается, оправдывая ожидание...» [Мандельштам, с. 194] Память избирательна и непредсказуема в своих предпочтениях – она необъяснимо вновь воссоздает то, что, может быть, хотелось бы забыть навсегда:

«И почему-то получается,
Что не выветривается из памяти
Тот вечер у церковной паперти» [Чиннов, 1972, с. 78].

Поэт, рассказывая о своих воспоминаниях, попадает в пространство памяти многих. Поэтому его произведения воспринимаются как нечто близкое каждому из нас. Воспоминания о России связаны с ее просторами, вплоть до ощущения воздуха родины, который кажется особенным в сравнении с чужим пространством. Ландшафт России немыслим без неба:

«Сочетание в реке утиных теней
С отражениями русских церквей» [Чиннов, 1976, с. 77].

Революция и гражданская война коренным образом изменили не только личную жизнь русского человека, но всю так называемую топонимику – во исполнение декретов менялись прежние названия городов, улиц и переулков, сносились памятники архитектуры. Языковое пространство России, его историческое содержание подверглись революционным преобразованиям под воздействием идеологических взглядов социальных групп и отдельных личностей. Поэт также мысленно включился в этот урбанистический процесс, меняя (но только в своем воображении!) названия городов, связанных с тяжелыми воспоминаниями о революции и гражданской войне. Находиться в каком-либо месте или пространстве означает в определенной степени единение с ним, хотя и временное, и, следовательно, возможно под влиянием воспоминаний, переживаний, прочих эмоций придавать ему собствен-

ные названия, как правило, метафорические. В поэтическом мире Чиннова названия русских городов, переживших трагедию гражданской войны и жестоких конфликтов, наполнялись трагическими нотами и получали соответствующие названия:

«Не знают в уголовном розыске,
Что жили мы с тобою – в Божеске,
В Богочертовске, в Новодьявольске
(Кормились песенкой – о яблочке).
Что распевали „Вдоль по Питерской“,
Гуляя у снесенной Иверской,
Что жили в Райске, Адске, Ангельске
(Там снег белее, чем в Архангельске),
Что спали на снегу – на Витебской –
В Верхнеблаженске и Мучительске...» [Чиннов, 1972, с. 79].

Ландшафт существует с культурой в едином семиотическом пространстве. Исторические названия городов сформировали единое пространство культуры, которое обладает своей семиотикой и разрушить которое новыми названиями старых городов не удастся. Поэтому общество возвращает старые названия улиц, деревень, городов, стран. Языковые образы неразрывно вписаны в образы пространства. Если русская культура на протяжении XX века меняла свою социальную атрибуцию, получив статус социалистической и многонациональной, то для эмигрантов первой трети XX века, вынужденно в силу политических трагедий покинувших родину, корни их культуры всегда оставались русскими.

Жизнь в Париже не может стереть из памяти смыслы-символы России. Воспоминание об утраченном пространстве – физическом, материальном и эмоционально-эстетическом (в широком смысле этого понятия) – роднит поэта и его читателя, к которому он обращает свои впечатления:

«В Булонский лес заходишь в декабре:
Деревья в сизом, снежном серебре.
Ты видишь, в довершение картины, как будто наши,
русские рябины» [Чиннов, 1972, с. 76].

Париж, несмотря на то что Игорь Чиннов любил этот город, остался в его поэзии «незапечатленным» пространством. Ни величественная парижская архитектура, которую он ценил, ни сосредоточие лучших памятников искусства и литературы не становятся источником поэтического вдохновения Чиннова. Его Париж – это не про архитектуру, не про великолепие исторических памятников. Недаром Париж Чиннова сравнивали с парижской темой Бодлера: уличная толча, одинокие ночные посетители баров в да-

леко не самых красивых кварталах города. Даже в своих воспоминаниях он не касается тех парижских адресов, где жили и встречались русские поэты. Только однажды в статье о том, каких поэтических идеалов и принципов придерживались поэты «Парижской ноты», он упоминает о Монпарнасе, где собирались кружковцы, традиционном, если не культовом, месте пребывания поэтов, художников, музыкантов всех стран. Поэты-эмигранты мечтали прославиться в Париже, в этом городе, воплощении их мечты о принадлежности к великому искусству. «Вы четверть века о нем мечтаете, – пишет Игорь Чиннов, обращаясь к русским поэтам. – Я мечтал чуть ли не столько же: и что же?» [Чиннов, 2002, с. 181]. Они не становились французами настолько, чтобы выразить дух этого города, как Бодлер, Аполлинер, Верлен и другие французские поэты. Русские поэты оставались чужими и непонятыми во Франции. Париж в эстетике русских поэтов XX века менял свой образ: ушли в небытие мечты о городе-*Lumière*, о возможности любоваться великими историческими памятниками, достижениями мировой культуры. Лучше всех, по мнению И. Чиннова, об атмосфере Парижа, в которой оказались русские поэты-эмигранты, сказал Георгий Адамович:

«Нет радостней судьбы – скитальцем стать,
И никогда ты к небу не был ближе,
Чем здесь, устав скучать,
Устав дышать,
Без сил, без денег,
Без любви,
В Париже...» [Там же, с. 112].

Париж в поэтике Чиннова остался незапечатленным пространством, чуждым миру его образов:

«В Булонский лес заходишь в декабре:
Деревья в сизом, снежном серебре...
Ты чувствуешь, острее с году на год,
Ту горечь терпкую (холодных ягод...) И – рот кривишь...
От этого всего –
Оскомина и больше ничего» [Чиннов, 1972, с. 76].

В условиях эмиграции, когда русские вынуждены держаться друг друга, чтобы иметь хотя бы редкую возможность общаться на родном языке, язык необходим им как способ восприятия мира – родного и чужого. Именно в эмиграции ощущается сущность языка, по Хайдеггеру, как «дом бытия», как тот мир поэта, в котором, по словам Вяч. Вс. Иванова, «значим только его родной язык» [Иванов, с. 700]. Русский язык ос-

тается подлинным и единственным источником вдохновения, и, как говорил Чиннов:

«В честь вечности, и Данте, и Петрарки
Мы Пушкина читаем наизусть» [Чиннов, 1976, с. 28].

Поэзия Пушкина «переживается» (по Ю. С. Степанову) русскими поэтами как цельный образ, как идеал гармонии: поэзия Пушкина – это разговор с вечностью, ее чувственное пространство – «сладость нежная» – позволяет не замечать чужое (если не чуждое!) пространство, восстанавливает душевную гармонию. Бытие не равно месту проживания, оно становится неизмеримо больше, отразившись в памяти, языке и культуре.

Русский язык и образное пространство русской литературы на протяжении всего творчества служили Чиннову источником вдохновения. Эпиграфы из поэзии Истомина, Сумарокова, Лермонтова, Тютчева, Антиоха Кантемира, Случевского, Асеева, Вяч. Иванова, Анненского, Мих. Кузьмина, Мандельштама, Георг. Иванова, Кар. Павловой устанавливали символический диалог с русской культурой и создавали уникальное образное пространство поэзии Чиннова. Оно объемлет мудрость ученика Сергия Радонежского – Епифания Премудрого («...влечет мя на похваление и на плетение словес») [Там же, с. 6], а также многих русских и западноевропейских поэтов. Трагизм эмоционального пространства русской эмиграции («И срублен ты, как мак цвет, под корень» [Чиннов, 1972, с. 19]) ступшевыается и одновременно обостряется пошлой песенкой капитана Лебядкина из «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского.

Использование эпиграфов – одна из примечательных черт поэтических произведений Игоря Чиннова. В них обозначается главная тема стихотворения, тот мотив и тот образ, которые послужили «отправной точкой» творческого процесса. Устанавливается своего рода диалог двух авторов, двух поэтических языков. Знакомство с «чужим» поэтическим миром служит мотивом нового стихотворения. Таким образом, эпиграф, во-первых, расширяет образное пространство произведения и, во-вторых, устанавливает диалог между поэтами, с одной стороны, и между поэтом и читателем, с другой. В эпиграфах у Чиннова можно встретить имена великих европейских поэтов: немецких (G. Benn, H. Arp, St. George, Fr. Hölderlin, Rilke), английских (L. Darrell, W. B. Yeats, E. Pound, W. H. Auden, A. E. Housman), французских (Apollinaire, Laforgue, Breton, P. Valéry, Mallarmé). Столь обширный

список поэтов, чьи образы послужили «отправной точкой» для стихотворений Чиннова, говорит о его широкой литературной эрудиции, о том, что мировая поэзия служила источником вдохновения и рождала образы, созвучные мотивике его поэзии.

Заключение. Тема «Поэзия эмиграции как источник образа России» представляет научную значимость. На протяжении длительного периода в творчестве русских эмигрантов замечали в основном мотивы ностальгии. Более широкое знакомство с ним позволяет увидеть всю русскую культуру в ее сущностном выражении. Речь идет о едином пространстве, которое вмещает неизмеримый в физических координатах духовный мир поэта. В нем значимы и не стираются из памяти голоса и лица родных, знакомых и просто «встречных» людей, а также ландшафтное пространство России с его реками, озерами, лесами и полями, городами и полустанками. Это пространство наполнено воспоминаниями об утраченном мире, в который хочется вернуться и который страшит своей отчужденностью.

Поэты, участники «Парижской ноты», обогатили русскую языковую личность образами пространства-памяти. Значение литературы эмиграции, ее историческая значимость состоит в том, что она показывает единство мировосприятия русских независимо от политических убеждений. Дело не в том, что у русской и французской культур разная концептуальная основа (с большой долей политических ценностей, с одной стороны, и преимущественно образная, с другой). Образ русского пространства является, по сути, тем главным смыслом, который объединяет русский мир. Проведенное исследование позволяет выявить патриотическое восприятие России у поэтов «Парижской ноты», созвучное настроению современного общества.

Список литературы

- Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. 2-е изд. М., 2010. 288 с.
- Бахтин М. Антропологистика: избранные труды. М.: Лабиринт, 2019. 255 с.
- Бахтин М. Слово в поэзии и в прозе // Вопросы литературы. 1972. № 6. С. 54–86.
- Воробьев В. В. Лингвокультурология: Монография. М.: РУДН, 2008. 339 с.
- Загряжская Т. Ю. Франция и франкофония: язык, общество, культура. М.: изд-во Московского университета, 2015. 248 с.
- Замятин Д. Н. В сердце воздуха. К поискам сокровенных пространств: Эссе. СПб.: изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.

- Иванов Вяч. Вс. Русская диаспора: язык и литература // Избр. труды по семиотике и истории культуры. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. 880 с.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. седьмое. М.: URSS, 2010. 264 с.
- Лавренова О. А. Пространство и смыслы: Семантика культурного ландшафта. М.: Институт Наследия, 2010. 330 с.
- Мандельштам О. Шум времени. М.: Вагриус, 2002. 306 с.
- Степанов Ю. С. КОНСТАНТЫ: Словарь русской культуры. Изд. 3-е испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
- Чиннов И. Композиция. Париж: Рифма, 1972. 118 с.
- Чиннов И. Метафоры. Нью-Йорк: Новый журнал, 1968. 51 с.
- Чиннов И. Пасторали. Париж: Рифма. 1976. 106 с.
- Чиннов И. В. Собрание сочинений в 2 томах. Т. 1. М.: ЗАО «Согласие», 2002. 350 с.
- Lobodenko-Senani K. Korliakov Andrei, Culture russe en exil, Europe 1917–1947 // Revue européenne des migrations internationales. Vol. 30 (1). P. 155–156. URL: <https://journals.openedition.org/remi/6710> (дата обращения: 05.02.2021).

References

- Alefirenko, N. F. (2010). *Lingvokulturologiia: tsennostno-smyslovoe prostranstvo iazyka: ucheb. posobie* [Cultural Linguistics: A Value-Semantic Space of Language: A Textbook]. 2-e izd. 288 p. Moscow. (In Russian)
- Bakhtin, M. (2019). *Antropolingvistika: izbrannye trudy* [Anthropolinguistics: Selected Works]. 255 p. Moscow, Labirint. (In Russian)
- Bakhtin, M. (1972). *Slovo v poezii i v proze* [Word in Poetry and Prose]. *Voprosy literatury*. No. 6, pp. 54–86. (In Russian)
- Chinnov, I. (1972). *Kompozitsiia* [A Composition]. 118 p. Parizh, Rifma. (In Russian)
- Chinnov, I. (1968). *Metafora* [Metaphors]. *N'iu-Iork, Novyi zhurnal*, 51 p. (In Russian)
- Chinnov, I. (1976). *Pastorali* [Pastorals]. 106 p. Parizh, Rifma. (In Russian)
- Chinnov, I. V. (2002). *Sobranie sochinenii v 2 tomakh* [Collected Works in Two Volumes]. T. 1. 350 p. Moscow. ZAO "Soglasie". (In Russian)
- Ivanov, Viach. Vs. (2000). *Russkaia diaspora: iazyk i literatura* [Russian Diaspora: Language and Literature]. *Izbr. trudy po semiotike i istorii kul'tury*. T. 2. 880 p. Moscow. *Iazyki russkoi kul'tury*. (In Russian)
- Karaulov, Iu. N. (2010). *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost* [Russian Language and Linguistic Personality]. *Izd. sed'moe*. 264 p. Moscow. URSS. (In Russian)
- Lavrenova, O. A. (2010). *Prostranstvo i smysly: Semantika kul'turnogo landshafta* [Space and Meanings: Semantics of the Cultural Landscape]. 330 p. Moscow. Institut Nasledia. (In Russian)
- Lobodenko-Senani, K. Korliakov Andrei, *Culture russe en exil, Europe 1917–1947* [Korliakov Andrei, Russian Culture in Exile, Europe 1917–1947]. *Revue*

européenne des migrations internationales. Vol. 30 (1), pp. 155–156. URL: <https://journals.openedition.org/remi/6710> (accessed: 05.02.2021). (In French)

Mandel'shtam, O. (2002). *Shum vremeni* [The Noise of Time]. 306 p. Moscow. Vagrius. (In Russian)

Stepanov, Iu. S. (2004). *KONSTANTY: Slovar' russkoi kul'tury* [CONSTANTS: The Dictionary of Russian Culture]. Izd. 3-e ispr. i dop. 992 p. Moscow. Akademicheskii proekt. (In Russian)

Vorob'ev, V. V. (2008). *Lingvokul'turologiia: Monografiia* [Cultural Linguistics: A Monograph]. 339 p. Moscow. RUDN. (In Russian)

Zagriazkina, T. Iu. (2015). *Frantsiia i frankofoniia: iazyk, obshchestvo, kul'tura* [France and Francophonie: Language, Society, Culture]. 248 p. Moscow, izd-vo Moskovskogo universiteta. (In Russian)

Zamiatin, D. N. (2011). *V serdtse vozdukh. K poiskam sokrovennykh prostranstv: Esse* [In the Heart of the Air. Towards the Search for Intimate Spaces: Essays]. 416 p. St. Petersburg, izd-vo Ivana Limbakha. (In Russian)

The article was submitted on 15.02.2021

Поступила в редакцию 15.02.2021

Афинская Зоя Николаевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
119192, Россия, Москва,
Ломоносовский просп., 31, корп. 1.
afin-zn@mail.ru

Afinskaya Zoya Nikolaevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Moscow State University
named after M. V. Lomonosov,
31, Korp.1 Lomonosovsky Prosp.,
Moscow, 119192, Russian Federation.
afin-zn@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-155-161
УДК 821.161.1

ПОЭТИКА «ЛИБРЕТТО» В ТВОРЧЕСТВЕ МАРИИ СТЕПАНОВОЙ

© Нина Барковская

THE “LIBRETTO” POETICS IN MARIA STEPANOVA’S WORKS

Nina Barkovskaya

The article offers an interpretation of the genre designation “opera” in the “Supplement” to Maria Stepanova’s cycle “Kireevsky”. The name of the cycle refers to the collection of folk songs by P. Kireevsky. The poems contain many allusions (including rhythmic and intonation ones) to the popular song repertoire. However, in the “operas” the plots of musical works are played out, not their own musical speech, so we can speak of the “libretto” poetics. Based on the text “Aida”, the article reveals the priority of the word over the “music” of the verse. The lyrical subject ironically calls his own voice “fioritura” and “coloratura”, which indicates the complexity of the poetic language, playing out a certain classical pretext. Verdi’s opera, whose plot is based on an ancient legend, acts as the basis for mythologizing the modern situation in which a migrant saleswoman finds herself. The two poems, following the operas, contain the images of an oak, squirrel, falling acorns. They are filled with motifs of life and creativity, in contrast to the plots of the operas. These images incorporate both mythological semantics and historical and literary traditions. Stepanova’s task is to keep the fabric of culture, its threads and basis from falling apart. Metaphorically, her texts can be called “libretto” in the sense that they combine different cultural and stylistic “parts”, and the actual lyrical “I” is woven into the chorus of other “voices”.

Keywords: modern Russian poetry, musical genres in poetry, allusions, mythopoetics, lyrical polyphony.

В статье предложена интерпретация жанрового обозначения «опера» в составе «Добавления» к циклу Марии Степановой «Киреевский». Название цикла отсылает к собранию народных песен П. Киреевского. В стихотворениях множество аллюзий (в том числе ритмико-интонационных) к популярному песенному репертуару. Однако в «операх» обыгрываются сюжеты музыкальных произведений, но не их собственное звучание, поэтому можно говорить о поэтике «либретто». На примере текста «Аида» выявляется приоритет слова над «музыкой» стиха. Собственный голос лирический субъект иронично называет «фиоритурой» и «колоратурой», что указывает на усложненность поэтического языка, обыгрывающего некий классический претекст. Опера Верди, сюжет которой опирается на древнюю легенду, выступает основой, позволяющей мифологизировать современную ситуацию, в которой оказывается продавщица-мигрантка. Следующие за «операми» два стихотворения, содержащие образы дуба, белки, падающих желудей, наполнены мотивами жизни и творчества, по контрасту с сюжетами «опер». Эти образы вбирают в себя и мифологическую семантику, и историко-литературную традицию. Задача Степановой – удержать распадающуюся ткань культуры, ее нити и основу. Метафорически ее тексты можно назвать «либретто» в том смысле, что они сопрягают разные культурные и стилистические «партии», а собственно лирическое «я» оказывается вплетенным в хор других «голосов».

Ключевые слова: современная русская поэзия, музыкальные жанры в поэзии, аллюзии, мифопоэтика, лирическое многоголосие.

В современной поэзии нередко встречаются музыкальные жанровые обозначения, в том числе «опера» или «либретто»: «Всенощная зверь. Оперетта о недужных многих или о едином» Лина Горалик, «Эльпида и „греки“». Опера о военном изнасиловании» Кэти Чухров, Вера Павлова опубликовала «Детский альбом Чайковского» и целую книгу стихов с названием «Либретто», Андрей Родионов, Екатерина Троепольская пье-

су в стихах «Кандид» обозначили как «Либретто для музыкального спектакля Мастерской Дмитрия Брусникина»; одна из частей цикла Марины Темкиной «Девять речитативов для женского голоса» кончается строкой, указывающей на стиль – на то, «как написано это либретто». Очевидно, что это неоднородные явления, каждый случай требует особого рассмотрения. Ясно также, что в буквальном смысле понимать «музыкальные»

номинации нельзя: например, если в прозаических миниатюрах Ирины Глебовой, имеющих подзаголовок «городской романс», можно говорить о «романсовой» традиции и в содержании, и в ритмизации текста, то «романс» «Памяти памяти» Марии Степановой – нечто совсем другое. Хотя, впрочем, что-то близкое в авторских номинациях есть: и Глебова в прозе ориентируется на традиции женской причеты (название «Причитанья северного края» – аллюзия к сборнику Е. В. Барсова), и Степанова называет свою книгу (и один из циклов) именем П. В. Киреевского, собирателя народных песен. (Впрочем, как отмечает У. Ю. Верина, у Степановой фамилия «Киреевский» без инициалов в качестве названия звучит иронично-неопределенно, маскируя действительную позицию автора [Верина, с. 101]). Но в целом кажется очень точной метафора И. В. Кукулина, назвавшего современную женскую поэзию «пением без аккомпанемента» [Кукулин, с. 317].

Особенно очевидна небуквальность музыкальных номинаций у современных авторов на фоне взаимодействия музыки и поэзии в модернизме начала XX столетия. Л. Л. Гервер в книге «Музыкальный миф в поэзии первой половины XX века» выделяет три аспекта темы: 1) музыкальная мифология как система образов, 2) «музыкальные» принципы организации литературного текста и 3) музыкально-мифологическое единство как результат стремления слова «стать» музыкой [Гервер, с. 10]. Автор исследования подробно анализирует «симфонии» А. Белого: словесное преломление контрапункта, симфонизма, полифонии, пишет об отсылках к операм Брамса, Вагнера, Глюка, Моцарта у М. Кузмина. Особенно «музыкален», как показано в книге, В. Хлебников: «Нет такого топоса музыкальной культуры России начала XX в., который не был бы представлен у Хлебникова: церковная музыка, молебны на улицах и площадях; музыка в опере и в концерте: от симфоний и ораторий до популярных песен; самостоятельное музицирование, популярные народные песни и танцы, цыганские песни, „жестокий“ романс, эстрадные куплеты, музыка праздников: балы в царской России и народные праздники в республике Советов, „музыка“ рыночных выкриков, песни на улицах революционного времени: популярные, народные, революционные песни, частушки, куплеты» [Там же, с. 22]. В пьесе Хлебникова «Снежимочка» использован сюжет оперы Римского-Корсакова «Снегурочка», в связи с этим нельзя не вспомнить и А. М. Ремизова с очень своеобразным текстом «Весна священная», вдохновившим, через Н. Рериха, И. Стравинско-

го и С. Дягилева на одноименный балет [Ремизов, с. 465–466].

Однако в поэтическом мире М. Степановой замечен приоритет слова над музыкой стиха, о чем заявлено во втором эпитафическом даже к «песенному» «Киреевскому»: «...и что отдельного напева не бывает, что напев – только так, для складу» (цитата из «Войны и мира» Л. Толстого) [Степанова, 2017, с. 268]. Вместе с тем голос «женской персоны», организующий стихи, Степанова иронично назвала «колоратурой», «фиоритурой»:

«При лице литературы
Вроде я колоратуры,
Вроде я фиоритуры –
Волос-голос-завиток,
Электрический фонарик,
Быстрый и неровный ток» [Там же, с. 261].

Таким образом, в цикле Степановой выражена установка на аранжировку уже существующих произведений, их усложнение, причем – «быстрая и неровная» («фиоритура»), то есть не напевная, без мелодической выровненности стиха. Такая установка на «перепев», цитатность осознанна: Степанова видит специфику лирического «я» в современной поэзии в стремлении субъекта «стать хором» (в эссе о Демьяне Кудрявцеве Степанова пишет о текстах «гражданской лирики» как о попытке дать эпос минимальными средствами, когда автор как бы в одиночку исполняет и озвучивает многофигурный и многоголосый фильм – или «Гибель богов», «берет на себя роль тенора в огромном оперном спектакле» [Степанова, 2014, с. 209–210]).

Попробуем показать на материале текстов из приложения к «Киреевскому» (одна из четырех помещенных там опер и два стихотворения, связанных между собой), как разыгрывается «многоголосие» в пространстве вроде бы монологического текста, причем – при отсутствии непосредственно музыкальных образов.

Мы остановимся на стихотворении «Аида» из раздела «Четыре оперы». Опера «Аида» была заказана Джузеппе Верди египетским руководством по случаю открытия Суэцкого канала в 1868 году (композитор не успел к этому сроку завершить работу). Краткий сценарий был предложен египтологом Миоттом, который использовал для этого легенду, рукопись которой была найдена в одном из саркофагов. Прозаическое изложение сюжета сделал К. дю Локль, а собственно либретто написал Антонио Гисланцони. Таким образом, уже в основу оперы Верди лег текст, имеющий в первоисточнике древнюю ле-

генду и создававшийся, как сказала бы Степанова, «командой» авторов [Степанова, 2017, с. 431].

Сюжет оперы спроецирован Степановой на современность, ее Аида – продащица-мигрантка. Фиоритура в опере подразделяется на нежную, негромкого звучания и брассовую (широкие скачки голоса, громкие рулады). В стихотворении «Аида» Степановой также можно выделить две части: первые 14 строк (описание продащицы) и вторые 14 (прозрение грядущего возмездия); последняя, 15-я строка, соединяет темы первой и второй части. Можно отметить своеобразный мелодизм, хотя стих тяготеет к верлибру. Почти выдержан силлабический ритм (длина строк колеблется от 14 до 20 слогов). Очень заметны внутренние рифмы и фонетические переключки внутри одной-двух строк, например в начале текста:

«Красивая, молчаливая, то есть по-русски едва-едва,

Мне нравится ее окружение, пряники, сахар и вся халва,

Вся и всяческая халва источает хвалу,

Когда она в углу и отвешивает товар» [Там же, с. 326].

Отчетливо слышен ассонанс звука [a] на фоне [u], [e]; эффектны рифмы (не конечные, а напоминающие тройные созвучия): едва-едва–халва–халва–хвалу–в углу. Также плавность интонации создается с помощью симметрии однотипных конструкций: *и рождается ценник – и она на нее не глядит – и стыдится – и она не дает ответа – и она не удержит вора – и не вынесет разговора*. Ритмизации служит синтаксический параллелизм:

«Я задаю ей вопрос, и она не дает ответа.

Я захожу как вор, и она не удержит вора».

Грозная вторая часть организована не «узлом» фонетики и синтаксиса, а линейным нарастанием интонации за счет анафор: трижды повторяется словосочетание «Ее и общий отец», трижды подхватывающий повтор союза: «И страх разводит», «И станут», «И скорым пойдут». Во второй части сгущаются [o], затем [y]:

«Когда его армии проберутся в город

И станут у Красной площади костью в горле

И скорым пойдут по путям, утоляя голод,

Снимая тулупчики с самокатной голи...» [Там же, с. 327].

Но, как мы уже говорили, искать прямых соответствий в звучании стихотворения и оперы не приходится. Опера Верди, сюжет которой опира-

ется на древнюю легенду, выступает «почвой», позволяющей мифологизировать современную ситуацию: война-вражда-мечь, плен и любовь – это вечная история. Красавица-продащица, лишенная права голоса, одна из трудовых мигранток, напоминает о судьбе пленницы Аиды. В первой половине стихотворения героиня находится как бы в раю, среди своего сладкого и экзотичного товара. Тут нет ее речей, но много цвета, запаха, тактильных ощущений (в термине «колоратура» корень «колоро» означает цветение, цвет):

«Пальцы ее берут за бока померанцы, за шеи – груз Зеленоватых, стоптанных, сладко стонущих груш, Темную плоть баклажана она погружает в белую Плоть хрустящего пластика; и рождается ценник. А хурма ей – как мать, и она на нее не глядит И стыдится своей публичной профессии...»

Однако этот «рай» – плен для «слабой дешевой рабочей силы». Вторая часть рисует набег на Москву грозного «отца» – ее и общего, то есть Бога:

«Ее и общий отец, он грядет за дочью,
По темной трассе тянется днем и ночью,
Как полоса тумана у стен вагона...»

В опере Верди царь Эфиопии сумел бежать из плена, но о возмездии речь там не шла. В стихотворении Степановой используются архаизмы (*ложесна, грядет за дочью*), причем «армии» неосознаны, как тьма и туман, и неостановимы, как скорый поезд, так что речь может идти не столько об армии в прямом смысле или о лихих молодчиках (отголосок хлебниковского «пугачевского тулупчика» из стихотворения «Не шалить!» с его обещанием возмездия торговкам, чьи руки в жемчугах, во имя высокой Воли), а о метафизической, небесной каре.

Ключевым кажется выражение «Ее и общий отец сойдет на ны, как лавина». Степанова изменяет, контаминируя, смысл двух древних выражений: «Иду на вы» (слова князя Святослава I Игоревича, бросавшего вызов врагам) и новозаветного «Аще Бог с нами, никто же на ны». Кара «сойдет» свыше, как благодать, но Бог нас покарает, а не от врагов защитит. Последние две строки стихотворения, отделенные от предыдущего текста, соединяют грозное библейское и бытовое, неожиданно сопоставляя слова «курган» и «менеджер»:

«Мы будем их дожидаться на дне кургана,
Где менеджер Юля сегодня ее ругала».

В финале стихотворения на месте Радамеса, полководца египтян, влюбленного в пленницу-рабыню и замурованного вместе с ней заживо, оказывается лирический субъект стихотворения, то «я», которое грамматически не атрибутировано как женское, но по смыслу (по способности любоваться бытовыми мелочами, по дару сочувствия) воспринимается как женское (противостоящее мужскому – социальному, политическому, инициирующему войну и вражду, использующему слабую дешевую рабочую силу).

А. А. Житенев отмечает, что «константное качество поэзии, по Степановой, это связь с трансцендентным – „чужим“, неуютным, ей важна проблематизация данности, обозначение бытийных альтернатив» [Житенев, 2019, с. 175, 176].

После четырех «опер» следуют два отдельных стихотворения. А. А. Житенев полагает, что этот «постскрипtum» противопоставлен «основному блоку текстов ритмически (верлибр), интонационно («пиндарический отрывок») и образно (осязаемо-чувственная пластичность)» [Житенев, 2012].

Если текст «Аида» заканчивается условным погребением героинь на дне кургана, то стихотворение «Белка» – о жизни, устремленной вверх, к небу, на простор.

«Высоко,
По раскачивающемуся дереву,
Ходящему на весу,
Прямоком
Во весь его широкоствольный скрип –
Туда, где ветер да я,
Поднимается молодая белка,
Кистеперая, нагретая рыжим ворсом,
Туго-туго натянутая на собственный бег –
В запрокинутую цель лесных проспектов,
Вдоль туннельных стволов
С переходом на ту и другую ветку» [Степанова, 2017, с. 332].

Образ белки можно трактовать как символ духовного порыва ввысь, как преодоление этим порывом силы притяжения земной (телесной, нутряной) тяжести. Само дерево, безусловно, символизирует Мировое древо (из второго стихотворения ясно, что это дуб, традиционный образ вечности, силы жизни). В мифологиях белка связана со Срединным миром, она медиатор между землей и небом, плотью и духом, бытом и бытием. Потому в этом стихотворении звучат не грозные слова о возмездии «общего отца», а «весть о милости»: «отмена тяжести, усмирение приговора, / И быстрым промельком скороговорка жизни» [Там же, с. 333]. Причем, «кирие

елейсон» говорит не белка, она сама и есть «и елей, и сон» (расщепление слова «елейсон»).

Кто говорит? Стволы, вода, воздух – живые стихии жизни. Заставляет их звучать бег белки:

«И во всю покоренную клавиатуру,
В четыре ноги
Выбивает белка свое „да-да“.
Да-да, да-да, ду-ду, что ей добавить...» [Там же, с. 332–333].

«Музыка» белки звучит пушкинским четырехстопным ямбом, о Пушкине сначала напомнила строка «туда, где ветер да я», правда, более энергично звучащая, чем амфибрахий в «Узнике». Да и сами образы дуба зеленого, белки напоминают о Пушкине. В «Spolia» Степановой есть строки: «здесь ямбы прыгают, пока четырехстопы, / но спотыкаются о голые глаголы / и падают далёко от европы, / обиженные шкурки кровеня» [Там же, с. 387]. Так что ямбы присутствуют в ритмике степановской поэзии.

Но стихотворение Степановой еще более укоренено в традиции, подобно тому как корни дуба спускаются глубже верхних слоев почвы. Кажется небезосновательной ассоциация с зачином «Слова о полку Игореве», где речь идет о «веще Бояне», «растекавшемся мысию по древу». Л. В. Соколова пишет, что слово «замышление» во фразе «Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню» обычно трактуют как 1) вымысел, фантазию Бояна или 2) его возвышенную, пышную, выпендренную манеру [Соколова, с. 66]. Сама же исследовательница, со ссылкой на Д. М. Шарыпкина [Шарыпкин], полагает, что в «Слове» говорится о «превращении» Бояна в волка, орла и, вероятно, мышь (белку). Именно эти животные названы не случайно. Согласно индоевропейскому мифу о мироздании, небо, земля и соединяющее их древо жизни – это три яруса мироздания. Эмблема высшей сферы – орел, низшей – волк, эмблема мирового древа жизни – белка (мышь). Сам же автор «Слова» заменяет древо жизни деревом поэзии, а белку (мышь) – соловьем, противопоставляя себя автору-язычнику [Соколова, с. 67].

Задача Степановой – удерживать ткань культуры, разные ее нити и уровни, иначе легко «ткань общего смыслового пространства, соединяющего языки и культуры, прохудится, обветшает, распадется на волокна» [Степанова, 2014, с. 222]. Не случайно далее в стихотворении «Белка» и появляется образ ткани, соединяющий бытовое и бытийное, «женское» и высокопоэтическое, человеческое и божественное. Размышляя над тем, что делать с «новоявленным

знанием», «еще, как орех, нетвердым», и «не-знанием» (о том, что дух устремится ввысь, преодолеет тягость плоти) – «к чему его применить», лирический субъект предлагает:

«Разве брызнуть, как водой из рта,
На сморщенную ткань прирученной жизни,
Здравшей от страха складки,

Пока по ней прокладывают пути
И дышит жар, и железо берет свое.

Он только погладит, нам говорят, не бойся!

И вода, издыхая, одно говорит: потерпи,
А сама медсестрой помогает огню и железу,
И руки тебе разжимает,
И на пол оружие кладет.

И, как белка, бежишь безоружным живым голышом» [Степанова, 2017, с. 333–334].

В слове «погладит» сосуществуют значения: и приласкать, успокоить (как если бы белку взял в руки человек, то есть пленил, напугал), и гладить горячим утюгом белье, расправлять его складки, прыскавая водой. Так жизнь человека (любого, так как использована неопределенно-личная форма) сопоставляется с испугом белки – зверька, не знающего, что его только погладят и отпустят. Последняя строка вся пронизана созвучиями, особенно тесно сплетающимися слова «белка», «бег», «безоружный», «живой» через повторение звуков [e], [б], [ж]. До определенной степени образ белки можно соотнести и с образом лирического субъекта, творящего поэтическую ткань, спасающего вещество жизни (в начале стихотворения туннели, Лесной проспект, переход на другую ветку – детали не только дерева, но и метро, по которому, как белка, снует человек в ежедневных заботах).

Второе стихотворение («как могут») как раз начинается со страхов ночных, нутряных, зреющих в «животном теле» [Там же, с. 337], и есть только на Бога надежда: «Сам знает, Сам поможет?..», но ночь сменяется утром, и на дороге становятся видны желуди, то похожие на «бритых запорожцев», почерневших, закаленных, в трещинах, то напоминающие «бочковитых башковитых братьев». Эти последние, «детские, толстостенные», не предназначены для практических целей: вырасти огромным деревом, продолжить палубу, стать спиной стола или основанием ложа, они – для ласки, любования, для лежания «в темном в тесном в теплом» кармане или для «катания в кулаке», в ласковом пожатии (отметим попутно, что звонкое [б] сменяется приглушенным [м]).

Финал стихотворения (и конец «Добавлений» к «Киреевскому») высвечивает, как нам кажется, тему поэзии и «милости к падшим»:

«Белка завозится, ветер пройдет.
Бух!
Один за другим, другой за четвертым,
Как умеют, падают они на дорогу
И лежат, как могут» [Там же, с. 337].

Желуди – плоды с дерева жизни, они умирают, ложась на землю, чтобы прорасти вновь. Это и образ людских тел, «созревших» для смерти и для будущего воскресения (о чем более определенно сказано в книге Степановой «Старый мир, починка жизни»), и убитых солдат, лежащих безоружно, но это и образ написанных стихотворений, наговоренных на древе жизни ветром и белкой-вдохновением.

Согласно А. А. Житеневу, эта «стихотворная кода» – не просто указание на провиденциальность любого жребия («*вы не для роста, не для прямостоянья*») и безмерность божественного милосердия («*весть о милости, и елей, и сон*»). То „новоявленное знание“, которое в ней заключено, – это знание о том, что ни „огонь и железо“, ни страхи, „коренное население предсердечья“, не отменяют полноты бытия, не сводят на нет „зверский аппетит к гармонии“ (Мандельштам)» [Житенев, 2012].

Поэтическое слово – это «словодело», «словодерево», «одержавшее» (победу над страхом) и «неодержавленное» (то есть свободное) [Степанова, 2017, с. 345]. Этот образ напоминает о первом стихотворении в цикле «Счастье» (2002), где крона дерева, в которой завозится то ли белка, то ли Бог, уподобляется животу «брюхатой», вынашивающей – со страхом – новую жизнь, и уподобляется любой форме, рождающей новое, в том числе нёбу, о которое цокает язык, рождая новые слова «в страхе страсти» [Там же, с. 172–173]. Поэтическое слово, как Мировое древо, говорит о жизни и призывает «милость к падшим».

Поэтическое слово у Степановой, подобно дереву, уходит корнями в глубь культурной почвы, но тянется вверх, соединяя быт, телесное и культуру, духовное, жизнь и смерть, традиции и новаторство. Это слово-жёлудь, где есть внешняя оболочка и есть ядро-семя, содержащее в себе разные культурные «голоса».

Своеобразие интонации при этом (в отличие от многих других поэтических «памятников») – в отсутствии пафоса и уверенности: прорастет ли? останется ли любимой мелочью только для кого-то? просто умрет, исчезнет бесследно? А образ белки и жёлудя вызывает в памяти еще и комический образ массовой культуры – белку Скрат

из мультсериала «Ледниковый период»: все манипуляции этой белки невольно вызывают или предвещают глобальные катаклизмы. Кстати, Скрат, в отличие от других персонажей мультэпопеи, не говорит, а только пищит и кричит.

Подводя итог, можно сказать, что стихи Степановой выполняют роль «либретто» не в прямом музыкальном смысле, хотя в основе ритмико-интонационного характера многих стихотворений «Киреевского» лежат узнаваемые песенные мелодии. Поэтика «либретто» проявляется в том, что ее тексты можно уподобить записям для сохранения памяти всей сложности накопленной поэтической культуры, сплетенной с культурой сегодняшней.

Статья выполнена в рамках проекта «Поэт и поэзия в постисторическую эпоху», грант РНФ № 19-18-00205.

Список литературы

Верина У. Ю. Приближение к лирическому «я»: о композиции книги стихов М. Степановой «Киреевский» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2015. № 2. С. 99–109.

Гервер Л. Л. Музыкальный миф в поэзии первой половины XX века. М.: Индрик, 2001. 248 с.

Житенев А. А. Поэтология в книгах эссе А. Скидана и М. Степановой // Филологический класс. 2019. № 2 (56). С. 174–180.

Житенев А. А. «Что же делать с новоявленным знанием?» (Рец. на кн.: Степанова М. Киреевский. СПб., 2012 // НЛО. 2012. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/6/chto-zhe-delat-s-novoyavlenным-znanem.html> (дата обращения: 11.11.2020).

Кукулин И. В. Двадцать лет пения без аккомпанемента: Взлет и превращения женской инновативной поэзии в постсоветской России // И. В. Кукулин Прорыв к невозможной связи: статьи о поэзии. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый. 2019. С. 317–354.

Ремизов А. М. Сторона небывалая: Легенды, сказки, сны, фантастика, исторические были-небыли. Сб. / сост. И. Попов, Н. Попова; вступ. ст., комм., словарь И. Попова. М.: Русский путь, 2001. 488 с.

Соколова Л. В. Зачин в «Слове о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве» / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. С. 65–74. URL: <http://feb-web.ru/feb/slovo/critics/isl/isl-065-.htm> (дата обращения: 25.12.2020).

Степанова М. М. Против лирики. М.: АСТ, 2017. 488 с.

Степанова М. М. Один, не один, не я. М.: Новое издательство, 2014. 200 с.

Шарыпкин Д. М. Боян в «Слове о полку Игореве» и поэзия скальдов // Труды Отдела древнерусской ли-

тературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Т. 31. Л., 1976, С. 14–22.

References

Gerver, L. L. (2001). *Muzykal'nyi mif v poezii pervoi poloviny 20 veka*. [Musical Myth in the Poetry of the First Half of the 20th Century]. 248 p. Moscow, Indrik. (In Russian)

Kukulin, I. V. (2019). *Dvadsat' let peniia bez akkompanementa: Vzlet i prevrashcheniia zhenskoi innovativnoi poezii v postsovetsoi Rossii*. [Twenty Years of Singing without Accompaniment: The Rise and Transformation of Women's Innovative Poetry in Post-Soviet Russia]. Kukulin I. V. Proryv k nevozmozhnoi svyazi: stat'i o poezii. Ekaterinburg; Moscow, Kabinetnyi uchenyi. Pp. 317–354. (In Russian)

Remizov, A. M. (2001). *Storona nebyvalaia: Legendy, skazki, sny, fantastika, istoricheskie byli-nebyli*. [An Unprecedented Country: Legends, Fairy Tales, Dreams, Fantasy, Historical True-Untrue Stories]. Sb., sost. I. Popov, N. Popova; vstup. st., komm., slovar' I. Popova. 488 p. Moscow, Russkii put'. (In Russian)

Sharypkin, D. M. (1976). *Boian v "Slove o polku Igoreve" i poezii skal'dov*. [Boian in "The Tale of Igor's Campaign" and Skald Poetry]. Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury RAN, V. 31. Leningrad, pp. 14–22. (In Russian)

Sokolova, L. V. (1986). *Zachin v "Slove o polku Igoreve"*. [The Inception of "The Tale of Igor's Campaign"]. Issledovaniia "Slova o polku Igoreve". USSR Academy of Science. Inst. of Russian literature. Leningrad, Nauka. Leningrad division. Pp. 65–74. URL: <http://feb-web.ru/feb/slovo/critics/isl/isl-065-.htm> (accessed: 25.12.2020). (In Russian)

Stepanova, M. M. (2014). *Odin, ne odin, ne ya*. [One, Not One, Not Me]. 200 p. Moscow, Novoe izdatel'stvo. (In Russian)

Stepanova, M. M. (2017). *Protiv liriki*. [Against Lyrical Poetry]. 488 p. Moscow, AST. (In Russian)

Verina, U. Yu. (2015). *Priblizhenie k liricheskomu "ya": o kompozitsii knigi stihov M. Stepanovoi "Kireevskii"*. [Approaching the Lyrical "I": On the Composition of the Book of Poems "Kireevsky" by M. Stepanova]. Vestnik RGGU. Serii "Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia". No. 2, pp. 99–109. (In Russian)

Zhitenev, A. A. (2019). *Poetologiya v knigah esse A. Skidana i M. Stepanovoi*. [Poetology in the Books of Essays by A. Skidan and M. Stepanova]. Filologicheskii klass. No. 2 (56), pp. 174–180. (In Russian)

Zhitenev, A. A. (2012). *"Chto zhe delat' s noviyavlenным znan'em?" (Rec. na kn.: Stepanova M. Kireevskii. Sankt-Petersburg, 2012)*. ["What to Do with the Newfound Knowledge?" (Review of the Book: Stepanova M. Kireevsky. Saint Petersburg, 2012)]. NLO. No. 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/6/chto-zhe-delat-s-novoyavlenным-znanem.html> (accessed: 11.11.2020). (In Russian)

The article was submitted on 05.02.2021

Поступила в редакцию 05.02.2021

Барковская Нина Владимировна,
доктор филологических наук,
профессор,
Уральский государственный педагогический
университет,
620017, Россия, Екатеринбург,
пр-т Космонавтов, 26.
n_barkovskaya@list.ru

Barkovskaya Nina Vladimirovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Ural State Pedagogical University,
26 Kosmonavtov Ave.,
Ekaterinburg, 620017, Russian Federation.
n_barkovskaya@list.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-162-167
УДК 821.161.1

НАРРАТИВ ГЕРОИЧЕСКОГО СКАЗА И ОБРАЗ ГЕРОЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО РОМАНА 1920-Х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Л. ЛЕОНОВА «СОТЬ»)

© Анна Гаганова

MYTHOPOETIC NARRATIVE: THE IMAGE OF THE PROTAGONIST IN THE PRODUCTION NOVEL OF THE 1920s (BASED ON L. LEONOV'S NOVEL "THE SOT")

Anna Gaganova

In a number of works on literary studies (both scientific and critical), we find an attempt to compare the protagonist of the production novel and his counterpart in the epic (O. Brik, H. Gunter, K. Clark). These analogies served as a basis for testing the hypothesis, suggesting that the plot of the production novel of the 1920s is a heroic myth narrative. Our study compares the narrative of the "hero's path", described by V. Ya. Propp, and the heroic deeds as the protagonist's initiation (J. Campbell) with the production novels of the 1920s. By comparing the works of the 1920s, united by the theme of labour, with the epic narrative, we reveal analogies and qualitative differences for the hero-protagonist, his path of exploits in the "space of the unknown". The paper highlights a narrative correlation between the production novel's plot, based on the trials of its protagonist, and the stages of his personality transformation on the "hero's path". At the same time, the qualitative difference of the author's early 20th century text from the mythopoetic story is the emphasis on transforming the "space of the unknown", on remaking the world and creating a cognitive reality of "the future world". We analyze the analogy and textual differences based on the novel "The Sot" by L. Leonov.

Keywords: narrative, tale, myth, epic, Leonid Leonov, novel "The Sot", Ivan Uvadiev, hero's path, personality transformation, initiation, heroic exploits, artistic space, topos, plot, production novel, cognitive model of the world, artistic reality.

В ряде литературоведческих работ (как научных, так и критических) встречается попытка сопоставления героя производственного романа и героя эпического (О. Брик, Х. Гюнтер, К. Кларк). Данные аналогии послужили основой для проверки гипотезы о сюжете производственного романа 1920-х годов как нарратива героического мифа. Наша работа посвящена сопоставлению нарратива «пути героя», описанного В. Я. Проппом, и героических подвигов как инициации героя (Дж. Кемпбелл) с производственными романами 1920-х годов. Сопоставление произведений 1920-х годов, объединенных образом героя труда, с эпическим нарративом обнаруживает аналогии и качественные различия для героя-протагониста, совершающего путь подвигов. Выделена нарративная корреляция между сюжетом производственного романа, опирающегося на испытания героя, и этапами эпического «пути героя», проходящего трансформацию личности в «пространстве неизвестного». Качественным отличием авторского текста начала XX века от мифопоэтического сюжета становится акцент на преобразовании «пространства неизвестного», переделка мира и создание альтернативной когнитивной реальности «будущего мира». Аналогия и текстологические различия разобраны на материале романа Л. Леонова «Соть».

Ключевые слова: нарратив, сказ, миф, эпос, Леонид Леонов, роман «Соть», Иван Увадьев, путь героя, трансформация личности, инициация, героические подвиги, художественное пространство, топос, сюжет, производственный роман, когнитивная модель мира, художественная реальность.

В 1920-е годы XX века в отечественной прозе появляется инновационное течение, впоследствии получившее у литературных критиков название – «производственный роман». Именно в этот исторический период формируется художе-

ственный канон производственного романа как особого жанра. В качестве примера назовем «Доменную печь» Н. Ляшко (1924) и «Цемент» Ф. Гладкова (1925), «Стальные ребра» И. Макарова (1928), «Лесозавод» (1927) А. Караваевой, а

также повести «Склока» (1926) и «Родня» (1927) М. Чумандрина и его же роман «Фабрика Рабле» (1928). Невозможно игнорировать роман «Соть» (1928) Л. Леонова. Нельзя обойти вниманием и документальные очерки и рассказы о рабочих, и здесь необходимо отметить «Жители фабричного двора» (1928) Я. Ильина и «Уральские были» (рассказы о Сысертском горно-металлургическом заводе) (1924) П. Бажова.

Задачи нашей работы определены проверкой гипотезы об аналогии между образом героя производственной темы и персонажем героического мифа. Данную идею (хотя и не сформулированную на уровне гипотезы) мы встретили у некоторых литературоведов. Например, Осип Брик в статье «Почему понравился „Цемент“, утверждает, что Федором Гладковым создан мифический образ «Глеба – Прометей, Глеба – Ролланда» [Брик, с. 31]. Зарубежная исследовательница соцреализма Катарина Кларк полагает, что некоторые образы героев произведений 1920-х годов советской прозы создаются по лекалу мифических персонажей [Кларк, с. 575], а составитель сборника «Соцреалистический канон» Ханс Гюнтер прямо указывает на то, что соцреализм представлял собой мифологию, вершину которой возглавлял герой труда [Гюнтер, с. 745]. Любопытна и точка зрения Дарьи Земсковой, увидевшей в производственном романе отсылку к особой художественной форме освоения жизни, для которой характерны мифопоэтические метафоры [Земскова, с. 4–6].

На наш взгляд, вышеприведенные точки зрения требуют развития и анализа на уровне сопоставления текста мифа и текста производственного романа по строго сформулированному критерию, в противном случае они останутся просто аллюзиями. Наиболее показательна корреляция между нарративом эпического произведения (героического сказа) и сюжетной конструкцией производственного романа с ярко выраженным протагонистом, для которого свойственны трудовая героизм, самоотверженность, воля и целеустремленность, переходящая в одержимость. Наиболее отчетливо данное сопоставление можно провести на материале романа Л. Леонова «Соть» (1928) [Леонов]. Герой-протагонист романа, Иван Увадьев, являющийся строителем бумажного комбината на реке Соть, своими поступками иллюстрирует мифопоэтический типаж героя, «отправившегося совершать подвиги на территории неизвестного и опасного пространства», встречающийся как в мировой мифологии (Дж. Кэмпбелл «Тысячеликий герой» [Кэмпбелл]), так и в славянском фольклоре (как отметил Владимир Пропп [Пропп]).

Нарратив мифа и героического сказа, получивший условное название «пути героя» ([Кэмпбелл], [Пропп]), представляет собой следующую цепочку событий. Персонаж, испытывающий «зов дороги», покидает родной дом, и отправляется в путь, где он пересекает порог «известного и безопасного» и оказывается в пространстве «неизвестного и опасного». На этой территории герой должен пройти определенные испытания и совершить подвиги, а также вступить в схватку со смертельно опасным врагом, которая в случае победы героя станет главным элементом его инициации. После победы над врагом, сумев добыть определенные сокровища (достижение цели путешествия), герой отправляется в обратный путь, и пересекает порог «неизвестного-известного» уже в новом личностном качестве. Героический сказ обладает множеством вариаций: например, персонаж может не вернуться в «зону известного, родного», а остаться на чужой территории, где он победил мифическое чудовище. Протагонист может иметь или не иметь помощников, приобретать и терять предметы, помогающие выполнить сверхзадачу. Эти нарративы подробно исследованы на уровне мифологии мира, в том числе доказано существование универсальных, повторяющихся в мировом межкультурном пространстве нарративов, когда события и поступки героя оказываются идентичны даже для древнеегипетских, восточноазиатских и европейских мифов [Фрэзер]. Достаточно хорошо исследован нарратив славянского сказа как определенный алгоритм действий героя [Пропп]. Примечательно, что Дж. Фрэзер, описавший универсальные образы и мотивы, доказывает, что миф намного шире этнической и географической локации, и находит межкультурные «бродячие» сюжеты, характерные даже для, казалось бы, несовместимых когнитивных моделей мира – фольклорной и библейской [Фрэзер]. Несмотря на огромное количество вариаций, для всех сюжетов, условно именуемых словосочетанием «путь героя», характерна инвариантность топоса: в художественном пространстве отсутствуют перемены. Сам же герой-протагонист в ходе прохождения испытаний и совершения подвигов проходит путь личностной трансформации и возвращается в родной дом уже в новом личностном качестве. Именно прохождение психологической инициации делает возможным для персонажа восхождение, то есть восхождение на трон в финале сказа или же свадьбу. Анализируя образ героя сказа, прошедшего инициацию как личностную трансформацию, можно утверждать, что в начале сказа и в его финале персонаж обладает сильно разли-

чающимся внутренним психологическим содержанием.

Примечательно, что мотив «переделки» и «перевоспитания» был характерен для соцреалистического канона 1920-х годов, при этом испытания героя нередко связаны со сражением против природы. На устойчивость этого мотива, то есть трансформации личности через героические подвиги, характерного для соцреализма как особого художественного метода освоения реальности указывает академик Н. В. Корниенко [Корниенко]. Отчетлива борьба человека с природой как с главным врагом протагониста в целом ряде произведений 1920-х годов. Строители бумажного комбината Иван Увадьев и Сергей Потемкин видят в лесных исполинах прежде всего источник целлюлозы. В «Лесозаводе» А. Караваевой персонажи буквально объявили войну вековым елям. Именно природа и готовит персонажам главное испытание. В романе «Соть» Л. Леонова кульминацией борьбы строителей с рекой становится сцена гибели одиннадцатилетнего ребенка. Сцена гибели девочки, игравшей возле запруды и убитой внезапным ударом бревна (следствие «бунта» реки, прорвавшей запруду), получила у филологов ряд интерпретаций, включая и попытку сопоставления художественной картины мира Л. Леонова с «Котлованом» А. Платонова (см. напр.: Тамара Вахитова [Вахитова]). Однако эту и другие аналогии нельзя считать полностью исчерпывающими вариантами интерпретации загадочного эпизода, очень драматичного, насыщенного экспрессией трагедии. И здесь нарратив героического сказа и мифа открывают нам новые смыслы.

Поместив сюжетную биографию строителя бумажного комбината Ивана Увадьева в мифопоэтический нарратив «пути героя», мы сможем обнаружить парадоксальные и неожиданные смыслы в данном эпизоде. Главная цель мифического «путешествия героя в область неизвестного и опасного», то есть погружения Ивана Увадьева в пространство лесной глухомани, где, по отзыву его соратника, Сергея Потемкина, водятся какие угодно черти, лесные, водяные и болотные [Леонов, с. 41]), определена самим Увадьевым как социальная, просветительская сверхзадача. Иван Увадьев собирается построить комбинат, который бы выпускал бумагу для букварей девочки Кати, созданной его воображением (такая в его голову приходит фантазия, когда Увадьев наблюдает за детьми деревни Макариха, играющими на берегу Соти). Примечательно, что у самого Ивана Увадьева детей нет, они умирают не родившись или же во младенчестве, как он сам признается в разговоре соратнику Бурого.

Увадьев поставил сверхзадачу выпуска букварей, а это символизирует приход новой эры – больше, чем просто эры грамотности. Появление букварей, доступность книжного знания неизбежно повлечет за собой смену когнитивной модели мира. Свои представления о том, как устроен мир, жители глухого села смогут черпать уже не только из архаичных установок предков, религиозных догм и родовых традиций, но также и из альтернативной реальности – из мира книг. Другими словами, Иван Увадьев намерен провести в лесном захолустье революцию массового сознания, и свои благие намерения он адресует к воображаемой девочке Кате, для которой намерен выпускать буквари и другие книги, а также шелк на платье. *«И поведется отсюда красота»*, – подводит итог Увадьев своим рассуждениям в беседе с монахом Геласием [Там же, с. 52]).

В кульминационной сцене противостояния архаичной религиозной модели коллективного сознания, привычной для жителей деревни Макарихи, и новой когнитивной модели мира, носителем которой выступает атеист и строитель бумажного комбината Иван Увадьев, как раз и случается загадочная и сложная для филологической интерпретации «производственная трагедия» – гибель ребенка. Узнав у отца погибшей девочки, что ребенка звали Полиной, встревоженный Иван Увадьев ловит себя на мысли, что погибшая девочка может быть сестрой той самой Кати, ради которой он и *«терпит нечеловеческие муки и заставляет мучиться других»* [Там же, с. 126]), возводя среди лесов и болот бумажный комбинат. Данный эпизод можно рассматривать как символ разрушения главной цели героя. Это предупреждение, угроза со стороны Природы. Кто будет следующей жертвой? Река Соть, та самая *«стихия, которую предстояло покорить»*, как считает Увадьев [Там же, с. 11]), наносит удар по самому глубинному, аксиологическому и экзистенциальному, смыслу его деятельности. Река убивает символ будущего. Есть ли смысл продолжать стройку? Для «пути героя» как мифического нарратива характерна именно тема смерти, в некоторых сюжетах протагонист оказывается «на волосок» от собственной гибели. В контексте мифопоэтического «пути героя» эпизод гибели ребенка представляет собой схватку протагониста с врагом, главное испытание, в ходе которого протагонист, Увадьев, проходит инициацию.

Сюжет «Соти» представляет собой путь тяжелейших испытаний духа Ивана Увадьева. Прежде всего эти испытания представляют собой обман, предательство и потери. Обман проявляется в срыве обязательств по поставкам строительных материалов со стороны подрядчиков.

Предательство – в конфликте с инженером Ренне. Сокращение финансирования строительства приводит к «голодному бунту» среди рабочих, расцвету бандитизма. Однако наиболее многочисленны потери для протагониста: от Увадьева уходит жена Наталья, переехавшая жить к его товарищу, Давиду Жеглову. Свое решительное и окончательное непонимание деятельности сына высказывает мать Увадьева – монархистка Варвара Увадьева. На больничной койке оказывается молодой монах Геласий, которого Увадьев «перекрестил в новую веру». И, конечно, отдельной строки заслуживает наиболее тяжелая психологическая потеря для Увадьева – рак крови у ближайшего соратника, фактически смертельный приговор для промышленника Сергея Потемкина. С момента отъезда Потемкина со стройки вся ответственность за результат перекладывается на Ивана Увадьева. Потеря Увадьевым надежного соратника Потемкина (фактического инициатора стройки и преобразования лесной глуши) можно рассматривать как героическое испытание способности героя действовать в одиночку. Именно с этого момента Увадьев становится единственным протагонистом сюжета. Можно обнаружить в «Соти» и испытания женскими чарами, что характерно для нарратива героического сказа: это прежде всего влюбленность Увадьева в химика Сузанну. Есть у Увадьева и помощник, характерный для сказового нарратива, в лице Бураго.

«Соть» заканчивается символическим эпизодом: протагонист романа Иван Увадьев, пройдя все мыслимые и немыслимые испытания и укротив реку Соть, которая теперь украшена диадемой огней линий электропередач, в одиночестве восседает на обледелом «троне» – деревянной скамье, находящейся на вершине холма, с которого открывается панорамный вид на преобразившееся пространство.

Финал романа «Соть» раскрывает важнейшие расхождения между нарративом героического сказа и каноническим текстом производственного романа, который создавался именно в 1920-е годы. Подтверждается аналогия между мифопоэтическим «путем героя» как последовательности испытаний с психологической трансформацией личности протагониста и сценой инициации, представляющей собой тяжелую схватку с символическим, архетипическим или реальным антагонистом, что происходит в пространстве «неизвестного» и «опасного» мира. В ходе испытаний персонаж приобретает новое качество личности, меняет свой психологический портрет и социальный статус. Отметим, что социальная трансформация личности у героя сказового произведения вполне наглядна (деревенский парень

Иванушка становится царем), а вот о психологической трансформации образа героя и о его психологической (а не ритуальной) инициации литературоведы начали говорить лишь после проникновения психоаналитического тезауруса в филологию, что можно наблюдать, к примеру, в анализе мифов у Дж. Кемпбелла.

Нарратив героического мифа о «пути инициации героя», коррелирующий с героическим сказом, характерен для целого ряда производственных романов 1920-х годов, которые мы перечислили в начале нашей статьи. Данный нарратив доминирует в первой трети XX века в произведениях, отражающих образ героя труда как самоотверженного борца, ставшего социальным лидером. Наиболее ярким примером является роман «Люди из захолустья» Александра Малышкина. В этом романе деревенский плотник и гробовщик Иван Журкин, приехавший на извозчике в «пространство неизвестного» – уральскую стройку металлургического комбината, организывает пожарную бригаду и не только реализует себя как социальный лидер, но также проходит и глубокую личностную, психологическую трансформацию, расставшись с привычным, деревенским мировоззрением, приобретая новую когнитивную модель мира.

Одновременно следует отметить содержательное отличие канонического текста производственного романа от сказового нарратива. Данное наблюдение касается категории «топоса». В мифах и сказах герой-протагонист, вернувшийся на территорию «известного, родного, привычного» (пространство начала его пути), меняет социальный статус (становится царем, главой государства, женится на принцессе), но само пространство остается инвариантным. Исследуя довольно обширный в географическом и историческом планах массив мифических сюжетов, Дж. Кемпбелл считает, что мифический герой символизирует собой перемены, изменения мира. «Герой защищает вещи, которые развиваются, а не те, которые уже существуют. Он не впадает в заблуждения, пребывая в обманчивом безвременье „высшего бытия“, не страшится он и грядущего – „иного“, которое своей „инаковостью“ разрушит сложившийся уклад жизни. И такое будущее наступает» [Кемпбелл, с. 296]). Однако ни сам Джозеф Кемпбелл, ни его коллега Джеймс Фрэнсер [Фрэнсер] не сумели обнаружить в мировой мифологии сюжеты с прямым и достаточно полным подтверждением данного постулата, то есть нарративов, подробно раскрывающих картину уже преобразованного «нового мира». Одновременно и В. Я. Пропп, выделивший 32 возможных сюжетных хода сказочного

нарратива, приходит к наблюдению, что сцена восцарения или свадьбы – окончательный финал сюжета [Пропп].

Итак, несмотря на внешнее сходство «Соти» с эпически-сказовым нарративом, к которому Леонид Леонов обратился осознанно или бессознательно (в последних строках романа обнаруживается сказовая метафора: Иван Увадьев восходит на деревянный «царский трон», то есть скамью на вершине холма, любуясь покоренной рекой), мы видим и качественное от текста фольклорного и мифопоэтического. В финал романа «Соть» заложен и жанровый лейтмотив производственного романа. «*Переменилась Соть и люди на ней переменялись*» [Леонов, с. 304], – финальная фраза произведения Л. Леонова отражает идею преобразования и переделки пространства. Именно мотив «переделки топоса», преобразования мира и создания нового мира (как когнитивной, так и физической реальности) проводит главный водораздел между нарративом эпического сказа и художественным образом труда 1920-х годов XX века.

«Переделкой мира» и созданием новой модели реальности (как когнитивной, так и физической) заняты герои – протагонисты обширного корпуса произведений, отражающих образ труда, обладающий героизмом. В 1920-е годы это, например, «Цемент» Ф. Гладкова, «Доменная печь» Н. Ляшко, «Стальные ребра» И. Макарова, «Лесозавод» А. Караваевой. В 1930-е же годы тенденции продолжится в таких произведениях, как «Подводные земледельцы» А. Беляева, «Гидроцентраль» М. Шагинян, «Время, вперед!» В. Катаева, «Кара-бугаз» К. Паустовского, «Человек меняет кожу» Б. Ясенского, «День второй» И. Эренбурга, «Люди из захолустья» А. Малышкина, «Мужество» В. Кетлинской, «Солнечный город» В. Ильенкова. Во всех этих произведениях присутствует «путь испытания героя» и наблюдается наглядная трансформация писателями топоса: через экспрессивные образы показано, как на смену «старому миру» приходит «новый мир».

Данная специфика художественной картины мира может интерпретироваться как жанровая особенность канонического текста производственного романа, апеллирующая к мировоззрению русских советских писателей и коллективному сознанию начала XX века.

Список литературы

Брик О. Почему понравился «Цемент» // На литературном посту. 1926. № 2. С. 30–32.

Вахитова Т. М. Художественная картина мира в прозе Леонида Леонова: (Структура. Поэтика. Эволюция). СПб.: Наука, 2007. 317 с.

Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Сб. Соцреалистический канон / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Акад. проект, 2000. С. 743–784.

Земскова Д. Д. Советский производственный роман: эволюция и художественные особенности жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 24 с.

Кларк К. Положительный герой как вербальная икона // Соцреалистический канон / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. 1040 с.

Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой / пер. с англ. вступ. ст. Н. Калины. М.: РЕФЛ-бук; Киев: АСТ, 1997. 378 с.

Корниенко Н. В. НЭПовская оттепель. Становление института советской литературной критики: монография. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 504 с.

Леонов Л. М. Соть: роман. Саранча: повесть / примеч. Е. Стариковой // Собр. соч. в 9 т. Т. 4. Л.: Гослитиздат, 1961. 394 с.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / вступ. ст. В. И. Ереминой. СПб.: изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 364 с.

Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии / пер. с англ. М. К. Рыклина. М.: Эксмо, 2006. 958 с.

References

Gerver Brik, O. (1926). *Pochemu ponravilsia "Tsement"* [Why I Liked "Cement"]. Na literaturnom postu. No. 2, pp. 30–32. (In Russian)

Campbell, J. (1997). *Tysiachelikii geroi* [The Hero with a Thousand Faces]. Per. s angl. vstup. st. N. Kaliny. 378 p. Moscow, REFL-buk; Kiev, AST. (In Russian)

Clark, K. (2000). *Polozhitel'nyi geroi kak verbal'naia ikona* [The Positive Character as a Verbal Icon]. Sotsrealisticheskii kanon. Pod obshch. red. Kh. Giuntera i E. Dobrenko. 1040 p. St. Petersburg, Akademicheskii projekt. (In Russian)

Frazer, J. G. (2006). *Zolotaia vetv': issledovanie magii i religii* [The Golden Bough: A Study in Magic and Religion]. Per. s angl. M. K. Ryklina. 958 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)

Giunter, H. (2000). *Arkhetipy sovetskoi kul'tury* [Archetypes of Soviet Culture]. Sb. Sotsrealisticheskii kanon. Pod obshch. red. Kh. Giuntera i E. Dobrenko. Pp. 743–784. St. Petersburg, Akad. Projekt. (In Russian)

Kornienko, N. V. (2010). *NEPovskaia ottepel'. Stanovlenie instituta sovetskoi literaturnoi kritiki: monografiia* [The NEP Thaw. Formation of the Institute of Soviet Literary Criticism: A Monograph]. 504 p. Moscow, IMLI RAN. (In Russian)

Leonov, L. M. (1961). *Sot': roman. Sarancha: povest'* [The Sot': A Novel. Locust: A Story]. Primech. E. Starikovoi. Sobr. soch. v 9 t. T. 4. 394 p. Leningrad, Goslitizdat. (In Russian)

Propp, V. Ia. (1996). *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [The Historical Roots of the Fairy Tale]. Vstup. st.

V. I. Ereminoi. 364 p. St. Petersburg izd-vo S.-Peterb. un-ta. (In Russian)

Vakhitova, T. M. (2007). *Hudozhestvennaia kartina mira v proze Leonida Leonova: (Struktura. Poetika. Evoliutsiia)* [The Artistic Picture of the World in the Prose of Leonid Leonov: (Structure. Poetics. Evolution)]. 317 p. St. Petersburg, Nauka. (In Russian)

Zemskova, D. D. (2016). *Sovetskii proizvodstvennyi roman: evoliutsiia i hudozhestvennye osobennosti zhanra: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Soviet Production Novel: Evolution and Artistic Features of the Genre: Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 24 p. (In Russian)

The article was submitted on 19.01.2021

Поступила в редакцию 19.01.2021

Гаганова Анна Анатольевна,
Московский педагогический
государственный университет,
119991, Россия, Москва,
Пироговская, 1, стр.1.
briolett@yandex.ru

Gaganova Anna Anatolyevna,
Moscow Pedagogical State University,

Building 1, 1 Pirogovskaya Str.,
Moscow, 119991, Russian Federation.
briolett@yandex.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-168-173
УДК 821.512.145

ОБРАЗ АМИРХАНА ЕНИКИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ФОАТА ГАЛИМУЛЛИНА

© Гульфия Гайнуллина, Тагир Гилязов

THE IMAGE OF AMIRKHAN YENIKI IN FOAT GALIMULLIN'S PUBLICISM

Gulfiya Gainullina, Tagir Gilazov

The article analyzes Foat Galimullin's journalistic works, which reveal his gift of a literary critic. The analysis is based on the articles devoted to the life and work of Amirkhan Eniki. The article highlights that in his works, F. Galimullin focuses on the personal qualities of the writer, with whom he was acquainted. The critic breaks down the myth that A. Eniki was a "silent" writer. In his works, F. Galimullin convincingly proves that A. Eniki was a very courageous man, capable of decisive actions at the right time. The writer, distinguished by his inner nobility, spoke little, but aptly and weightily. The critic focuses on the encyclopedism of A. Eniki's thinking and on his human qualities. F. Galimullin seeks to popularize the aksakal's work, which often caused the authorities' dissatisfaction. The researcher focuses on the nature of psychologism in his works, on the issues related to the history of their creation. The critic's articles are distinguished not only by their rich content and the simplicity of the material presentation, but also by the variety of genres. Among the works, dedicated to A. Eniki, there are purely scientific articles, anniversary articles, obituaries and reviews. In addition, the critic introduces the epistolary legacy of the writer in order to reduce the distance between the reader and the classic.

Keywords: Foat Galimullin, Amirkhan Eniki, Tatar literature, criticism, journalism, genre.

В статье анализируются публицистические работы Фoaта Гaлимуллина, в которых раскрывается его дар литературоведа и критика. Материалом для анализа послужили статьи, посвященные жизни и творчеству Амирхана Еники. Доказано, что Ф. Гaлимуллин, будучи знаком с писателем, в своих работах акцентирует внимание на его личностных качествах. Критик развенчивает миф о том, что А. Еники был писателем-«молчуном». В своих статьях Ф. Гaлимуллин убедительно доказывает, что классик татарской литературы был мужественным человеком, способным в нужный момент совершать решительные поступки. Писатель, отличающийся внутренним благородством, говорил мало, но метко и веско. Критик акцентирует внимание на энциклопедизме мышления Еники, на его человеческих качествах. Ф. Гaлимуллин стремится популяризировать творчество аксакала, часто вызывающее недовольство властей. Ученый акцентирует внимание на природе психологизма его произведений, на вопросах, касающихся истории их создания. Статьи критика отличаются не только богатством содержания и простотой подачи материала, но и жанровым разнообразием. Среди работ, посвященных А. Еники, встречаются чисто научные статьи, юбилейные статьи, некрологи, рецензии. Кроме того, критик вводит в оборот эпистолярное наследие писателя, чтобы сократить дистанцию между читателем и классиком.

Ключевые слова: Фoaт Гaлимуллин, Амирхан Еники, татарская литература, критика, публицистика, жанр.

«Һәр кешенең әдәбиятка килүенең үз юлы була...

Күңелендә әдәбиятка мэхәббәт булмаган, үзе ижат каләме тотып карамаган кеше тәнкыйтькә дә килә алмыйдыр, мөгаен. Мин үземнең әдәбияттагы урынымны тәнкыйтьтә таптым», – признается литературовед Фoaт Гaлимуллин в статье «Беренче адым» («Первый шаг»)

[Гaлимуллин, 2005, с. 74]. – «У каждого человека свой путь в литературу...

Наверное, человек, не испытывающий чувство любви к литературе, не владеющий пером, не может заниматься литературной критикой. Я нашел свое место в литературе, посвятив себя критической деятельности» (здесь и далее подстр. перевод наш. – Г. Г.).

Интерес к литературной критике сформировался у молодого ученого еще во время учебы в Казанском государственном педагогическом институте, где он познакомился с трудами таких татарских ученых, как Г. Нигмати, Г. Сагди, Г. Рахим, М. Мамин, Б. Ягфаров, М. Гайнуллин, Х. Усманов и др. [Там же].

Перу Ф. Галимуллина принадлежит не одна сотня критических статей (см. подр.: [Каләм белән гомер буйлап]). О литературно-критической деятельности ученого имеется ряд научных ([Тимофеева, Габидуллина], [Сабирзянов, Мамина]), справочно-библиографических ([Галимуллин Фоат Галимуллович], [Фоат Галимуллин] и др.), научно-популярных ([Хисамов]) и публицистических работ ([Авзалова], [Гыйльманов], [Гыймадиева], [Рахман], [Сафин], [Шәрәфиев] и др.) Новизна нашего исследования состоит в выявлении вклада литературоведа в изучение и популяризацию наследия Амирхана Еники (1909–2000), чье творчество «стало одним из мощных толчков к возрождению в татарской прозе второй половины XX века традиций модернизма и классического романтизма» [Загидуллина, с. 6].

Фоат Галимуллин был лично знаком с классиком татарской литературы. Ему довелось тесно общаться с Амирханом Еники в период, когда литературовед возглавил Союз писателей Республики Татарстан (1999–2005).

Ф. Галимуллин внес посильный вклад в популяризацию творчества Амирхана Еники. В 2000–2004 гг. ученый был членом редакционной коллегии, занимающейся подготовкой издания «Сочинений» писателя в 5 т. (2000–2004) [Еники]. Этот пятитомник был тепло встречен читателями, быстро исчез с полок книжных магазинов и вызвал огромный интерес среди исследователей творчества писателя.

В 2009 году – в год столетия Амирхана Еники – Ф. Г. Галимуллин, будучи заведующим кафедрой татарской литературы Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, инициировал проведение Межрегиональной научно-практической конференции. Ученый был научным редактором сборника материалов [Әмирхан Еники һәм XX йөз башы әдәбияты], куда вошла его статья монографического плана «Ә. Еники – шәхес һәм әдип» («Амирхан Еники как человек и писатель») [Там же, с. 3–8].

Литературовед всегда активно участвовал в пресс-конференциях, посвященных популяризации творчества А. Еники, мероприятиях по увековечиванию памяти великого татарского писателя. Так, в 2019 году Ф. Г. Галимуллин участво-

вал в церемонии установления мемориальной доски в доме, где А. Еники провел последние годы своей жизни.

Перу литературоведа принадлежит целый ряд публицистических статей, посвященных творчеству Амирхана Еники. Проанализированные в единстве работы Ф. Галимуллина позволяют читателям сформировать портрет знаменитого писателя, представление о его внутреннем мире. В своих работах критик, как правило, акцентирует внимание на ключевых вехах биографии писателя, особенностях его личности, восхищается твердостью его жизненной позиции. С благоговением Ф. Галимуллин пишет о чутком отношении А. Еники к родному языку. Осмысливая творчество писателя, автор статей стремится разгадать секрет обаяния личности А. Еники. Общеизвестно, что писатель всегда дистанцировался от властей, редко позволял себе участвовать в дискуссиях, никогда не стремился занять высокие должности. Ф. Галимуллин размышляет об истоках преданности писательской профессии. Критик отмечает, что А. Еники, несмотря на неприятие его творчества властями, с 1958 г. становится профессиональным писателем. Наградой стало всенародное уважение и любовь. С удовлетворением отмечает Ф. Галимуллин, что читательская аудитория А. Еники год от года расширяется, а имена его гонителей-чиновников, партийных критиков забываются, исчезают из активного оборота: «Ә. Еники исә торган саен халыклаша гына бара» [Галимуллин, 2009, с. 3]. – «А Еники же с годами становится все более народным».

Ученый восхищается смелостью и мужеством писателя, сохранившего верность своим идеалам и принципам. А. Еники встретил Октябрьскую революцию 1917 года восьмилетним мальчиком, а в возрасте акакала ему довелось стать свидетелем распада социалистического строя. Писатель остался верен своим убеждениям, никогда не служил господствующей идеологии: «Ул үзе аңлаганны, күңеленә хуш булганны сурәтләде» [Галимуллин, 2009, с. 4]. – «Он писал лишь о том, что подсказывало сердце». Более того, А. Еники «всегда умело соблюдал необходимую дистанцию с властями» [Галимуллин, 2020, с. 51].

Показательным является финальное признание А. Еники в книге «Кояш баер алдыннан» («Перед закатом»): «Миңа үзем турында дәрәсән язып бетерү мөмкин дә түгел, чөнки бөтен дәрәсән миң бит әле белмим дә. Миңем кем икәнлегемне энә хикәяләрем әйтер» [Галимуллин, 2009, с. 4]. – «Я не могу написать о себе всю

правду, дабы я и не знаю пока всей правды. Истинный я в своих рассказах».

Статьи Ф. Галимуллина отличаются не только богатством содержания, но и жанровым разнообразием. Одни из них носят характер юбилейных статей. Так, первая из таких статей, «Ил агасы фатихасы» [Галимуллин, 1999], была приурочена к 90-летию аксакала татарской литературы. В. Н. Крылов подчеркивает, что юбилейная статья – разновидность критической статьи. Она обязательно связана с какой-либо знаменательной датой, сосредоточена на изложении позитивного вклада писателя в культуру или подчеркивает значение художественного события. По мнению ученого, юбилейные статьи обычно представляют собой популяризацию результатов достигнутого [Крылов, с. 110]. Ф. Г. Галимуллин в своей статье кратко освещает основные вехи жизненной и творческой биографии А. Еники, акцентирует внимание на идее преемственности литературных традиций [Галимуллин, 1999].

Среди статей ученого встречаются и те, что написаны в жанре некролога. Наше внимание привлекла статья «Юк, кояш баемады...» («Нет, солнце не закатилось») (2000), которая была написана в связи с уходом Амирхана Еники из жизни. Для литературоведа этот классик татарской литературы олицетворяет собой XX век.

Ф. Г. Галимуллин благодарит судьбу за то, что она подарила «ровеснику Хади Такташа» долголетие. В заслугу старшего поколения писателей критик ставит создание фундамента для развития творчества татарских «шестидесятников» и «семидесятников», таких как Г. Ахунов, А. Гилязов, Н. Фаттах, Т. Миннуллин, Н. Юзиев. Р. Файзуллин, М. Хабибуллин и др. Ф. Галимуллин называет Амирхана Еники последним представителем старшего поколения татарских писателей, создавших литературу нового времени. Критик акцентирует внимание на том, что проза Амирхана Еники стоит особняком в истории татарской литературы. Книгам писателя удалось занять свое неповторимое место среди произведений Г. Исхаки, Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова, Ш. Камала, М. Галяу. Амирхан Еники снискал славу мастера психологической прозы («Кем жырлады?» («Кто пел?»), «Әйтелмәгән васыять» («Невысказанное завещание»), «Төнге тамчылар» («Ночные капли»), «Матурлык» («Красота») и др.). В заслугу писателя Ф. Г. Галимуллин ставит то, что Амирхан Еники всегда жил с думой и заботой о родном языке. Критик обращает внимание на общественную деятельность видного классика татарской литературы: участие в работе правления Союза писателей РТ, председательство в Шуре аксакалов. Ф. Гали-

муллин считает, что Амирхана Еники по праву можно сравнить с Биремжаном ака из романа Г. Ибрагимова «Казак кызы» («Дочь степи»). В финале статьи критик с сожалением пишет о том, что закатилось «солнце жизни аксакала», выражает надежду, что солнце жизни татарского народа достигнет зенита, как об этом мечтал Амирхан Еники [Галимуллин, 2000, с. 8–11].

Среди статей особое место занимают те, что содержат воспоминания о личных встречах с известным татарским писателем. Статья «Язучы дөньясына сәяхәт» («Путешествие в мир писателя»), написанная в честь столетия Амирхана Еники, носит характер воспоминаний [Галимуллин, 2009]. Навсегда врезалось в память критика первое близкое общение с аксакалом во время поездки татарских писателей в Кукмор 21 января 1986 года. Ф. Галимуллин вспоминает, как жадно слушал рассказы Амирхана Еники об истории создания легендарных произведений: «Матурлык» («Красота») и «Саз чәчәге» («Болотный цветок»).

Критик во время личной беседы осмелился спросить у патриарха татарской литературы о том, кого из писателей он считает своим наставником. Ф. Г. Галимуллин не скрывает, что был потрясен, услышав ответ, откровенностью Амирхана Еники: «Гаяз Исхаки». Аксакал пересказал критику содержание драмы Г. Исхаки «Зулейха»: «Әмирхан абый шул кичне тәфсилләп „Зөләйха“ драмасының вакыйгаларын башыннан ахырына кадәр баян итте. Мин Г. Исхакийның бу эсәре белән беренче тапкыр шулай таныштым. – «В тот вечер Амирхан абый мне рассказал сюжет драмы „Зулейха“. Так я впервые познакомился с произведением Г. Исхаки». Амирхан Еники предупредил Ф. Г. Галимуллина, что «изучение творчества писателя потребует от молодого поколения критиков наличия глубоких знаний об эпохе» [Галимуллин, 2009, с. 4]. Аксакал признался, что Исхаки для него олицетворение совести и чести: «Гаяз абый минем рухи сакчым булды дип әйтә алам». – «Я могу сказать, что Гаяз Исхаки был моим духовным наставником». По мнению Амирхана Еники, Г. Исхаки помог ему удержаться от соблазна – начальствопоклонничества [Тапшырылган хатлар].

Ф. Галимуллин, стремясь раскрыть внутренний мир писателя, экономного на слова, обращается к потенциалу эпистолярного наследия. Критик вводит в оборот переписку с Амирханом Еники ([Ике хат], [Тапшырылган хатлар]).

Среди статей ученого есть написанные в жанре рецензий. Внимание Ф. Галимуллина привлекла научно-популярная книга Лирона Хамидуллина «Амирхан Еники» [Галимуллин, 2014].

Знакомя татарского читателя с особенностями издания, критик обращает внимание на концепцию подачи биографического материала. Ф. Галимуллин искренне рад тому, что стало возможно наконец рассказать о знатном происхождении Амирхана Еники, которое наложило отпечаток на его натуру [Там же, с. 16].

Среди других писателей аксакал выделялся внутренним благородством. Ф. Галимуллин в одной из своих работ так определяет жизненное кредо писателя: «Ә. Еникинең исә иманы нык иде. Чөнки эшенә, тормышка ныклы эзерлек белән килде. Ныклы иманы булмаган зат, ни генә әйтсәң дә, чын шәхес була алмый. Шуның өстенә төрле яклап белемле иде» [Галимуллин, 2009, с. 6]. – «У А. Еники был твердый стержень. Он очень требовательно относился к своей работе, жизни. Человек без внутреннего стержня, что ни говори, не может стать настоящей личностью. Ко всему прочему, надо быть всесторонне образованным».

Как известно, А. Еники обладал спокойным, сдержанным характером, его считали очень закрытым человеком. По мнению Ф. Галимуллина, именно эта жизненная стратегия помогла Амирхану Еники избежать ареста в годы репрессий. В 1939 г. он уехал в Узбекистан, перестал проявлять активность на ниве литературной жизни. Критик уверен, что Амирхан Еники не был человеком робкого десятка, в судьбоносные для народа моменты он был способен на смелые поступки. Так, в 1955 году писатель встал на защиту Г. Ибрагимова, в 1971 году, во время новой атеистической компании, выступил против вновь создаваемого идеологами мифа о Г. Тукае-атеисте [Галимуллин, 2009, с. 6–7]. Не раз в своих статьях ученый указывает на то, что А. Еники в свое время одним из первых встал на защиту доброго имени татарского классика Г. Исхаки [Галимуллин, 2020, с. 51].

Ф. Галимуллин высоко отзывается о публицистике А. Еники. Критик считает, что книги «Татар мәсьәләсе» («Татарский вопрос») и «Кояш баер алдыннан» («Перед закатом») вызвали общественный резонанс подобно труду Г. Исхаки «Идел-Урал». Ф. Галимуллин восхищается прозорливостью писателя в оценке политических событий в стране [Галимуллин, 2019, с. 3].

Всю свою жизнь писатель вел бескомпромиссную борьбу за сохранение родного языка. Амирхан Еники, отстаивая этноним «татары», выступил с резкой критикой ученых-булгаристов [Галимуллин, 2020, с. 51].

Амирхан Еники очень требовательно относился к своему творчеству и творчеству коллег.

Свою позицию обозначал четко и лаконично. Так, писатель раскритиковал образ врача, прототипом которого послужил первый татарский профессор медицины Абубекир Батыр-Гиреевич Терегулов (1885–1966), который приходился ему родственником. А. Еники высказал свое недовольство открыто, публично. Писатель был искренне возмущен тем, что известного врача-труженика превратили в героя-резонера, читающего нотации. Его образ в книге «Белые цветы» получился несколько приземленным, что не соответствовало реальному масштабу личности врача – выходца из татарского знатного рода [Галимуллин, 2014, с. 16]. В автобиографическом романе «Соңгы китап» («Последняя книга») Амирхан Еники создал более достоверный образ известного врача-родственника.

Подводя итог нашему исследованию, можно констатировать, что в публицистике Ф. Галимуллина Амирхан Еники по праву занимает пьедестал аксакала, патриарха татарской литературы. Критик ставит этого писателя в один ряд с Г. Тукаем, Ф. Амирханом, Г. Исхаки, Г. Ибрагимовым, Х. Такташем, М. Джалилем, которые вывели национальную литературу на мировой уровень. Внимание Ф. Галимуллина приковано к личностным качествам А. Еники, ученого интересуют вехи истории его знатного рода. Критик считает, что корни благородства писателя следует искать в истории и укладе жизни его семьи. Ф. Галимуллин внес посильный вклад в популяризацию творчества А. Еники, поэтому часто в статьях уделяет внимание характеристике художественного мира произведений писателя. В своих статьях критик щедро делится воспоминаниями о личных встречах с Амирханом Еники. Публицистику Ф. Галимуллина отличает не только содержательное богатство, но и жанровое многообразие. Его перу принадлежат юбилейные статьи об Амирхане Еники, статьи, написанные в жанре некролога, рецензии, научной статьи. Критик ввел в научный оборот ряд писем писателя из его эпистолярного наследия.

Список литературы

Галимуллин Фоат Галимуллович // Татарская энциклопедия: в 5 т.: Т. 2. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ., 2005. С. 44.

Загидуллина Д. Ф. Современная татарская проза (1986–2016 г.г.): основные тенденции историко-литературного процесса. Казань: изд.-во Академии наук РТ, 2017. 246 с.

Крылов В. Н. Теория и история русской литературной критики. Казань: изд.-во Казанского ун-та, 2011. 124 с.

Сабирзянов Н. Н., Мамина Г. Ф. Основные тенденции научно-исследовательской деятельности литературоведа, профессора Фоата Галимуллина // Интеллектуальный потенциал XXI в.: ступени познания, 2011, № 5–2. С. 91–97.

Тимофеева Т. В., Габидуллина Ф. И. Творчество татарских писателей XX века в литературно-критической деятельности Фоата Галимуллина: описательный обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 8. С. 5–8.

Авзалова М. Кайда да син үз кеше // Шәһри Казан. 1995. 3 февр.

Әмирхан Еники һәм XX йөз башы әдәбияты. Казан: РИЦ «Школа», 2009. 424 б.

Галимуллин Ф. Г. Ил агасы фатихасы // Мәдәни җомга. 1999, 6 февраль. Б. 8.

Галимуллин Ф. Г. Юк, кояш баемады! Әмирхан Еникинең якты истәлегенә // Татарстан. 2000. № 3. С. 50–51.

Гыйльманов Г. Ерак араларны якынайтып // Заман. 2001. 23 март.

Гыймадиева Л. Кече күңелле олы галим // Сабантуй. 2001. 23 март.

Еники Ә. Әсәрләр. 5 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 2000–2004. 1 т. 447 б., 2 т. 447 б., 3 т. 400 б., 4 т. 479 б., 5 т. 479 б.

Рахман Р. Ниләр эшләмәс бу милләт, әгәр керешсә // Мәгърифәт. 1999. 11 дек.

Сафин Ф. Беренче, эмма саллы нәтиҗәләр // Фән һәм мәктәп. 1999. № 2. 107 б.

Хисамов Н. Иннәрендә заман йөгә // Каләм белән гомер буйлап...: Фоат Галимуллин хезмәтләренәң библиографиясе / төз. А. Ф. Галимуллина, Л. И. Мингазова. Казань: РИЦ «Школа», 2018. Б. 4–9.

Шәрәфиев Р. Үткәннәр аша бүгенгегә // Мирас. 1999. №1. С. 154–159.

Ике хат: Әмирхан Еники һәм Фәния Чанышева хатлары // Яшьлек тавышы (ТДГПУ). 2009. № 3 (23). Март. Б. 4.

Галимуллин Ф. Г. Язучы дөнъясына сәяхәт. Ә. Еникигә 100 ел // Шәһри Казан: 2009. 20 март. Б. 4.

Галимуллин Ф. Г. Тапшырылган хатлар (Әмирхан Еники, Фәния Чанышева, Фоат Галимуллин хатлары) // Татарстан яшьләре. 2016. 17 март. Б. 10.

Галимуллин Ф. Г. Әдәбияттагы морзабыз // Ватаным Татарстан. 2019, 5 март. Б. 3

Галимуллин Ф. Г. Әмирхан Еники: морза, шәхес, әдип (Л. Хәмидуллинның «Татар тарихы шәхесләрдә» сериясеннән «Әмирхан Еники» дигән китабына бәяләмә) // Мәдәни җомга. 2014. 6 июнь. Б. 16.

Галимуллин Ф. Г. Беренче адым // Р. Даутов Балачак әдипләре: биографик белешмәлек. Казан: Мәгариф, 2005. С. 73–74.

Каләм белән гомер буйлап...: Фоат Галимуллин хезмәтләренәң библиографиясе / төз. А. Ф. Галимуллина, Л. И. Мингазова. Казань: РИЦ «Школа», 2018. 108 с.

Фоат Галимуллин // Р. Даутов Балачак әдипләре: биографик белешмәлек. Казан: Мәгариф, 2005. С. 69–76.

References

Avzalova, M. (1995). *Kaida da sin üz keshe* [You Are Welcome Everywhere]. Shəhri Kazan. 3 fevr. (In Tatar)

Eniki, Ә. (2000–2004). *Әсәрләр* [Works]. 5 tomda. Kazan, Tatar. kit. nəshr., 1 t. 447 p., 2 t. 447 p., 3 t. 400 p., 4 t. 479 p., 5 t. 479 p. (In Tatar)

Foat Galimullin (2005) [Foat Galimullin]. R. Dautov Balachak әdiplәre: biografik beleshmәlek. Pp. 69–76. Kazan, Məgarif. (In Tatar)

Galimullin, F. G. (2009). *Iazuchy dən'iasyna səiakhət* [A Journey into the World of the Writer]. Ә. Enikigә 100 el. Shəhri Kazan, 20 mart, p. 4. (In Tatar)

Galimullin, F. G. (1999). *Il agasy fatikhasy* [With the Blessing of the Authorities]. Mәdәni җомга. 6 fevral', p. 8. (In Tatar)

Galimullin, F. G. (2000). *Iuk, koiash baemady!* *Әmirkhan Enikineң iakty istәlegenә* [No, the Sun hasn't Set! On the Bright Memory of Amirkhan Eniki]. Tatarstan. No. 3, pp. 50–51. (In Tatar)

Galimullin, F. G. (2016). *Tapshyrylgan khatlar* (*Әmirkhan Eniki, Fәniia Chanysheva, Foat Galimullin khatlary*) [Submitted Letters (Letters from Amirkhan Eniki, Faniya Chanysheva, Foat Galimullin)]. Tatarstan iash'lәre. 17 mart, p. 10. (In Tatar)

Galimullin, F. G. (2019). *Әdәbiattagy morzabyz* [Our Morza in Literature]. Vatanym Tatarstan. 5 mart, p. 3. (In Tatar)

Galimullin, F. G. (2014). *Әmirkhan Eniki: morza, shakhes, әdip* (L. Khamidullinnyң “*Tatar tarikhly shakheslәrdә*” *seriiasennән* “*Әmirkhan Eniki*” *digән kitabyna bәialәмә*) [Amirkhan Eniki: Morza, Personality, Poet (Review of L. Khamidullin's Book “Amirkhan Eniki” from the Series “Tatar History in Individuals”)]. Mәdәni җомга. 6 iun', p. 16. (In Tatar)

Galimullin Foat Galimullovich (2005). *Tatarskaia entsiklopediia: v 5 t.* [Tatar Encyclopedia: In 5 Volumes]. T. 2, p. 44. Kazan', Institut Tatarskoі entsiklopedii AN RT. (In Russian)

Galimullin, F. G. (2005). *Berenche adym* [The First Step]. R. Dautov Balachak әdiplәre: biografik beleshmәlek. Pp. 73–74. Kazan, Məgarif. (In Tatar)

Gyl'manov, G. (2001). *Erak aralaryny iakynaityp* [Reducing the Distances]. Zaman. 23 mart. (In Tatar)

Gyimadiev, L. (2001). *Keche күңelle олы galim* [The Scholar with a Subtle Soul]. Sabantui. 23 mart. (In Tatar)

Ike khat: *Әmirkhan Eniki һәм Fәniia Chanysheva khatlary* (2009) [Two Letters: Letters from Amirkhan Eniki and Faniya Chanysheva]. Iash'lek tavyshy (TDGPU). No. 3 (23). Mart, p. 4. (In Tatar)

Kalәм belән gomer builap...: *Foat Galimullin khezmatlärenең bibliografiase* (2018) [All My Life with a Pen ...: A Bibliography of Foat Galimullin's Works]. Töz. A. F. Galimullina, L. I. Mingazeva. 108 p. Kazan', RITs “Shkola”. (In Tatar)

Khisamov, N. (2018). *İnnәrendә zaman iөгә. Kalәм belән gomer builap...: Foat Galimullin khezmatlärenең bibliografiase* [A Burden of Time on Their Shoulders. All My Life with a Pen ...: A Bibliography of Foat Galimullin's Works]. Töz. A. F. Galimullina, L. I. Mingazova. Kazan', RITs “Shkola”, pp. 4–9. (In Tatar)

Krylov V. N. (2011). *Teoriia i istoriia russkoi literaturnoi kritiki* [Theory and History of Russian Literary Criticism]. 124 p. Kazan', izd-vo Kazanskogo un-ta. (In Russian)

Rakhman, R. (1999). *Nilər eshləməs bu millət, əgər kərəşsə* [Whatever This Nation Will Do if It Fights ...]. Məg"rifət. 11 dek. (In Tatar)

Sabirzianov, N. N., Mamina, G. F. (2011). *Osnovnye tendentsii nauchno-issledovatel'skoi deiatel'nosti literaturoveda, professora Foata Galimullina* [The Main Trends in the Research Activities of the Literary Critic Prof. Foat Galimullin]. *Intellektual'nyi potentsial XXI v.: stupeni poznaniia*, No. 5–2, pp. 91–97. (In Russian)

Safin, F. (1999). *Berenche, əmma sally nətiçələr* [First, but Not the Least]. Fən həm məktəp. No. 2, 107 p. (In Tatar)

Shəräfiyev, R. (1999). *Ytkənnər asha byğengegə* [Across the Past to the Present]. *Miras*. No. 1, pp. 154–159. (In Tatar)

Timofeeva, T. V., Gabidullina, F. I. (2020). *Tvorchestvo tatarskikh pisatelei XX veka v literaturno-kriticheskoi deiatel'nosti Foata Galimullina: opisatel'nyi obzor* [Tatar Writers' Works in the Twentieth Century in the Literary Criticism of Foat Galimullin: A Descriptive Review]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota, Tom 13. Vypusk 8, pp. 5–8. (In Russian)

Zagidullina, D. F. (2017). *Sovremennaya tatarskaya proza (1986–2016 g.g.): osnovnye tendentsii istoriko-literaturnogo protsessa* [Modern Tatar Prose (1986–2016): The Main Trends in the Historical and Literary Processes]. 246 p. Kazan', izd-vo Akademii nauk RT. (In Russian)

Əmirkhan Eniki həm XX iəz bashy ədəbiyatı (2009) [Amirkhan Eniki and the Literature of the Early Twentieth Century]. 424 p. Kazan, RITs "Shkola". (In Tatar)

The article was submitted on 16.03.2021
Поступила в редакцию 16.03.2021

Гайнуллина Гульфия Расилевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
gulfiarasilevna@mail.ru

Гилязов Тагир Шамсегалиевич,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
tgilazov@bk.ru

Gainullina Gul'fiya Rasilevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
gulfiarasilevna@mail.ru

Gilazov Tagir Shamsegaliyevich,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
tgilazov@bk.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-174-179
УДК 801.8

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ МИРА В СКАЗКЕ ИРИНЫ И ЛЕОНИДА ТЮХТЯЕВЫХ «ЗОКИ И БАДА»

© Марина Елепова, Наталия Кабанова

ARTISTIC MODEL OF THE WORLD IN THE TALE “ZOKI AND BADA” BY IRINA AND LEONID TYUKHTYAEVS

Marina Elepova, Natalia Kabanova

The tale “Zoki and Bada” by Irina and Leonid Tyukhtyaevs, rooted in parental experience and family communication with children, is an original version of a literary tale based on parodically interpreted intertextual connections; on transformations of folklore formulas; on enchanting dynamics of rapidly changing scenes; on grotesque actions of its characters-transformers; on a continuous linguistic game that includes a pun and a mix of semantically dissimilar words by sound similarity; on literal nominations and language experiments with phraseological units and set phrases. The artistic model of the world in the Tyukhtyaevs’ fairy tale is based on the gaming principle, embodied in speech nominations, in the plot structure and character system. In accordance with the features, characterizing children’s psychology and children’s word-creation manner, it is based on “shifters” (inverted speech formulas, the situational behavior of zoks), on associative connections (words are linked in unexpected chains, based on sound associations), on a paradoxical mixture of zoo- and anthropomorphic features in the appearance of characters, carnivalization and humorous elements that permeate all fairy tales.

The artistic chronotope of a fairy tale has its specific features. The time is organized as a series of days, each of them representing a new educational stage. According to the subtitle of the work – “A manual for children on parenting” – it is the “adult” bada who is the object of educational influences. The mythologized archaic-like fairy-tale space is divided into “ours” and “theirs”; the night light, the moon, is reified, its dimensions are fabulously narrowed and the heavenly body itself is miraculously brought close to the earth. The fictional space is created according to the folklore-archaic code. In accordance with it, the characters make a journey from their home to the outside world and back.

The conventionally grotesque world of the fairy tale “Zoki and Bada”, its semantic multidimensionality, the all-encompassing laughter perspective and the triumph of the word in its artistic universe, the features of a linguistic quest, which amusingly breaks linguistic norms and laws of the habitual usage, allow you to rediscover the special world of childhood and outline the ways of gaining harmony and understanding between adults and children.

Keywords: fairy tale, artistic model of the world, folklore, intertextuality, character system, chronotope, language game.

Сказка Ирины и Леонида Тюхтяевых «Зоки и бада», выросшая из родительского опыта, из семейного общения с детьми, представляет собой оригинальный вариант литературной сказки, построенной на пародийно интерпретируемых интертекстуальных связях, трансформации фольклорных формул, феерической динамике быстро меняющихся сцен, гротескных действиях персонажей-трансформеров, непрерывной лингвистической игре, включающей в себя каламбурное словопотребление и смешение семантически разнородных слов по звуковому сходству, буквалистскую номинацию и языковые эксперименты с фразеологизмами и устойчивыми выражениями. Художественная модель мира в сказке Тюхтяевых основывается на игровом начале, воплощенном в речевых номинациях, сюжетосложении и системе персонажей. В соответствии с особенностями детской психологии и детского словотворчества оно строится на «перевертышах» (перевернуты речевые формулы, ситуационное поведение зок), ассоциативных связях (слова связываются в неожиданные цепочки на основе звуковой ассоциации), парадоксальном смешении зоо- и антропоморфных черт в облике персонажей, карнавализации и юмористической стихии, пронизывающей все сказочные истории.

Художественный хронотоп сказки имеет специфические черты. Организация времени представит в виде череды дней, каждый из которых представляет собой новый воспитательный этап. Согласно подзаголовку произведения – «Пособие для детей по воспитанию родителей» – объектом

воспитательных воздействий оказывается в конечном счете «взрослый» бада. Мифологизированное сказочное пространство в архаическом духе делится на «свое» и «чужое», ночное светило – луна – овещается, ее размеры сказочно сужены, и само небесное тело чудесным образом приближено к земле. Художественное пространство строится по фольклорно-архаическому коду. В соответствии с ним герои совершают путешествие из родного дома во внешний мир и обратно.

Условно-гротескный мир сказки «Зоки и бада», ее смысловая многомерность, всеобъемлющее смеховое начало и торжество слова в ее художественном универсуме, черты лингвистического квеста, в котором забавно сокрушаются языковые нормы и законы привычного словоупотребления, позволяют заново открыть особый мир детства и наметить пути обретения гармонии и взаимопонимания между взрослыми и детьми.

Ключевые слова: сказка, художественная модель мира, фольклор, интертекстуальность, система персонажей, хронотоп, языковая игра.

В XIX веке сформировались две ведущие школы по изучению сказочных текстов – мифологическая, сосредоточившая свое внимание на поиске мифологических корней в сказке (связана с деятельностью братьев Гримм – Якоба (1785–1863) и Вильгельма (1786–1859)), и миграционная (или школа заимствования), отстаивающая мнение о миграционных движениях сказочных сюжетов из одних стран в другие (связана с деятельностью немецкого санскритолога Теодора Бенфея (1809–1881), издавшего в 1859 г. на немецком языке «Панчатантру» («Пятикнижие») – сборник индийских сказок, басен, притчей и т. п.). Объединил позицию обоих школ выдающийся русский филолог XIX века А. Н. Веселовский (1838–1906).

Осмысливая жанр литературной сказки в середине XX века, М. К. Азадовский допускает ее опору на устно-поэтический источник и воплощение в ней оригинального авторского замысла. Литературная сказка находит глубокое осмысление в работах современных ученых, таких как Е. М. Мелетинский, Л. Ю. Брауде, Л. В. Овчинникова, М. Н. Липовецкий, Е. М. Неелов и др. Тем не менее существует целый ряд проблем сказочной поэтики, требующих дальнейшего изучения. Литературная сказка последних десятилетий наполнена бесконечными аллюзиями к сказочной традиции прошлого, насыщена вкраплениями межкультурных сказочных начал, каламбурами и перевертышами на лингвистическом и литературном уровне. Психологический фактор в сказке нашего времени приобретает главенствующее значение: благодаря своей дву адресности, она несет в себе масштабный потенциал для решения социально-психологических проблем. Игровое сказочное начало через трансформацию системы образов позволяет и взрослому, и ребенку по-своему воспринимать второй смысловой план.

Цель данной статьи – осмыслить художественную модель сказочного мира сказки Тютчевых «Зоки и Бада» через анализ системы персо-

нажей, речевых номинаций и сюжетосложения. Актуальность работы определяется недостаточной исследованностью особого игрового типа литературной сказки (И. Мещерякова).

Мир сказки населен невиданными персонажами: лохматым бадой и сладкоежками-зоками, которые «случайно» завелись в банках с медом. Зоки через бытовые ситуации, аллюзионно отсылающие читателя к волшебным сказочным реалиям, чрезвычайно усложняют и в то же время украшают жизнь одинокого бады. Отношения бады и зоков явственно проецируются на отношения родителей и детей. Наполненные любовью и юмором истории Тютчевых воспринимаются как своего рода воспитательные фрагменты из пособия по воспитанию не только детей, но и взрослых, поскольку именно взаимного взгляда друг на друга и не хватает членам современных семей.

Сказочные зачины и устойчивые обороты отсылают читателя к народным сказкам «Сестрица Аленушка и братец Иванушка», «Три поросенка», «Гуси-лебеди», однако ничего похожего на сюжет традиционных фольклорных сказок в произведении не происходит. Современные сказочники Ирина и Леонид Тютчевы стирают жанровые границы, заключая свою художественную модель мира в рамки условной реальности, которая раскрывается совсем не так, как в народном творчестве, а через словесную игру, бесчисленные проявления интертекстуальности и аллюзионности. Тютчевы в своем произведении раскрывают удивительный мир, основанный на смешении культурных традиций: русских (использование зоками русских пословиц и поговорок, иногда каламбурно изложенных детскими устами), французских (аллегии, относящиеся к «Маленькому принцу» А. Экзюпери) и т. д. Кроме того, эта сказка имеет авторский подзаголовок: «Пособие для детей по воспитанию родителей». Из этого подзаголовка вытекает проблематика всего сказочного текста: перевертыш языковой номинации нарушает привычное понима-

ние всей воспитательной системы: взрослые воспитываются собственными детьми. Авторы сказки указывают на несовершенство тех аксиом, которые мы порой считаем нерушимыми, поскольку «так исторически сложилось». В то же время сюжетостроение и система персонажей сказки актуализируют идею непреходящей ценности семьи, необходимости гармонизации отношений родителей и детей.

Связь этой современной сказки с фольклорной традицией весьма причудлива. Она часто проявляется в забавной путаной трансформации фольклорных формул. Так, дети Маргарита и маленький Янка начинают рассказывать папе свою сказку с традиционного зачина, используя при этом имена из известной народной сказки, но в игровом переложении, где все наоборот: «*Жили-были зок Иванушка и его братец Аленушка...*» [Тюхтяева, Тюхтяев, с. 2]. Перевертыш в именах героев по их номинации указывает на игровое начало будущей детской сказки, в хитросплетения которой дети вовлекают своего отца, который «*знает всё*» [Тюхтяева, Тюхтяев, с. 2]. А ведь именно с утверждения того, что папа всё знает, и начинается будущая сказка. Папа знает всех «настоящих» животных (собак, кошек, крокодилов), даже знает, что у них по четыре ноги, но вот кто такие зоки, он не знает, и этому очень радуется Маргарита. Жизненное кредо Маргариты воплощено в словах: «*Оно настоящее, пока мы верим в это*» [Там же, с. 3]. Эта фраза обладает психологическим подтекстом: и страхи, и мечты имеют возможность воплотиться, если в них верят. На уровне сказки мы можем провести такую аллюзию: бада мечтал о тех, кого нужно приручить (скорее всего, о детях), поэтому у него завелись зоки, сами собой, в банках с медом. Указание на мед неслучайно: во-первых, в этом факте можно увидеть признак зооморфности бады и соотнесение его с медведем, который также, согласно сказочной традиции, любит мед. Во-вторых, мед – это сладость, поэтому можем предположить, что у бады «сладкая» жизнь. Этакий философ-отшельник, живущий в домике возле пруда, занимающийся разведением пчел в свое удовольствие и пожинающий плоды своего любимого труда.

Зоки – олицетворение детскости, наивности, озорства, непослушания. Анализируя место их «рождения», увидим, что надпись «МЕД» при чтении ее из банки в фонетическом воспроизведении при прочтении наоборот звучит как [Д'ОМ], причем звук [Д'] именно мягкий, такой, каким его произносят маленькие дети.

Наивность детского мировосприятия проявляется в первую очередь в речетворчестве и оп-

ределении лексического значения слова по значению каждой морфемы в отдельности: пчелы для зок «жалостливые очень» [Там же, с. 5], но не в силу своей сострадательности, а потому, что «*жалятся, жадничают*» [Там же]. «*Ничего у меня от меда не сплнется, я ведь падал уже с липы, не сплнулся*» [Там же, с. 6], – каламбурно утверждает зок на замечание бады о большом количестве съеденных сладостей. Лексический перевертыш находится в основе фразы: «*Мед мы терпеть не можем*» [Там же], которая в истинном значении может быть переведена так: сразу съедаем мед, не можем утерпеть.

Речь зок представляет собой синтез детских каламбуров, философских изречений, речевых клише в сочетании с детской же непосредственностью: «*Я – понятие растяжимое*» [Там же, с. 7], «*Рогаться не будешь?*» [Там же, с. 10], «*Позавтракаем завтра, а сейчас поедим*» [Там же, с. 12], «*Мы бы тебя позвали, но боялись, что ты не откажешься*» [Там же, с. 18], «*По какое место у нас лицо?*» [Там же, с. 20], «*А я первое!*» [Там же, с. 23].

Само название главных героев-малышей наталкивает на следующие размышления: ЗОК в детском фонетическом воспроизведении может быть концовкой таких слов, как *дру[ЗОК]*, *пи-ро[ЗОК]*, произносимых самими детьми, часто путающими чередующиеся звуки «ж» и «з». То есть в имени ЗОК мы слышим ласковое обращение взрослого к ребенку, но выполненное через речь ребенка. Феерия детских «неологизмов» зок создает атмосферу непосредственного детского творчества как способа познания мира.

Героя баду также можно идентифицировать как через речь зок, так и через описание внешности: «бада» – от слова «бодаться», что в детском мировосприятии может рассматриваться как строгость и возможность наведения порядка, тем более что бада рогатый «не постоянно», ведь рога он прикручивает исключительно для достижения определенных целей, чаще всего дисциплинарных. Поэтому баду можно рассматривать в качестве папы, главы семьи. Зоки иногда называют его «бабочка»: «*У нас нет зубов, бабочка*» [Там же, с. 19], и тогда ассоциативность с «папочкой» становится еще более явственной. Бада старается приучить зок к порядку, правильному распорядку дня, при этом сопровождает любую деятельность игрой, понимая, что дух соперничества и детская неуступчивость будут вызывать конфликты. Но и тут возникают казусы: например, в процессе занятия утренней гимнастикой возникает конфликт при ловле даже воображаемой шоколадки: «*Тянемся за шоколадкой – хватаем шоколадку*» [Там же, с. 22]. Поэтому

снова зоки обиделись и надулись, как воздушные шары, – фразеологизм приобретает реальное воплощение: зоки в виде шаров улетели, но полетались на сучках. Пришлось зоков заклеить пластырем, причем не только отверстия от сучков, но и рты. Зоки на этот прием возмущенно отреагировали словом: «НЕПЕДАБОДИЧНО!» [Там же, с. 25], в котором явно прослушивается известное выражение «непедагогично», которое обретает юмористическое звучание. В этой словесной игре явно ощутим намек на несостоятельность косных и таких устойчивых в педагогике формул в контексте живой жизни, разрушающей любые схемы и общепринятые модели.

Отсылкой к образу отца могут служить чернота и колючесть героя, которые могут быть сравнимы с мужской щетиной. Кроме того, воспитательные методы бады не всегда удачно исполнимы и часто неуклюжи, как часто бывает и в реальной жизни. Может быть, поэтому в середине сказки появляется белый бада как образ женского, материнского начала. Также бада, как и любой отец, любит отдохнуть на диване: «Бада набодался и решил отдохнуть» [Там же, с. 29].

Но в описании бады можно разглядеть и другую ипостась: черная шерсть указывает на зооморфность героя, причастность его к традиционной сказочной традиции в изображении чего-то таинственного, непонятного, например лешего или водяного. Бада живет около пруда, как водяной, разводит пчел и собирает мед, как сказочный медведь, оброс шерстью, как леший. Опять же читателю представлены лишь штрихи внешнего облика героя, чтобы собственная фантазия дорисовала сказочный образ.

Сказка Тюхтяевых представляет собой своего рода сериал, который в ходе развития сюжета приобретает воспитательный характер, причем как для детей, так и для их родителей. Сказка, действительно, становится ценным пособием, поскольку образная система и сюжетные коллизии позволяют и детям, и взрослым легко себя идентифицировать, рассмотреть в какой-либо комической ситуации.

В произведении Тюхтяевых особым образом выявляется потенциал семантики и поэтики фольклорной традиции. В сказке идет почти непрерывная словесная игра, в том числе с образами русских волшебных-фантастических сказок, пословиц, поговорок, своего рода лингвистическая карусель, которая на уровне сказочной поэтики проявляется в ослаблении логико-семантической и грамматической связности текста при повышении экспрессивной выразительности образного ряда в отображении авторского мироощущения. Элементами такой «карусели»

становится, например, буквальное понимание фразеологических оборотов: на жалобу бады, что у него голова кругом пошла от переживаний за зоков, они бросились на улицу со словами: «Тут голова не проходила?» [Там же, с. 71]. В эпизоде, повествующем о том, как зоки вороного ловили, также присутствует пример подобной лингвистической трансформации: зоки под вороным рассматривают ворону, отталкиваясь в своих умозаключениях от знакомой им части слова: «Слышал я, что богатырь вскочил на вороного и полетел» [Там же, с. 67]. Добавляет уверенности зоккам и многозначное слово «полетел», которое в русской народной сказке обозначает быстрое, стремительное движение. К поимке вороного зоки применяют средство, определенное их логикой сближения далеких по смыслу, но сходных по звучанию слов: «вороного» можно поймать «воронкой». Таким образом активизируются в духе детского вербального восприятия механизмы ассоциативной связи интертекстуальной направленности.

Кроме того, при создании образной системы сказки авторами использован другой лингвистический прием: использование своего рода рекуррентных графонов – постоянных искажений слов, но не из-за речевых дефектов, а как явления, характерного для детской речи. В качестве такого примера речевой выразительности можно рассмотреть следующие примеры: «Мы вечером мудренеет» [Там же, с. 63], о том, что мед может быть у рака, зоки «узнали», когда нашли «Свидетельство об раке» [Там же, с. 51] (конечно, это свидетельство о браке). Находка свидетельства также намекает на то, что бада находится в законном браке, а значит, он один из родителей. Это еще один аргумент в пользу того, что бада – папа. Также можно рассмотреть в качестве рекуррентного графона такой пример: зоки утверждают, что в хранилище должен быть «ТОВАРОЕД» – слово «ТОВАРОВЕД» где-то и когда-то могло быть услышано ими, но в названии должности звучит желаемое: как здорово работать на таком месте! Из анализа подобранных примеров можно сделать вывод, что своеобразные рекуррентные графоны позволяют конденсировать несколько смыслов в одном языковом знаке: это лингвистическое средство выразительности «характеризует персонажа „изнутри“, со стороны самого персонажа, при кажущемся невмешательстве автора» [Кухаренко, с. 21]. Одновременно оно вызывает комический эффект, придает сказке легкое юмористическое звучание, понятное не только взрослым, но и детям.

Организация времени как компонента сказочного хронотопа представлена в виде череды

нескольких дней, где каждый день – это новый этап воспитательного процесса, причем кто кого воспитывает – сначала и неясно. Ответ дан в финале сказки Яном: на вопрос папы («*А зоки исправились?*») мальчик ответил: «*Бада исправился!*» [Тюхтяева, Тюхтяев, с. 81].

Сказочное пространство сказки Тюхтяевых мифологично: небесное тело – луна – лишается своей космической недостижимости, планета овеществляется. Чтобы проучить зоков, бада улетает на луну. Зоки видят баду на луне, он их тоже видит и, чтобы спрятаться от напавших малышей, прячется на другую сторону луны. Появляются метаморфозы в определении размеров луны: также сказочно сужены, и расстояние до нее совсем незначительное, сказочные герои не только видят друг друга, они еще и переговариваются: «*Бада, родненький! Мы есть хотим! По-корми нас!*» [Там же, с. 71]. Пространство в духе архаического сознания делится на «свое» и «чужое». «Своим» миром для зоков и бады является их дом вместе с кладовой, в которой хранится мед. Мед в данном контексте можно рассматривать не только как сладость, столь любимую детьми, но и символически как источник сердечного тепла и родственной любви. Таким образом, пространственная организация сказки Тюхтяевых соответствует фольклорно-архаическому коду и, как и в традиционной сказке, обязывает «героя из „своего“ внутреннего пространства (родного края) достигать внешнего „чужого“ и затем возвращаться „домой“» [Вежбицкая, с. 56].

Современная литературная сказка интенсивно обновляется, переживая новый этап своего развития: актуально тяготение ее к игровым номинациям и речетворчеству, включение каламбуров и лингвистических перевертышей, усиление юмористического начала. Эти категории являются «строительным» материалом при создании сказочных образов и событий, продвигающих весь сюжет через фантазийно-театральное восприятие и ребенка, и взрослого.

Сказка Тюхтяевых, таким образом, двуадресна. С одной стороны, очевидны детские номинации в образах озорных сладкоежек и проказников зоков, «обучаемых» хорошим манерам черным бадой, – с хвостом, копытами и разными рогами, но при этом воспитывающих его самого. Вместе с тем это «пособие по воспитанию родителей», требующее чтения его всей семьей. Наличие в сказке традиционных элементов сказочной поэтики, узнаваемых в волшебных испытаниях героев, отдельных изобразительно-выразительных средств, стилистических клише позволяет погружать читателей в привычный сказочный мир, но сказочные неологизмы в виде

наименования героев требуют «расшифровки» второго плана произведения. Сказка Тюхтяевых при этом тщательно «сдобрена» юмором, смешные герои и их наивное мировосприятие, выражающееся в постоянных каламбурных изречениях или действиях, заставляют всю читательскую аудиторию по-новому взглянуть на привычные жизненные ситуации.

Игровая модель мира, представленная в сказке Тюхтяевых, включает в себя интертекстуальные связи, нередко несущие функции пародии или стилизации, трансформацию фольклорных формул, карнавальную феерию быстро меняющихся сцен, обеспечивающих динамическую плотность текста, парадоксальное смешение зоо- и антропоморфных черт и фантастические видоизменения персонажей-трансформеров. Особую роль в поэтике произведения играет лингвистическая игра: серьезные, «взрослые» формулы, превращающиеся в формы детского словотворчества, каламбурная, нередко буквалистская номинация, игра с прямым и переносным значением слов, с фразеологизмами и устойчивыми выражениями придают тексту сказки комическое звучание. Условно-гротескный мир сказки, ее юмористическая стихия, сокрушая устойчивые литературные и языковые нормы и устоявшиеся жизненные правила, позволяют открыть особый мир детства, специфику детского мировосприятия с его безудержной фантазией, избытком радостной энергии, свежестью чувств и непосредственностью.

Список литературы

- Аникин В. П. Русская народная сказка. М., 1977. 208 с.
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. 423 с.
- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001. 235 с.
- Кухаренко В. А. Интерпретация текста. М.: Промсвещение, 1988. 192 с.
- Литовецкий М. Н. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–1980 гг.). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 184 с.
- Гамидова С. Х. Фольклорные традиции и специфика литературной сказки // Наука через призму времени. 2018. № 5 (14). С. 105–108.
- Пропп В. Я. Русская сказка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 332 с.
- Тюхтяева И., Тюхтяев Л. Зоки и Бада. М.: Микрополь, 1993. 80 с.
- Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. М., 1994. 608 с.

References

- Anikin, V. P. (1977). *Russkaia narodnaia skazka* [Russian Folk Tales]. 88 p. Moscow. (In Russian)
- Bakhtin, M. M. (1979). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. 423 p. Moscow. (In Russian)
- Gamidova, S. H. (2018). *Fol'klornye traditsii i spetsifika literaturnoi skazki* [Folklore Traditions and the Specificity of Literary Fairy Tales]. *Nauka cherez prizmu vremeni*. No. 5 (14). (In Russian)
- Kuharenko, V. A. (1988). *Interpretatsiia teksta* [Interpretation of the Text]. Pp. 17–19, 21–23. Moscow. Prosveshchenie. (In Russian)
- Lipovetskii, M. N. (2002). *Poetika literaturnoi skazki (na materiale russkoi literatury 1920-1980 gg.)* [Poetics of a Literary Tale (based on Russian literature in 1920–1980)]. 184 p. Sverdlovsk, izd-vo Ural. un-ta. (In Russian)
- Propp, V. Ya. (1984). *Russkaia skazka* [Russian Fairy Tales]. V. Ya. Propp. 332 p. Leningrad, izd-vo Leningrad. un-ta. (In Russian)
- Tiuhtiaev, I., Tiuhtiaeva, L. (1993). *Zoki i Bada* [Zoki and Bada]. 80 p. Moscow, Mikropol. (In Russian)
- Uspenski, B. A. (1994). *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. T. 1, 321 p. Moscow. (In Russian)
- Verzhbitskaia, A. (2001). *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo kluchevykh slov* [Understanding Cultures through Key Words]. 235 p. Moscow. (In Russian)

The article was submitted on 25.11.2020

Поступила в редакцию 25.11.2020

Елепова Марина Юрьевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Северный (Арктический) федеральный
университет имени М. В. Ломоносова,
163002, Россия, Архангельск,
Набережная Северной Двины, 17.
m.elepova@yandex.ru

Кабанова Наталия Григорьевна,
аспирант,
Северный (Арктический) федеральный
университет имени М. В. Ломоносова,
163002, Россия, Архангельск,
Набережная Северной Двины, 17.
nataliakabanova30@gmail.com

Elepova Marina Yurievna,
Doctor of Philology,
Professor,
Northern (Arctic) Federal
University named after M. V. Lomonosov,
17 Northern Dvina Embankment,
Arkhangelsk, 163002, Russian Federation.
m.elepova@yandex.ru

Kabanova Natalia Grigorievna,
graduate student,
Northern (Arctic) Federal
University named after M. V. Lomonosov,
17 Northern Dvina Embankment,
Arkhangelsk, 163002, Russian Federation.
nataliakabanova30@gmail.com

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-180-184
УДК 821.161.1

ИСТОРИЧЕСКОЕ И «НЕИСТОРИЧЕСКОЕ» В РОМАНЕ Е. Г. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»

© Нина Калинина, Валерий Сонькин

THE HISTORICAL AND THE “NON-HISTORICAL” IN THE NOVEL “LAURUS” BY E. VODOLAZKIN

Nina Kalinina, Valerii Sonkin

This article studies the relationship between the historical and the “non-historical” in the novel “Laurus” by E. Vodolazkin. This ratio is comprehended through the category of time, which is the key to understanding the ideological and thematic design of the work in the context of the philosophical interpretation of the chronotope by ancient Russian people. The novel combines the ideas of linear and cyclical time, which is a characteristic feature of medieval Russian booklore. Therefore, the text combines and intertwines the signs of different time periods. There are several striking stylistic techniques that implement this idea. Some intertextual inclusions in the text of the novel refer the reader to the texts of a later period, which creates a single literary cultural space of different literatures, presenting it as an entirety. The cultural code of some characters in the work is much ahead of their era. Also, a striking feature of the writer’s idiosyncrasy is the use of lexical anachronisms – words that could not be used in the characters’ speech, since they were not yet formed or borrowed in the described era. This fact allows us to find out how the idea of the absence of time is realized in the text of the novel “Laurus”.

Keywords: artistic time, historicism, intertextual connections, lexical anachronisms.

Настоящая статья посвящена изучению соотношения исторического и «неисторического» в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр». Это соотношение осмысливается через категорию времени, являющуюся ключевой для понимания идейно-тематического замысла произведения в контексте философского осмысления хронотопа древнерусским человеком. В романе совмещаются идеи о линейном и циклическом времени, что является характерной особенностью средневековой русской книжности. Поэтому в тексте соединяются и переплетаются приметы различных временных эпох. Можно назвать несколько ярких стилизованных приемов, реализующих эту идею романа. Некоторые интертекстуальные включения в текст произведения отсылают читателя к текстам более позднего периода, что создает единое культурное пространство словесности разных литератур, которое представлено как целое. Культурный код некоторых персонажей произведения намного опережает их эпоху. Также яркой чертой идиостиля писателя является употребление лексических анахронизмов – слов, которые не могли быть использованы в речи персонажей, так как не были еще образованы или заимствованы в описываемую эпоху, что позволяет выяснить, как в тексте романа «Лавр» реализуется идея об отсутствии времени.

Ключевые слова: художественное время, историзм, интертекстуальные связи, лексические анахронизмы.

Современный писатель Е. Г. Водолазкин в романе «Лавр» обращается к эпохе русского Средневековья. Однако сам автор – ученый-медиевист, историограф – не занимается точным восстановлением описываемой эпохи. Он совмещает в одном тексте события, относящиеся к разным временным пластам: от XV до XX века. В романе причудливым образом переплетаются не только сюжетные линии, но и бытовые реалии разных эпох.

Время в художественном пространстве – системообразующий элемент текста. Важно отметить, что художественное время не соответствует реальному и не следует за ним. В романе «Лавр» Е. Г. Водолазкин не просто отсылает читателя к древнерусской эпохе, он создает особый хронотоп, который не характерен для современного восприятия.

Большинство исследователей романа отмечают эту особенность построения временного пространства романа. Она заключается в том, что

автор, знаток древнерусской книжности и истории, строит сюжет произведения в контексте конкретных исторических событий. С другой стороны, внимательный читатель сразу же обращает внимание на подзаголовок произведения – *Неисторический роман*.

По мнению исследователей романа, важнейшей его особенностью является «структурирование повествования в рамках соотнесения исторического и внеисторического начал» [Махнина, с. 273]. Поэтому для верной интерпретации текста, по наблюдению А. В. Архангельской, необходимо учитывать «вневременные, надвременные и прочие межэпохальные связи» [Архангельская, с. 113].

Возникающие противоречия между выражением в романе художественного и реального времени создает особый хронотоп произведения и формирует мировоззрение персонажей. Такое преломление времени в его жизни осознает и сам главный герой романа [Водолазкин, с. 10].

Многое становится понятным в контексте философского осмысления времени в древнерусскую эпоху. По замечанию А. Н. Ужанкова, христианство принесло древнерусскому человеку новую, линейную интерпретацию времени. Она подразумевает наличие не только профанного, мирского времени (от сотворения мира до Страшного суда), но и горнего, духовного, не имеющего начала и конца [Ужанков, с. 173]. Такое понимание времени изменило представление о циклическом времени, характерное для древнерусского языческого мышления. Новое понимание находит яркое отражение в древнерусской книжности. Как полагает Д. С. Лихачев, именно в художественном времени соединяются грамматическое и философское его осмысление [Лихачев, с. 211]. Категория временного пространства в художественном тексте «не просто набор необходимых для общения форм времени, а мировоззренческая система, способная выразить особенности философского осмысления понятия времени древнерусским человеком» [Глухова, с. 17]. Такой подход позволяет раскрыть идейно-тематическое и художественное своеобразие романа.

Не будем подробно останавливаться на сюжетных особенностях выражения идеи вневременности в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр». Они уже подробно описаны в имеющихся исследованиях [Архангельская], [Махнина]. Обратим внимание на стилевые приемы организации текстового пространства анализируемого произведения.

Нарушают временную последовательность событий в романе некоторые интертекстуальные

включения. Характерной особенностью романа являются многочисленные межтекстовые связи, которые включают текст произведения главным образом в систему древнерусской книжности. Чаще других в романе встречаются цитаты и аллюзии на библейские тексты, патристику, произведения ораторского красноречия, исторические сочинения, знакомые древнерусскому человеку. Например, описывая возлюбленную главного героя, автор отсылает нас к библейской «Книге Песни Песней Соломона»: *«Высыхающие, еще не заплетенные в косу волосы пушисто светились вокруг головы. Власи твои, яко стада коз, яже възыдоша от Галаада»* [Водолазкин, с. 71–72] (здесь и далее разрядка наша. – Н. К., В. С.). Ср.: *«Волосы твои – как стадо коз, сходящих с Галаада»* (Песня Песней VI, 6). Историчность цитаты подчеркивает ее использование в оригинальном виде на церковнославянском языке. Таковы частые построения интертекстуальных связей в тексте романа.

Однако мы встречаем и другие случаи, нарушающие исторический принцип. В речи персонажей романа, героев древнерусской эпохи XV века, имеются отсылки к текстам более позднего времени, которые не могли быть известны говорящим.

Наставляя мальчика, дед главного героя произносит: *«Мы в ответе за тех, кого приручили, говорил, глядя волка, Христофор»* [Водолазкин, с. 33]. Нетрудно выявить аллюзию к повести А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц». Употребление этого выражения не удивляет читателя, так оно давно стало крылатым и потеряло однозначную связь с источником. Поэтому его употребление в речи народного целителя достаточно органично.

Другой герой романа, юродивый Фома, рассуждая о национальной особенности русского человека, замечает: *«Так ведь русский человек – он не только благочестив. Докладываю вам на всякий случай, что еще он бессмыслен и беспощаден»* [Там же, с. 194]. В этой фразе внимательный читатель найдет аллюзию на текст исторического романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка», написанного в первой половине XIX века: *«Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный»*. Таким образом, приведенные примеры свидетельствуют о сознательном нарушении автором временной последовательности литературных фактов. Можно предположить, что именно своих героев автор делает создателями этих высказываний. Эта снова создает впечатление вневременности в романе.

Фрагмент романа: *«Поэт гибнет, скажем, в 37 лет, и люди, скорбя о нем, начинают рассуждать о том, что он мог бы еще написать»* [Там же, с. 288] – отсылает читателя к двум событиям литературной истории XIX века: к гибели Пушкина и к начальной строчке стихотворения «Погиб поэт!» Лермонтова.

Отметим еще один случай такого несоответствия. Уйдя в монастырь, главный герой на время становится переписчиком церковных книг. В романе приводятся отрывки текстов, якобы написанные его рукой. При этом для создания эффекта достоверности Е. Г. Водолазкин даже называет место хранения списков: *«Рукописи Амвросия в настоящее время хранятся в Кирилло-Белозерском собрании Российской национальной библиотеки (С.-Петербурга). Изучающие их исследователи единодушно отмечают, что рука писавшего тверда, а почерк округл»* [Там же, с. 389]. Однако на невозможность соотнесения этого факта с исторической действительностью указывают тексты, которые приписаны герою. В отрывках приводятся обширные фрагменты из житийных текстов святителя Димитрия Ростовского: «Повести о Таксидоте воине» и «Повести о покаянии Феофила» [Там же, с. 386–389]. При этом жизнь и творчество самого святителя Димитрия Ростовского относится к XVII веку. Это еще раз говорит о «неисторичности» романа. Таким образом, использование интертекстуальных связей в этом романе создает возможность для широкой интерпретации текста произведения, «позволяет автору вступить в диалог с читателем, используя тексты разных временных эпох» [Калинина, с. 132].

«Неисторичность» текста также выявляется на уровне анализа языка романа. С одной стороны, автор предпринимает попытку погрузить читателя в описываемую эпоху не только на сюжетном уровне. В тексте произведения причудливым образом перемешиваются современные русские и древнерусские конструкции: *«Ты ли еси Арсений, спросила баба. Аз есмь, ответил Арсений <...> Помози нам, Арсение, смертию бо умираем. Аще Богу будет угодно, помогу, пробормотал, не глядя на бабу, Арсений»* [Водолазкин, с. 126]. В приведенном отрывке используются утраченные формы глагола *быти* (*есмь* – 1 лица, *еси* – 2 лица), личное местоимение *аз* старославянского происхождения, древнерусская форма глагола повелительного наклонения *помози*, отражающая результат процесса II палатализации, утраченный в современном русском языке (*помоги*), древние союзы *бо* и *аще*. Интересно также смешение в небольшом отрывке текста двух форм обращения: древней (*Арсение* – зва-

тельный падеж) и новой (*Арсений* – именительный падеж). Это отражает общую стилевую черту текста произведения – смешение лексики разных временных эпох. Таких примеров из текста романа можно привести огромное количество.

С другой стороны, яркой приметой стиля анализируемого текста является использование лексических анахронизмов – слов, употребление которых противоречит описываемой эпохе, так как в этот период они еще не были образованы или заимствованы из других языков. Эти слова нарушают временное пространство текста, так как те фразы и выражения, которые произносят герои, не могли быть сказаны на самом деле людьми описываемой эпохи. Особенно ярко это выражается в произведениях, написанных на историческую тему. К ним и примыкает роман Водолазкина «Лавр».

В речи героев произведения появляется огромное количество заимствованных слов, которые пришли в русский язык в XVII–XVIII веках, в эпоху европеизации русской культуры при Петре I, например: *«Если желаешь собирать замерзающий элемент и на моей территории, ничтоже вопреки глаголю»* [Там же, с. 201]; *«Мне нужна твоя консультация»* [Там же, с. 186]; *«Душевно рад, коллега, что ты не принял сего безотрадного образа»* [Там же, с. 192]; *«Твою дивизию, в сердцах воскликнул юродивый Фома»* [Там же, с. 194]. Эти слова были заимствованы в XVII веке и не могли быть использованы в речи древнерусского человека XV века. Приведенные примеры взяты из речи юродивого Фомы – одного из самых противоречивых образов романа. В его речи переплетаются высокое и низкое, духовное и просторечное, древнее и современное. Поэтому употребление в его речи лексических анахронизмов лишь подчеркивает его особое положение в системе персонажей.

Лексические анахронизмы являются не только стилевой чертой речи юродивого Фомы. Приведем другие примеры: *«Факт, подтвердила Евдокия. Пусть остается»* [Там же, с. 167]; *«Это есть феномен, достойный всяческой поддержки, сказал посадник Гавриил»* [Там же, с. 198]. Выделенные слова появляются в русском языке тоже лишь в XVIII веке. Они характерны для книжной, деловой речи, что противоречит характеристике героев произведения и их эпохе.

В романе «Лавр» есть и более поздние заимствования, нарушающие временную соотнесенность употребления слов, так как встречаются в русском языке лишь с XIX века, но входят в речь героев романа: *«Что же до воскресения и спасения душ преставлявшихся раб Божьих, то эту*

информацию я предоставляю тебе, что называется, тет-а-тет» [Там же, с. 111]; «Поясняя свою мысль, прибегну к парадоксу» [Там же, с. 194]. К советской эпохе отсылает читателя и следующее обращение: «Готовься же, товарищ, в путь» [Там же, с. 245].

В романе «Лавр» больше всего лексических анахронизмов, связанных с темой медицины. Использование профессионализмов в речи главного героя не соответствует его деятельности, которая на самом деле является знахарством и врачевательством (от слова *врати*), а не лечением на основе диагностики заболеваний и приема медикаментов. Так нарушается единство временного пространства текста. С одной стороны, это позволяет читателю попытаться понять мир средневекового русского человека, а с другой – соотнести с окружающей действительностью и понять, что во все времена перед человеком встают одни и те же вопросы его бытия.

Само слово *медицина* многократно используется в романе и является заимствованием XVII века. Оно используется в прямом значении и легко входит в устойчивые выражения: «Брат наш Устин видит, что дитя умрет, сказал юродивый Фома. Медицина бессильна» [Там же, с. 186]; «Они отказываются от медицинской помощи, говорит собравшимся на улице врач Терентий. И положила руку на сердце, они правы, ибо глубина залегания кости превосходит возможности современной медицины» [Там же, с. 216]; «Врачебный опыт подсказывает ему, что медикаменты в лечении – не главное» [Там же, с. 220]. Употребление этих слов понятно читателю и не вызывает у него удивления. Но описание деятельности героя позволяет задуматься о его предназначении и роли в обществе. Он воспринимается не только как целитель, но и как человек, обладающий тайным знанием и способный видеть будущее. Это противоречит употреблению указанных слов и создает особое художественное пространство романа.

К лексическим анахронизмам относятся и другие слова этой лексико-тематической группы: «И просыпайся не для смерти, но для жизни. Прогноз у тебя благоприятный» [Там же, с. 124]; «По биению пульса распознавал изменения в состоянии и управлял ее борьбой за жизнь» [Там же, с. 133]; «Предупредил бы хоть, пожаловался пациент» [Там же, с. 159]. Слова *прогноз* и *пульс* пришли в русский язык в XVIII веке, слово *пациент* – в XIX веке. Многократное употребление лексических анахронизмов является не случайным приемом в тексте романа, а чертой идиостиля писателя.

Использование лексических анахронизмов, смешение древнерусского и русского языков, аллюзии на тексты поздних по отношению к событиям романа текстов еще раз подчеркивают идею романа об отсутствии времени. Такой подход к истолкованию произведения находит подтверждение и в размышлениях главного героя: «Я же говорю: существование времени под вопросом. Может быть, его просто нет» [Там же, с. 289]. Сходную мысль высказывают и другие герои произведения: юродивый Фома («Ну, так и не надо тебе этого знать, говорит юродивый Фома. Живи покамест вне времени» [Там же, с. 211]) и Амброджо («Я думаю, время дано нам по милосердию Божию, чтобы мы не запутались, ибо не может сознание человека впустить в себя все события одновременно. Мы заперты во времени из-за слабости нашей» [Там же, с. 279]). Поэтому идея о возможности соприкосновения и совмещения героев, предметов, событий и явлений разных временных эпох является одной из важнейших для понимания романа.

Мы полагаем, что такой подход позволяет автору строить повествование не на основе концепции линейного времени, характерной для мировоззрения современного человека, а с помощью идеи о циклическом времени, которая характерна для архаичного мышления, что и объясняет смысл подзаголовка произведения – *Неисторический роман* – в контексте общей идеи об отсутствии времени. На таком хронологическом противоречии и строится единство исторического и «неисторического» в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр». Эта идея находит свое выражение не только в этом произведении, но и во многих других текстах Е. Г. Водолазкина, что позволяет считать смешение временных эпох в построении хронологического пространства произведения чертой его идиостиля.

Список литературы

- Архангельская А. В. Время древнерусское и современное в романе Евгения Водолазкина «Лавр» // Материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения». Севастополь, 2013. С. 113–114.
- Водолазкин Г. Е. Лавр. М.: АСТ, 2017. 440 с.
- Глухова О. П., Калинин К. А. О связи выражения категории времени с его философским осмыслением в истории русского языка // Теоретическое и методическое обеспечение современного филологического образования в свете требований профессиональных стандартов. Набережные Челны: НГПУ, 2018. С. 16–19.
- Жучкова А. В., Музафьярова И. Р. Концепция времени в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» // Филологос. 2014. Вып. 23(4). С. 35–40.

Калинина Н. В. Лексические анахронизмы в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» // Язык как материал словесности. Казань: Бук, 2019. С. 103–110.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.

Махинина Н., Сидорова М. Историческое время в романе Е. Водолазкина «Лавр» (к постановке проблемы) // Филология и культура. Philology and Culture. 2016. № 2 (44). С. 271–274.

Ужанков А. Н. Стадиальное развитие русской литературы XI – первой трети XVIII века. Теория литературных формаций. М.: изд-во Литературного института, 2008. 528 с.

References

Arhangel'skaia, A. V. (2013). *Vremia drevnerusskoe i sovremennoe v romane Evgeniia Vodolazkina "Lavr"* [Old Russian and Modern Times in the Novel "Laurus" by Yevgeny Vodolazkin]. *Materialy nauchnoi konferentsii "Lomonosovskie chteniia"*. Sevastopol, pp. 113–114. (In Russian)

Glukhova, O. P., Kalinin, K. A. (2018). *O svyazi vyrazheniia kategorii vremeni s ego filosofskim osmysleniem v istorii russkogo iazyka* [On the Connection between the Expression of the Category of Time and Its Philosophical Understanding in the History of the Russian Language]. *Teoreticheskoe i metodicheskoe obespechenie sovremennogo filologicheskogo obrazovaniia v svete*

trebovanii professional'nykh standartov. Naberezhnye Chelny, NGPU, pp. 16–19. (In Russian)

Kalinina, N. V. (2018). *Leksicheskie anakhronizmy v romane E. G. Vodolazkina "Lavr"* [Lexical Anachronisms in the Novel "Laurus" by E. G. Vodolazkin]. *Iazyk kak material slovesnosti*. Kazan, Buk Publ., pp. 103–110. (In Russian)

Lihachiov, D. S. (1979). *Poehtika drevnerusskoi literatury* [Poetics of Old Russian Literature]. 360 p. Moscow, Nauka Publ. (In Russian)

Makhinina, N., Sidorova, M. (2016). *Istoricheskoe vremya v romane E. Vodolazkina "Lavr" (k postanovke problemy)* [Historical Time in E. Vodolazkin's Novel "Laurus"]. *Filologiya i kul'tura*. Philology and Culture. No. 2(44), pp. 271–274. (In Russian)

Uzhankov, A. N. (2008). *Stadial'noe razvitie russkoi literatury XI – pervoi treti XVIII veka. Teoriia literaturnykh formatsii* [The Staged Development of Russian Literature in the 11th – the First Third of the 18th Century. The Theory of Literary Formations]. 528 p. Moscow, Literaturnyi institut Publ. (In Russian)

Vodolazkin, E. G. (2017). *Lavr* [Laurus]. 440 p. Moscow, AST Publ. (In Russian)

Zhuchkova, A. V., Muzafiarova, I. R. (2014). *Kontseptsii vremeni v romane E. G. Vodolazkina "Lavr"* [The Concept of Time in the Novel "Laurus" by E. G. Vodolazkin]. *Filologos*, No. 23(4), pp. 35–40. (In Russian)

The article was submitted on 23.02.2021

Поступила в редакцию 23.02.2021

Калинина Нина Владимировна,
магистрант,
Набережночелнинский государственный
педагогический университет,
423806, Россия, Набережные Челны,
Низаметдинова, 28.
ninel-kalinina@mail.ru

Сонькин Валерий Александрович,
преподаватель,
Набережночелнинский государственный
педагогический университет,
423806, Россия, Набережные Челны,
Низаметдинова, 28.
sonkinva59@mail.ru

Kalinina Nina Vladimirovna,
Master student,
Naberezhnye Chelny State
Pedagogical University,
28 Nizametdinov Str.,
Naberezhnye Chelny, 423806, Russian Federation.
ninel-kalinina@mail.ru

Sonkin Valery Aleksandrovich,
Assistant Professor,
Naberezhnye Chelny State
Pedagogical University,
28 Nizametdinov Str.,
Naberezhnye Chelny, 423806, Russian Federation.
sonkinva59@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-185-189
УДК 821.161.1-3

ИЛЛЮСТРАЦИЯ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В ЦИКЛЕ «СМЕРТЬ НА БРУДЕРШАФТ» БОРИСА АКУНИНА

© Ильгам Куряев

ILLUSTRATION AS A WAY OF CREATING A CINEMATIC EFFECT IN B. AKUNIN'S CYCLE OF NOVELS "BRÜDERSCHAFT WITH DEATH"

Ilgam Kuryaev

The article discusses the functions of the illustrative corpus used to create a cinematic effect in Boris Akunin's prose. The analysis shows that the illustrative corpus contributes to the establishment of the "cinematic novel" occasional genre invariant and the implementation of the literary cinematography principles in the text of the novels "Brüderschaft with Death". The illustrations not only duplicate the visualizing function for the events described, but also provide additional semantics in the textual space. Through illustrations an analogue of a cinematic show is created, facilitated by the inclusion of the visual image of the author (Boris Akunin) in the role of the taper and / or banshi, as well as by consolidating the spatial dimension in the book. At the same time, the illustrations create a situation, which contributes to the inversion of the relation "text and image" with regard to the classical form of the literary work: thus, they affirm the "primacy" of the visual / cinematic code and the "inferiority" of the verbal one. In this way, the text of the cycle novels becomes an act of novelization of the visual and – more broadly – cinematic text. In addition, the illustrative corpus creates a situation (through the generation of an analogue of a cinematographic show), in which the book is seen as an analogue of the social practice of going to the cinema, that is, its reading becomes an act of overcoming space, a kind of its model.

Keywords: illustration, literary cinematography, audiovisuality, diegesis, space, Boris Akunin.

В статье рассматриваются функции иллюстративного корпуса, способствующего созданию кинематографического эффекта в прозе Бориса Акунина. В ходе анализа выявлено, что в тексте цикла повестей «Смерть на брудершафт» иллюстративный корпус способствует утверждению инварианта окказионального жанра «роман-кино» и реализации в тексте принципов литературной кинематографичности. При этом иллюстрации не только выполняют дублирующую функцию визуализации описанных событий, но и утверждают дополнительную семантику в текстовом пространстве. Через иллюстрации создается аналог кинематографического сеанса, чему способствует включение визуального образа автора (Бориса Акунина) в роли тапера и / или бэнси, а также утверждается пространственное измерение книги. В то же время иллюстрации создают ситуацию, в которой происходит инверсия отношения «текст и изображение» для классической формы литературного произведения: так утверждается «первичность» визуального / кинематографического кода и «вторичность» вербального. И текст повестей цикла становится актом новеллизации визуального и – шире – кинематографического текста. Кроме того, иллюстративный корпус создает ситуацию (через генерирование аналога синематографического сеанса), при которой книга предстает аналогом социальной практики посещения кинотеатра, то есть ее чтение становится актом преодоления пространства, определенной его модели.

Ключевые слова: иллюстрация, литературная кинематографичность, аудиовизуальность, диегезис, пространство, Борис Акунин.

Сегодняшняя культурная ситуация подразумевает утверждение многочисленных взаимосвязей между различными текстами, переплетение и взаимопроникновение медиа как процесса ремедиатизации, утверждающей новые формы и методы приема, обработки, генерирования и транс-

лирования информации. На смену вербальной культуре приходит культура визуальная, апроприрующая вербальный код в качестве дополнительного элемента, факультативного комментария, пояснения, но именно элемента дополнительного [Барт, с. 18–19], [Сонтаг]. Изменение

принципа культурной организации, переход ее от набора готовых образцов и элементов к постоянному информационному потоку, разумеется, влечет постоянный поиск новых форм, отвечающих условиям и требованиям новой «мультимедийной» эпохи. Сам вербальный текст – от изменившейся социально-экономической и онтологической ситуации – стремится сблизиться с медиа. В этом аспекте многие элементы и принципы литературного текста, способствующие интеграции с приемами иных медиа, генерируют ситуации новых интеракций.

Кино, включающее в себя элементы прочих медиа, оказало существенное влияние на всю культуру XX века, в том числе и на литературу, которая «впитала» в себя многие элементы кинематографической поэтики и через это взаимодействие актуализировала собственные приемы, освоила новые, которые сегодня можно рассматривать как проявление литературной кинематографичности. Кроме того, взаимовлияние литературы и кино выразилось через поиски и создание новых жанров («лирическая фильма», «лирическая акварель», путьфильма, киноповесть) и литературных форм (киносценарий), пытающихся стать внятным эквивалентом для зарождающихся принципиально новых культурных формаций. Этот процесс наиболее заметен в ситуации культуры-1, в авангардной литературе [Паперный]. Рубеж XX–XXI вв. как своеобразное повторение 1920-х гг. снова актуализирует эксперимент, изменение принципа культурной организации, переход ее от набора готовых образцов и элементов к постоянному информационному потоку [Ямпольский, с. 97–98].

В этом контексте весьма примечательны писательские поиски Бориса Акунина и особенно его авторский жанр «роман-кино», созданный и реализованный в рамках проекта «Фильмы». В пространстве этого жанра, заявляющего, по словам самого автора, о совмещении в едином пространстве «литературного текста с визуальностью кинематографа» [Акунин 2009], генерируется ситуация своеобразной аналогии, тождественности кинематографического и литературного текстов. При этом важно заметить, что для реализации жанра в тексты повестей также включен широкий корпус иллюстраций, где они выполняют не только вполне традиционную роль дублирования повествуемых событий, но и порождают дополнительные семантические конструкции. Рассмотрим функции корпуса иллюстраций в цикле повестей «Смерть на брудершафт» Бориса Акунина и их роль в создании кинематографического эффекта в пространстве текста.

Определение Акуниным авторского жанра как «роман-кино» уже подчеркивает особую специфику конструируемого нарратива текста. Само повествование здесь строится по принципу литературной кинематографичности [Мартынова, с. 7]: текст аудиовизуален; нарратив конструируется посредством монтажа, совмещающего фрагменты пространства, актуализируемые через точку зрения протагониста, представляемого в пространствах диегетического мира через аналог кинематографического тревеллинга и определяющего и выбирающего необходимые элементы диегетического мира; само пространство той или иной истории и цикла в общем создается и утверждается через смену точек зрения протагонистов; сюжет подчеркнута авантюрный, отсылающий в своем движении не только и не столько к литературным детективам, сколько к кинематографическим текстам, особенно к франшизе «бондианы», на что впервые обратила внимание О. Ю. Осьмухина [Осьмухина, 2013], [Осьмухина, 2016]. Кроме того, сюжетное развертывание актуализирует элементы текста, связанные с лексической группой «Кино» [Осьмухина, Куряев]. Однако важное значение в пространстве цикла приобретают именно иллюстрации, которые способствуют тому, что текст не только разворачивается согласно принципам литературной кинематографичности, но и предстает своеобразной кинематографической фильмой или же близким к ней аналогом.

Каждая из десяти повестей цикла представляет собой совмещение вербального и визуального текстов. Конечно, иллюстрации присутствовали и в прочих проектах Бориса Акунина, среди которых особенно примечательны романы о приключениях Эраста Фандорина [Акунин, 2020]. Однако корпус иллюстраций в цикле «Смерть на брудершафт» куда более разнообразен.

Этот корпус состоит из обложки, отсылающей в своем стилистическом решении к киноафишам; иллюстрации, расположенной обычно на второй странице (в карманных изданиях) и демонстрирующей Бориса Акунина в образе тапера, сидящего за пианино, кинематографический зал, заполненный посетителями в костюмах начала XX века, и механика, следящего за работой кинематографического аппарата; затем своеобразные стилизованные названия той или иной повести на страницах 5 и 7 (в карманных изданиях), которые отсылают в своем исполнении к начальным титрам фильмов эпохи немого кино (с обязательным использованием дореволюционной графики, особенно *i*, *л*, *ь*); затем названия глав, выполненные в виде интертитров немой фильмы

(к примеру: «В тайнике» [Акунин, 2009, с. 152] или «Мастера золотые руки» [Акунин, 2011, с. 140]); сам корпус иллюстраций внутри текста, представляющих собой отражение описанных сюжетных событий и музыкальный отрывок в виде текста песни; и, наконец, корпус фотографий в разделе «Хроника», располагающийся уже после основного текста повести.

Этот корпус иллюстраций способствует актуализации в тексте кинематографических элементов (будь то афиша, кинозал, интертитр) и визуализации диегетического пространства как его дубликата, что на первый взгляд не выходит за рамки общепринятой традиции. Но влияние иллюстраций здесь куда более значительно.

И важным из перечисленных выше пунктов становится иллюстрация, демонстрирующая зрительный зал и Бориса Акунина в образе тапера. Аналогичные иллюстрации, изображающие писателя в пространстве диегетического мира, можно встретить и в прочих романах писателя (особенно в уже упоминавшемся нами цикле об Эрасте Фандорине). Однако в случае с «романом-кино» функция этого изображения отличается. Демонстрируемое на этой иллюстрации, а именно кинозал, формирует дополнительное, обрамляющее основной диегезис пространство. И сам кинозал как изображенный на рисунке явно формирует специфику этого диегезиса. То есть все события, связанные с авантюрами Алексея Романова и Зеппа, битвой двух разведок во время Первой мировой войны, являются разве что кинофильмами, созданными в эпоху немого кино. Повествуемая история утверждается как сеанс в «синематографе», как фикция, как наблюдаемое, утверждающее свою искусственную и техническую природу (проекция и демонстрация с пленки), здесь же разворачивается дополнительный звуковой аспект текста, связанный с музыкальным сопровождением (содержание мелодий в качестве фрагментов присутствует на иллюстрациях), а иллюстрации внутри текста становятся равными тексту или вовсе утверждают первичность изображения. К тому же, помимо названий глав, выполненных в виде титров, сама эта реальность вне диегезиса заявляет о себе (здесь примечательна фраза в повести «Летающий слон»: «Предупреждение для дам и родителей: откровенная сцена!» [Акунин 2010]). Дополнительно также можно заметить, что время чтения книги, равное примерно двум-трем часам, отсылает хоть и к нетипичному, но все же к хронометражу кинематографического сеанса немой «фильмы».

В этом контексте особо примечателен образ самого Бориса Акунина, изображенный на ука-

занной иллюстрации, то есть присутствующий в пространстве, обрамляющем историю. Здесь, исходя из научных и переводческих интересов Г. Чхартишвили, указанный образ тапера можно сопоставить и дополнить профессией, принадлежащей к японской традиции демонстрации картин в период немого кино. Оттого Борис Акунин как персонаж текстового и визуального пространства исполняет не только символическую роль тапера, вербально и визуально опосредованную, но и роль бэнси («кинорассказчик, живое либретто кинокартины» (цит. по: [Куланов]), бытующую как раз в вербальном измерении. Образ Акунина как бэнси, как актора словесной интерпретации, его семантическое наполнение утверждает дополнительные смысловые оттенки в сам факт повествования недиегетического нарратора, находящегося в позиции нулевой фокализации. Акунин как персонаж недиегетический, но присутствующий в текстовом измерении через маску тапера / бэнси комментирует происходящее на экране, описывает наблюдаемое, он многословен (в оппозиции к сценарной записи), он словно играет все партии персонажей, которые указываются в тексте, изображены на иллюстрациях.

То есть именно образ Акунина как тапера и бэнси, сопровождающего действие «на экране» своей мелодией (от соответствия реконструируемой эпохе) и собственным комментарием (от самого факта разворачивания вербального текста), утверждает жесткую корреляцию вербального текста и текста кинематографического и – шире – «вторичность» вербального текста по отношению к «первичному» визуальному / кинематографическому. И так происходит инверсия классического отношения «текст и дублирующая его иллюстрация»: иллюстрации, размещенные в самом тексте повести, становятся первичной материей, само же описание оказывается реакцией на наблюдаемое, интерпретацией видимого на экране – зрителями, тапером / бэнси Акуниным. Каждая повесть, таким образом, предстает новеллизацией фильма, пусть даже и не существовавшей в реальном мире, записанным комментарием во время киносеанса.

Подобная установка также способствует дополнительной семантизации корпуса фотографий, помещенных в конец каждой повести. Здесь важно замечание самого Бориса Акунина: фотографии позволяют создать ситуацию, в которой «читатель сможет увидеть, как выглядит мир, который <описывается>» [Борис Акунин борется с пиратами]. То есть корпус фотографий не только и не столько генерирует факт присутствия реального, бытового измерения, бросающего «тень

реальности» на происходящее, сколько способствует конструированию визуального пространства разворачиваемого художественного мира. Через фотографии утверждается фактичность диегетического мира, его материальность, видимость. Он на втором и третьем плане истории наполняется деталями и жестами – именно в их визуальном эквиваленте / выражении, что помогает зрителю самому выстроить аутентичное визуальное пространство истории.

Кроме того, сама избранная тема, время действия (1914–1918, Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции, Гражданская война) актуализируют большой корпус визуальных образов, бытующих в массовом и академическом культурном пространстве (хроника, кинематографическое воплощение исторических событий). Именно на это – не столько реалистическое, фактическое, но виртуальное – представление об эпохе ориентируется писатель. Текст стилизуется, исходя именно из подобных культурных образований, построений и наслоений. Акунин не стремится конструировать реальное, реалистическое пространство. Пространство его текста и его сюжетные конструкции – это стилизация под образ эпохи и под выбранный жанр. Оттого и иллюстрации, помещенные в пространства повестей, по своей композиции, детализации, жестиклизации персонажей не соответствуют в полной мере эстетике и технике отечественных и зарубежных фильмов эпохи немого кинематографа и принципам мизансценирования фотографии рубежа веков, но представляют саму по себе идею старого кино, кадров несуществовавшей или утерянной фильмы.

Тем самым тексты цикла «Смерть на брудершафт» стилизуются под определенное представление об отечественном «кинематографе» начала XX века. При этом сама по себе стилизация искусственная, она заимствует на формальном уровне определенные атрибуты – будь то интертитры, лексику («фильма», «операторь», «танёръ»), гипертрофированные визуальные составляющие – однако конструируется по принципам привычного современному зрителю кинематографа.

Возвращаясь к иллюстрациям, важно заметить, что все фотографии в разделе «Хроника» можно разделить на те, чьи подписи являются фактическим их описанием (к примеру, «Рота перед атакой», «В госпитале», «Встреча линкора», «Стрельба по кораблю-мишени», «Севастополь. Отель Киста» [Акунин 2009], [Акунин 2011]), и на те, где подпись становится своеобразной ремаркой, оценкой, описанием действия, атмосферы, что формирует определенный нарратив.

К примеру: «Война началась», «Швейцария: остров мира среди океана войны», «Офицеры-приятели», «Карал заступить готов!», «Ощетившись главным калибром». Последнее со всей очевидностью подчеркивает автономность представленных фотографий, их независимость от основного текста повести. Это новый фрагмент книги, представленный бэнси, за маской которого прячется Борис Акунин. «Хроника» функционально исполняет роль дополнительной монтажной синтагмы в композиции текста, которая при этом снова подчеркивает, что текст книги превращается в аналог кино-сеанса. Особенно в ситуации, где представлены фотографии трех матросов с подписями «Боцман», «Просто кондуктор», «Кондуктор-„шкура“», что формирует определенный нарратив, уже освобожденный от инерции основного нарратива произведения и связанный с ним только едиными временными характеристиками.

Таким образом, можно заключить, что иллюстрации – как раз в силу собственной визуальности – здесь не только создают иллюзию разворачивания кино-текста, но и генерируют пространственно-временную ситуацию, аналогичную преодолению пространства в физическом, бытовом измерении. Сам корпус иллюстраций конструирует модель пространства, схему развертывания социальной практики – от входа в кинотеатр – через расположение на своем месте в зрительном зале – до наблюдения за происходящим на экране, где начальные титры сменяются самой «фильмой», завершающейся финальным титром «Конец Второй фильмы. ПРОДОЛЖЕНИЕ БУДЕТЬ» (как несомненная отсылка к «бондиане»), а сеанс продолжается демонстрацией документальной хроники, что соотносится с практиками кинопоказов в до-, по- или постреволюционную эпоху. Тем самым книга как совмещение вербального и визуального текста воссоздает акт посещения кинематографического сеанса немого кинофильма. Представляется очевидным, что Борис Акунин в своем проекте «Фильмы» не только совмещает литературный текст с визуальностью кинематографа, но и утверждает его пространственность, чему способствует иллюстративный корпус книги. Фактически у Бориса Акунина книга становится своего рода пространственным проектом.

Список литературы

- Акунин Б. Левиафан. М.: Захаров, 2020. 240 с.
 Акунин Б. Смерть на брудершафт. Летающий слон / Цифровая книга. Изд-во: Abessa Global Inc, 2010.
 Акунин Б. Смерть на брудершафт. «Мария», Мария... М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2011. 192 с.

Акунин Б. Смерть на брудершафт. Мука разбитого сердца. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 280 с.

Барт Р. Третий смысл. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 104 с.

Борис Акунин борется с пиратами // OpenSpace.ru: Архив. 2011. URL: <http://os.colta.ru/news/details/31691/> (дата обращения: 30.01.2021).

Мартыанова И. А. Кинематограф русского текста. СПб.: Свое издательство, 2011. 240 с.

Куланов А. Бэнси – темная лошадка японского Немого // Искусство кино. 2013. № 6. URL: <http://old.kinoart.ru/archive/2013/6-iyun/bensi-temnaya-loshadka-yaponskogo-nemogo> (дата обращения: 30.01.2021).

Осмухина О. Ю. Детектив 2000-х годов как полихудожественный текст: «Черный город» Б. Акунина // Пушкинские чтения–2013. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст. Материалы XVIII международной научной конференции. Под общей ред. В. Н. Скворцова. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2013. С. 55–59.

Осмухина О. Ю. Специфика жанровой стратегии Бориса Акунина: жанровый аспект // Евразийское научное объединение. 2016. Т. 2. № 3 (15). С. 143–146.

Осмухина О. Ю., Куряев И. Р. Цикл повестей «Смерть на брудершафт» Бориса Акунина в аспекте литературной кинематографичности // Неофилология. 2021. Т. 7. № 25. С. 102–110.

Паперный В. З. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 416 с.

Сонтаг С. О фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 272 с.

Ямпольский М. Б. Оригинал пропадает и находится | Кино между музеем и Netflix // Сеанс. 2019. № 71. С. 94–105.

Akunin, B. (2009). *Smert' na brudershaft. Muka razbitogo serdtsa* [Brüderschaft with Death. The Torment of a Broken Heart]. 280 p. Moscow, AST, AST MOSKVA. (In Russian)

Barthes, R. (2015). *Tretii smysl* [The Third Meaning]. 104 p. Moscow, Ad Marginem Press. (In Russian)

Boris Akunin boretsia s piratami (2011). [Boris Akunin Fighting Pirates]. OpenSpace.ru Arkhiv. URL: <http://os.colta.ru/news/details/31691/> (accessed: 30.01.2021). (In Russian)

Iampol'skii, M. B. (2019). *Original propadaet i nahoditsia | Kino mezhdmu muzeem i Netflix* [The Original Disappears and Is Found | Cinema between a Museum and Netflix]. Seans, No. 71, pp. 94–105. (In Russian)

Kulanov, A. (2013). *Bensi – temnaia loshadka iaponskogo Nemogo* [Benshi as a Dark Horse of the Japanese Silence Movie]. Iskusstvo kino. No. 6. URL: <http://old.kinoart.ru/archive/2013/6-iyun/bensi-temnaya-loshadka-yaponskogo-nemogo> (accessed: 30.01.2021). (In Russian)

Mart'ianova, I. A. (2011). *Kinematograf russkogo teksta* [Cinematography of Russian Text]. 240 p. St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo. (In Russian)

Os'muhina, O. Yu. (2013). *Detektiv 2000-h godov kak polihudozhestvennyi tekst: "Chernyi gorod" B. Akunina* [A Detective Story of the 2000s as a Polyartistic Text: "The Black City" by B. Akunin]. Pushkinskie chteniia-2013. Hudozhestvennye strategii klassicheskoi i novoi literatury: zhanr, avtor, tekst. Materialy XVIII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Pod obshchei red. V. N. Skvortsova. St. Petersburg, LGU im. A. S. Pushkina, pp. 55–59. (In Russian)

Os'muhina, O. Yu. (2016). *Spetsifika zhanrovoy strategii Borisa Akunina: zhanrovyy aspekt* [Specificity of Boris Akunin's Genre Strategy: A Genre Aspect]. Evraziiskoe nauchnoe ob"edinenie. T. 2. No. 3 (15), pp. 143–146. (In Russian)

Os'muhina, O. Yu., Kuriaev, I. R. (2021). *Cikl povestei "Smert' na brudershaft" Borisa Akunina v aspekte literaturnoy kinematografichnosti* [The Cycle of Novellas "Brüderschaft with Death" by Boris Akunin in the Aspect of Literary Cinematography]. Neofilologiya. T. 7, No. 25, pp. 102–110. (In Russian)

Papernyi, V. Z. (2020). *Kul'tura Dva* [Culture Two]. 416 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Sontag, S. (2013). *O fotografii* [On Photography]. 272 p. Moscow, Ad Marginem Press. (In Russian)

The article was submitted on 08.02.2021

Поступила в редакцию 08.02.2021

Куряев Ильгам Рясимович,
аспирант,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева,
430005, Россия, Саранск,
Большевицкая, 68.
kuryaev.ilgam@yandex.ru

Kuryaev Ilgam Ryasimovich,
graduate student,
National Research
Mordovia State University
named after N. P. Ogarev,
68 Bolshevitsaya Str.,
Saransk, 430005, Russian Federation.
kuryaev.ilgam@yandex.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-190-194
УДК 821.111

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАССКАЗЕ Н. ГЕЙМАНА «ДЕЛО О СМЕРТИ И МЕДЕ»

© Алексей Мелихов

INTERTEXTUAL RELATIONS IN N. GAIMAN'S SHORT STORY "THE CASE OF DEATH AND HONEY"

Aleksey Melikhov

The paper analyzes the short story "The Case of Death and Honey" (2011) by the renowned English writer Neil Gaiman. This work is a remarkable case of the intertextual dialogue between the contemporary work and the original A. C. Doyle's series. Our goal is to analyze the features of intertextuality in this story and determine their connection to the message of the story. While carefully and respectfully recreating certain aspects of the original series, Neil Gaiman simultaneously explores the unsaid elements of the plot, such as Holmes's hobby of beekeeping. At the same time, the author purposefully contradicts the "Holmsians" in several aspects. We have come to the conclusion that the image of Sherlock Holmes becomes less "human" than in the original series, it also deliberately contradicts the message of the Sherlock Holmes story referenced in the text. All contradictions and references result in a message about the immortal nature of A. C. Doyle's work and its characters, which continue to live on in the works of other authors while still closely related to the original series. In this intertextual connection, we can see the idea of cultural continuity.

Keywords: N. Gaiman, A. C. Doyle, intertextuality, image of Sherlock Holmes, idea of immortality.

В статье анализируется рассказ известного английского писателя Нила Геймана «Дело о смерти и меде», который представляет собой яркий пример интертекстуального диалога между современной работой и классическим циклом А. К. Дойла. Нашей целью было проанализировать особенности интертекстуальности в рассказе и определить их связь с основной идеей рассказа. Н. Гейман тщательно и уважительно воссоздает определенные элементы оригинального цикла о великом сыщике и исследует недосказанные сюжетные элементы вроде увлечения Холмса пчеловодством. При этом автор целенаправленно противоречит «холмсиане» в нескольких аспектах. Мы приходим к выводу, что образ Шерлока Холмса становится менее «человечным», чем в оригинальном цикле, и само произведение по сюжетной концепции намеренно противоречит идее конкретного рассказа А. К. Дойла о Шерлоке Холмсе, на который ссылается текст. Все противоречия и отсылки складываются в основную идею о бессмертной природе работ А. К. Дойла и его персонажей, которые теперь продолжают жить в произведениях других авторов, но все еще тесно связаны с оригинальным циклом. Данная интертекстуальная связь указывает на идею преемственности.

Ключевые слова: Н. Гейман, А. К. Дойл, интертекстуальность, образ Шерлока Холмса, идея бессмертия.

Современный английский автор Нил Гейман (1960 г.р.), обладатель множества премий в области фантастики и фэнтези, написал два рассказа про Шерлока Холмса – оба с фантастическими элементами. Наиболее известным из них является «Этюд в изумрудных тонах» 2003 года, «кроссовер»¹ мифологии Г. Ф. Лавкрафта о древних богах и цикла А. К. Дойла о приключениях Шер-

лока Холмса. В нем рассказывалось о «перевернутом мире», где победили древние чудовища Лавкрафта и в котором сыщиками оказываются Мориарти и Моран, злодеи оригинального цикла, а Холмс и доктор Ватсон противостояли им и богам как «мятежники» [Gaiman]. Произведение получило престижную премию «Хьюго» в номинации «лучший рассказ», собрало множество восторженных отзывов литературных критиков; рассказ разбирался литературоведами (в частности, исследовались образы викторианских героев

¹ Кроссовер – произведение, объединяющее в себе персонажей и миры разных произведений.

и злодеев, метатекстуальные аспекты и различные смысловые трактовки истории) и был адаптирован в формат комикса. И комикс, и рассказ издавались на русском языке. Однако в 2011 году Нил Гейман написал еще один рассказ, посвященный Шерлоку Холмсу, – «Дело о смерти и меде». Он также содержал фантастическое допущение, но в значительно меньшей мере, чем «Этюд в изумрудных тонах». В целом произведение гораздо ближе к оригинальному циклу, чем «Этюд»: оно сюжетно, стилистически и даже композиционно встраивается в «канон» Дойла, интертекстуально взаимодействуя с ним. Шерлок Холмс, уже после своего «ухода на пенсию», прислушивается к последней воле умирающего Майкрофта и ищет секрет бессмертия. Поиски приводят его в удаленную китайскую деревню, где ему удастся создать эликсир из особого меда пчел. Он разрушает свой сад для экспериментов с цветами, оставив немного необходимого для создания элемента эликсира пожилому садовнику Гао, у которого он жил. Помолодевший Шерлок Холмс возвращается в Лондон, где он считается мертвым, чтобы поделиться эликсиром с Ватсоном. Повествование представляет собой записки Шерлока Холмса от первого лица, подобно произведениям Дойла о периоде жизни Холмса, который охватывается в рассказе.

«Дело о смерти и меде» также собрало хорошие отзывы, но привлекло гораздо меньше внимания, чем «Этюд в изумрудных тонах». Исследования данного рассказа в основном ведутся в контексте анализа определенных мотивов в творчестве Н. Геймана в целом. Однако мы считаем, что внимания заслуживают интертекстуальные взаимодействия, те сюжетные и смысловые пересечения, которые можно обнаружить в рассказах Н. Геймана и А. К. Дойла и которые позволяют говорить о трансформации канонического образа «великого сыщика».

Также следует оговориться, что мы понимаем интертекстуальность в данном контексте как «принципиальный художественный прием» [Родионова] диалога с классическим произведением, а не как черту, присущую всем произведениям искусства.

Образ Шерлока Холмса и новые произведения о нем

Еще в 1944 году в предисловии к сборнику «Злоключения Шерлока Холмса» Э. Куин писал: «Мы не можем представить вам ничего нового про Шерлока – все, что есть, вы уже прочитали. <...> О Шерлоке Холмсе написано больше, чем о любом другом выдуманном персонаже. Более того, можно с уверенностью сказать, что о Шерло-

ке Холмсе больше написал не Артур Конан Дойль, а другие люди» [Queen].

В 2017 году о Шерлоке Холмсе насчитывалось двадцать пять тысяч произведений согласно Универсальному индексу Шерлока Холмса, следовательно, со временем слова Э. Куина становятся все более и более актуальными. Первые пастиши и пародии начали появляться спустя пять лет после того, как серия Артура Конан Дойла начала выходить – и спустя десятки лет, особенно после перехода произведений о Шерлоке Холмсе в общественное достояние, количество работ про великого сыщика продолжает активно увеличиваться. Подобная популярность именно цикла о Холмсе понятна. Можно назвать множество причин, среди которых, несомненно, и то, как ярко и талантливо Дойл использовал и развил уже существующие в культуре образы и жанровые формулы – но мы хотим отдельно отметить, что в целом благодаря такой популярности в массовой культуре образ Холмса уже перерос оригинальный цикл. В своем обращении в честь победы в деле о переходе Холмса в общественное достояние соосновательница фонда «Authors Alliance», занимающегося поддержкой писателей, Молли Ван Хауэлинг писала о том, что Шерлок Холмс в том виде, каком он известен многим, уже давно заслуга множества людей: в книге нет упоминаний его знаменитой шляпы, которую добавил художник-иллюстратор одного из ранних изданий, а фраза «Элементарно, Ватсон» ни разу не звучит в оригинальном цикле [Houweling]. Шерлок Холмс стал не просто литературным персонажем, но символом, архетипом. В некотором смысле его можно воспринимать и как символ детективного жанра в целом.

Большинство произведений о Шерлоке Холмсе не от А. К. Дойла в той иной форме воспроизводят ряд характерных черт образа из оригинального цикла: знаменитый дедуктивный метод, сильное чувство справедливости, невозможность существовать без «упражнений для ума» (интересных дел или задач), мастерство перевоплощения, особо близкая дружба с Ватсоном и Майкрофтом, выдающиеся навыки перевоплощения и актерской игры, разведение пчел и некоторые другие.

Пусть об увлечении Холмса разведением пчел сообщается только в двух поздних произведениях цикла, это достаточно яркая характеристика, которая стала одной из наиболее узнаваемых черт частного сыщика.

Можно высказать предположение, что популярность именно данной черты уходит своими корнями в специфику образов великих детективов, обозначенную Натальей Кириленко: «Вели-

кий сыщик игровой, гротескный, с внешностью, близкой к маске, занимающийся расследованиями из любви к игре. Представитель ненормального в нормальном мире, который и нарушает норму, и восстанавливает ее» [Кириленко, с. 159]. Также указывается о «неизменности» героя. Иными словами, образ сыщика носит условный, гротескный, игровой и, возможно, в некотором смысле даже абстрактный характер: он не развивается и не меняется, о нем разве что сообщаются новые детали, и то весьма скупо, большая часть информации о прошлом героя, например, часто остается на домысливание читателем. В их образах остается пространство, которое должно заполнить воображение читателя.

Увлечение пчелами в этом плане весьма показательная черта, она яркая и, являясь сама по себе «нормальной», кажется «ненормальной» в сочетании с образом Холмса очередным чудачеством, чем-то вырванным из контекста. И читатели, а затем и авторы новых произведений о великом сыщике додумывают образ, заполняют эту пустоту, наделяют эту «ненормальность» контекстом.

Образы «великих сыщиков» условны и функциональны — они не являются проработанными в привычном смысле слова и наделены скорее рядом ярких характеристик, отсылающих к игровому началу детективных произведений, нежели полноценными психологическими качествами. Тем не менее от превращения в исключительно холодные расплывчатые образы «супергероев» с непобедимым разумом останавливает, помимо определенных деталей, в первую очередь юмор. Благодаря этому юмору, окружающему образы, они становятся более человечными и близкими к читателю. Юмор является одной из характеристик цикла А. К. Дойла (наивность Ватсона и подшучивания Холмса над ней, неудачи полиции и др.), о которой часто забывают в угоду другим составляющим.

Образ Шерлока Холмса в «Деле о смерти и меде»

«Дело о смерти и меде» использует все упомянутые нами выше характерные черты образа Шерлока Холмса, но при этом рассказ лишен юмора. Это кажется подходящим решением в контексте общего таинственного настроения произведения — оно во многом строится на недосказанности (обрывистость композиции, цель приезда Шерлока в Китай раскрывается не сразу, дальнейшая судьба Гана, даже Холмса и Ватсона, подается намеками). Но это можно объяснить и тематикой рассказа, которая связана со смертью.

Тема смерти вводится в рассказ с описанием смерти жены, а затем и сына старика Гао, практически в самом начале:

«Он был весь в своих пчел: такой же угрюмый и такой же суровый. Однажды он был женат, но его жена скончалась во время родов. Убив мать, сын прожил сам всего неделю, — уведя за собой и все слова, которые он мог бы сказать в день похорон отца, и все цветы, и подношения, которые мог бы приносить на его могилу. После этих событий он видел себя канувшим в Лету, безвестным, никем незамеченным при жизни. Как его пчелы» [Гейман].

Вскоре тема получает развитие с описанием смерти Майкрофта, брата Шерлока. Сцена начинается с впечатлений Холмса о том, как его брат изменился до неузнаваемости перед смертью:

«Когда умрет Майкрофт, следом падет и Империя. Никто об этом не задумывался всерьез, кроме нас двоих. Его тело лежало передо мной, покрытое белой простыней с ног до головы, и мне казалось, что с двумя вырезанными на ткани глазницами, он действительно станет похож на приведение, — в самой пространственной, обыденной интерпретации. На смертном одре он, к моему удивлению, распух, стал еще массивнее и необъятнее. Белые пальцы были толстыми, словно колбаски» [Там же].

Он одновременно и сравнивается с привидением (уже не тот человек, что был раньше, призрак прошлого себя), и затем описывается относительно натуралистично, чтобы подчеркнуть происходящие естественные изменения. Далее Майкрофт предлагает Холмсу необычное расследование:

«Преступление. Самое настоящее, брат, не менее омерзительное, жестокое и чудовищное, чем каждое из тех, что ты расследовал, в которых все упиралось в несчастные шиллинги. Преступление против универсума. Против природы. Против порядка. <...> О моей смерти. Как частном случае. <...> Вот преступление, которое имеет смысл расследовать» [Там же].

Холмс, регулярно сталкивавшийся со смертью по долгу сыщика, оказывается лицом к лицу с потерей близкого человека — и в результате бросает вызов самой смерти, занимается расследованием не отдельно смерти, а смерти вообще, в частности еще и потому, что это ультимативный вызов, по-настоящему сложное дело. В итоге Шерлок Холмс оказывается способным победить даже саму смерть. Помимо идеи бессмертия образа здесь также можно увидеть и попытку развить образ, представить, что с Холмсом будет в иных обстоятельствах, не описанных в оригинальном цикле. Холмс по-прежнему остается

достаточно абстрактным, как мы уже говорили о «великих сыщиках», но возможности этой самой абстрактности исследуются: что если Холмс постареет и дела станут для него еще легче? Что если он столкнется с потерей Майкрофта? Что если Холмс бросит вызов загадке самой человеческой смерти?

Ответы на эти вопросы у Геймана получают такие, что ощущение условности образа только усиливается: он становится победившим смерть бессмертным созданием, вечной легендой, способной восстановить справедливость и нести надежду в любую эпоху. Бессмертие – не человеческий атрибут. Вместо того, чтобы пытаться «очеловечить» образ, автор, наоборот, развивает изначально присутствующую в нем условность. Если рассматривать юмор как инструмент того, чтобы сделать персонажа более человечным и более понятным читателю, то его отсутствие в рассказе также служит превращению образа в более абстрактный и условный. Это по-своему отдает дань уважения оригиналу и служит идее бессмертия образа и цикла. Данью уважения и одновременно вызовом можно считать и то, что формально рассказ встраивается в «канон» серии о Холмсе: Шерлок считает, что Ловенштейн из рассказа Дойла «Человек на четвереньках», от принятия чьей экспериментальной омолаживающей сыворотки сошел с ума главный герой истории, был на верном пути, но не сумел завершить разработку. С одной стороны, «канон» признается и активно используется в сюжете, с другой – посыл получается противоположным тому, что был в оригинале («природу не обмануть»). Этот интертекстуальный диалог устанавливает двойное положение: оригинал одновременно признается и воспроизводится с уважением, но в то же время персонажи и мир перерастают его и начинают жить своей жизнью, противоречить ему. Цикл продолжает жить.

На эту идею играет и то, что с детективной формулой в рассказе происходит своего рода игра: формально «расследование преступления» остается, но «преступлением» оказывается сам факт смерти вообще, а не конкретной смерти. Фактически детективная формула здесь заменяется игрой с концепцией детективной формулы.

Образ Холмса в рассказе «Дело о смерти и меде» предстает более таинственным, чем в работах Дойла, пусть даже часть повествования ведется от его лица, как в последнем рассказе о Шерлоке Дойла. Он уже не склонен к работе на публику, что можно объяснить преклонным возрастом, в котором он предстает в рассказе. Это можно считать способом взаимодействия с ожиданиями читателя: если поменять возраст ориги-

нального персонажа, читатель уже не ждет полного сходства с образом, сразу понимая, что перед ним интерпретация оригинала, а не попытка его воссоздать.

В том, что Шерлок Холмс и Ватсон находят бессмертие, мы можем увидеть метафору, суммирующую то, о чем мы говорили ранее: великий сыщик и его помощник становятся бессмертными образами, вечно молодыми (в тексте есть намеки на то, что, несмотря на разрушение сада для экспериментов, Холмс при надобности сможет повторить условия создания эликсира) и «абстрактными», потому что разные люди будут истолковывать образ по-своему. Подобная идея прослеживается и в другом рассказе с фантастическим допущением из того же сборника «О детальном знании Лондона» Тони Броудбент, в котором оказывается, что Холмс, Ватсон и Мориарти перерождаются после смерти каждый раз и ищут друг друга, чтобы продолжить борьбу [Элементарно, Ватсон!]. Это более простая и «прямолинейная» метафора бессмертия цикла.

Заключение

Таким образом, «Дело о смерти и меде» Нила Геймана несет в себе необычный интертекстуальный диалог. С одной стороны, бережно и уважительно воссоздаются многие аспекты и узнаваемые черты оригинального цикла вплоть до вплетения в сюжет значимых отсылок на рассказы А. К. Дойла, что частично объясняет появление фантастического допущения, развиваются недосказанные аспекты (например, объясняется увлечение Холмса пчелами). С другой стороны, во-первых, абстрактность образа Холмса только усиливается, он лишается ощущения большей человечности из-за отсутствия юмора и его превращения в бессмертного, во-вторых, рассказ, по сути, намеренно, в рамках постмодернистской игры упраздняет детективную составляющую (расследование смерти конкретного человека заменяется расследованием смерти вообще) и противоречит определенным аспектам оригинала. Это взаимодействие дополняет метафору о бессмертии цикла о Шерлоке Холмсе и Холмса и Ватсона как персонажей, которые продолжают жить и в другие эпохи уже вне творчества самого А. К. Дойла. С этим посылом трудно спорить: с годами количество работ о Шерлоке Холмсе только увеличивается, мы получаем все новые и новые трактовки образа, который в рассказе Геймана оказывается бессмертным и в прямом, и в переносном смысле. Здесь прослеживается идея преемственности: новые работы о Шерлоке Холмсе строятся на фундаменте оригинального цикла и невозможны без него (отсюда уважи-

тельное и внимательное воссоздание), но в то же время авторы вносят свое понимание и трактовки, развивают идеи цикла по-своему (отсюда расхождения и «заполнение белых пятен»).

Список литературы

Гейман Н. Дело о смерти и меде. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=183271&p=1> (дата обращения: 31.03.2021).

Кириленко Н. Н. Классический детектив как жанр криминальной литературы. Инвариант и генезис. Москва – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2020. 246 с.

Родинова Е. В. Интертекстуальность // Культурология. XX век. Энциклопедия. 1998. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/379/%D0%98%D0%9D%D0%A2%D0%95%D0%A0%D0%A2%D0%95%D0%9A%D0%A1%D0%A2%D0%A3%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC (дата обращения: 31.03.2021).

Элементарно, Ватсон! М.: издательство АСТ, 2014. С. 26–56.

Gaiman N. A Study in Emerald, 2003. URL: <http://www.neilgaiman.com/mediafiles/exclusive/shortstories/emerald.pdf> (дата обращения: 31.03.2021).

Houweling M. Van. It's Elementary My Dear Watson: The Public Domain Can Benefit Authors. URL: <https://www.authorsalliance.org/2014/06/17/its-elementary-my-dear-watson-the-public-domain-can-benefit-authors/> (дата обращения: 31.03.2021).

Queen E. The Misadventures of Sherlock Holmes Little, Brown and Company, 1944. P. 13.

References

Elementarno, Vatson! (2014) [Elementary My Dear Watson]. Pp. 26–56. Moscow, izdatel'stvo AST. (In Russian)

Gaiman, N. (2003). *A Study in Emerald*. URL: <http://www.neilgaiman.com/mediafiles/exclusive/shortstories/emerald.pdf> (accessed: 31.03.2021). (In English)

Geiman, N. *Delo o smerti i mede* [The Case of Death and Honey]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=183271&p=1> (accessed: 31.03.2021). (In Russian)

Houweling, M. Van. *It's Elementary My Dear Watson: The Public Domain Can Benefit Authors*. URL: <https://www.authorsalliance.org/2014/06/17/its-elementary-my-dear-watson-the-public-domain-can-benefit-authors/> (accessed: 31.03.2021). (In English)

Kirilineko, N. N. (2020). *Klassicheskii detektiv kak zhanr kriminal'noi literatury. Invariant i genesis* [A Classic Detective Story as a Genre of Criminal Literature. Invariant and Genesis]. 246 p. Moscow – Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi. (In Russian)

Queen, E. (1944). *The Misadventures of Sherlock Holmes*. P. 13. Little, Brown and Company. (In English)

Rodina, E. V. *Intertekstual'nost'. Kul'turologiia. XX vek. Entsiklopediia* (1998) [Intertextuality. Culturology. The 20th Century. Encyclopedia]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/379/%D0%98%D0%9D%D0%A2%D0%95%D0%A0%D0%A2%D0%95%D0%9A%D0%A1%D0%A2%D0%A3%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC (accessed: 31.03.2021). (In Russian)

The article was submitted on 09.02.2021

Поступила в редакцию 09.02.2021

Мелихов Алексей Германович,
ассистент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
melikhov.ag@gmail.com

Melikhov Aleksey Germanovich,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
melikhov.ag@gmail.com

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-195-201
УДК 82-1-9

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ РОМАНА В. ПЕЛЕВИНА «Т»

© Ольга Осьмухина, Анастасия Марьюшкина

INTERTEXTUAL FIELD OF V. PELEVIN'S NOVEL "T"

Olga Osmukhina, Anastasia Maryushkina

The article examines the specifics of creating an intertextual field in V. Pelevin's novel "T". The purpose is to discover the intertextual connections of the novel both with the pretexts and with the various works of Pelevin himself. Based on the principles of comparative historical, mythopoetic and intertextual methods, as well as on the method of a holistic analysis of works of art, the article has established that, just like in his early novels, the writer both creates the author's neomyth and debunks it using intertextual connections, which, on the one hand, is associated with the ridicule of cultural archetypes and mythologemes of our time (images of Dostoevsky, Nabokov, etc.), on the other hand, is related to the fundamental centrality of the world that is being created before the eyes of the reader (in "T", intertextmes of ancient mythology, Buddhism, Dante's "Divine Comedy", etc. are intertwined). In the novel "T", intertextuality, firstly, asserts the equality of the mental and the real world, the unity of fictional and genuine reality (owing to the references to V. Pelevin's early novels). Secondly, it becomes the key principle of creating the author's neomyth about Leo Tolstoy, based on debunking and parodying its key components (the idea of simplification, non-resistance to evil, religiosity, acquaintance with Dostoevsky).

Keywords: V. Pelevin, author's neomyth, allusion, intertextuality, myth, pretext, modern Russian prose.

В статье рассматривается специфика создания интертекстуального поля в романе В. Пелевина «Т». Целью является обнаружение интертекстуальных связей романа как с претекстами, так и между различными произведениями самого Пелевина. Опираясь на принципы сравнительно-исторического, мифопоэтического, интертекстуального методов, а также метод целостного анализа художественного произведения, мы установили, что, равно как и в ранних романах, писатель с помощью интертекстуальных связей одновременно создает авторский неомиф и развенчивает его, что связано, с одной стороны, с осмеянием культурных архетипов и мифологем современности (образы Достоевского, Набокова и др.), с другой, с принципиальной центонностью творимого на глазах читателя мира (в «Т» переплетаются интертекстемы античной мифологии, буддизма, «Божественной комедии» Данте и др.). Интертекстуальность в романе «Т», во-первых, утверждает равноправие ментального и действительного мира, единство реальности вымышленной и подлинной (этому способствуют автоинтертекстуальные отсылки к ранним романам В. Пелевина). Во-вторых, становится ключевым принципом создания авторского неомифа о Л. Н. Толстом, основанного на развенчании и пародировании его ключевых составляющих (идеи опрощения, непротivления злу насилием, религиозность, знакомство с Достоевским).

Ключевые слова: В. Пелевин, авторский неомиф, аллюзия, интертекстуальность, миф, претекст, современная русская проза.

Общеизвестно, что для российской прозы постмодернизма, использующей цитатность, игру с наследием всей мировой культуры, актуально построение особого интертекстуального пространства, в котором сосуществуют, а нередко и соединяются по принципу центона претексты классической словесности и литературы современной [Косиков], [Липовецкий], [Фатеева]. В этом отношении наиболее примечательной остается проза В. Пелевина, в которой от ранних рассказов до романов последних лет («S.N.U.F.F.»,

«Т», «Искусство легких касаний», «Непобедимое солнце») продолжают активно использоваться прецедентные тексты, обыгрываются сюжеты мировой истории и культуры, мифы и квазимифы различных цивилизаций (шумерской, скандинавской, греческой и др.), притчи о китайских мудрецах, идеи буддизма, даосизма, христианства, ислама, синтезируется массовая и классическая литература [Богданова, Кибальник, Сафронова], [Дитковская]. Тем самым прозаик создает

собственный, балансирующий на грани иллюзии и реальности, уникальный художественный мир.

В связи с этим актуальность нашего исследования объясняется необходимостью осмысления интертекстуального поля романа В. Пелевина «Т», остающегося в этом контексте практически не изученным (исключения составляют несколько статей: [Житко], [Кабанова], [Костырко]). Подчеркнем, что именно интертекстуальность в этом произведении расширяет смысловые границы текста и демонстрирует иной взгляд на устоявшиеся образы истории, философских и литературных практик.

Принимая во внимание исследования Т. Н. Бреевой, Л. Ф. Хабибуллиной, О. Ю. Осьмухиной, Я. В. Солдаткиной [Бреева, Хабибуллина, 2009], [Бреева, Хабибуллина, 2016], [Осьмухина, 2013], [Солдаткина], указывающих, что в прозе современной преобразование исходного материала (мифологического, философского, культурологического и т. д.) в мифопоэтические элементы авторского текста приводит к созданию «авторского неомифа» [Осьмухина, 2013, с. 124], подчеркнем, что В. Пелевин при создании интертекста в романе «Т» все предшествующее культурное наследие использует для конструирования неомифа о Л. Н. Толстом.

Действие «Т» происходит в том же мире, что и «Чапаев и Пустота», являясь его своеобразной предысторией (и в этом проявляется очевидная автоинтертекстуальность пелевинского романа, нацеленная на создание единого метатекстуального пространства), о чем со всей очевидностью свидетельствуют, во-первых, появление в «Т» молодого Чапаева, во-вторых, финальная сцена, в которой граф Т. советует лошади переключиться на Чапаева, поскольку есть вероятность, что его удастся уговорить отрубить себе палец. К этому можно добавить и возникшее видение Петра Пустоты, когда он движется по покрытому льдом бульвару:

«Граф Толстой в черном трико, широко взмахивая руками, катил по льду к далекому горизонту; его движения были медленны и торжественны, но двигался он быстро, так, что трехглавый пес, мчавшийся за ним с беззвучным лаем, никак не мог его догнать» [Пелевин, 2018, с. 13].

Кроме того, автор мистифицирующего читателя предисловия к «Чапаеву и Пустоте» – Урган Джамбон Тулку VII – персонаж романа «Т». По сюжету романа «Чапаев и Пустота», после возвращения из Внутренней Монголии у Чапаева «на месте мизинца под слоями марли угадывалась пустота» [Пелевин, 2018, с. 415]. Несмотря на то что в «Чапаеве и Пустоте» обыгрываются

не реальные исторические фигуры – герой Гражданской войны Чапаев и его приближенные (Анка-пулеметчица и ординарец Петька), но синтезированный персонаж хорошо известных анекдотов «Василь Иванович» и романа Д. Фурманова «Чапаев» (1923), сама тенденция к развенчанию личностей «реальных» также является объединяющей для «Чапаева...» и «Т». Так, в романе «Т» главный герой – сам граф Т., который в романном мире является не кем иным, как Львом Николаевичем Толстым, великим русским писателем. Персонажу переданы некоторые «приметы» реальной биографии литератора: поместье в Ясной Поляне, идеи опрощения, непротivления злу насилием, религиозность, знакомство с Достоевским, то есть фактически Пелевин использует знакомые и понятные реципиенту ключевые мифологемы, создающие образ великого классика и в сознании современников, и у последующих поколений, которые становятся репрезентацией толстовского мифа в XX – начале XXI века. Однако в «Т» прозаик полностью переиграл их, выставив самым неожиданным образом. Так, опрощение яснополянского гения – маска, часть маскировки для опасных авантюр, о которых шепчутся во всех салонах Петербурга:

«<...> граф Т. завел себе двойника, высокого детину из крестьян. Сделал ему бороду из старого парика. И отправляет пахать к курьерскому каждый раз, когда хочет незаметно исчезнуть из усадьбы. А сам скрывается в переодетом виде» [Пелевин, 2017, с. 10].

Толстовское непротivление злу насилием у Пелевина – стиль борьбы, доведенный Т. до совершенства физическими и духовными восточными практиками:

«Граф Т. всю жизнь обучался восточным боевым приемам. И на их основе создал свою школу рукопашного боя – наподобие французской борьбы, только куда более изощренную. Она основана на обращении силы и веса атакующего противника против него самого с ничтожной затратой собственного усилия. Железная Борода достиг в этом искусстве высшей степени мастерства. Именно эта борьба и называется „непротivление злу насилием“, сокращенно „незнас“, и ее приемы настолько смертоносны, что нет возможности сладить с графом, иначе как застрелив его» [Пелевин, 2017, с. 11–12].

Ясная Поляна – место для тренировок, база, из которой протагонисту доставляются необходимое снаряжение и инвентарь:

«Рано с утра, когда Т. еще спал, из Ясной Поляны пришла подвода с вещами и оружием» [Пелевин, 2017, с. 129].

Кроме того, в сюжетную ткань повествования вводится и лошадь Вронского Фру-Фру («Анна Каренина»), которая в пелевинском мире становится проводником в Оптину Пустынь: именно она встречает Т. после приношения в жертву Ариэля. Религиозность Толстого изображается не просто как духовное искание правды мира, Абсолютной Истины героем (здесь она фигурирует как Оптиная Пустынь, являющаяся аналогом Внутренней Монголии), но как средство противостояния адептам секты египетского бога-гермафродита с кошачьей головой и общение с условно каббалистическим существом Ариэлем, условно, поскольку каббалистическим оно является лишь в мире графа Т., в собственном же мире Ариэль Эдмундович Брахман – обычный редактор, возглавляющий коммерческую группу создателей романа, героем которого был Т. К тому же граф Т. у Пелевина изначально является последователем восточного учения, и здесь прозаик со всей очевидностью утрирует хорошо известные обстоятельства реальной писательской биографии. Так, Л. Н. Толстой одним из первых пытался донести до русского читателя буддийскую идеологию, в частности понятие кармы: в 1894 году он отправил в журнал «Северный вестник» перевод буддийской притчи из английского журнала «The Open Court», дав в предисловии пояснения ведических терминов, таких как *карма*, *Майя*, *Кришна*, *брама*, *Будда* и др. Толстой изложил ее в форме «сказочки» о Будде и разбойнике Кандате для нравоучительного чтения детям. Пояснение к «Карме» Л. Н. Толстого, кстати, вполне созвучно с излюбленным мотивом иллюзорности бытия у Пелевина:

«Как снов мы переживаем тысячи в этой нашей жизни, так и эта наша жизнь есть одна из тысяч таких жизней, в которые мы вступаем из той более действительной, реальной, настоящей жизни, из которой мы выходим, вступая в эту жизнь, и возвращаемся умирая. Наша жизнь есть один из снов той, более настоящей жизни. Но и та, более настоящая жизнь, есть только один из снов другой, ещё более настоящей жизни и т.д. до бесконечности, до одной последней настоящей жизни – жизни Бога» [Толстой].

Фактически Пелевин, обыгрывая элементы «толстовского мифа», изображает графа Т. в качестве культурного героя, призванного в мир во вполне конкретный момент ради спасения, восстановления гармонии, привнесения высшей мудрости.

Возвращаясь к осмыслению интертекстуального поля романа «Т», отметим, что, как и в других произведениях В. Пелевина, имена персона-

жей здесь не случайны. Так, «Ариэль», помимо того значения, которое придал ему сам герой при первой встрече с графом Т., подразумевая свою роль духа-помощника («*Ариэль. Вы „Бурю“ Шекспира помните?*» [Пелевин, 2017, с. 22]), имеет и другие. Ариэль – это и ангел, раскрывающий Бога, в еврейской культуре, и падший ангел у Дж. Мильтона в «Потерянном Рае», что объясняет его самономинацию «ангел пикирующий» и «Лев Божий», что дало возможность графу Т. заменить себя им на жертвенном алтаре, ибо он также может быть «Великим Львом». Последнее символизирует, что, в сущности, граф Т. и Ариэль Эдмундович Брахман (демиург мира Т.) – одно и то же:

«– Ах, Лева, – сказала Софья Андреевна. – Ариэлем наверняка был ты. Самый великий Лев из всех.

– Я же объяснил, что был в романе просто героем. А он – моим автором.

– Но ты всегда говорил, Лева, что, когда пишешь, обязательно становишься героем сам, – сказала Софья Андреевна. – И по-другому вообще невозможно писать художественное» [Пелевин, 2017, с. 439].

Подобная трактовка лежит в основе сюжетной линии, финалом которой должно было стать осознание графом Т., что триединство системы «герой – автор – читатель» на самом деле иллюзорно, поскольку, по Пелевину, между ее составляющими нередко можно поставить знак равенства, но разница эта – лишь мнимость, заключенная в условность природы слов, которыми они обозначены, как, впрочем, и любых других слов, что особенно подчеркивается ламой-перерожденцем Дхамбоном. Абсолютная Истина, найденная Т., заключается в том, что все проявления материального мира – лишь порождение нематериальной мысли Абсолюта, который каждую секунду существования сущего является всем и одновременно ничем: Богом и букашкой, героем и автором, миром и пустотой. Ведь «*самое непостижимое качество Бога в том, что Бога нет*» [Пелевин, 2017, с. 430].

Фамилия Ариэля также весьма примечательна: в буддийской терминологии Брахман – это и есть Абсолютная Истина, ее безличный аспект. Ее можно трактовать по-разному. Во-первых, фамилия может вводиться для того, чтобы запутать читателя, заставить поверить в истинность его слов; во-вторых, для разграничения «человека» и созданной им «тени» (Т.), поскольку он сам называет себя представителем иной расы по сравнению с людьми из мира Т. В-третьих, она может быть ключом к Оптиной Пустыни: в момент, когда граф Т. осознает единство себя и Ариэля, героя и автора, он находит и читателя, а

значит – Абсолюта, Абсолютную Истину и Оптину Пустынь.

Особую часть мифопоэтики романа составляют и элементы, связанные с христианством. РПЦ неразрывно вплетена в судьбы героев обоих миров (мнимого и реального), проявляя себя в крайне неприглядном свете: примечательны охота на людей протагониста главы Синода Победоносцева, переименование традиционной религии в секту египетского гермафродита, бюрократические отношения Пантелеймона с чекистами и создателями клерикально-консольного шутера, убийство монахами котенка и др. Кроме того, в описании «байронической личности» и современной протекции Великой Блудницы в опусе Митеньки используется образ Каина, а также наизнанку выворачивается миф о Моисее, который у Пелевина выступает в роли первого из жрецов гермафродита, посланного к язычникам для приманивая их душ в черное озеро тьмы. Намеренно антиклерикальный характер носит и легенда шутера «Петербург Достоевского», в котором задачей «игроков» было высасывание «мертвых душ» (очевидная отсылка к Н. В. Гоголю) из людей с желтым ореолом, коих в городе большинство, поклонение гермафродиту, повышение уровня «постом и молитвой» и т. д. Подвергается сомнению основа христианской религии – вера в загробный мир, Ад и Рай, в спасение души через аскезу [Пелевин, 2017, с. 431]. Очевидно, что прозаик продолжает начатую им постмодернистскую игру с символами практически всех существующих религий и архетипами мировых культур, репрезентованную еще в «Чапаеве и Пустоте» и «Generation P».

Так, в «Т» иронически выведен буддистский «лама-перерожденец», воплощающий продажность духовных титулов: он взял себе псевдоним Джамбон (фр. 'ветчина'), поскольку его родители купили ему титул стадом свиней. В «Generation P» аналогично высмеивается превращение людей с помощью рыночно-бюрократического аппарата в оранусов с поглощающей и выделяющей деньги функциями, бездушные identity, променявшие свою «самость» на призрачный идеал с телеэкрана. Нередко в гротескном ключе подается интерес публики к низменным началам, извращениям, эротике, как, к примеру, в «Чапаеве и Пустоте» на сцене перед красногвардейцами выступал чревоушатель, который говорил, как объявили публике, «через зад» [Пелевин, 2018, с. 347].

В «Т» интертекстуальное поле романа расширяется за счет обращения к античной мифологии и ее пародирования (достаточно вспомнить княгиню Тараканову и окружающую ее обста-

новку), в связи с чем наиболее примечателен эпизод загробной жизни графа Т., где река Стикс изображена замороженной, а паромщик Харон – страж, спускающий Цербера на души беглецов. В «Чапаеве и Пустоте», кстати, есть сходный эпизод с Петром Пустотой, с той лишь разницей, что вместо Аида фигурировала Вальгалла, объединяет же их общее для обеих культур многобожие, которое и являлось объектом преобразования в пелевинском неомифе. Его роль в «Т» раскрывается поэтапно. Первоначально герою внушается мысль о множестве божеств с разными личностями и функциями (на корабле Таракановой). Затем идея о том, что эти божества могут контактировать с ним и влиять на окружающее Т. пространство и делать это в одностороннем порядке (по внушению Ариэля), и, наконец, осознание единства множественности, или, если использовать сравнение Таракановой, Т. пытались внушить, что он – корона короля Лира в спектакле, которую надевают на себя разные актеры, и только актер может поступать с короной как пожелает, но в итоге приходит осознание, что и корона, и актеры – лишь мысли, возникшие в голове читателя, который может представить себя и короной, и актером или всей труппой с реквизитом сразу по своему желанию (сходная идея, кстати, была воплощена в образе шлема в романе «Шлем ужаса, или Креатифф о Тесее и Минотавре»).

Созданию интертекстуального поля в «Т» способствуют и аллюзии к произведениям зарубежных писателей. Так, Ариэль в свое первое погружение в мир книги был принцем Гамлетом, в эпизоде же, когда он явился в образе кота, граф Т. заметил его сходство с вороном из программного стихотворения Э. По. Кроме того, Т., осознавая, что перед ним Стикс (путь в Ад античной мифологии), называет это место «лимбо», что фонетически созвучно «Лимбу» и отсылает к первому кругу Ада в «Божественной комедии» Данте. В большинстве случаев отсылки к предшествующей литературе воплощены в сравнениях: либеральные чекисты сравниваются с гетевским Мефистофелем [Пелевин, 2017, с. 127], Никодим – с гофманским студентом [Пелевин, 2017, с. 277], аборигены – с овощной армией из «Чиполлино» Дж. Родари [Пелевин, 2017, с. 399], положение Соловьева вообще вполне сопоставимо с положением Железной Маски Дюма [Пелевин, 2017, с. 327].

Равно как и граф Т., персонажем романа Пелевина является и Ф. М. Достоевский. Здесь он герой игры, в которой мир перенял черты его произведений. Наиболее показателен в этом контексте эпизод сражения Т. и Достоевского, в ко-

тором они используют названия собственных произведений («Идиот», «Бобок», «Холстомер» и др.) как магические заклинания. В шутере, кроме того, иронически обыгрываются имена А. Белого и А. Блока в их «прямом» значении:

«Думали даже ввести учеников Соловьева – Андрея Белого, который сливается с потолком, и Александра Блока, который не пропускает ни одного удара» [Пелевин, 2017, с. 316].

Встречаются также аллюзии к творчеству Пушкина – например, в разговоре Т с Федором Кузьмичом приводится прямая цитата из «Евгения Онегина»:

«Сие просто привычка с младенчества. Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей...» [Пелевин, 2017, с. 408].

Помимо этого, присутствуют в тексте многочисленные отсылки к наследию Лермонтова, Фета, Гоголя (к примеру, сюжет «Шинели» в представлении Т. о перевозке Соловьева), Тургенева и др.

Весьма примечательной является отсылка к прозе В. Набокова (как убедительно показала О. Ю. Осьмухина, образ Набокова оказывается укорененным в пелевинском сознании и обыгрывается неоднократно [Осьмухина, 2009]), который для персонажей романа не мог еще существовать, но являлся в прозрении будущего:

«И в доказательство процитировал мне одну книгу будущего русского писателя, почему-то писавшего по-английски. Совсем короткий отрывок, про умирающего человека. Я запомнила сравнение умирающего с узлом, завязанным на струне <...>

– Красиво, – сказал кто-то, – а что за писатель?

– Не помню точно, – ответила дама. – Птичья фамилия – не то Филин, не то Алконост» [Пелевин, 2017, с. 373].

Очевидно, что в процитированном фрагменте обыгрывается не только двуязычие Набокова, вынужденного, как известно, перейти после 1940 г. на английский язык, но и псевдоним писателя «русского» периода – Сирин.

Таким образом, равно как и в начале своего творчества («Чапаев и Пустота», «Generation P»), В. Пелевин в «Т» для создания авторского неомифа использует обширное интертекстуальное поле, частью которого становятся не только традиционные для его прозы иронически обыгранные или гротескно преувеличенные элементы мифологии, идеи буддизма, автоинтертекст (отсылки к собственным романам), но и весь корпус русской классической словесности – от Толстого

и Достоевского до Набокова. При этом отчетливо осознавая, что «толстовский миф» «оформляется и „прочитывается“ обязательно и только с помощью единого для воспроизводящего и воспринимающего сознания интерпретирующего кода, который присущ писателю и читателю <...> как субъектам одного историко-литературного и социокультурного процесса» [Курьянова, с. 181–182], важнейшей задачей прозаика становится не просто его воспроизведение, но пародийное расширение.

Список литературы

Богданова О., Кибальник С., Сафронова Л. Литературные стратегии Виктора Пелевина. СПб.: ИД «Петрополис», 2008. 184 с.

Бреева Т. Н., Хабибуллина Л. Ф. Национальный миф в русской и английской литературе. Казань: РИЦ «Школа», 2009. 612 с.

Бреева Т. Н., Хабибуллина Л. Ф. «Русский миф» в славянском фэнтези: монография. М.: Флинта; Наука, 2016. 184 с.

Дитковская И. Ю. Интертекстуальность прозы В. Пелевина: дис. ... канд. филол. наук. Днепропетровск, 2002. 210 с.

Житко Р. Г. Художественное воплощение и коннотация категории пустоты в романе В. О. Пелевина «Т» // Уральский филологический вестник. Сер.: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2016. № 3. С. 192–200.

Кабанова И. В. Троица по Пелевину: автор – герой – читатель в романе «Т» // Филологический класс. 2011. № 1. С. 33–36.

Костырко Л. Два Льва // Новый мир. 2010. № 3. С. 135–144.

Косиков Г. Поэтика и герменевтика // «Вопросы литературы» 1993. № 2. С. 37–42.

Курьянова В. В. Толстовский текст и миф о Л. Н. Толстом в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова // Научный диалог. 2019. № 1. С. 179–192.

Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм (очерки исторической поэтики), Екатеринбург, 1997. 317 с.

Осьмухина О. Ю. Мифопоэтическое пространство отечественного романа рубежа XX–XIX вв. (на материале прозы В. Пелевина и Д. Липскерова) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 4. С. 123–126.

Осьмухина О. Ю. Русская литература сквозь призму идентичности: маска как форма авторской презентации в прозе XX столетия. Саранск: взд-во Мордовского ун-та, 2009. 286 с.

Пелевин В. О. Т. М.: Издательство «Э», 2017. 480 с.

Пелевин В. О. Чапаев и Пустота. М.: Издательство «Э», 2018. 416 с.

Солдаткина Я. В. Мифопоэтика русской эпической прозы 1930–1950-х годов: генезис и основные художественные тенденции. М.: Экон-Информ, 2009. 356 с.

Толстой Л. Н. – Хилкову Д. А., 7 февраля 1892 г., Бегичевка. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/1891-1893/letter-123.htm> (дата обращения: 03.02.2021).

Фатеева Н. А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Известия АН. Сер. Литературы и языка. 1997. Т. 56. № 5. С. 12–21.

References

Bogdanova, O., Kibal'nik, S., Safronova, L. (2008). *Literaturnye strategii Viktora Pelevina* [Literary Strategies of Viktor Pelevin]. 184 p. St. Petersburg, ID "Petropolis". (In Russian)

Breeva, T. N., Habibullina, L. F. (2009). *Natsional'nyi mif v russkoi i angliyskoi literature* [National Myth in Russian and English Literature]. 612 p. Kazan', RITs "Shkola". (In Russian)

Breeva, T. N., Habibullina, L. F. (2016). *"Russkii mif" v slavianskom fentezi: monografiia* ["Russian Myth" in Slavic Fantasy: A Monograph]. 184 p. Moscow, Flinta; Nauka. (In Russian)

Ditkovskaia, I. Yu. (2002). *Intertekstual'nost' prozy V. Pelevina: dis. ... k. filol. nauk* [Intertextuality of V. Pelevin's Prose: Ph.D. Thesis]. Dnepropetrovsk, 210 p. (In Russian)

Fateeva, N. A. (1997). *Intertekstual'nost' i ee funktsii v khudozhestvennom diskurse* [Intertextuality and Its Functions in Fictional Discourse]. *Izvestiia AN. Ser. Literatury i iazyka*. T. 56. No. 5, pp. 12–21. (In Russian)

Kabanova, I. V. (2011). *Troitsa po Pelevinu: avtor – geroy – chitatel' v romane "T"* [Trinity According to Pelevin: Author - Hero - Reader in the Novel "T"]. *Filologicheskii klass*. No.1, pp. 33–36. (In Russian)

Kostyrko, L. (2010). *Dva L'va* [Two Lions]. *Novyi mir*. No. 3, pp. 135–144. (In Russian)

Kosikov, G. (1993). *Poetika i germenetika* [Poetics and Hermeneutics]. *Voprosy literatury*. No. 2, pp. 37–42. (In Russian)

Kur'ianova, V. V. (2019). *Tolstovskii tekst i mif o L. N. Tolstom v tvorchestve I. Il'fa i E. Petrova* [Tolstoy's Text and the Myth about L. N. Tolstoy in the Works of I.

Il'f and E. Petrov]. *Nauchnyi dialog*. No. 1, pp. 179–192. (In Russian)

Lipovetskii, M. N. (1997). *Russkii postmodernizm (ocherki istoricheskoy poetiki)* [Russian Postmodernism (Essays on Historical Poetics)]. 317 p. Ekaterinburg. (In Russian)

Os'mukhina, O. Yu. (2013). *Mifopoeticheskoe prostranstvo otechestvennogo romana rubezha XX-XIX vv. (na materiale prozy V. Pelevina i D. Lipskerova)* [Mythopoetic Space of the Russian Novel at the Turn of the 20th-19th Centuries. (based on the prose of V. Pelevin and D. Lipskerov)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. No. 4, pp.123–126. (In Russian)

Os'mukhina, O. Yu. (2009). *Russkaia literatura skvoz' prizmu identichnosti: maska kak forma avtorskoi reprezentatsii v proze XX stoletia* [Russian Literature through the Prism of Identity: A Mask as a Form of Author's Representation in the 20th Century Prose]. 286 p. Saransk, Izd-vo Mordovskogo un-ta. (In Russian)

Pelevin, V. O. (2017). *T* [T]. 480 p. Moscow, Izdatel'stvo "E". (In Russian)

Pelevin, V. O. (2018). *Chapaev i Pustota* [Chapaev and Emptiness]. 416 p. Moscow, Izdatel'stvo "E". (In Russian)

Soldatkina, Ya. V. (2009). *Mifopoetika russkoi epicheskoi prozy 1930-1950-kh godov: genezis i osnovnye khudozhestvennye tendentsii* [Mythopoetics of Russian Epic Prose of the 1930s–1950s: Genesis and Main Artistic Trends]. 356 p. Moscow, Ekon-Inform. (In Russian)

Tolstoi, L. N. – Khilkovu D. A., 7 fevralia 1892 g., Begichevka [Tolstoy L. N. to Khilkov D. A., February 7, 1892, Begichevka]. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/1891-1893/letter-123.htm> (accessed: 03.02.2021). (In Russian)

Zhitko, R. G. (2016). *Khudozhestvennoe voploschenie i konnotatsiia kategorii pustoty v romane V. O. Pelevina "T"* [The Artistic Embodiment and Connotation of the Category of Emptiness in V. O. Pelevin's Novel "T"]. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Ser.: Russkaia literatura XX-XXI vekov: napravleniia i tekhnika*. No. 3, pp. 192–200. (In Russian)

The article was submitted on 09.02.2021

Поступила в редакцию 09.02.2021

Осьмухина Ольга Юрьевна,

доктор филологических наук,

профессор,

Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет

им. Н. П. Огарева,

430005, Россия, Саранск,

Большевицкая, 68.

osmukhina@inbox.ru

Osmukhina Olga Yuryevna,

Doctor of Philology,

Professor,

National Research

Mordovia State University

named after N. P. Ogarev,

68 Bolshevitsaya Str.,

Saransk, 430005, Russian Federation.

osmukhina@inbox.ru

Марьюшкина Анастасия Павловна,
соискатель,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева,
430005, Россия, Саранск,
Большевицкая, 68.
a.loksar@mail.ru

Maryushkina Anastasia Pavlovna,
graduate student,
National Research
Mordovia State University
named after N. P. Ogarev,
68 Bolshevitsaya Str.,
Saransk, 430005, Russian Federation.
a.loksar@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-202-207
УДК 82-192

ВКЛАД Ф. Г. ГАЛИМУЛЛИНА В ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИИ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (К 80-ЛЕТИЮ УЧЕНОГО)

© Флера Сайфулина, Нурфия Юсупова

PROF. GALIMULLIN'S CONTRIBUTION TO THE HISTORY OF TATAR LITERATURE STUDIES (ON THE 80th ANNIVERSARY OF THE SCIENTIST)

Flera Sayfulina, Nurfiya Yusupova

The article studies the scientific, scientific-critical and popular science activities of Foat Galimullin, professor of Kazan Federal University. The work reveals the scientist's contribution to the study of the history of the Tatar literature development, its individual eras and the work of writers who have determined the creative potential of Tatar national literature. Foat Galimullin is a well-known Tatar literary critic, an honored worker of culture of Tatarstan and the Russian Federation, the author of about a thousand critical and popular science articles in the field of the history of Tatar literature, sixteen monographs and collections of selected works, as well as textbooks and educational aids on Tatar literature for educational institutions. In the last decade, the scientist has paid special attention to the study of the Tatar literature phenomena in the broad context of Turkic literature, as well as in the dialogue among cultures and literatures of the Volga and Ural region peoples.

The analysis of the scholar's main scientific works allows us to draw conclusions about Foat Galimullin's prominent and active role in the modern literary process; his scientific, critical and popular science research as a whole represents an objective assessment of the literary process of the 20th century, it can be called a chronicle of the modern Tatar literature development. The scholar's scientific-critical activity is a significant contribution to the creation of an objective picture of the national literary process in the twentieth century.

Keywords: Foat Galimullin, literary criticism, Tatar literature, literary process, scientific, scientific and critical activities.

Статья посвящена изучению научной, научно-критической и научно-популярной деятельности профессора Казанского федерального университета Фoaта Галимуллина, выявлению вклада ученого в исследование истории развития татарской литературы, отдельных его эпох, творчества литераторов, определяющих потенциал татарской национальной литературы. Ф. Г. Галимуллин – известный татарский литературовед, автор около тысячи научных, научно-критических и научно-популярных статей в области истории татарской литературы, шестнадцати монографий и сборников избранных трудов, а также учебников и учебных пособий по татарской литературе для учебных заведений. В последнее десятилетие ученый особое внимание уделяет изучению явлений татарской литературы в широком контексте тюркской литературы, а также в диалоге культур и литератур народов Поволжья и Приуралья.

Анализ основных научных трудов ученого позволил автору данного исследования сделать выводы о том, что Ф. Г. Галимуллин – один из наиболее видных и активных участников современного литературного процесса, его научные, критические, научно-популярные изыскания в целом представляют собой объективную оценку литературного процесса XX столетия, а также являются летописью развития современной татарской литературы. Деятельность ученого в этом направлении является значительным вкладом в создание объективной картины национального литературного процесса XX столетия.

Ключевые слова: Ф. Г. Галимуллин, литературоведение, татарская литература, литературный процесс, научная, научно-критическая деятельность.

Галимуллин Фoaт Галимуллович – известный татарский литературовед, критик, общественный деятель. В родном вузе он прошел весь путь: от студента до руководителя структурного подраз-

деления. Сегодня Ф. Г. Галимуллин – доктор филологических наук, профессор Казанского федерального университета. Вехи его жизни и творчества нашли отражение в биобиблиографическом сборнике «Каләм белән гомер буйлап...» («С пером по жизни...») (2018) [Каләм белән гомер буйлап...], в трудах ученых ([Назипова], [Сабирзянов, Мамина], [Тимофеева, Габидуллина] и др.).

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения, анализа и обобщения результатов научной, критической, научно-популярной деятельности известного ученого-литературоведа, внесшего значительный вклад в исследование истории татарской литературы XX века. Представленная работа посвящена целостному анализу и оценке вклада Ф. Г. Галимуллина в исследование литературного процесса XX века, выявлению концептуальной новизны его работы в данной области.

Начало научной деятельности Ф. Г. Галимуллина совпало с тем временем, когда уже не так яростно защищались социалистические идеалы, но очертания нового времени еще были недостаточно четкими. Результатом его первого монографического исследования стала кандидатская диссертация «Характеры людей индустриального труда в современной татарской прозе» (1980), выполненная в духе времени, направленная на раскрытие внутреннего мира рабочего человека. Эта работа является значимым шагом в становлении молодого ученого, констатирующим его вхождение в высокую академическую литературоведческую науку [Галимуллин, 1980, с. 207].

Фоат Галимуллин обратил свой взор на творчество крупных татарских прозаиков второй половины XX столетия, таких как Абдурахман Абсалямов, Фатих Хусни, Атилла Расих, Ахсан Баянов, Эдуард Касимов, Гариф Ахунов, Аяз Гилязов, Хасан Сарьян и др. Предметом его исследования стал образ героя-современника, человека труда. Результаты своих изысканий вскоре ученый представил в сборнике научно-критических статей «Инешләр Иделгә кушыла» («Речки впадают в Волгу») [Галимуллин, 1985]. Литературовед выявил находки и открытия писателей в области психологизма и народности. Стремление к объективности в оценке и в определении роли и места анализируемых авторов в литературном процессе дает возможность ученому представить реалистичную картину развития литературы исследуемого периода. В этих трудах четко определяется основной принцип ученого при подходе к оценке литературного произведения: «дөрөслеккә хилафлык кылмау» – быть верным правде жизни, не исказить истину

[Галимуллин, 1991]. Сборник научных статей вызвал интерес у татарских ученых. Так, известный татарский литературовед и литературный критик Т. Н. Галиуллин назвал книги ученого «Речки впадают в Волгу» и «Взгляд в будущее» «определяющими вехами в современной литературной критике» [Галиуллин, 2013].

Расширяя круг своих научных интересов, Ф. Г. Галимуллин по-новому осмысливает творчество корифеев национальной классической литературы начала XX века: Габдуллы Тукая, Гаяза Исхаки, Галимджана Ибрагимова, Фатиха Амирхана, Мажита Гафури, Дәрдемнда и др. Исследуя развитие татарской литературы в историческом аспекте, ученый, с одной стороны, констатирует преемственность литературных традиции в творчестве исследуемых авторов, с другой – выделяет результаты исканий и новые тенденции, привнесенные ими в татарскую литературу, которые обеспечили качественное обновление в национальной литературе начала XX столетия. Нужно отметить, что до настоящего времени ученый продолжает изучение богатейшего литературного наследия татарского народа, возвращаясь вновь и вновь к данному периоду, открывая для читателя все новые грани представителей татарского искусства слова того времени.

Особенно важным вкладом Ф. Галимуллина в татарское литературоведение можно считать его докторскую диссертацию «Соотношение эстетического и социологического в татарской литературе 1920–30 годов» (1999) – исследование, посвященное изучению сложного, неоднозначного периода в истории татарской литературы. В работе систематизирован и разносторонне исследован целый пласт творчества авторов и их литературных произведений в контексте сложнейших условий развития литературы и формирования различных взглядов на роль и функцию литературы в обществе. Во главе угла данного монографического исследования стоит реализация одной из основных задач литературоведения постсоветского периода – объективное изучение литературного процесса XX века. Скрупулезный анализ, свободный от вульгарно-социологических взглядов и идеологических давлений, позволяет автору по-новому взглянуть на литературный процесс рассматриваемого периода, оценить творчество известных литераторов – Ф. Амирхана, М. Файзи, Г. Ибрагимова, Х. Такташа, Х. Туфана, Ф. Карима и многих других, чье творчество составляет золотой фонд татарской литературы. Рассматривая процесс развития татарской литературы намного шире – в контексте философско-эстетических взглядов Востока и Запада, ученый дает объективную

оценку литературному процессу 1920–30-х годов. Особый подход к пониманию внутреннего состояния творческой личности в контексте реальных условий того времени, выявление творческой концепции выбранного для исследования автора дает возможность по-новому посмотреть и оценить индивидуальность каждого из них и вместе с тем помогает понять их личную и творческую трагедию, связанную с данной эпохой. Таким образом, новые подходы к пересмотру устоявшихся взглядов в литературоведении советского периода, использованные в данном исследовании, являются заметным вкладом Ф. Г. Галимуллина в современное литературоведение [Галимуллин, 1999].

Начало XXI века – новый этап в научной деятельности ученого, определяемый результативностью и многогранностью научных поисков. За последние два десятилетия ученым издано около десятка научных монографий и сборников статей ([Галимуллин, 2001], [Галимуллин, 2004], [Галимуллин, 2005], [Галимуллин, 2010], [Галимуллин, 2013], [Галимуллин, 2016]). Особенностью научных трудов этого периода является изучение татарской литературы в широком контексте тюркской литературы и в творческом диалоге культур и литератур народов Поволжья и Приуралья.

В сборнике научных статей «Время поиска» ученый стремится выявить ключевые тенденции в развитии современной татарской прозы на стыке XX–XXI вв. (см. статьи-обзоры «Прозаның йөрәк тибеше» («Импульс нашей прозы») и «Язучы һәм заман» («Писатель и время»), написанные по случаю XIII, XIV съездов писателей Татарстана). В сборнике немало юбилейных статей, в которых раскрываются особенности творческого пути современников ученого. В статье «Язымыш, язымыш» («Судьба, судьба») раскрывается философская суть подвижнической деятельности Абрара Каримуллина, исследователя истории формирования и развития татарской книги. Статья «Халкыбызның намус билгесе» («Совесть нашего народа») посвящена осмыслению духовного потенциала подвига Мусы Джалиля. В статье «Олы зат, олы ижат» («Великая личность, великое творчество») литературовед размышляет о специфике творчества Гарифа Ахунова, одного из корифеев татарской литературы 1970–80-х годов. В статье «Затлы каләм иясе» («Обладатель великолепного пера») литературовед выявил особенности творческой манеры Хасана Сарьяна. Ф. Галимуллин интересуется ключевыми тенденциями в развитии современной исторической прозы. Так, в статье «Әдәбиятыбыз ханы» («Хан нашей литературы») литературовед систематизирует открытия Нурихана Фаттаха. Ряд статей в

сборнике посвящены изучению художественного мира поэтов Гамиля Афхала («Таза орлыклар» («Надежные семена»)), Резеды Валеевой («Шагыйрә йолдызлыгы» («Созвездие поэты»)) и др. Каждую работу ученого характеризует глубокое знание исследуемого вопроса, творчества каждой личности, что позволяет автору найти определяющее выражение или слово, раскрывающее, как символ, ключ, творческое кредо писателя, литературно-эстетическую ценность его творений.

В сборнике есть ряд статей, написанных в философском ключе («Күңел житлеккән көннәр» («Дни, когда душа возмужала»), «Сәгадәтле юлга» («В добрый час»)), в которых ученый делится своим видением литературной ситуации на стыке веков, будущего национальной литературы [Галимуллин, 2005].

Особое место в изысканиях ученого последнего десятилетия занимают труды, направленные на изучение истории татарской литературы и закономерностей ее развития в контексте литератур тюркских народов, а также в аспекте диалога культур и литератур народов Поволжья и Приуралья. Литературовед отмечает роль общетюркского наследия в формировании татарской литературы. Ф. Галимуллин ратует за укрепление сотрудничества между учеными, представителями тюркских народов во имя систематизации сведений о состоянии национальных литератур в постсоветское время [Галимуллин, 2016].

В сборнике «Писательское слово на рубеже эпох» [Галимуллин, 2014] систематизированы статьи ученого, нацеленные на популяризацию литературной классики (глава «Литературная классика и ее современное звучание»). Большая часть этих работ написана в жанре юбилейных статей в честь Г. Тукая («Великий сын своего народа», «Тукай всегда с нами», «Творчество татарских писателей: идеи евразийства в действии»), Г. Исхаки («Наследие Исхаки в современном литературном контексте»), М. Гафури («Все я делал по совести»), Х. Такташа («Гордость татарской литературы»), М. Джалиля («Известен как довольно крупный поэт...»).

Статьи, посвященные изучению особенностей литератур родственных народов, составляют отдельную главу сборника. Литературовед в своих статьях обобщил литературный опыт народов Поволжья и Приуралья.

В статьях «Актуальные задачи литературоведения Поволжья», «Диалог культур и литератур поволжских народов» [Там же, с. 134–140] автор, с одной стороны, анализирует основные тенденции развития культуры Татарстана в полиэтническом пространстве Российской Федерации, с

другой – анализирует влияние татарской литературы и культуры на развитие культур народов Поволжья. Объясняя истоки этого явления, Ф. Г. Галимуллин подчеркивает, что «не только творчество Г. Тукая, но в целом татарский народ в течение многих веков имел благоприятное влияние на другие народы, в том числе на чувашей, марийцев, удмуртов и мордву. Ибо татары издревле имели свою письменность (руническую, уйгурскую, арабскую) и письменную литературу. Поэтому Казань сыграла большую роль в деле повышения уровня общей культуры, развития литературы соседних народов» [Там же, с. 135].

Литературовед уделяет в одной из работ внимание специфике переводов татарской литературы на русский язык («Диалог татарской и русской литератур в 20-е – 30-е гг. XX века»). Интересным в этом аспекте является статья автора «Взаимодействие литератур в оценке Аделя Кутуя», где раскрываются взгляды известного поэта и писателя 1930-х годов на данное явление в истории развития разных литератур. Здесь в оценке А. Кутуя анализируется влияние русской литературы на творчество Г. Тукая (1928). Особенно интересны его резкие критические высказывания о состоянии татарской литературы в новом советском обществе.

Интересной нам показалась статья ученого «Жизнь и творчество Йывана Кырли в татарском литературном контексте 1920–1930-х гг.» [Там же, с. 183–187], в которой раскрываются вехи биографии известного актера, сыгравшего роль татарского юноши Мустафы в фильме «Путевка в жизнь» (1931). Ф. Г. Галимуллин уделяет огромное внимание характеристике литературного окружения Йывана Кырли, лично знавшего М. Джалиля и А. Ерикя.

Тенденции изучения литературных фактов, явлений в широком контексте развития литератур тюркских народов и народов Поволжья ученый придерживается и в других работах. В книге «Татарская литература: взгляд сквозь столетия» [Галимуллин, 2016] в фокусе внимания ученого оказались проблемы компаративистики («Татарская литература в контексте культур тюркских народов» [Там же, с. 195–208], «Роль взаимосвязей в развитии национальных культур и литератур» [Там же, с. 209–215], «Г. Ибрагимов в контексте тюркских литератур» [Там же, с. 216–224], «Чингиз Айтматов: взаимодействие литератур и народов» [Там же, с. 225–232], «Источник познания и вдохновения (Восприятие творчества Л. Н. Толстого татарскими писателями)» [Там же, с. 241–248], «Дружба татарской и чувашской

литератур: истоки и настоящее» [Там же, с. 264–270], «Духовный мир народов в условиях глобализации» [Там же, с. 282–287] и др). Эти статьи отличает глубина философской мысли, широта привлекаемого фактического материала.

Особое внимание профессор Ф. Г. Галимуллин уделяет молодым ученым, авторам диссертаций по литературоведению, в том числе посвященным развитию литератур народов Поволжья, что составляет еще одну сторону деятельности ученого. Одной из таких работ является диссертация О. И. Бирюковой, посвященная изучению жанровой парадигмы мордовской художественной прозы, уточненная следующими аспектами: генезис, межлитературный и межкультурный контексты (рецензия на работу включена в анализируемый сборник «Писательское слово на рубеже эпох»). Работа, посвященная исследованию прозы финно-угорских литератур Поволжья и Приуралья – мордвы, мари, удмуртов и коми – в контексте диалога культур, анализируется ученым с присущей ему широтой и убедительностью фактов.

Ф. Галимуллин – яркий представитель научной литературоведческой школы Г. Нигмати. Ученый внес огромный вклад в исследование истории татарской литературы XX века. Ф. Галимуллин основательно изучил творчество татарских писателей 1920-х гг. Ученый уделяет огромное внимание изучению татарской общественной мысли. Ф. Галимуллин в своих исследованиях на основе анализа источников подвергает различные устоявшиеся точки зрения существенному пересмотру, стремится максимально объективно анализировать литературный процесс. Литературовед по-новому раскрывает художественное и этическое значение творческих поисков татарских писателей-«шестидесятников» и «семидесятников». Ф. Галимуллин постоянно стремится выявить динамику в развитии сюжета, эволюции в системе персонажей, кристаллизацию художественных принципов того или иного писателя. Труды Ф. Галимуллина отличаются единством метода анализа, разнообразием объектов исследования.

Список литературы

- Галимуллин Ф. Г. Писательское слово на рубеже эпох. Казань: изд-во Казан. ун-та, 2014. 342 с.
Галимуллин Ф. Г. Соотношение эстетического и социологического в татарской литературе 1920-30 годов: дис. ... докт. филол. наук. Казань, 1999. 444 с.
Галимуллин Ф. Г. Татарская литература: взгляд сквозь столетие. Казань: РИЦ «Школа», 2016 г. 295 с.

Галимуллин Ф. Г. Характеры людей индустриального труда в современной татарской прозе: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1980. 207 с.

Галимуллин Т. Н. Слово об авторе. В кн.: Фоат Галимуллин. Писательское слово на рубеже эпох. Казань: изд-во Каз. ун-та, 2013. 226 с. С. 3.

Назипова А. Н. Научная деятельность Фоата Галимуллина по исследованию татарской литературы 20–30-х годов XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014, № 12 (42): в 3-х ч. Ч. I. С. 132–134.

Сабирзянов Н. Н., Мамина Г. Ф. Основные тенденции научно-исследовательской деятельности литературоведа, профессора Фоата Галимуллина // Интеллектуальный потенциал XXI в.: ступени познания, 2011, № 5–2. С. 91–97.

Тимофеева Т. В., Габидуллина Ф. И. Творчество татарских писателей XX века в литературно-критической деятельности Фоата Галимуллина: описательный обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Том 13. Выпуск 8. С. 5–8.

Галимуллин Ф. Г. Эле без туганчы... / Пока мы не рождены... Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. 320 б.

Галимуллин Ф. Г. Көзгебездә ниләр чагыла? // Казан утлары. 1991. № 3. Б. 147–152.

Галимуллин Ф. Г. Офькларны алдан күрөп. Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. 136 б.

Галимуллин Ф. Г. Табигыйлеккә хилафлык: XX гасырның 1920–1930 еллар татар әдәбиятының үсеш үзенчәлекләре / Искажение действительности. Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. 303 б.

Галимуллин Ф. Г. Татар әдәбиятында эстетик эзләнүләр (1920–1930 еллар) / Вопросы эстетики в татарской литературе 1920–30-х годов. Казан: ТГГПУ, 2010. 339 с.

Галимуллин Ф. Г. Эзләнү вакыты / Время поиска. Казан: Мәгариф, 2005. 247 б.

Каләм белән гомер буйлап...: Фоат Галимуллинның хезмәтләренәң библиографиясе: С пером по жизни: библиография публикаций Ф. Г. Галимуллина / составители А. Ф. Галимуллина, Л. И. Мингазова. Казань: РИЦ «Школа», 2018. 108 с.

References

Galimullin, F. G. (2001). *Ele bez tuganchy... / Poka my ne rozhdenuy...* [Until We Are Born ...]. 320 p. Kazan, Tatar. kit. neshr. (In Tatar)

Galimullin, F. G. (2005). *Ezlany vakyty / Vremia poiska* [Time of Search]. 247 p. Kazan, Məgarif. (In Tatar)

Galimullin, F. G. (1980). *Kharaktery liudei industrial'nogo truda v sovremennoi tatarskoi proze: dis. ... kand. filol. nauk* [The Characters of People of Industrial Labor in Modern Tatar Prose: Ph.D. Thesis]. Ufa, 207 p. (In Russian)

Galimullin, F. G. (1991). *Közgebezde nilär chagyla?* [What is Reflected in Our Mirror?]. Kazan utlary. No. 3, pp. 147–152. (In Tatar)

Galimullin, F. G. (1985). *Ofyklarny aldan kyrep* [Predicting the Horizons]. 136 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

Galimullin, F. G. (2014). *Pisatel'skoe slovo na rubezhe epoch* [The Literary Word at the Turn of the Eras]. Kazan', izd-vo Kazan. un-ta. (In Russian)

Galimullin, F. G. (1999). *Sootnoshenie esteticheskogo i sotsiologicheskogo v tatarskoi literature 1920–30 godov: dis. ... dokt. filol. nauk* [The Ratio of Aesthetic and Sociological Aspects in Tatar Literature of the 1920s–1930s: Doctoral Thesis]. 342 p. Kazan', 444 p. (In Russian)

Galimullin, F. G. (2004). *Tabigyilekkä khilaflyk: XX gasyrnyñ 1920–1930 ellar tatar ädäbiyatynyñ üsesh üzenchälekäre* [Contradictions to Nature: Features of the Tatar Literature Development in the 1920s and 1930s]. Iskazhenie deistvitel'nosti. 303 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

Galimullin, F. G. (2010). *Tatar ädäbiyatında estetik ezlänylär (1920–1930 ellar)* [Aesthetic Research in Tatar Literature (1920–1930)]. Voprosy estetiki v tatarskoi literature 1920–30-kh godov. 339 p. Kazan, TGGPU. (In Tatar)

Galimullin, F. G. (2016). *Tatarskaia literatura: vzgliad skvoz' stoletie* [Tatar Literature: A Look across the Century]. 295 p. Kazan', RITs “Shkola”. (In Russian)

Galiullin, T. N. (2013). *Slovo ob avtore* [A Word about the Author]. V kn.: Foat Galimullin. Pisatel'skoe slovo na rubezhe epoch. 226 p. P. 3. Kazan', izd-vo Kaz. un-ta. (In Russian)

Kalām belān gomer builap...: Foat Galimullinnyñ khezmatläreneñ bibliografiase: S perom po zhizni (2018) [All My Life with a Pen ...: A Bibliography of Foat Galimullin's Works]. Bibliografiia publikatsii F. G. Galimullina. Sostaviteli A. F. Galimullina, L. I. Mingazova. Kazan', RITs “Shkola”, 108 p. (In Tatar)

Nazipova, A. N. (2014). *Nauchnaia deiatel'nost' Foata Galimullina po issledovaniyu tatarskoi literatury 20–30-kh godov XX veka* [Foat Galimullin's Scientific Research into the Study of Tatar Literature of the 1920s–1930s]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, Gramota, No. 12 (42): v 3-kh ch. Ch. I, pp. 132–134. (In Russian)

Sabirzianov, N. N., Mamina, G. F. (2011). *Osnovnye tendentsii nauchno-issledovatel'skoi deiatel'nosti literaturoveda, professora Foata Galimullina* [The Main Trends in the Research Activities of Prof. Foat Galimullin, a literary critic]. Intellektual'nyi potentsial XXI v.: stupeni poznanii. No. 5–2, pp. 91–97. (In Russian)

Timofeeva, T. V., Gabidullina, F. I. (2020). *Tvorchestvo tatarskikh pisatelei XX veka v literaturno-kriticheskoi deiatel'nosti Foata Galimullina: opisatel'nyi obzor* [Tatar Writers' Work in the Twentieth Century in Foat Galimullin's Literary-Critical Activity: A Descriptive Review]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tom 13. Vypusk 8, pp. 5–8. (In Russian)

The article was submitted on 16.03.2021

Поступила в редакцию 16.03.2021

Сайфулина Флера Сагитовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Flera.Sajfulina@ksu.ru

Юсупова Нурфия Марсовна,
доктор филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
faikovich@mail.ru

Saifulina Flera Sagitovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Flera.Sajfulina@ksu.ru

Yusupova Nurfiya Marsovna,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
faikovich@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-208-213
УДК 821.161.1

БРАТЬЯ СТРУГАЦКИЕ: ПРИЕМЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ АВТОМИФА

© Алексей Снигирев

THE STRUGATSKY BROTHERS: METHODS OF MODELING AN AUTOMYTH

Alexey Snigirev

The automyth of the writer is genetically related to the genres of biography and autobiography, hagiographic literature, and the genre of “literary monument”. Its important features are the creation of an idealized image of the writer with the aim to influence both the existing reader and potential reader. In this regard, the quintessence of the “myth about the writer” is the paragraph “about the author” on the back cover of the book, which the reader looks at when deciding whether to buy it or not. Now the myth about the writer is an important component of the marketing policy of the author or his literary agent. Based on the analysis of the Strugatsky brothers’ life and work, one can come to the conclusion that the basis of the myth is the triad “biography-creativity-environment”. The myth about the writer is rarely based on reality, it creates the image that is most necessary for a specific goal - to influence the reader. And most importantly, the task of the myth is to increase “the most likely number of readers of the text”.

Keywords: the Strugatsky brothers, writer’s automyth, text, biography, science fiction, reader’s reception, Russian literature, memoirs.

Самомиф о писателе генетически связан с жанрами биографии и автобиографии, агиографической литературой, жанром «литературного памятника», и его важными признаками является создание идеализированного образа писателя с целью оказать влияние как на уже существующего читателя, так и на читателя потенциального. В этом плане квинтэссенцией «мифа о писателе» становится абзац «об авторе» на задней обложке книги, на которую смотрит читатель, принимая решение о том, стоит покупать ее или нет. Сейчас миф о писателе – важная составляющая маркетинговой политики автора или его литературного агента. На основе анализа жизни и творчества братьев Стругацких можно прийти к выводу о том, что основой мифа является триада «биография – творчество – окружение». Миф о писателе редко основывается на реальной действительности, он рисует тот образ, который наиболее необходим для конкретной цели – воздействия на читателя. И самое главное – задача мифа в увеличении количества «наивероятнейшего количества читателей текста».

Ключевые слова: братья Стругацкие, писательский автомиф, затекст, биография, научная фантастика, читательская рецепция, русская литература, воспоминания.

Еще до 1991 года, до года смерти Аркадия Стругацкого, года выхода первого собрания сочинений братьев Стругацких и года исчезновения с карты мира страны, в которой протекала их творческая история, тексты соавторов стали не просто типографской продукцией. Из области художественной литературы они почти сразу переходили в смежные – идеологию, философию, культуру, политику и мифологию. И уже в 1991 году, когда Борис Стругацкий взял на себя небывалую задачу по редактированию, разъяснению и интерпретации написанных книг, был создан и уточнен один из самых потрясающих мифов современной отечественной литературы – миф о жизни и творчестве братьев Стругацких, кото-

рый по уровню влияния на читательскую рецепцию превышает если не все, то многие аналогичные мифы и в чем-то сопоставим с лавкрафтовским мифом.

Удобство исследователя заключается в том, что этот конкретный миф собран, обработан и обобщен в относительно небольшом наборе текстов – трех официальных биографиях братьев Стругацких (выпущенных за короткий промежуток с 2003 по 2012 гг.), официальном же собрании сочинений (следует отметить, что официальным объявлялись разные собрания сочинений), публикациях Бориса Стругацкого (прежде всего «Комментарий к пройденному» и «Интервью длиною в годы»), изданиях архива писате-

лей, осуществленных Светланой Бондаренко, и межавторских сериях типа «Время учеников».

Миф о писателе генетически связан с жанрами биографии и автобиографии, агиографической литературой, жанром «литературного памятника», и его важным признаком является создание идеализированного образа писателя с целью оказать влияние как на уже существующего читателя, так и на читателя потенциального. В этом плане квинтэссенцией «мифа о писателе» становится абзац «об авторе» на задней обложке книги, на которую смотрит читатель, принимая решение о том, стоит покупать ее или нет. Сейчас миф о писателе – важная составляющая маркетинговой политики автора или его литературного агента, что ясно показывает, например, удачно созданный и великолепно поддерживаемый пелевинский миф.

В общих чертах анализируемый миф о Стругацких звучит как раз как «сведения об авторах» или образцовая статья из Википедии: «Братья Стругацкие – классики русской фантастической литературы, великолепные стилисты, создавшие особое направление в литературе, и на их книгах выросло несколько поколений, они входят десятку лучших фантастов мира».

В мифе о писателе важным является все, но первое, что обычно используется при его создании, – акцент на том или ином факте биографии. Автор детективных романов обычно работал или работает в следственных органах, автор боевиков – бывший солдат (в идеале – солдат-спецназовец или наемник) и так далее. У Стругацких есть то, что выгодно отличает и выделяет их среди других писателей, – это сам факт рождения. Вернее, факт того, что братья Стругацкие – это один автор, но при этом два человека. Эта необычность, эта особенность, лежащая в основе их творчества, создает не только богатую почву для мифотворчества, но и большое поле для научных исследований.

Легенда о совместном творчестве, в свое время с явным наслаждением созданная самими авторами и ими же развенчанная, связана самим процессом соавторской работы. Так, отвечая на приведенную журналистом легенду о творческом процессе соавторов («вы с братом, живущие соответственно в Ленинграде и Москве, встречаетесь в буфете станции Бологое, напиваетесь чаю и садитесь писать» [Стругацкий, 2012, с. 560], Борис Стругацкий проводит свою версию: «Стругацкие съезжаются на подмосковной правительственной даче, накачиваются наркотиками до одури – и за машинку» [Там же]. Но уже потом, создавая отредактированную версию творческого пути братьев Стругацких, Борис Стру-

гацкий выстраивает целую эволюцию механики работы – от параллельного написания – глава Аркадий, следующая глава – Борис, до работы совместной над каждым словом: «Мы перепробовали, я полагаю, все возможные способы работы вдвоем и остановились на самом эффективном. Один сидит за машинкой, другой – рядом. Один предлагает фразу, другой ее обдумывает и вносит изменения. Первый соглашается или не соглашается. Если соглашается, – фраза заносится на бумагу. Если нет – процесс внесения поправок продолжается. И так – фразу за фразой, абзац за абзацем, страница за страницей» [Стругацкий, 2009, с. 321]. При этом отсутствует документальное подтверждение именно такой тщательной работы над текстом, которая уже априорно делала его высокохудожественным (в том числе и в связи с литературой XIX века, литературой редакций и черновиков), так как единственная магнитофонная запись этого процесса, сделанная братьями, была впоследствии уничтожена. Правда, в немногочисленных допущенных до печати воспоминаниях родных и близких авторов так же отсутствуют подтверждения именно такого стиля совместной работы, но, как мы увидим дальше, факты и информация о фактах не обязательно совпадают в писательском мифе.

Сам факт совместной работы выделяет соавторов среди простых авторов и позволяет «вписать» тандем в парадигму уже существующих в отечественной литературе, поставив для читателя в один ряд с Ильфом и Петровым или братьями Вайнерами.

Особый шик мифу о писателе добавляет принадлежность (явная или мифическая) автора к той или иной важной для страны фамилии или вообще фамилия как таковая. Татьяна Толстая так или иначе все равно остается внучкой Алексея Толстого (а для более образованной публики – и Михаила Лозинского), в то время как Борис Чхартишвили вынужден брать псевдоним «Акунин». Очень показательно, что пункт этот – пример нарушения причинно-следственной связи, он наглядно демонстрирует, что миф о писателе построен на иррациональном восприятии действительности. Фамилия писателя не делает его текст объективно лучше, но может повлиять на восприятие читателя, чем и пользуются создатели мифа. Так, биографы братьев Стругацких обязательно подчеркивают, что дочь Аркадия Стругацкого вышла замуж за Егора Гайдара, внука Аркадия Гайдара и Павла Петровича Бажова. Этот факт никоим образом не влияет на качество творчества братьев Стругацких, но является обязательным и важным, так как соотносит твор-

чество соавторов со значимыми именами советской литературы.

Следующим пунктом мифа о настоящем писателе становится категорическое отрицание интертекстуальных связей почти любого порядка, его произведения рассматриваются исключительно как оригинальные. Конечно, если автор начинающий, то можно «вписать» его в школу, направление, привести легенду о том, как какой-либо писатель «сходя во гроб, благословил», но вот по отношению к состоявшемуся автору это непозволительно. И если в начале своей литературной карьеры братья Стругацкие активно пользовались расположением Ивана Ефремова и охотно упоминали / вставляли его имя рядом со своим (в частности, метр написал предисловие к повести «Хищные вещи века», что ускорило ее публикацию), то потом все изменилось, стало позволительно говорить и писать о нем в пренебрежительном тоне, особенно когда их видение советской фантастической литературы стало различаться: «С Ефремовым одно время был близок АН – они часто встречались, как правило, у Ефремова, я тоже у него бывал несколько раз <...> Конечно, писателем он был неважным, да и сам он не претендовал особо на это звание – считал себя в первую очередь философом, мечтал писать трактаты и „Диалоги“ в манере древних» [Там же, с. 56].

Если говорить непосредственно об интертекстуальных связях, то их необходимо было, как уже говорилось, отрицать, и Борис Стругацкий отвечал, например, на указанную одним из читателей возможность заимствований из Станислава Лема: «Сходство между Лемом и АБС замечено специалистами уже очень давно. <...> Прямым влиянием объяснить это невозможно – по-польски мы не читали, а русские переводы Лема приходили к нам через два-три-четыре года после того, как АБС уже написали и опубликовали свое соответствующее „парное“ произведение. Я лично объясняю эту загадку огромным сходством менталитетов» [Там же, с. 406]; и в другом месте – более резко: «самое замечательное, что никакого ВЛИЯНИЯ Лем на нас никогда не оказывал. По-польски мы не читали, а переводы попадали нам в руки только месяцы и годы спустя после того, как „соответствующая“ вещь АБС была уже написана и даже напечатана» [Там же, с. 83]. Но уже доказано, что воспоминания – это всегда «игры с памятью», и заявления Бориса Стругацкого тому яркий пример: опубликованные Светланой Бондаренко материалы, письма, дневники, издательские рецензии и пр., а также сопоставительный анализ текстов дают иную картину.

Так, например, анализ переписки между братьями выявляет, что до момента написания уже упомянутой «Попытки к бегству» (над которой работа начата в марте 1962 года) они были знакомы с романом Лема «Эдем»: «Твой брат, соавтор и покорный слуга уже полгода бьется, пытаясь протолкнуть хоть куда-нибудь гораздо более безобидную вещь – „Эдем“ в переводе (и неплохом) Абызова» [Неизвестные Стругацкие, с. 528]. Там же есть упоминание, что авторы знакомы с другим романом С. Лема «Рукопись, найденная в ванной» [Стругацкий, 2009, с. 158], в то время как авторы только в 1965 году написали повесть «Улитка на склоне». Можно привести и другие примеры, но, кажется, нет необходимости, тем более что в последнее время изучение интертекстуальных связей текстов братьев Стругацких становится все более популярным и количество публикаций растёт.

Немаловажным, но необязательным для создания мифа о писателе является наличие образа врага, а в условиях отечественной действительности – в уточнении его в образе государства. Так же и Стругацкие – они оппозиционны, они полулегальны при советской власти, и вообще, по мнению биографов, чуть ли не определили падение этой власти своими произведениями. В этом плане характерна легенда, призванная подтверждать этот миф: история о том, что в 1970–80-ые годы братьев Стругацких не публиковали из-за их литературной позиции, и для них наступили трудные времена не только потому, что их не публиковали, но и в том числе в финансовом плане, из-за чего Аркадий был вынужден опять пойти на работу, а Борис – продать свою коллекцию марок. Правда, выясняется, что снижение публикационной активности носит, скорее, технический характер (писателей публиковали в периодике, но не печатали в виде отдельных книг), а коллекция марок продана по более прозаической причине – Борис Стругацкий покупал автомобиль: «Радостное событие случается в самом конце года (1976. – А. С.). 23 декабря БН покупает свою первую машину – „запорожец-мыльницу“ <...> Однако цена этого „дешевого“ автомобиля – около 4300 рублей. И деньги удалось наскрести только благодаря проданной коллекции марок, которую он собирал много лет» [Скаландис, с. 429–430].

Миф о писателе не должен содержать никакой отрицательной информации об авторе. Весь негатив отрицается или замалчивается, причем зачастую это делается максимально агрессивно или невежественно. Приведем только один пример. Во время работы со сценарием «Сталкера» у братьев Стругацких сложились очень непростые

отношения с Арсением Тарковским, которые в итоге привели к ссоре между писателями и режиссером. Факт общения и работы с одним из признанных гениев кинематографа важен для мифа о писателе, а вот размолвка с ним и тем более его нелестные замечания о писателе – нет, и Ант Скаландис пишет: «В зарубежных изданиях „Мартиролога“» (дневник Тарковского. – А. С.) есть несколько пассажей о Стругацком, которые нам категорически не хочется здесь цитировать, потому что некоторые из них, противореча известным фактам, заставляют сомневаться в достоверности остальных. А еще, к несчастью, есть основания полагать, что Лариса Павловна Кизилова уничтожила ряд записей, сделанных ее мужем...» [Там же, с. 502]. Биограф не стал делать минимального стилистического или текстологического анализа, который мог бы подвергнуть сомнению принадлежность тех или иных высказываний Тарковскому, он просто вычеркнул их как противоречащих мифу о писателе. Так же поступает и с остальными бросающими тень на светлый образ фактами или слухами.

В продолжение тысячелетней традиции при создании мифа обязательным становится «борьба с фарисеями» – уходящим поколением, в данном случае – советских фантастов, творчество которых оценивается крайне низко (см. предыдущую цитату об И. Ефремове), а деятельность исключительно направлена на конфликт с писателями, о которых создается миф. Прямо или косвенно называются и имена, в том числе Александр Казанцев. Именно с этим именем связываются два сюжета, которые регулярно ретранслировались и самими братьями Стругацкими, и неукоснительно – их биографами. Первый – история о том, как Аркадий Стругацкий пытался редактировать новую книгу А. Казанцева, которая была написана очень плохо, при этом история эта известна исключительно со слов старшего брата (который был, по воспоминаниям современников, мастером застольного рассказа) и носит явно анекдотический характер, второй – так же переданная через посредника история вручения первой в СССР премии за достижения в научной фантастике «Аэлита». Последняя история связана с тем, что премию получили одновременно и А. Казанцев, и братья Стругацкие, а также с банкетом, на котором отмечалось событие. Любопытны акценты, которые расставляют мемуаристы. Обычно отмечается, что Аркадий Стругацкий вел себя великодушно на банкете и хвалил произведения А. Казанцева, которыми зачитывался в детстве, и премия была получена и Стругацкими, и Казанцевым за реальные достижения. Но Ант Скаландис как всегда рисует мир,

в котором есть только один автор, герой его книги: «Допускаю, что какая-нибудь местная или московская писательская сволочь из особо натасканных не позволила дать премию сомнительным АБС за полуантисоветскую повесть „Жук в муравейнике“, не уравновесив эту премию такой же, выданной за вклад правоверному Казанцеву», совершенно забывая или не зная о той популярности, которая действительно была у произведений А. Казанцева в СССР.

Предварительный же анализ конфликта Стругацкие-Казанцев позволяет говорить о том, что он носит скорее не идеологический характер борьбы старого против нового, не конфликт стилистический и художественный между некачественными и качественными текстами, а скорее столкновение взглядов на то, что такое фантастическая литература, на ее функцию. Итогом этой борьбы, в которой обе стороны использовали максимально доступный им набор средств – от банальных доносов до изощренной «литературной мести», когда в произведение вводится крайне негативный герой, имеющий своим прототипом оппонента в споре, стало мнение о том, что фантастика – это серьезная литература, когда обязательно выдвигаются на первый план социальные и философские проблемы. Отечественная фантастика в итоге должна была перестать быть просветительской и научно-популярной литературой, но в конечном счете стала тем, чем вряд ли хотели видеть ее братья Стругацкие – литературой развлекательной. Особенно хотелось бы отметить в этом плане межавторскую серию «S.T.A.L.K.E.R.», генетически восходящую к повести братьев Стругацких «Пикник на обочине»: книги из этой серии в большинстве своем представляют некачественно написанные среднего уровня фантастические боевики.

Особенность мифа о Стругацких в том, что они были объявлены классиками советской фантастической литературы (и очень часто вводятся в десятку лучших фантастов мира), а это подразумевает ничтожность или отсутствие других классиков этого направления, да и сколько-либо значимых авторов вообще, и только появление позже «учеников». Мы уже фиксировали официальную позицию в отношении ведущих фантастов того времени (И. Ефремова и А. Казанцева). Особое место в мифе о братьях Стругацких занимает конфликт с редколлегией издательства «Молодая гвардия» (1970-ые годы), который выгодно позволил вычеркнуть из истории советской фантастики целый ряд значимых имен на основании того, что они печатались в этом прибежище антисемитизма, взяточничества и бездарности, как его любили характеризовать соав-

торы. Отстраненный взгляд на данный конфликт, с учетом допущенных до публикации документов, позволяет предположить, что нежелание издательства публиковать сборник братьев Стругацких «Неназначенные встречи» связан не только с личным негативным отношением к авторам Ю. Медведевым (он начался еще раньше, когда в издательстве работали очень лояльные к соавторам Б. Ключева и С. Жемайтис), а в том числе с нежеланием соавторов внести предлагаемые правки в текст (как за десять лет до этого отвергал А. Казанцев правку Аркадия Стругацкого), который, с точки зрения издательства, чья задача была публиковать книги для юношества, да и с точки зрения существовавшей тогда литературной традиции и цензуры, был написан излишне натуралистично и с немотивированно частым использованием сниженной и бранной лексики.

Кроме того, были вычеркнуты имена тех, с кем происходили конфликты и размолвки (например, О. Ларионовой, которая если и упоминается, то в связи с анекдотической ситуацией распития водки на каком-то собрании писателей), факт существования остальных и вовсе умалчивался или обходился стороной (так, Кир Булычев очень часто упоминается прежде всего как собутыльник Аркадия Стругацкого, а не как писатель-фантаст). Практически все остальные писатели были записаны в ученики, иногда на основании того, что Борис Стругацкий руководил семинаром молодых писателей-фантастов в Ленинграде, а Аркадий пару раз заходил на аналогичный в Москве, и список имен тех, кто принимал участие в данных семинарах, автоматически становился списком учеников.

Особую роль в формировании легенды об особой школе Стругацких в отечественной фантастической литературе сыграли межавторские сборники (например, «Время учеников» или «Важнейшее из искусств»). Их содержание стало опять же списком тех, кто, даже несмотря на разницу в писательском мировоззрении и манере письма, является учеником и последователем, пусть они себя таковыми и не считали, о чем прямо написал С. Лукьяненко в предисловии своего текста: «И всем нам хочется быть не „последователями Стругацких“ или „русскими Гаррисонами и Хайнлайнами“, а самими собой» [Время учеников, с. 76]. Замечание это, впрочем, дорого стоило автору – Борис Стругацкий крайне жестко высказался по поводу его творчества: «Лукьяненко – чрезвычайно талантливый человек. Но, к сожалению, пишет он в три раза быстрее (и в три раза больше), чем следовало бы» [Стругацкий, 2009, с. 403].

Ну и отдельно – о каноне. Наличие мифа о писателе, как, впрочем, о любой выдающейся личности, подразумевает конечный и признанный официальным набор текстов – будь то четыре Евангелия или собрание сочинений. Борис Стругацкий в свое время озвучил цифру, которой поддерживался неукоснительно и в различных выступлениях, например, отвечая на вопрос читателю, у которого никак не сходились цифры: «Кроме того, я включаю в число „повестей“ нашу пьесу и НЕ включаю никакие сценарии. Получается 27 шт.» [Там же, с. 90]. Правда, потом Борис Стругацкий, видимо, неоднократно жалел о своих словах, потому как конечность текстов подразумевает конечность издательского и читательского интереса, и редкие покупатели спрашивают в книжных магазинах свежий бестселлер Гомера. Однако работа Светланы Бондаренко с архивами писателей позволила, как ни странно это звучит, опубликовать новые тексты братьев Стругацких, такие как повесть «Беспокойство» (отвергнутый авторами первоначальный вариант повести «Улитки на склоне»), повесть «Кракен» (незаконченный текст, который АНС пытался написать, несмотря на несогласие соавтора) и т.д.

Не менее интересен вопрос о собрании сочинений. Первое из них вышло в 1991 году и стало результатом совместной работы главного редактора издательства «Текст» Михаила Гуревича прежде всего с Аркадием Стругацким. В мифе о братьях Стругацких это собрание сочинений не учитывается, а если и упоминается, то как результат поспешной и некачественной работы. Следующее собрание сочинений было определено Борисом Стругацким как каноничное, правда, только в 1999 году: «Это (пока) самое полное из всех собраний сочинений АБС. Тексты в значительной степени исправлены и восстановлены. Оформление, конечно, не ах. Но оно ведь так типично для масс-продукции наших дней» [Там же, с. 84]. Уже в 2005 году понятие «канона» изменилось: «А лучшее собрание сочинений, конечно, донецкое издание, черно-золотое – самое полное, самое выверенное, самое точное» [Там же, с. 88]. Вышедшее недавно 30-томное полное собрание сочинений, осуществленное силами Светланы Бондаренко, сейчас позиционируется как наиболее правильное и полное, и канон на данный момент создан и утвержден.

Конечно, можно спорить о том, насколько сильное влияние на читателя оказывает то, что Гомер был слеп, а Шекспир, может, и не писал шекспировские пьесы. Но все же миф о писателе играет немаловажную роль в том, какова будет

рецепция читателя, насколько книги его будут популярными и даже обязательными для чтения.

Основой мифа является триада «биография – творчество – окружение», причем биография должна содержать в себе примечательный элемент (на ранних этапах обязательно подчеркивалось, например, что Борис Стругацкий – ученый-астроном, это утверждало его априорное право писать научную фантастику), творчество должно быть уникальным и высокохудожественным, иметь точный канон, а окружение должно быть или враждебным (что позволяло подключить сюжет преодоления), или знаменитым (но только в другой области – режиссер Тарковский и актер Высоцкий), или состоять из последователей и учеников.

Миф о писателе редко основывается на реальной действительности, он рисует тот образ, который наиболее необходим для конкретной цели – воздействия на читателя, все несогласующееся с мифом или умалчивается, или отрицается. Миф, может быть, вообще иррационален и очень часто использует архетипы, самые простые, понятные и вызывающие должные ассоциации ситуации и / или образы.

И самое главное – задача мифа в увеличении количества «наивероятнейшего количества читателей текста» (термин самих братьев Стругацких из романа «Хромая судьба»), а также обеспечение правильного его прочтения. И это миф о Стругацких обеспечил: до сих пор в отечественном обществе считается почти неприличным признаваться в том, что их не читал, или в том, что они не понравились после прочтения.

Снигирев Алексей Васильевич,
кандидат филологических наук,
доцент,
Уральский государственный юридический
университет,
620137, Россия, Екатеринбург,
Комсомольская, 21.
alex_sengir@rambler.ru

Список литературы

- Время учеников /сост. А. Чертков. М.: АСТ: 1996. 608 с.
Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962 гг. М.: АСТ; Донецк: НКП, 2008. 640 с.
Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. Киев: НКП, 2009. 637 с.
Скаландис А. Братья Стругацкие. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 702 с.
Стругацкий Б. Н. Интервью длиною в годы: по материалам офлайн-интервью. М.: АСТ, 2009. 508 с.
Стругацкий Б. Н. «Это было потеря половины мира» // А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий Собрание сочинений в 11 т. Т. 11. М.: АСТ: Астрель, 2012. 735 с.

References

- Neizvestnye Strugatskie. Pis'ma. Rabochie dnevniki. 1942–1962 gg.* (2008) [The Unknown Strugatskys. Letters. Working Diaries. 1942–1962]. 640 p. Moscow, AST; Donetsk, NKP. (In Russian)
Neizvestnye Strugatskie. Pis'ma. Rabochie dnevniki. 1963–1966 gg. (2009) [The Unknown Strugatskys. Letters. Working Diaries. 1963–1966]. 637 p. Kiev, NKP. (In Russian)
Skalandis, A. (2008). *Brat'ia Strugatskie* [The Strugatsky Brothers]. 702 p. Moscow, AST, AST MOSKVA. (In Russian)
Strugatskii, B. N. (2012). “*Eto bylo poteria poloviny mira*” [“It Was the Loss of Half the World”]. A. N. Strugatskii, B. N. Strugatskii. *Sobranie sochinenii v 11 t. T. 11.* 735 p. Moscow, AST, Astrel'. (In Russian)
Strugatskii, B. N. (2009). *Interv'iu dlinnoi v gody: po materialam oflain-interv'iu* [A Years-Long Interview: Based on Offline Interviews]. 508 p. Moscow, AST. (In Russian)
Vremia uchenikov (1996) [Students' Time]. Sost. A. Chertkov. 608 p. Moscow, AST. (In Russian)

The article was submitted on 11.02.2021
Поступила в редакцию 11.02.2021

Snigirev Alexey Vasilievich,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Ural State Law University,

21 Komsomolskaya Str.,
Yekaterinburg, 620137, Russian Federation.
alex_sengir@rambler.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-214-218
УДК 821.161.1

**ОБРАЗ ПРЕСТУПНИКА В РАССКАЗЕ Ф. ШИЛЛЕРА
«ПРЕСТУПНИК ИЗ-ЗА ПОТЕРЯННОЙ ЧЕСТИ» И В РОМАНЕ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»**

© Елена Сычева

**THE IMAGE OF THE CRIMINAL IN F. SCHILLER'S SHORT STORY
"THE CRIMINAL FROM LOST HONOR" AND IN F. DOSTOEVSKY'S
NOVEL "CRIME AND PUNISHMENT"**

Elena Sycheva

The article studies the way the image of the criminal is embodied in F. Schiller's story "The Criminal from Lost Honor" and in F. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment". The comparative analysis allows us to draw a conclusion about the similarity of the authors' aesthetic views. Both writers rely on the principle of anthropocentrism. Both Schiller and Dostoevsky focus on the inner world of the protagonist, not on the event component. Despite the many differences in the depiction of the criminal, both authors' poetics has common features - the image of a person who is under the influence of conscience and morality. The aesthetic ideal of the Russian writer is a person who expresses moral principles and the divine in man. The theoretical thought of the Russian writer contains the idea of moral beauty. Harmony and good looks are just an outward appearance, while high morals are F. Dostoevsky's aesthetic ideal. The characters of his works strive for this beauty and truth. The Russian writer speaks about the duality of beauty, the "two abysses" of the human soul: "the Sodom one", which is low, sinful, and sensual, connected with the beauty of the body, and "the Madonna one" - high, connected with spiritual beauty; a person can have both. The writer's aesthetic ideal is spiritual beauty.

Keywords: anthropocentrism, Kant, dichotomy, morality and morale.

Статья посвящена исследованию воплощения образа преступника в рассказе Ф. Шиллера «Преступник из-за потерянной чести» и в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Проведенный сравнительный анализ позволяет сделать вывод о схожести эстетических воззрений писателей: оба опираются на принцип антропоцентризма. Шиллер и Достоевский обращают внимание не на событийную составляющую, а на внутренний мир героя. Несмотря на множество различий в изображении преступника, в поэтике обоих авторов присутствует общее – изображение человека, находящегося под воздействием совести и морали. Эстетический идеал русского писателя – человек, выражающий нравственное начало, божественное в человеке. В теоретической мысли русского писателя звучит идея нравственной красоты. Гармония, благообразие служат лишь внешней оболочкой, когда моральная высота предстает эстетическим идеалом Ф. М. Достоевского. К этой красоте, истине стремятся герои его произведений. Русский писатель говорит о двойственности красоты, «двух безднах» человеческой души: «содомской» – низкой, греховной, связанной с красотой телесной, чувственной, и «мадонской» – высокой, связанной с духовной красотой, человек может соединять в себе обе. Эстетический идеал писателя обращен к духовной красоте.

Ключевые слова: антропоцентризм, Кант, дихотомия, мораль и нравственность.

В литературоведении неоднократно указывалось на сходство многих эстетических воззрений Ф. М. Достоевского и Ф. Шиллера [Вильмонт], [Герик]. Достоевский вслед за Шиллером рассматривает через антропологическую призму этические, эстетические и социально-философские проблемы. Оба писателя опирают-

ся, по мнению Герика, на этику И. Канта, в основе которой лежит образ интеллигентного человека [Герик, с. 5]. Уже Кант воспринимал «звездное небо надо мной и моральный закон во мне» с нравственными составляющими человеческой души. Таким образом, по мнению немецкого философа, человеческая личность не зави-

сит от «животной природы», она свободна. Для писателей человеческая сущность проявляется в отклонении от нормы, в исключительном психологическом состоянии. Именно поэтому для мироощущения писателей так важен был образ преступника. Рассмотрение данного аспекта возможно на примере сравнительного анализа образа Вольфа в рассказе Шиллера «Преступник из-за потерянной чести» (1792) и Раскольникова в романе Достоевского «Преступление и наказание» (1866).

С этой точки зрения, примечательными представляются рассуждения Ф. Ницше, констатирующего после знакомства с произведениями Достоевского: «в нашем прирученном, посредственном, оскотиненном обществе, сын природы, пришедший с гор или из морских походов, необходимо вырождается в преступника» [Ницше, с. 620].

Шиллер стоит у начала этой традиции. Рассказ открывается обобщающим утверждением:

«Во всей истории существования человека нет главы более поучительной для сердца и ума, чем летопись его заблуждений» [Шиллер, с. 497].

Автор анализирует эти «заблуждения» в тексте через описание внутренней рефлексии героя на собственное социальное и психологическое состояние. Шиллер подмечает, что моральному явлению уделяется меньше внимания, чем физическому, а ведь для того, чтобы объяснить причины извержения Везувия, исследовали его кратер. Достоевский вслед за Шиллером считает, что изучение человека интересно «не в эмпирически-психологическом разрезе, а в метафизическом измерении, где обнаруживается его связь со всем бытием и его центральное положение в мире» [Евлампиев, с. 26–27].

В основу сюжета немецкого рассказа была положена интерпретация трагической жизни вюртембергского разбойника. Жанр «криминальный рассказ» был очень популярен в эпоху Просвещения. Авторы обращались к образам преступников, изгоев для изучения социального падения и нравственного величия или, по меньшей мере, моральной добродетели человека. Так, уже в знаменитой драме «Разбойники» (1781) Шиллер показал благородного разбойника и преступного аристократа – братьев Карла и Франца Моор.

Шиллер описывает Вольфа как маленького невзрачного человека с изуродованной от конского копыта губой и с плоским приплюснутым носом. В описании внешности Шиллер обращает внимание на фиксированных частях, которые ре-

levantны для физиогномического анализа. Отталкивающая внешность героя служит причиной его изгнания и в дальнейшем – преступления. Автор подмечает помимо отталкивающей внешности героя также внутреннюю двойственную характеристику – распушенность, тщеславие, лень, гордость, соседствующие с чувственностью и целеустремленностью. Подробное описание физических и морально-психологических качеств акцентирует внимание читателя на антропологическом модуле.

Английский исследователь творчества Достоевского Л. Ивантис выделила в романе «Преступление и наказание» два центра: детективная история о самом убийстве, которое происходит в начале произведения, и становление человека: «the wisdom tale from his rejection of the theory justifying the murder, which occurs in the epilogue» («повесть о мудрости из-за отказа от теории, оправдывающей убийство, которое происходит в эпилоге») [Ivanits, с. 53]. Нас, безусловно, интересует второй центр, опирающийся на внутреннюю составляющую образа Раскольникова. По внешнему облику герой противопоставлен Вольфу, портрет героя говорит о приятной внешности. Достоевский подмечает, что Родион Раскольников был замечательно хорош собой, эпитеты «прекрасные (глаза)», «тонок и строен» служат тому подтверждением. В его характеристике мы также наблюдаем амбивалентность: отзывчивость и доброта уживаются с гордостью и пороком.

Шиллер в художественном тексте показывает, что «игра вождельний» заложена в каждом человеке, и только общественные устои мешают им вырваться наружу. Оба персонажа преступают как социальный, так и нравственный закон. Мотив преступления Вольфа опосредован эмоциональной составляющей его натуры. Убийство служит орудием мести героя. Раскольников же планирует свое преступление, мы видим преобладание рационалистического начала в его натуре. Об этом свидетельствует его статья и мысли о том, что множество добрых дел может перекрыть одно плохое. Несмотря на разные мотивы совершения преступлений, и Вольф, и Раскольников находятся в оппозиции человек / общество. Поступок Вольфа социально детерминирован. При выходе из тюрьмы герой становится изгоем, которого никто не принимает, даже должность пастуха – «последняя в ряду честных занятий» – и та оказывается ему недоступной. Государственные институты лишь усугубили нравственный кризис героя. Тюрьма меняет героя, Вольф говорит, что попал туда заблудшим грешником, а вышел отпетым негодяем. Когда Вольф встреча-

ет на своем пути виновника своего заключения, он совершает преступление.

Раскольников совершает убийство из-за идеологических представлений. Он также вступает в оппозицию с обществом, но в данном случае он сам ставит эту преграду. Желание проверить свою «наполеоновскую» теорию приводит героя к убийству. Именно эта теория, а не само преступление является порождением неприятия социальной действительности. Решающим фактором мироощущения Раскольникова стали факты из социальной жизни «бедных людей»: «они подтвердили неотразимость и жестокость нравственных императивов истины – реальности, в свете которой законы человечности, добра, чистоты – при безусловной истинности и справедливости – оказываются беспомощными и ненужными» [Поддубная, с. 103–104].

У обоих героев социальная несправедливость служит катализатором их преступлений. В отличие от Вольфа, деяние Раскольникова является философски-обоснованным, опирающимся на логически выстроенную теорию. В совершении убийства преступниками управляет эмоциональное и рациональное начало.

Не тождественность мотива преступления приводит к общему знаменателю – убийству. Как мы отметили ранее, преступление Вольфа было спонтанным. Автор акцентирует внимание на сомнении героя совершить убийство: *«рука моя дрожала..., зубы стучали, как в лихорадке, и дыхание стеснилось в груди»; «Мсть и разум вступили в упорный безрезультатный бой, но мсть победила, и егерь упал мертвым»* [Шиллер, с. 504]. Раскольников находится в аналогичном глубоком размышлении от предстоящего убийства: *«голос не послушался его, прервался и задрожал, <...> вдруг голова его как бы закружилась»* [Достоевский, с. 62]. Стоит отметить, что, как и у Вольфа, у Раскольникова наблюдается лихорадка как ответная реакция тела на болезнь духа. Здесь опять же проявляется соотношение тела и духа в человеке.

Перед нами роман и рассказ, трактующие истоки и возможность преодоления греховности индивида. Акцент в произведениях сделан не на самом поступке, а на рефлексии героев. После убийства Вольф подмечает, что что-то странное творится у него в душе. Неосознанно герою вспоминается казнь детоубийцы, на которой он присутствовал в детстве. Персонаж находится в безумном состоянии:

«Я то желал, чтобы враг мой оказался живым, то принуждал себя припомнить все то зло, что причинил мне убитый» [Шиллер, с. 505].

Такие же настроения видны у Раскольникова:

«В первое мгновение он думал, что с ума сойдет» [Достоевский, с. 71].

Рациональное мышление уступает эмоциям героя. В. Е. Ветловская в анализе романа «Преступление и наказание» отмечает, что теория и мышление не властны над натурой, которая коварна и в самый неподходящий момент может «спутать все расчеты» [Ветловская, с. 246]. Вольф боится вернуться к убитому, чтобы забрать деньги, но пугает его не боязнь быть пойманным людьми (как Раскольникова):

«Мысль о дьяволе и вездесущем боге вызывала во мне ужас» [Шиллер, с. 505].

Сам герой замечает, что его мучают угрызения совести; заметим, что лексема *Gewissen* ‘совесть’ в разных сочетаниях пять раз употребляется в повествовании, прежде всего в авторских описаниях психологического состояния персонажа («– *Das verstummte Gewissen; boeses Gewissen*»). Шиллер очень метафорично описал состояние героя:

«Тысячи отвратительных чудовищ вились вокруг меня и впивались в мою грудь» [Шиллер, с. 505].

Автор описывает глубокие страдания героя. Жизнь в муках на земле или в неведомых муках вечности – таким вопросом задается Вольф.

В обоих произведениях мы видим религиозные детерминанты, организующие художественный текст. В основе романа «Преступление и наказание» лежит эпизод чтения о воскрешении Лазаря. Евангельский текст формирует вокруг себя сюжет романа. В рассказе Шиллера обращение главного героя к религиозным константам видно на протяжении всего текста. Он неосознанно в беседе с разбойником упоминает, что *«жизнь коротка, а муки ада вечны»* [Шиллер, с. 507], в дальнейшем, видя логово разбойников, Вольф сравнивает его с преисподней, откуда нет возврата. Обращение Раскольникова к вере эксплицитно выражено лишь в эпилоге. Герой сначала сдается властям, а раскаяние приходит позже, диаметрально противоположное положение у Вольфа.

В анализируемых произведениях обнаруживается коллизия отношений преступника и «падшей женщины». Отношения Соня / Раскольников и Иоанна / Вольф не идентичны. Когда Вольф выходит из тюрьмы, он узнает, что героиня стала *«солдатской девкой»* и радуется, что

она пала ниже него. Раскольников же припадает к полу и целует ногу Сони, этим жестом как бы «*всему страданию человеческому поклонился*» [Достоевский, с. 246]. В романе Достоевского «падшая женщина» служит маяком для нравственного очищения героя. У Шиллера Вольф сам осознает цену своего поступка. Неправедная жизнь вселяет в душу героя дисгармонию. Немецкий писатель отмечает, что «*дремавшая змея раскаяния зашевелилась среди бури, бушующей в его груди*» [Шиллер, с. 512]. Герой прощает мир и проклинает лишь самого себя. Автор говорит о том, что порок перестает властвовать, и ум берет верх над печальным заблуждением. Презирая свою жизнь, он решает искупить грех, отдав жизнь Родине. Вольф говорит, что отныне ненавидит порок и мечтает о добродетельной жизни, он сдается властям. К Раскольникову это раскаяние приходит лишь после явки с повинной.

Крис Байкер, опираясь на теоретические положения Джина Хэмптона, говорит о значимости нравственного наказания для преступников. Рефлексия Вольфа и Раскольникова приводит к желанию искупить свое деяние перед всем миром. Если Вольф собирается пойти на войну, то Раскольников решает заплатить за свой проступок великим подвигом. «Novelists like Dostoevsky have explored the criminal's need, born of guilt and shame, to experience pain at the hands of the society he has wronged in order to be reconciled with them» [Chris Barker, с. 465]. – («Романисты вроде Достоевского исследовали нужду преступника, порожденного чувством вины и стыда, испытать боль от рук общества, которого он обидел для примирения с ними»). Последний сон героя выполняет кризисную функцию и приводит героя к постепенному обновлению, перерождению и «*знакомству с новой, доселе совершенно неизвестною действительностью*» [Достоевский, с. 422].

Заключая, можно констатировать, что эстетические воззрения Ф. Шиллера и Ф. М. Достоевского находились в русле общеевропейских и этнокультурных традиций, тем самым способствуя развитию мировой литературы.

Список литературы

Ветловская В. Е. Логическая основа художественного текста, или Что скрывает Порфирий Петрович в «преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2020. Том 18 № 1. С. 239–259.

Вильмонт Н. Достоевский и Шиллер. Заметки русского германиста. М.: Советский писатель, 1984. 279 с.

Герик Х. Ю. Достоевский и Шиллер. Предварительный опыт поэтологического сравнения // Достоевский. Материалы и исследования. 2010. № 19. С. 5–16.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 6. Л.: Наука, 1973. 422 с.

Евlampиев И. И. Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). СПб.: издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2012. 585 с.

Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. 829 с.

Поддубная Р. Н. О проблеме наказания в романе «Преступление и наказание». Достоевский. Материалы и исследования. 1976. № 2. С. 96–105.

Шиллер Ф. Собрание сочинений в семи томах. Т. 3. М.: Издательство художественной литературы, 1956. 700 с.

Chris Barker. Dostoevsky and Education through Punishment / Barker Ch. The Review of Politics. 2018. № 80. P. 463–486.

Ivanits Linda. Dostoevsky and the Russian People / Ivanits L. Cambridge university press, 2008. 258 p.

References

Chris, B. (2018). *Dostoevsky and Education through Punishment*. Barker Ch. The Review of Politics. No. 80, pp. 463–486. (In English)

Dostoevsky, F. M. (1980). *Polnoe sobranie sochinenii v tridtsati tomah* [Complete Works in Thirty Volumes]. 547 p. Leningrad, NAUKA. (In Russian)

Evlampiev I. I. (2012). *Filosofia cheloveka v tvorchestve F. Dostoevskogo* [The Philosophy of Man in the Works of F. Dostoevsky]. 585 p. St. Petersburg, Izdatel'stvo Russkoi hristianskoi gumanitarnoi akademii. (In Russian)

Gerick, H. Yu. (2010). *Dostoevskii i Shiller. Predvaritel'nyi opyt poetologicheskogo sravneniia* [Dostoevsky and Schiller. Preliminary Experience of Poetical Comparison]. Materialy i issledovaniia. No. 19, pp. 5–16. (In Russian)

Ivanits, L. (2008). *Dostoevsky and the Russian People*. 258 p. Cambridge University Press. (In English)

Nicshe, F. (1996). *Sochineniia v dvuh tomah* [Essays in Two Volumes]. 829 p. Moscow, Mysl'. (In Russian)

Poddubnaia, R. N. (1976). *O probleme nakazaniia v romane "Prestuplenie i nakazanie"* [On the Problem of Punishment in the Novel "Crime and Punishment"]. Dostoevskii. Materialy i issledovaniia. No. 2, pp. 96–105. (In Russian)

Shiller, F. (1956). *Sobranie sochinenii v semi tomah* [Collected Works in Seven Volumes]. 700 p. Moscow, Izdatel'stvo hudozhestvennoi literatury. (In Russian)

Vetlovskai, V. E. (2020). *Logicheskaia osnova hudozhestvennogo teksta, ili Chto skryvaet Porfirii Petrovich v "prestuplenii i nakazanii"* F. M. Dostoevskogo [The Logical Basis of a Literary Text, or What Porfiry Petrovich Conceals in "Crime and Punishment" by F. M. Dostoevsky]. Problemy istoricheskoi poetiki. Tom 18, No. 1, pp. 239–259. (In Russian)

Wilmont, N. (1984). *Dostoevskii i Shiller. Zametki russkogo germanista* [Dostoevsky and Schiller. Notes of a Russian Germanist]. 279 p. Sovetskii pisatel'. (In Russian)

The article was submitted on 25.01.2021
Поступила в редакцию 25.01.2021

Сычева Елена Олеговна,
старший преподаватель,
Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»,
125315, Россия, Москва,
Ленинградский проспект, 80 Е.
lenasycheva@yandex.ru

Sycheva Elena Olegovna,
Assistant Professor,
Moscow Financial and Industrial
University “Synergy”,
80 E Leningradsky Prospect,
Moscow, 125315, Russian Federation.
lenasycheva@yandex.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-219-224
УДК 821.161.1

МЕТАМОРФОЗЫ ЖАНРОВЫХ СТРАТЕГИЙ В РОМАНЕ Е. Г. ВОДОЛАЗКИНА «АВИАТОР»

© Владимир Шуников

METAMORPHOSES OF GENRE STRATEGIES IN E. VODOLAZKIN'S NOVEL "THE AVIATOR"

Vladimir Shunikov

The article is devoted to the metamorphosis of genre strategies in E. Vodolazkin's novel "The Aviator". The article analyzes the narrative activity of the writing character and the author's creative intention, aimed at a life-description strategy, which determines the poetics of the work as a whole. The character's attitudes of self-determination influence his discourse, the distance between Platonov and the perceived realities and events. The article highlights the ratio of different channels in the character's reception of his ego and the outer world – visual, acoustic and kinesthetic, and characterizes the connection between the present and the past in the main character's world-picture, which leads him to timeless universals. We also consider Platonov, Geiger and Nastya's speech correlations, which form the "undifferentiated unity" of their voices, the dialogic interactions of the main character's words not only with the utterances of other characters, but also with "ready-made" precedent texts and idioms. By referring to the words of "others", the author determines the intertextual aspect of the novel's structure and introduces archetypal images (hell and paradise) in the text and the fictional world of the work. The subjective and transpersonal point of view of the writing character, the image of the world as a result of his narrative activity and the structure of the storyline transform the life-description strategy into a hagiographic one, making the act of writing sacral. The genre interoperation clarifies the meaning of the novel's title and its epigraph.

Keywords: Evgeny Vodolazkin, "Aviator", life-description, hagiography, genre strategy.

В статье рассматриваются метаморфозы жанровых стратегий в романе Е. Водолазкина «Авиатор». Анализируется нарративная деятельность пишущего героя и креативная интенция автора, направленная на реализацию стратегии жизнеописания, что детерминирует поэтику произведения в целом. Установка на самоопределения персонажа обуславливает особенности его дискурса, варьирование дистанции между Платоновым и воспринимаемыми им реальностями, событиями. Отмечено соотношение разных каналов рецепции героем себя и мира – визуального, аудиального, кинестетического. Охарактеризована взаимосвязь настоящего и прошлого в картине мира главного героя, выводящая его к вневременным универсалиям. Рассмотрено соотношение речевых партий Платонова, Гейгера и Насти, формирующее «неслиянное единство» их голосов, диалогическое взаимодействие слова главного героя не только с высказываниями других персонажей, но и «готовыми», прецедентными, текстами и идиомами. Обращение к «чужому» слову определяет интертекстуальный аспект художественной структуры произведения – и вместе с тем вводит в текст и мир произведения архетипические образы (ада и рая). Субъективная и вместе с тем надличностная точка зрения пишущего героя, моделируемый в качестве итога наррации образ мира, структура сюжета произведения трансформируют жанровую стратегию жизнеописания в житийную, придавая акту письма сакральный статус. Взаимообратимость жанровых стратегий проясняет смысл заглавия и эпиграфа к роману.

Ключевые слова: Евгений Водолазкин, «Авиатор», жизнеописание, житие, жанровая стратегия.

Проза Е. Г. Водолазкина увлекает читателя не только сюжетно, но и дискурсивно происходящими в ней нарративными перипетиями. Автор обращается к (прото)литературным и речевым жанрам, трансформируя и микшируя марки жанровых форматов разных эпох и сфер. В

произведении Е. Водолазкина «Соловьев и Ларионов» сочетаются черты романа воспитания, детектива и др., при этом стилистически текст уподоблен научному дискурсу, подтверждая авторскую жанровую характеристику «роман-

исследование»¹. В «Лавре», как в сложном многоугольнике, соединены жанровые грани сказания, жития, палеи, античного романа, стилизация под архаичные дискурсы сплетается с современными языковыми формами. Более поздние тексты этого автора (романы «Брисбен», «Оправдание острова») расширяют диапазон жанровых и дискурсивных стратегий, используемых автором, – от хроники до дневниковых заметок, в которых рефлексия над историческим процессом дополнена сиюминутными зарисовками образа героя и мира.

Мы обратились к роману Е. Водолазкина «Авиатор», в котором главный герой, Иннокентий Платонов, характеризуя создаваемый им текст и себя в качестве его творца, неоднократно использует номинации «жизнеописание», «жизнеописание» [Водолазкин, с. 29]. Выбранное героем, а следовательно, и автором слово ориентирует нас на протолитературную жанровую традицию, основы которой закладываются в творчестве Плутарха («Параллельные жизнеописания»), Тацита («Жизнеописание Юлия Агриколы»). Задача нашей работы – рассмотреть, как реализуется в романе жанровая стратегия жизнеописания в нарративной деятельности героя, формируемом его и авторским словом образе мира, и какого рода метаморфозы этой и сопряженных с ней жанровых стратегий обнаруживаются в произведении.

По мнению В. И. Тюпы, нарративная стратегия жизнеописания «буквально принуждает героя к *самоопределению*...» [Тюпа, с. 21]. В произведении Водолазкина перед главным героем стоит задача не только самоопределения, но сюжетно и экзистенциально – обретения себя. Персонаж вынужден реанимировать свое прошлое, постепенно собирая воедино его разрозненные фрагменты. От полной амнезии он движется к открытию того, кто он есть, точнее – кем был до того, как подвергся заморозке, и кем стал после выхода из этого состояния.

Изначальное отсутствие биографии героя в его сознании качественно трансформирует дистанцию между субъектом речи и теми образами, деталями, событиями, которые всплывают в его памяти и фиксируются словесно. То, что было в прошлом, подается как максимально приближенное к нарратору: Иннокентий представляет все это, будто только что пережил, более того,

продолжает переживать – в процессе вербализации. В ряде эпизодов временная дистанция ощущается², однако преобладает дневниковый нарратив – изображаемый мир представлен как существующий симультантно с высказыванием о нем.

Пишущий герой замечает, что ему практически не удастся разграничить свои воспоминания и сны – относительной оказывается граница между историей и вымыслом, фактуальным и фикциональным. Процесс реконструкции прошлого обусловлен свойствами памяти – ее ассоциативностью и избирательностью. Реминисценции определяют специфику образного ряда произведения: пишущий герой уделяет внимание самым разным подробностям, которые даются крупным планом. В связи с этим другой герой произведений – врач Гейгер – говорит, что рукой Платонова «водит <...> бог деталей» [Водолазкин, с. 28]. Именно так, например, в романе возникает образ Петербурга: из воспоминаний о трамвайных рельсах, проложенных по льду, мерцающем свете фонарей, вагоновожатом и кондукторе и, наконец, шпиле Петропавловской крепости. Описательность в романе педалируется, ее ключевые черты – субъективность образа, реконструируемого в сознании героя, и стремление достичь максимальной полноты картины.

Жизнеописание в потенциале своем предполагает введение образа человека в «просторную сферу исторического бытия» [Бахтин, с. 203]. Основной композиционный принцип сочинения Плутарха – сопоставление героев разных исторических эпох, посредством чего сочинитель показывает возможности реализации себя человеком в те или иные исторические периоды. В романе Е. Г. Водолазкина этот простор обусловлен двойным ракурсом соотнесения героя и мира. С одной стороны, воспоминания персонажа реконструируют образ эпохи начала XX века, с другой – представлена рефлексия Платоновым новейшего времени, рубежа XX–XXI столетий. Аксиологические акценты становятся очевидными не сразу, однако расставляются однозначно. Герой чувствует, что принадлежит миру прошлого, но не современности³. Явления бытия, которые не

¹ Одной из стилизованных примет этого дискурса в романе становится множество ссылок и примечаний как на реально существующие, так и вымышленные источники, иронически обыгрывающие те или иные сюжетные моменты.

² Например, при описании возвращения отцов семейств к своим домочадцам в конце недели на дачу в Сиверской.

³ Герой видит сверхцель его возвращения в мир живых – воскрешение прошлого, в связи с этим движется во времени как вперед, так и назад, стремясь взаимодействовать как с живыми, так и мертвыми – посещая кладбище. Однако Платонов открывает, что его замысел едва ли воплотим: например, переехав в старую квартиру, которая для него наполнена образами,

были ранее знакомы Иннокентию, безусловно, обращают на себя его внимание: современная музыка, танцы, одежда и пр. Однако при этом глобальные события мировой истории – как по своему масштабу, так и по значению (например, Вторая мировая война или клонирование живого существа) – даны лаконично, так как информация о них почерпнута из внешних источников. Пишущий герой не рассматривает их как взаимосвязанные с его личной биографией. Его собственные воспоминания, напротив, текстуально экстенсивны, подробны.

Образы, создаваемые Платоновым, воспринимаются как зримые – об этом говорит Гейгер, это замечает и читатель. Интересно соотношение в романе словесного и визуального, точнее – виртуальная изобразительность и даже кинематографичность текста Водолазкина. Платонов, равно как и другие нарраторы, в дальнейшем появляющиеся в тексте, эффектно komponует кадры, благодаря чему читателю оказываются представлены фотокартины или отрывки из немого / озвученного кино. Визуальное обеспечивает переключку эпох в произведении: герой обнаруживает неожиданное сближение впечатлений от современного мира – и кадров из прошлого:

«Внизу милицейский автомобиль, авария. Тут же вспомнил другую аварию – два ломовых извозчика, вот на этом же месте тоже под дождем. И я так же у окна стоял – в каком это было году? Все на свете когда-то уже было...» [Водолазкин, с. 177].

Визуализация воспоминаний получает свое воплощение и в сюжете произведения: герой в конце концов открывает в себе талант художника, выясняется, что он получил профессиональное образование. Всплывающие в его сознании фразы о правилах создания академического рисунка метафорически описывают и его нарративную манеру. Одна из них (*«Вы не завершили построение формы, рано переходить к светотеневой моделировке»*) [Там же, с. 48] отражает установку на создание целостного образа человека, свойственную жизнеописанию.

Эта целостность достигается подключением разных каналов восприятия бытия персонажем: не менее важным, чем визуальный, оказывается аудиальный и кинестетический образ мира. Акценты между звуковым / цветовой палитрой / тактильными ощущениями могут распределяться по-разному: пишущий герой может не видеть того, что происходит за окном, но поставить на

первый план звуки – падающих капель, скрип форточки. Звук рекламы может раздражать сильнее, чем видеоряд. Новый мир Платонов видеть готов не всегда: посетив Анастасию в больнице, он пытается закрыться от этого бытия, зажмурив глаза. Это же проявляется и в отношении к прошлому: став «лазарем» и гуляя по острову, герой закрывает глаза и полагается в своем восприятии только на звуковые и тактильные ощущения от песка под ногами, благодаря чему представляет себя на юге, а не на севере, не в лагере.

В звуках, ощущениях и запахах, так же как и посредством зримых образов, происходит сопряжение эпох. В звуках современности могут проявиться отголоски прошлого, запах и «пшеничный» цвет волос Валентины Иннокентий ассоциирует с ароматом и оттенком волос Анастасии.

Совмещение каналов восприятия может быть как избыточным, так и благодатным, необходимым. Так, Иннокентий потрясен немим кино, но современное телевидение неприятно поражает героя прежде всего своей акустикой (словами, музыкой, воем сирены). Напротив, вспоминая свое возвращение в дом родителей в детстве, Платонов видит образы отца и матери как старую фотографию *«оттого, может быть, что происходило беззвучно. <...> Не хватало лишь сказанного слова»* [Там же, с. 71]. Когда же эта картина дополняется репликой мамы, реакция героя и через века эмоциональна: *«Какое это было счастье. Такого счастья больше не помню»* [Там же, с. 72]. В этом реализуется установка на целостность, полноту картины.

Исследователи романа отмечают вербальную детерминанту реконструкции прошлого героем (см. об этом: [Кучина, Ахапкина]). Во многом образы прежней жизни вырастают из слова: записанные / услышанные Иннокентием фразы «извлекают» из глубинных слоев памяти все новые и новые детали. Пишущий герой чувствует качественную разницу между номинациями «авиатор» и «летчик» – и ассоциирует себя только с первым из них, звучание которого *«соединяло в себе красоту полета и рев мотора, свободу и мощь»* [Водолазкин, с. 92]. Слова, как и другие средства взаимодействия персонажа с миром, обнаруживают рифмующиеся образы из прошлого и настоящего: символично, что бабушка и внучка названы одним и тем же именем – несостоявшаяся любовь Иннокентия в той жизни получает реализацию в этой. Героя смущает проект одной из развлекательных программ с названием «Остров»: известные ему ужасы жизни на Соловках позволяют видеть в ином свете радужные рекламные картинки современности. В целом

звуками тех, кто здесь жил, герой впервые осознает, что утратил связь с ними.

реклама, строящаяся на словесной игре, траvestирует трагическую историю главного героя – он снимается в ролике о замороженных продуктах: трагедия в буквальном смысле оборачивается фарсом. Но слово может сформировать и идиллическое мироощущение героя, выключив его из хода времени, что особо интересно в свете дальнейшего анализа произведения.

Стратегия жизнеописания в романе обнаруживается в диалогической направленности высказываний главного героя, причем соотносятся они не только с собственным восприятием своих слов, позициями других субъектов речи, но, что интереснее, со словом «готовым». Иннокентий неоднократно вводит в свои записи расхожие фразы и прецедентные тексты, выражая свою субъективную реакцию на них. Так, идиома «ровесник века» становится одним из импульсов, который помогает персонажу вспомнить год своего рождения. Иннокентий рефлексировал над словесной формулой «в России все возможно» [Там же, с. 22], ощущая в ней особый ритм и замечая:

«Есть в этом суждении, что ли, даже приговор. Чувствуется, что это какая-то нехорошая безграничность, но все направится известно в какую сторону» [Там же].

Ряд других изречений оказываются связаны с историей героя более интимно: фраза Добросклонова «Иди бестрепетно» [Там же, с. 27], цитата из Покаянного канона, императив «Держи ум свой во аде и не отчаивайся» [Там же, с. 370]. Причем субъективность не предполагает, что персонаж дистанцируется от смысла этих идиом: не со всеми фразами герой соглашается, но процитированные выше воспринимает как выражающие его личностную позицию. Личностное и надличностное в нарративе оказываются сопряжены.

Опора на чужое слово автора определяет спектр литературных аллюзий и цитат, обнаруживаемых в произведении. Этот аспект поэтики романа не ускользнул от внимания литературоведов: в произведении выявлены набоковские, бунинские, блоковские и пастернаковские образы (см.: [Кучина, Ахапкина, с. 108]). Добавим к этому аллюзии с чеховскими героями, улавливаемые в окружающих его персонажах самим Иннокентием, мотивы из произведений Андрея Платонова, Осипа Мандельштама и др. Наконец, образ Робинзона, с которым герой неоднократно соотносит свою житетворческую стратегию – воссоздать «из ничего цивилизацию ... по памяти» [Водолазкин, с. 192].

Образы в нарративе Иннокентия могут быть рассмотрены как художественное воплощение еще более универсальных литературных и протолитературных топосов – мифологем рая и ада: очевидно, что в таком ключе противопоставлены картины идиллической дореволюционной жизни (в Сиверской, Петербурге, Алуште) – и постреволюционной (уже в Петрограде, потом на барже и, наконец, на острове). Сквозная антитеза поддерживается не только изображаемыми событиями, но вновь – визуальными, аудиальными, тактильными впечатлениями пишущего героя⁴. Остров воспринимается как ад, где люди теряют свою человеческую сущность. Миссия героя по воссозданию цивилизации противопоставлена вектору той эпохи, которую Иннокентий пытается вспомнить.

Наконец, установка на диалогизм открывает для автора возможность игры голосами и точками зрения субъектов речи. Апробируется этот прием в начале романа: мы обнаруживаем «рассеивание» взгляда главного героя между несколькими персонажами. История Робинзона изложена старостой и учителем (под впечатлением от картины «Девятый вал» Айвазовского): оба голоса выражают восприятие этого сюжета ребенком, Иннокентием. Доминантным этот прием становится во второй части произведения. Здесь представлены дневниковые записи уже не одного, а трех персонажей: помимо Платонова к созданию текстов подключаются Гейгер и Настя. Изначально их точки зрения весьма ощутимо дистанцированы: описывая одни и те же события, они по-разному расставляют смысловые акценты, через призму происходящего дают характеристики друг друга. Однако по мере разворачивания нарратива фокусы восприятия пишущих субъектов предельно сближаются. Этот эффект усиливается тем, что с определенного момента исчезают указания в тексте, кому принадлежит тот или иной фрагмент записи. Тем самым достигается триединство голоса(ов) пишущего(их) субъекта(ов).

Как отмечает С. С. Аверинцев, Плутарху было свойственно «живое, непредубежденное лю-

⁴ Описывается запах цветов на дачах в Сиверской, по ассоциации вспоминаются романсы Анастасии Вяльцевой, этот ряд дополняет образ арбуза, запомнившийся герою звонким звуком. В следующей за этой записи образный ряд резко контрастирует с идиллической картиной: «Лазарет на горе. Лежим на плотно сдвинутых нарах. Постельного белья нет, голые доски. И мы голые... у многих тифозный понос, все нары им испачканы. Хочешь повернуться – обязательно рукой в дерьмо влезешь, засохшее или свежее...» [Водолазкин, с. 67–68].

бопытно к реальному человеческому существованию», он выбирает позицию «изобразителя жизни, повествователя о ней» [Аверинцев, с. 78]. Жизнеописание представляет нам биографию героя как личности, уходя от предзаданности образа персонажа. Безусловно, в жизнеописаниях, созданных Плутархом и Тацитом, мы видим лишь первые проявления этой тенденции, но именно это можно считать конститутивным признаком данного жанра.

Именно личная, частная история жизни человека интересна Иннокентию Платонову как нарратору. Он неоднократно декларирует эту мысль, в связи с чем объясняет аксиологические сдвиги в своем восприятии истории. Соотнося себя с разными эпохами, он отмечает, что человек «для чего-то же ... поставлен в определенное историческое время» [Водолазкин, с. 97]. При этом он считает чью-либо умиротворенную беседу более значимой, чем история битвы при Ватерлоо: «...беседа – это событие личной истории, для которой мировая – всего лишь небольшая часть, прелюдия, что ли» [Там же, с. 381]. В связи с этим важно реконструировать не глобальные события прошлого, а повседневную атмосферу тех или иных лет. Иннокентий и другие голоса замечают, что именно второстепенные подробности интересны, так как без них мир лишен полноты – не включает в себя все субъективные, частные восприятия людьми этого мгновения бытия.

Стремясь обрести себя, герой понимает, что сделать это можно не в соотнесенности с определенным историческим временем, а вне его. Эта мысль сокровенна, она постепенно «проявляется» в романе: Иннокентий приходит к пониманию, что любой образ, который он возвращает в своей памяти из небытия, становится деталью эпохи. Но механизм этого процесса, проговариваемый им и другими голосами, предполагает выход к универсалиям:

«Да, у каждого человека свои особенные воспоминания, но есть ведь вещи, которые переживаются и вспоминаются одинаково. Политика, история, литература – они воспринимаются, да, по-разному. Но шум дождя, ночной шелест листьев – и миллион других вещей – все это нас объединяет. Мы ведь не будем спорить об этом до хрипоты... Вот с этим-то и надо работать, об этом я и прошу дорогих мне людей. Пусть среди описанного мной появятся их голоса. Они не исказят моего голоса, напротив, – обогатят его» [Там же, с. 348].

Достижение этого личностно-универсального взгляда на мир качественно трансформирует образ субъекта речи и создаваемой им картины бытия: сохраняя частный характер, складываясь из

банальных подробностей существования, этот ракурс восприятия допускает совмещение всех точек зрения, неслиянное единство всех голов⁵. В связи с этим Иннокентий Платонов предлагает включить в дневники описание даже того времени, когда он был заморожен, так как это часть в том числе и его мира. Наконец, к создаваемому нарративу он предлагает Насте относиться как к «жизнеописанию вообще» [Там же]. Возникающее универсальное жизнеописание проясняет смысл заглавного образа и эпиграфа к роману. С одной стороны, каждый человек способен реализовать эту нарративную стратегию хоть в какой-то степени, с другой – авиатор становится той инстанцией, которая способна достичь максимальной жизнеописательности, вселенной полноты во взгляде на мир от первого лица.

Здесь подключаются иные мотивы, звучащие в романе: преодоления какой-либо ограниченности, в том числе привязки человека ко времени и тем самым смерти. Если попытаться рассмотреть сюжет романа, то он начинается фактически с чуда – воскрешения героя, которое вроде бы достигнуто научными средствами, но современная медицина его объяснить не может. Дальнейший сюжет связан с постепенным физическим угасанием персонажа, приуготовлением к переходу в иной мир и... преодолением смерти, линейности времени, обретения вечности. Герой сопоставляет себя с библейским Лазарем, думает о том, как тот принял свою вторую смерть, – и для себя находит выход в нарративной деятельности, которая должна охватить всех людей и весь мир и помочь представить личную историю вне времени.

Такое состояние бытия в романе описывается при помощи вполне ожидаемой номинации:

«Рай – это отсутствие времени. Если время остановится, событий больше не будет. Останутся несобытия. <...> То, что осуществляется поверх истории – вневременно, освобождено» [Там же, с. 164].

Следовательно, нарративная стратегия героя придает жизнеописательности священный характер. Моделируется личностно-универсальная точка зрения на мир, сочетающая в себе традиции жизнеописания – и жития. Этот тезис подтверждают интенции персонажа, создаваемый в его нарративе образ мира, житийная модель сюжета, в несколько модифицированном виде вос-

⁵ «Единственный выход – переместить мое я в них. Или самому войти в их я. Не исключено, что в нашем взаимном движении мы встретимся посередине и наше я станет общим» [Водолазкин, с. 384].

произведенная в произведении. Тем самым происходит метаморфоза стратегии жизнеописания в житийную, которая, в свою очередь, может быть интерпретирована как сакрализованное жизнеописание.

Список литературы

Водолазкин Е. Г. *Авиатор*. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. 416 с.

Аверинцев С. С. *Плутарх и античная биография: К вопросу о месте классика жанра в истории жанра*. М.: Наука, 1973. 276 с.

Бахтин М. М. *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство, 1979. 421 с.

Кучина Т. Г., Ахупкина Д. Н. «Конвертировать бытие в слово»: *homoscribens* в прозе Е. Водолазкина // Вестник Костромского государственного университета. 2016, № 6. С. 105–108.

Тюпа В. И. Жанровая природа нарративных стратегий // Филологический класс. 2018, № 2 (52). С. 19–24.

References

Averintsev, S. S. (1973). *Plutarkh i antichnaia biografii: K voprosu o meste klassika zhanra v istorii zhanra* [Plutarch and Ancient Biography: On the Genre Classic's Place in the History of the Genre]. 276 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Bakhtin, M. M. (1979). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo. (In Russian)

Kuchina, T. G., Akhupkina, D. N. (2016). "Konvertirovat' bytie v slovo": *homoscribens v proze E. Vodolazkina* ["To Convert Being into a Word": *Homoscribens* in E. Vodolazkin's Prose]. Kostroma, Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta, No. 6, pp. 105–108. (In Russian)

Tiupa, V. I. (2018). *Zhanrovaia priroda narrativnykh strategii* [The Genre Nature of Narrative Strategies]. Moscow, Filologicheskii klass, No. 2 (52), pp.19–24. (In Russian)

Vodolazkin, E. G. (2016). *Aviator* [The Aviator]. 416 p. Moscow, AST, Redaktsiia Eleny Shubinoi. (In Russian)

The article was submitted on 15.02.2021

Поступила в редакцию 15.02.2021

Шуников Владимир Леонтьевич,
кандидат филологических наук,
доцент,
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Россия, Москва,
Миусская пл., 6.
vlshunikov@mail.ru

Shunikov Vladimir Leontievich,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Russian State University for the Humanities,
6 Miusskaya Square,
Moscow, 125993, Russian Federation.
vlshunikov@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-225-230

УДК 82.09 Соловьев

**ТВОРЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ
В. С. СОЛОВЬЕВА (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТ
«ПОЭЗИЯ Ф. И. ТЮТЧЕВА» И «РУССКИЕ СИМВОЛИСТЫ»)**

© Наталья Юрина

**CREATIVE STRATEGIES IN V. SOLOVYOV LITERARY STUDIES
(BASED ON HIS WORKS “F. TYUTCHEV’S POETRY”
AND “RUSSIAN SYMBOLISTS”)**

Natalya Yurina

The work analyzes key creative strategies in V. Solovyov literary criticism of the mid-1890s and examines the nature of the critic's communication with the reader and his principles of organizing a communicative act, based on the article “Poetry of F. Tyutchev” and the reviews “Russian Symbolists”. The aims of the work are: to confirm the presence of special creative strategies in the dialogue of this critic with the reader; to understand the logic of their use; to analyze the nature of the communicative space built in his critical prose. The article concludes that, as a critic, Solovyov consciously used educational-prophetic and game creative strategies when organizing a dialogue with the reader and applied them depending on the urgent tasks and the external literary situation. The antinomic nature of these strategies indicated a combination of contemplative-reflexive as well as constructive and game focuses in the creative mind of the critic, and his desire to combine rhetorical and dialogical attitudes to the addressee. Solovyov first absolutized his thought and suggested it to the reader, then he deliberately made the text ambiguous, provoking the reader's consciousness to respond. In this regard, Solovyov's literary and critical work reflects the main trends in the Russian literary process of the late 19th century.

Keywords: V. Solovyov, literary criticism, creative strategy, communicative act, author, recipient reader, text, dialogue.

В работе анализируются ключевые творческие стратегии в литературной критике В. С. Соловьева середины 1890-х годов. На материале статьи «Поэзия Ф. И. Тютчева» и рецензий «Русские символисты» автор рассматривает характер коммуникации критика с читателем, принципы организации им коммуникативного акта. В качестве целей работы заявлены: подтверждение присутствия особых творческих стратегий в диалоге этого критика с читателем, осмысление логики их использования, анализ характера коммуникативного пространства, выстраиваемого в его критической прозе. Автор статьи делает вывод о сознательном использовании Соловьевым-критиком просветительно-пророческой и игровой творческих стратегий при организации диалога с читателем, о применении их в зависимости от актуальных задач и внешней литературной ситуации. Антиномичный характер этих стратегий свидетельствовал о совмещении в творческом сознании критика созерцательно-рефлексивной и созидательно-игровой направленности, о стремлении сочетать риторическое и диалогическое отношение к адресату. Соловьев то абсолютизировал свою мысль и внушал ее читателю, то намеренно делал текст многозначным, провоцировал читательское сознание к ответной реакции. В этом плане литературно-критическое творчество Соловьева отражало основные тенденции в отечественном литературном процессе конца XIX века.

Ключевые слова: В. С. Соловьев, литературная критика, творческая стратегия, коммуникативный акт, автор, читатель-адресат, текст, диалог.

В. С. Соловьев был активным участником общественной и литературной жизни своего времени. Выступая как философ, поэт, прозаик, публицист и литературный критик, он во многом определял специфику русского литературного

пространства конца XIX столетия, направлял духовное развитие современников, устанавливал значимые эстетические и нравственные ориентиры, на которые равнялось не одно поколение отечественных писателей. Соловьева считают

одним из основателей религиозно-философской критики рубежа XIX–XX веков. В качестве его достижений называют открытие философского ракурса анализа художественного текста, принципиально новые интерпретации творчества А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, русской поэзии середины XIX столетия. Вместе с тем литературная критика Соловьева не рассматривалась с точки зрения взаимоотношения автора с читателем, реализации долгосрочного коммуникативного проекта, выстраиваемого в соответствии с определенными принципами. Подтвердить или опровергнуть существование такого проекта, очевидно, будет возможно после скрупулезного анализа характера литературно-критических выступлений Соловьева в разные периоды его творческой деятельности. Таким образом, актуальность данного исследования обоснована значимостью литературно-критического наследия Соловьева для литературного процесса конца XIX века, для осмысления глубинных изменений в духовной жизни русского общества в период смены литературных эпох. В рамках статьи мы постараемся подтвердить присутствие особых творческих стратегий в диалоге этого критика с читателем, осмыслить логику их использования, проанализировать характер выстраиваемого в его критической прозе коммуникативного пространства и тем инициировать дальнейшее научное обсуждение в этом направлении. Если отдельные аспекты организации художественного коммуникативного акта в творчестве Соловьева освещались ранее С. Корушанковой [Korúčánková], некоторые дискурсивные особенности его публицистики изучали Н. Г. Баранец [Баранец], О. Л. Арискина и Н. Г. Юрина [Ariskina, Yurina], то попытка выявить творческие стратегии в его литературной критике предпринимается впервые. Предлагаемый исследовательский ракурс открывает возможность анализировать художественное явление на стыке литературы и языка, трактовать его как высказывание в рамках речевого акта, определенным образом организованного и адресованного читателю-собеседнику. Методология исследования опирается на теорию художественной коммуникации А. Ричардса, М. Фуко, Т. А. ван Дейка, на трактовки коммуникативной стратегии, предложенные М. М. Бахтиным [Бахтин], В. И. Тюпой [Тюпа].

Понимая под творческой стратегией «совокупность коммуникативных установок, которые определяют способы выражения авторского сознания и специфику организации диалога с читателем» [Юрина, 2020, с. 74], мы будем исходить из тезиса о преемственности творческих страте-

гий в художественном и литературно-критическом творчестве Соловьева, о сознательном перенесении их автором из одной сферы деятельности в другую. Художественный мир Соловьева, как было установлено нами ранее [Юрина, 2019, с. 59–94], определяли две ключевые творческие стратегии – просветительно-пророческая и игровая. Они влияли на формат общения с читателем, используемые коммуникативные приемы, жанровое своеобразие его произведений. Антинормичный характер этих стратегий свидетельствовал о совмещении в творческом сознании автора созерцательно-рефлексивной и созидательно-игровой направленности, о стремлении писателя сочетать авторитетное и равноправное отношение к адресату.

Начиная с первых литературно-критических выступлений («Три речи в память Достоевского» (1881–1883) и др.) Соловьев, выстраивая поле диалога с читателем, пользовался просветительно-пророческой стратегией. В соответствии с таким форматом общения автор занимал по отношению к субъекту речи положение «наставника», позиционировал себя как носителя истины, расставлял смысловые акценты. Соответственно подбиралась жанровая форма, особый способ изложения. Речевой акт организовывался с учетом неравноправия собеседников, модальности урока, который должен был усвоить адресат. Использование этой стратегии, главенствующая позиция автора относительно выстраиваемого дискурса проявляются в статье «Поэзия Ф. И. Тютчева» (1895). Показательно уже жанровое решение – проблемная статья с характерным для нее построением, стремлением к научно достоверной аргументации, публицистическим пафосом. Этот жанр изначально предполагает позицию автора над материалом (А. Г. Бочаров писал, что «автор ощущает себя если не над „объектом“, то уж, во всяком случае, не только в нем одним» [Бочаров, с. 29]): он излагает хорошо известные ему факты, группирует их особым образом, дает оценку, разъясняет собеседнику отдельные моменты, доказывает справедливость своих суждений. Речевое выступление Соловьева определялось важной проблемой, имело четкую композицию (вступление и 8 частей), в нем ясно формулировалась задача, рассуждение подчинялось законам логики, выводы аргументировались. Все это проявлялось настолько явно, что даже вызвало упреки современников, отметивших, что «логической дедукции» критика недостает интуиции (Э. Л. Радлов), но обосновывалось характером диалога с читателем, главенством адресанта-учителя, который доказывал, объяснял, воспитывал.

Соловьевская концепция творчества Тютчева основывалась на тезисе о непонятости этого поэта русским читателем. Соловьев «открывал» этого автора для публики, характеризовал ключевые особенности его творчества. В этой связи не случаен обобщенный характер заголовка, подчеркивающий авторское намерение дать общую характеристику художественного мира поэта, определить «*внутренний смысл и значение*» [Соловьев, с. 106] его лирики, ранее неизвестные читателю. Соловьев не пошел вслед за оценками современников Тютчева (в частности, И. С. Тургенева), подчеркивающих «пушкинское» направление его творчества, а объявил его поэтом нового поэтического мышления, сознательно верящим в «*жизнь и душу природы*» [Там же, с. 108] и осознавшим «*темный корень мирового бытия*» [Там же, с. 112]. Он выделил у Тютчева произведения на общеполитическую и патристическую темы и подчеркнул активность его позиции как мыслителя и общественного деятеля.

Сочетание аналитического и поэтического начал проявилось в тексте статьи в чередовании лексики отвлеченного характера, включая терминологию, наукообразные обороты речи, и образного, экспрессивного языка с развернутыми сравнениями, метафорами, антитезой, градацией. Критик стремился убедить читателя, обращаясь то непосредственно к его разуму, логике, то исключительно к его чувству прекрасного:

«Никто не решится утверждать, что механическое устройство и действие скелета, сосудистой, мускульной и нервной систем, изучаемое точными науками... исчерпывают собою весь истинный смысл человеческого существа...» [Там же, с. 108];

«Ему <Тютчеву> не приходилось искать душу мира и безответно приветствовать отсутствующую: она сама сходилась с ним <...> в блеске молодой весны <...>» [Там же, с. 107].

В целом диалог Соловьева с читателем осуществлялся авторитарно, ограничивался констатацией определенных субъективных мыслей и ощущений. Учительско-пророческий тон в его речевом высказывании проявлялся в настойчивом утверждении авторской оценки, абсолютизации субъективного мнения. Не случайно постоянное употребление «я» и производных от него местоимений в тексте («я уже заметил», «я здесь только укажу»). Дискурс соотносился с императивной картиной мира, предполагающей единственно верный путь к абсолютной истине. Иное субъективное мнение изначально воспринималось как ложное. В статье о Тютчеве «чужое» слово лишь там, где оно подтверждает авторскую позицию (ссылка на «Курс общей фи-

зиологии» К. Бернара). Показательно отсутствие в работе мнений других критиков в связи с предметом обсуждения, хотя иногда можно проследить, к кому восходит та или иная оценка. Зато цитаты из тютчевских текстов, иллюстрирующие суждения критика, встречаются здесь часто. Для Соловьева талантливое стихотворение – всегда сильный аргумент, способный воздействовать не только на разум, но и на эмоции, эстетическое чувство собеседника.

В соответствии с особенностями убеждающей дискурсивности Соловьев часто использовал в статье лексические повторы, подчеркивающие отдельные мысли, сквозные образы (красота, хаос, свет), риторические восклицания, курсивное выделение значимых слов или целых утверждений (в тютчевских текстах – без оговорок, что данное выделение не является авторским). Очевидно, для наглядности «урока» он использовал и прием сопоставления. Сначала он соотнес Тютчева с Шиллером, обратив внимание на разницу поэтического постижения поэтами «смысла» природы и мироздания. Затем сблизил Тютчева с Гете и Шелли по отношению к природной жизни, одновременно отметив, что русский лирик был глубже в осознании хаотической основы бытия. Для сохранения цельности своего высказывания и адаптации материала Соловьев несколько упрощал, схематизировал его, допускал натяжки. Спорные моменты не разворачивались, противоречия максимально сглаживались. Так, критик проигнорировал важные для тютчевской лирики пантеистические мотивы, не прокомментировал его языческое обожествление судьбы, восхищение перед бездной. По единственному четверостишию «О вещая душа моя...» он сделал вывод о православной ориентации поэта. Соловьев не вполне правомерно соединил выводы разных по времени написания тютчевских стихотворений («Два единства» и «Над этой темною толпой...»), чтобы «из патристических пророчеств нашего поэта извлечь их окончательный смысл» [Там же, с. 120]. По сути, он подвел политические взгляды поэта под собственную концепцию «всеединства» и предъявил как истину, требующую абсолютного доверия. Принцип урочной порционности передаваемого знания, вероятно, не позволил Соловьеву развернуто высказаться о художественной стороне поэзии Тютчева. Вот почему он не раз возвращался к тому или другому аспекту его творчества впоследствии («Поэзия гр. А. К. Толстого», «Поэзия Я. П. Полонского»).

Результаты выступления Соловьева о Тютчеве очевидны: «урок» был успешно усвоен публикой. Творчество Тютчева, не воспринимавшееся

современниками как значительный факт национального духовного наследия, было объявлено символистами одним из важных художественных ориентиров. Нельзя утверждать, что последующая литературная критика в трактовках лирики поэта однозначно пошла вслед за Соловьевым. Так, В. Я. Брюсов подчеркивал пантеизм поэта («Ф. И. Тютчев. Смысл его творчества»), Ю. И. Айхенвальд указывал на неоднородность его художественного мира («Силуэты русских писателей»). Но Соловьев ввел в художественное сознание конца XIX века тютчевскую поэтику. Представители этого литературного поколения были единомышленны в том, что именно он дал «ключ к поэзии Тютчева» [Айхенвальд, с. 116].

Игровая стратегия как способ выстраивания поля для диалога с читателем к середине 1890-х годов была неоднократно апробирована Соловьевым в его поэтических переводах, шуточной лирике, драматургии. Но в области литературной критики она не реализовывалась до этого времени в полной мере. Предположим, что причинами были: 1) неопределенность положения Соловьева как критика, 2) сосредоточенность его на анализе положительных литературных явлений, которые требовали «серьезной» подачи материала. Обратиться к игровой стратегии критика побудили, очевидно, внешние обстоятельства – процессы, активно разворачивающиеся в современной литературной жизни. С начала 1890-х годов Соловьев с беспокойством наблюдал за тем, как русская поэзия все более отклонялась от традиций пушкинской «чистой» лирики. Он с иронией высказался о «размашистых произведениях новейшего декаданства» [Соловьев, с. 99], представляющих продукт смешения поэзии и чепухи, и с сожалением констатировал, что подобные произведения представляют «целый род литературы, который все более и более становится господствующим у нас» [Там же, с. 99]. Публикацию в 1894 году первого сборника «Русские символисты», эпатировавшую культурное сообщество, Соловьев не мог не воспринять как требующую немедленной реакции. Выступления символистов представлялись ему воинствующим наступлением «нового» искусства бессмыслицы на позиции литературной классики, вероломной подменой истины псевдоистиной, а красоты – фальсификацией красоты, грандиозным обманом читателя «подделкой» искусства. В рецензии на сборник оформление коммуникативного поля «автор – текст – читатель» определяла задача разоблачения.

Содержательный аспект, композиция, приемы, речевые средства, общая тональность рецензий Соловьева полностью подчинены полемиче-

ским задачам. «Русские символисты» (1894–1895) выдержаны в приподнятом тоне. Прием эмоционального окрашивания речи при помощи словообразовательных средств и восклицаний здесь сквозной: «*маленький сборник*», «*Увы! Наши предчувствия сбылись раньше ожидания!*» и др. Ирония используется в характерном значении (внутренний смысл фразы противоположен значению слов), категорично перечеркивает предмет обсуждения, затрагивает личности (осмеивается возраст, псевдонимы, компетентность, моральные достоинства и умственная полноценность оппонентов). Рядом с бессвязными произведениями «новой» поэзии Соловьев дает строки из лирики Гейне, Фета и через смысловой контраст указывает на явную разницу между ними. Риторические вопросы применялись Соловьевым и как способ иронического подчеркивания завышенных претензий «новых» поэтов при нелепости их произведений («...перечислять в уменьшительной форме различные части человеческого организма, и без того всем известные, – разве это символизм?» [Там же, с. 145]), и как средство диалогизации («*Неужели, однако, между строгою научностью и личным впечатлением нет ничего среднего? Без сомнения, есть*» [Там же, с. 147]). Для организации двойного диалога Соловьев использовал маску наивности. Доказывая во второй рецензии, что в «новой» поэзии нет «ни поэзии, ни намеков» [Там же, с. 148], он вел тонкую игру: намеренно игнорировал поэтический подтекст, интерпретировал с учетом прямого значения слова, что не допускала символистская лирика. Далее Соловьев показательно акцентировал на собственной некомпетентности, цитируя гетевское «Я не сумею унести в те сферы...». Учитывая общий иронический контекст, читатель, знающий об энциклопедической образованности рецензента, должен был заподозрить здесь авторскую позу и попытаться отыскать истинный смысл высказывания.

Организация дискурса в рецензиях происходила совсем по другим принципам, нежели в статье о Тютчеве. Ведущая роль адресанта вуалировалась, при видимом его равноправии с адресатом-читателем акцент переносился на объект речи. Соловьев предлагал, по сути, текст с двойным значением и явно раскрывал только одно из них, ироническое. Так, в первой рецензии он охарактеризовал сенсационный в литературных кругах выпуск «Русских символистов» как «тетрадку» с «несомненными достоинствами»: «она не отягощает читателя своими размерами и отчасти увеселяет своим содержанием» [Там же, с. 144]. Подчеркнув заимствованный характер «этого рода поэзии», Соловьев отметил как

ее оригинальность неудачность подражания. В третьей рецензии провокативно многое: 1) использование авторской маски, 2) нарушение жанровых канонов (включение в рамки рецензии собственных произведений, выносимых на суд), 3) важная информация, открытая не сразу (автор не будет отвечать за символистское стихотворение Владимира Соловьева, потому что он – Власий Семенов), 4) выстраивание текста на языковых контрастах, вследствие чего высокая лексика обретала иронический подтекст («гг. символисты» и «юные спортсмены», «перлы» и «образчики»). «Серьезная» составляющая его текста, связанная с признанием некоторых положительных сторон разбираемого явления, скрывалась за ложно анонсируемой информацией. Соловьев лишь процитировал стихотворение А. Э. Бугона, «напоминающее действительную поэзию» [Там же, с. 149], но никак не прокомментировал. Рассмотрев менее половины из 18 стихотворений второго сборника символистов, критик оборвал анализ ироническим замечанием: произведение З. Фукс (Брюсова) «Труп женщины, гниющий и зловонный...» производит настолько сильное впечатление, что «не хватает необходимого спокойствия духа для относительно научного разбора прочих символических перлов» [Там же, с. 149]. Неполнота авторского высказывания заставляла читателя отыскивать оттенки мысли и чувств. Адресат должен был либо согласиться с низкой оценкой критика, либо прочесть оставшиеся без комментария тексты и составить свое мнение, возможно, не совпадающее с авторским. Балансируя на грани разоблачения и утверждения, используя прием умолчания, автор подталкивал читателя к критическому восприятию его текста, поиску собственной истины, участию в диалоге на равных.

Тот факт, что диалог с символистами имел почти годовое продолжение, свидетельствует о важности его и для рецензента, и для самих символистов, и для читателя. Соловьев продолжал публичный диалог в выбранном ироническом ключе не столько из-за полемического азарта, сколько из-за убеждения в необходимости разоблачить до конца никчемность и опасность явления, указать на тяжесть последствий для русской литературы и читающей публики при отходе с магистрального пути, проложенного предшествующим литературным поколением. Соединение трех рецензий в цикл позволило усилить собственную позицию: воспроизведение недостатков символистской лирики было выстроено по принципу градации – 1) «неудачность» поэтических подражаний символистов, 2) эстетическое несовершенство их лирики, 3) отсутствие всякого

смысла в стихотворных опытах «новых» поэтов. Участие в этой идейно-эстетической дискуссии позволило Соловьеву закрепить позиции его философской критики, а символистам – скорректировать отдельные художественные приемы «новой» поэзии. Опубликованные в авторитетном журнале «Вестник Европы» остроумные рецензии Соловьева привлекли внимание читательской общественности к новому литературному явлению, вызвали большой резонанс.

Таким образом, при организации диалога с читателем в литературной критике Соловьева применялись просветительско-пророческая и игровая стратегии. Всезнающее слово критика, абсолютизирующее авторскую мысль, использовалось параллельно с полифонически звучащим текстом, где авторское высказывание активно провоцировало читательское сознание к реакции-реплике. В этом отношении литературная критика Соловьева отражала основные тенденции в литературном процессе конца XIX века: возрастающую роль авторского сознания, литературной игры с читателем.

Список литературы

- Айхенвальд Ю. И. Тютчев // Ю. И. Айхенвальд. Силуэты русских писателей: в 2 т. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1998. Т. 1. С. 116–124.
- Баранец Н. Г. Дискурсивные и жанровые особенности творчества В. С. Соловьева // Соловьевские исследования. 2002. Вып. 2. С. 18–34.
- Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // М. М. Бахтин. Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1952. С. 428–472.
- Бочаров А. Г. Жанры литературно-художественной критики. М.: изд-во МГУ, 1982. 51 с.
- Соловьев В. С. Литературная критика. М.: Современник, 1990. 422 с.
- Тюпа В. И. Основания сравнительной риторики // Критика и семиотика. 2004. Вып. 7. С. 66–87.
- Юрина Н. Г. Авторские стратегии в художественном творчестве В. С. Соловьева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 6. С. 74–79.
- Юрина Н. Г. Литературно-художественное творчество В. С. Соловьева в контексте русской словесности второй половины XIX века (эстетика, поэтика, стиль). Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 2019. 548 с.
- Ariskina O. L., Yurina N. G. Features of the linguistic personality of V.S. Solovyov-publicist (speech: “three forces”) // Utopia y Praxis Latinoamericana. 2020. 25 (Extra 5). P. 39–50.
- Koryčánková S. Лексико-семантическое оформление философски значимых образов в поэзии В. С. Соловьева. Brno: Masarykova univ., 2013. 202 с.

References

- Aikhenval'd, Iu. I. (1998). *Tiutchev* [Tyutchev]. *Silueti russkikh pisatelei: v 2 t.* Moscow, TERRA, Knizhnyi klub; Respublika, Vol. 1, pp. 116–124. (In Russian)
- Ariskina, O. L., Yurina, N. G. (2020). *Features of the Linguistic Personality of V. S. Solovyov-Publicist (speech: "three forces")*. *Utopia y Praxis Latinoamericana*, No. 25 (Extra 5), pp. 39–50. (In English)
- Baranets, N. G. (2002). *Diskursivnye i zhanrovye osobennosti tvorchestva V. S. Solov'eva* [Discursive and Genre Features of V. S. Solovyov's Creativity]. *Solov'evskie issledovaniia*, Vol. 2, pp. 18–34. (In Russian)
- Bakhtin, M. M. (1952). *Problema rechevykh zhanrov* [The Problem of Speech Genres]. *Literaturno-kriticheskie stat'i*. Pp. 428–472. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)
- Bocharov, A. G. (1982). *Zhanry literaturno-khudozhestvennoi kritiki* [Genres of Literary Criticism]. 51 p. Moscow, izdatel'stvo MGU. (In Russian)
- Iurina, N. G. (2020). *Avtorskie strategii v khudozhestvennom tvorchestve V. S. Solov'eva* [Author's Strategies in V. S. Solovyov's Creative Writing]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, No. 6, pp. 74–79. (In Russian)
- Iurina, N. G. (2019). *Literaturno-khudozhestvennoe tvorchestvo V. S. Solov'eva v kontekste russkoi slovesnosti vtoroi poloviny XIX veka (estetika, poetika, stil')* [Literary and Artistic Creativity of V. S. Solovyov in the Context of Russian Literature in the Second Half of the 19th Century (Aesthetics, Poetics, Style)]. 548 p. Saransk, izdatel'stvo Mordovskogo universiteta. (In Russian)
- Koryčánková, S. (2013). *Leksiko-semanticheskoe oformlenie filosofski znachimykh obrazov v poezii V. S. Solov'eva* [Lexical-Semantic Design of Philosophically Significant Images in the Poetry of V. S. Solovyov]. 202 p. Brno, Masarykova univ. (In Russian)
- Solov'ev, V. S. (1990). *Literaturnaia kritika* [Literary Criticism]. 422 p. Moscow, Sovremennik. (In Russian)
- Tiupa, V. I. (2004). *Osnovaniia sravnitel'noi ritoriki* [Foundations of Comparative Rhetoric]. *Kritika i semiotika*, No. 7, pp. 66–87. (In Russian)

The article was submitted on 11.02.2021

Поступила в редакцию 11.02.2021

Юрина Наталья Геннадьевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева,
430005, Россия, Саранск,
Большевицкая, 68.
makarova-ng@yandex.ru

Yurina Natalya Gennadyevna,
Doctor of Philology,
Professor,
National Research
Mordovia State University,
68 Bolshevitsaya Str.,
Saransk, 430005, Russian Federation.
makarova-ng@yandex.ru

ВКЛАД ФОАТА ГАЛИМУЛЛИНА В РАЗВИТИЕ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ

© Гелюся Каюмова, Альфия Мотигуллина

FOAT GALIMULLIN'S CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF THE TATAR LITERATURE TEACHING METHODS AT SCHOOL

Gelyusya Kayumova, Alfiya Motigullina

The article studies the contribution of the literary critic F. Galimullin to the development of Tatar literature methodology at school. At the beginning of his pedagogical career, the researcher wrote a number of jubilee articles, systematizing the material about the history of the Department of Tatar Literature of the Kazan State Pedagogical Institute and this educational institution as a whole. Having worked as a radio presenter, Foat Galimullin focused further on the elaboration of the curricula and workshops aiming at the development of expressive reading skills. In the late 1980s, having formed a solid historical and literary base, the scholar embarked upon the development of school textbooks on literature and anthologies. In collaboration with researchers and practicing teachers, Foat Galimullin has developed a line of textbooks for Tatar students, studying in a Russian school. An analysis of the textbooks, created by this team, convincingly shows that, as a methodologist, the scientist is a supporter of the "knowledge approach" to mastering the subject. Foat Galimullin shares the ideas of Tatar scholars and educators of the early 20th century and Russian methodologists of the late 20th century (V. Ya. Korovina's conception). The Tatar scientist is sure that the best way to comprehend a literary work is to consistently accumulate the knowledge about the era, the author, and the specific literary text. F. Galimullin's textbooks are based on "solid classics", they are distinguished by a logical structure and a well-thought-out methodological apparatus.

Keywords: F. Galimullin, methods of teaching Tatar literature, textbook, expressive reading.

В статье осмысливается вклад литературоведа Фоата Галимуллина в методику преподавания татарской литературы в школе и вузе. На заре своей педагогической карьеры ученый написал ряд статей, носящих характер юбилейных, в которых систематизировал материал об истории кафедры татарской литературы Казанского государственного педагогического института, татарского отделения и вуза в целом. Имея за плечами опыт работы диктором на радио, Фоат Галимуллин сконцентрировался в дальнейшем на разработке программ, практикумов по развитию выразительного чтения. Сформировав прочную историко-литературную базу, в конце 1980-х гг. ученый занялся разработкой школьных учебников литературы и хрестоматий. В соавторстве с учеными и учителями-практиками Ф. Г. Галимуллин разработал линейку учебников для учащихся-татар, обучающихся в русской школе. Анализ созданных этим коллективом учебников убедительно показывает, что как методист ученый является сторонником «знаниевого подхода» к освоению предмета. Ф. Г. Галимуллин разделяет идеи татарских ученых-просветителей начала XX века, русских методистов второй половины XX века (концепция В. Я. Коровиной). Татарский ученый уверен, что лучший путь постижения литературного произведения – это путь последовательного накопления знаний об эпохе, авторе, конкретном художественном тексте. Учебники Ф. Г. Галимуллина базируются на «добротной классике», отличаются логичной структурой, продуманным методическим аппаратом.

Ключевые слова: Ф. Г. Галимуллин, методика преподавания татарской литературы, учебник, выразительное чтение.

Фоат Галимуллин внес огромный вклад в развитие методики преподавания татарской литературы в школе. Ученый в Казанском федеральном университете прошел путь от ассистента до профессора, доктора филологических наук. К сожалению, научно-методическое наследие

Ф. Г. Галимуллина на сегодняшний день мало изучено.

Ученый стал проявлять интерес к изучению истории татарской национальной педагогики еще в 1970 г. Его первые статьи носили характер юбилейных. Они были приурочены к 100-летию Казанского государственного педагогического института (далее – КГПИ). Ф. Г. Галимуллин обобщил в них опыт деятельности кафедры татарской литературы ([Галимуллин. Үткәне данлы], [Хатипов, Галимуллин], [Галимуллин. Кафедраның...]).

Среди статей встречаются работы, носящие характер рецензий на методические работы коллег. Так, в 1984 г. Ф. Галимуллин похвально отзывается о вкладе Э. Г. Нигматуллина [Галимуллин, 1984].

Начиная с 1960-х годов в нашей стране усиливается интерес к теории художественного чтения как к самостоятельному искусству. В 1976 г. на основе накопленного опыта, когда он работал диктором татарского радио, Ф. Г. Галимуллин разрабатывает программу курса «Выразительное чтение» для студентов татарского отделения КГПИ [Галимуллин. Сәнгатьле уку, 1976]. Она выдержала несколько переизданий [Галимуллин. Сәнгатьле уку, 1983]. На страницах журналов «Совет мәктәбе» («Советская школа»), «Мәгариф» ученый в цикле публикаций поделился с учителями опытом работы над выразительным чтением учащихся ([Галимуллин. Сәнгатьле..., 1984], [Галимуллин. Сәнгатьле..., 1985], [Галимуллин. Сәнгатьле..., 1987], [Галимуллин, 1991], [Галимуллин, 1994], [Галимуллин, 2004]). В 1980-е гг. Ф. Галимуллин выпускает практикумы по выразительному чтению для школ. ([Галимуллин. Мәктәптә сәнгатьле уку], [Галимуллин. Укучыларны...]).

Глубокое понимание текста и подтекста, по мнению ученого, становится необходимым условием выразительности речи [Галимуллин, 1988, с. 22]. В современном преподавании часто в числе ключевых называется коммуникативная компетенция. По мнению Ф. Галимуллина, преимуществом выразительного чтения является направленность на слушающего, собеседника, при выразительном чтении учащиеся работают в двух направлениях: учатся читать эмоционально и воспринимать чтение других. Выразительное чтение никогда не бывает направленным только на себя, поэтому уроки и задания на выразительное чтение формируют у учащихся столь редкое в современном мире качество – умение слушать и слушать других. К сожалению, современные программы не предусматривают работу над дикцией. По мнению В. Г.

Назмиевой, труды Ф. Г. Галимуллина по выразительному чтению до сих пор остаются актуальными и востребованными в школе [Назмиева, 2021, с. 377].

В 1987 г. ученый разработал для студентов татарского отделения методику подготовки лекций, формирования лекторского мастерства [Галимуллин. Лекторлык осталыгы].

Среди методических работ Ф. Галимуллина имеются работы, нацеленные на развитие научно-исследовательской деятельности студентов. Не потеряли своей актуальности до сих пор и методические рекомендации ученого по написанию курсовых работ по татарской литературе и методике ее преподавания в школе [Галимуллин. Татар..., 1987], изучению современной татарской литературы [Галимуллин. Хәзерге...].

В 1977 г. из-под пера ученого выходит статья, посвященная специфике работы на уроках татарской литературы в школе над образом человека труда. Ф. Галимуллин фиксирует внимание учителей на образе ученых в татарской литературе [Галимуллин. Методикабыз камилләшә].

В конце 1980-х годов Ф. Галимуллин выпускает ряд статей, в которых раскрывает пути обновления школьных программ по татарской литературе в школах с русским и родным языками обучения ([Галимуллин. Рус мәктәпләренә..., 1987], [Галимуллин. Үзгәреш...], ([Галимуллин. Рус мәктәпләренә..., 1991], [Галимуллин, 1992], [Галимуллин, 1997]. Из факультативного курса татарский язык и литература в русских школах в конце 1980 г. превращается в самостоятельный учебный предмет. Ф. Г. Галимуллин сыграл огромную роль в этом процессе ([Әхмәдуллин, 2016, с. 124], [Тимофеева, Габидуллина].

В соавторстве с коллегами ученый разрабатывает программы и линейку учебников и хрестоматий для учащихся-татар, обучающихся в средних и старших классах русских школ и школ с родным языком обучения. С полным перечнем этих трудов можно ознакомиться в специальной главе библиографического справочника ученого [Каләм белән гомер буйлап..., с. 83–85]. В разные годы Ф. Г. Галимуллин на ниве создания учебно-методических комплексов плодотворно сотрудничал как с сотрудниками вузов, так и с педагогами-практиками из школ. Ученый взял на вооружение идеи видных ученых-литературоведов и педагогов-методистов первой трети XX в. (Г. Тукай, Дж. Валиди, Г. Ибрагимов, Г. Сагди и др.). Для Ф. Г. Галимуллина приоритетным стало формирование историко-теоретико-

литературных знаний. Ученый является сторонником «знаниевого подхода» к освоению предмета. Ф. Г. Галимуллин разделяет идеи русских методистов второй половины XX века В. Я. Коровиной и Т. Ф. Курдюмовой о воспитании учащихся средствами литературы. Татарский ученый считал, что последовательное накопление знаний об эпохе, авторе, конкретном художественном тексте позволит ученику лучше постичь литературное произведение.

Структура учебников и хрестоматий, в разработке которых участвовал Ф. Г. Галимуллин, отвечает хронологическому-тематическому принципу. В них представлена «добротная классика». Бросается в глаза стремление ученого вернуть в школу «забытые имена» писателей и деятелей культуры. Так, Ф. Г. Галимуллин выступил с идеей монографического изучения творчества Гаяза Исхаки в школе. Татарские литературоведы всегда с похвалой отзывались об этой инициативе ученого [Әхмәдуллин, 2016, с. 124].

При подготовке обзорного материала о литературном наследии Г. Тукая, Дәрдемента, С. Рамиева, Н. Думави, Х. Такташа ученый-методист вырвался из тисков советской идеологии. Ф. Г. Галимуллин постарался максимально объективно представить картину развития татарской литературы первой трети XX в. Ученый попутно развенчивает бытовавшие десятилетиями в истории советской татарской литературы «мифы», как-то: игнорирование религиозных мотивов в творчестве Г. Тукая, расцвет творчества Х. Такташа после 1923 г.

Вопросы к тексту в учебниках и хрестоматиях ученого-методиста чаще всего выстроены в строгой логической последовательности. Они ориентированы на работу над идейно-тематическим содержанием. Ряд вопросов нацелен на формирование представления о системе персонажей, главном герое. Большинство вопросов носят этический характер.

В учебниках и хрестоматиях присутствуют задания, позволяющие учащимся познакомиться с творческой лабораторией того или иного татарского писателя, понять, как рождается художественный образ, «работает» слово в тексте. Большое внимание уделяется формированию навыков выразительного чтения.

По единодушному признанию татарских ученых, Ф. Г. Галимуллину уже в первой редакции своих учебников и хрестоматий удалось добиться гармонии в передаче содержания с простотой и выразительностью изложения учебного материала (см. подр.: [Әхмәдуллин], [Каюмова], [Мотыйгуллина], [Тимофеева, Габидуллина]). Сам ученый

признается, что работа над учебниками не прекращалась после их издания, в процессе их апробации в школе некоторые материалы дорабатывались и уточнялись [Галимуллин, 1995, с. 12].

Все учебно-методические комплексы, разработанные Ф. Г. Галимуллиным, нацелены на воспитание любви и уважения к татарской культуре, формирование самостоятельности и креативного мышления у учащихся. Пристальное внимание ученый уделяет и формированию этнокультурной компетенции, что выгодно отличает данные учебники от предшествующих. Так, при разработке темы «Татарская литература периода Великой Отечественной войны» ученый отбирает корпус художественных текстов, пронизанных духом любви к Отечеству, гражданским пафосом, отличающихся проникновенным лиризмом. Ф. Г. Галимуллин, разрабатывая круг вопросов, мотивирует учащихся на систематизацию знаний об участии татар в Великой Отечественной войне, особенно писателей, которые доказали свою преданность Родине не только пером, но и с оружием в руках. Многие из них пали на поле боя, некоторые вернулись домой с тяжелыми ранами, но каждый приближал победу и как поэт, и как гражданин. Высоко оценивая их заслугу, Ф. Г. Галимуллин с соавторами предлагает учащимся поразмышлять над следующими вопросами:

– Какую роль сыграла эта война в истории нашей страны? Как ее воспринимает народ, в том числе татарский народ?

– Какие героические поступки показывают татарстанцы в отечественной войне?

– Более 30 татарских писателей погибло на фронте. Кого из них вы можете назвать? Какие произведения были вами прочитаны? Какие особые запаши в душу?

– Назовите писателей, которые работали в фронтовых татарских газетах. Что вы про них знаете? [Татар әдәбияты. 11 сыйныф, 2016, с. 6].

В учебниках Ф. Г. Галимуллина огромное внимание уделяется вопросам диалога культур. Ученый знакомит учащихся со знаковыми произведениями тюркских литератур. Так, в разделе «Зарубежная литература» ученикам предлагается познакомиться с произведениями турецких писателей: Решата Нури Гунтеки «Королек – птичка певчая» [Татар әдәбияты. 11 сыйныф, 2016, с. 337], Орхана Памука «Имя мне – Красный», «Стамбул. Город воспоминаний». Подобного рода задания важны еще и потому, что экономические связи между Россией и Турцией достаточно крепки, а такие связи между странами почти всегда выливаются в

потребность более тесного знакомства с культурой, в том числе и литературой.

Ф. Г. Галимуллин оказал влияние на развитие методики преподавания татарской литературы в школе и вузе. Ученый является сторонником системного подхода, применение которого в школьном образовании в 1980–90-е гг. способствовало переходу системы литературного развития школьников-татар, обучающихся в школах с русским и татарским языком обучения, на новую ступень формирования литературного развития. Ф. Г. Галимуллин является автором ряда методических работ, среди которых встречаются научные статьи, программы, учебники, учебные хрестоматии, учебные пособия. Тематически они посвящены разработке проблем истории национальной педагогики и методики преподавания литературы в школе.

Список литературы

- Тимофеева Т. В., Габидуллина Ф. И. Творчество татарских писателей XX века в литературно-критической деятельности Фоата Галимуллина: описательный обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 8. С. 5–8.
- Әхмәдуллин А. Киң карашлы галим һәм жәмәгать эшлеклесе. Казан утлары. 2016. № 3. Б. 122–124.
- Галимуллин Ф. Лекторлык осталыгы: теориясе һәм практикасы. Татар теле һәм әдәбияты, рус теле һәм әдәбияты бүлеге студентлары өчен программа. Казан: КДПИның офсет лабораториясе, 1987. 18 б.
- Галимуллин Ф. Мәктәптә сәнгатьле уку. Студентлар өчен уку әсбабы. Казан: КДПИның офсет лабораториясе, 1984. 102 б.
- Галимуллин Ф. Рус мәктәпләренең IX классында татар әдәбияты дәресләрен планлаштыру // Совет мәктәбе. 1987. № 11. Б. 27–29.
- Галимуллин Ф. Татар совет әдәбиятынан курс эше: Студентлар өчен методик кулланма. Казан: КДПИның офсет лабораториясе, 1987. 47 б.
- Галимуллин Ф. Үзгәреш үзбездән тора: мәктәптә татар теле һәм әдәбиятын укуга мәсьәләләр турында // Социалистик Татарстан. 1987. 26 ноябрь. Б. 3.
- Галимуллин Ф. Укучыларны сәнгатьле укырга өйрәтү. Методик әсбаб. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. 86 б.
- Галимуллин Ф. Хәзерге татар әдәбиятын өйрәнх буенча методик күрсәтмәләр: студентларга мөстәкыйль эзерләнү өчен. Казан: КДПИның офсет лабораториясе, 1990. 46 б.
- Галимуллин Ф. «Житештерү һәм фән кешеләре» темасын өйрәнү мәсьәләсенә карата (Урта мәктәпнең X сыйныфында) // Совет мәктәбе. 1977. Б. 25–28.
- Галимуллин Ф. Әдәбият – сәнгать, аны шулай укытырга да кирәк // Мәгърифәт. 1997. 1 май. Б. 4.
- Галимуллин Ф. Калдың, югалдың, дип әйтә алмасын: әдәбият укуга мәсьәләләр хакында // Татарстан хәбәрләре. 1992. 20 май. Б. 4.
- Галимуллин Ф. Кафедрадан ижат мәйданына (КДПИның татар әдәбияты кафедрасының 50 еллыгы турында) // Социалистик Татарстан. 1976. 3 декабрь.
- Галимуллин Ф. Методикабыз камилләшә. (Ә. Нигъмәтуллинның «Урта мәктәптә татар әдәбиятын укытуның фәнни-методик нигезләре» исемле китабына (1983) баяләмә) // Социалистик Татарстан. 1984. 29 март.
- Галимуллин Ф. Ничек сәнгатьле укырга? Г. Тукайның «Китмибез!» шигыре мисалында // Мәгъриф. 1991. № 4. Б. 14–16.
- Галимуллин Ф. Рус мәктәпләренең X классында татар әдәбияты дәресләрен якынча планлаштыру // Мәгъриф. 1991. № 9. Б. 23–24.
- Галимуллин Ф. Сәнгатьле уку. КДПИның татар теле һәм әдәбияты, рус теле һәм әдәбияты бүлеге студентлары өчен программа. Казан: КДПИ, 1976. 20 б.
- Галимуллин Ф. Сәнгатьле уку. КДПИ студентлары өчен программа. Казан: КДПИ, 1994. 16 б.
- Галимуллин Ф. Сәнгатьле уку. Студентлар өчен программа. Казан: КДПУ. 2004. 14 б.
- Галимуллин Ф. Сәнгатьле уку. Татар теле һәм әдәбияты бүлеге студентлары өчен программа. Тулыландырылган икенче басма. Казан: КДПИның офсет лабораториясе, 1983. 10 б.
- Галимуллин Ф. Сәнгатьле укый беләсезме? (Икенче әңгәмә) // Совет мәктәбе. 1985. № 6. Б. 17–19.
- Галимуллин Ф. Сәнгатьле укый беләсезме? (Өченче әңгәмә) // Совет мәктәбе. 1987. № 5. Б. 18–21 б.
- Галимуллин Ф. Сәнгатьле укый беләсезме? / Беренче әңгәмә. // Совет мәктәбе. 1984. № 2. Б. 19–21.
- Галимуллин Ф. Үткәне данлы, киләчәге матур. КДПИның 100 еллыгына багышланган очерк // Казан утлары. 1976. № 10. Б. 182–186.
- Галимуллин Ф., Хатипов Ф. и др. Татар әдәбияты белеме. КДПИның татар әдәбияты кафедрасының 50 еллык тарихы турында // Казан дәүләт педагогия институтында фәнни тикшеренүләр. Казан: КДПИ, 1976. Б. 93–105.
- Каләм белән гомер буйлап...: Фоат Галимуллин хезмәтләренең библиографиясе / төз. А. Ф. Галимуллина, Л. И. Минһажева. Казань: РИЦ «Школа», 2018. 108 с.
- Каюмова Г. Фоат Галимуллинның заманча татар әдәбияты дәреслекләре төзүдәге роле // Татарская литература и культура в контексте взаимодействия национальных литератур и искусств (к 80-летию профессора Казанского федерального университета Ф. Г. Галимуллина): материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 26–27 марта 2021 г.) / под общ. ред. Ф. С. Сайфулиной. Казань: издательство Казанского университета, 2021. Б. 145–150.
- Мотыгуллина А. Р. Фоат Галимуллинның фәнни-методик эшчәнлеге // Татарская литература и культура в контексте взаимодействия национальных литератур и искусств (к 80-летию профессора Казанского федерального университета Ф. Г. Галимуллина): материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 26–27 марта 2021 г.) / под общ.

ред. Ф. С. Сайфулиной. Казань: Издательство Казанского университета, 2021. Б. 217–223.

Назмиева В.Г. Сəнгатле уку – милли культурабызга бер адым // Татарская литература и культура в контексте взаимодействия национальных литератур и искусств (к 80-летию профессора Казанского федерального университета Ф. Г. Галимуллина): материалы Международной научнопрактической конференции (Казань, 26–27 марта 2021 г.) / под общ. ред. Ф. С. Сайфулиной. Казань: издательство Казанского университета, 2021. С. 376–379.

Татар ədəбияты. 11 сыйныф: рус телендə гомуми белем бирү оешмалары өчен дəреслек (татар телен туган тел буларак өйрəнүче укучылар өчен) / авт. Ф. Г. Галимуллин, Л. И. Минһажева, Л. К. Хисмəтова. Казан: Татар. кит. нəшр., 2016. 359 б.

References

Ahmadullin, A. (2016). *Kin karashly galim hām jamagat' eshleklese* [A Prominent Scientist and a Public Figure]. *Kazan utlary*. No. 3, pp. 122–124. (In Tatar)

Galimullin, F. (1987). *Lektorlyk ostalygy: teoriyase hām praktikasy* [The Lector's Professionalism: Theory and Practice]. *Tatar tele hem edebiyaty, rus tele hem edebiyaty bulege studentlary uchen programma*. 18 p. Kazan, KDPInyn ofset laboratoriyase. (In Tatar)

Galimullin, F. (1984). *Mektepte sangat'le uku*. [Declamation in Schools]. *Studentlar uchen uku asbasy*. 102 p. Kazan KDPInyn ofset laboratoriyase. (In Tatar)

Galimullin, F. (1987). *Rus mekteplerenen IX klassynda tatar edebiyaty deresleren planlashtyru* [Planning Tatar Literature Lessons in the 9th Form of Russian Schools]. *Sovet mektebe*. No. 11, pp. 27—29. (In Tatar)

Galimullin, F. (1987). *Tatar sovet edebiyatynnan kurs eshe: Studentlar uchen metodik kullanna* [The Course Project on Tatar Soviet Literature. A Training Manual for Students]. *Kazan, KDPInyn ofset laboratoriyase*, 47 p. (In Tatar)

Galimullin, F. (1987). *Yzzgəresh yzebezdən tora: məktəptə tatar tele hām ədəbiyatın ukytu məs'ələləre turynda* [The Changes Depend on Us: On the Teaching of the Tatar Language and Literature in Schools]. *Sotsialistik Tatarstan*. 26 noiabr', p. 3. (In Tatar)

Galimullin, F. (1988). *Ukuchylarny sengat'le ukyrga uiretu* [Teaching Declamation to Schoolchildren]. *Metodik asbab*. 86 p. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)

Galimullin, F. (1990). *Hezerge tatar edebiyatyn ujrenu buencha metodik kursetmeler: studentlarga mustekyil' ezerlenu uchen* [The Methodological Guide for Teaching of Modern Tatar Literature: The Guide for Self-Study]. 46 p. Kazan, KDPInyn ofset laboratoriyase. (In Tatar)

Galimullin, F. (1977). *"Jiteshteru hem fen keshelere" temasyn ujranıy mes'elesene karata (Urta mektepnen X syinyfynda)* [On "Producers and Scientists" Themes Studies (in the 10th Form of Secondary School)]. *Sovet mektebe*. Pp. 25 – 28. (In Tatar)

Galimullin, F. (1997). *Edebiiat – sengat', any shulaj ukytyrga da kirak* [Language Means Art, We Need to Study It Like This]. *Magrifet*. 1 mai, p. 4. (In Tatar)

Galimullin, F. (1992). *Kaldyn, iugaldyn, dip eite almasyn: edebiiat ukytu mes'elelere hakynda* [You Can't Say that You Lost the Thing You Have Left: On the Issues of Literature Teaching]. *Tatarstan heberlere*. 20 mai, p. 4. (In Tatar)

Galimullin, F. (1976). *Kafedradan ijat məjdanyna (KDPInyn tatar edebiyaty kafedrasynyn 50 ellyg turynda)* [The Department in the Field of Creative Work (on the 50th Anniversary of Kazan State Pedagogical University's Tatar Literature Department)]. *Sotsialistik Tatarstan*. 3 dekabr'. (In Tatar)

Galimullin, F. (1984). *Metodikabyz kamilləshə. (Ə. Nigmatullinnyn "Urta mektepte tatar edebiyatın ukytunyn fenni-metodik nigezlere" isemle kitabyna (1983) bəyalama)* [Our Methodology is Getting Better (On A. Nigmatullin's Book "The Scientific-Methodological Foundations of Tatar Literature Teaching in Secondary Schools" (1983))]. *Sotsialistik Tatarstan*. 29 mart. (In Tatar)

Galimullin, F. (1991). *Nichek sangat'le ukyrga? G. Tukajny "Kitmibez!" shigyre misalynda* [How to Read Expressively? Based on "Kitmibez!" ("We Won't Go!") by G. Tukay]. *Megarif*. No. 4, pp. 14 – 16. (In Tatar)

Galimullin, F. (1991). *Rus mekteplerenen X klassynda tatar edebiyaty deresleren yakyncha planlashtyru* [The Approximate Planning of Tatar Literature Lessons in the 10th Form of Russian Schools]. *Megarif*. No. 9, pp. 23 – 24. (In Tatar)

Galimullin, F. (1976). *Sengat'le uku* [Declamation]. *KDPInyn tatar tele hem edebiyaty, rus tele hem edebiyaty bulege studentlary uchen programma*. 20 p. Kazan, KDPI. (In Tatar)

Galimullin, F. (1994). *Sengat'le uku* [Declamation]. *KDPI studentlary uchen programma*. 16 p. Kazan, KDPI. (In Tatar)

Galimullin, F. (2004). *Sengat'le uku* [Declamation]. *Studentlar uchen programma*. 14 p. Kazan, KDPU. (In Tatar)

Galimullin, F. (1983). *Sengat'le uku* [Declamation]. *Tatar tele hem edebiyaty bulege studentlary uchen programma*. Tulylandyrylgan ikenche basma. 10 p. Kazan, KDPInyn ofset laboratoriyase. (In Tatar)

Galimullin, F. (1985). *Sengat'le ukyj belesizme? (Ikenche engeme)* [Do You Know What Declamation Is? (The Second Conversation)]. *Sovet mektebe*. No. 6, pp. 17–19. (In Tatar)

Galimullin, F. (1987). *Sengat'le ukyj belesizme? (Uchenche engeme)* [Do You Know What Declamation Is? (The Third Conversation)]. *Sovet mektebe*. No. 5, pp. 18–21. (In Tatar)

Galimullin, F. (1984). *Sengat'le ukyj belesizme? (Berenche engeme)*. [Do You Know What Declamation Is? (The First Conversation)]. *Sovet məktəbe*. No. 2, pp. 19–21. (In Tatar)

Galimullin, F. (1976). *Ytkene danly, kilechege matur. KDPInyn 100 ellygyna bagyshlangan ocherk* [The Past Is Glorious, the Future Will Be Fine. An Essay on the 100 Anniversary of Kazan State Pedagogical University]. *Kazan utlary*. No. 10, pp. 182–186. (In Tatar)

Galimullin, F., Hatipov, F. et al. (1976). *Tatar ədəbiyatı beleme. KDPInyn tatar ədəbiyatı kafedrasynyn 50 ellyk tarihiy turynda* [The Tatar Literature Studies.

About the 50 Years History of Kazan State Pedagogical University's Tatar Literature Department]. Kazan deulet pedagogiia institutynda fenni tiksherenuler. Pp. 93–105. Kazan, KDPI. (In Tatar)

Kalām belān gomer bujlap...: Foat Galimullin hezmetlerenen bibliografiase (2018) [Uniting the Pen and the Life. Bibliography of Foat Galimullin's Works]. Collected by A. F. Galimullina, L. I. Minhājeva. 108 p. Kazan', RIC "Shkola". (In Tatar)

Kaïumova, G. (2021). *Foat Galimullinnyn zamancha tatar әдәбияты дәреслекләре төзүдәге role* [The Role of Foat Galimullin in Creation of Modern Textbooks on Tatar Literature]. Tatarskaia literatura i kul'tura v kontekste vzaimodeistviia nacional'nyh literatur i iskusstv (k 80-letiiu professora Kazanskogo federal'nogo universiteta F. Galimullina): materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Kazan', 26–27 marta 2021 g.). Pod obshch. red. F. S. Saifulinoy. Kazan', izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, pp.145–150. (In Tatar)

Motyullina, A. R. (2021). *Foat Galimullinnyn fenni-metodik eshchenlege* [Foat Galimullin's Activities in the Scientific-Methodological Sphere]. Tatarskaia literatura i kul'tura v kontekste vzaimodeistviia nacional'nyh literatur i iskusstv (k 80-letiiu professora Kazanskogo federal'nogo universiteta F. Galimullina): materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Kazan', 26–27 marta 2021 g.). Pod obshch. red. F. S. Saifulinoy. Kazan',

izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, pp. 217–223. (In Tatar)

Nazmieva, V. G. (2021). *Səngat'le uku – milli kul'turabyzga ber adym* [Declamation Is a Step to Our National Culture]. Tatarskaia literatura i kul'tura v kontekste vzaimodeistviia nacional'nyh literatur i iskusstv (k 80-letiyu professora Kazanskogo federal'nogo universiteta F. Galimullina): materialy Mezhdunarodnoi nauchnoprakticheskoi konferentsii (Kazan', 26–27 marta 2021 g.). Pod obshch. red. F. S. Saifulinoy. Pp. 376–379. Kazan', izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. (In Tatar)

Tatar edebiyaty. 11 syjnyf: rus telende gomumi belem biry oeshmalary uchen dereslek (tatar telen tугan tel bularak ujrānyche ukuchylar uchen) (2016) [Tatar Literature. 11th Form: For the Russian Language Secondary Schools (for Tatar Native Speakers)]. Avt. F. G. Galimullin, L. I. Minhājeva, L. K. Hismetova. 359 p. Kazan, Tatar. kit. neshr. (In Tatar)

Timofeeva, T. V., Gabidullina, F. I. (2020). *Tvorchestvo tatarskih pisatelei XX veka v literaturno-kriticheskoi deyatel'nosti Foata Galimullina: opisatel'nyi obzor* [Works of Tatar Writers of the Twentieth Century in the Literary and Critical Activity of Foat Galimullin: A Descriptive Review]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, Gramota, Tom 13. Vypusk, pp. 5–8. (In Russian)

The article was submitted on 31.01.2021

Поступила в редакцию 31.01.2021

Каюмова Гелюся Фаридовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
gulfar21@mail.ru

Мотигуллина Альфия Рухулловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Поволжская государственная академия
физической культуры, спорта и туризма,
420010, Россия, Казань,
Деревня Универсиады, 35.
alfiya311065@mail.ru

Kayumova Gelyusya Faridovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
gulfar21@mail.ru

Motigullina Alfiya Rukhullova,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Volga State Academy of Physical Education,
Sports and Tourism,
35 Universiade Village, Kazan, 420010,
Russian Federation.
alfiya311065@mail.ru

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-237-243
УДК 811.161.1-243

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКИХ МУЛЬТФИЛЬМОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

© Ольга Шкурко, Юлия Мельник

LINGUODIDACTICAL POTENTIAL OF RUSSIAN CARTOONS IN THE CLASSES OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Olga Shkurko, Yulia Melnik

The article discusses the advantages of using video materials with foreign students. According to the authors, it is effective to use short cartoons in an RFL lesson, including beginner level students. Such work helps to increase students' motivation, assimilation and consolidation of new and previously studied material (lexical, grammatical, phonetic and regional studies), and develops students' listening and speaking skills by involving them in conversations and discussions, making the learning process more interesting as a whole. The authors propose methodological guidelines for the cartoon "Masha and the Bear" (the episodes "Bless you!" and "One, two, three! Shine, Christmas tree!"). The cartoon is offered for watching in the classroom as a part of the study of the relevant lexical topics. The work is carried out without the help of L1 (students' native language). Our target audience is cadets of the preparatory course of the military university (far abroad), aged 18-20 years. Their language proficiency level is A1-A2. The presented tasks allow us to intensify the teaching process, make classes more interesting and dynamic. The authors have come to the conclusion that the use of short-length Russian cartoons in the lessons of Russian as a foreign language contributes to an increase in the effectiveness of teaching.

Keywords: Russian as a foreign language, video materials, EFL, types of speech activity, listening.

В статье рассматриваются преимущества использования видеоматериалов в иностранной аудитории. По мнению авторов, эффективным является использование на занятии по РКИ коротких мультфильмов, в том числе на начальном этапе обучения. Такая работа способствует повышению мотивации обучающихся, усвоению и закреплению нового и ранее изученного материала (лексического, грамматического, фонетического и страноведческого), а также развивает навыки аудирования, устной речи путем привлечения к участию в беседах и дискуссиях, делая процесс обучения в целом более интересным. Авторы предлагают методические разработки к мультфильму «Маша и медведь» (серии «Будьте здоровы!» и «Раз, два, три! Елочка, гори!»). Мультфильм предлагается к просмотру на занятии в рамках изучения соответствующих лексических тем. Работа проводится без языка-посредника. Целевая аудитория – курсанты подготовительного курса военного университета (дальнее зарубежье), возраст – 18-20 лет. Уровень владения языком – A1-A2. Представленные задания позволяют активизировать процесс преподавания, сделать занятия интересными и более динамичными. Авторы приходят к выводу, что использование короткометражных российских мультфильмов на занятии по русскому языку как иностранному способствует повышению эффективности обучения.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, видеоматериалы, РКИ, виды речевой деятельности, аудирование.

Преподаватели русского языка как иностранного все чаще в своей деятельности обращаются к использованию аудиовизуальных средств, к которым относятся, в частности, видеофильмы, мультфильмы, кинофрагменты и другие видеоматериалы, аудиозаписи и др. Наиболее часто практикующие преподавателя РКИ привлекают в учебный процесс аутентичные видеоматериалы.

О том, что проблема отбора аутентичных видеоматериалов, описание методики работы с ними не теряет своей актуальности, свидетельствует регулярное появление новых научно-исследовательских, учебных и учебно-методических материалов [Абдрахманова], [Дмитриева], [Закарлюка, Вашутина], [Кашпирева], [Коноваленко, Шкурко], [Литвиненко], [Редькина], [Романова,

Амелина, Черкашина], [Саркисян], [Трушина], [Федяева, Бесценная]. Кратко проанализируем взгляды исследователей на ряд преимуществ аудиовизуальных средств в преподавании РКИ. К примеру, Е. В. Федяева и В. В. Бесценная считают, что использование видеоматериалов в преподавании РКИ способствует повышению эффективности восприятия информации, вносит разнообразие в учебный процесс, активизирует психические процессы (внимание, мышление, память), повышает учебную мотивацию [Федяева, Бесценная, с. 27]. По мнению М. А. Кочеровой и О. А. Сметаниной, использование аудиовизуальных средств положительно сказывается на понимании беглой разговорной речи; повышает мотивацию к изучению языка; позволяет обучающимся активно включаться в обсуждение, что способствует развитию навыков говорения и письма; служит дополнительным источником для изучения межкультурных различий [Кочерова, Сметанина, с. 136]. Г. А. Воробьева, Л. А. Батурина говорят о том, что с помощью аудиовизуальных средств возможно «внести в занятия элементы разнообразия и занимательности благодаря яркости и экспрессивности зрительно-слуховых образов, познавательной ценности учебного материала, возможности осуществлять обучение с учётом индивидуальных особенностей учащихся» [Воробьева, Батурина, с. 165].

Методисты сходятся во мнении о том, что аудиовизуальные средства способствуют повышению эффективности учебного процесса, развивают как репродуктивные, так и продуктивные виды речевой деятельности, помогают усвоению и закреплению лексического, грамматического, фонетического и страноведческого материала и др. В литературе описана целесообразность использования аудиовизуальных средств, в частности короткометражных мультфильмов, на всех этапах обучения. Отмечается, что, даже не имея достаточного лексического запаса, испытывая некоторые трудности с аудированием, обучающиеся могут понять общий смысл ситуации, в том числе по мимике и жестам героев, по окружающей их обстановке. При работе с мультфильмами немаловажным представляется развлекательный аспект, так как усвоение содержащейся в них лингвострановедческой и лингвокультурологической информации происходит в игровой форме, применяемой преподавателями при обучении продуктивным видам речевой деятельности. Вопросами включения мультимедийных фильмов в практику преподавания русского языка как иностранного занимаются такие исследователи, как С. А. Булгакова [Булгакова], А. С. Куркина [Кур-

кина], А. Д. Смелова, Т. Ю. Уша [Смелова, Уша] и другие.

Почему преподаватели, работающие в университетах на подготовительных курсах, желая разнообразить учебный процесс, часто отдают предпочтение работе именно с мультфильмами? Причина обычно кроется в недостатке времени, так как преподаватели часто ограничены жесткими рамками программы обучения. Иногда преподаватель, предлагая обучающимся самостоятельно посмотреть тот или иной фильм во внеучебное время, дальнейшую работу проводит на занятии. Но такая работа нередко оказывается малоэффективной с лингводидактической точки зрения, так как при самостоятельном просмотре обучающиеся часто теряют интерес, упускают из вида важные детали, не понимают сюжетную линию, испытывают затруднения с дешифровкой лингвокультурологических кодов. Работа с мультимедийным фильмом «часто снимает эту проблему, так как его продолжительность обычно невелика и позволяет просмотреть мультфильм и провести необходимую работу непосредственно на занятии, под руководством преподавателя» [Мельник, с. 192].

Заметим, что при выборе мультфильма преподавателю необходимо учитывать возрастные особенности обучающихся, их интересы, уровень владения языком, художественную ценность материала. Кроме того, на начальных этапах обучения важно иметь в виду, какие лексические темы еще изучаются, а какие уже изучены, необходимо уделять пристальное внимание лексикограмматическому материалу мультфильма.

В большинстве методических пособий традиционно представлены такие этапы работы с видеофильмами (мультфильмами) на уроке русского языка как иностранного: преддемонстрационный, демонстрационный и последедемонастрационный. Вслед за Т. Б. Кашпиревой мы именуем данные этапы так: «Готовимся к просмотру», «Проверяем понимание» и «Обсуждаем» [Кашпирева, с. 108–109].

Представим методические разработки к сериям «Будьте здоровы!» (1 сезон, 15 серия) и «Раз, два, три! Елочка, гори!» (1 сезон, 3 серия) [«Маши и медведь»]. Работа проводится без языкопосредника. Целевая аудитория – курсанты подготовительного курса военного университета (далее зарубежье), возраст – 18–20 лет. Уровень владения языком – А1–А2. Учитывается изучаемая на занятии лексическая тема.

Как показывает практика, данный мультсериал обычно нравится обучающимся, вызывает положительный эмоциональный отклик с их стороны. Курсанты с интересом включаются в работу,

так как часто этот мультфильм знаком им (смотрели его в родной стране на родном языке).

«Будьте здоровы!» (1 сезон, 15 серия)

Мультфильм предлагается к просмотру на занятии в рамках изучения лексической темы «Здоровье» (на завершающем этапе) [Маша и медведь].

Преддемонстрационный этап. Готовимся к просмотру.

Задание 1. Преподаватель предлагает обучающимся посмотреть мультфильм «Маша и медведь» и задает такие вопросы: Скажите, пожалуйста, смотрели ли вы этот мультфильм раньше? Кто герои этого мультфильма? Какой у них характер? Вам нравится этот мультфильм? Почему?

Затем обучающимся предлагается прочитать название мультфильма и ответить на следующие вопросы: Когда люди говорят «Будьте здоровы!»? Военные говорят «Будьте здоровы!»? Предположите, о чём этот мультфильм?

Задание 2. Посмотрите на фото. Прочитайте слова и выражения. Соотнесите их с фото (преподаватель использует заранее подготовленный иллюстративный материал):

пить чай с малиной / больной (он болен) / здоровый (он здоров) / доктор / постельный режим / у него высокая температура / лекарство / скорая помощь

Задание 3. Какие слова являются для вас новыми? Переведите, запишите их в тетрадь:

лечить-вылечить / болеть-заболеть / нарушать-нарушить / осматривать-осмотреть / чихать-чихнуть / лежать-лечь / измерять-измерить

Задание 4. Найдите соответствия.

нарушать	лекарство
осматривать	чай с малиновым вареньем
пить	укол
назначать	больной
принимать	постельный режим
сделать	скорая помощь
вызывать	лечение
измерять	температуру

Демонстрационный этап. Проверяем понимание.

Во время просмотра мультфильма преподаватель может останавливать видео 2-3 раза, проверяя понимание каждого из фрагментов (в форме беседы). Другой вариант: просмотр всей серии целиком – ответы на вопросы – повторный просмотр.

Задание 5. Посмотрите мультфильм и ответьте на вопрос: «Что случилось с медведем?»

Задание 6. Какие из утверждений соответствуют содержанию мультфильма?

1) Медведь был болен. 2) Медведь пил чай с малиновым вареньем. 3) Маша сделала медведю укол. 4) Медведь принимал лекарство. 5) У медведя была высокая температура. 6) Медведь нарушал постельный режим. 7) Маша вызвала скорую помощь. 8) Медведь обманывал Машу. 9) Маша хорошо лечила медведя.

Последемонстрационный этап. Обсуждаем.

Задание 7. Ответьте на вопросы (выполнение этого задания возможно после повторного просмотра серии):

1) Почему Маша решила, что Миша болен? 2) Как Маша лечила Мишу? 3) Как Миша соблюдал постельный режим? 4) Почему Маша сделала Мише укол? 5) Кого позвала Маша на помощь? 6) Медведю нравился постельный режим? Почему? 7) Правильно или неправильно поступил медведь? 8) Вы когда-нибудь делали так же, как медведь? Может быть, в детстве?

Задание 8. Расскажите, что вы обычно делаете, когда больны.

Задание 9. Что вы посоветуете курсанту, который заболел?

Задание 10. Придумайте и напишите другой конец этой истории (5-7 предложений).

«Раз, два, три! Елочка, гори!» (1 сезон, 3 серия)

Мультфильм предлагается к просмотру на занятии в рамках изучения лексической темы «Праздники. Поздравления» (на завершающем этапе) [«Маша и медведь»]. За сравнительно короткое время курсантов можно познакомить с культурой и традициями русского народа, в частности со встречей Нового года, любимого праздника россиян.

Преддемонстрационный этап. Готовимся к просмотру.

Задание 1. Преподаватель предлагает обучающимся посмотреть мультфильм «Маша и медведь» и задает следующие вопросы, добываясь максимально развернутых ответов: Скажите, пожалуйста, смотрели ли вы этот мультфильм раньше? Кто герои этого мультфильма? Какой у них характер? Это веселый мультфильм? Почему? Какие русские праздники вы уже знаете? На какой праздник в России украшают елку и говорят «С Новым годом!»? А в вашей стране есть такая традиция?

Далее преподаватель предлагает обучающимся прочитав название мультфильма и объяснить, как они его понимают.

Задание 2. Прочитайте слова и выражения, соотнесите их с фото (преподаватель готовит иллюстративный материал заранее):

елочка (елка) / подарки / петарды / фейерверк / Дед Мороз / Снегурочка / праздник Новый год

Задание 3. Какие слова являются для вас новыми? Переведите, запишите их в тетрадь:

украшать-украсить (что?) / портить-испортить (что?) / праздновать-отпраздновать (что?) / дарить-подарить (что? кому? когда?) / помогать-помочь (кому?) / поздравлять-поздравить (кого? с чем?)

Задание 4. Найдите соответствия. Какие есть варианты?

украшать	подарки
праздновать	елку
дарить	подарки
испортить	Деду Морозу
помогать	Новый год

Задание 5. Придумайте предложения по модели:

1) Кто? дарит что? кому? 2) Кто? помогает кому? что делать? 3) Кто? празднует что? 4) Кто? украшает что? 5) Кто? испортил что?

Задание 6. Посмотрите на фото и опишите героев. Кто из них вам нравится или не нравится? Почему? (преподаватель использует заранее подготовленный иллюстративный материал):

Демонстрационный этап. Проверяем понимание.

Во время просмотра мультфильма преподаватель может останавливать видео 2-3 раза, проверяя понимание каждого из фрагментов (в форме беседы). Другой вариант: просмотр всей серии целиком – ответы на вопросы – повторный просмотр.

Задание 7. Ответьте на вопросы (выполнение этого задания возможно после повторного просмотра серии): 1) Что делали Маша и Миша дома? 2) Что случилось у Медведя дома? 3) Что случилось с Дедом Морозом? 4) Почему Маша и Медведь дарили всем подарки? 5) Какой самый весёлый праздник в России?

Задание 8. Какие из утверждений соответствуют содержанию мультфильма?

1) Дед Мороз украшал дом. 2) Миша испортил новогоднюю ёлку. 3) Дед Мороз подарил подарок белке. 4) Маша виновата в том, что Дед Мороз не смог подарить подарки. 5) Дед Мороз болен. 6) Миша и Маша дарят всем подарки. 7) Маша и Медведь подарили подарки зайцу, ежику, еноту и волку. 8) Звери были очень рады по-

даркам. 9) Маше нравится быть Снегурочкой. 10) Дед Мороз пел песни.

Последемонстрационный этап. Обсуждаем.

Задание 9. Ответьте на вопросы:

1) Почему Миша украшал свой дом? 2) Почему Маша испортила новогоднюю ёлку? 3) Что случилось с Дедом Морозом? 4) Кому подарили подарки Миша и Маша? 5) В вашей стране дарят подарки на Новый год? 6) Какой праздник в вашей стране самый главный, самый любимый, самый веселый?

Задание 10. Прочитайте начало текста и закончите его (5-7 фраз):

Самый веселый праздник в России – это Новый год. Миша и Маша тоже любят Новый год. Однажды они пригласили в гости всех лесных зверей. Миша нарядил ёлку, приготовил подарки... (Расскажите, что было дальше).

Задание 11. Расскажите, как в вашей стране празднуют Новый год.

Таким образом, представленные на основе российских мультфильмов задания позволяют активизировать процесс преподавания, сделать занятия по русскому языку как иностранному интересными и более динамичными. Считаем, что это один из способов повышения эффективности обучения. Материал для работы отбирается в соответствии с изучаемой (изученной) лексической темой («Здоровье», «Праздники. Поздравления»), с учетом возраста (18-20 лет), интересов аудитории (вводятся элементы военной компоненты) и уровня владения языком (А1-А2). Представленные задания позволяют активизировать процесс преподавания, сделать занятия интересными и более динамичными.

Список литературы

Абдрахманова И. Э. Дидактические возможности аудиовизуальных средств как ретрансляторов российской культуры на занятиях по русскому языку как иностранному // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 7 (75). С. 207–211.

Булгакова С. А. Работа с мультфильмом на уроке РКИ // Слово. Предложение. Текст: анализ языковой культуры. 2015. № 8. С.13–18.

Воробьева Г. В., Батурина Л. А. Язык кино в обучении иностранцев русской речи // Высшее образование в России. 2012. № 6. С.165–167.

Дмитриева Д. Д. Использование видеоматериалов в процессе обучения иностранных студентов русскому языку (на примере мультипликационных фильмов

// Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. №2 (31). С. 71–73.

Закарлюка В. А., Ващутина О. Ю. Формирование навыков аудирования при обучении русскому языку как иностранному с использованием аудиовизуального материала // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. Материалы III Международной научно-методической конференции: в 2 томах. Омский автобронетанковый инженерный институт. 2017. С. 237–244.

Кашипова Т. Б. Поговорим «Про любовь»: формирование лингвокультурной компетенции учащихся, изучающих русский язык как иностранный / Мир русского слова. 2017. № 3. С. 106–111.

Коноваленко И. В., Шкурко О. В. Работа с фильмом «Калашников» на уроках РКИ (предпросмотровая работа). // Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации. Сборник трудов XI международной научно-практической конференции. 2020. С. 53–57.

Кочерова М. А., Сметанина О. А. Дидактические возможности использования мультипликационных фильмов в обучении русскому языку как иностранному // Диалог культур. Теория и практика преподавания языков и литератур. VI Международная научно-практическая конференция. 2018. С. 136–139.

Куркина А. С. Анимационные фильмы Александра Петрова в рамках уроков русского языка как иностранного // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся. 2010. Т. 1. № 1. С. 130–136.

Литвиненко Ю. Ю. Методический потенциал аудиовизуальных средств на занятиях по русскому языку как иностранному (из опыта работы) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. № 4 (13). С. 81–82.

«Маша и медведь» (мультипликационный сериал). URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLXnIohISHNIuFE4V3He1eQupytqyqSMD-> (дата обращения: 05.11.2020).

Мельник Ю. А. Мультфильм-сказка на занятии по русскому языку как иностранному: проблемный подход // Филология и культура. 2016. №3 (45). С. 190–195.

Редькина О. Ю. «Приключения Незнайки и его друзей» Н. Носова на уроках РКИ / Lingua mobilis. 2016. № 1 (54). С. 33–38.

Романова Н. Н., Амелина И. О., Черкашина Т. Т. Оптимизация работы с аутентичными аудиовидеоматериалами на занятиях по русскому языку как иностранному // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2018. Т. 8. № 2 (27). С. 83–92.

Саркисян И. Р. Коррекция фонетической интерференции учащихся-армян с помощью фонохрестоматий // Актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного в вузе. Материалы Третьей международной научно-методической конференции. Москва: Изд-во «МГИМО – Университет», 2014. С. 380–384.

Смелова Д. А., Уша Т. Ю. Мультипликационный фильм «Трое из Простоквашино»: Методическая разработка к аудиовизуальному курсу: Для студентов-иностранцев и преподавателей РКИ. СПб: Сударыня, 2005. 37 с.

Трушина Е. А. Работа с видеофрагментами из художественного фильма на занятиях по русскому языку как иностранному в военном вузе // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. Сборник материалов V Международной научно-методической конференции. Военная академия материально-технического обеспечения имени А.В. Хрулева, Омский автобронетанковый инженерный институт. 2019. С. 326–331.

Федяева Е. В., Бесценная В. В. Использование видеоматериалов на занятиях РКИ (на примере видеофрагментов сериала «Кадетство») // Инновационное образование и экономика. 2015. № 19. С. 27–29.

References

Abdrakhmanova, I. E. (2009). *Didakticheskie vozmozhnosti audiovizual'nykh sredstv kak retransliatorov rossiiskoi kul'tury na zaniatiiakh po russkomu iazyku kak inostrannomu* [Didactic Possibilities of Audiovisual Means as Repeaters of Russian Culture in Classes in Russian as a Foreign Language]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. No. 7 (75), pp. 207–211. (In Russian)

Bulgakova, S. A. (2015). *Rabota s mul'til'mom na uroke RKI* [Working with a Cartoon in an RFL Lesson]. *Slovo. Predlozhenie. Tekst: analiz iazykovoi kul'tury*. No. 8, pp. 13–18. (In Russian)

Dmitrieva, D. D. (2020). *Ispol'zovanie videomaterialov v protsesse obucheniia inostrannykh studentov russkomu iazyku (na primere mul'tiplikatsionnykh fil'mov)* [Use of Video Materials in the Process of Teaching Foreign Students Russian Language (on the Example of Cartoon Films)]. *Baltiiskii humanitarnyi zhurnal*. T. 9. No. 2 (31), pp. 71–73. (In Russian)

Fediaeva, E. V., Bestsenina, V. V. (2015). *Ispol'zovanie videomaterialov na zaniatiiakh RKI (na primere videofragmentov seriala "Kadetstvo")* [Use of Video in the Classroom for Russian as a Foreign Language (on the Example Samples Show "Kadetstvo")]. *Innovatsionnoe obrazovanie i ekonomika*. No. 19, pp. 27–29. (In Russian)

Kashpireva, T. B. (2017). *Pogovorim "Pro liuboff": formirovanie lingvokul'turnoi kompetentsii uchashchikhsia, izuchaiushchikh russkii iazyk kak inostrannyi* [Let's Talk "Pro Lyuboff" (About Love): The Formation of Linguocultural Competence of Russian as a Foreign Language Students]. *Mir russkogo slova*, No. 3, pp. 106–111. (In Russian)

Kocherova, M. A., Smetanina, O. A. (2018). *Didakticheskie vozmozhnosti ispol'zovaniia mul'tiplikatsionnykh fil'mov v obuchenii russkomu iazyku kak inostrannomu* [Didactic Possibilities of Using Animated Films in Teaching Russian as a Foreign Language]. *Dialog kul'tur. Teoriia i praktika prepodavaniia iazykov i*

literatur. VI Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia, pp.136–139. (In Russian)

Konovalevskii, I. V., Shkurko, O. V. (2020). *Rabota s fil'mom "Kalashnikov" na urokakh RKI (predprosmotrovaia rabota)* [Working with the Film "Kalashnikov" in the Lessons of RFL (Preview Work)]. V sbornike: Osnovnye voprosy lingvistiki, lingvodidaktiki i mezhkul'turnoi kommunikatsii. Sbornik trudov XI mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, pp. 53–57. (In Russian)

Kurkina, A. S. (2010). *Animatsionnye fil'my Aleksandra Petrova v ramkakh urokov russkogo iazyka kak inostrannogo* [Animated Films by Alexander Petrov as a Part of the Lessons of Russian as a Foreign Language]. Problemy prepodavaniia filologicheskikh distsiplin inostrannym uchashchimsia. T. 1, No. 1, pp. 130–136. (In Russian)

Litvinenko, Iu. Iu. (2016). *Metodicheskii potentsial audiovizual'nykh sredstv na zaniatiiakh po russkomu iazyku kak inostrannomu (iz opyta raboty)* [Methodical Potential of Audiovisual Aids at the lessons of Russian as a Foreign Language (based on working experience)]. Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia. No. 4 (13), pp. 81–82. (In Russian)

"Masha and the Bear" (animated series). URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLXnIohISHNIuFE4V3HeIeQupytiyqSMD> - (accessed: 05.11.2020). (In Russian)

Melnik, Yu. A. (2016). *Mul'tfil'm-skazka na zaniatii po russkomu iazyku kak inostrannomu: problemnyi podkhod* [Animated Fairy Tales in the Lessons of Russian as a Foreign Language: Problem Training]. Filologiya i kul'tura, No. 3 (45), pp. 190–195. (In Russian)

Redkina, O. Yu. (2016). "Priklucheniya Neznaiki i ego друзей" N. Nosova na urokakh RKI ["The Adventures of Dunno and His Friends" by N. Nosov in the Lessons of Russian as a Foreign Language]. Lingua mobilis. No. 1 (54), pp. 33–38. (In Russian)

Romanova, N. N., Amelina, I. O., Cherkashina, T. T. (2018). *Optimizatsiia raboty s autentichnymi audiovideomaterialami na zaniatiiakh po russkomu iazyku kak inostrannomu* [Optimization of Work with Authentic Audio and Video Materials at the Lessons of Russian as a Foreign Language]. Izvestiia Iugo-Zapadnogo

gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika. T. 8, No. 2 (27), pp. 83–92. (In Russian)

Sarkisian, I. R. (2014). *Korreksiia foneticheskoi interferentsii uchashchikhsia-armian s pomoshch'iu fonokhrestomatii* [Correcting Phonetic Interference in Armenian Students Using Phono-Chrestomatics]. Aktual'nye problemy prepodavaniia russkogo iazyka kak inostrannogo v vuze. Materialy Tret'ei mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii. Moskva, izd-vo "MGIMO – Universitet", pp. 380 – 384. (In Russian)

Smelova, D. A., Usha, T. Iu. (2005). *Mul'tiplikatsionnyi fil'm "Troie iz Prostokvashino": Metodicheskaiia razrabotka k audiovizual'nomu kursu: Dlia studentov-inostrantsev i prepodavatelei RKI*. [Animated Film "Three from Prostokvashino": A Methodological Guidebook for the Audiovisual Course: For foreign students and teachers of RFL]. St. Petersburg, Sudarynia, 37 p. (In Russian)

Trushina, E. A. (2019). *Rabota s videofragmentami iz khudozhestvennogo fil'ma na zaniatiiakh po russkomu iazyku kak inostrannomu v voennom vuze* [Working with Video Clips from Feature Films in the Lessons of Russian as a Foreign Language at a Military University]. Problemy modernizatsii sovremennogo vysshego obrazovaniia: lingvisticheskie aspekty. Sbornik materialov V Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii. Voennaia akademiia material'no-tekhnicheskogo obespecheniia imeni A. V. Khruleva, Omskii avtobronetankovyi inzhenernyi institute, pp. 326–331. (In Russian)

Vorob'eva, G. V., Baturina, L. A. (2012). *Iazyk kino v obuchenii inostrantsev russkoi rechi* [The Language of Cinema in Teaching Russian to Foreigners]. Vysshee obrazovanie v Rossii. No. 6, pp. 165–167. (In Russian)

Zakarliuka, V. A., Vashutina, O. Iu. (2017). *Formirovanie navykov audirovaniia pri obuchenii russkomu iazyku kak inostrannomu s ispol'zovaniem audiovizual'nogo materiala* [Formation of Listening Skills in Teaching Russian as a Foreign Language Using Audiovisual Materials]. V sbornike: Problemy modernizatsii sovremennogo vysshego obrazovaniia: lingvisticheskie aspekty. materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii: v 2 tomakh. Omskii avtobronetankovyi inzhenernyi institute, pp. 237–244. (In Russian)

The article was submitted on 19.01.2021

Поступила в редакцию 19.01.2021

Шкурко Ольга Васильевна,
кандидат педагогических наук,
доцент,
Омский автобронетанковый
инженерный институт,
644098, Россия, Омск,
п. Черёмушки, 14 Военный городок.
shkurkolga@mail.ru

Shkurko Olga Vasilevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
The Omsk Armored Vehicle
Engineering Institute,
14 Cheryomushki, Military Town,
Omsk, 644098, Russian Federation.
shkurkolga@mail.ru

Мельник Юлия Александровна,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
Военный университет МО РФ,

123001, Россия, Москва,
Б. Садовая, 14.
uliya0783@mail.ru

Melnik Yuliya Alexandrovna,
Ph.D. in Philology,
Senior Lecturer,
The Military University of the Ministry
of Defense of the Russian Federation,
14 Bolshaya Sadovaya Str.,
Moscow, 123001, Russian Federation.
uliya0783@mail.ru

РУКОВОДСТВО ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения

Научный журнал «Филология и культура. *Philology and Culture*» публикует статьи по следующим разделам:

- филологические науки;
- психологические науки;
- педагогические науки.

Журнал «Филология и культура. *Philology and Culture*» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его высоким научным критериям (актуальность, научная новизна и др.). В тексте статей следует отдавать предпочтение ссылкам на публикации последних 15 лет. В журнале печатаются материалы, которые не опубликованы и не переданы в другие редакции.

Все статьи проходят рецензирование. Результаты рецензирования и решение редколлегии о принятии представленной статьи к публикации в журнале «Филология и культура. *Philology and Culture*» сообщаются авторам по электронной почте.

Небольшие исправления стилистического и формального характера вносятся в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или статья направляется авторам на доработку.

Рукописи авторам не возвращаются.

Порядок приема и движения рукописи

Редакция журнала принимает статьи исключительно в электронном виде (формат Word, файл типа .doc) на электронный адрес журнала: journal@ifi.kpfu.ru

Научные статьи должны быть объемом от 20 000 до 40 000 знаков (с пробелами).

Аннотация на русском и английском языках должна включать характеристику основной темы, проблемы, стоящие перед автором, цели работы и ее результаты. Не рекомендуется приводить цитаты из текста статьи. Средний объем аннотации от 150 до 250 слов. В тексте аннотации должны быть использованы все ключевые слова (5–7 понятий, терминов и имен собственных).

В конце статьи приводится краткая информация об авторе на русском и английском языках:

- фамилия, имя, отчество (жирным шрифтом),
- научная степень (если есть),
- должность, место работы с указанием почтового адреса, e-mail (данные – 12 кегль, почтовый адрес – 10 кегль).

Образец:

Иванов Петр Александрович,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ivamariak@mail.ru

Ivanov Petr Aleksandrovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ivamariak@mail.ru

Художественные тексты, исторические источники должны быть на языке оригинала, при переводе текста указывается автор перевода.

Образец:

(перевод наш. – П. И., М. А.)

Качество иллюстраций должно быть максимальным (не ниже 600 dpi). Иллюстрации прилагаются к статье отдельным файлом в формате jpeg и должны быть с подписями на русском и английском языках, указанием места иллюстрации в статье. Подписи к иллюстрациям дублируются в отдельном файле.

После того как рукопись пройдет двойное «слепое» рецензирование, мнение рецензента сообщается автору.

Анкета статьи должна быть заполнена следующим образом:

ФИО автора / Author

Организация / Organization

Страна / Country

Город / City

E-mail:

Наименование статьи / Title of article

Аннотация / Abstract

Ключевые слова / Keywords

Библиографический список оформляется следующим образом:

– Список литературы (по центру);

– труды должны быть представлены в алфавитном порядке: сначала указывается литература на русском языке, затем – на иностранном языке (согласно алфавиту английского языка);

– References (по центру);

– транслитерированный список литературы (порядок должен быть изменен согласно алфавиту английского языка).

Просьба оформлять научные статьи по следующему образцу:

Текст научной статьи должен быть оформлен на листе формата А4 по ГОСТ 9327-60, ориентация книжная, шрифт Times New Roman, кегль 14. Межстрочный интервал 1,5.

– Формат MS Word

– Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2 см.

– Абзацный отступ – 1,25.

– Выравнивание текста статьи по ширине.

Межбуквенный интервал – обычный.

Квадратные скобки – на латинской клавиатуре.

Межсловный пробел – в один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях т. е., т. п., т. д.

Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: М., 1995. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: А. С. Пушкин.

Дефис должен отличаться от тире, например: литературно-художественный (дефис), русская литература конца XIX – начала XX века (тире с пробелами слева и справа, без пробелов – в числах и датах, например: 1960–1970 гг., с. 52–65).

Кавычки в тексте статьи:

– французские («елочки»), внутри цитаты – немецкие („лапки“).

Образец:

«Роман И. С. Тургенева „Отцы и дети“ был опубликован в журнале „Русский вестник“».

– при переводе значения иноязычного слова используют английские одиночные (‘марровские’) кавычки.

Образец:

Критика в комментарии может быть также выражена при помощи лексемы *leider* ‘к сожалению’.

– в тексте на иностранном языке употребляются “английские двойные кавычки”.

Образец:

I. S. Turgenev’s novel “Fathers and Sons” was published in the journal “Russian Messenger”.

Точка, запятая и точка с запятой при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски.

Римские цифры набираются с помощью латинской клавиатуры.

Буква ё / Ё заменяется буквой е / Е за исключением важных для смыслового различия контекстов и имен собственных, например: Генрих Бёлль.

При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.

Не допускаются пробелы между абзацами.

Выделения в тексте должны осуществляться по следующим правилам:

Жирный шрифт – для заголовков, подзаголовков.

Разрядка – для смысловых выделений.

Светлый курсив – для коротких примеров.

Образец:

Значение оборота «по сравнению с чем-нибудь» в составе устойчивой конструкции *против / противу прежнего*: «Я думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро...» [Пушкин, т. 8, с. 7–47].

Мелкий шрифт с отбивкой от основного текста (полуторный интервал, кегль 12) – для фрагментов текста.

Образец:

Так, у А. И. Куприна читаем:

«В середине августа, перед рождением молодого месяца, вдруг наступили отвратительные погоды, какие так свойственны северному побережью Черного моря. То по целым суткам тяжело лежал над землею и морем густой туман, и тогда огромная сирена на маяке ревела днем и ночью, точно бешеный бык. То с утра до утра шел не переставая мелкий, как водяная пыль, дождик, превращавший глинистые дороги и тропинки в сплошную густую грязь, в которой увязали надолго возы и экипажи» [Куприн, с. 3].

Порядок оформления статьи

В начале статьи указывается УДК (в левом верхнем углу).

Название статьи – по центру, без отступа, прописными буквами.

Автор (ы): имя, фамилия.

Далее необходимо продублировать название статьи, имя и фамилию автора (или авторов) на английском языке.

Аннотация на английском языке (интервал 1,5; кегль 12).

Ключевые слова на английском языке. Слово *keywords* курсивом.

Аналогично – аннотация и ключевые слова на русском языке.

Текст статьи.

Список литературы.

References.

Данные об авторе: на русском языке и английском языках.

Примечания и библиографические ссылки

Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания даются по правилам оформления ссылок.

Ссылки – затекстовые, оформляются в соответствии с национальным стандартом РФ ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка» (от 01.01.2009).

Внимание! Обязательны указания на количество страниц в издании и на страницы цитируемых статей.

Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.

Отсылки в тексте – в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1–3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании. Например: [Пушкин, т. 2, с. 287]. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора.

Отсылки на архивы и рукописные собрания оформляются по общим правилам, указываются в квадратных скобках внутри текста статьи и вносятся в список литературы.

Для ссылок на электронные ресурсы используют аббревиатуру URL (Uniform resource Locator – унифицированный указатель ресурса) и дату обращения.

Например: URL: <http://www.ruslit.ru> (дата обращения: 12.01.2016).

Список литературы оформляется на языке оригинала издания с обязательным указанием места издания, издательства, года, количества страниц.

К статье прикладывается расшифровка использованных сокращений.

Примеры оформления списка литературы:

Список литературы

Гринвалд Д. Кассандра // Сюжеты. 1990. № 10. С. 3–103.

Зайцев В. В. Теория и практика развития личностной свободы учащихся в системе начального образования: автореф. дис. ... докт. пед. наук: Волгоград, 1999. 48 с.

Ильинская С. Б. Константинос Кавафис. На пути к реализму в поэзии XX века. М.: Наука, 1984. 320 с.

Исаева Е. Две жены Париса // Isaeva.ru: Поэтесса и драматург Елена Исаева, 2015. URL: <http://www.isaeva.ru/plays/wife.html> (дата обращения: 24.02.2015).

Rabassa G. One hundred years of solitude. New York: Harper Perennial Modern Classics, 2006. 417 p.

References

Grinvald, D. (1990). *Kassandra* [Cassandra]. Siuzhety, No. 10, pp. 3–103. (In Russian)

Ilinskaya, S. B. (1984). *Konstantinos Kavafis. Na puti k realizmu v poesii XX veka* [Constantinos Cavafy. On the Way to Realism in the Poetry of the Twentieth Century]. 320 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Isaeva, E. (2015). *Dve zheny Parisa* [Two Wives of Paris]. Isaeva.ru: Poe'tessa i dramaturg Elena Isaeva. URL: <http://www.isaeva.ru/plays/wife.html> (accessed: 24.02.2015). (In Russian)

Rabassa, G. (2006). *One Hundred Years of Solitude*. 417 p. New York, Harper Perennial Modern Classics. (In English)

Zaitsev, V. V. (1999). *Teoriia i praktika razvitiia lichnostnoi svobody uchashchikhsia v sisteme nachal'nogo obrazovaniia*: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk [Theory and Practice of the Learner Personal Freedom Development in Primary Education: Doctoral Thesis Abstract]. Volgograd, 48 p. (In Russian)

Транслитерация текста (пошаговая инструкция)

1. На главной странице сайта <http://translit.net> в строке «Включен» выбираем «русский транслит», вариант LC (при этом следует делать исключение для имен собственных и названий периодических изданий, которые необходимо транслитерировать в соответствии со сложившейся традицией).

Например:

Вопросы языкознания = Voprosy jazykoznanii, а не Voprosy iazykoznanii.

2. Копируем из списка литературы данные об источнике (например: *Ильинская С. Б. Константинос Кавафис. На пути к реализму в поэзии XX века. М.: Наука, 1984. 320 с.*), вставляем в поле и нажимаем кнопку «в транслит». Получаем: *Il'inskaya S. B. Konstantinos Kavafis. Na puti k realizmu v poe'zii XX veka. M.: Nauka, 1984. 320 s.*

3. После фамилии автора ставим запятую, затем инициалы.

4. В скобках год издания.

5. После названия книги (дается курсивом) в квадратных скобках даем перевод на английский язык.

6. Количество страниц (на английском).

7. Город (указывается полностью, например: Moscow, Leningrad, Kazan, St. Petersburg).

8. Издательство (без кавычек).

9. В скобках указываем язык оригинала:

На русском – (In Russian)

На татарском – (In Tatar)

На английском – (In English)

На немецком – (In German)

На французском – (In French)

На испанском – (In Spanish)

На китайском – (In Chinese)

На турецком – (In Turkish)

На казахском – (In Kazakh)

На польском – (In Polish)

На чешском – (In Czech)

На башкирском – (In Bashkir)

На чувашском – (In Chuvash)

На хакасском – (In Khakas)

На туркменском – (In Turkmen)

На киргизском – (In Kyrgyz)

На корейском – (In Korean)

На узбекском – (In Uzbek)

На азербайджанском – (In Azerbaijani)

На якутском – (In Yakut)

10. Итак, получаем следующий вариант:

Il'inskaya, S. B. (1984). Konstantinos Kavafis. Na puti k realizmu v poesii XX veka [Constantinos Cavafy. On the Way to Realism in the Poetry of the Twentieth Century]. 320 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

11. Если указывается электронное издание, то дату обращения также надо перевести на английский язык (например, accessed: 24.02.2015).

С требованиями к рукописям, обзорами номеров журнала можно ознакомиться на сайте: <http://philology-and-culture.kpfu.ru>

Подписано в печать 25.03.2021.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Формат 60х84 1/8. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 28,8.
Тираж 1000 экз. Заказ 153/4.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37
тел. (843) 233-73-59, 233-73-28

Свободная цена

